

НАННЕ

ЭДИП И ЭКНАТОН

ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ

Э

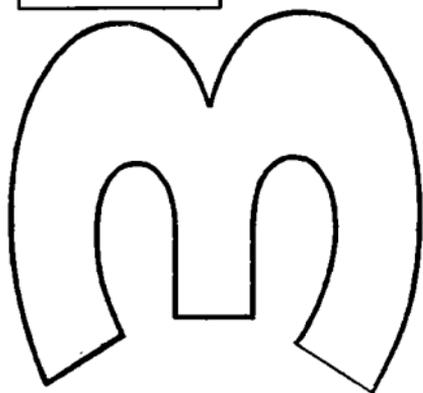

ФЕНИКС

НАНМЕ

**ЭДИП
И ЭЖНАТОН**

ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ

Ф Е Н И К С
РОСТОВ-НА-ДОНУ
1996

ББК 65.5
В 27

Обложка С. Царев
Оформление Н. Любанова
Перевод Н. В. Забабуровой

В 27 **Великовский Иммануил**
Эдип и Эхнатон/ Пер. с англ. — Ростов н/Д:
Феникс, 1996. 608 с.

Книги выдающегося американского историка и культуролога Иммануила Великовского «Века в хаосе» и «Эдип и Эхнатон» составляют часть обширной серии его исследований, посвященных реконструкции древней истории. Они написаны как своего рода исторический «детектив», в жанре «расследования» исторических загадок, которые строятся на скрупулезном изучении и сопоставлении древнейших исторических документов и свидетельств. Поэтому И. Великовскому удается выдвинуть и обосновать поистине ошеломляющие исторические гипотезы. Кем же на самом деле была библейская царица Савская? Не явилась ли легенда об Эдипе отражением семейной драмы фараона Эхнатона? Ответы И. Великовского на эти и многие другие вопросы могут озадачить осторожного историка, но непременно увлекут читателя, который обретет в его книге по-настоящему захватывающее познавательное чтение, разворачивающее величественную картину древнего мира в лицах, деяниях и событиях.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-85880-300-8

ББК 65.6

В 4704010000 — без объявл.
4МО(03)-96

© И. Великовский, 1996
© Перевод Н. В. Забабуровой
© Оформление, изд-во
«Феникс», 1996
© Художник С. Царев

ВЕКА В ХАОСЕ

От Исхода до фараона Эхнатона

Том I

ПРЕДИСЛОВИЕ

«**В**ека в хаосе» были задуманы весной 1940 года. Именно тогда я осознал, что Исход происходил посреди некоей природной катастрофы и что эта катастрофа может доказать наличие определенной связующей нити между израильской и египетской историей, если будут обнаружены египетские тексты, содержащие указания на подобное же событие. Я обнаружил такие указания и уже давно разработал план реконструкции древней истории от Исхода до завоевания Востока Александром Великим. Уже к октябрю этого года я пришел к пониманию природы и масштаба той катастрофы. В течение десяти лет после этого я работал одновременно над «Веками в хаосе» и «Мирами в столкновении», причем данная работа потребовала львиной доли трудов.

«Века в хаосе» в целом охватывают период, о котором идет речь и в «Мирах в столкновении» — восемьсот лет от Исхода израильтян из Египта до покорения Палестины Сеннахеримом в 687 году до нашей эры и еще три с половиной столетия до Александра Македонского — в целом двенадцать веков истории Древнего Востока. Но если первая работа концентрировалась на описании физической истории данного периода, то настоящая книга рассматривает его политические и культурные аспекты. Факт широкомасштабной природной катастрофы служит здесь лишь отправным пунктом для создания уточненной хронологии рассматриваемых эпох и государств.

Я исследовал одно за другим предания различных регионов, шел от поколения к поколению, черпая отовсюду намеки и ключи к разгадке, факты и доказательства. Поскольку я вынужден был добывать их и сопоставлять, эта книга написана на манер детективной истории. Хорошо известно, что в детективных историях неожиданные ассоциации часто основываются на мелких деталях: отпечатке пальца на металлической стойке, волоске на подоконнике, обгоревшей спичке в кустах. Некоторые детали археологического, хронологического или палеографического характера могут казаться ничтожными, но они являются своего рода отпечатками пальцев в расследовании, в которое непосредственно вовлечена история многих наций во множестве поколений. Подобные детали включены не для того, чтобы затруднить чтение: они необходимы, чтобы обосновать основные положения данной работы. Поэтому любая попытка прочесть эту книгу бегло будет заведомо бесплодным предприятием.

Правильная стратегия требует, чтобы плацдарм, раз уж он вы-

строен, был укреплен. Разумно ли вместо этого открывать второй фронт против нового противника?

После публикации «Миров в столкновении», книги, описывающей два акта небесной и земной драмы, воссозданной по следам коллективной памяти человеческого рода, мудрым и оправданным действием должно было стать укрепление моей позиции следующей книгой о геологических и палеонтологических свидетельствах тех же драматических событий в жизни Земли. А поскольку такой материал из залежей камней и костей вовсе не редок, а представлен в обилии, такая задача, на первый взгляд, не была бы трудной. Поэтому для меня большим соблазном было продолжить то, чем закончились «Миры в столкновении», чтобы вновь и вновь, с новых позиций, доказывать, что катастрофы действительно происходили и нарушили ход постепенной эволюции как в неживой, так и в живой природе. И действительно, после выхода «Миров в столкновении» я посвятил себя обработке данных геологии и доисторического периода, чтобы дополнить литературные и исторические свидетельства о космических катастрофах и, работая над «Землей в перевороте», почти не замечал бури, поднятой моей первой книгой. Но я обнаружил, что аргументы, представленные в той работе, не были внимательно выслушаны или даже попросту прочтены именно теми, кто протестовал громче всех. Не полезно ли будет срочно представить еще одно свидетельство? Посоветовавшись с самим собой по поводу стратегии, я решил больше не медлить с «Веками в хаосе» — моим *opus magnum*.

Я назвал «Века в хаосе» вторым фронтом, потому что, нарушив благодушный покой в умах влиятельной группы астрономов и других составителей учебников, я вызываю здесь на главный бой историков. Два тома данной работы столь же возмутят историков, как «Миры в столкновении» возмутили астрономов. Вполне понятно, что историки испытают даже еще большие психологические затруднения, пересматривая свои воззрения и принимая последовательность древней истории, установленную в «Веках в хаосе», чем астрономы, постигающие историю космических катастроф в исторические времена. Один выдающийся ученый, который наблюдал за этой работой с момента ее первоначального плана в 1942 году, выразил ту же идею. Он сказал, что не имеет ни одного весомого аргумента против представленной здесь реконструкции истории, но что психологически почти невозможно изменить воззрения, приобретенные за целые десятилетия чтения, написания научных трудов и преподавания.

Попытка радикально реконструировать историю древнего мира, двенадцати столетий в жизни многих народов и государств, сама по себе беспрецедентная, столкнется с суровой цензурой тех, кто в процессе своей педагогической и научной деятельности уже глубоко проникся старой концепцией истории. И многие из тех, кто опираются

на признанные авторитеты, выразят свое недоверие по поводу того, что истина так долго оставалась скрытой, и из этого сделают вывод, что все это не может быть истиной.

Стоит ли мне обращать внимания на проклятья, с которыми группа ученых-естествоиспытателей обрушилась на книгу «Миры в столкновении» и на ее автора? Не в силах доказать ложность этой книги или какой-нибудь из ее частей или сомнительность цитируемых документов, члены этой группы довольствуются вспышками неакадемической ярости. Они приостановили выход книги у первого издателя, грозя ему бойкотом всех публикаций его издательства, несмотря на то, что, когда она уже фактически печаталась, издатель согласился подвергнуть ее экспертизе трех известных ученых, и она прошла через эту цензуру. Когда новый издатель взялся за эту книгу, группа пыталась задержать ее выход и здесь, тоже действуя с помощью угроз. Они настояли на отставке одного ученого и редактора, которые открыто заняли объективную позицию, и таким образом вынудили многих сотрудников академических факультетов скрывать факт чтения «Миров в столкновении» и переписки с их автором. Стражи догмы и ранее и теперь стремятся уничтожить новое учение с помощью экзорсизма, а не с помощью аргументов, унижая ученую гильдию в глазах широкой публики, которая не считает, что цензура и запрет необходимы для защиты истины. А вот закон, с помощью которого можно выяснить, сомнительна или нет та или иная книга: никогда в истории науки сомнительная книга не вызвала бурю негодования среди членов научных сообществ. Но буря поднималась всякий раз, когда перелистывался очередной лист в книге знания. «Мы чаще злимся и возмущаемся, противодействуя какой-то идее, когда сами не слишком уверены в собственной позиции и внутренние готовы принять противоположную сторону»¹.

Научный подход требует, во-первых, чтения, во-вторых, обдумывания и исследования, а только в конце выражения мнения. В случае с «Мирами в столкновении» этот порядок постоянно переворачивался. Научное опровержение требует признания несостоятельными представленных фактов. Ничего подобного не было сделано в отношении «Миров в столкновении». На немногие высказанные аргументы — все, что могло быть собрано из многочисленных рецензий, — я ответил пункт за пунктом в дискуссии с профессором Дж. К. Стюартом, астрономом Принстонского университета, опубликованной в 1951 году в июньском выпуске журнала «Харпер», через четырнадцать месяцев после выхода книги. Ни одно возражение не осталось без ответа, и ничего нового с тех пор не появилось, хотя эмоциональные вспышки не утихали. В конце концов была применена новая стратегия: идеи, развернутые в «Мирах в столкновении», были растянуты по кускам

¹ Thomas Mann, *Buddenbrooks*.

теми, кто сначала им противился, хотя это было сделано не честно и открыто, а якобы с целью показать, как не прав автор этой еретической книги. До настоящего времени ни одна глава «Мир в столкновении» не нуждается в переработке и ни одно положение книги не опровергнуто.

Велики те изменения в политической истории Древнего Востока, которые представлены в «Веках в хаосе». Я заявляю свое право быть неточным в деталях и с готовностью принимаю конструктивную критику. Однако прежде чем заявить, что вся структура должна быть разрушена, потому что могут быть представлены возражения против того или иного положения, критику следует тщательно взвесить свое возражение по отношению ко всей схеме, составляющей целостность фактов. Историк, который позволяет себе сосредоточить все свое внимание на аргументе, направленном против частной детали при отсутствии общего взгляда на работу как на целое и на основные доказательства, на которых она покоится, продемонстрирует всего лишь узость своего подхода к истории. Он будет похож на того «добросовестного ученого», профессора Твиста из стихотворения Огдена Нэша, который отправился в экспедицию в джунгли, взяв с собой невесту. Когда в один из дней проводник принес ему известие, что ее съел аллигатор, профессор не смог удержаться от улыбки. «Вы хотите сказать, — заметил он, — крокодил?».

Я считаю, что факты, собранные в книге «Века в хаосе», подтверждают предложенную реконструкцию. Раньше или позже (это может произойти в любое время) какие-нибудь новые археологические открытия подтвердят главные положения этой книги, и тогда она станет очевидной даже ленивцу, принимающему как аргумент лишь исполнившееся пророчество.

Недавнее открытие двуязычных текстов — древнееврейского и хеттской пиктографии — и таким образом ключа к нерасшифрованным пиктографическим текстам Малой Азии и Сирии обещает открытия безмерного значения.

И по этой причине мне не следовало больше откладывать нынешнюю публикацию. Разве не происходит так, что сначала новая идея не воспринимается как верная, а после, когда она уже принята, не кажется новой?

Публикация второго и заключительного тома «Веков в хаосе» должна произойти через несколько месяцев. Там читатель первого тома найдет окончательную трактовку драмы, в ходе которой столетия сместились на шкале времени.

Иммануил Великовский
февраль 1952

ПОСВЯЩЕНИЕ

Эта работа посвящена моему покойному отцу. Я хочу в нескольких словах объяснить, кем был Симон Ишиль Великовский.

С того дня, когда в возрасте тринадцати лет он покинул родительский дом и пешком отправился в один из старинных центров талмудистской науки в России, и до того дня, когда в декабре 1937 года в возрасте восьмидесяти лет он закончил свои дни на земле Израиля, он посвящал свою жизнь, свое состояние, свой душевный покой, все, чем обладал, реализации того, что сначала явилось как идея — возрождению еврейского народа и его древней земли. Он способствовал сохранению языка Библии и развитию современного еврейского языка публикацией (под редакцией доктора Дж. Клаузнера) коллективных трудов по еврейской филологии и сохранению еврейской научной мысли посредством публикации с момента их основания «Университетских записок», в которых сотрудничали ученые многих стран, заложившие таким образом фундамент для Еврейского Университета в Иерусалиме. Он первый выкупил землю в Негебе, дом патриархов, и организовал здесь совместное поселение, которое он назвал Ругама: сегодня это самое крупное сельскохозяйственное предприятие в северном Негебе. Я не знаю, кого мне благодарить за интеллектуальную подготовку этой реконструкции древней истории, как не моего покойного отца Симона.

БЛАГОДАРНОСТИ

Составляя эту реконструкцию, я воздавал долг археологам, которые больше ста лет проводили раскопки во многих районах Древнего Востока, поколениям филологов, которые прочли древние тексты, и тем ученым, которые облегчили научный поиск сбором и классификацией материала.

Я благодарен доктору Вальтеру Федерну из института Азии в Нью-Йорке, который всегда проявлял готовность помочь мне своими несравненными познаниями в египтологии. Я испытываю к нему особую признательность, потому что он никогда не опровергал моих идей. Ему понадобилось более шести лет, чтобы осознать, что общепринятая история выстроена вовсе не на незыблемых основаниях. Его аргументы стали для меня мощным стимулом для сбора все новых и новых доказательств, для все большей и большей связи исторического материала, пока книга не приобрела свой нынешний вид. Его критика всегда была конструктивной.

Я также обязан доктору Роберту Х. Пфейферу, выдающемуся

знатоку Библии. Руководитель гарвардских раскопок в Нузи, куратор музея семитской культуры в Гарвардском университете, профессор дрезней истории в Бостонском университете, издатель «Журнала библейской литературы» (1943—1947) и автор выдающейся и основополагающей работы о Ветхом завете, он, как никто другой, способен вынести приговор. Летом 1942 года, когда рукопись была еще в первом черновом варианте, он прочел «Века в хаосе» и предложил мне попробовать обосновать мои положения археологическим материалом. Я последовал его совету, и второй том этой книги содержит главы «Керамика и хронология» и «Металлургия и хронология» в добавление к множеству отдельных разделов, рассматривающих проблемы древнего искусства, палеографии и стратиграфической археологии. Позже он также прочитал наброски и выразил большой интерес к моей будущей работе. Не разделяя моей концепции и не отвергая ее, он сохранил непредвзятый взгляд, считая, что только объективная и свободная дискуссия может прояснить проблему.

Ни он, ни доктор Федерн, ни кто-нибудь еще не несут никакой ответственности за какие-либо идеи этой книги.

Профессор Дж. Карстэнг, проводивший раскопки в Иерихоне, прочитал первую главу в черновике. Это он пришел к мнению, что египетские данные о бедствиях, представленные в этой книге, и библейские тексты, повествующие о «казнях», настолько сходны, что должны иметь общий источник.

Доктор И. Дж. Гелб и покойный доктор С. И. Фейджен, оба из Восточного института Чикагского университета, любезно ответили на обращенные к ним вопросы, не будучи в курсе основных положений данной работы. Доктор С. Х. Гордон из колледжа Дропси также проявил достаточную любезность и ответил на множество вопросов, затрагивающих его область. Я выражаю им мою признательность.

Доктор Хорас М. Келлен, профессор и в течение некоторого времени заведующий аспирантурой Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, гуманист и гуманитарий, оказывал мне неизменную моральную поддержку на протяжении всех этих лет, потому что знал людей, против которых мне предстояло выступить, и противодействие, с которым мне придется столкнуться.

Мне выпало счастье получить помощь мисс Мэрион Кун, которая чрезвычайно тщательно и не один раз прошла по рукописи и внесла многочисленные стилистические правки. Миссис Кэтрин Теббел, сотрудница «Даблдей», оказалась в высшей степени внимательным редактором, хорошо разбирающимся в Священном Писании.

Я не премину заметить, что пользовался полным пониманием со стороны мистера Вальтера Бредбери, главного редактора издательства «Даблдей и компания», который дал мне почувствовать, что все возможности этого солидного издательского дома в моем распоряжении.

ВСТУПЛЕНИЕ

Это не описательная история в обычном смысле слова. Это цепь глав, каждая из которых подобна судебному разбирательству, где вызванные для показаний свидетели должны опровергнуть подлинность старой и подтвердить верность новой концепции древней истории. Прежняя история человечества, до сих пор никем не оспоренная, объявляется здесь ошибочной, взамен представляется ее реконструкция. Исследуемый период охватывает более тысячи лет, заканчиваясь появлением Александра Македонского.

Когда историческая перспектива искажена, происходит много удивительных вещей. Чтобы понять пределы смещений в истории древнего мира, нужно представить себе хаос, который воцарился бы, если бы были написаны исторические обзоры Европы и Америки, в которых история Британских островов отстала бы лет на шестьсот. Таким образом, в Европе и Америке был бы 1941 год, а в Британии — 1341.

Поскольку Колумб открыл Америку в 1492 году, Черчилль 1341 года не мог бы посетить эту страну, но должен был бы посетить какую-то другую (ученые должны были бы спорить о местонахождении этой страны) и встретиться с ее правителем. Другой правитель, вовсе не Франклин Делано Рузвельт из Вашингтона, должен был бы войти в историю как лицо, подписавшее договор с Черчиллем из Британии 1341 года.

Но поскольку американские документы сообщали бы о Черчилле, который пересек океан в начале сороковых годов двадцатого столетия, в британской истории должен был бы появиться Черчилль II, живший спустя шестьсот лет после первого. Кромвель тоже должен был бы удвоиться в результате такого процесса. Ему полагалось бы жить на триста лет раньше Черчилля I, а также спустя триста лет после него, т. е. за триста лет до Черчилля II.

Первая мировая война должна была бы произойти дважды, так же, как и вторая. Первая мировая война в своем втором варианте последовала бы за второй мировой

войной в ее первом варианте через пять с тремя четвертями веков.

Кроме того, развитие конституции, культурной жизни, прогресс техники и ремесел предстали бы в хаотическом смещении.

Ньютон в Англии стал бы ранним предшественником Коперника вместо того, чтобы быть его последователем. Жанна д'Арк возродила бы традиции суфражисток поствикторианской эпохи. Она была бы сожжена дважды с интервалом в шестьсот лет. Более того, в результате нарастающего смещения она бы вернулась на костер еще через несколько веков после нынешнего времени, чтобы пережить свою смерть снова.

В приведенном примере должна была бы удваиваться и смещаться не только история Британских островов, но и история всего мира. Разумеется, возникали бы трудности, но их смели бы, как помехи. Были бы предложены путаные теории, и если бы их приняли, они превратились бы в новые мощные препятствия правильному восприятию прошедшей истории.

Древняя история сместилась именно таким образом. Из-за нарушения синхронности многие фигуры на исторической сцене есть лишь «призраки», «половинки» или «двойники». События тоже часто удваивались; многие битвы — всего лишь отражения, многие речи — эхо, многие договоры — копии, даже некоторые империи — всего лишь фантомы.

Первоначальная ошибка может быть обнаружена в египетской истории: из-за ретардации история Египта была исключена из реальных связей с историей других народов. События, в которые были вовлечены народ Египта и народы Ассирии, Вавилона или Мидии, вошли в историю этих народов из египетских хроник. Те же самые события были потом описаны второй раз в истории Египта, а хроники этих народов, участвовавших в событиях, стали источниками.

Таким образом, история Ассирии, Вавилона и Мидии прерывалась и искажалась, история «Хеттского царства» полностью вымышлена, греческая история микенского периода перемещена, история, предшествующая эпохе Александра, разорвана, и спартанские и афинские воины, даже

с очень известными именами, еще раз появляются на исторической сцене как архаические пришельцы из тьмы веков.

Процесс сведения историй народов древнего мира к точной синхронности повлечет за собой некоторые неожиданности. Мы в новом свете увидим некоторые исторические документы, которые интерпретировались неправильно, когда представляли в неверной исторической перспективе.

Мы прочтем историю «казней» дней Исхода, написанную египетским очевидцем и запечатленную на папирусе. Мы сможем установить, кем были таинственные гиксосы, а также определить местонахождение могущественного Авариса, вероятно, самой большой крепости древних времен. Мы прочтем сообщение царицы Савской о ее поездке в Иерусалим во времена Соломона и увидим иллюстрации, запечатлевшие это путешествие и изображающие жителей, животных и растения Палестины того времени. У нас перед глазами будут своего рода фотографии посуды, мебели и утвари Храма Соломона, выбитые на каменных барельефах каким-то художником тех времен. Затем мы обратимся к текстам писем, написанных еврейскими царями Иосафатом из Иерусалима и Ахавом, грешником из Изрееля, а также их военачальниками, подписанных теми самыми именами, которые нам известны из Священного Писания.

Еще более поразительны результаты пересмотра египетской, ассирийской и вавилонской истории, а также концепции прошлого Греции. Уточнение хронологии, не нарушая последовательности еврейской истории, значительно обогащает ее летописи. История Египта и следующая за ней история Вавилона, Ассирии, Мидии, Финикии, Крита и Греции меняют свою продолжительность. Архитектоника мирового прошлого, если заново ее выстроить, обнаруживает абсолютно соразмерную в пространстве и времени структуру. Обнаруживается, что цари были превращены в собственных прапраправнуков. Были описаны воображаемые царства, а открывшиеся музейные залы приглашают насладиться искусством государств, которых никогда не существовало: произведения искусства — это продукты других столетий, даже другого тысячелетия. Так произошло с

Хеттским царством и его культурой. Так же обстоит дело с хурритами и их языком.

Благодаря большим усилиям ученых, достигнуты некоторые результаты, хотя их истинный смысл был неясен. Был расшифрован халдейский язык, но дешифраторы не знали, что они читают халдеев. Было написано пособие по карийскому языку, но ловкие филологи не знали, что такое Кария.

В коротком вступлении невозможно обозначить все, что предстает в новом свете, будучи правильно размещено во времени. Когда уровень мировой истории достигает должной высоты, факты, касающиеся народов и стран, их искусства и религии, войн и науки, сыплются как из рога изобилия. Разумеется, не один факт и не одно сопоставление, должно быть, упущены в этой книге, но это недостаток, от которого редко свободна новаторская работа.

ГЛАВА I
В ПОИСКАХ СВЯЗИ МЕЖДУ
ЕГИПЕТСКОЙ И ИЗРАИЛЬСКОЙ
ИСТОРИЕЙ

Две земли и их прошлое

Палестина, одна из самых западных территорий Азии, и Египет, в северо-восточном углу Африки, — страны соседствующие. История Египта уходит в седую древность. Еврейский народ имеет историю, которая требует описания самого начала пути этой нации через столетия. На заре своей истории израильтяне, кочевое племя, пришли из Ханаана в Египет. Там они превратились в народ, и там они к тому же несли ярмо рабства. Их памятный исход из Египта — наиболее важное воспоминание из их прошлого, и в их преданиях эта история пересказывается бесчисленное количество раз.

Египетские хроники, как нам говорили, не включают никаких сведений о пребывании израильтян или об их исходе. Неизвестно, когда произошел этот исход и происходил ли он вообще. Некоторые ученые высказали мнение, что приход израильтян, их рабство и их уход являются мотивами мифологическими; отсутствие прямых указаний на эти события в египетских памятниках и папирусах, кажется, подтверждает это мнение. Однако было доказано, что ни один народ не сочиняет легенд о рабстве, которые не призваны укреплять достоинство нации, и, следовательно, подчеркивалось, что должна существовать историческая основа для подобной легенды.

Историки не едины в определении даты Исхода, и были предложены многочисленные гипотезы. Но уже более двухсот лет ученые согласны в том, что Исход происходил в период, называемый, в соответствии с современной терминологией, «Новым царством» Египта.

Египетское прошлое делится на следующие периоды:

1. Додинастический период, охватывающий главным образом эпоху неолита, или поздний каменный век.

2. Древнее царство, когда была выстроена большая часть пирамид: наиболее известны четвертая династия

Хеопса и шестая династия Пепи.

3. Первое междоусобие, когда страна погрузилась в хаос: верховная власть в это смутное время была упразднена. О династиях с седьмой по десятую почти ничего не известно.

4. Среднее царство, охватывающее одиннадцатую, двенадцатую и тринадцатую династии: феодальный Египет был объединен при двенадцатой династии, и египетская литература достигла такой высоты, на которую больше никогда не поднялась.

5. Еще один период хаоса, вызванный вторжением завоевателей, которые в Египте известны как аму и которых греческие авторы называли гиксосами¹. Гиксосы были фараонами в период с четырнадцатой по семнадцатую династию и правили Египтом без всякого милосердия². Неизвестно, какой народ они представляли.

6. Новое царство. Гиксосы были свергнуты во время Аамеса (Амазиса I), который основал восемнадцатую династию, самую знаменитую, династию Тутмоса I: знаменитая царица Хатшепсут, Тутмос III, величайший из всех египетских завоевателей, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, строитель великолепных храмов в Луксоре и Карнаке, и Аменхотеп IV, который называл себя Эхнатомом, величайший еретик. За ними последовали эпигоны, среди которых наиболее известен молодой фараон Тутанхамон, но не великолепием своего царствования, о котором мало известно, а пышностью своего погребения, открытого недавно, в двадцатые годы нашего столетия, и

¹ Имя «гиксос», означающее «правитель чужих земель», обнаружено в египетском тексте Туринского папируса и на некоторых фигурах скарабеев.

² Семнадцатая династия обычно рассматривалась как местная династия наследных принцев, которые сначала были покорены, а потом восстали против фараонов шестнадцатой династии гиксосов. Но в списке Манефона, представленном Юлием Африканским и Евсевием, семнадцатая династия является последней династией гиксосов.

таинственностью, которой было окутано место его захоронения.

Восемнадцатая династия пришла в упадок при обстоятельствах недостаточно известных, и история сообщает, что за ней последовала девятнадцатая династия, династия Сети Великого, Рамзеса II (Великого) и Минепты.

Период перехода от девятнадцатой к двадцатой династии известен плохо.

Среди фараонов двадцатой династии самым выдающимся был Рамзес III, это последний великий фараон Древнего Египта.

7. Фараоны с двадцать первой по тридцатую династию был ничтожными царьками, не оставившими после себя значимых событий, и их время называют «поздним периодом». Некоторые из этих фараонов, как нам известно, вели войны против Палестины и Вавилона. Однако свидетельства об этом сохранились не египетские, хотя большей частью письменные. Некоторые из этих династий были ливийскими или эфиопскими, более поздние находились под персидским игом (с 525 года до нашей эры); еще более поздние восстали против персов. Последний местный фараон был свергнут персами в 342 г. до нашей эры. В 332 году до нашей эры Египет был завоеван Александром Великим.

8. Династия Птолемеев, потомков Птолемея, одного из военачальников Александра, утасла со смертью Клеопатры в 40 году до нашей эры.

Данная работа охватывает период от конца Среднего царства до покорения Египта Александром (в соответствии с вышеуказанными обозначениями 5, 6 и 7), т. е. более тысячи лет в истории Древнего Востока.

Здесь уместно заметить, что разделение на «царства» является современным¹; разделение на династии идет

¹ Разделение на царства является современным, но сами египтяне имели сходные представления о своем прошлом. Сравн: Н. Ranke in *Chronique d'Egypte*, VI (1931), 277—86.

от Манефона, египетского жреца третьего века до нашей эры, который писал по-гречески; разделение фараонов на «первого», «второго», «третьего» — это классификация современных ученых.

Установлено, что начало Нового царства приходится примерно на 1580 год до нашей эры (изгнание гиксосов во времена Камеса и Аамеса); Эхнатон, должно быть, царствовал с 1375 по 1358 год до нашей эры, Рамзес II из девятнадцатой династии — с 1300 до 1234 года, а Минепта — с последнего указанного года. Рамзес III из двенадцатой династии начал царствовать в 1200 году до нашей эры, или на несколько лет раньше. Эти даты рассматриваются в качестве важнейших для определения времени Исхода.

История Израиля со времен Исхода складывается из времени блуждания в пустыне, равного, согласно преданию, сорока годам, из эпохи Иисуса Навина и Судей, а также первого царя Саула, насчитывающей четыреста лет, и из эпохи царей из дома Давида. Давид основал свое царство в 1000 году до нашей эры. В течение примерно ста лет, на протяжении царствования Саула, Давида и Соломона, царство было неделимым. В эпоху наследников Соломона оно было разбито на две части: Израиль на севере и Иудея на юге. Около 722 года до нашей эры десять колен Израиля после захвата их столицы, Самарии, Саргоном II из Ассирии ушли в изгнание, из которого не вернулись. В 587 или 586 году до нашей эры Иудея после разрушения ее столицы Иерусалима Навуходоносором отправилась в вавилонское изгнание, откуда вернулись только небольшие группы представителей этого народа после того, как Вавилон был захвачен (в 538 году до нашей эры) персидским царем Киrom. Другие группы вернулись в Палестину в течение следующего столетия. Александр Великий завоевал Палестину на своем пути в Египет в 333 году до нашей эры.

Хотя Египет и Палестина близко соседствующие страны, «очевидным фактом является то, что здесь, в Египте,

осталось до странности мало свидетельств, которые бы прямо опирались на библейское повествование»¹. Писание говорит о пребывании израильтян в Египте и об их Исходе, но никаких документов, относящихся к этим событиям, не обнаружено. Не существует письменных упоминаний о Египте в эпоху Судей. Однако в эпоху Царств Палестина постоянно вступала в контакт с Египтом, большей частью потому, что ее все время осаждали армии фараонов в военных кампаниях, о которых фараоны с десятого по шестой век обычно забывали упоминать.

Странно, что нет какой-либо реальной связи между историями Египта и Палестины на протяжении многих сотен лет. Ведь Исход израильтян из Египта был событием, которое должно было принадлежать и той и другой истории и таким образом создать связующую нить. Поэтому мы попытаемся определить, в течение какого периода египетской истории произошел Исход.

Произошло ли это только за один-два века до Давида или за три, четыре, пять столетий до него, в зависимости от продолжительности периода блуждания в пустыне и эпохи Судей — другими словами, покинули ли израильтяне Египет в шестнадцатом, пятнадцатом, четырнадцатом, тринадцатом или двенадцатом веках — в любом случае это событие происходило в эпоху Нового царства. Никогда не было ни малейшего сомнения на этот счет: ученые расходились во мнениях только насчет того, кто именно был фараоном Нового царства, к периоду правления которого следует отнести Исход. Хотя, как было указано выше, в египетских исторических документах не обнаружено определенных фактов, прямо указывающих на Исход, возникли некоторые детали, которые требуют обсуждения.

¹ Т. Е. Peet, *Egypt and the Old Testament* (Liverpool, 1922), p. 7.

Что собой представляет историческое время Исхода?

С тарейшая теория относит Исход к самой ранней дате: израильтяне были отождествлены с гиксами, а сам Исход — с изгнанием гиксосов. Манефон, уже упоминавшийся жрец, писал, что гиксосы, будучи изгнанными из Египта, пришли в Сирию и построили там Иерусалим¹. Иосиф Флавий, еврейский историк первого столетия, спорил с Апионом, грамматиком, и выступал против Манефона, своего предшественника, но принимал и поддерживал мнение о том, что израильтяне были гиксосами. Юлий Африканский, один из отцов церкви, писал, основываясь на Апионе, о том, что в эпоху Аамеса евреи восстали под предводительством Моисея². Евсевий, еще один

¹ Манефон, хотя и превративший гиксосов, изгнанных из Египта, в строителей Иерусалима, рассказал и другую историю, которую он отнес к более позднему времени, в которой поведал, что прокаженные, создавшие сегрегацию в Аварисе на восточном побережье Египта, захватили власть в Египте с помощью солемитов (народа Иерусалима) и отличались крайней жестокостью и что их предводитель Осарзиф принял имя Моисея и повел их в Палестину, откуда они были изгнаны. Иосиф не разграничил эти две истории Манефона.

² Julius Africanus, «Chronography», in *The Ante-Nicene Fathers*, ed. A. Roberts and J. Donaldson (New York, 1896), VI, 134. Здесь он путал Аамеса I, первого фараона Нового царства, с Аамесом II (у Геродота Амазисом), последним фараоном перед завоеванием Египта Камбизом, персианином.

Но в своем «Каноне», содержащем перечень династий, сделанный Манефоном, он добавил такое пояснение к списку фараонов семнадцатой династии: «Первым из них был Амос (Аамес), в царствование которого Моисей вышел из Египта, как я указывал; но в соответствии с убедительными данными современного летоисчисления отсюда следует, что в период этого царствования Моисей был еще молодым». *Manetho* (trans. W. G. Waddell; Loeb Classical Library, Cambridge, Mass., 1941), p. 111.

из отцов церкви, в свой «Канон» включил примечание к имени Сенхера, одного из последних фараонов восемнадцатой династии (его личность неизвестна): «Примерно в это время Моисей вывел евреев из Египта»¹.

Это расхождение во мнениях сохранялось на протяжении девятнадцати веков, хотя современные ученые, вероятно, не всегда сознавали, что они повторяют старый спор. Пренебрежение ранними христианскими источниками казалось оправданным: разве не Августин сделал Моисея и Прометея современниками?²

Отождествление израильтян с гиксосами много раз принималось³ и так же часто отвергалось. Даже ныне группа историков настаивает, что Исход происходил в самом начале правления восемнадцатой династии и что сама история Исхода — это отзвук изгнания гиксосов⁴. Однако имея в виду рабство израильтян в Египте и обращение Египта в рабство гиксосами, отождествление мучеников-рабов и жестоких тиранов следует признать весьма натянутым. Тогда был предложен еще один вариант, согласно которому израильтяне никогда не жили в Египте. Там жили гиксосы, которые затем ушли, а израильтяне, слыша предания о каком-то неизвестном народе, применили их к истории своего собственного прошлого.

Помимо того, что невозможно отождествить гиксосов с израильтянами, тиранов с угнетенными, существует еще одна трудность, связанная с тем фактом, что в эпоху пре-

¹ Георгий Синселл, византийский историк, который переписывал Евсевия, добавил: «Только Евсевий относит к этому царствованию Исход Израиля под предводительством Моисея, хотя у него нет ни одного аргумента, но все его предшественники, как он свидетельствует, придерживаются противоположной точки зрения».

² Augustine, *The City of God*, Bk. 18, Chap. 8.

³ Cf., for instance, A. T. Olmstead, *History of Palestine and Syria* (New York, 1931), p. 128.

⁴ H. R. Hall. «Israel and the Surrounding Nations», in *The People and the Book*, ed. A. S. Peake (Oxford, 1925), p. 3; Sir E. A. W. Budge, *Egypt* (New York, 1925), p. 110; A. H. Gardiner, in *Etudes Champolion*, 1922, pp. 205ff.; *Journal of Egyptian Archaeology*, X (1924), 88.

емников Аамеса, похоже, не было подходящего момента для завоевания Палестины израильянами, покинувшими Египет. Фараоны, следовавшие за Аамесом, были сильными монархами, и считается установленным фактом, что Палестина находилась под их владычеством.

Тот же самый аргумент использовался для защиты теории, согласно которой Исход произошел в 1580 году до нашей эры, во время изгнания гиксосов.

«Если изгнание гиксосов (1580 г. до н. э.) — слишком ранняя дата для Исхода, то где в истории могущественной восемнадцатой династии можем мы обнаружить подходящий момент для события, подобного легендарному Исходу, причинившего беды и тяготы Египту в царствование Эхнатона?»¹

Во времена сильных фараонов израильяне были неспособны вступить в Палестину; но как бы они смогли сбросить ярмо рабства в эпоху столь же сильных фараонов?

Большая группа ученых считает, что еще один момент может стать ключом для определения времени Исхода. В 1880-х гг. в долине Нила, на месте, которое археологи назвали Тель-эль-Амарна, была обнаружена переписка на глиняных табличках, которая датировалась временем Аменхотепа III и его сына Эхнатона. Часть ее составляют обеспокоенные письма из Иерусалима (Урусалима), предупреждающие фараона о вторжении «хабиру (кабиру)»², приближающихся со стороны Транс-Иордана. Если допустить, что хабиру — это евреи, то Исход должен был происходить на одно-два поколения раньше³. Письменное под-

¹ Hall, in *The People and the Book*, ed. Peake, p. 7.

² Ученые, пишущие по-английски, не имеют единой системы транскрипции гортанных букв семитских языков. В «Кембриджской древней истории» выявились подобные несообразности: в одних случаях придерживаются установленного произношения имен по-английски, в других — предпочитают максимально близкие фонетические эквиваленты.

³ Eduard Meyer, *Geschichte des Altertums*, Vol. 2, Pt. II (2nd ed.; Stuttgart, 1931), p. 214.

тверждение (3-я Книга Царств 6:1) о том, что Храм Соломона был выстроен через четыреста восемьдесят лет после Исхода, могло бы указывать на середину пятнадцатого столетия, и были произведены расчеты, указавшие на 1447 год до нашей эры как на год Исхода. Этот год должен был приходиться на царствование Аменхотепа II, и завоевание Палестины в 1407 году как будто совпадает с датой писем из эль-Амарны. Точка зрения, согласно которой хабиру были еврейскими завоевателями, была подтверждена результатами раскопок в Иерихоне, где в стенах старого города были обнаружены следы землетрясения и признаки пожара, которые отнесены археологами к 1407 г. до нашей эры или около этого времени, т. е. к периоду переписки эль-Амарны¹. Это землетрясение могло быть причиной падения стен Иерихона, когда израильтяне, перейдя через Иордан, осадили город.

Было также предложено своего рода сочетание первой и второй точек зрения: израильтяне покинули Египет во время изгнания гиксосов и достигли Палестины, в качестве хабиру, в период царствования Эхнатона. Но эта гипотеза влечет за собой признание периода странствований в пустыне в двести с лишним лет, а не в сорок, как указано в Писании, и потому считается неправдоподобной². С другой стороны, Исход во времена Аменхотепа II не представлял особой трудности и, кажется, согласуется с хронологией Библии. Однако, по мнению египтологов, время Аменхотепа II едва ли было подходящим для подобного рискованного предприятия. «Отнесение Исхода к царствованию Аменхотепа II в целях согласования его с традиционными датами кажется историкам Египта очень маловероятным»³

¹ John Garstang, *The Foundations of Bible History* (New York, 1931). «Израильское нашествие... совпало с периодом апатии при фараоне Аменхотепе III».

² Peet, *Egypt and the Old Testament*, pp. 74—75.

³ Hall, in *The People and the Book*, ed. Peake, p. 7.

Упор также делается на тот факт, что Палестина находилась под египетским правлением во время волнений 1358 года до нашей эры, положившим конец царствованию Эхнатона. «Иисус Навин не сталкивался с египетским иггом во время своих завоевательных войн»¹. Конец царствования Эхнатона и закат восемнадцатой династии при Тутанхамоне и Аи были временем, благоприятным для мятежа и бегства рабов из Египта. Не обнаружено никаких упоминаний, которые можно было бы интерпретировать даже как намек на Исход во время междуцарствия после восемнадцатой и перед девятнадцатой династиями, и только сама оценка данной ситуации как возможной для совершения Исхода поддерживает эту гипотезу. Эта идея нашла продолжение в работе психолога, который, следуя за некоторыми историками², пытался показать, что Моисей был египетским принцем, учеником Эхнатона, что Эхнатон был основателем монотеистического идеализма, что когда Эхнатон прекратил править и его учение подверглось осуждению, Моисей сохранил это учение, распространив его среди рабов, с которыми покинул Египет.

Следующая теория отодвигает время Исхода дальше: ее краеугольным камнем стало надгробие Минепты, на котором фараоном девятнадцатой династии записано, что Палестина — «вдова» и что «семя Израиля сокрушено». Считается, что это самое раннее упоминание об Израиле в египетских документах. Минепта не погиб в море и не пострадал от поражения; очевидно, он нанес удар по израильтянам и захватил Палестину. Эти события не соответствуют известным преданиям Израиля, но поскольку это первое упоминание об Израиле, Минепта рассматривается многими как фараон времен Исхода (около 1220 до нашей эры), а Рамзес II, его предшественник, как фараон-

¹ Sir W. M. Flinders Petrie, *Palestine and Israel* (London, 1934), p. 56.

² S. Freud, *Moses and Monotheism* (New York, 1939). Compare Strabo, *The Geography*, XVI, 2, 35.

угнетатель¹. Однако другие ученые считают, что упоминание об израильтянах в Палестине в эпоху Минепты не подтверждает, а опровергает теорию, согласно которой Минепта является фараоном времен Исхода. Они заявляют, что если он уже нашел израильтян в Палестине, то он не мог быть фараоном времен Исхода².

Было также высказано еще одно возражение против того, чтобы относить Исход к царствованию Минепты. Если он действительно был фараоном во времена Исхода, то тогда израильтяне должны были вступить в Палестину по крайней мере на одно поколение позже, около 1190—1180 гг. до н. э. В соответствии с этой теорией оставалось только столетие до событий периода Судей. «Отнесение Исхода к царствованию Минепты (1220 до н. э.) до сих пор принимается главным образом как вероятное предположение, но всегда вызывает упреки в том, что время ука-

¹ Эта точка зрения представлена в R. Lepsius, «Extracts from the Chronology of the Egyptians», in his *Letters from Egypt, Ethiopia and the Peninsula of Sinai* (London, 1853), p. 449. Даже до открытия надгробия Минепты не так уж мало ученых считали его фараоном времен Исхода, потому что его предшественник Рамзес II считался фараоном-угнетателем. Эта роль была приписана Рамзесу II из-за упоминания о городе Рамзеса в книге Исхода. Приверженцы теории хабиру не рассматривают это как весомый аргумент. «Многие историки, обратившие внимание на то, что эти города (Рамзес и Питом) предшествовали Рамзесу II, считают, что строительство их могло быть предпринято каким-то фараоном из восемнадцатой династии». «*Plusieurs historiens remarquant que ces villes (Ramses and Pithom) sont antérieures à Ramsés II estiment que les travaux en question ont pu être ordonnés par un roi de la XVIII Dynastie*». P. Montet, *Le Drame d'Avaris* (Paris, 1941), p. 144.

² «Если израильтяне не покинули Египет до начала царствования Минепты и если они провели около сорока лет в пути, идя в Палестину, то как мог Минепта нанести им поражение в Палестине в третий год своего царствования?» S. A. Mercer, *Tutankhamen and Egyptology* (Milwaukee, 1923), pp. 48ff.

зывается почти недопустимо позднее»¹.

Некоторые ученые утверждают, что Исход проходил последовательными волнами². Соединение «теории хабиру» с «теорией Минепты» располагает события в следующем порядке: «Когда евреи вошли в Ханаан, израильтяне находились еще в Египте... Все израильтяне были евреями, но не все евреи были израильтянами. Таким образом, пока израильтяне, или колена Иакова, находились в Египте, другие еврейские племена стучались в двери Ханаана»³. Ученые, стремящиеся к примирению, предложили следующее решение: «Некоторые евреи остались в Египте после Исхода их основного количества»⁴.

Еще позже Рамзес III из двенадцатой династии вел войну против «пуросата» (или пелесета) в Палестине. Эти народы были определены как филистимляне. Так как в детальных сообщениях об этой войне не было ни одного упоминания об израильтянах, многие ученые предполагают, что они еще не достигли Палестины. Считалось, что они должны были покинуть Египет в царствование Минепты (хотя на его памятнике израильтяне уже упоминаются как жители Ханаана), но они появились в Палестине только после захвата ее филистимлянами, с которыми сражался Рамзес III⁵. Следовательно, захват Палестины

¹ Hall, in *The People and the Book*, ed. Peake, p. 7.

² В надписи Рамзеса II, а также в надписи одного из его предшественников, Сети, есть упоминание об Ашере в Палестине, который был названием одного из двенадцати колен. Это упоминание и другие подобные случаи привели ученых к предположению о том, что Исход проходил последовательными волнами.

³ S. A. B. Mercer, *Extra-Biblical Sources for Hebrew and Jewish History* (New York, 1913). Он считает хабиру евреями, а фараона времен рабства — Рамзесом II, жившим сто лет спустя.

⁴ Peet, *Egypt and the Old Testament*, p. 124, ссылающаяся на теорию Драйвера и других.

⁵ Cf. W. F. Albright, *The Archaeology of Palestine and the Bible* (New York, 1932), p. 144, где Исход относится к началу XIII века до н. э. Однако Олбрайт соглашается признать пребывание израильтян в Египте во времена гиксосов.

филистимлянами произошел через пятьдесят лет после Исхода и за несколько лет до завоевания Ханаана израильтянами.

Приход израильтян в Палестину при Минепте или, что еще менее вероятно, во времена Рамзеса III, после того, как он вел здесь войну в 1186 году до н. э., не оставляет места для событий эпохи Судей, которые правили народом в течение четырехсот лет до Саула и Давида (1000 г. до н. э.), но группа историков настаивает на этой теории: «Приход... не мог состояться раньше последней войны египтян на этой территории при Рамзесе III в 1186 г. до н. э. ... Здесь исключается всякая неопределенность»¹. Для поддержания этой точки зрения были представлены археологические данные. Раскопки в Бетеле в Палестине, как было заявлено, обнаружили многочисленные первоначальные поселения, предшествующие израильскому завоеванию в 1200 году до н. э. Отсюда был сделан вывод, что дата вторжения израильтян в Палестину «не может быть ранее обозначенной»².

Расхождение мнений даже еще более значительно. Нам говорили, что Исход в царствование Минепты — это «невероятно поздняя дата», но один ученый бросил вызов всем представлениям, заставив израильтян не выйти из Египта, а войти в Египет в царствование Минепты³. На протяжении этого периода азиаты пересекали границу и регистрировались местными властями как иммигранты.

Изгнание гиксосов, вторжение хабиру, поражение Израиля во времена Минепты — таковы три события, на которых различные исторические школы выстраивают соответствующие теории. Бесполезно пытаться связать заведомо несочетаемое. Каждая группа отмечает извращение фактов, допущенное ее оппонентами. Двести лет блуждания в пустыне разрушают одну теорию; сто лет эпохи Судей

¹ Petrie, *Palestine and Israel*, p. 58.

² Олбрайт, которого цитировал Петри *Palestine and Israel*, p. 57. Бетель пал «примерно в первой половине тринадцатого века, как считал Олбрайт». thus Wright, «Epic of Conquest», *Biblical Archaeologist*, III (1940), p. 36.

³ В. D. Eerdmans, *Alltestamentliche Studien* (Giessen, 1908), II, 67.

— хоронят другую, и т. д. Всем им приходится преодолевать одно и то же препятствие: «При любой системе хронологии, которая может быть принята, время вторжения и обоснования израильтян приходится на период (1500—1100 гг. до н. э.), когда страна находилась под властью Египта как часть его Сирийской империи»¹. Но если это так, как могли израильтяне покинуть Египет и, покинув Египет, как могли они войти в Палестину? Более того, каким образом книги Иисуса Навина и Судей, которые охватывают период в четыреста лет, не сообщают о власти Египта и даже вообще о Египте не упоминают?

Было найдено объяснение того факта, что израильтяне ушли из Египта в эпоху сильных фараонов, но никак не объяснялось странное молчание книг Иисуса Навина и Судей. Фараоны были очень сильны, а Исход — это всего лишь дневной переход бедуинов через египетскую границу. Когда израильтяне подошли к границе в год засухи, их пропустили, но они должны были выполнить какую-то полезную для государства работу, чтобы заплатить за гостеприимство, которым пользовались они и их стада. Когда они покинули Египет, чиновник дал им разрешение на отъезд, и могло случиться, что он зафиксировал их отъезд. Но это было слишком пустячное и обычное событие, чтобы сразу сделать о нем запись. «Исход из Египта, по-видимому, был ничтожным историческим событием того времени, настолько ничтожным, что народ, наиболее заинтересованный в нем после евреев, египтяне, никогда не давал себе труд обозначить его в летописи»². «Просто-напросто следовало хранить в памяти то, что означало или скорее не означало для Египта это событие»³.

Если эта точка зрения верна, тогда археологи имеют мало шансов обнаружить в Египте параллель к книге Ис-

¹ Garstang, *The Foundations of Bible History*, p. 51.

² S. W. Baron, *A Social and Religious History of the Jews* (New York, 1937), I, 16.

³ Hugo Winckler, *Kritische Schriften* (Berlin, 1901—7), I, 27. Cf. also Peet, *Egypt and the Old Testament*, p. 21: «Это пребывание могло иметь столь малое значение, что египтяне никогда не считали его достойным упоминания».

хода, а историки не имеют основы, которая позволила бы определить время события, не имеющего значения.

Если народ Египта не счел нужным зафиксировать Исход израильтян, подобный поиск того, что прошло незамеченным для современников, может быть только напрасной тратой времени и труда.

Бедствия и знамения

Библейская история не представляет уход из Египта как будничное событие, но скорее как событие, сопровождавшееся бурными природными катаклизмами.

Мрачные и зловещие события предшествовали Исходу: тучи пыли и дыма затемнили небо и окрасили воду, в которую они падали, кровавым цветом. Пыль раздирала кожу человека и животных; в знойном мраке плодились рептилии и черви, которые заполняли воздух и землю; дикие звери, пораженные песком и пеплом, тянулись из пустынных ущелий к жилищу человека. Ужасный поток камней и бешеный огонь обрушились на землю; порывы ветра несли с собой полчища саранчи, которая застилала свет; ветер, насыщенный золой, дул волнами, день и ночь, ночь и день, и сумрак превращался в затянувшуюся ночь, а чернота убивала каждый луч света. Затем наступила десятая и самая таинственная казнь: «Ангел Господень «прошел мимо домов сынов Израилевых... когда поражал египтян, и дома наши избавил» (Исход 12:27). Рабов, спасенных ангелом разрушения, умоляли посреди рева и слез покинуть этот край в ту же ночь. В серо-пепельном рассвете толпа двинулась, оставив позади себя покореженные поля и руины на том месте, где еще несколько часов назад жили горожане и крестьяне.

Существуют два научных подхода к истории «казней», описанных в Исходе в главах 7—11¹. Одни считают ее сказкой². История эта была рассмотрена сама по себе,

¹ Вариации в последовательности казней обнаруживаются в псалмах с 78 по 105.

² «Конкретные детали этой истории должны рассматриваться как мифологические, подобно деталям Творения, о которых повествует Книга Бытия» А. Н. Gardiner, in *Etudes Champollion*, 1922, p. 205.

изолированно, и было обнаружено, что первоначально легенда рассказывала о смерти наследного принца; затем история смерти одного человека превратилась в «казнь», обрушившуюся на всех первенцев¹. Позже одна казнь превратилась в три; но рассказчики, все еще не удовлетворенные, стали раскручивать свою сказку, пока не получили историю из десяти эпизодов. При этом с точностью разделялось авторство «елоагистов» и «иеговистов».

«Ни одна группа легенд не имеет никакого исторического источника в своем основании. Казни — это более поздняя замена древних чудес. Однако чудеса никогда и нигде не происходили»². «И поскольку ни казни, ни чудеса не имеют исторического характера, не может быть сделано вывода о времени Исхода»³.

А когда был применен чисто прагматический анализ, он выявил изощренную технику повествователей: «Это обдуманнные детали: градом были уничтожены только лен и ячмень, потому что они уже были убраны, но уцелели пшеница с рожью, так как их обычно убирают позже. Это замечание было добавлено, чтобы при следующей казни саранче было что пожирать (*etwas zu fressen haben*)»⁴. Иногда бдительность подводила составителей историй, как это явно видно в истории с нарывами: «Чумные нарывы не летают, подобно пеплу, в воздухе и однако... Моисей заставили бросить пепел из печи «к небу»⁵.

Сторонники другой позиции пытались найти естественное объяснение казней. В Египте сирокко дует осенью и весной; горячий ветер также называют «*khamsin*», что озна-

¹ Эдуард Мейер говорит, что единственной казнью в ранней версии этой легенды была казнь саранчой (*Die Israeliten und ihre Nachbarstämme* [Halle, 1906], p. 30). Он также говорит: «История казней не имеет фольклорных истоков. Она является целиком творением рассказчика» (*Ibid.*, p. 31).

² H. Gressmann, *Mose und seine Zeit* (Göttingen, 1913), p. 107.

³ Там же, с. 108.

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Там же, с. 92.

чает «пятьдесят», потому что в течение пятидесяти дней это дыхание пустыни приносит тучи пыли. Были созданы картины, чтобы показать темнеющее небо в дни, когда дул «khamsin». Ветер пустыни может приносить тучи саранчи; она покрывает небо, словно щитом, так что во время ее движения солнечный диск затемнен. Коричневатый цвет вод Нила, особенно перед его разливом, хорошо знаком всем туристам, а некоторые специальные наблюдения над нильскими разливами были описаны в деталях¹.

Вши, блохи и лягушки современного Египта были предметом тщательного изучения весьма уважаемых авторов. Не раз указывалось, что порядок казней, описанных в Книге Исхода, точно соответствует порядку ежегодных неудобств, вызванных климатом и насекомыми Египта при турецком правлении, и в целом все это сохраняется до наших дней.

Подобный подход к проблеме «казней» превращает их в своего рода ежегодные происшествия. В этом случае неудивительно, что они были восприняты египтянами так же, как ежегодный приход и уход бедуинов со своим скотом.

В течение столетий тысячи ученых отдавали дань истории казней. Если они были благочестивы, то вопросов не задавали; будучи просвещенными, они отстаивали текст, доказывая, что все эти чудеса всего лишь обычные явления; если они были критичны, то отвергали всю эту историю, объясняя ее как миф довольно позднего происхождения.

Таким образом, Книга Исхода пытается рассказать, как израильтян преследовала армия фараона, сожалевшего об их бегстве. Их заманили в ловушку между горами и морем. Эта ночь была ужасной. Тяжелая туча закрыла небо, которое озарялось бесчисленными молниями. Ураган буше-

¹ Ванслеб (1677) наблюдал, что вода в Ниле меняла свой цвет от зеленого до охренно-красного. «Когда Нил начинает подниматься, к концу июня, красный известняк с абиссинских гор окрашивает его в темный цвет, который мерцает в лучах заходящего солнца, как кровь». А. Н. Sayce, *The Early History of the Hebrews* (London, 1897), p. 168.

вал всю ночь, и на рассвете море расступилось, воды разрезала двойная волна чудовищной силы. Рабы прошли через море, преследователи устремились за ними в колесницах, но воды сомкнулись, и египтяне вместе со своим фараоном, столкнувшись с ними, нашли смерть в волнах.

Делались попытки объяснить эту историю как естественное явление. По-видимому, трудно довериться чуду, но столь живое описание этой ночи, урагана и волн величиной с гору предполагало, что в действительности произошло некое событие, память о котором впоследствии была облечена в фантастические домыслы¹. Постоянное возвращение памяти евреев, на протяжении столетий, к некоему соприкосновению с морем также предполагает, что не вся эта история была вымышлена. Историки солидарны в том отношении, что самая ценная часть преданий этого народа родилась на берегах Jam-Suf, или, в привычном переводе, Красного моря.

Расступившиеся река или море — часто повторяющийся в фольклоре мотив. Преследователи, вероятно, потерпели какое-то бедствие не из-за расступившегося моря, а из-за прилива, вызванного штормом.

Но объяснение, в основе которого явления отлива и прилива, заведомо беспомощно. Было ли море Перехода Суэцким заливом, или заливом Акаба в Красном море, или озером Сирбонис (Сербон)², связанным со Средиземным морем, или с каким-то другим озером, Крокодиловым, Соленым, через воды которого ныне корабли попадают из Средиземного моря в Красное — на этих водных поверхностях нет очевидных признаков отлива и прилива, так же, как и в Средиземном, и в Красном морях, и, разумеется, во внутренних морях (озерах).

¹ Gressmann, *Mose und seine Zeit*, p. 117: «Картина нарисована с такой графической четкостью, что каждая деталь ясно предстает взору, и человек почти готов поверить в реалистическое описание исторических событий, а не в чудеса. Эта живость описания также является признаком саги».

² So A. H. Gardiner, *Etudes Champollion*, 1922, pp. 205ff.; *Journal of Egyptian Archaeology*, X (1924), 82f.

Для наиболее правдоподобного объяснения следовало бы исключить приливы и удовольствоваться штормом. Некоторые колесницы преследователей-египтян утонули в море, когда большие волны обрушились на берег. Тогда израильтяне запели свою песнь в честь освобождения или преисполнились вдохновения, из которого впоследствии родилась гиперболизированная картина этой катастрофы. Как могла она быть не гиперболизированной, если египетские летописи ничего не ведают о море, поглотившем фараона и его колесницы, в то время как потомки бежавших от царского рабства восславили себя историей чудесной бури, которая египтянами не засвидетельствована?

Есть ли смысл стараться доказать, что сильный восточный ветер, дувший с вечера до рассвета, мог заставить море отступить и что изменение в направлении этого ветра могло сокрушить армию, шествующую по суше? В самом деле, странно то упорство, с которым израильский народ цеплялся за эту историю, превращая ее в начало и в то же время в самый драматический эпизод своей национальной истории.

Беглецы после избавления вошли в пустыню, безлюдную землю. Книга Исхода повествует, что облачный столб двигался перед ними днем, а столб огня — ночью. Было найдено простое объяснение этого знамения: во главе блуждающего каравана обычно высоко несли факел, чтобы указать путь тем, кто шел. Из-за дневной жары караван предпочитал двигаться ночью, и дымящийся смоляной факел должен был не дать кому-либо потеряться и отпугивать диких животных пустыни.

Хотя такое объяснение принято и его можно обнаружить в многочисленных библейских словарях, оно слишком просто. Столб дыма и огня произвел глубокое впечатление на израильтян; говорилось, что это должен быть Ангел Божий. Разве израильтяне не знали о порядке и обычаях караванов, путешествующих по пустыне, и разве

¹ См., например, S. R. Driver. *The Book of Exodus in the Revised Version* (Cambridge, England, 1911), p. 113: широко известен обычай нести перед караваном странников жаровню с дымящимися углями».

были бы они так потрясены привычными вещами и настолько жаждали бы чуда, чтобы факел в руке вождя стал для них ангелом?»

Но облачный столб и столб огня не могли быть только иллюзией и фантазией сказителей.

В прошлом веке англичанин по имени Чарльз Бик, охваченный более чем странной идеей, опубликовал памфлет под названием «Mount Sinai a Volcano»¹. На титульном листе он поместил эпиграф из двух предложений, один из Книги Исхода, другой из греческого поэта Пиндара. Стихи 13:21 из Исхода гласят: «... Господь же шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им...». Строки из Пиндара (лат. текст стр. 17, абзац 2) описывают Этно: «Днем раскаленный поток дыма, а ночью красное клубящееся пламя». Начиная с этой параллели и двигаясь к библейскому описанию дня законоположения, Бик пришел к поразительному выводу, выраженному в названии его памфлета. День законоположения описан следующими словами: «На третий день при наступлении утра, были громы, и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук; и вострепетал весь народ, бывший в стане... Гора же Синай вся дымилась... и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась... Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и, увидев то, народ отступил и стал вдали»².

Бик объяснил облачный и огненный столб как раскаленный столб пепла и пара, вырвавшихся из вулкана. Он цитировал примеры ситуаций в вулканических районах, доказывающие, что извержения вулканов могут выбрасывать черные тучи пепла, которые заволакивают небо и иногда распространяются на очень большие расстояния. Извержения обычно сопровождаются грохотом, доносящимся из недр земли. Землетрясения и извержения вулканов — часто соседствующие явления. Землетрясения, сотрясающие дно моря, создают приливные волны, которые могут

¹ London, 1873.

² Исход 19:16, 18; 20:18.

отступать от берегов, а потом возвращаться, затопляя землю, оставляя на своем пути разрушения. Согласно этому объяснению, землетрясение произвело хаос в районе моря Перехода, и упоминание о колесницах, которые не могут двигаться (Исход 14:25), имеет параллели в описании землетрясения, которое сопровождалось извержением Везувия в 79 году, когда погибли Помпея и Геркуланум, описании, сохранившемся в письме Плиния Младшего Тациту (лат. текст стр. 18 абзац 1): «Мы стояли на фоне опасного ужаснейшего зрелища. Повозки, которым было приказано нас сопровождать, на совершенно ровном месте кидало в разные стороны; несмотря на подложенные камни, они не могли устоять на одном и том же месте. Мы видели, как море отходит назад; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его».

Интерпретация удивительных событий на море Перехода и на горе Синай как сейсмических и вулканических явлений природы встретила самое решительное противодействие и насмешку высших церковников. «Хорошо известно, что в пустыне не имеется никаких вулканических явлений, соответствующих этим признакам. В действительности все обороты, используемые в священных текстах, — это те самые обороты, которые использовались в Священном Писании для описания грозы»¹.

Бик не рассматривал горные вершины Синайского полуострова как гору Синай из Священного Писания. Он еще раньше опубликовал работу, где выступал против ошибочного положения о том, что Мицраим из Священного Писания — это не Египет, а какое-то исчезнувшее царство на Синайском полуострове. Израильтяне, покинув эту страну, пересекли верхнюю точку залива Акаба и подошли к его аравийскому берегу. Он заявил, что ставит на карту свою репутацию путешественника и исследователя Библии и что, пользуясь общественной поддержкой, он готов отыскать Синай в Хара Раджла, «поскольку раньше этот вулкан был активным, а теперь бездействует в течение многих лет». Будучи стариком, он шел, как он

¹ Dean Arthur P. Stanley, *Lectures on the History of the Jewish Church* (New York, 1863—76), I, 167.

считал, по стопам пророка Илии, который также совершил паломничество на эту гору в пустыне.

Когда он вернулся, объявив, что гора Синай — это Хар-Нур (Гора Огня), к востоку от Гора, пик, который, подобно многим другим, окружен сиянием, но, похоже, никогда не был вулканом, он написал, что совершил «вопиющую ошибку в отношении вулканического характера горы Синай»¹. Его исповедь была опубликована посмертно в томике с золотым обрезом, весьма несхожим внешне с книгой «*Mount Sinai a Volcano*». Здесь содержался отчет об этом путешествии: «Итак, я вынужден признать, что заблуждался в отношении физической природы горы Синай и что внешние признаки, о которых упомянуто в Писании, имеют столь же малое отношение к вулканической деятельности, как и к буре»².

Тридцать лет спустя теория вулканического характера Синая была принята одним ученым³, десять лет спустя еще несколькими⁴, а недавно идея о том, что Иегова был местным божеством вулкана стала повторяться весьма часто; принимая ее, некоторые ученые, однако, продолжают отрицать историческую достоверность посещения странствующими евреями горы Синай⁵.

¹ Charles Beke, *Discoveries of Sinai in Arabia and of Midian* (London, 1878), p. 561.

² Там же, p. 436.

³ H. Gunkel, *Deutsche Literaturzeitung*, 24 (1903), col. 3058f.

⁴ Meyer, *Die Israeliten und ihre Nachbarstämme*, pp. 69ff.; H. Gressmann, *Der Ursprung der israelitisch-judischen Eschatologie* (Göttingen, 1905), pp. 31ff.; also Gressmann, *Mose und seine Zeit*, pp. 417ff. А. Музиль отождествлял гору Синай с потухшим вулканом аль-Бедр.

⁵ Meyer, *Geschichte des Altertums*, Vol. II, Pt. 2 (2nd ed.), p. 210: «So kann kein Zweifel bestehen, dass der Sinai in einem der zahlreichen jetzt erloschenen Vulkane der Harra's zu suchen ist»; compare *ibid.*, p. 205: «Вполне возможно, что сказание (о синайском испытании) принадлежало сначала какому-то племени на Синайском полуострове, а затем было переосмыслено израильтянами как великое деяние Иеговы».

Грессман (*Mose und seine Zeit*, p. 418) также отрицал посещение израильтянами горы Синай.

Переворот

Если мы не ограничимся несколькими отрывками из Книги Исхода, которые цитируются для подтверждения вулканической природы горы Синай, активность которой потрясла израильтян, а обратим внимание на множество других отрывков в различных книгах Священного Писания, относящихся к Исходу, мы скоро ощутим необходимость высказать невероятное предположение о том, что если понимать написанное буквально, то картина катастрофы намного превосходит по своим масштабам разрушения, которые могут быть вызваны извержением одного вулкана. Вулканическая активность распространялась вдаль и вширь, а гора Синай была лишь точкой в огромном дымящемся пространстве.

В катастрофе участвовали земля, море и небо. Море залило землю, лава вырывалась из растрескавшейся земли. Священное Писание так описывает ярость разбушевавшихся стихий: «... потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основания гор... поднялся дым... огонь... угли сыпались... и явились источники вод, и открылись основания вселенной»¹.

При крупной геологической катастрофе дно моря опускалось, и воды устремлялись в расщелины. Земля дрожала, вулканы выбрасывали дым и огонь из недр земли, горы сдвигались, расплавленная порода устремлялась в долины, суша становилась морем, недра гор издавали стоны, а небеса бесперывно грохотали.

«Молнии его освещают вселенную: земля видит и трепещет. Горы, как воск, тают...»².

Смещались тектонические пласты. От мощных перемещений менялся рельеф местности.

«Он передвигает горы... Он перевертывает их в гневе Своем; сдвигает землю с места ее»³.

¹ Псалтырь 17:8—9, 16.

² Там же, 96:4—5.

³ Книга Иова 9:5—6.

Эта сейсмическая и вулканическая активность постоянно соотносится с тем временем, когда израильтяне покинули Египет.

«... земля тряслась... Горы таяли... даже этот Синай»¹.

Последняя цитата взята из песни Деворы — одного из древнейших фрагментов Писания.

Религиозное воображение воспринимает эти преувеличения только как метафоры. Критический анализ тоже не видит в них ничего, кроме безудержного экстаза. Не было ли за этим какого-то реального опыта, который мог облечься в метафоры? Не является ли следующий отрывок описанием наводнения и прилива в соленых топях Египта: «... и явились источники вод, и открылись основания вселенной»². Фольклор не тяготеет к такой расплывчатости.

Эти описания геологических изменений, постоянно повторяющиеся, как было показано выше, и многие другие отрывки, связанные с временем Исхода, должны были опираться на какой-то опыт, который осмысливался и переосмысливался в фольклоре. Этот опыт, согласно Священному Писанию, был так значителен и ужасен, что даже на протяжении долгой цепи поколений он не мог быть забыт.

«Припоминаю песни мои в ночи... Неужели навсегда отринул Господь?... Неужели навсегда престала милость его?... Буду вспоминать... о чудесах Твоих древних. и вострепетали бездны. ... молнии освещали вселенную: земля содрогалась и тряслась... Как стадо, вел Ты народ Твой рукою Моисея и Аарона»³.

Сочинителя этого псалма осенило видение прошлого, когда удивительное зрелище разворачивалось на небе и в пустыне на глазах народа, бежавшего из рабства.

Смятение и беспорядок в природе привели беглецов, находившихся в пустыне, в состояние экзальтации:

«Ты потряс землю, разбил ее: исцели повреждения ее, ибо она колеблется.

Ты дал испытать народу Твоему жестокое, напоил нас

¹ Книга Судей 5:4—5

² Псалтырь 17:16.

³ Там же, 76.

вином изумления»¹.

Ночи под разбушевавшимся небом пустыни, разрываемым бесконечными молниями, когда пылающая лава стекала с тающих гор, были незабываемыми. В течение долгих лет, когда израильтяне уже жили на своей земле, они никогда не забывали о содроганиях пустыни, о пылающих горах, о ярости вод. События этих недель или месяцев, когда поверхность земли подверглась резким изменениям в своей тектонической структуре, стали самым значимым преданием этого народа.

Библейское сказание настаивает на том, что, прежде чем израильтяне покинули Египет, его территория подверглась бедствиям, предвестникам грандиозных разрушений, причиненных разбушевавшимися стихиями. Когда израильтяне уходили из Египта, они заметили на море гигантские волны прилива; дальше, в пустыне, они наблюдали толчки земной поверхности и значительную вулканическую активность, когда лава вырывалась из трещин земли, внезапно открывающиеся пропасти² и исчезающие или приобретающие горький вкус ручьи³.

Здесь необходимо задать логический вопрос: являются ли эти свидетельства полностью ложными? И если это не свод обманчивых выдумок, то как могло случиться, что ничего этого не заметили египтяне? Если их земля пострадала от разрушения, то не находимся ли мы на верном пути в своих поисках синхронного момента еврейской и египетской истории? Пустыня, примыкающая к Египту, содрогалась от земных толчков. Могли ли эти сейсмические волнения значительной мощности сосредоточиться на сравнительно маленькой территории? Упоминалось ли вообще о землетрясении в египетских летописях?

Обычные исследования по египетской истории не содержат упоминаний ни о землетрясении, ни об одном из бедствий.

Тем не менее нам бы хотелось настаивать на поставленном вопросе. В этом упорстве мы руководствуемся со-

¹ Псалтырь 59:4—5.

² Числа 16:32.

³ Исход 15:23; Псалтырь 106:26—27.

ображением, что на карту поставлено нечто грандиозное. Если мы поможем этому свидетелю — летописям древнего Египта — вспомнить о некоей масштабной катастрофе, мы можем получить в руки ценный ключ к весьма туманной проблеме, на подступах к которой все споры, дпящиеся уже более двух тысяч лет, остались неразрешимыми.

Египетский свидетель подтверждает «казни»

В этом суде над историей приговор будет зависеть от нижеследующего заявления и его проверки посредством перекрестного допроса.

Имела место грандиозная природная катастрофа, последствия которой ощущались в течение долгих лет. Впечатление, произведенное ею, не изгладилось, и ее история передавалась от поколения к поколению, отзывалась в Священном Писании и в других текстах. Нельзя ли найти упоминания о ней в египетских документах?

Или, быть может, Исход на самом деле был забытым и малозначащим переходом через кордон сборщиков царских налогов на границе государства? Если это так, то как он стал самым волнующим воспоминанием целых поколений еврейского народа? Откуда появились видения катастрофы, охватившей землю и море? Неужели этот хаос, охвативший землю с ее реками, море и пустыню, нельзя обнаружить в египетских текстах? Неужели исчезло всякое о нем воспоминание?

Зная, что в работах по истории Египта о каких-либо природных катастрофах не упоминается, мы предпочли исследовать древние источники.

Неизвестно, при каких обстоятельствах был найден папирус, содержащий речи Ипувера. По сведениям, исходящим от его первого владельца (Анастази), он был найден в «Мемфисе», что скорее всего подразумевает близость к пирамидам Сахары. В 1828 году папирус был приобретен Лейденским музеем в Нидерландах и занесен в каталог как Лейден 344.

Папирус заполнен с обеих сторон. Лицевая (*recto*) и обратная (*verso*) стороны различаются характером волокон ткани; история Ипувера записана на лицевой стороне, а на обратной — гимн божеству. Факсимильная копия обоих текстов была опубликована в солидных изданиях этого музея вместе с другими египетскими документами¹. Текст Ипувера ныне складывается в книгу из семнадцати страниц, большинство из которых содержит четырнадцать строчек иератических знаков (беглое письмо, которым пользовались писцы, совершенно отличное от рисованных иероглифов). На первой странице сохранилась только третья строка — статок или окончание одиннадцати строчек; страницы с 9 по 16 находятся в очень плохом состоянии — сохранилось лишь по несколько строк вверху и в конце страницы; а от семнадцатой страницы осталось только начало первых двух строк.

Первое толкование текста Ипувера было представлено во вступлении к факсимильному изданию². Было указано, что восемь правых страниц были пословицами или изречениями, а следующие страницы, как предполагалось, скорее всего, являются главой из философского труда.

При следующей попытке перевести этот текст (только первые десять страниц) автор понял его как собрание пословиц и устных изречений, объединенных с дидактической целью³. Еще один исследователь⁴ назвал папирус собранием загадок.

В начале нашего столетия была сделана попытка перевести текст Ипувера целиком⁵. Речи Ипувера были ин-

¹ C. Leemans, *Aegyptische Monumenten van het Nederlandsche Museum van Oudheden te Leyden* (Leiden, 1846), Pt. 2, Face: Plates 105—13.

² By F. Chabas, reprinted in *Bibliothèque égyptologique*, X (Paris, 1902), 133ff., especially 139—40.

³ F. J. Lauth, «Altaegyptische Lehrsprüche», *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Classe* (1872).

⁴ H. K. Brugsch, cited by Lange (see note 5).

⁵ H. O. Lange, «Prophezeiungen eines aegyptischen Weisen», *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1903, pp. 601—10.

терпретированы как пророческие: египетскому народу предсказывалось время зла. Пророк мог быть вдохновлен какой-нибудь сходной политической ситуацией из прошлого, до вступления на престол двенадцатой династии.

В 1909 году текст, переведенный заново, был опубликован Аланом Х. Гардинером под названием «Предупреждения одного египетского жреца согласно иератическому папирусу из Лейдена»¹. Гардинер убеждал, что все заключенные в тексте факты указывают на исторический характер ситуации. Египет был в упадке; социальная система пришла в состояние дезорганизации; насилие заполонило землю. Захватчики грабили беззащитное население; богатые лишались всего и спали под открытым небом, а бедные завладевали их имуществом. «Здесь описаны не просто местные неурядицы, но великое и широко распространившееся национальное бедствие»².

Гардинер, следуя за Ланге, интерпретирует текст таким образом, будто слова некоего мудреца, по имени Ипувер, адресовывались какому-то фараону, осыпаемому упреками за бездействие, которое приносит смуту, беззащитность и страдания его народу. «Всемогущий», к которому адресуется Ипувер, — это обычное обращение к великим богам³. Поскольку вводные абзацы папируса, где скорее всего должны были быть упомянуты автор и его слушатели, отсутствуют, присутствие фараона, внимающего мудрецу, устанавливается на основе традиционной формы некоторых других литературных источников эпохи Среднего царства. В соответствии с этой интерпретацией папирус, содержащий речи Ипувера, получил название в издании Гардинера «Предупреждения одного египетского мудреца».

¹ Издан в Лейпциге.

² Gardiner, *Admonitions*, note to 1:8.

³ «*Er steht vor dem Allherrscher, was sonst ein Epötheton der grossen Goetter ist, hier aber wohl den König bezeichnet*». Lange, *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1903, p. 602.

Египет в момент потрясения.

Папирус Ипувера — это не собрание пословиц (Lauth, Chabas) или загадок (Brugsch); это и не литературное пророчество (Lange), и не предупреждение, касающееся глубоких социальных перемен (Gardiner, Sethe). Это египетская версия великой катастрофы.

Папирус — это запись стенаний, описание разрушений и ужаса.

Папирус 2:8: «Поистине земля поворачивается, как гончарный круг.

2:11 Города разрушены. Верхний Египет стал сухой (пустыней?).

3:13 Все сокрушено!

7:14 Дворец перевернулся за минуту.

4:12... Годы шума. Нет конца шуму».

Что означает «шум» и «годы шума»? Переводчик писал: «Здесь явственно происходит какая-то игра словом *hw* (шум), смысл которой нам неясен». Означает ли это «землетрясение» и «годы землетрясений»? По-еврейски слово *raash* означает «шум», «смятение», так же, как и «землетрясение»¹. Землетрясения часто сопровождалось громкими звуками, подземным грохотом и ревом, и этот акустический эффект дает название самому разрушительному явлению.

Похоже, что толчки возвращались вновь и вновь, и страна превратилась в руины, государство пришло к неожиданному упадку, и жизнь стала невыносимой.

Ипувер говорит:

Папирус 6:10: «если бы на этой земле прекратился шум и не было бы больше буйства (криков)».

Шум и буйство производила земля. Царская резиденция могла быть перевернута «за минуту» и превращена в развалины только мощным землетрясением. Катастрофа, вероятно, вызвала хаос на поверхности моря, где корабли затянуло в водовороты; в том отрывке, где говорится, что «города разрушены», сказано также, что корабли были

¹ Еще одно еврейское слово, обозначающее «шум», *shaon* также означает «землетрясение». См.: S. Krauss, «Earthquake», The Jewish Encyclopedia (New York, 1901—6).

пущены по воле волн.

Папирус Ипувера содержит сведения о какой-то природной катастрофе, сопровождавшейся землетрясением, и свидетельствует о подлинном характере явлений, происшедших в то время.

Я сравню некоторые отрывки из Книги Исхода и из этого папируса. Поскольку до публикации «Миров в столкновении» и «Веков в хаосе» параллелей между Библией и текстом папируса Ипувера не проводилось, переводчик папируса не мог находиться во власти желания приблизить свой перевод к библейскому тексту¹.

Папирус 2:5: «Мор по всей земле. Всюду кровь».

Исход 7:21: «... и была кровь по всей земле Египетской».

Это была первая «казнь».

Папирус 2:10: «Река превратилась в кровь».

Исход 7:20: «... и вся вода в реке превратилась в кровь».

Вода стала на вкус отвратительной, и люди не могли пить ее.

Папирус 2:10: «Люди содрогались, пробуя ее — существа человеческие жаждали после этой воды».

Исход 7:24: «И стали копать все Египтяне около реки, чтобы найти воду для питья, потому что не могли пить воды из реки.

Рыба в озерах и реках погибла, а черви, насекомые и рептилии быстро размножились».

Исход 7:21: «... и река воссмердела».

Папирус 3:10—13: «Это наша вода! Это наше счастье! Что мы теперь будем делать? Все погибло!»

Гибель полей описана следующими словами:

Исход 9:25: «... и всю траву полевую побил град, и все деревья в поле поломал»².

Папирус 4:14: «Деревья поломаны».

6:1: «Не нашли ни плодов, ни трав».

Это знамение сопровождалось испепеляющим пожаром. Огонь охватил всю землю.

¹ Цитаты из Библии даются по каноническому изданию.

² В Псалтыри 104:33 эта казнь описана так: «И побил (град) виноград их и смоковницы их, и сокрушил деревья в пределах их».

Исход 9:23—24: «... и огонь разливался по земле. ... и был град и огонь между градом, град весьма сильный».

Папирус 2:10: «Ворота, колонны и стены были поистине сожраны огнем.

Огонь, который охватил землю, не был зажжен человеческой рукой, но падал с неба»¹.

В этой лавине разрушения, согласно Исходу:

Исход 9:31—32: «... лен и ячмень были побиты, потому что ячмень выколосился, а лен осеменился.

А пшеница и полба не побиты, потому что они были поздние».

Именно после этой «казни» поля опустели. Подобно книге Исхода (9:31—32 и 10:15), папирус сообщает, что ни один долг не мог быть возвращен казне за пшеницу и ячмень и, как и в Исходе 7:21 («И вся рыба в реке погибла»), не было рыбы для царских кладовых.

Папирус 10:3—6: «Нижний Египет льет слезы... Дворец остался без всяких доходов. Ему принадлежат (по праву) пшеница и ячмень, гуси и рыба».

Поля полностью опустошились.

Исход 10:15: «... и не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской».

Папирус 6:3: «Поистине зерно погибло повсюду».

5:12: «Поистине погибло то, что вчера еще видели. Земля предана усталости, словно сжатая серпом».

Утверждение, что урожай на полях погиб за один день («что вчера еще видели»), исключает засуху — обычную причину плохого урожая; только град, огонь или саранча могли оставить поля словно «сжатыми серпом». Эта казнь описана в Псалтыри 104:34—35 следующими словами: «... и пришла саранча, и гусеницы без числа; и съели всю траву на земле, и съели плоды на полях их».

Папирус 6:1: «Ни одного плода, ни одной травинки не найти... голод».

Скот находился в плачевном состоянии.

Исход 9:3: «... рука Господня будет на скоте твоём, который в поле... будет моровая язва и весьма тяжёлая».

¹ См. примечания к тексту Гардинера *Admonitions, with a reference to Papyrus Leiden 145 recto, 1.3.3.*

Папирус 5:5: «Все животные страждут в сердце своем. Скот стонет...»

От града и огня испуганный скот бежал.

Исход 9:19: «... пошли собрать стада твои и все, что есть у тебя в поле...».

21: «А кто не обратил сердца своего к слову Господню, тот оставил рабов своих и стада свои в поле».

Папирус 9:2—3: «Смотри, скот оставлен блуждать, и некому согнать его в стадо. Каждый хватает себе тех, на которых клеймо его имени».

Девятая казнь, согласно книге Исхода, покрыла Египет глубокой тьмой.

Исход 10:22: «... и была густая тьма во всей земле Египетской...».

Папирус 9:11: «На земле не было светло...».

«Не было светло» у египтян имеет значение «без света» или «темно». Но возникает вопрос, насколько эти две фразы соответствуют друг другу. Описывалось, что годы блужданий в пустыне проведены в сумраке, под покровом густых облаков¹. Еврейское письменное предание утверждает, что в течение многих лет после Исхода солнечный свет был затемнен облаками. Вряд ли эта библейская «тьма смертная» аналогична приведенной нами цитате из папируса. Египетская параллель к казни непроницаемой тьмой будет обнаружена на следующей странице; «тьма смертная» также будет иметь дополнительные параллели.

Последняя ночь перед исходом

Согласно Книге Исхода, последняя ночь, которую израильтяне провели в Египте, была ночью, когда внезапно обрушилась смерть, заполучившая жертвы из каждого египетского дома. Смерть столь многих людей за одну-единственную ночь, даже в одно и то же время, т. е. в полночь, не может быть объяснена эпидемией, которая не поражает в одно и то же время разные места и которая

¹ Книга пророка Иеремии 2:6.

явно длится дольше часа. История последней казни должна показаться мифом; она стоит особняком в цепи других казней, которые могут быть истолкованы как естественные явления.

Казни были описаны здесь как предвестники катастрофы, которая достигла апогея у Jam-Suf (у моря Перехода). Явления в пустыне были последующими спазмами земной коры. Поиск свидетельств о землетрясении по египетским источникам проводился с целью установить наличие синхронного момента в египетской и еврейской истории. Когда факты были обнаружены, они заключали гораздо больше аналогий и демонстрировали большее сходство с библейским повествованием, чем я ожидал. Похоже, что мы уже располагаем показаниями египетского свидетеля казней.

После внимательного прочтения папируса выяснилось, что рабы еще находились в Египте, когда произошел по крайней мере первый сильный толчок, разрушающий дома, жизни и судьбы. Он вызвал массовое бегство населения из городов, в то время как другие казни, вероятно, повлекли их из деревень назад в города.

Библейские свидетельства были еще раз перечитаны. Стало очевидным, что они не упустили этого самого заметного события: это была десятая казнь.

В папирусе сказано: «Дворец перевернулся за минуту»¹. На предыдущих страницах подчеркивалось, что только землетрясение может перевернуть и за минуту разрушить царский дворец. Внезапная и одновременная смерть могла быть навлечена на многих людей только природной катастрофой.

Исход 12:30: «И встал фараон ночью сам и все рабы его, и весь Египет; и сделался великий вопль в земле Египетской; ибо не было дома, где не было бы мертвеца».

Огромное количество людей лишилось жизни в результате одного сокрушительного удара. Дома были разрушены бешеным ветром.

Исход 12:27: «(Ангел Господа) прошел мимо домов

¹ Гардинер сопровождает перевод слова «перевернуть» примечанием: «поевернуть стену».

сынов Израилевых в Египте, когда поражал Египтян, и дома наши избавил».

Слово *rogaf*, которое переводится как «поражает», имеет в виду сильный удар, например, для обозначения удара, который наносит рогами бык¹.

Царский дворец и дворцы богачей расшвыряло по земле, а вместе с ними и дома простых граждан и темницы узников.

Исход 12:29: «В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице...».

Папирус 4:3, а также 5—6: «Воистину княжеских детей швырнули об стены».

6:12: «Воистину княжеские дети были изгнаны на улицу».

Вид княжеских детей, распластанных на мостовых темных улиц, проклятых и мертвых среди руин, тронул сердце египетского свидетеля. Но никто не видел агонии в темницах, ямах, вырытых в земле, куда были заключены узники, когда их засыпало обвалом.

Папирус 6:3: «Тюрьма разрушена»².

С чего это вдруг в библейский текст включены «первенцы»? Объяснение последует позже.

В папирусе (2:13) написано:

«Он, который поместил своего брата в землю, пребывает повсюду».

Этому соответствует текст Исхода (12:30):

«... не было дома, где не было бы мертвеца».

В Исходе (12:30) написано:

«... сделался великий вопль в земле Египетской».

Этому соответствует папирус (3:14):

«Стон стоял по всей земле, смешанный с жалобами».

¹ J. Levy, *Wörterbuch über die Talmudim und Midrashim* (Vienna, 1924).

² В своих примечаниях к другому отрывку Гардинер переводит слово «storehouse» как «тюрьма».

Статуи богов падали и разбивались на куски¹: «А я в сию самую ночь... и над всеми богами Египетскими произведу суд» (Исход 12:12).

Книга Артапана, ныне не существующая, в которой цитировался неизвестный древний источник и которая в свою очередь цитировалась Евсевием, повествует о «граде и землетрясении в ночь (последней казни), так что те, кто бежал от землетрясения, были убиты градом, а те, кто пытался укрыться от града, были уничтожены землетрясением. В это время обрушились все дома и большинство храмов»².

Земля была так же безжалостна к мертвым в их могилах: захоронения открывались, и сгоревшие извергались из них.

Папирус 4:4, также 6:14: «Воистину те, кто пребывали забальзамированными на своем месте, были положены на земную возвышенность».

Одна из легенд была представлена в Хаггаде³: в последнюю ночь, когда земля Египта была разрушена, гроб Иосифа был найден на земле, поднявшийся из своей могилы.

Подобные последствия мощных землетрясений время от времени наблюдаются и в настоящее время⁴.

Будущее, печалится Ипувер, вошло в вечную жизнь, они увидели конец света.

В Мидраше Рабба написано по поводу Исхода:

«Даже беременные женщины, готовые родить, выки-

¹ Eusebius, *Preparation for the Gospel* (trans. E. N. Gifford; Oxford, 1903), Book IX, Chap. xxvii.

² Там же.

³ Cf. Louis Ginzberg, *Legends of the Jews* (1925), III, 5—6.

⁴ Сравн. C. S. Osborn. *The Earth Upsets* (Baltimore, 1927), p. 127, по поводу землетрясения в Вальпараисо в Чили в ночь на 15 августа 1906: «Я прибыл на место событий, как только успел добраться. Гробы торчали из могил на кладбищах, расположенных на склоне гор, которые от толчка открылись».

дывали, а потом умирали сами, потому что Разрушитель шествовал повсюду и уничтожал все, что встречал»¹.

«Первенец» или «избранный»

Библейская история последней казни явно неправдоподобна в том отношении, что все первенцы и только первенцы были убиты в ночь кары². Землетрясение, уничтожившее только первенцев, непостижимо, потому что события никогда не достигают такой степени совпадения. Такому преданию никак не стоило бы доверять.

Или история последней казни, в ее канонизированной форме, является вымыслом, или она таит в себе искажение текста. Прежде чем объявить все это странной сказкой, поздней интерполяцией, было бы разумнее задать вопрос: искажена ли в ней только неправдоподобная ее часть. Может быть, слово «первенец» поставлено вместо какого-то другого слова?

Книга Исаяи 43:16: «Так говорит Господь, открывший в море дорогу, в сильных водах стезю...».

20: «... Я в пустынях дам воду, реки в сухой степи, чтобы поить избранный народ Мой».

В Книге Исхода сказано, что Моисею было велено: *Исход 4:22—23:* «И скажи фараону: так говорит Господь:

Израиль есть сын Мой, первенец Мой.

... а если не отпустишь его, Я убью сына твоего, первенца твоего».

«Избранные» названы здесь «первенцами». Если Израиль был первенцем, мезтью Египту должна была стать смерть его первенцев. Но если Израиль был избранным, то мезтью Египту должна была стать смерть его избранных.

«Израиль, мой избранный» — *Israel bechiri, or bechori*.

¹ *Midrash Rabbah* (English trans. edited by H. Freedman and M. Simon; London, 1939), 10 vols.

² Согласно преданиям Хаггады, не только первенцы, но большинство населения Египта было убито во время десятой казни.

«Израиль, мой первенец» — это *Israel bechori*¹.

Это первый корень, который должен определить отношения между Богом и его народом. Следовательно: «В полночь Господь порази́л всех первенцев в земле Египетской» (Исход 12:29), — нужно было бы читать «всех избранных Египта», как некоторые бы выразились, «весь цвет Египта» или «всю силу Египта». «Израиль — мой избранный народ: я поражу всех избранных Египта».

Естественная смерть обычно выбирает слабых, больных, старых. Землетрясение действует иначе; стены обрушиваются одинаково и на сильных, и на слабых. Мидрашим указывает, что «погибло по меньшей мере девять десятых населения»².

В псалме 134 моя идея иллюстрируется употреблением обоих корней в тех случаях, когда следует ожидать двух слов одного корня:

«Ибо Господь избрал себе Иакова, Израиля в собственность Свою... Он порази́л первенцев Египта...».

В псалме 77 история Исхода рассказывается еще раз: Псалтырь 77:43: «Когда сотворил в Египте знамения Свои...».

51: «Порази́л всякого первенца в Египте...».

52: «И повел народ Свой...».

56: «Но они еще искушали и огорчали Бога Всевышнего...».

31: «Гнев Божий пришел на них, убил тучных их, юношей Израилевых низложил».

Были ли первенцы уничтожены, когда гнев обратился против Египта, и были ли уничтожены избранные, когда гнев обратился против Израиля?

Книга Амоса 4:10: «Посы́лал Я на вас моровую язву, подобную Египетской: убивал мечем юношей (избранных) ваших...».

¹ *Bechor* — выбирать, отделять, предпочитать; *bachur* — молодой человек, имеет тот же корень. *Bekhor* — быть ранним, давать первые плоды, созреть первым. Levy, *Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim*.

² Ginzberg, *Legends*, II, 369.

В дни *raash* (потрясения), во время царствования Узии избранные и цвет еврейского народа погибнут, как погибли избранные, сила Египта, — таким было пророчество Амоса.

Возможно, что царский первенец умер в ночь катастрофы. Смерть принца могла явиться решающим доводом для изменения текста. Внутренняя причина связана с тем самым основанием, в результате которого история Исхода прервалась в самый напряженный момент — после того, как дома египтян были разрушены — следующими фразами:

Исход 13:2: «Освяти Мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота: Мои они».

13: «... и каждого первенца человеческого из сынов твоих выкупай».

Иеремия свидетельствует, что принесение жертв огнем и жертвоприношения как таковые не предписывались на момент выхода израильтян из Египта.

Книга Иеремии 7:22: «Ибо отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве».

Это противоречит тексту *Исхода 12:43 до 13:16*. Освободить народ от этого рабства было задачей Амоса, Исаяи и Иеремии.

Амос 5:22: «Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших».

24: «Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!».

25: «Приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне, в течение сорока лет, дом Израилев?».

Мятеж и бегство

Я сделал попытку найти в египетских источниках упоминание о некоей природной катастрофе. Описание разрушений в папирусе Ипувера, если сравнить его с библейскими описаниями, явно создает впечатление, что оба источника рассказывают об одних и тех же событиях. Сле-

довательно, вполне естественно стремление поискать упоминаний о мятежах среди населения, о бегстве жалких рабов из этой страны, подвергшейся бедствию, и о катастрофе, в результате которой погиб фараон.

Хотя в плохо сохранившемся папирусе нет точных сведений об израильтянах и их вождях, три факта, являющиеся последствиями потрясения, описаны вполне четко: бунт среди населения, бегство бедняков, гибель фараона при необычных обстоятельствах.

Если, в дополнение к весьма близкому параллельному описанию казней, я попытался бы извлечь из данного папируса больше, чем эти три факта, я бы обрек себя на обвинение в том, что использую плохое состояние документа для подтверждения заведомо предвзятых идей. Но упоминания о катастрофе и о населении, которое восстало и бежало, вовсе не двусмысленны: значение ясно и не допускает превратного толкования. Следовательно, когда в следующих параграфах я пытаюсь провести дополнительные параллели определенных отрывков, я действую обдуманно. Папирус поврежден и во многих фрагментах неясен. Если то или иное сравнение неполно или произвольно, оно может ничего не добавить, но и ничего не убавит в установленном здесь факте, состоящем в том, что в Египте произошла серия землетрясений и других природных явлений, сопровождавшихся бедствиями, вызывающими гибель людей, животных, растений и водных источников.

Первые знамения приближающейся катастрофы вызвали волнение во всей стране, и пленники возымели желание бежать на свободу. Папирус повествует, что «люди пытались восстать против Уреуса» (эмблема царской власти) и что магические заклинания, связанные со змеем, возвещали (6:6—7 до 7:5—6), что золото и драгоценности «надеты на шею рабынь» (3:2—3; сравните с Исходом 11:2: «чтобы каждый у ближнего своего и каждая женщина у ближней своей выпросили вещей серебряных и вещей золотых»).

Разрушение каменных сооружений, мертвые и раненые в развалинах, упавшие статуи многих богов внушали смятение и ужас; все это рассматривалось как деяния Бога

рабов.

Исход 12:33: «И понуждали Египтяне народ, чтобы скорее выслатъ его из земли той; ибо говорили они: мы все помрем».

Египтяне вынуждены были обращаться к еще более горьким словам. Когда бедствия повторились, они больше не переживали боль и страх смерти, но зывали к ним в речах, подобной этой:

Папирус 4:2: «Воистину мал и велик говорят: я хочу умереть».

5:14: «Неужели это не конец человечества, конец зачатия и рождения! О, пусть на этой земле утихнет шум и не будет больше буйства!».

Следующие строчки говорят о населении, убегающем от бедствия: «Люди бегут... Они построили шалаши, как обитатели гор» (*Папирус 10:2*). В Книге Исхода сказано, что израильяне покинули страну «в спешке» (*Исход 12:33*) и «не могли медлить» (*12:39*). Нет сомнения, что участь беглецов, живущих в рукотворных шалашах, разделило большинство уцелевших, как это случалось много раз, когда где-нибудь происходила ужасная катастрофа, опустошающая города; новый удар пугал тех, кто убежал, спасая свою жизнь.

«Множество разноплеменных» египтян присоединилось к израильским рабам и вместе с ними поспешно направилось в сторону пустыни (*Исход 12:38*). Их первая короткая остановка произошла в Сокхофе (*13:20*), что по-еврейски означает «хижины».

Беглые рабы спешили к границам страны. Днем перед ними в небе шел облачный столб, ночью — столб огненный. *Исход 13:21*: «... днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем и ночью».

Папирус 7:1: «Смотри, огонь поднялся на высоту. Его пламя движется вперед против врагов земли».

Переводчик добавляет следующее замечание: «Здесь «огонь» оценивается как нечто разрушительное».

После первых признаков надвигающейся катастрофы египтяне попытались навести порядок на своей земле. Они вышли на след своих бежавших рабов. Беглецы «заблуди-

лись в земле сей, заперла их пустыня» (Исход 14:3). Они повернули к морю и стали при Пи-Гахирофе. «И погнались за ними Египтяне. Египтяне идут за ними». Ураган бушевал всю ночь, и море отступило.

От большого притока воды «море возвратилось в свое место», и «Египтяне бежали навстречу воде». Море поглотило колесницы и всадников, фараона и все его войско.

Папирус Ипувера (7:1—2) упоминает только о том, что фараон погиб при необычных обстоятельствах, «которые никогда не случались прежде». Египтяне запечатали свои жалобы, и даже в оборванных строчках они впечатляют:

плач ... земля повсюду плач

Гиксосы завоевывают Египет

В Египте долго не было царской власти. За последовавшие недели города подверглись ограблению. Правосудие прекратило свою деятельность. Чернь перекапывала обломки и государственные документы, в которых регистрировались контракты, долговые обязательства и права реальной собственности. Грабители рыскали среди развалин царских складов.

Папирус 6:9: «Воистину законы правосудия отброшены. Люди попирают их в общественных местах».

10:3: «Царский амбар стал достоянием каждого».

Папирус содержит информацию о том, что произошло после этого. Земная кора несколько раз содрогалась от яростных судорог («годы шума»). Дороги стали непроходимыми — «вязкими» и «затопленными» (Папирус 12:11). Государство опустело, и Ипувер скорбит о «недостатке людей». Дворец фараона превратился в груды развалин. Государственные чиновники полностью рассеялись. «Смотрите, правители земли ушедшей» (8:14); «Смотри, нет власти на своем (положенном) месте, как испуганное стадо без пастуха» (9:2). «Бедняки», которые убежали, странствовали по пустыне. Рабы, оставшиеся в Египте, поднимали головы.

Папирус 6:7: «Воистину государственные учреждения открыты, и листы с переписями унесены».

Тогда появились захватчики из глубин пустыни; они пересекли границу и вторглись в разоренную землю.

Папирус 3:1: «Воистину вся земля стала пустыней. Номы обезлюдели. Чужое племя от границы пришло в Египет».

Катастрофа, сделавшая Египет беззащитным, была сигналом для племен Аравийской пустыни.

Папирус 15:1: «Что случилось? — через это азиаты узнали о положении страны».

14:11: «Люди — Они сами приготовили собственный конец. Не нашлось ни одного, чтобы выстоять и защитить себя».

Ошеломленные природными потрясениями, египтяне не защищались. Неясно, является ли «миллион человек» в следующем предложении количеством погибших или количеством захватчиков.

Папирус 12:6: «Сегодня страх — больше миллиона человек. Не видно — враги — вошли в храмы — плач».

Ко всем предшествующим казням добавилась еще и эта: за грабежами последовали разрушения, убийства и изнасилования.

Двойная катастрофа — причиненная природой и захватчиками — уничтожила все высшие сословия и привела на грань социальной революции. «Смотри, благородные дамы голодают». «Смотри, он, который спал без жены, по желанию находит самых знатных». Он, «который провел ночь в грязи», поднял голову. «Она, созерцавшая свое лицо в воде, — владелица зеркала».

Это была анархия. Никто не работал. «Смотри, не трудится ни один ремесленник». «Человек избивает своего брата, сына своей матери». «Люди сидят (за) кустами, пока не появится ночной (странник), чтобы ограбить его». «Смотри, человек совершает насилие против другого... Если три человека путешествуют по дороге, оказывается, что их двое; большинство убивает меньшинство... Земля стала как сорная трава, которая уничтожает людей».

«Как это все ужасно. Что мне делать? — сетует Ипувер. — Горе мне из-за несчастий этого времени!».

Несколько выражений Ипувера указывают на то, что текст папируса был составлен сразу после главной ката-

строфы; последствия и остаточные природные аномалий еще не закончились.

Отправной пункт данного исследования состоял в следующем: Исход из Египта произошел во время грандиозной природной катастрофы. Чтобы определить время Исхода в египетской истории, мы должны были отыскать какие-то упоминания о катастрофе в физическом мире. Эти упоминания содержатся в папирусе Ипувера.

Многие фрагменты папируса утрачены. Начало и конец, несомненно, содержащие детали, возможно имена, погибли. Но того, что сохранилось, вполне достаточно, чтобы убедить нас в конкретном факте: перед нами не просто история катастрофы, но египетская версия «казней».

Было удивительно обнаружить в папирусе, в добавление к истории «жителей болот» и «бедняков», которые бежали с земли, терзаемой казнями, сетования по поводу захватчиков, которые пришли из азиатской пустыни, захватили дезорганизованную страну и стали ее жестокими угнетателями. Аму, или гиксосы, были теми завоевателями, которые правили Египтом на протяжении столетий, отделяющих период Среднего царства от эпохи Нового царства. В следующем разделе будут представлены различные точки зрения на дату возникновения папируса Ипувера.

Пи-Гахироф

В шестидесятых годах прошлого столетия в эль-Арише, городе на границе между Египтом и Палестиной, внимание одного путешественника¹ привлекла усыпальница (паос) из черного гранита, исписанная по всей поверхности иероглифами. Она использовалась местными арабами как корыто для скота. Отчет об этой гробнице и частичный перевод текста были опубликованы в 1890 году².

¹ V. Guérin, *Judée* (Paris, 1869), II, 241.

² F. L. Griffith, *The Antiquities of Tell el Yahudiyeh and Miscellaneous Work in Lower Egypt during the Years 1887—1888* (London, 1890) (published with Naville, *The Mound of the Jew and the City of Onias*).

Гробница тогда все еще использовалась как корыто. В нашем веке камень был доставлен в музей Измаилии, и была предпринята новая попытка перевести этот текст¹.

Со времени открытия монолит из эль-Ариша упоминался только иногда, и его странный текст рассматривался как преимущественно мифологический, хотя в нем названы цари, их дворцы и географические пункты и описано нашествие захватчиков. Имена божеств, появляющиеся в тексте, — это прозвища фараонов. Описание относится к эпохе Птолемеев, или эллинизма, но события, о которых рассказано, охватывают гораздо более ранний период царствования Тона и его наследника. В этом описании имя царя Тона написано королевским картушем — деталь, указывающая на историческую основу текста.

Этот текст, как будет показано, заслуживает внимательного изучения и нового точного перевода. Даже последовательность текста еще до конца не установлена.

В поврежденном тексте есть такие строки:

«Земля пребывала в страшном бедствии. Зло пало на эту землю... Дворец пострадал от страшного удара... Никто не выходил из дворца в течение девяти дней, и в продолжение этих девяти дней сотрясений была такая буря, что ни люди, ни боги не могли видеть лиц своих соседей».

Подобное упоминание о темноте, которая длилась несколько дней, что удерживало всех во дворце и сопровождалось ужасными толчками, и которая была столь плотной, что нельзя было различить лица соседа, обнаруживается в Книге Исхода в истории девятой казни:

Исход 10:22—23: «... и была густая тьма по всей земле Египетской три дня. Не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня».

Египетский текст отличается от еврейского в том отно-

¹ Georges Goyon, «Les Travaux de Chou et les tribulations de Geb d'après le Naos 2248 d'Ismailia», *Kémi, Revue de philologie et d'archéologie égyptiennes et coptes*, VI (1936), 1—42.

шении, что отсчитывает девять дней темноты¹. О сильном ветре в Писании упоминается в связи с приходом предшествующей казни — саранчи. Она была принесена «восточным ветром» и «покрыли лица всей земли, так что земли не было видно» (Исход 10:15), и ее унес «очень сильный западный ветер»:

Исход 10:19: «И воздвигнул Господь с противной стороны западный весьма сильный ветер, и он понес саранчу и бросил ее в Черное море».

Сразу вслед за этим наступила девятая казнь — сплошная темнота.

В историю тьмы египетской, как говорилось в старинных книгах Мидраша, добавлены некоторые дополнительные детали. Казнь темнотой длилась семь дней. В продолжение первых трех дней люди еще могли передвигаться; в остальные три дня они не могли сойти с места. Раввинские источники, таким образом описывающие казнь темнотой, многочисленны². Иосиф Флавий³ и Филон Александрийский⁴ в первом столетии нашей эры также придерживались того, что может быть названо раввинскими писаниями. Соединение этого материала представляет следующую картину:

«... чрезвычайно сильный западный ветер... длился семь дней. Все это время земля была окутана мраком... Темно-

¹ A. S. Yahuda, *The Accuracy of the Bible* (London, 1934), на стр. 84 мы находим следующий отрывок: «В «Мифе о Богах-Царях», который так же древен, как сам Египет, сказано, что мир был заполнен мраком, и текст продолжает дословно: «ни один из людей и богов не мог видеть лица другого восемь дней». Еврейский автор не в такой мере склонен к фантазии и преувеличениям, как его египетский предшественник, и потому сократил 8 дней до 3. Этим замечанием автор «назв. по лат.» и удовлетворился.

² Ginzberg, *Legends*, II 359—60; V, 431—39. Among the sources are Midrash Shemoth Raba, Midrash Shir Hashirim Raba, Targum Yerushalmi, Midrash Tanhuma Hakadom Hajashan, Sefer Hajashar, Sefer Mekhilta Ishmael.

³ *Jewish Antiquities*, II, 14, 5.

⁴ *Vita Mosis*, I, 21.

та была такая, что ее нельзя было рассеять искусственными средствами. Свет огня... или гасился бешеным ветром, или становился невидимым и поглощался плотным мраком...

Никто не мог ни говорить, ни слушать, никто не пытался принимать пищу, но все лежали пластом ... их внешние ощущения пребывали в трансе. И так они оставались, переполненные скорбью...»¹.

Последний, седьмой, день тьмы охватил землю, когда израильтяне находились у моря Перехода². В Книге Исхода сказано, что «были туча и тьма», так что лагерь египтян не мог приблизиться к лагерю израильтян «всю ночь». «И гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь».

Предание исчисляет время от десятой казни, которая последовала сразу же за казнью темнотой, до перехода через море в шесть дней и несколько часов. Исход, который последовал за ночью десятой казни, увековечен в первом дне Пасхи (пятнадцатый день месяца нисана), а переход через море — последним, седьмым, днем Пасхи (двадцать первый день месяца нисана).

Еврейская версия казни темнотой не похожа на египетскую; это была не абсолютная тьма — бешеный ветер нес с собой мелкий пепел. «Темнота пришла из ада, и ее можно было ощутить»³. В этой буре и тьме, которая продолжалась много дней и ночей, трудно было различить время; люди, подавленные несчастьем, были неспособны вести точный отсчет времени. В подобных обстоятельствах незначительное расхождение между текстом на камне (девять дней⁴ темноты) и преданием Мидрашима (семь дней темноты) можно не принимать в расчет.

Еврейские сказания повествуют, что города опустели в этой тьме и многие израильтяне оказались мертвыми после девятой казни⁵. Земля пережила упадок и разрушение.

¹ Ginzberg. *Legends*. II, 359—60.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. выше сноску 1.

⁵ Josephus, *Jewish Antiquities*, II, 14, 5. Ginzberg, *Legends*, II, 345.

«Зло пало на землю... земля в великой скорби... большое волнение во дворце» — таковы фрагменты на надгробии, описывающие десять дней темноты и бури, когда никто не мог ничего различить и не мог покинуть дворца.

Посреди разгула природных сил «его величество Шу» собрал своих ангелов и приказал им следовать за ним в тот край, где, как он обещал, они вновь увидят свет: «Мы увидим нашего отца Ра-Характи в сверкающем краю Бахи».

Под покровом темноты захватчики из пустыни приблизились к границам Египта. «... его величество Шу отправился на битву против сторонников Апопа». Апоп был свирепым божеством тьмы. Царь и его войско так и не вернулись: они погибли.

«Теперь, когда великий Ра-Хармашиса (Характи?) сразился со злодеями в этом озере, в месте Водоворота, злодеи не одержали победу над его величеством. Его величество прыгнул в так называемый Водоворот»¹.

А в Книге Исхода рассказывается:

Исход 14:27:28: «... вода возвратилась в свое место; а египтяне бежали навстречу воде. Так потопил Господь Египтян среди моря.

И вода возвратилась, и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море».

И фараон тоже погиб:

Исход 15:19: «Когда вошли кони фараона с колесницами его и с всадниками его в море, то Господь обратил на них воды морские».

История тьмы египетской, представленная в еврейских и египетских источниках, очень сходна. Смерть фараона в водах водоворота также сходна в еврейских и египетских источниках, и это сходство тем важнее, что в обеих версиях фараон погибал в водовороте во время или после периода густой тьмы и ужасного урагана.

Однако это удивительное сходство не есть идентичность. Предмет двух сообщений может считаться идентичным только в том случае, если в обеих версиях, еврейской и египетской, может быть обнаружена определенная деталь, которую нельзя приписать случайному совпадению.

¹ Griffith, *The Antiquities of Tell el Yahudiyeh*, p. 73.

Путь фараона с его войском связан с описанием сильного удара, сокрушившего дворец, и бури, погрузившей землю во тьму. Он прибыл в место, которое точно названо:

«Его величество... нашел на этом месте, называемом Пи-Кироф».

Несколькими строками ниже сказано, что «он был отброшен какой-то мощной силой. Он был брошен водоворотом высоко в воздух. Он отправился в небеса. Он больше не был жив».

Объяснение переводчика текста, связанное с данным географическим названием «Пи-Кироф», состоит в следующем: «... неизвестно, кроме данного примера»¹.

Предпринятая здесь идентификация темы двух версий, еврейской и египетской, вовсе не ошибочна, если место, где погиб фараон, было местом моря Перехода.

Исход 14:9: «И погнались за ними Египтяне, и все кони с колесницами фараона ... и настигли их расположившихся у моря, при Пи-Гахирофе (Кирофе)».

Пи-Кироф — это Пи-Гахироф еврейского текста². Это одно и то же место. Это одна и та же погоня. Ошибочным был вывод о том, что это название не встречалось нигде, кроме как на надгробной плите.

Надпись на надгробии повествует, что через некоторое время объявился сын фараона «его величество Геб». «Он просил донесений». Очевидцы из прилегающих местностей «дали ему информацию обо всем, что происходило с Ра в Ат Небесе, о битвах царя Тоума».

Все, кто сопровождал царевича, были уничтожены ужасным ураганом, а царевич, «его величество Геб», по-

¹ «N'est connu que par cet exemple: sans doute peu éloigné de Saft el Henneh ou sur la route de Memphis à Pisoped». Goyon, Kémi, VI (1936), 31, note 4.

² «Га» в названии Пи-Гахироф — это еврейский определенный артикль. Он стоит между Пи и Хирофом. Гласные в переводе с египетского текста были версией переводчика; название может читаться как Пи-Кироф.

лучил ожоги перед возвращением из экспедиции, куда он отправился на поиски своего погибшего отца.

Захватчики, приближавшиеся со стороны Ат Небеса, вошли в сумрачный и подавленный Египет. «Дети Апопа, мятежники, которые пребывали в Ушеру (не идентифицировано, имеет пометку «сухой», означающую «пустыню») и в пустыне, приблизились со стороны Ат Небеса и обрушились на Египет, когда на него упала тьма. Они завоевали его, чтобы разрушить... Мятежники эти пришли с гор Востока со стороны Ат Небеса»¹.

Царевич отступил перед захватчиками. Он не вернулся в Гелиополис: «Он не пошел в Оно с (или «как») подручными похитителей скипетра»; у него похитили его наследство. Он уединился в загородной резиденции Хи-Тауи, «в земле, где растет *hepou* слово. стр. 44, абзац 6». Отсюда он предпринял попытку, совершенно безуспешную, связаться с «чужеземцами и аму», чтобы они покинули страну. Пребывая в полной беспомощности, он вспоминал, как его отец, утонувший в водовороте, в лучшие дни сражался со всеми мятежниками и «уничтожал детей Апопа».

Спустя некоторое время «воздух стал холодным, и все вымерло».

Неизвестно, что произошло с несчастным царевичем. Конец его, несомненно, был печальным. Египет был опустошен ураганом и сметен огнем. Дворец был захвачен аму.

Надпись на надгробии в эль-Арише сообщает, что имя фараона, погибшего в водовороте, было Том или Тоум. Любопытно, что Пи-Том означает «жилище Тома». Питом был одним из двух городов, выстроенных израильскими рабами для фараона-угнетателя². У Манефона фараон, в

¹ Goyon, *Kémi*, VI (1936). ii (text), and 27 (translation).

² Государственные здания Питома были открыты Э. Невиллом в 1885 году в Тель-эль-Макхуте и идентифицированы с помощью надписей.

Название другого города, Рамзеса, дало повод отождествлять Рамзеса II из Девятнадцатой династии с фараоном-угнетателем. Полезно вспомнить, что «второй» в нашем современном отсчете царей, и Рамзес из Девятнадцатой династии могли иметь некоторых пред-

царствование которого «удар небесного гнева» обрушился на Египет перед нашествием гиксосов, назывался Тутимаус или Тимайос¹.

Вопрос, который задается уже в течение столетий или даже тысячелетий о том, где находилось море Перехода, может быть решен с помощью этой надписи на надгробии. В соответствии с определенными указаниями в данном тексте, Пи-Гахироф, где развернулись события, находился на пути от Мемфиса к Писапти².

Папирус Эрмитажа

Текст папируса, хранившийся в Эрмитаже в Ленинграде и обозначенный в каталоге этого музея как «номер 1116 б ректо»³ — это литературное эхо тех роковых дней, когда египетская империя погибала и земля ее стала добычей завоевателей-кочевников. В этом папирусе рассказывается та же самая история, которая нам известна из папируса Ипувера, но несколько иначе.

Природные катастрофы и последующий захват Египта племенами пустыни упомянуты здесь, но не как события прошлого или настоящего, а как то, что должно произойти. Очевидно, это связано только с выбором литературной формы предсказания.

шественников с тем же самым именем из династий, предшествующих гиксосам. Рамзес мог также быть городом, названным по имени его божества. Возможно также, что название города Рамзес (Исход 12:37) — это более позднее название местности; подобным же образом мы называем эль-Амарной исторический Ахет-Атон. Ссылка на город Рамзес часто использовалась в качестве аргумента против отождествления хабиру с израильтянами.

¹ Gutschmidt and Reinach read the name Tyatoc, See: Josephus, *Against Apion* (trans. H. St. Thackeray; London, New York, 1926), I, 75, note.

² *N'est connu que par cet exemple: sans doute peu éloigné de Saft el Henneh ou sur la route de Memphis à Pisoped.* Goyon, Kémi, VI (1936), 31, note 4.

³ A. H. Gardiner, «New Literary Works from Ancient Egypt», *Journal of Egyptian Archaeology*, I (1914), 100—6.

Мудрец, по имени Неферох, спрашивает своего царственного собеседника, хочет ли тот услышать о событиях прошлого или будущего. «И сказал его величество: «Нет, о событиях будущего». Пророк «размышлял над тем, что должно произойти в его отечестве и молил о благополучии Востока в том случае, если придут азиаты (Аму) в своей мощи и с разъяренными сердцами... И он сказал: «Горе мне и оплакивай эту землю, над которой ты возвышаешься».

«Земля окончательно погибла и ничего не осталось. Погибла эта земля... Солнце закрыто, и свет его не виден людям. Никто не может жить, если солнце закрыто тучами...». «Река Египта (даже река) высохла». «Южный ветер столкнется с Северным ветром». «Земля подвергнется опустошению... Бедуины заполняют эту землю. Ибо враги находятся на востоке (в стороне, где восходит солнце), и азиаты придут в Египет». «Животные пустыни станут пить из рек Египта... Земля подвергнется потрясениям...». «Я покажу тебе перевернутую землю, такое, что никогда (еще) не случалось...». «Люди смеются смехом горьким. Нет никого, кто оплакивает смерть». «Никто не знает, день ли наступил; его (солнца) тень не рассеивается. Оно не сверкает, когда на него смотришь... В небе оно подобно луне»...

Из этого описания изменений в природе мы можем узнать то время, когда израильтяне бродили по пустыне под облачным небом, в «земле тени, тени смертной»¹. Столетия спустя Иеремия сетовал: «И не сказали: «где Господь, Который вывел нас из земли Египетской, вел нас по пустыне, по земле пустой и необитаемой, по земле сухой, по земле тени смертной ...» (Книга пророка Иеремии 2:6). В других многочисленных фрагментах Священного Писания эта «тень смертная» тоже упоминается: во время многолетних скитаний по пустыне небо было затянуто облаками, которые висели над пустыней²; все жизненные

¹ Сравн.: Псалтырь 22:4; 43:19; 106:10, 14; Книга Исаяи 9:2; 51:16; Книга Иеремии 13:16; Книга Амоса 5:8; Книга Иова 24:17; 28:3; 34:22, и т. д.

² Плотный облачный покров над пустыней постоянно упоминается в Священном Писании, а также в Талмуде и Мидрашине.

процессы были нарушены, и потому этот сумрак назывался «тьма смертная». Казнь темнотой, последствием которой, как я утверждаю, была «тьма смертная», описана в книге «Миры в столкновении», которая исследует физическую сторону данной катастрофы.

Представив картину природной катастрофы, сопровождающейся политическим порабощением Египта, совершенным аму, пророк Неферох предсказывает освобождение с помощью царя, который должен родиться от нубийской женщины и зваться Амену — «Аму падет от его меча». После этого «будет воздвигнута «Царская стена», чтобы преградить Аму путь в Египет».

Возникает вопрос: является ли Амену историческим лицом. В связи с некоторыми предположениями относительно его личности, папирус датировался эпохой Древнего царства или временем, следующим сразу за ее окончанием; очевидно также, что этот текст имеет много общего с папирусом из Лейдена. Однако эпоха гиксосов (аму) в Египте последовала за окончанием Среднего царства. Имя Амену может относиться к Аменхотепу I, одному из первых царей Египта после его освобождения от гиксосов; в момент освобождения он был царевичем. Обычно он изображался чернокожим¹, что также должно согласовываться со словами «рожден от нубийской женщины». Позже он удостоился особого почитания.

Литературный памятник, который непосредственно близок к Папирусу Эрмитажа 1116 б ректо — это пророчество на глиняном сосуде эпохи царя Аменописа (Аменхотепа). «Безводный Нил наполнится, сместившаяся зима вернется в свой сезон. Солнце возобновит свой путь, и ветры утихнут. Ибо во времена Тифона солнце закрыто тучами». Это пророчество сохранилось на папирусе, написанном по-гречески и представляющем перевод с более древнего египетского текста². Имя фараона указывает на

¹ Однако изображение его черным могло быть связано с почитанием его как умершего святого.

² Литература, касающаяся этого пророчества, представлена в работе — G. Manteuffel, *De opusculis graecis Aegypti...* (Warsaw, 1930); *Mélanges Maspero*, II (1934), 119—27.

одного из Аменхотепов эпохи Нового Царства¹ и, как я считаю, относится к тому же самому Амену или Аменхотепу I.

Два вопроса

Возникают два вопроса, которые требуют ответа. Первый состоит в следующем: каковы были природа и масштабы этой катастрофы, точнее этой серии катастроф, сопровождавшихся бедствиями, о которых мы имеем очень сходные свидетельства в египетских текстах и Священном Писании? В следующей главе мы рассмотрим также аналогичные предания коренных жителей Аравийского полуострова. Ответ на этот вопрос влечет за собой изучение не только истории, но и многих других сфер знания. Работа, содержащая исследование природы грандиозных катастроф прошлого, предшествует данному тому.

Оставляя здесь в стороне проблему масштаба и характера указанной катастрофы, мы обращаемся к другому вопросу. Когда случилось это бедствие? Что касается еврейской истории — ответ под рукой: в дни Исхода. Что касается истории египетской, то мы должны первым делом выяснить, когда возник текст папируса Ипувера.

Ученые, которые уже исследовали этот папирус, едины в том, что данный документ является копией более древнего папируса: «Переписчик воспользовался папирусом, который был на несколько столетий старше»². Копия была сделана примерно в эпоху девятнадцатой династии, но «буквенное написание в целом соответствует литературному тексту Среднего царства, если толковать это понятие достаточно свободно»³.

Вопрос: «Когда возник первоначальный текст?», — становится чрезвычайно важным, если иметь в виду

¹ Н. Ranke in Gressmann, *Altorientalische Texte* (Tübingen, 1909), pp. 207—8: «*Der Name Amenophis weist jedenfalls auf einen der Amenhotep der XVIII Dynastie*».

² Gardiner, *Admonitions*, p. 3.

³ Там же, с. 2.

представленные здесь параллели с Книгой Исхода.

Установлено, что вопрос о возрасте текста «весьма неоднозначно связан с проблемой исторической ситуации, которую подразумевал автор (Ипувер)»¹. Текст говорит одновременно о гражданской войне и об азиатской оккупации дельты Нила. «Существуют два периода, которые могут соответствовать условиям данного текста: один — это темные века, разделяющие шестую и одиннадцатую династии (или Древнее царство от Среднего); другой — это эпоха гиксосов (между Средним и Новым царством)». Мнения специалистов по папирусам (Гардинера и Зете) разделились по вопросу о том, к какому из двух этих периодов принадлежит текст упомянутого папируса? Первый период не содержал каких-то определенных сведений о нашествии азиатов (аму) в промежутке между Древним и Новым царством. Следовательно, имея в виду историческую основу папируса, следует впервые подтвердить с помощью данного папируса факт такого вторжения². «Точка зрения Зете не связана с подобными трудностями»: он утверждал, что описанное время — это время гиксосов. Отметив это, Гардинер добавил: «Мнение о том, что наш папирус из Лейдена содержит указание на гиксосов, лучше всего обосновано с исторической точки зрения». Но филологические соображения «заставляют нас отодвинуть дату его создания на возможно более дальний срок». Было обнаружено, что язык, без сомнения, относится не к эпохе Нового царства, а к гораздо более ранней. «К тому же текст содержит некоторые указания на устройство «Больших Домов» (придворных судов), которые перестали существовать или в период Среднего царства, или сразу после его окончания».

¹ Gardiner, Admonitions, с. 17.

² В данном случае «аму» может обозначать не только племя гиксосов, но вообще азиатов.

Нам стоит вспомнить, что эти Большие Дома описаны в папирусе как разрушенные: по ним шагали толпы, роющиеся в руинах. Эта деталь, как мне кажется, даже еще более точно указывает на время, когда потерпело крах Среднее царство, и на этой основе данный папирус не может рассматриваться как литературный документ, составленный в эпоху, предшествующую гиксосам. С точки зрения стиля и языка, как предположил Гардинер, «вполне возможно, что этот текст был создан, когда гиксосы еще не покинули данной территории».

Дискуссия о том, описан ли в данном тексте период между Древним и Средним царствами или между Средним и Новым царствами, была прекращена сторонниками первой точки зрения следующим образом: «Без сомнения, разумнее будет сейчас оставить этот вопрос открытым».

Я возвращаюсь к этому вопросу. Исторической основой является факт вторжения гиксосов (Зете). Филологические исследования показывают, что данный текст имеет все признаки литературного памятника Среднего царства (Гардинер)¹. Если соединить исторические и филологические доказательства, все указывает на конец Среднего царства и самое начало вторжения гиксосов. Стиль может, разумеется, сохранять особенности эпохи Среднего царства, потому что в течение нескольких месяцев после завершения этой великой эпохи никаких изменений в языке и форме поэтических произведений произойти не могло. На протяжении веков, проведенных под гнетом гиксосов, литературная деятельность в Египте не существовала. Кроме того,

¹ И Зете и Гардинер считают, что текст не относится ко времени описываемых событий, но, споря о возрасте данного текста, Сет увидел в нем описание событий эпохи гиксосов и счел временем его создания начало Нового царства; Гардинер считал, что временем создания было Среднее царство или, возможно, эпоха гиксосов.

вполне очевидно, что Ипувер оплакивает трагедию своего времени, а не прошлых веков.

В споре между Гардинером и Зете Гардинер прав в своей филологической аргументации того факта, что самым поздним периодом, от которого можно вести происхождение данного текста, является эпоха гиксосов. Однако он ошибался, заявляя, что текст описывает события темного периода между Древним и Новым царствами, а Зете приводил убедительные исторические аргументы в пользу того факта, что описанные события есть по существу вторжение гиксосов после падения Среднего царства. С другой стороны, Зете ошибался, когда относил составление текста к эпохе Нового царства. Он был создан сразу после падения Среднего царства, в самом начале эпохи гиксосов. И исторические и филологические аргументы вполне согласуются с этим выводом.

Те, кто пытались совместить Исход с последовательностью событий египетской истории, никогда не осмеливались относить его дальше промежутка времени между Средним и Новым царствами (время гиксосов) и, разумеется, никак не к периоду между Древним и Средним царствами. Не только нашествие аму (гиксосов) является исторической основой Предсказаний, но также физическая катастрофа и бедствия, и все это имеет аналоги в эпохе Исхода. И этот факт несомненно подтверждает, что о самой ранней дате — между Древним и Средним царствами — не может быть и речи. И даже самая поздняя дата представляется довольно сомнительной, так как является слишком ранней для Исхода.

Есть ли какие-нибудь физические данные, которые могли бы указать на некоторые значительные изменения, происшедшие в геологической структуре Египта в какой-то момент времени после эпохи Среднего царства?

Лепсиус наблюдал удивительное явление, когда уровень Нила в Семне в эпоху Среднего царства достигал такой высоты (в том месте, где река проходит через горный туннель), которая на двадцать два фута превышала самый высокий сегодняшний уровень¹. Теоретически падение уровня воды на двадцать два фута может быть объяснено или изменением количества воды в Ниле со времени Среднего царства или изменением горных структур Египта². Если в Ниле до катастрофы было так много воды, многие дворцы и храмы должны были бы полностью покрываться водой. Скорее всего, уровень Нила в Семне указывает на то, что происходили какие-то резкие изменения в структуре горных пород Египта в конце Среднего царства или чуть позже.

Среднеминойский период, который является периодом критской культуры, современной эпохе Среднего царства в Египте, также пришел к завершению в результате ужасной

¹ Lepsius, *Letters from Egypt, Ethiopia and the Peninsula of Sinai*, pp. 19—20: «Семне. Нил здесь сжат до ширины, составляющей только около 1150 футов между высокими скалистыми берегами... Мы нашли многочисленные надписи эпохи Двенадцатой и Тринадцатой династий... Многие из них призваны были указывать самый высокий уровень подъема Нила на протяжении многих лет, особенно в период царствования фараонов Аменхотепа III и Себекхотепа I, и, сравнивая их, мы получили поразительный результат: около 4000 лет назад Нил обычно поднимался на уровень, превышающий нынешний на двадцать два фута».

² Уровень Нила был невысок, по крайней мере в течение определенного периода после катастрофы, «как свидетельствуют иноземные завоеватели, вплоть до пересыхания. Нил и затянутае тучами или затемненное солнце» — «характерные атрибуты египетских пророчеств». Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, I (1914), 101.

природной катастрофы, как показывают раскопки в Кноссе¹.

Существует важная египетская надпись периода царицы Хатшепсут, пришедшей к власти через два или три поколения после изгнания гиксосов, в которой записано:

«Жилище госпожи Кеми превратилось в руины, земля поглотила ее прекрасный жертвенник и детей, играющих на крыше ее храма... Я вычистил и восстановил его заново. Я восстановил то, что лежало в руинах, и закончил то, что осталось незаконченным. Ибо в Дельте и в Аварисе пребывали аму, и орды чужеземцев разрушили древние памятники; они царствовали, не ведая бога Ра»².

Эти строчки содержат упоминание о том, что храмы были поглощены землей³, и что гиксосы (аму), которые завладели страной, не стремились восстанавливать руины и даже добавляли новые разрушения. Гиксосы разрушали, но они не погребали здания в земле. «Означает ли это, что

¹ Sir Arthur J. Evans, *The Palace of Minos* (London, 1921—35), III, 14.

² *Inscription at Speos Artemidos*. W. M. Flinders Petrie, *A History of Egypt: During the Seventeenth and Eighteenth Dynasties* (7th ed.; London, 1924), II, 19. Breasted, *Records*, II, 300ff., differs in translation. A new translation was published by Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, XXXII (1946), 46f.

³ В древнем Мидраше рассказывается, что стены Питома и Рамзеса упали и были частично поглощены землей и что многие израильтяне при этом погибли. Если место, которое Эдуард Нэвил определил как Питом (*The Store-City of Pithom and the Route of the Exodus* [2nd ed.; London, 1885]) — это место, упомянутое в Книге Исхода, более глубокие раскопки коры (Нэвилл исследовал слой Девятнадцатой династии, так как относил Исход к этому времени) могут показать, является ли упоминание в Мидраше только легендой.

В целом поглощение целых городов и деревень землетрясением — вполне достоверный факт.

храм исчез во время землетрясения?»¹

Во всех трех цитированных египетских документах — папирусе из Лейдена, надписях на камне в эль-Арише и папирусе из Ленинграда, а также в надписи Хатшепсут, природная катастрофа и вторжение аму описаны как события, следующие одно за другим. И поскольку естественная катастрофа представляла собой серию толчков и сотрясений, вторжение народа из Азии произошло до того, как стихии успокоились.

Со времен древности ученые разных эпох отождествляли израильтян с гиксосами (аму); другие авторы связали приход израильтян с периодом правления гиксосов в Египте, а Исход израильтян — с царствованием одного из фараонов восемнадцатой династии. Большинство исследователей, однако, считает, что пребывание израильтян имело место в гораздо более поздний период. Они относят появление израильтян к некоей временной точке периода восемнадцатой династии, период угнетения — к правлению Рамзеса II из девятнадцатой династии, а Исход — ко времени правления его преемника Минепты.

Я пришел к совершенно иным результатам. Израильтяне покинули Египет в момент разгула грандиозной природной катастрофы. Аму, которые вторглись в Египет и стали хозяевами земли сразу вслед за этим, несомненно, не были израильтянами. Предания израильтян совершенно определенным образом связывают уход из Египта с тем временем, когда земля, небо и море соревновались в ярости и разрушительной силе, но не содержат никакой информации о прибытии израильтян в Египет в дни катаклизма.

¹ «Нелегко понять, что имела в виду царица... Я перевожу, как и Голенищев, «земля, которая поглотила святилище». Означает ли это, что храм исчез во время землетрясения?». Edouard Naville, «The Life and Monuments of Hatshopsitu» in *The Tomb of Hatshopsitu* by Theodore M. Davis (London, 1906), p. 69.

«Жители болот» или «бедняки» покинули страну именно при таких обстоятельствах; это, должно быть, были израильтяне и множество египтян, которые сопровождали их в Исходе¹. Аму-гиксосы достигли египетской земли, которая сделалась их добычей, вскоре после катастрофы.

Если вышеприведенные параллели и сделанные на основании их выводы верны, значит, Исход израильтян произошел на несколько дней или недель раньше, чем вторжение гиксосов.

¹ Исход 12:38

ГЛАВА II ГИКСОСЫ

Кем были гиксосы?

Египетский историк Манефон, который жил в эпоху Птолемеев, является нашим главным источником информации о вторжении гиксосов. Его история Египта не сохранилась, но некоторые фрагменты, касающиеся этого вторжения, представлены у Иосифа Флавия, Евсевия и Секста Юлия Африканского¹.

Иосиф в своем памфлете «Против Апиона» представил вторую книгу египетской истории Манефона в большем объеме, чем Евсевий и Юлий Африканский. Вот этот отрывок:

«Я процитирую его (Манефона) собственные слова, как будто я привел этого человека на скамью свидетелей:

«Тутмос. В его царствование, не знаю почему, обрушился на нас удар Божьего гнева. Люди низкого происхождения, пришедшие с востока неожиданно, имели дерзость вторгнуться в страну, которой они овладели, имея большую силу, без труда и даже без боя»².

Откуда пришли гиксосы? Точки зрения ученых различаются. Некоторые считали, что гиксосы принадлежали к арийским народам Миттани³, другие полагали, что они были скифами⁴. А некоторые на протяжении двух тысячелетий полагали, что они были израильтянами, прибытие которых в Египет представлено в Библии в совершенно иной версии. И наконец, даже сам факт вторжения в Египет племени, названного гиксосами, оспаривался одним из ученых, который с большим старанием изучал следы так

¹ *Manetho* (trans. Waddell).

² Josephus, *Against Apion* (trans. St. Thackeray), I, 74—75.

³ Meyer, *Geschichte des Altertums*, Vol. II, Pt. 1 (2nd ed.), p. 42.

⁴ Гипотеза выдвинута И. Роселлини: *I Monumenti Storici* (Pisa, 1832), p. 176.

называемой династии гиксосов в Египте¹. Однако последователей у него не нашлось.

Уже во времена Манефона место их первоначального обитания не было в точности известно, но об одном он знал: «Некоторые говорят, что они были арабами»².

Манефон, который писал по-гречески, так объяснял происхождение названия этого племени:

«Их племя носило родовое имя Гиксос, что означает «царь-пастух». Ведь «Гик» на их священном языке означает «царь», а «сос» на простонародном диалекте — «пастух» или пастухи; из соединения этих слов получается «Гиксос»³.

Как уже отмечалось ниже, в памятниках египетской литературы гиксосы назывались «аму».

Гиксосы были народом, до мозга костей пропитанным духом разрушения. Насколько известно, при их правлении не был воздвигнут ни один памятник исторического или культурного значения, ни одного литературного произведения не сохранилось от их эпохи, за исключением жалобных плачей, подобных папирусу Ипувера. Память о злобности этих кочевых племен представлена у Манефона-Иосифа⁴.

Священное Писание не содержит информации о том, что произошло в Египте после ухода израильтян. Они уходили в разгар природной катастрофы и всеобщего уничтожения.

¹ R. Weill, «Les Hyksos et la Restauration nationale», *Journal asiatique*, 1910—13, and his *La Fin du Moyen Empire égyptien* (Paris, 1918), pp. 1—262. Тот же самый автор недавно опубликовал на эту тему «Remise en positio chronologique et historiques de la XII Dynastie», *Journal asiatique*, CCXXXIV (1943—1945), 131—49; and «Le Synchronisme egypto-babylonien», *Chronique d'Égypte*, XXI (1946), 34—43.

² Josephus, *Against Apion*, I, 82.

³ Там же. Сейчас предпочитается этимология, согласно которой название гиксос является египетским эквивалентом слов «чужеземные властители».

⁴ *Against Apion*, I, 76.

Папирус Ипувера дополняет это предание: он рассказывает о захватчиках, которые терзали землю Египта. Десятая казнь не была последней, за ней следовала еще одна. Жестокий захватчик покорил некогда могущественное государство, теперь разгромленное и пребывающее в оцепенении; он победил его, не встретив сопротивления; он осквернил святые места; он насиловал оставшихся в живых женщин, обращал в рабство растерзанное население. Он полностью разрушил храмы, те, что еще сохранились, грабил могилы мертвых и калечил тех, кто еще остался жив.

Мы читаем сетования одного из тех, кто выжил после ярости содрогавшейся земли и кто был свидетелем бедствий, вызванных нашествием жестокого врага. Если сравнить свидетельства Книги Исхода и папируса Ипувера, становится ясно, что эта одиннадцатая казнь последовала за предыдущими в тот момент, когда израильтяне уже вышли из страны, но в то же время сразу же после их ухода. Израильтяне покидали страну, которая лежала опустошенная ударами небес. Другой народ — названный египтянами аму — опустошил страну и воспользовался ее плачевным положением к собственной выгоде. Катастрофа еще не завершилась, она еще развивалась, когда Египет был захвачен аму.

Захватчики пришли из Азии; так заявлено в папирусе Ипувера. Израильтяне шли в сторону Азии. Два континента, Азия и Африка, соединены маленьким треугольным кусочком земли. И вполне возможно, что израильтяне, двигавшиеся к Азии, встретили захватчиков аму, двигавшихся к египетской границе. Повстречались ли они?

Да, они действительно встретились.

Израильтяне встречают гиксосов

Уже до того как израильтяне достигли горы Синай, они встретили многочисленных амаликитян. В Мериве, которая находится у подножия Хорива, где народ возжелал напиться, в каменистой долине «пришли Амаликитяне и воевали с Израильтянами в Рефидиме» (Исход 17:8). Моисей, Аарон и Ор вззошли на вершин,

холма и молились о времени, когда Иисус Навин сразится с амаликитянами. В некоторые моменты битвы одерживали верх амаликитяне, но

Исход 17:13—16: «... низложил Иисус Амалика и народ его острием меча. И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в книгу... я совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной. И устроил Моисей жертвенник, и нарек ему имя: Иегованисси. Ибо, сказал он, рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род».

Раввинские предания говорят, что в этой схватке Иисус Навин противостоял четыремстам тысячам воинов амаликитян¹.

Победа при Рефидиме далась дорогой ценой: в этой битве израильтяне получили перевес только после того, как их жестоко теснили и довели почти до поражения.

Это была лишь одна их схватка с амаликитянами. Вскоре израильтяне, бегущие из Египта, встретились с ними прямо на пути, который они для себя избрали. Племена пустыни, блуждавшие на обширных пространствах вокруг Сирии и Египта, постоянно вовлекали странников в мелкие стычки, ночные набеги, случайные столкновения. Страдая от недостатка воды в пустыне, засыпанной песком и пеплом, израильтяне испытывали муки от безжалостных налетчиков, которые грабили и растаскивали все, как пираты.

Небесный удар, говорится в Хаггаде, вызвал панику среди язычников, и никто не смог противостоять израильтянам. Но этот страх исчез, когда амаликитяне пошли в атаку на израильтян².

Выход к Ханаану с юга был закрыт для израильтян. «Амалик живет на южной части земли» (Книга Чисел 13:29). Люди в пустыне услышали эту весть от двенадцати человек, когда те вернулись, осуществив поручение обследовать Ханаан.

«Чтобы в высшей степени усилить их страх перед

¹ Midrash Aba Gorion, III (Vilna, 1886), 27. See Ginzberg, *Legends*, VI, 23.

² Там же, III, 62.

обитателями Палестины, — говорится в Мидраше¹, — разведчики заявили: «Амаликитяне живут на южной части земли». Такое утверждение относительно Амалика основано на факте: хотя Палестина не была изначально их домом, они еще недавно там обосновались».

Народ, которому было доставлено двенадцатью разведчиками это сообщение, «плакал всю ночь» (Числа 14:1): «о, если бы мы умерли в земле Египетской, или умерли бы в пустыне сей!» (Числа 14:2).

Чтобы вызвать такой безграничный ужас, амаликитяне должны были быть не просто бандой грабителей-бедуинов, но обладать мощью, превосходящей все народы в данном регионе.

Сначала Моисей повелел израильтянам попытаться прорваться в Ханаан через южную границу, но они испугались и грозились забросать камнями своего вождя. Они заслужили приговор: «Воистину они не увидят земли, которую я предназначал их отцам», и они обречены были сорок лет блуждать в пустыне. И было им сказано:

Числа 14:25: «Амаликитяне и Хананеи живут в долине. Завтра обратитесь и идите в пустыню к Черному морю».

Пустыня с ее опасными испытаниями — землетрясениями, расщеплением земли, сполохами пламени, исчезновением родников — страшила израильтян. Погибли тысячи, еще держа кусок дичи в зубах. Это были перепела, приготовившиеся улетать, подобно тому, как израильтяне бежали из Египта, амаликитяне — из Аравии, а дикие животные — к жилищам человека, и саранча, которую ветром гнало в Красное море. Человеческое жилище, и нора дикого зверя, и гнездо перепела стали небезопасны, и мощный инстинкт одновременно проснулся во всех. Израильтяне брели в сторону Ханаана, родины их предков, и пришли в уныние, когда оказались перед выбором — сражаться с амаликитянами или отправляться в пустыню. Участь странников в этом унылом краю их ужасала, и они в отчаянии решили проложить себе дорогу. И тогда Моисей сказал:

Числа 14:42—45: «Не ходите, ибо нет среди нас Господа... Ибо Амаликитяне и Хананеи там перед вами, и вы

¹ Midrash Aba Gorion, III (Vilna, 1886), 27. See Ginzberg, *Legends*, VI, 23.

падете от меча... Но они дерзнули подняться ... И сошли Амаликитяне и Хананеи, живущие на горе той, и разбили их, и гнали их до Хормы».

Это была вторая битва между амаликитянами и израильтянами.

Вышеобозначенное замечание Мидраша о том, что южная Палестина первоначально не была местом обитания амаликитян и что они заняли эту территорию недавно, заслуживает нашего внимания. Амаликитяне, очевидно, покорили юг Палестины только незадолго до этого, потому что прибывшие из Египта не знали об их присутствии в этом районе. В процессе миграции амаликитяне, скорее всего, разделились и двинулись одновременно в Египет и на юг Палестины.

Из-за амаликитян израильтяне были обречены скитаться в пустыне в течение целого поколения.

Прежде чем ввести в полном объеме факты из еврейских и египетских памятников, подтверждающие главное положение об идентичности гиксосов и амаликитян, я задам один вопрос. Если гиксосы действительно пришли из Аравии, могут ли быть обнаружены какие-то подтверждения этого факта и в арабских источниках?

Будучи исследованы, древние арабские памятники представляют желаемые факты. Поэтому я намерен сравнить три группы источников: египетские, еврейские и арабские.

Амаликитяне были древним арабским племенем, которое с древнейших времен владело Аравийским полуостровом. В Книге Бытия, в генеалогической таблице, говорится, что Амалик был отпрыском Елифаза, сына Исавова, который был сыном Исаака¹. Но вполне очевидно, что это заявление не относится к Амалику, который был родоначальником данного племени. В Книге Бытия есть также еще одно указание: перед разрушением Содома амаликитяне воевали с царями Двуречья, составлявшими мощную коалицию. Амаликитяне, которые участвовали в этих битвах во времена Авраама, не могли быть потомками Амалика, потомка Исава, который сам был потомком Авраама. Амаликитяне были, таким образом, более древним кланом, а не отпрысками Двенадцати Колен.

¹ Книга Бытия 36:12.

Исламские историки считают амаликитян одним из самых древних арабских племен. Абу-ль-Фида, арабский историк тринадцатого века, писал: «Сим (сын Ноя) имел несколько сыновей, и среди них Луда, от которого родились Фарра, Диордиан, Тасм и Амалик»¹. Таким образом, амаликитяне связываются с первоначальными племенами. Но существуют и другие мусульманские историки, которые заявляют, что это арабское племя происходит от древа Храма и соответственно составляет его потомственную линию².

Амаликитяне правили в Мекке и из-за своего центрального положения на обширном полуострове главенствовали над другими арабскими племенами. Все его части — Аравия счастливая, Аравия каменистая и Аравия пустынная — находились в пределах досягаемости их стрел. А потом наступила катастрофа.

Катастрофа в Аравии

Произошло наводнение — огромная волна. Люди были сметены этим ударом. Земля бешено содрогалась. Катастрофе предшествовали бедствия.

Это предание следующим образом излагается у Абу-ль-Фараджа (с. 897—967) в *Kitab-Alaghaniy* («Книге снов»):

«Предание говорит, что амаликитяне насильственно воспользовались привилегиями священной территории и Всемогущий Бог наслал на них мельчайших муравьев, которые вынудили их покинуть Мекку.

После этого Бог наслал засуху и голод и показал им облачное³ небо на горизонте. Они шли без отдыха в сто-

¹ Abulfeda, *Historia anteislamica*, ed. H. O. Fleischer (Leipzig, 1831), p. 17.

² See article, «Amalik», by M. Seligsohn in *The Encyclopaedia of Islam* (Leiden and London, 1908—38).

³ В арабском тексте используется слово «ghayth». Френель переводит его как слово «pâturage», но пишет: «Le mot ghayth, que i ai rendu par celui de pâturage, signifie aussi la pluie et le nuage qui l'apporte». Trans. F. Fresnel, *Journal asiatique*, 3rd Series, Vol. VI (1838), 207.

рону этих туч, которые казались им близкими, но не могли дойти до них; их преследовала засуха, которая все время шла за ними по пятам.

Бог привел их в родную землю, и там наслал на них «*toufan*» — наводнение¹.

Саба (Шеба) на юге Аравии, Мекка и тысячи миль прибрежной Тихамы превратились в обломки. Все племена на этом полуострове пережили одинаково ужасный опыт.

Масуди² (ум. около 956) также ссылается на предание об этой катастрофе и рассказывает о «быстрых тучах, муравьях и других знаках Божьего гнева», когда многие погибли в Мекке. Бурлящий поток обрушился на землю Джохайнаха, и почти все население утонуло за одну ночь.

«Картина этой катастрофы известна под названием «лат. слово стр. 62 абзац 2» (Ярость)»³. Омейях, сын Абу-Солта из племени Такиф, обратился к этому событию в стихах, звучащих таким образом: «Во время оно джорхомиты поселились в Тихаме, и ужасное наводнение всех их унесло».

Амаликитяне вынуждены были бежать из-за бедствий, обрушившихся на них в Аравии, и пока они бежали, их преследовали быстро бегущие облака. Между тем Мекка была разрушена за одну ночь, наполненную ужасным грохотом. Земля превратилась в пустыню.

Масуди: «От эль-Хаджуна до Сафы все стало пустыней; в Мекке ночи заполнены молчанием, не звучат голоса в дружеской беседе. Мы жили там, но в самую бурную ночь, в момент ужаснейших разрушений, мы погибли».

В хаосе и смятении, убегая от зловещих предзнаменований и бедствий, увлекая за собой стада животных, обезумевших от землетрясений и знамений, полчища бегу-

¹ Maçoudi (Masudi), *Les Prairies d'or* (Paris, 1861—77), III, Chap. XXXIX.

² Там же, с. 101.

³ Там же, с. 101—2. В этих строках Масуди цитирует эль-Харита, древнего поэта.

щих амаликитян достигли побережья Красного моря.

Казни насекомыми, засухой, землетрясением в ночь «самого ужасного разрушения», тучи, окутавшие землю, приливная волна, увлекающая за собой целые племена, — все эти потрясения и удары были пережиты как в Аравии, так и в Египте.

Последовательность событий помогает нам определить, что они произошли в момент ухода израильтян из Египта, также подвергшегося казням. Они также свидетельствуют о разрушительном наводнении в районе моря Перехода, около Пи-Гахирофа, незадолго до встречи израильтян с амаликитянами. Впервые израильтяне встретились с амаликитянами через несколько дней после того, как они перешли море.

Не только египтяне, но и многие амаликитяне погибли в этом море. И другие племена — джорхомиты и катаны (иактаны) — были сокрушены наводнением и погибли в большом количестве¹. О плотных облаках, покрывавших пустыню, неоднократно упоминалось в Священном Писании и в Мидрашимах. Мидрашим рассказывает, что израильтяне столкнулись с амаликитянами в плотной завесе облаков.

Арабские историки не сознавали никакой связи между своей историей потопа у берегов Красного моря и событиями Исхода и не сопоставляли их; если бы они это сделали, то их заподозрили бы в произвольной трактовке Библии; но они не отдавали себе отчета в значении своих сообщений.

Арабские предания о фараонах амаликитян

Многие древние арабские писатели запечатлели захват Египта амаликитянами. В некоторых из этих историй большая доля фантазии. В ряде случаев их портят упорные попытки авторов приспособить свои араб-

¹ Я намереваюсь привлечь дополнительные арабские свидетельства об этом наводнении в очерке, посвященном пустыне скитаний.

ские предания к преданиям евреев, в ущерб верности фактов. Поэтому получается, что Иосиф был продан в Египет, когда фараоном был амаликитянин, или Моисей покинул Египет во время правления фараона-амаликитянина. Один арабский автор признавал, что фараон, правивший во времена Моисея, мог принадлежать разным народам: то ли коптам, то ли сирийцам, то ли амаликитянам¹.

Мы оставим в стороне эти попытки арабских авторов включить истории, заимствованные из библейского повествования, в истории, возникшие на Аравийском полуострове, и уделим внимание только тем текстам, которые не имели источника в Библии или Хаггаде. Они должны были быть исконными и передаваться на Аравийском полуострове из поколения в поколение.

Было уже сказано, что Сирия и Египет одновременно оказались под властью амаликитян, которые бежали из Аравии, когда она подверглась «казням» насекомыми, засухой, голодом, землетрясением и наводнением в Сафе и Тихаме. В этой последовательности событий открывается важный исторический факт: природная катастрофа, состоящая из ряда знаменательных явлений, была причиной поспешной миграции амаликитян в сторону Сирии и Египта.

Арабские предания, которые дошли до нашего времени, были записаны авторами с девятого по четырнадцатое столетие; они ссылаются на эти древние предания, а также на предшествующих авторов, иногда их называя.

После того как амаликитяне завоевали Сирию и Египет, они основали свою династию фараонов. Аль-Самхуди (844—911) писал:

«Амаликитяне достигли Сирии и Египта и завладели этими землями, тираны Сирии и фараоны Египта происходили от них»².

Масуди, который писал о бедствиях, постигших Аравию, и о бегстве амаликитян из Мекки, и о наводнении,

¹ Maçoudi, *Les Prairies d'or*, II, Chap. XXXI.

² Иакт в изложении Аль-Самхуди: *Geschichte der Stadt Medina*, ed. F. Wüstenfeld in *Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Historisch-philologische Klasse*, Vol. IX (1860), 1861, p. 26.

также рассказывал о завоевании Египта амаликитянами.

«Царь амаликитян эль-Велид, сын Доума, прибыл из Сирии, вторгся в Египет, победил его, захватил трон и занял его без всякого сопротивления на всю жизнь»¹.

Сразу вспоминаются слова Менафона, которые цитировались выше: «Народ происхождения низкого, с востока, приход которого был непредвиден, имел дерзость вторгнуться в страну, которой он овладел силой, без особой трудности и даже без единого сражения».

В другой своей работе Масуди² дает более детальный отчет о завоеваниях эль-Велида.

«Эль-Велид, сын Доума, выступил в поход во главе многочисленного войска с намерением опустошить разные страны и свергнуть их властителей».

Конец этого отрывка вызывает в памяти строку из Хаггады: «Амалик... в своем буйстве решился разрушить весь мир»³.

Масуди продолжает:

«Когда этот завоеватель пришел в Сирию, он услышал молву о Египте. Он послал туда одного из своих слуг, по имени Оуна, с большим войском. Эль-Велид притеснял жителей, захватывал их имущество и отнял у них все ценности, какие смог найти».

Масуди рассказывает о борьбе среди амаликитян и о покорении Египта второй волной этих захватчиков под предводительством Алкана, полное имя которого Абу-Кабус.

«Амаликитяне вошли в Египет, разрушили множество памятников и произведений искусства... Амаликитяне вторглись в Египет, границу которого они уже прежде пересекали, и начали бесчинствовать в стране... уничтожать произведения искусства, разрушать памятники»⁴.

Эти слова заставляют вспомнить о Манефоне, кото-

¹ Maçoudi, *Les Prairies d'or*, II, Chap. XXXI.

² *L'Abrégé des merveilles* (French translation by Carra de Vaux; Paris, 1898), p. 342.

³ Ginzberg, *Legends*, III, 62.

⁴ Maçoudi, *L'Abrégé des merveilles*, p. 361.

рого Иосиф Флавий цитировал в книге «Против Апиона» и на которого мы ссылались выше:

«(Гиксосы) в ярости жгли города, сровняли с землей храмы богов и обращались со всем коренным населением с крайней жестокостью»¹.

Слова Масуди согласуются с упоминанием о разрушении памятников в надписи царицы Хатшепсут, правительницы восемнадцатой династии. В этой надписи, на которую мы ссылались выше, сказано:

«И были аму посреди Дельты и в Хауаре (Аварисе), и полчища чужеземных врагов разрушили древние памятники; они правили, не ведая о боге Ра»².

Табари (838—923) пересказывал истории и легенды о амаликитянских фараонах и давал их генеалогию. Характерен следующий отрывок:

«Тогда царь Египта умер, и другой царь, его родственник, наследовал его трон. Он был также из племени амаликитян и был назван Кабусом, сыном Мосаба, сына Мауя, сына Немира, сына Салваса, сына Амру, сына Амалика»³.

Абу-ль-Фида (1273—1331) в своей истории доисламской Аравии писал:

«И были египетские фараоны, потомки амаликитян»⁴. Он также упоминал об ужаснейшей буре, которая разрушила Египет в давние дни⁵. Он назвал имена целого ряда амаликитянских фараонов и рассказал о покорении Сирии амаликитянами⁶.

Ибн Абд-Аль-Хакам⁷, которого цитировал Иакт (1179—1229), и другие имена могут дополнить список авторов, упомянутых здесь, но и этих достаточно, чтобы показать, что предания о династии фараонов-амаликитян

¹ Maçoudi, *L'Abrégé des merveilles*, I, 76.

² Petrie, *History of Egypt*, II, 19.

³ Tabari, *Chronique* (French trans. L. Dubeux; Paris, 1836), I, 261.

⁴ *Historia anteislamica*, ed. Fleischer, pp. 17, 179.

⁵ Там же, с. 101 (ventus vehementissimus).

⁶ Там же, с. 179.

⁷ Commentary to Sura II, 46.

были широко распространены среди арабских ученых.

Историческая достоверность этих историй о фараонах-амаликитянах в Египте всегда вызывала недоверие¹. Были ученые, которые придерживались даже еще более радикальной точки зрения и утверждали, что амаликитяне вообще никогда не существовали². Они основывали свой вывод на том факте, что название племени Амалика никогда не упоминалось в египетских надписях.

С другой стороны, столь же крайняя точка зрения ставит под сомнение сам факт завоевания Египта гиксосами и интерпретирует его как историю легендарного происхождения; предполагалось, что Гиксосы должны были быть еще одной династией коренных правителей³.

Амаликитяне скорее всего были неизвестны египетскому народу. Гиксосы (Аму) были точно так же неизвестны другим народам. Следовательно, историческое существование и того и другого народа иногда ставилось под сомнение.

Гиксосы в Египте

Правление гиксосов в Египте продолжалось на всем протяжении времени, отделяющем Среднее царство от Нового. Текст папируса Ипувера был составлен в период вторжения гиксосов и относится к этому вторже-

¹ Т. Noeldeke, *Ueber die Amalekiter* (Göttingen, 1864): «*Wer nun etwas auf das Amalekiterum der Pharaonen geben wollte, der wäre nicht viel kritischer, als wer sie für Römer oder Perser hielte*». Его аргумент состоял в следующем: арабские источники не имеют никакой ценности. Верно в них лишь то, что было заимствовано арабскими писателями из Ветхого завета.

² Н. Winckler, *Geschichte Israels* (Leipzig, 1895), I, 212. Амаликитяне, скорее всего, остаются мифологическим понятием.

³ В. Gunn and А. Н. Gardiner, «The Expulsion of the Hyksos», *Journal of Egyptian Archaeology*, V (1918), 36, note 1: Р. Вейль рассматривает всю историю гиксосов как легендарную конструкцию. См. стр. 79, сноска 1.

нию. Изгнание гиксосов и время, непосредственно ему предшествующее, также описаны в некоторых документах того времени. Но период между вторжением и изгнанием очень беден сведениями; это темный век и в прямом и в переносном смысле.

Манефон дает поздние свидетельства о правлении и изгнании гиксосов; около тысячи лет отделяют историка от предмета его исследования. Он сообщил, что после того, как гиксосы захватили страну, разрушая, сжигая, насилая и грабя, они установили династию фараонов-гиксосов; первый из этих фараонов, по имени Салитис или Салатис, сделал своей резиденцией Мемфис и «назначил выплачивать дань Верхнему и Нижнему Египту, а в местах, наиболее приспособленных для обороны, оставил военные гарнизоны. В частности, он укрепил свой восточный фланг», чтобы защищать государство с севера, так как «он предвидел, что ассирийцы, когда их мощь в будущем возрастет, будут жаждать завоевать его царство»¹.

Там, к востоку от Дельты, фараон Салитис открыл удобно расположенное место, названное Аварисом — стратегический пункт, откуда он мог контролировать и Египет, и Сирию.

«Он перестроил и надежно укрепил его стенами и установил в нем гарнизон, насчитывающий двести сорок тысяч вооруженных воинов, чтобы охранять свои границы. Это место он обычно посещал каждое лето, частью для того, чтобы распределить продовольствие и выдать жалованье войску, частью для организации продуманных маневров, чтобы устроить чужеземцев»².

Четвертого фараона Манефон назвал Апопом, и было сказано, что правил он шестьдесят один год. Первые шесть царей-пастухов считаются первыми фараонами из династии гиксосов. У Манефона-Иосифа о них сказано следующее:

«Постоянно возрастающим стремлением этих шести,

¹ *Manetho, in Josephus, Against Apion, I, 77.* О том, что ассирийцев путали с сирийцами (палестинцами) авторы, писавшие по-гречески, см. у Геродота *trans A. D. Godley; 1921—24, VII, 63.*

² *Josephus, Against Apion, I, 78—79.*

этих первых правителей, было стремление истребить египетский народ»¹.

Правление гиксосов было жестоким. Они не ведали милосердия. Доказательство этому может быть обнаружено даже в захоронениях. Исследователь, производивший раскопки одной из самых маленьких крепостей-гарнизонов гиксосов, так описывал содержимое захоронения: «Груда костей, плотно спрессованных, большинство из которых принадлежали животным, но среди них я обнаружил кусок человеческой челюсти и коленную чашечку»². В другом захоронении он нашел, «по-видимому, отделенные от тела руки, множество в беспорядке раскиданных ладоней».

Когда мы вспоминаем, что говорил Манефон о крайней жестокости захватчиков, и сравниваем это с еврейскими рассказами об амаликитянах, уродующих своих узников, отсекая им части тела³, обнаружение лишних рук или челюстей не кажется случайным. Крепости-гарнизоны были местами пыток.

Владычество аму-гиксосов не ограничивалось Египтом. Скарабеи, или официальные печати, были обнаружены в различных странах, с написанными на них именами царя Апопа и царя Кена. Имя Кена выгравировано на сфинксе, обнаруженном в Багдаде, и на крышке кувшина, найденной в Кноссе на Крите. Надпись об Апопе гласит, что «его отец Сет, властитель Авариса, подмял по себя все чужеземные страны». В Аварисе находился священный жертвенник Сета, которого почитали гиксосы и который во времена Рамессидов рассматривался египтянами как воплощение темной силы (соперник Исиды и Гора или эквивалент греческого Тифона). Находки в различных странах предметов, носящих имена Апопа и Кена, кажет-

¹ Josephus, *Against Apion*, I, 81.

² W. M. Flinders Petrie, *Hyksos and Israelite Cities* (London, 1906), pp. 12f.

³ «Отсечение рук упавшего или захваченного в плен вражеского воина стало постоянной практикой в более поздний период как египетской, так и ассирийской истории. Эта практика, вероятно, восходит к временам гиксосов.

ся, доказывают, что слова Апопа не были пустой похвалой. Некоторые историки вынуждены были признать, что гиксосы, пусть даже в течение неопределенного периода, управляли очень обширной империей¹ и что по крайней мере сфера политического влияния аму-гиксосов была очень широкой.

Последняя из династий гиксосов, семнадцатая египетская династия, согласно Манефону, была династией «пастухов и фиванских царей», и это означает, что в Фивах находились принцы египетского происхождения, подчиненные фараонам гиксосов. Последним из этих фараонов-гиксосов был Апоп II, тоже выдающийся монарх.

Malakhei-Roim — царь пастухов

Израильтяне покинули Египет за несколько недель, а может быть, и дней до вторжения гиксосов; они не могли избежать встречи с этими гиксосами, идущими из Азии, и действительно встретили их, прежде чем достигли горы Синай.

Знали ли израильтяне, что Египет подвергся одиннадцатой, и самой жестокой, «казни» — той, что длилась целые столетия — вторжению «царя пастухов»? Когда они увидели амаликитян в охваченной вихрем, содрогающейся пустыне, они могли и не ведать о новом испытании, которое несли эти грабители Египту.

Но уже в Ханаане, в период эпохи Судей, израильтяне, страдавшие от набегов амаликитян, должны были знать, что Египет тоже испытывал подобные тяготы и даже еще в большей степени. Есть ли в древних еврейских текстах указания на вторжение гиксосов в Египет сразу после ухода израильтян?

В перечислении египетских казней сказано:

Псалтырь 77:49: «Послал на них пламень гнева Своего, и негодование, и ярость и бедствие, посольство злых ангелов».

¹ Gunn and Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, V (1918), 39.

Что это может означать — злые или плохие ангелы? Нет казни, известной как «посольство злых ангелов». Нигде больше в Священном Писании нет выражения «злые ангелы». Есть «ангел смерти», или Сатана, но нет «злых ангелов». Может показаться, что текст просто искажен.

«Посольство злых ангелов» — это (как можно предположить) *mishlakhat malakhei-roim*.

«Вторжение царя пастухов» — это *mishlakhat malakhei-roim*.

Единственное различие состоит в произношении одной немой буквы, *alerh*, в первом варианте. Поэтому, скорее всего, второе чтение было первоначальным.

Первое произношение не только необычно для еврейского языка, но также противоречит его грамматической структуре. Если бы *roim* («злой» во множ. числе) использовалось, как здесь, в предложном падеже, то предшествующее слово не могло бы иметь сокращенной формы; следовательно, *roim* должно быть существительным. Но если бы «лат. слово» было существительным, оно стояло бы в единственном, а не во множественном числе. В довершение всего правильная форма множественного числа от «злой» — это не *roim*, а *raoth*. «Злые ангелы» на правильном еврейском звучали бы как *malakhim roim*; «ангелы злых» — *malakhei raoth*. Не только смысл, но и грамматическая форма говорит за то, что следует читать «вторжение царя пастухов».

Когда редактор или переписчик этого предложения не смог увидеть смысла в «царе пастухов», он изменил слова на «злых ангелов», не сделав необходимых грамматических изменений.

Стих 49 псалма 77 должен, следовательно, читаться так: «Послал на них пламень гнева Своего, и ярость, и бедствие, вторжение царя пастухов».

Древняя еврейская легенда несколько проясняет ту же самую проблему:

«Амалик достал в Египте списки множества потомков евреев (израильтян)... эти листы лежали в египетских архивах. Амалик предстал перед евреями (израильтянами) в их лагере и, вызывая людей по имени, предлагал им

покинуть лагерь и идти с ним»¹.

Эта легенда предполагает, что часть израильтян знала о том факте, что амаликитяне пришли в Египет и стали правителями этой страны. Иначе каким образом они могли бы завладеть листами переписи в египетских архивах?

В папирусе Ипувера сказано:

Папирус 6:7: «Воистину общественные службы открыты и листы переписи унесены. Рабы становятся хозяевами рабов (?)».

Когда амаликитяне завоевали Египет, они могли рассматривать себя как представителей прежней Египетской империи с ее колониями; в период своих войн с израильтянами в последующие столетия они могли настаивать, что израильтяне покинули Египет, будучи рабами.

Палестина во времена владычества ГИКСОСОВ

Вопрос о том, почему в Книгах Иисуса Навина и Судей, охватывающих более четырех столетий, нет упоминания о египетском господстве над Ханааном или каких-либо намеков на военные походы, возглавляемые фараонами, остается нерешенным. Однако на протяжении долгого периода времени, согласно принятой хронологии, Палестина была под властью Египта.

Исследование, предпринятое здесь, связывает время блужданий в пустыне, эпохи Иисуса Навина и Судей с периодом правления гиксосов-амаликитян в Египте. В соответствии с этой уточненной схемой амаликитяне в этот период должны рассматриваться как самый могущественный из народов:

Валаам, колдун, был призван, чтобы проклясть израильтян, приближающихся к Моаву на своем пути из пустыни. Он обратил свое лицо к пустыне, но вместо того, чтобы проклясть, он благословил Израиль следующими словами:

Числа 24:7: «... и семя его будет как великие воды,

¹ Ginzberg, *Legende* iii, 56.

превзойдет Агата царь его и возвысится царство его».

Агат (Агог)¹—это имя царя амаликитян.

Стоя на краю горы, Валаам обратил лицо в другую сторону.

Числа 24:20: «И увидел он Амалика, и произнес притчу свою, и сказал: первый из народов Амалик, но конец его — гибель».

Эти стихи казались неясными. Амаликитян считали малозначащей бандой грабителей; почему они были названы «первым из народов» и что могло означать благословение «превзойдет Агата»? Ни одного удовлетворяющего объяснения представлено не было.

Амаликитяне были в то время первым из народов. Высшая степень могущества выражалась сравнением с могуществом царя амаликитян Агога. Он был правителем Аравии и Египта.

Имя царя Агога не единственное из имен амаликитян, представленных в Священном Писании². Кроме царя Агога, упомянутого в Книге Чисел, был еще один царь Агог, последний царь амаликитян, который царствовал примерно четыреста лет спустя и был современником Саула³.

В истории Египта наиболее часто упоминается имя царя из династии Гиксосов Апопа. Один из первых и наиболее выдающихся правителей-гиксосов был Апоп; последний царь гиксосов также был Апоп.

Ранние еврейские письма, в том виде, как они представлены на стеле Месы, демонстрируют поразительное сходство между буквами «g» (*gimel*) и «p» (*pei*). Никакие другие буквы так не похожи по очертаниям, как эти: каждая из них представляет собой наклонную линию, связанную с более короткой и еще более наклонной черточ-

¹ Cf. the vowels in the Massorete Bible, Numbers 24:7, and I Samuel 15, and Esther 3.

² Числа 24:7: «Имя царя гиксосов Киан было подобно названию планеты: «Киюн... звезда бога вашего» (Амос 5:26).

³ I. Samuel 15.

кой, и по написанию похожа на цифру 7; величина угла между двумя наклонными линиями составляет единственное различие.

Тем не менее кажется, что должно быть исправлено не еврейское, а египетское прочтение; я высказал по этому поводу соображения в другой работе¹. Почти каждая иероглифическая согласная содержит более одного звука, и все подразумеваемые звуки только эмпирически воспроизводятся обнаруженной согласной.

Агог I, похоже, должен быть Апопом I, а Агог II — Апопом II. Царь Агог царствовал в начале данного периода. Согласно Манефону, Апоп был четвертым царем династии гиксосов и правил шестьдесят один год. Агог II царствовал в самом конце этого периода, примерно четырьмя годами спустя.

Аму-гиксосы держали Египет в повиновении из своей крепости в Аварисе, которую они выстроили вблизи границ страны. По всей территории они установили гарнизоны (Манефон).

В Палестине тоже находилась крепость, которую амаликитяне выстроили для гарнизона; стратегически она была расположена в центре страны, на землях Ефрама.

Песнь Деворы, как и благословение Валаама, — фрагмент древний. Загадочный стих читается так: «От Ефрема пришли укоренившиеся в земле Амалика» (Книга Судей 5:14)².

«Укоренившиеся», очевидно, относится к ханаанам, к Иавину, царю ханаанскому, который царствовал в Асоре, и к его военачальнику Сисаре, который командовал девятьюстами железными колесницами. Они угнетали Израиль. Израильяне под предводительством Деворы и Варака на время победили, разорвав цепи рабства. Цитированный здесь стих, по-видимому, указывает на то, что сила ханаан основывалась на поддержке, которую они получали из цитадели амаликитян в Ефреме.

Эта крепость упоминается также в другом стихе Книги

¹ Cf. *Worlds in Collision*, p. 151.

² Перевод этого стиха королем Джеймсом слишком громоздкий: «Out of Ephraim was there a root of them against Amalek».

Судей: «... в Пифароне в земле Ефремовой, на горе Амаликовой» (Книга Судей 12:15).

Амаликитяне поддерживали ханаан; это объясняет неудачи в процессе проникновения израильтян в Ханаан и их временный статус вассалов. Амаликитяне управляли этими обширными территориями и в своей колониальной политике вступали в союз с родственными племенами. На этом основании в еврейских преданиях амаликитяне предстают как моавитяне, ханаане и другие народы и под этими личинами продолжают войну с Израилем или поддерживают ханаан в их войне против израильтян¹. Мидраитяне не были племенем, родственным амаликитянам, и о нем упоминали с того времени, когда одно племя покорило Мекку, а другое обитало в Медине²; они вместе часто нападали на землю Израиля перед сбором урожая.

Книга Судей 6:3—6: «Когда посеет Израиль, придут Мадиянитяне и Амаликитяне и жители востока... И стоят у них шатрами, и истребляют произведения земли до самой Газы, и не оставляют для пропитания Израилю ни овцы, ни вола, ни осла.

Ибо они приходили со скотом своим и с шатрами своими, приходили в таком множестве, как саранча; им и верблюдам их не было числа: и ходили по земле Израилевой, чтобы опустошать ее. И когда возопили сыны Израилевы...».

Их скот и их верблюды без числа — это причина того, что египтяне называли их пастухами. Идя грабить страну, они гнали впереди себя скот. И в следующей главе Книги Судей они и их скот сравниваются с «саранчой» и «песком на берегу моря» (7:12).

¹ Targum Yerushalmi, Numbers 21:1 and 33:4. Ginzberg, *Legends*, VI, 114.

² Район обитания мидраитян ошибочно определялся как пустынные склоны по обеим сторонам залива Акаба. Арабские предания, связывающие амаликитян с Меккой, относят мидраитян к району Медины. Сравн. также имя верховного жреца мидраитян в дни Моисея — Иетро, называемого также Реуэль, Рагель и Хобаб — с Иатрибом, еще одним древним арабским названием Медины.

Они пользовались той же системой эксплуатации и подавления, как в Египте. Они ждали, пока люди засеют землю; незадолго до сбора урожая они во множестве появлялись вместе со своими стадами, чтобы пожрать урожай и забрать плуги, которые использовались для вспашки, и всех домашних животных.

Папирус Эрмитажа 1116 б ректо: «Аму приближаются во всей мощи их и ярости к тем, кто собирает урожай, и они уведят своих коров от пашни... Земля полностью погублена, и ничего не остается»¹.

Время блужданий в пустыне насчитывает сорок лет. Эпоха Судей оценивалась по-разному, обычно в четыре столетия. Темные века на Ближнем Востоке продолжались, пока длилось владычество амаликитян. Израильтяне, по видимому, должны были быть единственным народом, который непрерывно сражался за свою независимость против амаликитян и объединившихся племен, и благодаря своему сопротивлению защищавшим приморские города Тир и Сидон.

Если у них появлялся доблестный предводитель, израильтяне решались даже идти в наступление. При Гидеоне они достигли даже городов Мидии. Это было героическое время. Ничего не известно о восстаниях в Египте и других местах империи амаликитян на протяжении этих столетий. Но каждое усилие, предпринятое израильтянами для того чтобы завоевать и сохранить подлинную независимость, было обречено на поражение, пока амаликитяне правили Северной Африкой и Аравией вплоть до Евфрата, пока в укрепленных пунктах, разбросанных по многим странам, стояли гарнизоны и военный клин, который они протянули к побережью между землями Африки и Азии, оставался нерушимым.

Именно в это время отчеканились следующие слова: «брань у Господа против Амалика из рода в род» (Исход 17:16).

¹ Trans, Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, I (1914), 103.

Продолжительность эпохи гиксосов

Согласно Манефону, как цитировал его Иосиф (*Against Apion*, I, 84), эпоха гиксосов длилась пятьсот одиннадцать лет. Но в современных работах по египетской истории этот период резко сокращен. Это сокращение сделано не на основе учета культурных изменений или каких-либо археологических находок, старинных карт или дат, но главным образом на основе того факта, что конец двенадцатой династии Среднего царства связывается, на основании астрономических расчетов периода Сотиса, с 1780 годом до нашей эры. За ней последовала тринадцатая династия (последняя династия Среднего царства), а после эпохи гиксосов было установлено Новое царство с приходом восемнадцатой династии в 1580 году до н. э., что вновь соответствует расчетам, проведенным современными исследователями по календарю периода Сотиса. Если эти даты верны, то всего двести лет остаются для тринадцатой династии и эпохи гиксосов, а так как некоторые фараоны тринадцатой династии царствовали долго, то для господства гиксосов в Египете остается самое большее сто лет. Эта точка зрения была выдвинута и обоснована Эдуардом Мейером.

С точки зрения Флиндерса Петри и его последователей, этот промежуток времени совершенно недостаточен для интервала между Средним и Новым царствами. Культурные перемены были грандиозны: как будто занавес упал в конце Среднего царства и был поднят вновь над совершенно иной сценой Нового царства. Учитывая эти огромные перемены, Петри выдвинул идею, согласно которой между концом двенадцатой династии и началом восемнадцатой династии прошли не 200, а 1660 лет: другими словами, Петри вводит дополнительный период Сотиса в 1460 лет. Эпоха гиксосов, вместо того чтобы сократиться по сравнению с датой Иосифа, продлевалась.

Эти две схемы были названы «длинной» и «короткой хронологией». Они имели общую дату для начала Нового царства — 1580 г. до н. э. Ни «длинная хронология», ни «короткая хронология» не собирались уменьшать эту дату. Обе они основывались на периоде Сотиса для расчета еги-

петской хронологии. В конце этой работы мы исследуем обоснованность положения о том, что ссылки на звезду Сотис, или Сириус, могут стать основой для хронологических схем. Большие расхождения между школами историков, как, скажем, 200 или 1600 лет для одного и того же периода, непосредственно предшествующего Новому царству, поразительны, особенно если мы помним о том, что египетская хронология служила основой для хронологии всего комплекса, названного Древний Восток.

Некоторые ученые пытались избрать средний путь и, пренебрегая расчетами, сделанными на основании периода Сотиса, предположили, что эпоха гиксосов продолжалась четыреста или пятьсот лет. «Если бы дата по Сотису была неизвестна, по нашим данным она не могла бы превышать 400 или в крайнем случае пятьсот лет между двумя — двенадцатой и восемнадцатой — династиями»¹.

Эта компромиссная точка зрения не нашла поддержки среди ученых; «длинная» хронология после смерти Петри имела очень мало сторонников, и «короткая» хронология, также называемая хронологией «Берлинской школы», стала преобладающей.

В этой книге мы сами занимаемся египетской историей с того момента, когда пришло к концу Среднее царство в связи с завоеванием Египта гиксосами. Если эпоха гиксосов соответствует времени господства амаликитян на Ближнем Востоке, или количеству лет, отведенных в Священном Писании блужданиям в пустыне и власти Судей, то временной промежуток, превышающий четыреста сорок лет, должен быть принят для исчисления указанного периода.

Изгнание гиксосов в египетских и еврейских памятниках

В течение всего времени господства гиксосов Египет управлялся из Авариса, где «Царь пастухов»

¹ H. R. Hall, «Egyptian Chronology», *Cambridge Ancient History*, I, 169.

установил сильный гарнизон. Здесь цари принимали от Египта дань и давали инструкции своим местным правителям. Князья номов становились зависимыми вассалами, и с ними обращались весьма бесцеремонно, как описано в Папирусе I Саллиера¹.

Фараон Апоп II (Агоп II) послал гонца из Авариса с оскорбительным требованием к князю Секненру. Папирус I Саллиера: принц южного города (Фив) долго не говорил ни слова и плакал, и не знал, как ответить гонцу царя Апопа.

Египетский принц был арестован посланником царя Апопа II и доставлен в Аварис. Конец папируса не сохранился.

Этот папирусный свиток рассказывает историю унижения и насмешек, которым подвергались зависимые князья номов.

Но это была тьма перед рассветом. Последняя «казнь», владычество пастухов, которая длилась со времен Исхода, подходила к концу.

Табличка Карнарвона повествует об участии вассального фараона Камоза, сына Секненра, в действиях против гиксосов².

Ему помогали некоторые чужеземные воинские отряды. Один египетский памятник содержит также запись финального акта: история изгнания гиксосов выгравирована на стене захоронения одного офицера из свиты Аамеса, вассального фараона одного из номов и, возможно, брата Камоза; офицера тоже звали Аамес. История представляет собой повествование об осадах и битвах, в которых принимал участие этот офицер.

Надпись Аамеса, наиболее доступный источник сведений об освободительной войне, содержит одну загадку, касающуюся наиболее важного обстоятельства. Очевидно, не мятежные египетские князья, но некие воины, пришедшие из чужих земель, были реальными освободителями

¹ Gunn and Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, V (1918), 40—42.

² A. H. Gardiner, «The Defeat of the Hyksos by Kamose», *Journal of Egyptian Archaeology*, III (1916), 95—110.

Египта. Надпись гласит:

«Я следовал за царем по пятам, когда он правил своей колесницей. Осадили город Аварис. Я продемонстрировал доблесть перед его величеством... Сражались прямо в воде в реке Авариса... Потом снова сражались на этом же месте; я снова бился... Сражались в этом Египте, на юге этого города; тогда я захватил живого пленного... Захватили Аварис... Вели осаду Шарухена целые шесть лет¹, и его величество принимал участие в ней...»².

Неопределенное местоимение не использовалось бы, если бы египетский царь был во главе осаждающей армии. Если бы египетский властитель был главной фигурой в этой войне за свободу, его триумф не приписывался бы неким лицам. Писатель бы сказал: «Его величество вел осаду...» или «Наши войска сражались...». В действительности египетский документ говорит о том, что в войне против гиксосов активно действовала иностранная армия³. Однако египетские надписи не увековечили подвиги чужеземных царей, и, следовательно, имя царя, сокрушившего гиксосов, не упоминается. Война была выиграна некими чужеземцами, и в сообщении, записанном на могильной плите, осада и изгнание гиксосов не приписываются собственно командованию этого умершего человека, который только помогал чужеземным освободителям.

Самуил, священник и пророк, говорил Саулу, которого он назначил царем Израиля:

1-я Книга Царств 15:2—3: «Так говорит Господь Саваоф: вспомнил я о том, что сделал Амалик Израилю, как он противостоял ему на пути, когда он шел из Египта. Теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него».

Саул собрал «двести тысяч Израильтян пеших и де-

¹ Гардинер читает «три года». См. Kurt Sethe, «Die Dauer der Belagerung von Sharuhén», *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, XLVII (1905), 136.

² J. H. Breasted, *Ancient Records of Egypt* (Chicago, 1906), Vol. II. Secs, 7—13.

³ Gunn and Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, V (1918), 47.

сять тысяч из колена Иудина».

1-я Книга Царств 15:5: «И дошел Саул до города Амаликова и сделал засаду в долине *nakhal*¹.

Эти слова «город Амаликов» всегда были камнем преткновения для комментаторов и исследователей Библии. Считалось, что амаликитяне это — маленькое племя бедуинов-кочевников; что же тогда подразумевается под «городом Амалика»?²

Говорилось, что со времен древности амаликитяне жили на юге. Есть одно топографическое указание на место их пребывания: город был осажден из русла реки (*nakhal*). Город должен был быть расположен вблизи реки. В южной Палестине, Синайской пустыне, северной Аравии и вплоть до границ Египта нет рек, кроме «египетской реки» — пересыхающего русла эль-Ариша, единственной реки, к которой в Священном Писании постоянно применяется слово *nakhal*. Зимой здесь несет бурный поток, летом русло пересыхает.

Географические указания могут быть также извлечены из упоминания в следующих стихах: «... до окрестностей Сура, что пред Египтом». Это южная граница военного похода Саула, результатом которого стал захват города Амалика.

1-я Книга Царств 15:7—8: «И порази Саул Амалика от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом. И Агага, царя Амаликова, захватил живого...».

Личность чужеземного освободителя Египта таким образом раскрывается в Священном Писании. Этот неизвестный — царь Саул. Апоп II был Агогом II. Городом Амаликов был Аварис. И в египетских и в еврейских источниках подчеркивается стратегическая роль русла реки

¹ Перевод «в долине» неверный. *Nakhal* — это «русло реки», «река» и в более узком смысле «египетская река» или русло, эль-Ариша, в отличие от Иеора, или Нила. *Levy, Wörterbuch über die Talmudim und Midrashim, translates nakhal as «Fluss, Bach, Flussbett».*

² «Не стоило бы надеяться, что поселение такого кочевого народа заслуживает названия города». *W. Max Müller in the Jewish Encyclopedia, «Amalek, Amalekites», I, 428.*

при осаде города. Богатая добыча, захваченная в городе пастухов, упоминается в обоих источниках; она состояла из волов, овец и ягнят (1-я Книга Царств 15:9). В обоих источниках сказано, что на протяжении этой компании «некто» (надпись военачальника Аамеса) или Саул (1-я Книга Царств) боролся с аму-амаликитянами и разбил их к «югу от Авариса» или «до окрестностей Сура, что пред Египтом».

Сопоставление еврейских и египетских источников поможет установить местонахождение Авариса. Соответствующие данные приводятся в этой книге ниже.

Слова «от Хавилы» также представляли трудную проблему для экзегетов¹. Как могла стычка с мелким племенем амаликитян или осада кочевого поселения превратиться в победу, охватывающую территорию от Хавилы в землях Евфрата до границ Египта? Считалось, что текст испорчен и что вместо Хавилы должно было быть прочтено другое название² или что существовала еще одна Хавила, кроме той, что находилась в землях Евфрата, — где-то рядом с Египтом³.

Если выяснить подлинную роль амаликитян на протяжении долгой эпохи Судей, то не составит труда принять данный текст как правильный. Захват крепости амаликитян с их царем был сигналом для агонии всей империи аму-амаликитян, в результате чего вся Сирия, вплоть до земель Евфрата, и весь Египет обрели свободу.

¹ Территория, приписываемая Амалику в 1-й Книге Царств 15:7: «от Хавилы до окрестностей Сура», вызывает недоумение». W. Max Müller, «Amalek, Amalekites», *The Jewish Encyclopedia*, I, 483.

² И. Велхаузен изменил «от Хавилы» на «от Телема», одного из городов в Иудее (*Text der Bücher Samuels* [Göttingen, 1871], p. 97).

³ A. S. Yahuda, «The Two Hawilas», *The Language of the Pentateuch in Its Relation to Egyptian* (London, 1933), I, 190: «Упоминание о Хавиле... всегда ставило исследователей Библии перед большими трудностями. Наши весьма скрупулезные исследования и тщательная проверка всех возможных вариантов... во всех случаях дали неудовлетворительные результаты».

Гиксосы отступают в Идумею

Одна деталь из истории осады Авариса сохранилась в другом документе, написанном гораздо позже. В своей истории Египта, цитировавшей у Иосифа, Манефон рассказывает, что гиксосам, выдержавшим долгую осаду в Аварисе, было позволено по договоренности покинуть это место.

«Они (осажденные в Аварисе) должны были покинуть Египет и отправиться туда, откуда они уже не будут досаждать. На этих условиях не менее чем 140000, со всем имуществом, покинули Египет и пошли через Сирийскую пустыню.

Тогда, устрешенные могуществом ассирийцев, которые в это время были хозяевами Азии, они выстроили город в стране, ныне называемой Иудеей, способный разместить все их множество, и дали ему название Иерусалим»¹.

Этот неясный текст Манефона находится в явном противоречии с надписью военачальника Аамеса, которая сообщала о захвате в результате осады города Авариса, но не упоминала ни о каком соглашении с его защитниками.

Библейское повествование может сблизить противоречащие сведения современного воина и позднейшего историка в отношении судьбы, постигшей осажденный народ.

Прежде чем пойти штурмом на город амаликитян, Саул заключил соглашение с племенем кинеев, родственным амаликитянам, об их выходе из города по окончании осады.

1-я Книга Царств 15:6: «И сказал Саул Кинеев: пойдите, отделитесь, выйдите из среды Амалика, чтобы мне не погубить вас с ним... И отделились Кинеев из среды Амалика».

Согласно Аамесу, после захвата Авариса гиксосы-аму, которые спаслись от смерти, убежали в Шарухен, в южную Палестину. В истории Манефона утверждается, что гиксосы, отступившие из Авариса, убежали в Иудею, в то

¹ Josephus, *Against Apion*, I, 88—90, quoting Manetho.

место, где они построили Иерусалим и дали ему имя. Нет и тени сомнения, что современная событиям надпись на могиле Аамеса содержит правильное указание на название места, куда отступили гиксосы, и что позднейшие сведения Манефона неверны. Или был испорчен источник, или сам текст Манефона, и малоизвестное название Шарухен было заменено более известным — Иерусалим (Jerushalaim).

Эта ошибка, случайная или намеренная, сыграла роковую роль в судьбе еврейского народа, начиная с эпохи Птолемеев; она оставила глубокий след в поведении и духовном развитии других народов; крайне редко ошибка, допущенная рукой пишущего, имела так много трагических последствий, как этот испорченный текст, который представлен здесь путем сравнения двух египетских источников о бегстве гиксосов — в одном случае в Шарухен, в другом — в Иерусалим. Я добавлю еще несколько слов по этому поводу в конце главы.

Поражение гиксосов-аму наступило после двух последовательных осад. После захвата Авариса, крепости и резиденции Апопа, гиксосы-аму отступили в Шарухен¹ в южную Палестину, и здесь состоялась вторая осада. Версия Аамеса об отступлении аму в южную Палестину соответствует Священному Писанию. После захвата города амаликитян и сокрушительной победы Саула амаликитяне не были уничтожены полностью.

Те, которые бежали, отступили в горные районы южной Палестины.

Отсюда они предпринимали набеги на соседние города. Это было еще во времена царствования Саула, и Давид был одним из его военачальников.

1-я Книга Царств 30:1—3: «... Амаликитяне напали с юга на Секелаг, и взяли Секелаг, и сожгли его огнем... и ушли своим путем.

И пришел Давид и люди его к городу, и вот, он сожжен огнем, а жены их и сыновья их и дочери их взяты в плен».

Практика сжигания городов, увода всех женщин и

¹ Город упоминается в Книге Иисуса Навина 19:6.

детей в плен и ухода была той же самой, какую гиксосы применяли в Египте, когда его завоевывали четыре или пять столетий назад: «Они жестоко сжигали города... уводя всех женщин и детей в рабство» (Манефон в изложении Иосифа)¹.

Давид с четырьмястами воинами преследовал отряд амаликитян, которые уводили их жен. В пустыне они нашли человека в бессознательном состоянии, который «не ел хлеба и не пил воды уже три дня и три ночи».

1-я Книга Царств 30:11—13: «И нашли Египтянина в поле, и привели его к Давиду... и он ел и укрепился...

И сказал ему Давид: чей ты и откуда ты? И сказал он: я — отрок Египтянин, раб одного Амаликитянина, и бросил меня господин мой, ибо уже три дня, как я заболел».

Давид пошел за египетским рабом и обнаружил отряд амаликитян и отнял у них женщин и детей.

Этот эпизод в высшей степени показателен. Из него следует, что амаликитяне завоевали юг Палестины после того, как они потеряли свою крепость на границе Египта. В нем обнаруживается также поразительная деталь: египетский отрок говорил, что был рабом хозяина-амаликитянина.

Давайте вернем две истории — еврейскую и египетскую — к их принятому положению в хронологической таблице. Что это должно означать, если египтянин, сын властвующего и гордого народа, является слугой амаликитянина, бедного кочевника? Этот человек, представляя себя, говорил о себе как о «слуге», а об амаликитянине как о «хозяине» так, как будто это было в порядке вещей.

Но они последними выполняли эти почтенные роли, египетский раб и хозяин-амаликитянин. Амаликитяне отступали и бежали; редкие набеги, такие, как из Шарухена в Секелаг, находившиеся в южной Палестине, были последними вызовами. Воины амаликитян рассеялись; некоторые из них пришли в земли филистимлян на побережье. Секелаг был окраиной владений филистимлян, а Шарухен находился между Филистией и Сеиром, бывшими владе-

¹ *Against Apion*, I, 76.

ниями амаликитян.

Вскоре после грандиозной природной катастрофы филистимляне пришли с острова Кафтора и заняли побережье Ханаана¹. Они заключили смешанные браки с амаликитянами, старались заслужить их благосклонность, приняли их политическое лидерство, снабжали их глиняными и металлическими изделиями и в продолжение последовавших веков все больше и больше утрачивали собственное духовное наследие и превращались в народ-гибрид.

Это слияние филистимлян и амаликитян создало, я думаю, основание для египетского предания (Манефон) о том, что династия гиксосов в последний период ее правления в Египте была «финикийского происхождения»², а также о том, что филистимляне происходили от амаликитян³.

Саул после своей большой победы над амаликитянами вступил в войну с филистимлянами. Он отправился на эту войну с тяжелым сердцем. Самуил, пророк, сказал ему жестокие слова: он будет лишен своего царства за мягкость, проявленную им, когда он пощадил жизнь Агога, царя амаликитян, вечных врагов еврейского народа. Самуил сам убил Агога и больше никогда не встречался с Саулом до своей смерти. Саул с помощью некромантии пытался вступить в общение с покойным Самуилом. Через день после его визита к колдунье из Эндора филистимские стрелки сразили его посреди битвы. Он и три его сына пали на поле боя. Именно амаликитянин из войска филистимлян, согласно версии Священного Писания, убил раненого Саула по его просьбе и принес эту дурную весть Давиду (2-я Книга Царств 1:8).

Историческая роль в освобождении Ближнего Востока от ига гиксосов принадлежит Саулу, но его великий подвиг не был оценен, даже не был признан. Захват Авариса и уничтожение войска амаликитян изменили ход истории.

¹ Книга Пророка Иеремии 47:4; Книга Пророка Амоса 9:7.

² Manetho (trans. Waddell), pp. 91, 95—99.

³ Abu-el-Saud, Commentary to Sura II, Abulfeda, *Historia anteislamica*, ed. Fleischer, p. 17.

Египет снова возвысился в мощи и величии после того, как его освободил от столетий рабства один из потомков тех евреев, которые сами были в нем рабами.

Потомки не знали о подвигах Саула; даже его современники не воздали ему благодарности. Проклятый Самуилом за свое мягкосердечие, когда он пощадил жизнь Агога, подверженный депрессии и предчувствуя свою судьбу, он отправился в свой последний бой. Его голова и голова его сына Ионафана были отрублены филистимлянами и пронесены по деревням; обезглавленные тела были повешены на стенах Беф-сана, в долине Иордана.

Это был печальный конец человека, избранного быть первым царем Иудеи и Израиля. На одной из малоизвестных страниц Хагады о нем сказано, что он был благочестивее Давида, добрый и благородный, истинный «избранник Бога».

Только после покорения филистимлян израильтяне смогли осознать себя свободным народом. Двойная задача досталась Давиду: сокрушить амаликитян в их последней крепости в южной Палестине и изгнать филистимлян из горных районов.

Военачальник Аамес после падения Авариса последовал за своим принцем в Шарухен в южную Палестину, чтобы принять участие в осаде крепости. Аму-гиксосы обороняли ее в течение трех долгих лет. Этот последний оплот аму должен был быть взят штурмом.

Священное Писание представляет историю амаликитян, «изгнанных на юг» после их поражения на границах Египта. В других еврейских источниках сохранилась история осады «столицы амаликитян» на юге Палестины¹.

¹ Единственно возможный путь отступления армии, теснимой одновременно со стороны Египта и с побережья Палестины, мог быть в направлении Идумеи, а более конкретно — в направлении Петры. Во времена Страбона торговые караваны, шедшие из Аравии, «приходят в Петру, а потом в Риноколуру (эль-Ариш), который находится в Финикии вблизи Египта, а оттуда к другим народам», и, согласно этому автору, такой путь в древние времена был более всего предпочтителен (Strabo, *The Geography*, 16, 4, 24). Шарухен, веро-

«Среди всех героических деяний Иоава самое замечательное — это взятие столицы амаликитян»¹. В течение долгого времени отборные войска, двенадцать тысяч мощных воинов, тщетно держали осаду крепости. Легенда о подвигах Иоава, военачальника Давида, который один проник в «очень большой» город, стала излюбленным сюжетом сказителей.

Израильтяне штурмовали город амаликитян, разрушили языческие храмы и убили жителей. Царь Давид не присутствовал при этой продолжительной осаде; царь Аамес, возможно, выступал в союзе с армией Иоава. Военачальник Аамес писал: «Осаждали Шарухен три года, и его величество взял его». Египетский царь получил свою долю добычи, а офицер Аамес — свою часть, и он все это описал.

Египетский царь вернулся в Египет и предпринял военную кампанию против Эфиопии; Иоав повернул свою армию на восток и через некоторое время смог положить корону царя аммонитян к ногам Давида².

Царица Тахпенеса

На развалинах огромной империи амаликитян одновременно достигли свободы и могущества два царства: Иудея и Египет. Наследство было поделено между ними.

Иудея поглотила азиатские провинции амаликитян от Евфрата на севере до границы Египта на юге. Экспансия распространялась и на восток: Давид и Иоав направляли войска против Моава, Амона, Идумеи и Арама. Арам

ятно, был расположен рядом с Петрой. Петра «защищена со всех сторон горами» (там же, 16, 4, 21). Древние строители Петры неизвестны. See Sir H. B. W. Kennedy, *Petra, Its History and Monuments* (London, 1925), p. 81, and G. Dalman, *Petra und seine Felsheiligtümer* (Leipzig, 1908), p. 33; also M. Rostovtzeff, *Caravan Cities* (Oxford, 1932), pp. 37—53.

¹ Ginzberg, *Legends*, IV, 98.

² 2-я Книга Царств 12:30.

означал Сирию и территорию, которая тянулась до Месопотамии; земля Идумеи занимали все побережье Красного моря и большую часть Аравии¹.

2-я Книга Царств 8:14: «И поставил он охранные войска в Идумее; во всей Идумее поставил охранные войска...».

Иоав оставался в Идумее шесть месяцев (3-я Книга Царств 11:16) и уничтожал «всякого мужчину в Идумее». Адер, отрок царской крови, был из тех, кто убежал из Мадиама и пришел в Фаран; «и из Фарана они пришли в Египет к фараону, царю Египетскому».

3-я Книга Царств 11:19: «Адер снискал у фараона большую милость, так что он дал ему в жены сестру своей жены, сестру царицы Тахпенесы».

И было это во времена Давида. Фараоном должен был быть Аамес². Среди его цариц должна была быть одна по имени Тахпенеса. Мы открываем список египетских цариц, чтобы узнать, была ли у фараона Аамеса царица с этим именем. Ее имя действительно есть и читается как Танетап, Тентапе, а возможно, Тахпенеса³.

Местоположение Авариса

Где находился Аварис, крепость аму-гиксосов, город, который помогал держать египтян в рабстве? Он был достаточно велик, чтобы вместить за своими стенами десятки и даже сотни тысяч воинов, кроме населения, состоявшего из женщин, детей и рабов, а также большие стада.

Описание Манефона, представленное в его истории,

¹ По арабским источникам, Медина была покорена Давидом. См.: al Samhudin *Geschichte der Stadt Medina*, ed. Wüstenfeld, pp. 26ff.

² Адер покинул Египет после смерти Давида (3-я Книга Царств 11:21). Аамес царствовал более двадцати лет, по данным Манефона, — двадцать пять лет.

³ Gauthier, *Le Livre des rois d'Egypte* (Cairo, 1902), II, 187, note 3. But see Stricker, *Acta Orientalia*, XV (1937), 11—12.

указывает на место на восточной границе Египта.

«(Салитис, царь гиксосов) оставил гарнизоны в местах, наилучшим образом приспособленных для обороны. В частности, он укрепил свой восточный фланг, так как предвидел, что ассирийцы, когда их мощь в будущем возрастет, нападут на его государство. Обнаружив в Сетроитском номе место, очень удачно расположенное на Бубастийском рукаве реки, названное на основе древней теологической традиции Аварисом, он выстроил и надежно укрепил его стенами и установил в нем гарнизон, насчитывающий двести сорок тысяч вооруженных воинов для защиты своей границы»¹.

Согласно Манефону, Аварис имел большую каменную стену, «чтобы защитить все свое имущество и добычу».

Некоторые ученые высказали различные догадки: он был расположен в Пелузиуме, Танисе и в Тель-эль-Ехуде. В месте, названном последним, были обнаружены при раскопках могилы гиксосов², но археологические изыскания не подтвердили мнения исследователя, проводившего раскопки, о том, что это был Аварис. Это было небольшое укрепление, а не огромная крепость правителей-гиксосов, фараонов с четырнадцатой по семнадцатую династию.

Аварис тщетно искали на восточной стороне Дельты³. Однако буквальный перевод Манефона-Иосифа гласит: «к востоку от Бубастийского рукава реки».

Аварис мог быть расположен примерно следующим образом.

Саул победил «город амаликитян», резиденцию царя Агога (1-я Книга Царств 15). Захват этого города положил конец владычеству амаликитян над землями «от Хавилы до Сура, что у границ Египта».

¹ Josephus, *Against Apion*, I, 77—78.

² Petrie, *Hyksos and Israelite Cities*, pp. 10—16.

³ Montet, *Le Drame d'Avaris*, p. 47: «Le lecteur s'étonnera d'apprendre qu'une ville historique ait été promené par les égyptologues tout le long du Delta oriental, de Péluse à Héliopolis, en passant par Tell el Her, El Kantarah, San el Hagar (Tanis), Tell el Yahoudich».

Сравнивая последнее предложение с одной фразой из 1-й Книги Царств (17:8) — «... и амаликитян, которые издавна населяли эту страну от Сура и даже до земли Египетской» — мы находим ключ к загадке местоположения города амаликитян на границе с Египтом, но не в самом Египте.

Это также соответствует утверждению, которое содержится в надписи военачальника Аамеса: «Я шел за царем пешком, когда он выехал за границу страны на колеснице. Они осадили город Аварис».

Значение названия «Аварис» — «город пустыни»¹.

Город на северо-восточной границе Египта был предназначен его строителем, царем гиксосов Салитисом, для защиты восточного фланга против любых нападений с севера². Крепость угрожала Египту и Сирии. Она была расположена на берегу реки — об этом сказано в египетской надписи Аамеса и в истории осады ее Саулом. «Сражались на водах в реке» (Аамес). «И дошел Саул до города Амаликова, и сделал засаду в долине реки» (1-я Книга Царств 15:5).

Единственная река на всей этой территории — это сезонная река эль-Ариша. Из-за того, что в надписи Аамеса упомянуто о битве на реке, Аварис искали на восточных притоках Нила, хотя Манефон-Иосиф указывал, что это было к востоку от восточной стороны Дельты.

Более того, название реки «nakhal», на которой был выстроен город амаликитян, постоянно употребляется в Священном Писании по отношению к реке эль-Ариша, которая находится на границе Египта (Nakhal Mizraim)³.

Мы также можем извлечь указания на расположение Авариса из более поздней истории Египта.

Харемхад, царь, который правил в Египте перед девятнадцатой династией, обычно отрезал носы нарушителям

¹ K. Sethe. *Urkunden* (Leipzig, 1906—9), IV, 390; Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, III (1916), 100.

² Josephus, *Against Apion*, I, 78f.

³ Сравн.: Числа 34:5; 4-я Книга Царств 24:7; Вторая книга Паралипоменон 7:8: «Nakhal» находился на границе Египта.

закона и отсылал их в район Тару. Тару был расположен на крайнем северо-востоке Египта, как явствует из описания различных военных кампаний в Сирию, предпринятых фараонами девятнадцатой династии. Он должен был находиться около Авариса, если не являлся еще одним названием того же самого места¹.

Безносые преступники отсылались в место для «нечистых»; лишенный носа был внешне похож на прокаженного, нечист для религиозных обрядов и пребывал вне общества. Нечистые отправлялись в ссылку в самую отдаленную часть страны. Манефон, описывая мятеж этих нечистых в более позднее время, писал:

«Царь... назначил им для проживания и надзора покинутый город пастухов под названием Аварис»².

Место, где обитали безносые изгнанники, называлось греческими и римскими авторами Риноколурой (отсеченный нос) или Ринокорурой. Было установлено, что это эль-Ариш: Септуагинта переводила «Nakhal Mizraim» (поток эль-Ариша) этим названием — Ринокорура³. Следовательно, древний Аварис — это сегодняшний эль-Ариш.

Когда археологи будут вести раскопки на берегах эль-Ариша, они найдут руины Авариса — одной из самых грандиозных крепостей древнего мира⁴.

¹ Название Авариса следует сразу за Секхет-за; последнее место тесно связано с городом Тару на нескольких стелах эпохи Рамессидов. See Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, III (1916), 101.

² Josephus, *Against Apion*, I, 237.

³ Епифаний говорил: «Ринокорура» означает «Nakhal» (русло реки); Саадиа переводил «Nakhal Mizraim» как «Wadi el-Arish» и просто «Abu-faid». См.: F. Hitzig, *Urgeschichte und Mythologie der Philistaer* (Leipzig, 1845), pp. 112ff. Хитциг выяснил, что эль-Ариш должен был быть древним городом (Ларис у крестоносцев), но он не смог определить древний город, который был расположен на берегу эль-Ариша или Риноколурой.

⁴ «Il est facile d'identifier les noms géographiques de l'antiquité, quand ils se sont conservés en arabe. Le tell Basta recouvre les ruines de Bubaste... Mais le nom d'Avaris était tombé en désuétude bien avant la fin des temps pharaoniques». Montet, *Le Drame d'Avaris*, pp. 47—48.

В качестве дополнительного свидетельства я цитирую следующий фрагмент из Масуди о правителе первой династии фараонов-амаликитян: «Поблизости от эль-Ариша он воздвиг крепость»¹.

Сопоставление гиксосов и амаликитян

Установлена ли идентичность амаликитян и гиксосов, или они были двумя различными народами? Исторические данные, представленные на предшествующих страницах, будут сопоставлены.

Народ, который назывался аму или гиксосами, завоевал Египет после грандиозной природной катастрофы², когда «река обратилась в кровь» и земля сотрясалась³. Они прошли через Египет, не встретив никакого сопротивления⁴.

Завоеватели были крайне жестоки; они калечили раненых и отрезали части тела у своих пленных⁵; они сжигали города, варварски уничтожали памятники и произведения искусства и превращали в развалины храмы⁶; они демонстрировали презрение к религиозным чувствам египтян⁷.

¹ Maçoudi, *L'Abrege des merveilles*, p. 388. Фараон амаликитян назван Масуди именем Талма, наследника Латиса. Царя гиксосов, который выстроил Аварис, Манефон называл Салитисом или Салатисом (*Cambridge Ancient History*, I, 233) формы Латис и Салатис, представленные в двух столь различных источниках, тем не менее имеют явное сходство.

² Papyrus Ipuwer (Leiden 344 recto) 3:1; 15:1.

³ Papyrus Ipuwer 2:10; 4:2; 6:1; Papyrus Ermitage 1116b recto.

⁴ Manetho-Josephus, *Against Apion*, I, 73ff.

⁵ Compare the findings of Petrie in Hyksos graves (Hyksos and Israelite Cities, p. 12).

⁶ Manetho-Josephus; inscription at Speos Artemidos.

⁷ Sallier Papyrus I; Papyrus Ipuwer 17:2; Manetho-Josephus.

Они обратили египтян в рабов и наложили на них дань¹. Эти захватчики пришли из Азии² и были названы арабами³, но обладали также некоторыми признаками хамитов⁴. Они были пастухами⁵ и искусно владели луком⁶; их цари правили как египетские фараоны⁷. Они также правили Сирией и Ханааном, островами Средиземноморья и другими странами и в течение долгого времени не имели себе равных⁸.

Аму выстроили большой город-крепость к востоку от Дельты Нила⁹. Они ввергли в нищету коренное население Египта, обычно нападая на поля со своим скотом перед жатвой¹⁰.

Среди их царей было по крайней мере два правителя по имени (по-разному читаемому) Апоп; оба из них были личностями выдающимися, один правил в начале, а другой в самом конце данного периода¹¹.

Господство этого народа над Ближним и Средним Востоком продолжалось в течение многих столетий. Их династии правили около пятисот лет¹², и их власть закончилась, когда их крепость-резиденция на реке была осаж-

¹ Papyrus Ipuwer; Papyrus Ermitage; Manetho-Josephus.

² Manetho-Josephus («from the East»); Papyrus Ipuwer 14:10; 15:13.

³ Manetho-Josephus.

⁴ Papyrus Ipuwer 14:10; 15:3.

⁵ Manetho-Josephus.

⁶ Papyrus Ipuwer 14:10; 15:3; Carnarvon Tablet.

⁷ Scarabs of Hyksos kings; Sallier Papyrus I; Manetho-Josephus.

⁸ Inscriptions of Apop; see J. H. Breasted, A History of Egypt, p. 218; Eduard Meyer, Geschichte des Altertums, Vol. I, Pt. 2, p. 319.

⁹ Manetho-Josephus; Tomb of Ahmose; Sallier Papyrus I; inscription of Hatshepsut at Speos Artemidos.

¹⁰ Papyrus Ermitage.

¹¹ Sallier Papyrus I; compare Petrie, A History of Egypt, I, 243.

¹² Manetho-Josephus.

дена каким-то чужеземным войском¹. Части осажденного населения позволено было уйти²; русло реки было главной ареной осады и завершающего штурма крепости³.

С падением империи аму после этой осады Египет стал свободным, и изгнанные захватчики двинулись в южный Ханаан к крепости Шарухен, где они обосновались на несколько лет⁴. Эта крепость к югу от Ханаана подверглась осаде. Эта осада затянулась. Наконец город был взят штурмом, его защитники убиты, а немногие уцелевшие рассеялись и утратили прежнее значение⁵.

В народе Египта они оставили чувство глубокой ненависти⁶.

Другой народ звался амаликитянами. Они оставили Аравию после серии бедствий⁷ и сразу после разрушительного землетрясения⁸. Многие из них погибли в период миграции от внезапного наводнения, обрушившегося на землю Аравии⁹. Они увидели израильтян, идущих из Египта, который лежал в руинах после какой-то грандиозной катастрофы¹⁰. Во время этой катастрофы вода в реке стала красной, как кровь, земля тряслась, море поднялось внезапной приливной волной¹¹.

¹ Tomb of Ahmose; compare Against Apion, I, 88.

² Manetho-Josephus.

³ Tomb of Ahmose.

⁴ Tomb of Ahmose; compare Manetho-Josephus.

⁵ Tomb of Ahmose.

⁶ Manetho-Josephus.

⁷ Maçoudi, *Les Prairies d'or*, III, 101; *Kitab-Alaghaniy* (trans. Fresnel), pp. 206ff.

⁸ El-Harit, cited by Maçoudi, *Les Prairies d'or*, III, 101; compare Exodus 12:29.

⁹ *Kitab-Alaghaniy* (trans. Fresnel), p. 207.

¹⁰ Исход 15:7—12; 17:8—16; Числа 14:43—45.

¹¹ Исход 7:20; 12:29; 14:27.

Захватчики из Аравии заняли юг Палестины и одновременно двинулись по направлению к Египту¹. Они покорили Египет, не встретив сопротивления².

Победители-амаликитяне пришли из Аравии, но похоже, что в их жилах текла хамитская кровь³. Они были пастушеским племенем и бродили со своими стадами от пастбища к пастбищу⁴.

Они калечили раненых и пленных, отрубали им части тела и были невероятно жестоки и во многих других отношениях⁵. Они крали детей и уводили женщин⁶; они сжигали города⁷; они разрушали памятники и произведения искусства, которые уцелели после катастрофы, и лишили Египет всего его достояния⁸. Они с пренебрежением относились к религиозным чувствам египтян⁹.

Амаликитяне выстроили город-крепость на северо-восточной границе Египта¹⁰. Их вожди были фараонами и правили из этой крепости¹¹.

Они держали в повиновении западную Азию и север-

¹ Числа 13:29; 14:43. Tabari, *Chronique* (trans. Dubeux), p. 261; Abulfeda, *Historia anteislamica*, ed. Fleischer, p. 179; Mekhilta Beshalla, I, 27.

² Maçoudi, *Les Prairies d'or*, II, 397.

³ See «Amalik», *The Encyclopedia of Islam*.

⁴ Книга Судей 6:3, 33; 7:12; 1-я Книга Царств 15:9, 14.

⁵ Второзаконие 25:15; Числа 11:1; Targum Yerushalmi of Exodus 17:8; Midrash Tannaim, 170; Pirkei Rabbi Elieser 44; и многие другие источники

⁶ Числа 14:3; 1-я Книга Царств 30:15.

⁷ 1-я Книга Царств 30:1.

⁸ Maçoudi, *L'Abrégé*, pp. 342, 361.

⁹ *Kitab-Alaghaniy* (trans. Fresnel), p. 206.

¹⁰ 1-я Книга Царств 15:5 и 7; cf. Maçoudi, *L'Abrégé*, I, 331.

¹¹ Maçoudi, *L'Abrégé*, I, 331f., 338; Abulfeda, *Historia anteislamica*, ed. Fleischer, pp. 101ff. and 179; Tabari, *Chronique* (trans. Dubeux), p. 209; Ibn Abd-Alhakam, Yaqut, *Koran Commentary to Sura II*, 46; Alkurtubi, *Koran Commentary to Sura II*, 46 (Leiden Ms.).

ную Африку и не имели в то время соперников¹. Они держали египетское население в рабстве, и представители их племени использовали египтян как рабов². Они также выстроили небольшие укрепления в Сирии-Палестине³ и, периодически опустошая страну перед жатвой своими стадами, ввергали в нищету народ Израиля⁴. Их владычество над многими странами Ближнего и Среднего Востока продолжалось, согласно различным подсчетам, почти пятьсот лет⁵.

Среди царей амаликитян было по крайней мере два по имени Агог, и оба из них выдающиеся: один правил через несколько десятилетий после исхода израильтян из Египта, а другой в самом конце эпохи владычества амаликитян⁶.

Этот народ смешивался с филистимлянами⁷.

Его власть пришла к концу, когда его крепость-резиденция на границе Египта подверглась осаде Саулом, царем Израиля⁸. Русло реки было главным местом осады⁹. Большой части осажденного гарнизона было позволено уйти¹⁰. После этой осады и падения крепости империя амаликитян от Хавилы в землях Евфрата до «самого Египта»

¹ Literature in Ginzberg, *Legends*, III, 63; Numbers 24:20; 24:7; I Samuel 15:7.

² Цитировавшиеся выше арабские источники с девятого по тринадцатый век; 1-я Книга Царств 15:7.

³ Книга Судей 5:14; 12:15.

⁴ Книга Судей 6 и 7; 1-я Книга Царств 14:48.

⁵ Сравн.: Исход 17:8; 1-я Книга Царств 27:8; 30; 3-я Книга Царств 6:1.

⁶ Числа 24:7; 1-я Книга Царств 15:8.

⁷ 2-я Книга Царств 1:13. Abu-el-Saud, *Commentary to Sura II*, 247; compare Abulfeda, *Historia anteislamica*, ed. Fleischr, p. 17; compare also «Amalik», *The Encyclopedia of Islam*.

⁸ 1-я Книга Царств 15:5.

⁹ Там же.

¹⁰ 1-я Книга Царств 15:6.

та» находилась в агонии¹. Оставшиеся в живых двигались в горные районы южной Палестины², где они собирали силы в каком-то укрепленном городе. Но и это укрепление было тоже окружено и после продолжительной осады взято штурмом³. После этого они потеряли свое бывшее значение⁴.

Они оставили в народе Израиля глубокое чувство ненависти⁵.

На основании вышесказанного неизбежен вывод, что аму из египетских памятников и амаликитяне из еврейских и арабских письменных источников не были двумя разными народами, но представляли одну и ту же нацию. Даже название одно и то же: аму, а также омайя, популярное в среде амаликитян имя, было синонимом амаликитянина. Дсаухари (Диаухари), арабский лексикограф десятого века нашей эры, писал: «Установлено, что это имя (Аму, или Омайя) было вообще наименованием амаликитянина»⁶.

Аму, или гиксосы, были амаликитянами.

Это тождество, установленное на основе большого количества сопоставлений и параллелей, — ответ на загадку, которой уже две тысячи двести лет: кто такие гиксосы? Уже во времена Иосифа Флавия, в первом веке, это был давний спорный вопрос. Аргументы в пользу тождества аму-гиксосов и амаликитян, представленные в настоящей главе, были выдвинуты и повторены здесь пункт за пунк-

¹ 1-я Книга Царств 15:7.

² 1-я Книга Царств 27:8 Ginzberg, *Legends*, IV, 98 f.

³ 2-я Книга Царств; см. также Ginzberg, *Legends*, IV, 99; Compare al-Samhudi, *Geschichte der Stadt Medina*, ed. Wüstenfeld, p. 26.

⁴ 1-я Книга Паралипоменон 4:42.

⁵ Второзаконие 25:17—19; 1-я Книга Царств 15:2; 28:18; for Talmud and Midrash sources see Ginzberg, *Legends*, III, 61f., 333; IV, 230; VI, 480.

⁶ Italics supplied. See L. F. Tuch. «Ein und zwanzig Sinaitische Inschriften», *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, III (1849), 151. Тух привел цитату из Диаухари, нисколько не думая о вопросе, который обсуждался здесь, касающемся тождества амаликитян и гиксосов.

том из-за тех важных последствий, которые вытекают из подобного тождества. В последующих частях этой книги будет показано, насколько важны эти последствия.

Путаница между гиксосами и израильтянами и начало антисемитизма

Израильтяне никогда не могли забыть время своих страданий в Египте, но они не питали ненависти к египтянам¹ и другим народам древности; только амаликитяне стали символом зла и объектом их ненависти.

Второзаконие 25:17—19: «Помни, как поступил с тобой Амалик на пути, когда вы шли из Египта; Как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога.

Итак, когда Господь, Бог твой, успокоит тебя от всех врагов твоих со всех сторон, на земле... изгладь память Амалика из поднебесной; не забудь».

О крайней озлобленности этого народа постоянно твердила вся древняя литература²: как они пришли «сосать кровь» обессиленных в пустыне; как трусливо они действовали, атакуя из засады; как они были жестоки, неблагоприятны и беспощадны.

Они калечили раненых и кощунствовали, подбрасывая отсеченные части тел к небу и глумились над Богом³.

Предание выражает чувства израильтян следующими знаменательными словами:

«Пока существует семя Амалика, лицо Бога, как это и было, закрыто, и только тогда сможешь увидеть его, когда семя Амалика будет уничтожено»⁴.

¹ «... не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его» (*Второзаконие 23:7*).

² See the Register to Ginzberg, *Legends*, under «Amalek, Amalekites».

³ Ginzberg, *Legends*, III, 57.

⁴ Там же, с. 62.

Существовало также предание о том, что «Бог приказал Моисею внушить евреям, чтобы они не отталкивали ни одного варвара, если он жаждет обращения, но никогда не принимать амаликитянина в качестве прозелита». За свои грехи Амалик «первым падет в ад». «Сам Бог вел войну против Амалика».

Гиксосы вызывали такую же ненависть у египтян; их крайняя жестокость и распутство глубоко врезались в народную память. Они осквернили и сожгли папирусные свитки и произведения искусства; на своих станах они пытали пленных. Головы отрывались, зубы выбивались, глаза выкалывались, и конечности отсекались. Они проповедовали веру только в свою высшую силу и демонстрировали ее на беззащитных жертвах.

Даже арабские авторы показывали злобу и безжалостность амаликитян по отношению к святым и язычникам в Мекке и в Египте. Они тоже заявляли, что Бог изгнал их из Мекки за их беззаконие.

Саулу выпала участь вести войну за освобождение Израиля и Египта. То, что израильтяне не вспоминались с благодарностью за то, что они сделали для Египта, и упоминались только как безликие «они» в египетской истории, было по меньшей мере несправедливым: реальной их наградой, с легкой руки египетских историков, стало то, что их отождествили с захватчиками, от которых израильтяне избавили Аварис.

Аамес писал, что когда Аварис был взят, гиксосы отступили в Шарухен, в южную Палестину. Но много столетий спустя Манефон написал, что гиксосы отступили в Палестину и построили Иерусалим; а после этого, когда колония прокаженных в Аварисе взбунтовалась, эти мятежники объединились с солимитами (народом Иерусалима) и вместе завоевали Египет; что эти солимиты были чрезвычайно жестоки по отношению к населению и что один из прокаженных, Осарсиф, изменил свое имя на Моисей.

Эта запутанная история отражает ассирийское завоевание Египта, когда Сеннахерим и Есархадон завоевали Палестину и Египет «с большим войском ассирийцев и арабов». Народ Иерусалима никогда не покорял Египта.

Первая волна антисемитизма распространилась на востоке намного позже — в Персидской империи при визире Хамане, «Аге, враге евреев»¹. Хаман, который принадлежал к потомкам Агога, амаликитянин², стремился уничтожить еврейское население в Персии и Мидии.

Мы можем себе представить, что предания рода Хаманов вполне могли возбудить эту ненависть. Эти предания повествовали, как царственный предок Хамана Агог был свергнут еврейским царем и убит еврейским пророком.

В греческом мире не было следов какой-либо расовой антипатии по отношению к евреям, пока не начали циркулировать истории Манефона. Евреи обычно воспринимались как загадочный народ, но в писаниях древних авторов не обнаруживалось чувства враждебности или соперничества по отношению к ним. Самые ранние упоминания встречаются у Теофраста, Клеарха Солийского и Мегасфена³, философов, которые достигли расцвета в конце четвертого и начале третьего века до нашей эры.

Теофраст писал: «Они представляют собой расу философов; они не перестают предаваться божественному».

Клеарх Солийский писал: «Евреи произошли от индийских философов. Философы назывались в Индии каланианами, а в Сирии — евреями... Название их столицы очень трудно для произношения: она называется Иерусалим».

Клеарх рассказал историю об еврее, от которого Аристотель почерпнул часть своей мудрости во время своего путешествия в Азию. Клеарх сослался на слова Аристотеля о «великом и восхитительном здравомыслии этого еврея и его самообладании».

О Пифагоре и Платоне тоже сообщалось, что они находились в тесном контакте с еврейскими мудрецами и стремились у них учиться⁴.

¹ Esther 3:10.

² Ginzberg, *Legends*, IV, 68, 397, 398, 422.

³ See Theodore Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au Judaïsme* (Paris, 1895).

⁴ «Платон вывел идею Бога из Пятикнижия. Платон — это Моисей, переведенный на язык афинян». Numenius in Eusebius, *Preparation for the Gospel* (trans. Gifford), XIII, 12.

Мегасфен¹, который жил в Индии между 302 и 291 годом до нашей эры, писал в своей книге «*Indica*»: «Все мысли, выраженные древними авторами о природе, обнаруживаются у философов, чужеземных для Греции, у индийских брахманов, а в Сирии у тех, кого называли евреями».

Эти упоминания о евреях на греческом языке есть лишь часть обширной греческой литературы эпохи, предшествующей появлению истории Манефона.

Ненависть, никогда не исчезающая из памяти потомков, к бесчеловечным пастухам-завоевателям вновь возродилась: евреи были отождествлены с потомками гиксосов. Вдохновленная Манефоном, последовала обширная литература, содержащая нападки на евреев, и истории Манефона рассказывались, пересказывались и приукрашивались многочисленными авторами². Среди них был Апион, против которого была направлена апология Иосифа Флавия (*Against Apion*). Иосиф не пытался оспорить тождество евреев и гиксосов; напротив, он его доказывал и даже поддерживал в самой категорической форме. Его единственным желанием, оправдывающим такую тактику, было желание доказать древность еврейского народа с помощью историй Манефона.

Иосиф сыграл трагическую роль во время войны в Галилее и Иудее и разрушении Иерусалима Титом в первом веке нашей эры. Начав как солдат в авангарде галилейской армии, он закончил ренегатом. Его апология деяний евреев была воспринята как истинный шедевр и часто переводилась и цитировалась защитниками еврейского народа; но защита пером стоила защиты мечом.

Ненависть к гиксосам, выжженная в памяти целых поколений древнего Востока, нашла мишень в евреях.

¹ Историк и политик на службе Селевка Никатора.

² Quoted by Th. Reinach, *Textes*.

Столь же яростная ненависть к амаликитянам сохранялась в памяти евреев. Еврейская мать даже сегодня пугает своего ребенка «амаликитянином».

Ненависть может сохраняться долго, даже если ее объект уже не существует. Насколько же сильнее эта ненависть, если те, кого ненавидят, не рассеялись как национальное образование по Аравийскому полуострову тысячу лет назад, а, как предполагается, все еще существуют? Египетский автор увидел в евреях дурное семя жестоких тиранов. Вслед за ним греческие и римские авторы создали в своих сочинениях повод для никогда не умирающей потребности ненавидеть. Инсинуации накладывались друг на друга, изобретались самые чудовищные истории о голове осла, которую евреи держали в своем храме, чтобы ей поклоняться, и о человеческой крови, которую они высасывали.

Проклятие, лежащее на амаликитянах, стало проклятием израильтян. «Изгладь память Амалика из поднебесной». И она была изглажена. Никто уже не знал, что именно амаликитяне были гиксосами.

Израильтяне претерпели много страданий от такого искажения истории. Их мучило то, что их отождествляли с гиксосами. Преследование началось с ложных утверждений Манефона, египтянина, народ которого был освобожден от гиксосов евреями. В более поздние времена антисемитизм питался многими другими источниками.

Мировая история с точки зрения равновесия

Д оказательства тождественности гиксосов и амаликитян были обобщены, чтобы сделать их как можно более убедительным. На карту было поставлено не просто решение загадки гиксосов. Вся структура древней

истории балансировала вокруг этого. Если катастрофы, описанные в Папирусе Ипувера и Книге Исхода, одни и те же; если, далее, гиксосы и амаликитяне — это один народ, тогда мировая история, в ее действительных событиях, полностью отличается от той, которой нас учили.

Таким образом, установление временного периода, в который происходил Исход, приобретает исключительное значение: Израиль не покидал Египет в эпоху Нового царства, как утверждают все ученые, но совершил Исход в конце Среднего царства. Вся эпоха гиксосов располагается в этом промежутке; изгнание гиксосов никак не тождественно Исходу и не происходило до Исхода. Гиксосы были изгнаны Саулом; их последующее уничтожение было делом Иоава, воина Давида. Давид жил в десятом веке, а Саул был его предшественником на троне. Изгнание гиксосов относится к 1580 г. до н. э., что оставляет почти шесть неучтенных столетий.

История какого народа должна была развиваться в эти века? Возможно ли поместить Давида в шестнадцатом веке до нашей эры? Ни один исследователь древней истории не допустит ни малейшей возможности изменить историю царей израильских хоть на одно столетие, тем более на шесть, не нарушив при этом всю установленную хронологию и систему представлений. Библейские летописи повествуют о смене царей Иудеи и Израиля друг за другом и сообщают годы их царствования. Если бы порой возникали какие-нибудь разногласия или трудности в двойном отсчете царей Иудеи и Израиля, они имели бы совершенно иной масштаб и могли касаться самое большее одного-двух десятилетий, а не столетий.

Еврейская история тесно связана с ассирийской историей, и с помощью общих дат были сделаны такие точные хронологические таблицы, что если возможен был вопрос о том, когда Сеннахерим во время своего третьего похода завоевал Палестину — в 702 или 700 году, то не могло быть вопроса о том, явился ли ассирийский царь в Иерусалим времен Езекии в 1280 году до нашей эры или при-

мерно в это время. Хотя могли быть различия мнений по поводу продолжительности царствования того или другого царя на основе сравнения счета времени в Книгах Царств и Паралипоменон, но даты событий, в которых участвовали Ассирия или Вавилон, в ряде случаев устанавливались с точностью до года.

Период царей израильских закончился вавилонским пленением во времена царя Навуходоносора, который разрушил Иерусалим в 587 или 586 году до нашей эры. Кир, персианин, во второй половине того же самого столетия завоевал халдейско-вавилонское государство. Персидские правители, годы царствования которых известны от многих современных греческих авторов, продолжали царствовать вплоть до Александра Великого. Куда следует вставить еще шесть веков?

Мыслимо ли, что около шести веков исчезли из еврейской истории и что из-за этого исчезновения сама история так серьезно была искажена? Где историческое место этой пропасти?

Следов некоего исторического пробела нет. Даже если сильно напрячь воображение, последовательность столетий не может быть сдвинута, чтобы освободить место для дополнительных веков.

С другой стороны, как можно укоротить историю? Египетская история тоже четко сложилась. Династия за династией правили в Египте; с начала Нового царства примерно в 1589 году до нашей эры до времени персидского владычества в 525 году до нашей эры, когда Камбиз опустошил Египет, и вплоть до греческого завоевания Александром Великим в 332 году до нашей эры, время заполнено сменяющимися династиями и царями. Четко выверено не только египетское прошлое; египетская хронология стала нормой и мерой для всей мировой истории.

Столетия минойской и микенской культур Крита и материковой Греции размещены во времени в соответствии с хронологической шкалой Египта. Ассирийская, вавилонская и хеттская истории также распределены и раз-

делены в мировом графике в соответствии с их пересечениями с египетской историей. Некоторые события ассирийского и вавилонского прошлого касались еврейского народа, и история стран Двуречья синхронизирована с еврейской историей. С другой стороны, в некоторые события Ассирии и Вавилона был вовлечен Египет, и история стран Двуречья синхронизирована с египетской, которая отстает на шестьсот лет в сравнении с историей Иудеи и Израиля. Какой загадочный, а скорее нелогичный, процесс мог к этому привести?

Если вина лежит на египетской истории, то единственным возможным оказывается то, что события этой истории были описаны дважды, и шесть столетий были повторены. Это могло повлечь за собой то, что события многих других народов описывались в неверной последовательности. Но такое заявление может показаться абсурдным, оскорбляющим весомое мнение многих поколений целого научного мира, всех, кто изучал, исследовал, писал и преподавал историю.

Обе эти альтернативы кажутся химерическими: или шесть столетий исчезли из истории еврейского народа, или эти шесть столетий дублировались в истории Египта, а также в истории многих других народов.

Но то, что в Иерусалиме был десятый век, когда в Фивах был шестнадцатый, — это абсолютно невозможно. Нам стоит лучше признать, что ошибка допущена не самой историей, а историками. И если сопоставить две истории, век за веком, то выяснится: или шесть недостающих веков будут обнаружены в Палестине, или шесть веков-«привидений» найдутся в Египте.

Я изложу события эпохи, следовавшей за изгнанием гиксосов-амаликитян, от царства к царству, от века к веку, в Египте и Палестине, и мы увидим, совпадают ли они и в какой степени. И если десятый и девятый века в Палестине окажутся современными шестнадцатому и пятнадцатому векам в Египте, мы получим дополнительное доказательство того, что тождественность гиксосов и ама-

ликитян вовсе не произвольное предположение. Но двигаясь через века, мы скоро сможем выяснить, где лежит ошибка. Даже если мы не знаем, какая из схем неверна, мы можем заключить, что истории народов, соответствующие двум схемам, пребывают в самом хаотическом состоянии.

ГЛАВА III
ЦАРИЦА САВСКАЯ

Два монарха

Начало знаменитой восемнадцатой династии, цари которой были коренными египтянами и которая освободила Египет от гиксосов, совпало с началом линии царей в Иудее. Саул нанес роковой удар власти гиксосов-амаликитян; Давид сделал Иерусалим своей столицей; во времена Соломона царство достигло полного величия.

Согласно Священному Писанию, Соломон имел тысячу четыреста колесниц и двенадцать тысяч всадников; он правил на всей территории от реки Евфрат до земли филистимской и границ Египта. Цари Аравии платили ему дань, дары доставлялись отовсюду: серебряные и золотые сосуды, одежда и пряности, оружие и кони. Он насадил в Иерусалиме кедры, «сделал равноценными с сикоморами, растущими на низких местах». Он выстроил дворец с большим тронном из слоновой кости и храм. Вся посуда у него была золотой, из золота были сосуды для питья в его дворце. Шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых приходило в казну каждый год в качестве дани, кроме дохода от разносчиков товара и от торговли купцов (3-я Книга Царств 10:14—15).

Царство Египет, вновь завоевав независимость при Аамесе, современнике Саула, также достигло величия и расцвета при Аменхотепе I, Тутмосе I, Хатшепсут и Тутмосе III. Египет, опустошенный и обнищавший за столетия владычества гиксосов, быстро богател.

Два государства, освободившиеся от одного и того же угнетателя, вступили в торговые связи и родственные отношения.

Царь Соломон сделал египетскую принцессу одной из своих жен, возможно, главной женой. Имя ее в Священном Писании не названо. Известно только, что ее отец, фараон, совершил военный поход в южную Палестину, где жили филистимляне и ханаане, сжег город Газер и дал его

в приданое своей дочери (3-я Книга Царств 9:16).

Фараон, имя которого также отсутствует в Писании — в талмудических преданиях его называют Шисхак — был, согласно представленной здесь схеме, Тутмосом I, третьим царем Нового царства. Сохранилось лишь несколько строчек его летописей. Кроме военной экспедиции в Нубию, которую он покорил, он предпринял азиатскую кампанию и «разметал азиатов». «После всего этого» фараон «отправился в Рутену, чтобы очистить свое сердце в чужеземных странах»¹.

Из этих скудных обрывков нельзя извлечь ничего, кроме того, что фараон действительно прошел через Синайский полуостров, совершил победную кампанию в Филистию, а затем мирно прошествовал в Палестину (Рутену), где у него была возможность отдохнуть.

Хотя сохранились очень отрывочные сведения о царствовании Тутмоса I², он часто упоминался как отец царицы Хатшепсут. Он разделил с ней трон и сделал ее своей наследницей. Хатшепсут, великая и знаменитая царица, оставила множество надписей, барельефов и собственных изображений.

Если Исход был в конце Среднего Царства, если к тому же правление гиксосов было правлением захватчиков-амаликитян, то царица Хатшепсут, чьи огромные статуи встречаются нас в высоких музейных залах, должна была быть современницей Соломона. Могло ли действительно так

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, See 81.

² Тутмос I описывал пределы своих владений — от Эфиопии до страны «перевернутой воды — реки, которая течет против течения». Обычно считалось, что он имеет в виду Евфрат, так как египтяне исходили из представления, что река типа Нила должна течь с юга на север.

Самой северной границей владений Тутмоса была Идумея в северной Палестине. Под «рекой, которая течет против течения», он подразумевал Иордан. Это будет подробно объяснено в другом месте. Но если египтян поразила река, текущая на юг, то это, скорее всего, был Иордан, который гораздо ближе к Египту, чем Евфрат.

случиться, что память о ней никак не представлена в летописях Иерусалима? Обе страны в процессе развития своих международных отношений и торговли вряд ли могли избежать контактов в период царствования Соломона и Хатшепсут, ни один из которых не покушался на мир в этих странах.

Оба они выстроили дворцы и великолепные храмы; оба принесли богатство своим странам, и не за счет войны, а благодаря мирному строительству; каждый владел флотом на Красном море и посылал его в рискованные экспедиции¹; правление обоих было эпохой величия этих двух государств.

Если Соломон был действительно знаменитым царем, как изображают его еврейские предания, тогда отсутствие каких-либо контактов между этой царицей и этим царем объяснить трудно. Это было бы в самом деле странно, так как эти два правителя были не рядовыми обладателями тронов, а выдающимися монархами.

Это никак не согласуется с нашим мнением о любвеобильном характере царицы Хатшепсут или с такими хвалебными словами: «Твое имя достигает свода небес, слава Макер (Хатшепсут) окружает море»² и «ее слава пересекла Большой Круг» (океан)³. Не согласуется это и с нашим представлением о царе Соломоне, столицу которого посе-

¹ Историки, которые придерживаются установившегося порядка истории, не могли не заметить сходства их деятельности: честолюбивой и изобретательной была политика Соломона, прокладывавшего морской путь в Красном море. Былая сила Египта, которую продемонстрировала царица Хатшепсут, осуществляя навигацию в этих водах, с тех пор ушла в прошлое». J. A. Montgomery, *Arabia and the Bible* (Philadelphia, 1934), p. 176.

² The Punt reliefs in Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 269. The complete record may be found in Edouard Naville, *The Temple of Deir el Bahari* (Memoirs of the Egyptian Exploration Fund, London. 1894—1908, Vols. 12—14, 16, 19, 27, 29).

³ The Karnak obelisk. Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 325.

щали послы многих стран⁶ и который имел личный контакт со многими монархами: «И все цари земли искали видеть Соломона» (2-я Книга Паралипоменон 9:23), и «все на земле искали видеть Соломона...» (3-я Книга Царств 10:24).

Была ли царица Египта исключением из «всех царей»?

Откуда явилась царица Савская?

О визите самой блестящей гостьи Соломона в Священном Писании сообщается дважды. В главе 9 2-й Книги Паралипоменон почти буквально повторяется история из главы 10 3-й Книги Царств:

«Царица Савская, услышав о славе Соломона во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла к Соломону, и беседовала с ним обо всем, что было у ней на сердце».

Является ли эта история сказкой? Явилась ли сказочная царица из волшебной страны с драгоценностями и другими диковинными вещами? Если она действительно явилась, то нашла ли в Иерусалиме блестящего и благородного царя, а не бедного вассального принца, никогда не упоминавшегося в истории других стран?

Многие склонны считать, что у этой романтической легенды нет никакой исторической основы; другие, которые видят в этой истории не выдумку, а реальное приключение, безуспешно разыскивали какие-то исторические упоминания о жизни и царствовании царицы Савской².

Земля, которой правила царица Савская, отождествлялась большинством исследователей с районом Сабы

¹ I Kings 4:34.

² Cf. J. Halévy, «La Légende de la reine de Saba», *Annuaire, Ecole pratique des Hautes Etudes*, 1905 (Paris, 1904); L. Legrain, «In the Land of the Queen of Sheba», *American Journal of Archaeology*, 38 (1934).

(Шебы) в южной Аравии, с землей «сабианов (или пьяниц) из пустыни»: «и они возлагали на руки их запястья и на головы их красивые венки» (Книга Иезекииля 23:42). Иемениты, обитатели земли Саба (Шеба) в Аравии Блаженной, верят, что царица Савская была их царицей и с богатым восточным воображением украшают историю ее жизни и визита в Иерусалим. Эта точка зрения поддерживается Кораном (Сура XXVII).

Но Эфиопия соперничает с Аравией за славу царицы Юга. Эфиопские цари объявили себя потомками Манелика, сына Соломона и царицы Савской, которая, как они настаивают, была их царицей. Они владеют средневековыми рукописями, тексты которых, составленные в первые века христианства, донесли это предание¹.

Ни один из двух Талмудов не содержит никаких четких исторических сведений о таинственной царице, жаждущей приключений². Однако мнение, выраженное в Талмуде, состоит в том, что «Sheba» в имени царицы Савской — это не географическое указание, а личное имя³. Многочисленные надписи в южной Аравии умалчивают о царице Савской. Путешественники не достигли успеха, хотя перевернули в южной Аравии каждый камень, который мог таить ответ на загадку⁴. Генеалогия абиссинских императоров, которые желали быть причисленными к семени Соломона и царицы Савской, воспринималась с таким же недоверием, как и все подобные генеалогии царей и полубогов.

Исследования, породившие множество трактовок и

¹ *Kebra Nagast*, translated from the Ethiopian by E. A. W. Budge as *The Queen of Sheba and Her Only Son Menyelek, being the Book of the Glory of Kings* (Oxford, 1932).

² Babylonian Talmud, Tractate Baba Batra 15b.

³ Halévy, *Annuaire, Ecole pratique des Hautes Etudes*, 1905 (1904).

⁴ См.: L. Legrain, *American Journal of Archaeology*, 38 (1934), 329—37. Систематические раскопки в южной Аравии стали возможны только в последние несколько лет.

комментариев, после того как истощился материал, пришли к результату, который сформулировал один из авторов: «Мы никогда не узнаем, была ли царица, посетившая Соломона, чистокровной абиссинкой или арабской царицей из Иамана (Иемена), Хадрамаута или любой другой земли огромного Аравийского полуострова. Но предание о том, что какая-то «царица Юга» посетила Соломона, столь древнее и так широко распространено, что крупница исторического факта, пусть даже ничтожная, должна в нем таиться»¹.

Была ли царица Юга царицей Сабы (Савской) из Аравии или Эфиопии или это легендарный персонаж из сказки?

В «Иудейских древностях» Иосифа мы находим историю царицы Савской², которая начинается следующими словами:

«Когда же царствовавшая в то время над Египтом и Эфиопией и отличавшаяся особенной мудростью и вообще выдающимися качествами царица узнала о доблести и необычайных умственных способностях Соломона, то желание лично познакомиться с тем, о котором она ежедневно слышала столько необычайного, всецело овладело ею»³.

Здесь мы имеем прямое указание: «царица Египта и Эфиопии». Но египетская история, будучи отодвинута на шесть столетий, с точки зрения синхронности, от израильской, не могла назвать женщину, которая правила в Египте и Эфиопии⁴.

История Египта, отодвинутая на шестьсот лет и возвращенная в правильную позицию, чрезвычайно затруднила бы объяснение того факта, что в еврейских летописях нет никаких упоминаний о царице Хатшепсут. Является ли

¹ *Kebrā Nagast* (trans. Budge), p. vii. See also Halévy, *Annuaire, Ecole pratique des Hautes Etudes*, 1905 (1904), 6.

² Иосиф не назвал царицы по имени.

³ Josephus, *Jewish Antiquities*, VIII, 165.

⁴ Страна на южном Ниле в районе Второго водопада, или современный Судан, тогда описывалась как Эфиопия.

история царицы Савской историей царицы Хатшепсут?

Самое убедительное доказательство, разумеется, было бы представлено, если бы удалось обнаружить запись о путешествии царицы Хатшепсут в Иерусалим и если бы она совпала с таким же сообщением в летописях царей Иерусалима.

Такая запись есть. Она сохранилась. И она совпадает.

Куда ездила царица Хатшепсут?

Великолепный храм, названный «Чудо из чудес» в Деир-эль-Бахри близ египетских Фив был выстроен против полукруглой скалы. «Эти скалы из белого известняка, которые были окрашены временем и солнцем в розовато-желтый цвет, создавали абсолютно вертикальный барьер. Они были доступны только с севера через крутую и труднодоступную тропинку, ведущую на вершину хребта, отделяющего Деир-эль-Бахри от дикой и мрачной долины Царей»¹.

На стенах этого храма высечены барельефы, описывающие жизнь и самые важные события царствования царицы Хатшепсут. В одной серии рассказывается история ее божественного рождения, ее отцом считался бог Ра. Другие серии, называемые надписями Пунта, которые расположены напротив и симметричны первым сериям, рассказывают о путешествии в землю Пунта, или Святую Землю (Божественная, принадлежащая Богу земля).

«Это, без сомнения, интереснейшие группы надписей в Египте... Они настолько же прекрасны по исполнению, как важны по содержанию»².

Целью экспедиции кораблей, управляемых парусами и веслами, должна была быть благословенная страна. Она обладала всеми признаками мифической страны счастливых полей и холмов. Там жили белые люди северосемитского³

¹ Naville, *Deir el Bahari*, Introductory Memoir, p. 1.

² Breasted, *Records*, Vol. II. Sec. 246.

³ Это предположение Шабаса.

или кавказского¹ типа, гордые и красивые; они составляли основное население. Затем, как показывают изображения, было несколько совершенно отличных, чернокожих жителей Пунта. Животных водили на привязи; установлено, что они принадлежали к африканской фауне — несколько обезьян и пантера². Растения оказались типичны для южного аравийского побережья³. Растения, о которых в надписи сказано: «с начала света никогда не видели деревьев, подобных этим» — были привезены из Пунта египетской экспедицией. Кроме этих деревьев, были дары из слоновой кости и эбонита, золота и серебра и драгоценных камней. Весь этот тяжелый груз царица Хатшепсут привезла домой на своих кораблях.

Где находилась земля Пунта?

Было выдвинуто множество теорий относительно местонахождения земли Пунта, но оно все еще оставалось неясным. Если бы не барельефы с экзотическими животными и растениями, местонахождение Пунта, возможно, не было бы проблемой.

Название Пунт, или Божественная (принадлежащая Богу) земля, не сопровождалось признаками, указывающими на чужеземное государство, и из этого следует, что египтяне рассматривали Пунт как землю, в какой-то мере родственную Египту. В некоторых египетских надписях упоминается, что Пунт расположен к востоку от Египта. В речи Амона, которая датируется временем Аменхотепа II, последним периодом восемнадцатой династии, есть следующие слова: «Когда я поворачиваю лицо к восходу... я заставляю прийти к тебе страны Пунта»⁴.

¹ Naville, *Deir el Bahari*, Pt. III, p. 12.

² «Животные, представленные в скульптурах, исключительно африканские, так же, как и часть населения» — (ibid.). See E. Glaser, «Punt und die südarabischen Reiche», *Mitteilungen, Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft* (Berlin, 1899), Vol. IV, p. 62.

³ A. Lucas, *Ancient Egyptian Materials and Industries* (2nd ed.; London, 1934), p. 93; W. H. Schoff, *The Periplus of the Erythraean Sea* (New York, 1912), p. 218.

⁴ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 892.

Один чиновник времен шестой династии оставил лаконичное сообщение, констатирующее, что он посетил Библос и Пунт одиннадцать раз¹. Библос был древней столицей Финикии; руины его находятся в восемнадцати милях к северу от Бейрута. Если его одиннадцать раз посетил чиновник, прибывший из Египта, и если о нем упоминалось вместе с Библосом, Пунт должен был быть как-то связан с Библосом.

Название Пунт или Понт может восходить к «Понту, отцу Посейдона и Сидона», как рассказывалось Сахониатоном, ранним финикийским писателем². Сидон был финикийской метрополией.

Существуют также многочисленные надписи, в которых упоминается, что изделия Пунта и Божественной земли приобретались в Палестине (Рутену), и мы прочтем некоторые из них в следующей главе. В надписи на могиле одного из военачальников Тутмоса IV Палестина (Рутену) названа землей Бога; спустя одно поколение настенная надпись Аменхотепа III также упоминает о Палестине как о земле Бога.

Но все эти моменты даже не осмысливались учеными, которые пытались отыскать Пунт, или землю Бога. Поскольку на барельефах Деир-эль-Бахри были изображены экзотические животные и растения, историками были призваны зоологи и ботаники, чтобы определить место их происхождения³. Палестина и Сирия никогда не включались в круг возможностей.

Созданная картина фауны и флоры определила расхождение мнений среди ученых. Большинство людей принадлежит северосемитскому или кавказскому типу. Животные и несколько негроидов — африканского происхождения. Рас-

¹ Ibid.; Montgomery, *Arabia and the Bible*, p. 176, n. 28.

² Филон из Библоса цитировался Евсевием в *Preparation for the Gospel*, I, 10, 27.

³ «Um seine Lage genauer zu bestimmen, sind wir ausschliesslich auf die Abbildungen angewiesen, die von den Einwohnern und den Produkten des Landes überliefert werden». Glaser, *Mitteilungen, Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft*, IV (1899), 53.

тения — южноарабские. Земля Бога (Божественная) часто упоминается в египетских надписях как земля, поставляющая ладан, и если экзотические деревья были ладановыми, то они должны были принадлежать к арабской разновидности, у которой густая листва; сомалийский ладан не растет так, как изображено на барельефе¹.

Объяснить присутствие белых людей было проще всего: они могли мигрировать в эту страну². Люди Пунта были финикийцами, как явствует из самого названия, и их присутствие в Сомали могло быть связано, как считают некоторые ученые, с отрывком из Геродота, который писал, что финикийцы в давнее время пришли с Эритрейского моря на Средиземное³, и это, как кажется, подтверждает теория о том, что Пунт находился в Восточной Африке. Жители Пунта должны были быть потомками финикийцев⁴.

Сообщение чиновника Древнего царства о том, что он одиннадцать раз посетил Библос и Пунт, было истолковано в том смысле, что чиновник посетил Библос в Сирии одиннадцать раз и одиннадцать раз Пунт в Восточной Африке или южной Аравии⁵.

Указание на то, что Пунт находился к востоку от Египта еще более усложнил проблему африканской фауны и азиатской флоры.

Обзор мнений, состоящих главным образом в опровержении или подтверждении позиций Аравии или Сомали

¹ Lucas, *Ancient Egyptian Materials* (2nd ed.), p. 93.

² Glaser, *Mitteilungen, Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft*, 1899, p. 33f.

³ Herodotus, I, I and VII, 89. Определение «Эритрейское море» охватывает и весь Индийский океан и Красное море.

⁴ См.: R. Lepsius, *Nubische Grammatik* (Berlin, 1880). Compare Glaser, *Mitteilungen, Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft*, 1899, pp. 33f.

⁵ Cf. the paper of Newberry, «Three Old Kingdom Travellers to Byblos and Pwenet», *Journal of Egyptian Archaeology*, XXIV (1938), 182—84

ли, показывает, насколько безнадежно запутана эта проблема¹. Совершила ли царица Хатшепсут путешествие в отдаленное царство Саба, откуда шесть веков спустя некая сказочная царица приехала к Соломону в Иерусалим?² Или экспедиция Хатшепсут прибыла на берег Сомали, в другую землю, которая претендует считаться местом рождения царицы Савской?

По вопросу о происхождении царицы Савской те же два района — южная Аравия и сомалийское высокогорье с Эфиопией — вступили в спор.

Подобно исследователям Библии, которые тщетно использовали все средства, чтобы обнаружить, приехала ли царица Савская из Сабы или из Эфиопии, египтологи до конца выжали каждый источник, так и не придя к окончательному решению: посылала ли царица Хатшепсут свою экспедицию в южную Аравию или на побережье Африки. Очевидно только, что куда-то за пределы Египта, но вблизи от него находилась благословенная страна богатых, которая называлась Пунт, а также Божественная, Святая земля или земля Бога³, с чудесными растениями, населенная красивыми людьми и экзотическими животными.

В конце концов было принято соломоново решение, и земля Пунта разделилась между арабской Сабой и африканской землей Сомали⁴.

¹ См. различные точки зрения, представленные Г. Масперо *The Struggle of the Nations* (New York, 1897), p. 247.

² Г. Масперо приписывал Эдуарду Мейеру мнение о том, что обитатели Пунта были потомками сабаанцев (*Geschichte des Altertums*, p. 234); однако Мейер считал, что Пунт находился в Африке.

³ *Neterto* [Toneter] переводится Нэвиллом как Божественная земля, а Бристедом — как земля Бога.

⁴ J. Dümichen, «Geographie des alten Aegypten», in: E. Meyer, *Geschichte des alten Aegypten* (Berlin, 1879—87); J. Lieblein, *Handel und Schiffahrt auf dem Roten Meere in allen Zeiten* (Christiania [Oslo], 1886); Glaser, *Mitteilungen, Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft*, 1899. See also Naville, *Deir el Bahari*, *Introductory Memoir*, p. 22: «... Флот Хатшепсут, несомненно, плыл к берегам Африки, а не Аравии, но мы не правы, ограничивая территорию Пунта только африканским побережьем... Земля, которой их (египетские) религиозные тексты приписывают почти легендарный характер, лежит по обе стороны южной части Красного моря».

В предыдущих главах были представлены синхронные события египетской и еврейской истории. Было обнаружено, что царица Хатшепсут — современница Соломона.

Если царица Хатшепсут сама была царицей Савской, она, разумеется, приехала бы не из Сабы в Аравии, не с сомалийского побережья Эфиопии, но из египетских Фив; пунктом ее назначения всего вероятнее была бы не южная Аравия, не Сомали, а Иерусалим.

Была ли Божественная земля районом Иерусалима? Палестина находится к востоку от Нижнего Египта; она была населена белой северосемитской расой. Но флора и фауна на барельефах, в равной мере чуждая Палестине, создавала бы двойное противоречие.

Теперь я перейду к описанию этой экспедиции. Редкие растения, животные и люди (негроиды) не только не вступят в противоречие с предложенной здесь концепцией, но существенным образом поддержат ее. После этого установленные данные будут проверены путем сопоставления с другими упоминаниями о Пунте и Божественной земле в египетских надписях.

Путь от Фив в Иерусалим

Кратчайший путь из Фив в Иерусалим лежит не вдоль Нила и побережья Средиземного моря; путь через Красное море составляет чуть больше половины этого расстояния: от Фив в Колтос, немного вверх по Нилу, а потом к эль-Косеиру¹, порту на Красном море, затем через Красное море и вдоль залива Акаба и из Акабы по суше до Иерусалима.

Кроме того, что он намного короче, этот путь был предпочтительнее и по многим другим соображениям. Путь через Синайский полуостров не был безопасен. Он вел через последние укрепления амаликитян и филистимлян, через Аварис и Сезер. Тутмос I, отец Хатшепсут, отпра-

¹ С древних времен порт эль-Косеир на Красном море упоминался как отправная точка путешествия в Божественную землю.

вился с военным походом в этот район, очищая его от мятежных банд амаликитян и филистимлян и сжигая Сезер. Морской путь был безопаснее. К тому же путешествие на корабле было более комфортабельным для царицы, чем долгое путешествие в колеснице или в паланкине с ночными стоянками и отдыхом в шатрах, раскинутых посреди пустыни.

Еще одной причиной для путешествия морем было, вероятно, желание Хатшепсут насладиться великолепием ее нового флота.

Соломон выстроил порт в заливе Акаба на Красном море.

3-я Книга Царств 9:26: «Царь Соломон также сделал порт кораблей в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской».

После разрушительного потрясения, когда приморские народы погибли вместе со своими кораблями, отчаянные попытки такого рода стали очень редкими. Долгое время Атлантический океан будоражили тектонические разрывы в оседающем дне¹.

Когда амаликитяне были уничтожены, а их союзники филистимляне покорены, финикийцы из Тира и Сидона возобновили активное мореплавание и посылали свои корабли на «Большой Круг» (океан). Вскоре они поняли преимущества южного пути через Красное море к заморским странам.

Финикийский царь Тира, Хирам, искал союза с Соломоном и его дружбы, возможно, из-за этого порта в Ецион-Гавере в земле Идумейской, которая подчинялась Соломону. Вразрез с их обычаем не позволять никому проникнуть в тайны их маршрутов, финикийцы брали с собой матросов Соломона.

3-я Книга Царств 10:22: «Ибо у царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым...».

9:27: «И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми».

Ко всем другим причинам, определяющим выбор мор-

¹ Plato, *Timaeus*, 25.

ского пути из Фив в Палестину, может быть также добавлена и эта: царице было интересно посетить новый порт, из которого финикийцы и евреи отправились в свое трехлетнее плавание в Офир.

Паруах встретил посла царицы

Соломон перед приездом царицы обследовал Ецион-Гавер. «Тогда пошел Соломон в Ецион-Гавер и в Елаф...» (2-я Книга Паралипоменон 8:17). И здесь должны были ждать, когда пристанет к берегу экспедиция. Через несколько строк после приведенного выше отрывка из книги Паралипоменон начинается история визита царицы Савской.

В Библии не сказано, что царица Савская совершила первую часть своего путешествия на корабле. Но в раввинских писаниях сообщалось, что царица прибыла на корабле после долгого путешествия по морю. Царица Савская «собрала все корабли моря и нагрузила их изысканными деревянными изделиями, и жемчугом, и драгоценными камнями»¹.

Прежде чем царица предприняла это путешествие, была послана миссия для предварительного ознакомления. Сообщение о визите этой миссии содержится в Хагаде². Коран³ также повествует о предваряющей экспедиции: «Сказала она (царица Савская): «О воины... я собираюсь послать им дары и подожду, чтобы увидеть, с чем вернуться посланники»⁴.

¹ Ginzberg, *Legends*, IV, 144.

² Там же.

³ The Koran, Sura XXVII.

⁴ Так же в *Kebra Nagast* (пер. Баджа), эфиопской легенде о «царице Юга», эфиопский эмиссар по имени Тамрин, владелец семидесяти трех кораблей и предводитель торгового каравана, посетил Иерусалим и, вернувшись к своей царице, «рассказал ей, как он приехал в страну Иуды и Иерусалима... и все, что он слышал и видел».

В нижнем углу барельефа в Деир-эль-Бахри изображена пристань. Справа выступает «царский посланник» во главе своих воинов; слева приближается какой-то начальник. Линия воды с плавающей повсюду рыбой должна подчеркнуть, что место это находится на берегу. Начальник назван «начальником Пунта Переху» (или Паруахом). На шатре написано: «Установление шатра царского посланника и его войска на миртовых террасах Пунта на берегу моря»¹. Размещенная в самой нижней части стены, как что-то незначительное, эта картина, вероятно, изображает предварительную экспедицию или прибытие посла царицы.

Паруах, должно быть, был представителем Соломона в Идумее, а возможно и идумеянином, его вассалом.

Среди двенадцати правителей царя Соломона — в последний период его царствования (когда некоторые из этих должностных лиц были его зятьями) — один был сыном Паруаха (3-я Книга Царств 4:17). Иосафат, сын Паруаха, был правителем в Ецион-Гавере и Елофе; его отец, похоже, управлял этим же регионом².

На этой картине Паруах изображен как пожилой человек без каких-либо эмблем власти. Его сопровождает жена, обезображенная слоновой болезнью, и несколько других членов семьи, что свидетельствует о том, что он и

¹ Согласно тексту «по обе стороны моря», порт был расположен на противоположных берегах. Ецион-Гавер был построен Соломоном в заливе Акаба, откуда можно видеть оба берега.

² Кажется, что последние слова в 3-й Книге Царств 4:16 принадлежат следующему стиху, а последние слова 4:17 — в свою очередь — следующему. Тогда надо было бы читать так: и в Балаофе Иосафат, сын Паруаха». В этом случае сын оставался правителем там, где его отец исполнял те же обязанности. Балаоф и Елоф — это одно и то же. В контексте, не имеющем никакого отношения к поставленному здесь вопросу, Олбрайт (*Journal of the Palestine Oriental Society*, V [1925], 35) сделал то же самое предположение, что название Елоф следует перенести в следующий стих — во владения Иосафата, сына Паруаха. См.: также J. W. Jack, *Samaria in Ahab's Time* (Edinburgh, 1929), p. 95.

его семья живут здесь и, возможно, являются уроженцами здешних мест; по виду он кажется правителем Ецион-Гавера.

Ландшафт во всем соответствует Идумее. Мы видим маленькие домики с навесами, иногда построенные на сваях. Навес, комната, в которую можно попасть по лестнице прямо с улицы, которую мы находим в Священном Писании.

Хатшепсут направила экспедицию в Божественную землю

Следующая картина изображает отбытие флота из пяти кораблей; три из них под парусами, а два еще стоят у причала. Надпись читается так: «Плавание в море, начало славного пути в землю Бога, мирного путешествия в землю Пунт...»¹.

Это удивительно красивый барельеф — чудесный флот царицы, с носами, выгнутыми, как лотосы, с высокими мачтами и летящими парусами. На каждом корабле команда примерно из пятидесяти человек, которая, разбившись на две части, выстроилась на каждой стороне корабля. Вполне возможно, что этот флот состоял более чем из пяти кораблей, потому что изображения частично разрушились. Это было «весьма большое богатство» (2-я Книга Паралипоменон 9:1).

Сама царица не видна ни на одном корабле. Это согласуется с правилами египетского искусства: египетский художник не изображал царскую особу среди простых смертных; портрет царственной особы не должен быть унижен соседством простых матросов. Цари и царицы изображались огромными, как гиганты среди карликов. Царица Хатшепсут была изображена около кораблей, и ее фигура выше мачт. Разумеется, столь высокая фигура не могла быть расположена на палубе.

Такая манера изображения, нормальная с египетской

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 253.

точки зрения, стала причиной забавной оплошности. Экспедиция в Божественную землю описана в современных историях Египта как экспедиция, направленная царицей. Но совершенно очевидно, что она сама принимала участие в этом путешествии.

Чрезвычайное значение, которое придавалось этой экспедиции, что делает ее самым знаменательным событием ее царствования¹, приводит к мысли, что это был ее собственный опыт. Из всех событий ее царствования именно это было выбрано, чтобы быть высеченным на стене храма Чудо из Чудес как достойное дополнение изображения ее божественного рождения. Если бы это была обычная торговая экспедиция в Пунт, тогда почему летописи увековечили ее столь обдуманно и с такой помпой?

И в более ранние времена отдельные люди и посольства направлялись в Пунт, но отмечено это было только скудными прозаическими датами². Пунт должен был быть расположен рядом с Египтом; это явствует из различных указаний на египетских монументах, таких, к примеру, как одно из уже цитировавшихся, в котором чиновник, живший в эпоху шестой династии, сообщал, что «одинадцать раз ездил в Библос и Пунт».

Тот факт, что Пунт «описывался без признаков, указывающих на иностранное государство» (а также его частое упоминание в надписях), «скорее всего показывает, что египтяне считали, что они каким-то образом связаны с этой страной»³. Почему же тогда царица придает такую пом-

¹ «Хатшепсут и свои военные победы не оценивала столь высоко, как морскую экспедицию в землю Пунт... Значительное пространство, которое занимают эти скульптуры, полнота деталей, изысканность исполнения — все доказывает, как высоко царица ценила возможности своего флота и как гордилась им» Naville, *Deir el Bahari*, Pt. III, p. 11.

² Бристед в *Records*, Vol. II. Sec. 147 собрал ранние свидетельства о путешествиях в землю Пунт. «Ни один из этих источников не содержит ничего, кроме упоминания самого факта подобных экспедиций».

³ Naville, *Deir el Bahari*, Pt. III, p. 11.

пезность поездке туда и превращает ее в большой праздник, тем более если она сама туда не ездила? Могла ли встреча какого-то царского посланника с управляющим Паруахом стать таким событием, чтобы царице захотелось увековечить его как нечто «никогда ранее не происходившее»?

Царица Хатшепсут предприняла это путешествие, как благочестивый пилигрим, который, услышав внутренний зов, берет в руки посох.

«... приказ был услышан от большого трона, от оракула самого Бога, о том, что следует отыскать дорогу в Пунт, выйти на дорогу к миртовым террасам:

«Я поведу войско по воде и по земле, чтобы доставить чудеса из Божественной земли для этого Бога, для создателя ее красоты...»¹.

Это был оракул или таинственный голос, который услышала внутри себя царица Хатшепсут, и она подумала, что это ее Бог.

Подобно надписи Пунта, Хаггада, а также Иосиф, описывали это сильное властное желание, которое охватило царицу и было истолковано как божественное повеление².

Неизвестно ни одного прецедента, чтобы на египетском троне была женщина³; неизвестно также до этого времени, чтобы какой-то правитель Египта засвидетельствовал свое почтение визитом к иностранному государю.

Корабли Хатшепсут бороздили волны под полными парусами; команда налегала на весла. Путь царского флота лежал через узкий пролив Акаба. Во времена господства амаликитян этот район не посещался ни израильянами, ни египтянами. Поэтому это путешествие царицы было своего рода разведывательной экспедицией.

Это был опасный пролив. Если в него врывался се-

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 285.

² Josephus, *Jewish Antiquities*, VIII, 165f.

³ Возможно, за исключением Себек-нофруры в конце двенадцатой династии.

верный ветер, он мог опрокинуть неосторожного матроса, разбив его мачту вихревым вращением. Во времена Соломона эта опасность, возможно, еще не осознавалась.

Крутой, увенчанный снегами массив горы Синай, возвышавшейся при входе в залив, мелкие воды в его устье среди рифов и коралловых островов, яркая синева воды в тех местах, где залив углублялся, и красные склоны гор Идумеи, алеющие на рассвете, багровые в сумерках, придавали этой молчащей расселине феерический характер.

«Я вел их (участников экспедиции) по водам и по земле, чтобы изведать воды недоступных проливов, и я привел их к миртовым террасам»¹.

Слова «я вел их по водам и по земле» означают, что путешествие не закончилось на побережье (Ецион-Гавер); отсюда царица с ее свитой прошествовала по земле. Караван двигался к Иерусалиму «с большим великолепием и роскошью» (Иосиф); «верблюды были нагружены золотом и разными специями и драгоценными камнями»; величественных пилигримов сопровождала в град мудрости царская стража.

Царицу и ее свиту, включая царского художника, очевидно, поразила красота израильских воинов. Как выглядели древние израильтяне?

Мы привыкли видеть сирийских узников на скульптурных изображениях египетских ремесленников в эпоху последних царей восемнадцатой, а также девятнадцатой и двадцатой династий. Бороды у пленников круглые и нестриженные, «сократические», лица жалкие; большей частью они изображались в момент казни. Но здесь, на барельефах Пунта, жители земли Бога богоподобны: у них орлиные носы, глаза их глубоко посажены, подбородки выдаются вперед, бороды напоминают бороду бога Ра². Это

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 288.

² Египтяне изображены безбородыми; только боги и фараоны изображались с бородой.

не имеет аналогий и никогда больше не повторится, чтобы внешность чужеземных воинов, изображенных египтянами, выражала бы больше благородства и изящества, чем лица самих египтян.

О впечатлении, которое произвела на гостей иудейская стража, рассказывается также в предании о визите царицы Савской. Царь Соломон, который ждал свою царственную гостью в Иерусалиме, послал навстречу ей отряд красивых юношей. Они были «как солнечный восход, как вечерняя звезда и лилия»¹, и царица была изумлена.

Великолепие Божественной земли

Путь ведет в долину Араба, оставляя по правую сторону каменистую Петру, и тянется вдоль Мертвого моря, унылой местности, где лава вырвалась из недр земли и застыла в фантастических очертаниях. В долине разрушенного Иерихона обильные ручьи орошают сады в пустыне, и они разрастаются и цветут в течение большей части года.

Дорога поднимается к Иерусалиму. Здесь склоны холмов срезаны в форме террас, что можно наблюдать даже ныне. Мирт, кассия, шафран, корица, сладкие специи, пахучие травы, плоды и корни использовались в Иерусалимском храме и большая их часть разводилась на этих террасах². Миндаль, производившийся для продажи, тоже рос здесь³, а алоэ использовалось иудейскими девушками как благовоние для постелей⁴.

¹ М. Grünbaum, *Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde* (Leiden, 1893), p. 213; Ginzberg, *Legendes*, IV, 145.

² См. статью «Incense» in *Encyclopedia Biblica*, Vol. II, col. 2167, касающуюся ароматических веществ, которые использовались в храме.

³ Книга Бытия 43:11.

⁴ Книга Притчей Соломоновых 7:17.

Царица, которая приехала с египетских равнин, позже записала на камне:

Барельеф Пунта: «Я достигла миртовых террас. Это великолепный район земли Бога»¹.

Ее поразили вид цветущих холмов; но самые великолепные леса, насаженные на террасах, были в центре Иерусалима.

2-я книга Паралипоменон 9:11: «И сделал царь из этого красного дерева лестницы к дому Господню и к дому царскому... И не видано было подобного сему прежде в земле Иудейской».

«При ее приезде царь принял ее особенно ласково, был с ней необычайно любезен и предупредителен и разрешил предложенные ею загадки, благодаря своему необыкновенному уму».²

Был ли портрет Соломона на барельефе храма Чуда из Чудес, сказать нельзя. Возможно, египтянам казалось бесчестием — созерцать изображение своей царицы как гостьи при дворе чужеземного правителя. Захотела ли она сама изобразить себя вместе с хозяином?

На барельефе она общается только с богом Амоном. Но некоторые изображения на той части стены, которая изображала пребывание в земле Бога, были повержены: «Две трети короткой стены, на которой были скульптурные изображения земли Пунта, разрушены».³ Кажется, что в нижнем ряду располагались большие фигуры, одна из которых была царицей, а часть между двумя испорченными фрагментами определению не поддается. Но если это был текст, который стерли, а не портрет, что такого особенного было в этом тексте, чтобы он был стерт по приказу ее ревнивого преемника Тутмоса III?

Были ли изначально изображены на барельефе детали, сопутствующие визиту царицы в Иерусалим, или не

¹ Сноска 4, с. 120.

² Сноска 5, с. 120.

³ Сноска 6, с. 120.

были, о том сильном впечатлении, которое царица получила и которое она выразила еще в Иерусалиме, она еще раз заявила и в Фивах.

Когда царица увидела дворец царя, «и жилище рабов его, и стройность слуг его, и одежду их, и виночерпиев его, и всеожжения его, которые он приносил в храме Господнем. И не могла она более удержаться» (3-я Книга Царств 10:5).

Она восславила «невероятные чудеса, которые с нею произошли», и написала: «Ничего подобного не происходило при всех богах, которые были прежде, с самого начала» (барельеф Пунта)¹. В Фивах она уже слышала о земле террас, но то, что она увидела, превзошло все ее ожидания.

Барельеф Пунта: «Об этом передавалось из уст в уста, от молвы предков...».

Царица пожелала увидеть собственными глазами ту землю, о которой рассказывали чудеса. Она решила отправиться в эту землю («Я повел их по воде и земле»); она достигла этой страны («Я достиг миртовых террас») и обнаружила, что она великолепна.

Она сравнила истории о Божественной земле, которые слышала прежде, с тем, что увидела сама.

В Священном Писании слова царицы не расходятся с этим ощущением:

3-я Книга Царств 10:6—7: «И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и о мудрости твоей;

Но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано. Мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала».

Иосиф писал:

«... царица не была в состоянии удержаться от выражения своего удивления и не скрывала этого, и раз направилась прямо к царю... «Все то, о царь, — сказала она, — что узнаешь по слухам, принимается с некоторым недоверием... молва, дошедшая до нас, не сказала неправды»².

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 274.

² *Jewish Antiquities*, VIII, 170—71.

Весь упор в этих цитатах, как и в надписи Пунта, сделан на сравнении того, «что узнаешь по слухам», с тем, что видишь воочию. Чтобы узнать самой, а не по слухам, она должна была посетить Божественную землю и потому предприняла паломничество к миртовым террасам.

Если властительница Египта, земли изобилия, была изумлена при виде великолепия Иерусалима, то в словах из 3-й Книги Царств должна заключаться правда: «Царь Соломон превзошел всех царей земли богатством». Эта земля показалась царице приютом счастливых людей: «Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои... Да будет благословен Господь» (3-я Книга Царств 10:8—9).

Царица описывала свои впечатления в следующих словах, обращенных к богу Амону: «Это величественный край земли Бога. Это действительно место, меня восхитившее... Я прониклась к ним любовью, которую они могут отдать во хвалу тебе».

Манера выражения, которая приписывается царице Савской в ее речах о царе Соломоне, не отличается от той, какой придерживалась царица Хатшепсут по отношению к себе самой: «Господь по вечной любви Своей к Израилю, поставил тебя царем...» (3-я Книга Царств 10:9); «ибо он (Амон) так возлюбил Царя Верхнего и Нижнего Египта, Хатшепсут...».

Царица, гостья, и царь, хозяин, обменялись ценными подарками. «И подарила она царю сто двадцать талантов золотом и великое множество благовоний и драгоценных камней» (2-я Книга Паралипоменон 9:9).

После вставки, упоминающей о красном дереве, которое флот Соломона привез из Офира, рассказ продолжается: «Царь же Соломон дал царице Савской все, чего она желала...».

Чего же желала царица Савская?

«Желание царицы Савской»

«Желание царицы Савской» изображено на стенах храма Чудес. Дары изображены наглядно в сцене подготовки к обратному путешествию, в сцене подсчета и взвешивания груза после возвращения и в сцене

не жертвоприношений Амону.

Обмен дарами был совершен с обоюдным великодушием; но как царь Соломон знал вес золота, которое он получил, так и царица Хатшепсут узнала, после подсчета и взвешивания, точный вес ценных металлов, которые она получила в Божественной земле. Сцена на барельефе показывает, как царица сама взвешивает предметы. Счет и величина подарков были бесконечно велики.

Барельеф Пунта: «Подсчет количества предметов, сложение его в миллионы, сотни тысяч, десятки тысяч, прием чудесных подарков Пунта»¹.

Она дала золото и получила «зеленое золото земли Аму» (сцена причала) и «серебро и золото» (сцена взвешивания). Серебро, редкое в древности, было в изобилии в Иерусалиме во времена Соломона. «И сделал царь серебро в Иерусалиме равноценным с простыми камнями» (3-я Книга Царств 10:27); «... серебро во дни Соломоновы считалось ни за что» (3-я Книга Царств 10:21). Это похоже на преувеличение, что серебро использовалось для построек, но надписи чиновников Хатшепсут после их возвращения из этой экспедиции рассказывают о «серебряном доме» и «двойном серебряном доме» (надписи Сенмута² и Тутти³), а также о «полах, выложенных золотом и серебром» (Тутти)⁴.

Царица отдала «драгоценные камни» (3-я Книга Царств 10:10) и получила «лазурит, малахит и всякие драгоценные камни» (барельеф Пунта).

Соломон и Хатшепсут соперничали друг с другом не только в дарах, но также в благородстве.

Царица принесла в дар множество специй, и самых изысканных:

2-я Книга Паралипоменон 9:9: «... и не бывало та-

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 278.

² Там же, Sec. 352.

³ Там же, Sec. 375.

⁴ «Серебряный дом» может означать сокровищницу, но пол, выложенный золотом и серебром, означает, что он был сделан из этих металлов.

ких благовоний, какие подарила царица Савская царю Соломону».

3-я Книга Царств 10:10: «... никогда не приходило такого множества благовоний, какие подарила царица Савская царю Соломону».

Она пожелала мирры и получила ее также в больших количествах и изысканных сортов».

Барельеф Пунта: «Свежая мирра в больших количествах, чудеса стран Пунта. Никогда не случалось подобного при всех богах, какие были с самого начала».

«Лучшая мирра» считалась в «миллионах», и оказывалось, что ей «нет числа».

Но больше всех других «чудес» царица оценила некоторые ценные породы деревьев.

Барельеф Пунта: «Тридцать одно анти-дерево¹ привезено как чудо Пунта. Никогда не видано было подобных с тех пор, как существует мир».

3-я Книга Царств 10:11—12: «И корабль Хирамов, который привозил золото из Офира, привез из Офира великое множество красного дерева и драгоценных камней... Никогда не приходило столько красного дерева, и не видано было до сего дня».

В обоих фрагментах Священного Писания история корабля Хирама, который привез экзотическое красное дерево из Офира, помещена между стихами о подарках, которые царица Савская преподнесла царю Соломону, и словами: «... царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала». Теперь мы видим, что эта вставка была сделана не без умысла. Деревья были привезены с далекого острова или континента, и часть из них была отдана царице-госте. На картине изображено, как они были переданы.

Слова: «и не видано было подобных с тех пор, как существует мир» или «до наших дней», — сходны в еврейских и египетских источниках; деревья оказались истин-

¹ Анти-дерево определялось Бристедом как мирт, Нэвиллом как ладан, Шоффом как *Boswellia Carteri*, Lucas, *Ancient Egyptian Materials*, p. 93.

ной сенсацией и были предметом восторга, как растения и другие «чудеса», привезенные матросами из западного полушария две с половиной тысячи лет спустя.

Царица получила не только металлы, минералы и растения; среди царских даров были и живые животные. Слухами царя ей были доставлены обезьяны, и на точно сделанном рисунке показано, что они относились к разновидности, известной как супосерhali.

В той же самой десятой главе Третьей Книги Царств мы читаем, что обезьяны были привезены Соломону на корабле из Фарсиса.

3-я Книга Царств 10:22: Ибо у царя был на море Фарсисский корабль с кораблем Хирамовым: в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов.

Обезьяны, подаренные царице, были привезены издалека. Слоновая кость тоже была привезена кораблями фарсисскими, и в количестве, достаточном для царицы.

На стене над кораблями, нагруженными корзинами с миррой, слоновыми бивнями, древесиной, деревьями и обезьянами, написано:

Барельеф Пунта: «Груз судов с большим количеством чудесных даров из земли Пунт, со всеми славными деревьями Божественной земли, пучками камедного дерева и зеленого древа анти, с эбонитом, с чистой слоновой костью, с зеленым золотом земли Аму, с деревом корицы, деревом Кезит, с бальзамом, канифолью, сурьмой, с циноцефалами, обезьянами, борзыми собаками, со шкурами южных пантер, с обитателями (южной) страны и их детьми.

Никогда не привозилось столь всякой всячины с тех пор, как существует мир».

Редкие деревья, мирра для благовоний, слоновая кость, обезьяны, серебро и золото и драгоценные камни были перечислены в обоих сообщениях — в иероглифическом и библейском. Но царица Хатшепсут упомянула также об «обитателях (южной) страны и их детях».

На картине, изображающей представление даров, стоят четыре ряда коленапреклоненных людей. Чиновники Божественной земли в двух нижних рядах, а за ними — вер-

ница людей, приближающихся с дарами; коленопреклоненные люди верхнего среднего ряда названы «управителями Ирема» и не похожи на египтян. Самый верхний ряд представляет людей Нмив или Кентенофера, которые выглядят совершенно иначе: они темнокожие, имеют круглые головы и толстые губы и сами кажутся подарками, подобно животным и растениям¹.

Поскольку столицей Божественной земли был Иерусалим, кем были представители других этнических групп?

В главе о царице Савской упоминается о двух чужеземных странах и народах. Одна из них — это соседняя страна Хирама, царя Тира: «... корабль Хирамов привез золото из Офира». Офир — это другая страна, отдаленное место, упомянутое в связи с дарами. Вполне допустимо, что служащие страны-союзницы Соломона, которые привезли драгоценные дары издалека, могли участвовать в церемонии их представления. Управляющие Ирема были, следовательно, посланниками Хирама². Люди из Нмива или Кентенофера были, вероятно, людьми из Офира³.

Откуда люди из Офира появились в Палестине? В Священном Писании не упомянуто о том, что корабль

¹ По мнению некоторых ученых, негры, приносящие дань, означают, что, помимо экспедиции в Пунт, была еще одна экспедиция в африканский район Кентенофер, и барельеф соединил то, что географически было разделено.

² Хирам было традиционное или часто встречающееся имя царей Тира. См.: Ginzberg, *Legends*, V, 373.

³ Офир мог означать главным образом Африку. Различные теории размещают Офир на восточном побережье Африки, в Аравии, в Персидском заливе, на побережье Индии, Цейлона, Малайи, Китая, Испании, Вест-Индии и Перу, а также во многих других странах. В Вест-Индии, в Австралии и на Мадагаскаре нет обезьян. Павлинов много в Южной Америке и Австралии. Наличие в Офире серебра и три года, необходимые для путешествия туда и обратно, если оно начинается в Красном море, — весьма важные указания. Неку II посылал финикийскую экспедицию вокруг Африки; по дороге они засекали землю и убирали урожай, и им понадобилось четыре года, чтобы обогнуть континент.

Хирама и Соломона привез обитателей Офира. Но Иосиф Флавий писал:

«Царь (Соломон) имел в так называемом Тарсийском море множество кораблей, назначение которых состояло в том, чтобы вести самую разнообразную торговлю с отдаленнейшими народами, у которых закупались серебро, золото, множество слоновой кости, эфиопы и обезьяны»¹.

Предполагалось, что Иосиф по ошибке воспользовался другим еврейским словом из более древнего источника и прочел его как: *kussiim*². Изображение поездки в Пунт доказывает, однако, что Иосиф не ошибался: *kussiim*, темнокожие люди Офира; были скорее всего привезены матросами Хирама и Соломона.

Настенные фрески показывают нам, следовательно, древних евреев, древних финикийцев и, вероятно, некоторых обитателей Офира.

Обмен дарами состоялся, и наконец дни и недели в Иерусалиме, этот нескончаемый праздник, пришли к концу. Иосиф: «И царица Египта и Эфиопии... вернулась в свою собственную страну.

Деревья были помещены в горшки, каждое из них несли четыре человека, а по сходням — шесть; обезьяны были привязаны к снастям; слоновые бивни и кувшины заполняли палубы».

Барельеф Пунта: «Смотри, о народ! Груз очень тяжел».

Корабли прибывают в Фивы

Надпись на следующем барельефе звучит просто и ясно: «Корабли прибыли в Фивы». Фивы расположены на берегах Нила. Чтобы достичь их водным путем, корабли должны были плыть по Нилу, зайдя в него со стороны Средиземного моря.

Путешествие из Пунта, если он находился в север-

¹ *Jewish Antiquities*, VIII. vii, 2.

² См. примечание Р. Маркуса к его переводу Иосифа *Jewish Antiquities*, VIII. vii, 2, referring to the opinion of Weill.

ной Аравии или Сомали, в Фивы означало бы причал в эль-Косеире и продолжение пути в Фивы по суше. Поскольку на барельефе изображено и написано, что флотилия кораблей причалила в Фивах, перед комментаторами встала трудная дилемма: или эта часть истории вымышлена по некоторым неясным причинам, или во времена Хатшепсут должен был существовать канал, соединяющий Нил с Красным морем¹. Но никаких упоминаний о таком канале в эпоху Хатшепсут нет. Известно, что морской путь, соединяющий Нил и Средиземное море с Красным морем, был прорыт фараоном Неку II через много столетий после Хатшепсут, а работы были завершены намного позже, уже во времена персидского завоевания².

Если признать, что Божественная земля — это район Иерусалима, то нет проблемы в связи с прибытием кораблей в Фивы по Нилу. Хатшепсут, очевидно, очень хотелось увидеть два морских пути в Палестину, а также показать свой флот и в Красном, и в Средиземном морях. Из Иерусалима она, вероятно, направилась в один из финикийских морских портов; от сирийских берегов водный путь в Фивы не требовал искусственного канала.

Террасы красного дерева

Завершение путешествия было отмечено в Фивах двумя праздниками — в храме и во дворце. Эти церемонии были увековечены в двух больших фресках: первая содержит официальное заявление Амону об успешном окончании экспедиции, вторая обращена к царскому двору.

«Маkerne (Хатшепсут) наилучшей миррой покрыты члены тела ее, аромат ее — божественная роза, ее благоухание пронизано Пунтом, кожа ее вызолочена электризмом, блестит, как звезды, посреди празднично-

¹ Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, i (2nd ed., 1928), 117.

² Herodotus, II, 158, F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften der Achämeniden* (Leipzig, 1911), p. 105.

го зала, перед всей землей»¹.

Успешная экспедиция в Божественную землю стала личным триумфом для царицы, и она подчеркивала это. Она решила поблагодарить своего «божественного отца», бога Амона-Ра, за успех этой поездки возведением нового храма, и устройством террас, и посадкой на этих террасах редких деревьев, которые она привезла из Пунта.

Храм Чудо из Чудес, на развалинах которого остались эти барельефы, был выстроен, террасы выложены и деревья посажены.

«Я послушалась своего отца... приказавшего мне устроить для него Пунт в его доме, посадить деревья на земли Бога около его храма, в его саду»².

Террасы в Божественной земле поразили царицу.

3-я книга Царств 10:4—5: «И увидела царица Савская... дом, который он построил... и всесождения его, которые он приносил в храме Господнем. И не могла она более удержаться...».

Эта тропинка, ведущая с нижней на верхнюю террасу, была обсажена красным деревом (2-я Книга Паралипоменон 9:11).

Царица Хатшепсут написала на стене своего храма, что «высокие тропы миртовых террас» Божественной земли были «пройдены», и «я достигла миртовых террас».

Подобные террасы были построены и засажены напротив храма Чудо из Чудес. Они были засажены деревьями, о которых в Книге Царств сказано: «никогда не приходило столько красного дерева, и не видано было до сего дня»; и царица Хатшепсут написала: «Никогда не видано было такого дерева, с тех пор как существует мир».

На стене храма Деир-эль-Бахри изображены эти посаженные деревья, и надпись гласит:

«Деревья были взяты в Земле Бога и посажены в почву (Египта)»³.

Руины этого храма позволяют увидеть, где и как были расположены террасы, образующие садовые площадки на

¹ Breasted, *Records*, Vol. II. Sec. 274.

² Там же, с. 295.

³ Там же, с. 294.

возвышающихся уровнях.

Не только сады стали объектом подражания; план храма в Иерусалиме, вплоть до его служебных помещений, был воспроизведен как образец.

Скопированный храм и его службы

Оформление Чуда из Чудес в Деир-эль-Бахри не следовало современному египетскому стилю. Ранние египтологи указывали на странные чужеземные элементы в этой постройке, и было высказано мнение, что оригинал для этого подражания был увиден в Пунте¹. Во время этой экспедиции был открыт иной стиль искусства, и храм в Деир-эль-Бахри был воздвигнут после возвращения из Пунта. Царица даже подчеркивала, что она выстроила «Пунт». Стены этого храма были украшены фресками о путешествии в Божественную землю, и стиль самого храма увековечил чужеземное влияние в архитектуре.

«Это исключение и чистый случай в архитектурной жизни Египта»².

Храм в Деир-эль-Бахри рассматривался многими как одно из самых красивых сооружений Египта; в нем есть благородство простоты, и он свободен от тяжеловесной орнаментальности храмов Рамессидов³.

¹ «Мариетт, пораженный странным обликом этого здания, решил, что за этим стоит чужеземное влияние, и предположил, что царица Хатшепсут построила его в стиле некоторых зданий, которые ее чиновники увидели в стране Пуанит» (*Deir el Bahari* (Leipzig, 1877), pp. 10—11, cited by G. Maspero in *The Struggle of the Nations*, p. 241, note 2).

² A. Mariette, *Deir el Bahari*, quoted by Naville in *The Temple of Deir el Bahari*, Introductory Memoir, p. 1. Однако более древний храм подобной же архитектуры был открыт по соседству; возможно, он тоже отражает финикийское влияние.

³ Хотя она (Хатшепсут) была правительницей, обожавшей строить и возводить сооружения, подобные этому в Деир-эль-Бахри, которые признаны прекраснейшими среди дошедших до нас из египетской древности, она никогда не увлекалась бесполезными гигантскими конструкциями, призванными поразить потомков, как это делал Рамзес II. Naville in Davis, *The Tomb of Hatshopsitu*, p. 73.

Поскольку Божественная земля была территорией Иерусалима, храм в Деир-эль-Бахри должен был иметь общие черты с храмом царя Соломона. Хотя большая часть храма царицы Хатшепсут лежит в руинах, все еще возвышающиеся его фрагменты дают прекрасное представление о том, каким он был прежде, до того как опустел и пришел в упадок.

Каждое поколение предпринимало попытки восстановить храм Соломона в чертежах или модели, но данные в 3-й Книге Царств лишены необходимых деталей, и реставраторы вынуждены были опираться на свое собственное воображение.

Храм в Иерусалиме был возведен на террасах, засаженных деревьями. Эти террасы разделялись поднимающейся тропинкой. Процессии левитов начинались с нижней террасы, и пока они пели, поднимались вверх по тропинке.

Храм в Иерусалиме имел зал, длина которого в три раза превышала его ширину; перед этим залом находился вестибюль; за залом было святилище; большое «море», вероятнее всего, располагалось во внутреннем дворе.

Храм в Деир-эль-Бахри был выстроен напротив мощной скалы; храм в Иерусалиме стоял на возвышении, и дальняя цепь гор окружала его с северо-востока, востока и юга. Это различие местоположения должно было заставить архитекторов изменить планы¹. Рабское подражание потребовало бы места, подобного оригиналу. Но усвоение стиля и общих черт плана вполне вероятно, и это согласуется со словами царицы о том, что она «выстроила Пунт». Сравнение данных в Книге Царств с руинами храма в Деир-эль-Бахри может помочь лучше понять форму обоих зданий.

Храм Чудо из Чудес был знаменитым святилищем.

¹ Psalms 120—34: «Songs of degrees».

² See H. E. Winlock, *Excavations at Deir el Bahri, 1911—1931* (New York, 1942), pp. 134ff.

Несколько ученых пытались восстановить его план¹. Этот храм был построен на террасах, засаженных деревьями, привезенными из Божественной земли; террасы были расположены на неуклонно поднимающихся уровнях, и дорога, ведущая к храму, поднималась с одного уровня на другой. Ряды столбов, стоящие на нижней террасе, поддерживали стену верхней террасы. Двор храма был окружен колоннадой; храм делился на вестибюль, зал и святилище. Соотношение ширины к длине зала было равно почти одному к трем.

Столбы, поддерживающие террасы и окружающие внутренний двор, были прямоугольными по форме; своими тенями, которые менялись с движением солнца, они создавали гармоничный и величественный вид, который могут давать лишь прямоугольные и равномерно обтесанные камни.

Ошибочно утверждать, что храм Соломона был убогой постройкой неведомого азиатского вождя, который пытался воссоздать копию некоего египетского храма².

Не только храмовой архитектуре, но и храмовой службе в Египте было придано много новых черт. До того, как был воздвигнут храм Чудо из Чудес в Деир-эль-Бахри, не было принято, чтобы двенадцать жрецов во главе с верховным служили перед алтарем. Фрагмент барельефа, ныне хранящийся в Лувре, показывает двенадцать жрецов, разделившихся на четыре порядка, по три в каждом, а плохо сохранившаяся надпись над их головами гласит: «... в храме Амона, в Чудеснейшем из Чудесных, верховным жре-

¹ Naville, *Deir el Bahari*, Introductory Memoir.

² «Соломон ... желал и дворцов, и садов, и храма, которые могли бы соперничать, хоть в небольшой степени, с дворцами и храмами Египта и Халдеи, о которых он слышал такие блестящие отзывы». Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 741. «В сравнении с величественными памятниками Египта и Халдеи произведение Соломона было тем, чем кажется нам само еврейское царство среди империй древнего мира — маленьким храмом, подходящим маленькому народу». Там же, с. 747.

цом Амона в Чудеснейшем из Чудесных...»¹.

Служба верховного жреца была установлена в египетском богослужении только во времена царицы Хатшепсут². Эта реформа религиозного обряда была введена после визита царицы Хатшепсут в Божественную землю, где незадолго до этого было закончено строительство Храма Господня.

В связи с ее заявлением о том, что она создала «Пунт» в саду Амона, царица издала новый указ: «Вы исполните согласно моим указаниям, не противореча тому, что исходит из моих уст», и это для того, «чтобы установить законы его (Амона) дома...».

Происхождение слов «Pontifex» и «Punt»

Неясное происхождение слова «pontifex», которое обозначает верховного жреца, может быть здесь прослежено.

Этот вопрос обсуждался еще до Плутарха, и он цитировал мнения ученых, не находя ни одно из них удовлетворительным. Один древний ученый рассматривал слово «pontifex» как состоящее из латинских корней «pons, pontis», «мост», и «facio», «я делаю». Филологическое предположение было следующим: «pontifex» был человеком, который строит мосты, или главным государственным служащим, предводителем народа, соединившим в себе гражданские и религиозные полномочия. Очевидно, что это

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, примечание к стр. 679. «Царица сознавала сходство храмовых садов в Деир-эль-Бахри и Пунте. Служба и устройство храма приобретает некоторый блеск с появлением верховного жреца и двенадцати подчиненных жрецов, разделенных на четыре порядка». Там же, сноска к стр. 291.

² Там же, с. 388. Но, согласно Г. Лефевру, должность главного жреца была установлена еще Аамесом (*Histoire des grands prêtres d'Amon de Karnak* [Paris, 1929], p. 69).

объяснение очень натянуто. Другой ученый считал, что первые *pontiffs* были названы так, потому что жертвоприношения, вероятно, приносились на мосту *faciebant in ponte*¹. Это объяснение еще более натянуто. Слово «*pontiff*» не латинского происхождения. Оно происходит не от «*pons*», но всего вероятнее от Пунта. Когда было сказано, что царица Хатшепсут, посетив Пунт, решила выстроить «Пунт» для бога Амона, речь шла о святом месте поклонения. Но воздвигнув «Пунт» в Египте, царица Хатшепсут ввела также должность верховного жреца, копируя службу в Иерусалимском храме, выстроенном по финикийскому образцу.

Союз Соломона с Хирамом, царем финикийцев, объясняет сильное финикийское влияние на жизнь царств Иудеи и Израиля. Это влияние подчеркнуто в Священном Писании в истории строительства храма, возведенного с помощью Хирама, который обеспечивает Соломона строительными материалами и главным зодчим, человеком еврейско-финикийского происхождения (3-я Книга Царств 7:13—14). К тому же постоянные поездки в Офир и мирный переход по территории владений одного и другого царя (3-я Книга Царств 9:11) могли привести к тому, что вся Палестина в это время называлась Финикией.

Если слово «*pontiff*» (понтифик) происходит от названия Пунт, то каково же происхождение названия Пунт?

В Священном Писании финикийцы названы «людьми Сидона и Тира» или «людьми Хирама»; название Финикия не упоминается. Название «финикийцы» использовалось греческими и латинскими авторами со времен Гомера². Рим вел так называемые «Пунические войны» против Карфагена, который был выстроен иммигрантами из Тира.

Считалось, что греческое объяснение слова «финикий-

¹ Plutarch, *Lives*, «Numa», 9. Сказано, что Нума должен был ввести должность главного жреца или понтифекса в Риме.

² *The Odyssey*, XIII, 272; XIV, 288ff.

цы» как «красные люди»¹ есть на что иное, как удачное предположение в стиле фольклорной этимологии, хотя путешествия финикийцев в западное полушарие и их контакты с культурами майя и инков учитывались многими учеными, изучавшими доколумбову Америку. Другое греческое объяснение слова «Финикия» как «земли пальм» обычно отвергалось².

Пунт, отец Сидона, был легендарным предком финикийцев³, и их название могло произойти отсюда, или, наоборот, имя мифологического предка могло произойти от названия страны.

Если Пунт был первоначально названием финикийских храмов, тогда это название могло происходить от еврейского слова *panot*, и в таком случае финикийцы получили свое наименование от храмов, которые они строили⁴.

Даже перед завоеваниями Иисуса Навина земля Иерусалима называлась в египетских надписях Божественной землей, Землей Бога (*Toneter*). Был ли Иерусалим святым местом до того, как его завоевал Давид, и даже до прихода израильтян под предводительством Иисуса Навина?

В Библии есть намек на святость Иерусалима в древние времена и на святилище, расположенное в этом месте. Когда патриарх Авраам вернулся после преследования им царей севера, которые захватили в плен его родственника Лота, «Мелхиседек, царь Салимский (Иерусалимский),

¹ V. Bérard, «Le Nom des Phéniciens», *Revue de l'histoire des religions*, 93 (1926), 187ff.; G. Contenau, *La Civilisation phénicienne* (Paris, 1926), p. 356; *Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie*, VIII (1927), 183; Bonfante, «The Name of the Phoenicians», *Classical Philology*, XXXVI (1941), 1—20.

² K. Sethe in *Mitteilungen. Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft*, XXI (1917), 305.

³ Eusebius, *Preparation for the Gospel*, I, 10, 27.

⁴ «*Panot*» означает смотреть в лицо, кланяться, адресоваться, обращаться. Оно употреблялось бесконечно часто в связи с богослужением.

вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего» (Бытие 14:18).

Название Божественной (или Святой) Земли, которое было дано району Иерусалима в египетских надписях Древнего и Среднего царств, бросает свет на религиозное значение Иерусалима и Палестины в целом во времена, предшествующие Давиду, даже в ту эпоху, когда израильтяне еще кочевали. С тех пор и до наших дней эти места называли «Святой Город» и «Святая Земля».

Маке-да и Маке-ра

Соперничество между арабскими и эфиопскими преданиями по поводу царицы Савской может быть решено против арабских претензий в пользу Эфиопии, но только при условии, что она была «царицей Египта и Эфиопии», как точно указывал Иосиф; но это не влечет за собой оправдания генеалогических претензий, заявленных в эфиопских преданиях.

Мухаммед, который поддерживал арабские претензии, несомненно, ошибался. Он вложил в уста Соломона следующие слова: «Я узнал то, чего ты не знаешь, и пришел к тебе от Сабы с верным известием. Я нашел женщину, которая ими правит, и даровано ей все, и у нее великий трон. Я нашел, что она и ее народ поклоняются солнцу вместо Аллаха»¹. Земля Саба (по-еврейски Шуа), из-за сходства названия, приводила к путанице писавших о царице Савской даже до того, как Мухаммед заимствовал последнее предложение этой суры от еврейской Хаггады, которую он, вероятно, услышал от еврейских учителей в Медине.

Эфиопы не удовлетворились тем, что попросту объявили царицу Юга своей царицей; они настаивали, что был ребенок, рожденный от ее связи с Соломоном. Этот сын, Менелик, — предок по прямой линии династий абиссинских царей, включая ныне царствующий дом. Будучи от семени Давида, сын Соломона и царицы Юга, их легендарный прародитель рассматривался ими как родственник

¹ Коран. Сура XXVII. Пер. И. Ю. Крачковского.

Иисуса, который через Иосифа, плотника из Назарета, также возводит свой род к Давиду¹. Почитая царицу Юга, которая вернулась из поездки, беременная царским семейством, эфиопы более всех других почитают следующие слова Евангелия: «Но он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения... Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»².

Абиссинское предание записано в *Kebra Nagast*, или «Книге царской славы»³. Существующая эфиопская версия — это перевод арабского текста, который в свою очередь был переводом с коптского. Она содержит цитаты из Евангелий и, следовательно, является продуктом той эпохи, когда христианство уже нашло путь на африканский континент, т. е. первых веков нашей эры.

С красочным воображением *Kebra Nagast* повествует о брачной ночи Соломона и царицы Южной; среди подарков, которые он ей дал, «корабль, на котором можно путешествовать по морю, и корабль, на котором можно путешествовать по воздуху».

Когда царица вернулась в свою страну, «служащие,

¹ «Они никогда не сомневались, что Соломон был отцом сына царицы Савской. Из этого само собой следует, что потомки по мужской линии этого сына были законными царями Абиссинии, и как Соломон был предком Христа, так они были родственниками нашего Бога и считали, что правят по божественному праву». Budge, *Kebra Nagast*, p. X.

² Евангелие от Матфея 12:39—42; Евангелие от Луки 11:31.

³ «*Kebra Nagast*» — это обширное собрание легенд и преданий, порою исторических, порою чисто фольклорного характера, почерпнутых из Ветхого завета и поздних раввинских сочинений и из египетских (и языческих и христианских), арабских и эфиопских источников. О ранней истории этой компиляции и ее создателе и о последующих издателях мы ничего не знаем, но главной ее основой были предания, которые распространялись в Сирии, Палестине, Аравии и Египте в первые четыре века нашей эры. *Kebra Nagast* (перевод Budge), pp. XV—XVI.

которые оставались там, поднесли дары своей властительнице, и покорились ей, и воздавали ей почести, и во всех концах государства радовались ее приезду... И она праведно управляла государством, и никто не оспаривал ее приказов; ибо она любила мудрость, и Бог укреплял ее царство». Этот фрагмент похож на историю празднества для официальных лиц и для всего ликующего народа, устроенного царицей Хатшепсут после ее возвращения из путешествия; то же сходство и в словах: «она праведно управляла государством» и «она любила мудрость». Но в этом нет ничего настолько необычного, чтобы сделать вывод о том, что эфиопское предание о царице Савской содержит больше сведений, чем библейское повествование. Целый роман можно сочинить на основе еврейского источника¹, который одной строкой говорит о том, что царь выполнил желания гостыи-царицы. В еврейском предании ничего не сказано о ребенке, который должен был родиться от их связи².

Разумеется, заявка на оригинальность эфиопского предания была бы основательной, если бы оно раскрыло некий факт, не отраженный в Священном Писании, который мог быть проверен на основании наших знаний о царице Хатшепсут и который был бы не только простым совпадением. Даже в этом случае не стоило бы буквально понимать, что, говоря словами *Kebra Nagast*, — Соломон «исполнил с ней свое желание», а плод этого союза был коронован в Аксуме, «новом Иерусалиме». Но можно было бы показать, что эфиопская легенда о царице Савской, ездившей в Иерусалим, не только фантастическое добавление к библейской истории, как и легенда о Билкис, царице Савской арабских авторов.

Есть одна деталь в эфиопской легенде, которую только с большим трудом можно счесть вымышленной. Эфиопы называют царицу Юга Македой. Царское имя царицы Хатшепсут, которое постоянно упоминается на барельефах

¹ *Alphabet of Ben Sira* 21b. Ginzberg, *Legends*, VI, 289.

² *Alphabet of Ben Sira* 21b также утверждает, что Соломон женился на царице Савской.

Пунта, — Маке-ра. «Ра» — это имя божества¹. Главная часть имени египетской царицы тождественна с первыми двумя слогами в имени царицы Юга. Оно имеется в эфиопском предании и не пришло в него из Священного Писания.

Можно предположить, что если это имя не восходит к непрерывной традиции, оно могло быть обнаружено неким коптом, который мог жить в эпоху раннего христианства в Египте, видеть тексты Пунта в Деир-эль-Бахри и быть способным их прочесть и в этом случае оказаться способным отождествить царицу Хатшепсут с царицей Савской раньше автора настоящей работы. У этого гипотетического копта могли быть и хронологические основания для отождествления Хатшепсут с царицей Юга, или он мог слышать легенду о том, что барельефы в Деир-эль-Бахри изображают путешествие в Иерусалим. Та же самая теория могла быть приписана Иосифу, который мог написать «царица Египта и Эфиопии», основываясь на сюжетах барельефов в Деир-эль-Бахри; он мог упомянуть о *kussiim* (негроидах), потому что они были изображены на картине. Это надуманное умозаключение (Иосиф никогда не был в Египте); с другой стороны, исторические факты, известные каким-то образом, донесены через тысячу лет, которые отделяют Иосифа от Соломона.

Тутмос I, отец Хатшепсут, завоевал северную часть Эфиопии, известную как Нубия. Интересно, что в египетских документах наместник Эфиопии (Нубии) назывался «царским сыном», что скорее всего являлось лишь титулом, не подразумевая кровного родства с египетскими царями². Название «царский сын» во времена Хатшепсут не встречается; в период царствования ее преемника, Тутмоса III, наместник Эфиопии назывался Нехи.

О другом эпизоде в эфиопской легенде — ограблении храма в Иерусалиме — будет сказано в следующей

¹ Подобным же образом «Да» могло быть божественным именем Адад или Ады, которое входит в состав части библейских имен.

² G. A. Reisner, «The Viceroys of Ethiopia», *Journal of Egyptian Archaeology*, VI (1920), 31.

главе. Реальным преемником Хатшепсут на египетском троне был тот, кто ограбил храм — это преступление приписывалось предполагаемому сыну Соломона и царицы Савской.

Мы немного отступили от исторического материала, чтобы исследовать абиссинскую легенду, и теперь нам также хотелось бы бросить взгляд на одну-две еврейских легенды о царице Савской. Поскольку мы познакомились с этой исторической личностью, нам интересно знать, что стимулировало народную фантазию и как она работала.

Мы уже упомянули о божественном приказе, услышанном царицей Хатшепсут и повелевавшем ей предпринять путешествие в Божественную землю. На фресках, в сцене коронации и в других сценах, Хатшепсут изображена перед богом Гором с головой ястреба; змея Нижнего Египта или гриф Верхнего Египта, как царские эмблемы, так же часто изображались рядом с ней¹.

Любопытная легенда в Хаггаде² повествует, что царица Савская, отправившись как-то утром воздать почести богу Солнца, получила весть от птицы, призвавшей ее посетить Соломона в Иерусалиме.

Надпись называет Хатшепсут царем; местоимение, которое применяется по отношению к ней, порою «она», а порою «он». На картинах на ней одежды царя. Она называется дочерью Амона, но на картине ее рождения Хнум, создатель людей, вылепил мальчика. Женщина на троне — это было необычно и противоречило политическим и религиозным представлениям египтян; поэтому она переодевалась и перенимала мужские атрибуты. На многих статуях и барельефах она изображена с бородой. Хорошо известна легенда о том, что Соломон при первой встрече с царицей Савской сказал ей по поводу ее волосатой кожи (ее ноги отразились в зеркальном полу): «У тебя мужские волосы; волосы — украшение мужчины, но они уродуют женщину»³.

¹ Naville, *Deir el Bahari*, Pt. II, Plates 35, 38, 39; *ibid.*, Pt. III, Plate 58, etc.

² Ginzberg, *Legends*, IV, 143.

³ Там же, IV, 145.

Рабби Ионафан в третьем веке нашей эры заявил, что Соломона посетил царь, а не царица Савская. Египтологи первой половины девятнадцатого века изображали и описывали Хатшепсут как царя, будучи введены в заблуждение некоторыми ее статуями и мужским именем, которое она себе дала.

Могло ли случиться, что через несколько столетий после Хатшепсут фрески Деир-эль-Бахри, увиденные посетителями Египта, породили эти две странные легенды?

Посетила ли Хатшепсут землю царицы Савской

Царица Савская, которая посетила царя Соломона, жила в десятом веке до нашей эры. Неизвестно, откуда она приехала — из земли Саба или из Эфиопии. В шестнадцатом веке до нашей эры царица Хатшепсут предприняла экспедицию в Божественную землю и Пунт. Неизвестно, где находился Пунт, но считалось, что он был или в земле Саба, или на сомалийском побережье Эфиопии. В соответствии с этим царица Хатшепсут могла посетить землю царицы Савской за шесть веков до того, как эта царица совершила путешествие в Иерусалим.

Поскольку «диловины», привезенные Хатшепсут из Пунта, отчасти похожи на «диковины», привезенные Хирамом и Соломоном из Офира, некоторые авторы предприняли попытку отождествить Пунт и Офир, хотя местонахождение последнего пункта тоже еще не установлено. Согласно этой теории, финикийский царь Хирам отправился в поездку, чтобы обследовать Пунт, который царица Хатшепсут посетила несколько столетий назад¹.

Реконструкция истории, здесь предложенная, отодвигающая эпоху Нового царства почти на шесть столетий вперед, помещает царицу Хатшепсут в десятом, а не в шестнадцатом веке и делает ее современницей Соломона.

¹ Maspero, *The Struggle of the Nations*, p. 742. See also Karl Peters, *Das goldene Ophir Salomos* (Munich, 1895); Eng. trans., *King Solomon's Golden Ophir* (New York, 1899).

Следовательно, я доказал: это о царе Соломоне сказано, что его слава простерлась вплоть до дальних стран и все цари искали его дружбы; то же самое говорилось о царице Хатшепсут; если они были современниками, было бы странно, если бы они не вступили в контакт друг с другом.

Чтобы доказать, что царица Савская и царица Хатшепсут одно и то же лицо, я должен был показать, что царица Савская приехала из Египта и что царица Хатшепсут посетила Палестину. Что касается первого, то есть вполне определенное утверждение Иосифа о том, что царица приехала из Египта. Это утверждение неправомерно отвергалось. К счастью, у нас есть также великолепный «дневник» царицы Хатшепсут, который содержит отчет о поездке в чужеземную страну. То, что она участвовала в этой поездке, нетрудно подтвердить вполне точными заявлениями, в которых она называет себя предводительницей этой экспедиции.

Я также должен был показать, что Пунт и Божественная земля — это Финикия и Палестина. Постоянные упоминания о Пунте как о стране, расположенной к востоку от Египта, исключает сомалийское побережье. Возвращение кораблей после экспедиции через пристань на Ниле, в Фивах, исключает южную Аравию и сомалийское побережье и указывает на расположение Пунта на берегу Средиземного моря.

После этого я сравнил освещение визита царицы Савской в Священном Писании и египетский отчет об этой экспедиции в Божественную землю и обнаружил полное их соответствие.

Путешествие «замечательной женщины, которая управляла Египтом», которая приехала «с большой свитой» в Божественную землю, «ее удивление всему, что она увидела» и что превосходило все «ранее услышанное, дары, которые она получила, в том числе Диковинные вещи, привезенные Хирамом из Офира, обезьян и других животных, серебро, редкое в ту эпоху, эбонит, слоновую кость и драгоценные камни, благовония и мирру «в большом количестве», и деревья, «прежде никогда не виданные» — все это сходно в библейской версии путешествия, в исто-

рии Иосифа и в надписях и фресках египетского храма, построенного царицей после ее возвращения в Фивы. Этот храм поразила ученых своей чужеземной архитектурой, и сама царица подчеркивала, что он был подражанием тому, что она увидела в Пунте. Были введены новые формы религиозных церемоний с двенадцатью жрецами и верховным жрецом, совершающим службу.

Полная согласованность деталей этого путешествия и многих сопутствующих дат делает очевидным то, что царица Савская и царица Хатшепсут — это одна и та же личность¹. Пунт был Палестиной-Финикией, а Божественная Земля или Святая Земля — Святой Землей Иерусалима. Народом «кавказской» или «северо-семитской» расы были евреи. Управляющий Паруах, который встретил экспедицию Хатшепсут на причале был губернатором Соломона в Ециор-Гавере. Обезьяны и другие экзотические животные, которые привели историков к заключению о том, что Пунт находился в Африке, в действительности были привезены в Иерусалим на кораблях Соломона и Хирама. Экзотические растения также были привезены издалека.

Остается объяснить происхождение еще одного растения, вывезенного из Пунта. Задолго до путешествия царицы Савской и в течение некоторого времени после него Пунт и Божественная земля постоянно упоминались в египетских документах как места, где производится ладан. Из-за ладана сочли, что Пунт должен находиться в южной Аравии. В следующей главе я покажу, что ладан рос в Палестине.

¹ Shawa (по-еврейски Савская) может быть последней частью имени Хатшепсут. R. Engelbach, *The Problem of the Obelisks* (London, 1923), пишет ее имя как Хатшепсовет. Конечное «т» в ее имени не произносилось. Naville (*Deir el Bahari*) пишет его как Хатшепсу. Было принято укорачивать египетские имена: так, Аменхотеп часто укорачивался до Куи.

ГЛАВА IV

ХРАМ В ИЕРУСАЛИМЕ

Тутмос III готовит разрушение империи Соломона

Во время последнего периода своего царствования царица Хатшепсут сделала Тутмоса III своим соправителем на троне. Сначала он играл подчиненную роль: его имя писалось после ее имени; на изображениях его фигура всегда размещалась сзади царицы. Барельефы экспедиции в Пунт изображают молодого принца в виде маленькой фигурки на заднем плане, возносящей курения дереву Амона-Ра. Позже, когда он царствовал один, Тутмос III стал величайшим из завоевателей, когда-либо сидевших на троне Нового царства в Египте.

Он направлял военные экспедиции в Палестину и Сирию. Он покорил эти страны; некоторые из городов были взяты силой, другие склонились перед ним, открыли свои ворота и стали данниками.

Сообщения о его военных успехах, выбитые иероглифами на стенах грандиозного храма Амона в Карнаке, рассказывают о походах в Палестину и Сирию. Перечень ста девятнадцати городов в Палестине высечен три раза на стенах этого храма. Каждый город представлен человеком со связанными за спиной руками, и щит, закрывающий тело этого человека, носит название города, который он символизирует. Другой список, неполный и сохранившийся в одном экземпляре, называет почти триста сирийских городов, также захваченных и также изображенных в виде людей со связанными руками и со щитами на груди.

На барельефе в Карнаке изображены сокровища в золоте, серебре, бронзе и драгоценных камнях, которые Тутмос III привез в качестве добычи из одного из своих походов; ряд других росписей воспроизводит флору и фауну, привезенную им из Палестины в Египет.

Общепризнанным мнением считается, что эти военные кампании должны были происходить в Ханаане, где

тогда еще не слышали об израильских племенах. Населенные пункты, названные в перечне городов, рассматриваются как поселения ханаан. Добыча, захваченная после победы, представлена произведениями искусства, процветавшего в Ханаане задолго до израильтян, когда они под предводительством Иисуса Навина пришли в эту землю. Их Исход и их вступление в Ханаан были еще в далеком будущем, когда Тутмос III завоевал Ханаан и Сирию. Порой также говорилось, что если даже израильтяне в его эпоху были организованы в племенной клан, они все еще оставались никому не ведомыми кочевниками на плоскогорье между Евфратом и Нилом.

Тутмос III, покоритель Палестины, был наследником Хатшепсут. Согласно хронологической схеме, представленной здесь, он царствовал в последние годы правления Соломона и во время сына и наследника Соломона Ровама. Если реконструкция истории, предпринятая в этой работе, верна, победный марш Тутмоса через Палестину должен был происходить в годы, непосредственно следующие за царствованием Соломона, и сообщение об этом должно было быть представлено в Библии. Победы Тутмоса III были триумфальным броском через Палестину, и хроники Иудеи и Израиля не могли, вероятно, их не заметить. Сообщение о них должно было бросаться в глаза.

Потребуется еще раз проверить данную реконструкцию. Отсутствие библейских данных о покорении Палестины египетской армией, вторгшейся под личным предводительством фараона в годы, последовавшие за правлением Соломона, стоило бы считать бесспорным аргументом против нее.

Но такие данные в Библии есть, и они полностью совпадают с надписями Карнака.

Две монархии поднялись из развалин империи амаликитян: Израиль и Египет. Израиль, победитель Амалика, получил большую долю: его власть простиралась от Евфрата до Египта, охватывая царства Сирии, Ханаана и Идумеи в самом сердце Аравийского полуострова. Дань приходила в Израиль с севера, востока и юга, и его земля главенствовала в торговых связях между Азией и Африкой и над

портами двух главных морских путей — Средиземным и Красным морями.

Египет, прежнее место рабства, был освобожден от тирании гиксосов израильтянами под руководством Саула. Египет ответил на добро злом. Рассказы о величии Иерусалима, обогащенного победой и торговлей, внушили Хатшепсут желание воочию увидеть это богатство. Тутмос III, в качестве юного принца, или участвовал в этой экспедиции в Землю Бога, или слышал от Хатшепсут о «роскошной земле чудес». И он увидел дары, о которых говорили, что они диковинны. Барельефы Пунта призваны были сохранить свежим в памяти эти впечатления. Он с завистью смотрел на эту землю и на сосредоточенное в ней богатство.

Соломон, имя которого было синонимам мудрого, даже наимудрейшего человека, должен быть обвинен в самых тяжких политических ошибках. В последний период своего царствования строитель храма в Иерусалиме стал почитателем чужих богов и создателем святилищ для них. Сказано, что он выстроил на холмах вокруг Иерусалима жертвенники чужим божествам из-за чужеземных женщин, которых он любил: «... жены его склонили сердце его...» (3-я Книга Царств 11:4).

Соломон рассчитывал через браки с дочерью фараона и с «моавянками, аммонитянками, идумеянками, сидонянками, хеттеянками» создать в Иерусалиме космополитический центр. Воздвигая святилища чужим богам, он считал, что Иерусалим, как пристанище божеств чужеземных народов, продемонстрирует свою терпимость и что Иерусалим станет сборным пунктом разных религий и культов.

Поскольку египетская принцесса упоминалась как первая из жен Соломона, статуя Амона-Ра, официального верховного бога Египта, должна была находиться среди богов всех соломоновых «чужеземных жен» (3-я Книга Царств 11:5—8).

Среди настенных рисунков, изображавших экспедицию в Пунт, на тех, что были испорчены зубилом, сохранилось несколько слов надписи, из которых можно понять, что статуя, очевидно бога Амона-Ра, была воздвигнута в

Божественной земле¹. Статуи языческих богов были разрушены последними царями из дома Давида² и не могли быть обнаружены в Иерусалиме, но текст двенадцатой главы Третьей Книги Царств, следующий сразу за историей царицы Савской, помогает пролить свет на испорченную надпись.

Иерусалим, с его чужеземными божествами и культурами, не стал политическим центром чужих народов, но быстро превратился в объект их политических вожделений. Уже в пророческой сцене экспедиции Пунта сказано от имени бога Амона-Ра: «Это великолепная Земля Бога, это в самом деле место моего восторга. Я создал ее для себя... Я знаю (их), я их мудрый бог, я прародитель Амон-Ра».

Это было написано во времена миролюбивой Хатшепсут. Превращение Иерусалима в святой город для всех народов оказалось роковым для его национальной независимости.

Распад государства был спровоцирован политикой Соломона. В дни Саула и Давида государство достигло независимости. Расцвет императорского могущества оказался недолгим, политический подъем достиг своей кульминации в царствование Соломона, а в конце его царствования начался резкий упадок.

Три соперника поднялись против Соломона, и они начали раздирать на части его государство. Первым из них был Адер Идумеянин³. Во времена Давида Адер, тогда еще ребенок, бежал из Идумеи в Египет и позже женился на одной из родственниц фараона. После смерти Давида он вернулся в свою страну. Когда Соломон выстроил

¹ К. Зете, который обратил внимание на этот текст и на тот сам по себе удивительный факт, что некая статуя для почитания была воздвигнута в Пунте, выразил надежду, что возможное будущее открытие египетской статуи поможет определить местонахождение Пунта («Eine bisher unbeachtet gebliebene Episode der Punt Expedition der Königin Hatschepsowet», *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, XLII [1905], 91—99).

² 2-я Книга Паралипоменон 14:3.

³ 3-я Книга Царств 11:14—25.

порт Ецион-Гавер, земля Идумейская временно пребывала в мире. Адер, противник Соломона в Идумее, преуспел, возбуждая мятеж в своей земле. Связанный с домом фараона и пришедший из Египта, Адер, очевидно, пользовался поддержкой носителя двойной короны Египта.

Другой противник, Разон, который бежал от властителя своего Адраазара, царя Сувского, стал главарем шайки и правил в Дамаске.

Таким образом, эти два бывших владения амаликитян, Аравия и Сирия, отвернулись от дома Давида. Даже владения двенадцати колен израилевых были разделены, когда Соломон закрыл глаза.

Третий противник Соломона, Иеровоам Ефремлянин, раб и слуга Соломона, которого он сделал «смотрителем над оброчными из дома Иосифова», тайно вынашивал честолюбивые планы о независимости Ефрема. Соломон, вовремя проведав о зарождении заговора, решил убить Иеровоама.

3-я Книга Царств 11:40:: «... но Иеровоам встал и убежал в Египет к Сусакиму, царю Египетскому, и жил в Египте до смерти Соломоновой»¹.

Когда Соломон умер, оставив трон своему сыну Ровоаму, заговорщики, вернувшись от царя египетского, были готовы к действиям.

3-я Книга Царств 12:3—4: «... И послали (его сторонники) за ним и призвали его (Иеровоама, чтобы он вернулся из Египта). Тогда Иеровоам и все собрание Израильтян пришли и говорили Ровоаму, и сказали: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго...».

Переговоры закончились восклицанием: «Какая нам часть в Давиде?... по шатрам своим, Израиль... И разошелся Израиль по шатрам своим». Но города Иуды и Вениамина остались верны Ровоаму.

Ровоам послал Адонирама, который руководил сбором податей, и «все Израильтяне забросали его камнями» (3-я Книга Царств 12:18). «И восстал Израиль против дома Давидова» (3-я Книга Царств 12:19). Ровоам

¹ В греческом переводе 3-й Книги Царств Иеровоам предстает как зять фараона 12:24.

собрал воинов Иуды и Вениамина, чтобы сражаться против Израиля, но пророк Самей призвал всех людей вернуться в свои дома и не сражаться против своих братьев (2-я Книга Паралипоменон 11:2—4).

Иероваам построил Сихем на горе Ефремовой и построил Пенуил; чтобы помешать народу ходить в Иерусалим для жертвоприношений, он установил изображения чужеземных божеств в Вефиле и Дане (3-я Книга Царств 12:28—29), двух древних святилищах Израиля, которые были святыми местами задолго до того, как Иерусалим был завоеван Давидом.

В северном царстве Иероваам ввел как официальный культ почитание тельцов, что может иметь нечто общее с египетским культом быка Аписа. Он получил политическую власть от могущества фараона, для чего вынужден был отделить Израиль от Иудеи. С самого начала он был политическим и культурным вассалом Египта. Пророк Саме мог слышать позади Иероваама шаги его хозяина. Борьба между Иудеей и Израилем полностью совпадала с планами Тутмоса III.

Летописи Тутмоса III после сообщения даты первого победоносного похода, расширившего границы Египта, повествуют (Летописи Карнака): «Теперь, когда азиаты впали в междоусобицы, каждый человек воюет против своего соседа».

Победа над врагом, ослабленным внутренними распрями, не очень почетный триумф. Почему же тогда летописи упоминают об этом раздоре в землях врагов фараона? Задачей самого Тутмоса III было подготовить разъединение, восстановив одну часть населения против другой; следовательно, это сообщение не лишает его права на лавры¹.

Роваам чувствовал опасность. Он бросился воздвигать стены вокруг городов и к тем, которые были укреп-

¹ Текст этой надписи испорчен. Перевод Бристеда был спорным. См. полемику между Kurt Sethe, *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, XLVII (1910), 80—82, and Eduard Meyer, *Geschichte des Altertums* (2nd ed.; 1928), II, Pt. I, p. 121, note. См. также перевод Дж. А. Уилсона в *Ancient Near Eastern Texts*, ed. Pritchard (Princeton, 1950).

лены еще при его отце Соломоне и деде Давиде, он добавил Вифлеем, Ефам, Фекою, Геф, Вецфур, Сохо, Одоллам, Марешу и другие крепости¹.

Четыре года промелькнуло со времени смерти Соломона, а фараон уже направился на север.

Тутмос III вторгается в Палестину

Тутмос III продвигался к дельте восточного устья Нила; через девять дней он прошел через треугольный полуостров в Газу, двигаясь по старой военной дороге². В прибрежной низине он устроил совещание со своими воинами и решил двигаться через узкий проход в Мегиддо (Микти). Мегиддо был одним из главных провинциальных городов Соломона (3-я Книга Царств 4:12), упоминавшихся вместе с Фаанахом как резиденции губернаторов. Это была крепость, закрывавшая проход с юга от Кармила в долину Изрееля. Проводя военный совет, Тутмос III сказал следующее:

«Этот вредоносный враг (предводитель) из Кадеша явился и вошел в Мегиддо; он здесь находится и в данный момент»³.

Кем был предводитель (царь) Кадеша, который явился защищать этот укрепленный пункт? Он не назван по имени. И где находился этот Кадеш? Мы проследим события следующих нескольких дней, и тогда эти вопросы вновь будут заданы.

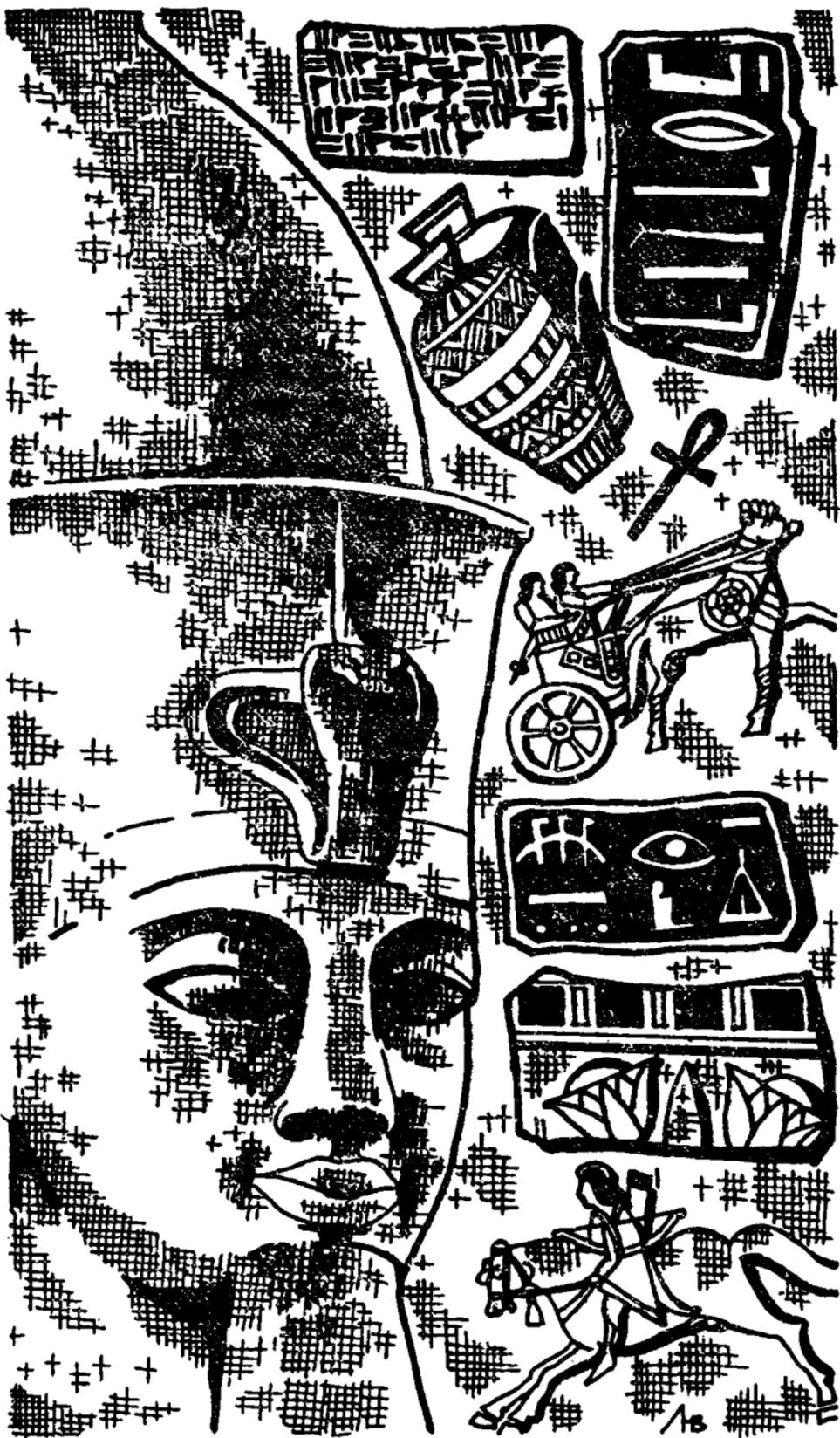
Южный фланг египетской армии находился в Фаанахе; армия прошла через Аруну и вышла на берег ручья Кина.

«Приготовьте ваше оружие! ибо мы отправимся сражаться с этим зловредным врагом утром!». Царь отдыхал в царском шатре... стражник армии расхаживал повсюду, повторяя: «Укрепите сердце! Укрепите сердце! Бди-

¹ 2-я Книга Паралипоменон 11:6—10.

² Геродот (II, 159) описывал завоевание Палестины Тутмосом и называл его Сезострисом.

³ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 420.

тельность! Бдительность!» ... Рано утром всей армии была дана команда двигаться»¹.

Царь ехал в колеснице из электрума (сплав золота с серебром) в центре своей армии, один фланг которой был у ручья Кина, а другой — к северо-западу от Мегиддо. Египетская армия одерживала победу:

«Когда они увидели, что его величество побеждает их, они бежали в Мегиддо, в страхе, бросая своих коней и колесницы из золота и серебра... Теперь, если только армия его величества не вознамерится грабить имущество врага, она может (захватить) Мегиддо (Микти) в этот самый момент, когда зловерный враг из Кадеша и зловерный враг из этого города в спешке бегут, чтобы загнать их в этот город. Страх перед его величеством вошел в их сердца»².

Содержащееся выше объяснение дано, чтобы оправдать бегство царя Кадеша, который не был взят в плен.

«Победоносная армия его величества пошла, считая свои трофеи... Вся армия устроила праздник»³.

Осада Мегиддо началась. Хотя город был укреплен массивной стеной, гарнизон был неспособен выдержать долгую осаду против армии фараона и капитулировал. «Вот вожди этой страны пришли платить дань».

Египетская армия захватила еще три города. В летописях описание завершения этой кампании отсутствует, но может быть реконструировано. Результатом этой первой кампании было завоевание укрепленных городов, как ясно из цитированных летописных фрагментов; порабощение всего края, включавшего сто девятнадцать городов, список которых открывал Кадеш, как явствует из «барельефа городов» в Карнакском храме; на стене Карнака изображена также богатая добыча — драгоценные сосуды.

Самый важный вопрос оставался нерешенным. Где находился город Кадеш? Кто был царем города Кадеша — такой вопрос даже не ставился.

¹ Breasted, *Records*, с. 429—430.

² Там же, с. 430.

³ Там же, с. 431.

Как найти имя царя некоего города, местоположение которого неизвестно, жившего за сотни лет до Иисуса Навина, если в египетских летописях он не упоминается?

Второй вопрос, интригующий исследователей, состоит в следующем: как название Иерусалима, или Салема, или Иевуса, как он назывался прежде, было исключено из самого полного списка городов Палестины, списка, содержащего, как кажется, все более или менее значительные города в доизраильской Палестине?

Третья загадка — изысканная форма сосудов, захваченных во время этой военной кампании и демонстрирующих чрезвычайно высокий уровень мастерства; поистине удивительно обнаружить, что нецивилизованные народы эпохи ханаан были столь искусны в ремесле.

На основе документальных надписей и барельефов Карнака можно подумать, что ханаане были непревзойденными мастерами работ по металлу и что Иерусалим избег участия соседних городов; но местонахождение Кадеша оставалось предметом научных споров.

Царь Кадеша явился в Мегиддо, чтобы защищать его от египетского фараона; крепость пала; ему удалось бежать; но во время той же самой военной кампании был покорен и его город.

Кадеш в Иудее

Историки заявляют, что им известен знаменитый Кадеш, который они размещают на берегу Оронта в северной Сирии. Но в перечне Тутмоса III Кадеш назван первым среди ста девятнадцати палестинских (а не сирийских) городов; на втором месте Мегиддо, арена битвы; а другие сто семнадцать городов следуют за ними. Этот Кадеш не мог быть городом в Сирии, ибо во время палестинской кампании Тутмос не дошел до Оронта. Был один Кадеш в Галилее, Кадис Неффалимов, упомянутый несколько раз в Библии. Но для чего было помещать малозначущий палестинский городок в начале списка, как раз перед Мегиддо? Это породило догадки.

Согласно одной из гипотез, город, о котором идет речь,

был Кадисом Неффалимовым¹; согласно другой гипотезе, Кадеш стоял на Оронте². И каждая из теорий должна была придерживаться какого-то объяснения того факта, что город, находящийся за пределами Палестины, или некий мелкий палестинский городок были поставлены первыми в списке палестинских городов, где скорее можно было бы ожидать названия столицы земли.

Было выдвинуто предположение, что первое название в палестинском списке на принадлежало перечню, а было добавлено позже³. Это в высшей степени невероятно, особенно если допустить, что интерполяция (если она была) проведена на всех трех копиях. Или, как было сказано, в виду имелся галилейский город, но скульптор ошибочно принял его за знаменитый Кадиш на Оронте и по причине этой ошибки поставил его на первом месте⁴.

Эти теории встретили противодействие. Палестинские списки были составлены сразу после возвращения с палестинской кампании и перед сирийской кампанией. В это время не было никакого резона путать города⁵: несомненно, список был выполнен под личным контролем Тутмоса III и проверен его чиновниками.

Современная этим событиям история Иудеи вполне ясно и коротко сообщает:

2-я Книга Паралипоменон 12:2—4: «На пятом году царствования Ровоама, Сусахим, царь Египетский, пошел на Иерусалим... С тысячью и двумястами колесниц и с шестидесятью тысячами всадников; и не было числа на-

¹ A. Mariette, *Les Listes géographiques des pylônes de Karnak* (Leipzig, 1875), pp. 12—13.

² G. Maspero, *Transactions of the Victorian Institute*, XX (London, 1887), 297.

³ W. Max Müller, *Asien und Europa nach altägyptischen Denkmälern* (Leipzig, 1893), p. 145, n. 3.

⁴ W. Max Müller, «Die Palästinaliste Thutmosis III», *Mitteilungen, Vorderasiatisch-ägyptische Gesellschaft*, Vol. XII, No. 1 (1907), p. 8.

⁵ J. Simons, *Handbook for the Study of Egyptian Topographical Lists Relating to Western Asia* (Leiden, 1937).

роду, который пришел с ним из Египта, Ливиянам, Сукхитам и Ефиоплянам; и взял укрепленные города в Иудее, и пришел к Иерусалиму».

Завоевание укрепленных городов военными силами относится к началу летописей Тутмоса III, которые сохранились. Второй этап — это поход на столицу.

Иерусалим, против которого выступил фараон, и должен был быть городом Кадишем. Это ответ сразу на два вопроса: почему Иерусалима нет в списке Тутмоса III и где находился царский город Кадиш.

Назывался ли где-нибудь Иерусалим Кадишем? Много раз на протяжении всей Библии. «А дочь фараонову перевел Соломон из города Давидова... ибо он *Kadesh* (свят)¹. В псалмах Бог говорит: «Я помазал Царя Моего над Сионом *kadesh* (святою) горою Моею»².

Иоиль призывал народ: «Трубите трубою на Сионе и бейте тревогу на *kadesh* (святой) горе»³. Он также говорил: «Тогда узнаете, что Я — Господь Бог ваш, обитающий на Сионе, на [*kadesh*] (святой) горе Моей»⁴. Исайя говорил о народе Иерусалима: «... ибо они зовут себя из города Кадеш». Он пророчествовал о том дне, когда Бог «соберет все народы и языки... И представят всех братьев... от всех народов... на *kadesh* (святую) гору Мою, в Иерусалим»⁵. Даниил молился: «... да отвратится гнев Твой и негодование Твое от града Твоего, Иерусалима, от (святой) горы Твоей»⁶, *kadesh* (святого) города твоего»⁷. И Неемия писал: «... а прочие из народа бросили жребии, чтобы одна из десяти частей их шла на жительство в *kadesh* (святой) город Иерусалим»⁸.

¹ 2-я Книга Паралипоменон 8:11.

² Псалтирь 2:6.

³ Книга Пророка Иоиля 2:1.

⁴ Книга Пророка Иоиля 3:17.

⁵ Книга Пророка Исайи 66:18 и далее.

⁶ Книга Пророка Даниила 9:16.

⁷ Книга Пророка Даниила 9:24.

⁸ Книга Неемии 11:1. Подобные же выражения можно найти в Псалтири 3:4, 15:1, 43:3 и 99:9, у Исайи 65:11 и 25, у Иезекииля 20:40, у Софонии 3:11, у Захарии 2:12 и во многих других фрагментах Библии.

«Святая Земля» и «Святой Город» — это названия, даваемые Палестине и Иерусалиму с давних времен, и не только в Библии, но также и в египетских надписях (Земля Бога, Кадеш) сохранились тому свидетельства.

Название Кадеш использовалось для обозначения Иерусалима не только в еврейских текстах. Названия самых малоизвестных арабских поселений были тщательно изучены специалистами в области Библии, пытавшимися определить местоположение древних городов, но арабского названия Иерусалима они не заметили: это эль-Кудс (Святой или Святость).

Кадеш, первый из палестинских городов, был Иерусалимом. «Зловредный враг», царь Кадеша, — это Ровоам. Среди ста девятнадцати городов было много таких, которые ученые не рискнули опознать: они были построены после того, как Израиль уже обосновался в Ханаане. Древность приписывалась другим городам, которые на нее не претендовали.

Города, вокруг которых были возведены Ровоамом (2-я Книга Паралипоменон 11:5 и далее) стены, могут быть обнаружены в египетском списке¹. Вполне вероятно, что Ефам — это Itmm, Вецфур — это Vt, Сохо — Sk². Это еще одно новое поле научных поисков: исследование списка палестинских городов Тутмоса III на основе сравнения их названий с названиями городов в царстве Иудея. Работа будет плодотворной.

В конце предшествующего раздела мы покинули Тутмоса III под стенами Кадеша-Иерусалима. Крепости земель к востоку от Иерусалима пали; мощнейшая из них, которую защищал сам царь иерусалимский, открыла свои ворота, после того как царь и его свита бежали и вернулись в Иерусалим.

¹ Etam is number 36 on the list, Beth-Zur 110 (it is Beth-Zur, and not Beth-Shan as A. Jirku assumed), Socoh 67.

² Ефам находится под номером 36 в списке, Вецфур — под номером 110 (это Вейфур, а не Вецшан, как полагал А. Ирку), Сохо — под номером 67.

2-я Книга Паралипоменон 12:5: «... князьям Иудеи... собрались в Иерусалиме, спасаясь от Сусакима».

Только за несколько лет до этих событий страна раскололась надвое. Иудея, ослабленная отделением северного царства, была неспособна защитить себя.

Пророк Самей, который четыре года назад предупредил чтобы народ не ввязывался в братоубийственную войну, пришел к царю и к князьям Иудеи с гневным посланием от Бога, оставленного народом Иерусалима. Царь и князья смирились, и царь сказал: «Праведен Господь!». Тогда Самей явился с новым посланием.

2-я Книга Паралипоменон 12:7: «и далее: и вскоре дам им избавление, и не прольется гнев Мой на Иерусалим рукою Сусакима; однако же они будут слугами его...

Поскольку они не захотели быть слугами Бога, им предстояло стать слугами земного царства. Это было сказано от имени Бога. И египетский царь со своею армией, который в Мегиддо «возносил хвалу Амону за победу, которую он даровал своему сыну», наверняка повторил свою хвалу у стен Иерусалима.

После падения «огороженных стенами городов, которые принадлежали Иудее», Иерусалим открыл свои ворота без всякого сопротивления. «И смирились князья Израиля и царь», и Божий гнев «не пролился на Иерусалим рукою Сусакима». Город не подвергся штурму.

Нет никаких сообщений о штурме Кадеша Тутмосом III. Но Кадеш в Палестине сдался Тутмосу III, и его название открывает перечень палестинских городов, захваченных им. Смирение князей Иудеи после падения Мегиддо описано также и Тутмосом III в следующих словах:

«И вот предводители этой страны пришли отдать дань, подчиниться славе его величества, молить о насущном, потому что велика сила, безмерна слава его величества»¹.

О «великой силе» часто упоминалось в еврейских текстах: «с тысячью и двумястами колесниц и с шестьюдесятью тысячами всадников; и не было числа народу, который пришел с ним из Египта, Ливиянам, Сукхитам и Ефиоплянам».

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 434.

Негодующий Бог унизил Иерусалим, который воздвиг статуи египетским, сидонским и другим божествам на холмах вокруг Иерусалима; вскоре бог с головой тельца получит все великолепие от храма Соломона и станет обладателем всех сокровищ.

2-я Книга Паралипоменон: «И пришел Сусахим, царь Египетский, в Иерусалим, и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского; все взял он, взял и щиты золотые, которые сделал Соломон».

Там оставался Ковчег Завета, бесценная вещь, реликвия пустыни, вместе с каменными скрижалями. Был ли Египет беден на древних обелисках?

Сосуды и убранство соломонова храма

Сокровища, привезенные Тутмосом III из Палестины, воспроизведены на стене храма в Карнаке.

На барельефе в десять рядов изображается легендарное богатство Соломона. Здесь изображения различных произведений искусства, убранства, сосудов и утвари храма, дворца, а возможно, и святилищ для чужеземных божеств. Под каждым предметом имеется цифровой знак, указывающий, сколько подобных предметов привез египетский царь из Палестины: каждая насечка означает один предмет, каждая спираль — сто образцов одной и той же вещи. Если бы Тутмос III захотел прихвастнуть и выставить всю добычу из храма и дворца в Иерусалиме, представляя каждый предмет отдельно вместо того, чтобы использовать числовую систему, то это заняло бы стену длиной в милю, да и то вряд ли хватило бы. На верхних пяти рядах представлены изделия из золота; в следующих рядах серебряные изделия чередуются с золотыми и с драгоценными камнями; бронза и полудрагоценные камни входят в нижних рядах.

Богатство, накопленное народом на протяжении столетий производительного труда, оседлой жизни в Палестине, добыча, захваченная Саулом и Давидом в их военных походах, добыча из города амаликитян Авариса, все,

что приобретено от торговли между Азией и Африкой, золото из Офира, дары царицы Хатшепсут (Савской) — все стало достоянием Тутмоса III. Работы Хирама от колена Неффалимова воспроизведены на стенах храма в Карнаке. Хирам и его подручные были искусными ремесленниками, и рука их царственного хозяина, Соломона, щедро снабжала их драгоценными металлами и камнями¹. Образцы мастерства ремесленников Давида также должны быть обнаружены на этой выставке, ибо

3-я Книга Царств 7:51: «...И принес Соломон посвященное Давидом, отцем его: серебро и золото и вещи отдал в сокровищницы храма Господня».

Священные предметы, изготовленные древним мастером Веселеилом, сыном Урии², тоже должны быть здесь представлены.

Кропотливая идентификация предметов, изображенных в храме Карнака, и тех, что описаны в Книгах Царств и в Хрониках, требует длительных исследований и может быть осуществлена с помощью слепков с барельефов Карнака. Следующий короткий экскурс не претендует на полноту и точность: это только попытка.

Однако она продемонстрирует идентичность добычи Тутмоса III и той, что была вывезена из Иерусалима египетским царем во времена Ровоама, сына Соломона.

Значительная часть добычи Тутмоса III состояла из предметов религиозного культа, взятых из храма. Это были алтари для сожжения жертвоприношений и курений, столы для жертвоприношений, сосуды для жидких даров, сосуды для священного масла, столы для ритуальных хлебов и подобные же вещи в большом количестве. Нет сомнения, что Тутмос III ограбил необычайно богатый храм.

Предметами, вывезенными Сусакимом из Иерусалима, были сокровища Храма Соломона и царского дворца (2-я Книга Паралипоменон 12:9).

На барельефе Карнака Тутмоса III изображено подношение некоторых предметов богу Амону: эти предметы — часть добычи, которую царь посвятил храму Амона и

¹ 3-я Книга Царств 7:13—45; 2-я Книга Паралипоменон 4:11—22.

² 2-я Книга Паралипоменон 1:5.

передал египетским жрецам. Эта картина не представляет всю добычу Тутмоса III. Он выбрал для египетских храмов то, что позаимствовал из чужеземного храма, и в этой коллекции «искусных изделий» необходимо отыскать предметы, перечисленные в Книгах Царств и в хрониках как принадлежность Храма.

На стенах комнат захоронения визирей Тутмоса сокровища изображены в процессе их перевозки из Палестины. Кроме произведений искусства, знакомых по сцене подношения даров Амону, здесь есть и другие предметы, скорее всего из дворца. Они были переправлены во дворец фараона и в дома его фаворитов.

Библейские книги содержат детальный отчет об убранстве и сосудах исключительно Храма. К счастью, отделение сакральных предметов в сцене посвящения Амону упрощает задачу опознания.

Использованные металлы и стиль исполнения будут кратко сопоставлены по еврейским и египетским источникам. Материал, из которого изготовлены предметы, определяется с учетом надписей на барельефе: они были сделаны из трех разных металлов, которые переводятся как золото, серебро и бронза. Металлы, применявшиеся для сакрального убранства и сосудов в Храме Соломона, были золотом, серебром и бронзой («brass»). «Искусные изделия» были изготовлены с использованием каждого из этих металлов.

Часто один предмет представлен на барельефе как золотой, а другой, такой же точно формы, как бронзовый. Об изготовлении идентичных предметов как из золота, так и из бронзы постоянно упоминалось в Книгах Царств и в Книгах Паралипоменон.

Когда золото использовалось для сосудов и утвари Храма Соломона, оно было слитком¹ или золотыми пластинками, прибитыми к дереву². Изображение предметов в Карнаке сопровождается пояснениями «золотой» или «по-

¹ 3-я Книга Царств 7:48—50; 2-я Книга Паралипоменон 4:7, 8, 21, 22.

² 3-я Книга Царств 6:20, 21, 28, 30, 32, 35. 2-я Книга Паралипоменон 3:7, 9.

крытый золотом».

В тот период, когда Израиль не имел постоянного места для отправления религиозного культа, Ковчег Завета и другие сакральные предметы переносились с места на место и иногда брались в военные походы. Чтобы облегчить транспортировку, оборудование молельни делалось с кольцами и шестами¹.

Старое убранство молельни было размещено в храме Соломона² и унесено в период правления его сына фараоном и его армией. Ковчег Завета, однако, не был взят и остался в Храме до вавилонского пленения³. Это был, вероятно, образец для других переносных священных реликвий, которые использовались в огороженных святилищах в Бетеле, Шилохе, а потом в Иерусалиме. Во втором и седьмом ряду барельефа в Карнаке изображены различные изогнутые в форме арки сундуки с кольцами по углам и шестами для транспортировки. «Золотой венец по кругу» был древним иудейским орнаментом для столов и алтарей⁴. Такой орнамент виден на золотом алтаре во втором ряду (9) настенной росписи, а также на медном алтаре в девятом ряду (177)⁵.

Любимым орнаментом на сосудах была *shashana*, что переводится как «лилия» (лотос).

3-я Книга Царств 7:26: «... и края его (литое море), сделанные подобно краям чаши, походили на распутившуюся лилию».

Мотив лотоса часто повторялся на сосудах, воспроизведенных на стене Карнака. Фиал в форме лотоса изображен в золоте (10), в серебре (121) и в цветном камне (малахит?) (140). Ободок из лилий можно видеть на многообразных сосудах (35, 75, 175), это очень необычный тип орнамента, встречавшийся только в библейских перечнях и на барельефе Тутмоса III.

¹ Исход 37:3, 13—14.

² 3-я Книга Царств 8:4.

³ Сноска № 7 стр. 158.

⁴ Исход 37:11, 12, 25.

⁵ См.: сноска 9 с. 158.

Бутоны среди цветов («чашечки его и цветы его»¹) также часто использовались как орнамент сосудов. Этот мотив появляется на вазе (195) в нижнем ряду стены Карнака, а также в пятом ряду (75).

Из фигур животных в качестве декоративных мотивов Храма в Иерусалиме упоминались львы и быки (3-я Книга Царств 7:29 и 36). На стене Карнака изображаются львиные головы (20, 6)) и голова быка, которую можно спределить как орнамент чаши для питья (132).

Боги часто изображались в египетских храмах в непристойных позах. Среди священных предметов, воспроизведенных на барельефе Карнака, нет ни одного фаллической формы, и вообще отсутствуют изображения богов. Несколько голов животных (львов) с признаками фаллоса на лбах и голова ястреба выполнены на крышках некоторых сосудов. Эти сосуды могли быть доставлены из дворца, который Соломон выстроил для своей египетской жены.

Идолы тогда еще использовались в языческих богослужениях. Сотни священных предметов, представленных на барельефе, явно не принадлежали языческому культу. Они скорее подразумевают культ, где приняты жертвоприношения, курения, ритуальная пища, но не почитаются идолы. Храм Кадеша-Иерусалима, ограбленный Тутмосом III, был богат предметами религиозного культа, но полностью лишен изображений богов.

Алтари и сосуды Храма Соломона один за другим могут быть идентифицированы на стене Карнака.

В Храме Соломона находился золотой жертвенник (3-я Книга Царств 7:48; 2-я Книга Паралипоменон 4:19). Это был единственный в своем роде алтарь. Во втором ряду на барельефе изображен алтарь с венцом по краю, частично поврежденный, но частично ясно различимый (9). Надпись гласит: «Большой алтарь». Он был сделан из золота.

Другой алтарь в Храме Иерусалима был из бронзы;

¹ Исход 37:17 и далее. Ободок как украшение сосудов изучался Н. Schaefer, *Die altaegyptischen Prunkgefasse mit aufgesetzten Randverzierungen* (Leipzig, 1903). В его работе нет никаких упоминаний о библейском описании таких сосудов.

он был квадратный и очень большой¹. В девятом ряду барельефа в Карнаке изображен алтарь из бронзы, очертания которого напоминают тот самый золотой алтарь. Надпись гласит (177): «Большой алтарь из «лат. слово там же» (бронзы)». Поскольку высота его равна ширине, этот алтарь не соответствует описанию алтаря, упомянутого во Второй книге Паралипоменон, поскольку в ширину он был наполовину больше, чем — в высоту. Однако из первой главы Второй Книги Паралипоменон мы узнаем, что среди священных предметов в Храме Иерусалима находился еще один медный жертвенник, изготовленный Веселеилом.

Рядом с алтарем находился стол «для подношения хлебов» (3-я Книга Царств 7:48; 2-я Книга Паралипоменон 4:19). Хлеба, очевидно, были не из муки, а из золота и серебра. В Книге Исхода² сказано, что хлеба предложения были изготовлены Веселеилом, который был золотых дел мастером. Хлеба предложения изображены на барельефе Карнака в форме конуса. Конус в седьмом ряду (138) сопровождается таким пояснением: «Белый хлеб». Этот хлеб был из серебра. Тридцать золотых конусов (48) и двадцать четыре конуса из цветного камня (малахит) (169), идентичных по форме серебряному конусу, также изображали хлеба предложения.

«Светильник с лампадами» (2-я Книга Паралипоменон) был сверкающим изделием с лампадами, подвешенными, как цветы. Цифрами 35, 36, 37 и 38 на стене обозначены светильники с лампадами. Один из них (35) имел три лампы в форме лилий с левой стороны и три с правой. Другие светильники (37, 38) имеют по восемь лампад с левой и с правой стороны. Светильник с лампадами, изготовленный Веселеилом для молельни, имел по три лампы слева и справа³. Он был наподобие миндального цвет-

¹ Двадцать локтей в ширину, десять локтей в высоту (2-я Книга Паралипоменон 4:1).

² Исход 25:30; 35:13; 39:36 и Числа 4:7.

³ Исход 25:35; 37:21.

ка с плодами и цветком на ветвях. Более поздняя форма демонстрирует предпочтение семи лампадам по обе стороны стебля.

Кроме светильников с лампадами, упоминалось и о других. В Книгах Царств описывалось, что они были украшены цветами (3-я Книга Царств 7:49). Такую форму можно видеть в третьем ряду барельефа (25, 26, 27 и 28). Светильник имеет форму стебля с созвездиями лотосов.

Рядом с алтарем, столами для предложений хлебов и светильниками находились столы для жертвоприношений.

Исход 35:13: «Стол... и все принадлежности его».

37:16: «... сосуды, принадлежащие к столу: блюда, кадильницы, кружки и чаши, чтобы возливать ими, из чистого золота».

Стол, как и посуда, был из золота (3-я Книга Царств 7:48). «Стол^ы жертвоприношений» в третьем ряду (из золота) и в седьмом ряду (из серебра) имели подставки для сосудов: три плоских блюда, три широких чаши, три горшка, один поднос. Множество столов из золота, серебра и бронзы воспроизведено на барельефе. Оснащение Храма включало также «крючки и все инструменты» (2-я Книга Паралипоменон 4:16). В третьем ряду на стене Карнака, около стола жертвоприношений, и в том же самом ряду с левой стороны, изображены крючки, ложки и другая утварь (30, 31, 32, 33, 43, 44); кувшины появляются в большинстве рядов, но особенно во втором и в шестом (из золота).

В Храме Иерусалима находились «жертвенник для курений, и шести его, и елей помазания» (Исход 35:15). Поскольку в Библии не дано детального описания формы этого жертвенника, могут учитываться различные предметы в форме жертвенника, которые подходят для курений. Выходил ли дым горящих курений через украшенные орнаментом отверстия? Горели ли курения на блюде, установленном на подставке (41, 181)? Сосуды, содержащие елей помазания, изображены у подножия жертвенника (41); над изображениями в нижнем ряду (197—99) написано: «Алебастр, наполненный святым елеем помазания для жертвоприношений».

Золотые щипцы использовались в Храме Иерусалима для разноса благовоний во время службы (2-я Книга Паралипоменон 4:22; 3-я Книга Царств 7:50). *Masrek* по-еврейски означает кадиланица или сосуд, который извергает жидкость. Упоминалось, что такие кадиланицы имелись в Храме Соломона (3-я Книга Царств 7:50; 2-я Книга Паралипоменон 4:22). Среди сосудов, изображенных на стене Карнака, есть один или два своеобразной формы. Сосуд в пятом ряду (73) имеет два боковых отверстия и украшен фигурами животных. Отверстия соединены с сосудом фигурами двух животных (львов?), вытянутыми к отверстиям; вдоль отверстий фигурки грызунов, по две вверху и внизу; на вершине сосуда расположены амфибии (лягушки). Для современных кадиланиц подобный орнамент не был необычным. Особенно характерны для них фигурки лягушек. Носы и рты животных, изображенных на сосуде, могла быть использованы для разбрызгивания благовоний или воды. Находящийся рядом предмет тоже скорее всего кадиланица.

Сто золотых чаш было изготовлено Соломоном для Храма (2-я Книга Паралипоменон 4:8). Девяносто пять золотых чаш изображено в шестом ряду стены; шесть более крупных чаш нарисованы отдельно.

Стены и пол Храма Соломона были «выложены золотом» и «украшены драгоценными камнями» (2-я Книга Паралипоменон 3:5—6; 3-я Книга Царств 6:28 и далее). Фараон, который «взял все», не оставил это золото и эти камни на стенах. Некоторые из них были превращены в ювелирные изделия, и надпись (над 63—65) гласит: «Золото и различные драгоценные камни его величество отдал в переработку». Другое золото было взято в виде слитков и цепей (23, 25). Есть упоминания о том, что в Храме Соломона имелись золотые цепи (2-я Книга Паралипоменон 3:16): «И он сделал цепи».

Тридцать три двери представлены в нижнем ряду барельефа и надпись сообщает, что они изготовлены из «отбитой меди» (190).

2-я Книга Паралипоменон 4:9: «И сделал священный двор, и большой двор, и двери к двору, и веревки»

их обложил медью¹».

Щиты из «отбитого золота» были названы среди трофеев фараона (2-я Книга Паралипоменон 9:15). Эти триста щитов, вместе с двумястами золотыми щитками из золота (2-я Книга Паралипоменон 9:15, 16) не были частью убранства Храма; они принадлежали «дому из ливанского дерева». В седьмом ряду на стене имеются три диска, обозначенные номером 300, что означает количество в триста предметов. Металл, из которого они сделаны, не называется; некоторые предметы в этом ряду серебряные, но следующий предмет имеет надпись, указывающую, что он сделан из золота.

Большое «медное море» и бронзовые подставки (3-я Книга Царств 7:23; 2-я Книга Паралипоменон 4:2) не были унесены фараоном (4-я Книга Царств 25:16). Среди предметов, захваченных позже Навузарданом, сподвижником Навуходносора, были «столбы числом два, море одно и подставы, которые сделал Соломон в дом Господень»².

Ефод верховного жреца (воротник с нагрудником) не упоминается в Библии в числе добычи фараона, и его могли не взять. Но дорогие жреческие облачения были увезены. В четвертом ряду представлены богатые воротники, некоторые с нагрудниками; они предназначались в дар жрецам Амона.

На барельефах Карнака представлен великолепный и до деталей точный перечень сосудов и утвари Храма Соломона. Он гораздо более детализирован, чем единственный барельеф на арке Тита в Риме, изображающий светильник и несколько сосудов из второго Храма, привезенных в римскую столицу ровно через тысячу лет после того, как первый Храм был разграблен египтянами.

¹ *Nechoshet* переводится и как «латунь», и как «медь». Однако это была или медь или бронза (сплав меди с оловом); латунь (сплав меди с цинком) была введена в обращение гораздо позже.

² 4-я Книга Царств 25:16. Несколько золотых сосудов могли быть спасены жрецами при Ровоаме, так как сказано, что Навуходносор забрал золотые сосуды, которые Соломон изготовил для Храма (3-я Книга Царств 24:13). Но в Седере Олама сказано, что фараон Зерах вернул в Азию то, что забрал у Ровоама Сусахим.

Зоологические и ботанические коллекции из Палестины

Тутмос III преуспел в своих планах. Царство Давида и Соломона было разделено; Иудея покорилась власти Египта. Морская база в Ецион-Гавере уже не контролировалась Иудеей. Морские экспедиции израильтян вместе с матросами из Тира и Сидона уже не проводились.

Мегиддо, который стоял на дороге между Иерусалимом и Сидоном, стал главной египетской крепостью в Сирии-Палестине. Сидоняне, которые помогали гарнизону Мегиддо, возможно, в качестве наемников, после его поражения попытались спасти свою независимость. Яффа сдалась военачальнику Тутмоса III¹; финикийский флот (или часть его) был захвачен Тутмосом III несколько лет спустя. Северное царство Израиль, управляемое царем-марионеткой, игрушка в руках фараона, не нуждалось в том, чтобы его завоевывали. Иеровоам пришел из Египта, где он готовился для осуществления своей цели. Следовательно, вполне логично ожидать, что земля Израиля добровольно вознамерилась платить дань Тутмосу III.

Меньше чем за пять месяцев — если быть точным, то за сто сорок восемь дней — палестинская кампания была завершена. На следующий год Тутмос III вернулся в Палестину с инспекторской поездкой и собрал дань. В Палестине фараон взял одну из царских дочерей в качестве одной из своих жен² и привез ее домой вместе с золотыми драгоценностями, лазулитом и свитой из тридцати рабов; он привез также лошадей, колесницы, сделанные из золо-

¹ См. фантастическую историю захвата Яффы военачальником Тутмоса III в папирусе Харриса, 500, обратная сторона Goodwin, *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, III, 340—48, and G. Maspero, *ibid.*, I, 53—66; a new translation by T. E. Pect, *Journal of Egyptian Archaeology*, XI (1925), 226f.

² Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 447.

та или электрума, быков и мелкий скот, подносы из золота, «которые нельзя было взвесить», много серебра, 823 кувшина с благовониями, 1718 кувшинов с медовым вином, слоновую кость, ценные породы дерева, «всю роскошь этой страны».

В следующем году («год 25») фараон вернулся в Палестину с инспекцией. На этот раз он посетил Северную Палестину (Верхний Рутену). По пути он восхищался садами Иудей, земли Вениамина и Ефрема. Многие из этих садов, поражающие красками, формами и благоуханием, были перевезены в Египет.

«Все растения, которые растут, все цветы, что есть в Земле Бога, были найдены его величеством, когда его величество ехал в Верхний Рутену»¹.

Как и на барельефах Пунта при Хатшепсут, эта страна называется Землей Бога (Божественной землей). Вслед за мирной экспедицией Хатшепсут, когда на почву Египта было перенесено только тридцать одно ладановое дерево, Тутмос III, отправившийся собирать дань, вывез целые ботанические коллекции. Эти коллекции воспроизведены на стенах храма в Карнаке и демонстрируют разнообразные и специфические формы палестинской флоры, существовавшей примерно двадцать восемь с половиной веков назад. Были вывезены и зоологические коллекции; надписи о них не упоминают, но на барельефах среди растений появляются и фигуры животных.

«Его величество сказал: «Я клянусь любовью ко мне Ра, благоволением отца моего Амона, что все это происходило в действительности».

Глядя на эти изображения, мы вспоминаем, что было сказано о Соломоне, царской прихотью которого было собирание и изучение растений и животных. 2-я Книга царств 4:33: «И говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах».

Ботаники² определили среди растений, привезенных

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, с. 451.

² G. Schweinfurth, «Pflanzenbilder im Tempel von Karnak», *Engler's Botanische Jahrbücher*, LV (1919), 464—80. Wreszinski, *Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte*, Pt. II, text to Plate 26.

Тутмосом III, голубой лотос, винное дерево, гранатовое дерево, дракононое дерево, аронник, ирис, хризантемы, а также кукурузу и мандрагору, различные сорта сосны и разновидность «дынного дерева». Многие из растений при этом вообще не могут быть идентифицированы.¹

Кажется вполне очевидным, что различные виды флоры, изображенные на барельефе Карнака, имеют не чисто палестинское происхождение. Как же тогда объяснить присутствие этих растений среди тех, которые привезены Тутмосом III из Палестины?

«Возможно, удвоенное географическое обозначение, Палестина и Божественная земля, могло быть объяснено тем фактом, что часть растений действительно прибыла из Земли Бога. Может быть сделана еще одна попытка объяснения наличия этих растений: князья из разных стран посылали послов с подарками фараону во время его военных экспедиций»².

Второе предположение кажется странным; не принято, чтобы из чужеземных стран воинам, совершающим завоевательный поход, присылались растения и животные. Первое предположение содержит догадку с целью избежать отождествления Палестины с Землей Бога.

Как уже было сказано, часть цветов и других растений, по-видимому, не палестинского происхождения, и некоторые из них вообще не могут быть идентифицированы. Поскольку контуры выведены очень аккуратно, был сделан следующий вывод: «Эти растения, редкие во времена Тутмоса III, в наше время не существуют».

У Соломона были деревья, привезенные на кораблях из стран, лежащих на расстоянии почти годового пути. Неудивительно, что среди добычи Тутмоса III оказались растения, неизвестные в Палестине ныне; они были неизвестны и на юго-восточной оконечности Средиземного моря даже во времена Тутмоса III. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что фараон привез их домой из военного

¹ Wreszinski, Atlas, Pt. II, text to Plate 33: «... entzieht sich die weit überwiegende Zahl der dargestellten Pflanzen der botanischen Bestimmung und damit auch der Bestimmung ihrer Heimat».

² Ibid., Pt. II, text to Plate 33.

похода и изобразил на стенах храма в Карнаке, подобно сокровищам из золота и серебра. Хотя эти растения и выращивались в Палестине, они были экзотическими и редкими.

Среди растений — вырезанные фигурки животных. Лучше всего представлена дичь. Один зоолог узнал здесь много разновидностей птиц, но некоторые показались ему фантастическими выдумками скульптора¹, так как они неизвестны на Востоке. Мы знаем, что корабли из Фарсиса везли павлинов (3-я книга Царств 10:22; 2-я Книга Паралипоменон 9:21); наверняка Соломон коллекционировал не одну разновидность птиц. И это его зоологический сад был вывезен фараоном в Египет, так же как сокровища его Храма и дворца.

Сегодня на барельефах Деир-эль-Бахри и Карнака мы можем внимательно рассматривать людей Иудей эпохи Соломона, животных и растения, которые они выращивали, и предметы, которыми они дорожили.

Генуват, царь Идумеи

Идумея, подобно Израилю, управлялась наместником, назначенным фиванским царем. Адер, идумеянин, имел сына от сестры Тахпенесы, жены царя Аамеса, и его имя было Генуват. 3-я Книга Царств 11:20: «И родила ему сестра Тахпенесы сына Генувата. Тахпенеса воспитывала его в доме фараоновом; и жил Генуват в доме фараоновом вместе с сыновьями фараоновыми».

Адер вернулся в Идумею во времена Соломона после смерти Иоава². С тех пор прошло около сорока лет. Генуват, его сын, был теперь вассалом царя Идумеи; он жил или в Египте, или в Идумее.

Дань с его земли тоже должна была отправляться египетской короне; не было нужды посылать военную экспедицию, чтобы покорить Идумею. Когда Тутмос III

¹ М. Hilzheimer, quoted by Wreszinski, *Atlas*, Pt, II, text to Plate 33.

² 3-я Книга Царств 11:21—22.

вернулся из одной своей инспекторской поездки в Палестину, он обнаружил в Египте дань, доставленную курьерами из земли «Генувати», которая не должна была быть покорена военной силой.

«Когда его величество приехал в Египет, посланники Генувати пришли принести свою дань»¹.

Она состояла из мирры, «негров для поручений», быков, скота, не считая сосудов, отделанных слоновой костью, эбонитом, и шкур пантер.

Что собой представлял народ Генувати? Едва ли стоит гадать, если иметь в виду это необычное название. Народ Генувати был народом Генувата, своего царя, современника Ровоама.

За год до этого, на седьмой год после военного похода в Мегиддо и Иерусалим, Тутмос III, используя свою крепость в Мегиддо как базу и с помощью флота, захваченного у сидонян, совершил бросок на север, в Арвад.

«Возвращаясь в Египет, он взял с собой детей местных принцев, чтобы воспитать их в дружеском отношении к Египту, чтобы их можно было со временем послать назад для замены старого враждебного поколения сирийских принцев».²

«Вот дети предводителей и их братья привезены, чтобы пребывать в крепостях Египта. Теперь если кто из этих предводителей умрет, его величество поручит его сыну занять его место».³

Это политика, подобная той, которая применялась по отношению к Адери и Генувату, идумеянам.

Принцесса Ано

В греческом переводе Ветхого завета — Септуагинте — созданном в Александрии в Египте в третьем веке до нашей эры, обнаружена информация о том, что когда Иеровоам услышал в Египте о смерти Соломона, он сказал на ухо царю Египта: «Позволь мне уйти, и

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 474.

² Там же, с. 463.

³ Там же, с. 467.

я отправлюсь в свою землю». И Сусаким дал Иеровоаму в жены Ано, старшую дочь Телькемины, своей собственной жены. Она была величайшей среди дочерей царя и родила Иеровоаму Абияха¹. Информация эта исключительно важна, потому что она открывает нам имя сестры царицы; существующая еврейская Библия говорила нам только о том, что Иеровоам бежал за границу «к Сусакиму, царю египетскому, и находился в Египте до смерти Соломона». Согласно Септуагинте, Иеровоам получил в жены египетскую принцессу, подобно Адеру Идумеянину, только одним поколением раньше (3-я книга Царств 11:19).

В Музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке сохранился кувшин из Канопы, носящий имя принцессы Ано². Время создания кувшина установлено, на основе стилистических особенностей, как эпоха Тутмоса III. Никаких других упоминаний о принцессе с таким именем не обнаружено ни в одном египетском источнике или документе. Существование принцессы по имени Ано во времена Тутмоса III заставляет с доверием отнестись к информации, содержащейся в Септуагинте, и служит дополнительным основанием для отождествления Сусакима из Септуагинты с фараоном, известным нам под именем Тутмос III.

«Поразительная цивилизация»

В добавление к барельефам на стенах Карнака целый ряд других памятников демонстрирует богатство, привезенное из Палестины Тутмосом III. Среди этих памятников могилы Рекмира³, визиря Тутмоса III, и Мен-

¹ Septuagint, Reges III, 12:24e.

² Metropolitan Museum of Art, No. 10.130.1003.

³ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 760, о могиле Рекмира: «Это одна из самых важных сцен, сохранившихся в Древнем Египте. Подобные сцены будут обнаружены в других фиванских захоронениях, но ни одна не содержит столь тщательной, подробной и полной картины богатства азиатских народов, которое теперь потекло данью в казну фараонов».

хепер-Сенеба, верховного жреца высшего ранга. Изображены сосуды и утварь, которые везут из Палестины в Египет. Колесницы из золота и серебра тоже были в числе добычи Тутмоса и дарились его фаворитам.

Различные произведения искусства из Палестины очень высоко ценились в египетской столице, и художники из Палестины доставлялись в Египет как пленники, чтобы заниматься там своим ремеслом. На стенах комнат гробницы визиря изображены медники и написано: «Доставка азиатских медников, которых его величество взял в плен, победив в Рутену». Над изображением столяров из Палестины видны слова: «Изготовление сундуков из слоновой кости и эбонита». Есть здесь и каменщики, которые тоже трудятся на строительстве храма Амона¹, а рядом с ними следующая надпись: «Пленники, которых его величество привез для строительства храма Амона». «Мастер говорит строителям: «Розга в моей руке, не ленитесь».

Все это рассматривалось как доказательство того, что ханаане, местное население Палестины, были искусно в ремеслах, что может показаться странным. «По добыче, привезенной в Египет — колесницам, обитым серебром, колесницам, выложенным золотом и т. д., — мы узнаем о поразительной цивилизации в Сирии в данный период»².

Мы теперь знаем, что эта поразительная цивилизация, плоды которой мы видим на этих памятниках, была не ханаанской, а израильской. Поэтому интересно читать о той роли, которую современные историки приписывают ханаанам в процессе развития египетского искусства и в окультуривании египетского народа; это мнение так же

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, с. 756: особый интерес представляют чужеземцы-семиты, которые появляются среди каменщиков, их рабское положение его величество использовал для строительства храма Амона. Это, разумеется, то же самое, что впоследствии требовалось от евреев».

² Mercer, *Extra-Biblical Sources*, p. 10. See also P. Montet, *Les Reliques de l'art syrien dans l'Egypte du Nouvel Empire* (Paris, 1937).

беспристрастно, как отзыв о работах художника, имя которого скрыто за псевдонимом.

«В это время (Тутмосис III, 1503—1449 до н. э.) сирийцы стояли на более высокой стадии развития, чем даже удивительно одаренная раса египтян. Добыча, привезенная в Египет и состоявшая из кольчуг, позолоченных колесниц и колесниц, отделанных серебром, свидетельствует о таком промышленном и художественном развитии, которое могло оказаться поучительным для Египта. Вместе со всем этим удивительным богатством прибыли пленники, которые стали работать в долине Нила, занимаясь ремеслами, привычными для них дома; и пока они работали, они обучали египтян... Сирийские ремесленники работали так хорошо, что их изделия изменяли даже вкус египтян, при этом и язык подвергся семитскому влиянию, а письмо постепенно приобретало плавный и изящный стиль. Под влиянием большого притока чужеземной крови даже черты лица победившей расы утратили грубость и приобрели большую утонченность. Египет никогда не знал таких перемен с начала монархии»¹. Важно, что здесь упомянуты позолоченные и отделанные серебром колесницы, захваченные Тутмосом III в Палестине. «Песнь песней», написанная Соломоном, обычно относится к позднему периоду, и упоминание о роскоши в эпоху Соломона считалось продуктом поэтической фантазии. «Царь Соломон сделал себе колесницу из ливанского дерева. Он сделал столбы из серебра, низ из золота, покрыв все это пурпуром». Египетские монументы свидетельствуют, что через пять лет после Соломона в Иерусалиме, а также в Мегиддо была не одна, а множество колесниц из золота и серебра.

Таким образом, мы отвергаем наши предполагаемые знания ханаанского искусства пятнадцатого и шестнадцатого веков до н. э. и начинаем приобретать некоторое представление о еврейском искусстве десятого века. Считалось, что история искусств о нем не ведает.

¹ R. W. Rogers, *Cuneiform Parallels to the Old Testament* (2nd ed., New York and Cincinnati, 1926), p. 255.

Земля Бога и Рутен¹

В настоящей главе показывается, что завоевание Палестины Тутмосом III должно было произойти не в ханаанский период, но во времена израильских царей и более точно — на пятый год царствования Ровоама, сына Соломона. В предыдущей главе было показано, что экспедиция царицы Хатшепсут в землю Пунта должна была произойти в период царствования Соломона и что земля, которую посетили, должна была быть Иудеей, а возможно и Финикией. Другими словами, мы утверждаем, что мирное путешествие царицы Хатшепсут и военный поход Тутмоса имели целью одну и ту же страну.

Теперь мы находимся в позиции, которая или приведет нас к ошибке, или снабдит дополнительным доказательством того, что царица Хатшепсут совершила свою знаменитую поездку в Палестину, а не в Восточную Африку. Разве этого факта недостаточно для отождествления царицы Хатшепсут с царицей Савской?

Вывод о том, что люди из Земли Бога на изображениях, сделанных при Хатшепсут, были людьми из Палестины, может быть легко доказан или опровергнут сопоставлением этих изображений с фигурами людей со щитами на стенах Карнака, символизирующих завоевание Палестины. В обоих случаях египетские художники практически одного и того же поколения изготовляли эти барельефы. Они мастерски передавали характерные черты различных рас. Сохранились рисунки различных эпох, в которых египетские художники создали коллекцию расовых типов. Если всмотреться в людей из Земли Бога, «людей юга», и в египтян на барельефах, изображавших экспедицию в Пунт, это может помочь нам понять тонкое чутье этих художников, воспроизводивших типы своей собственной и чужеземных рас.

Те же характерные профили, те же прически с лентой вокруг головы, завязанной сзади, те же самые длин-

¹ Eduard Meyer reads «Rezenu». Breasted transliterates «Retenu».

ные бороды, по очертаниям словно продолжающие острый подбородок, заставляют убедиться, что на барельефах Хатшепсут и Тутмоса III изображены люди одной и той же национальности.

Но можно задать вопрос: если Тутмос III отправился в ту же самую страну, в которой Хатшепсут побывала два или три десятилетия назад, почему он не назвал страну, которую завоевал — Рутену (Палестина) — теми же самыми названиями, которыми воспользовалась Хатшепсут, Землей Бога и Пунтом?

Год за годом Тутмос III возвращался в Палестину, чтобы собирать дань (2-я Книга Паралипоменон 12:8: «... они будут его слугами»). Через три года после завоевания Мегиддо, Кадеша и других городов он выбил на стенах Карнака изображения деревьев и растений, которые он привез из Палестины, с такой надписью, которую мы уже цитировали: «Растения, которые его величество нашел в земле Рутену. Все растения, которые произрастают, все цветы, которые находятся в Земле Бога и были обнаружены его величеством, когда его величество направлялся в Верхний Рутену»¹.

Это предложение вынудило переводчика заметить, что «Земля Бога иногда приписывалась Азии»².

Шестая кампания Тутмоса III, как и первая, была военной: он завоевал северную Сирию. Три года спустя он отправился в Палестину взимать дань. После описания дани, полученной от Шинара и Кхета и из земли Нахарин, в перечне указано: «Диковинные вещи, доставленные его величеству в земле Пунта в этом году: сухая мирра...». Переводчик был удивлен этой фразой³. Мы обнаруживаем, что Тутмос III пользовался теми же названиями, что и Хатшепсут — Пунт и земля Бога — для обозначения той страны, которую они посетили — Финикии-Палестины.

Здесь встает вопрос: производила ли Палестина мирру, упомянутую в отчете о дани, и ладан, названный в числе даров, которые Хатшепсут получила в Божественной земле?

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 451.

² Там же, примечание к с. 451.

³ Там же, с. 486.

Мирра и ладан постоянно упоминались в египетских надписях как продукты Пунта. Ладан (ароматическая смола) падает прозрачными каплями, которые, собранные и слепленные в шарики или палочки, становятся белыми. Из-за этого цвета изысканное благовоние называлось «белым» на различных языках (греческом, арабском), а также на еврейском (lebana, белый). Менее ценное благовоние, ладанум, имеет желтый или коричневый цвет¹. Ладан растет только в нескольких местах: побережье Сомали и южная Аравия на противоположном берегу Красного моря составляют район его возделывания даже в наши дни. Ботаников в их поисках земли Пунт направляли археологи.

Совершив пятую инспекторскую поездку в Сирию и Палестину, Тутмос III внес в перечень дани ладан, масло, мед. Во время своей девятой поездки он засвидетельствовал, что получил «от Рутену дань в этом году» в виде лошадей, колесниц, различных серебряных сосудов местной работы, а также «сухую мирру, 693 кувшина с благовониями, сладкое масло и зеленое масло в количества 2080 кувшинов и 608 кувшинов вина».

О своей седьмой военной кампании он писал: «Дань князей Рутену, которые пришли выразить покорность... Теперь каждое поселение, в которое прибывал его величество, снабжало хлебом и разными хлебами, и маслом, благовониями, вином, медом, фруктами — в изобилии, превосходящем все... Об урожае в земле Рутену сказано, что он состоял из обилия чистого зерна, зернышка к зернышку (не от земли), ямменя, благовоний (ладана), зеленого масла, вина, фруктов, всего привлекательного, что есть в этой стране».

Мирра и ладан были продукцией Палестины. Давайте посмотрим, есть ли в Библии какое-нибудь указание на то, что они производились в Святой Земле во времена Соломона. В «Песне Песней Соломона» влюбленный царь говорит своей маленькой пастушке (4:6):

«Доколе день дышит прохладой и убегают тени, пойду я на гору мировую и на холм фимиама».

¹ См. Lucas, *Ancient Egyptian Materials* (2nd ed.), p. 92.

Даже если это было написано позже, песнь говорит о времени Соломона.

Левона (фиммиам) сколо Вефиля (Книга Судей 21:19) была, вероятно, тем местом, где росли благовония. Во времена Тутмоса III редкие растения из палестинских садов были перевезены в Египет, как он сам говорил и живописал. После этого, во времена Исаяи (60:6) и Иеремии (6:20), благовония ввозились в Палестину из южной Аравии.

Здесь уместно объяснить название «Рутену» или «Рузену», часто встречающееся в египетских надписях Нового царства как обозначение Палестины. Галилея называлась «Верхним Рутену». «Рузену» — это, похоже, транскрипция названия, которым население Палестины обозначало собственную землю. Поэтому в поисках значения следует обратиться к еврейскому языку.

В Библии Палестина часто называется «Egez» (страна), «Egez Israel» (страна Израиля) и «Arzenu» (притяжательное значение «наша страна»)¹. То, что египтологи читают как Руген или Рузен, вероятно, является «Arzenu» из Библии.

Только в одной надписи эпохи Среднего царства (двенадцатая династия) при Сезострисе III упомянуто название Рузену — это очень короткий отчет о набеге в эту страну против Мптуу. Поскольку мы обнаруживаем то же самое имя, М-п-туу, в египетских документах гораздо более позднего периода и оно обозначает имя царя Менаси (Менассии), слово Мптуу из эпохи Среднего царства должно означать племя менаси. В надписи, вполне правомерно отнесенной ко времени Сезостриса III, упоминание о племени менаси должно означать, что перед тем как израильтяне пришли в Египет, они жили в Палестине, и не одной патриархальной семьей, а племенами, достаточно сильными, чтобы считаться врагами фараона. Это согласуется с преданием о поражении, нанесенном Авраамом и слугами его дома царям Шинава и Елама и их союзникам (Бытие

¹ Книга Иисуса Навина 9:11; Книга Судей 16:24; Псалтирь 85:10,13; Книга Михея 5:4; Песнь Песней Соломона 2:12; сравн. также Левит 26:5; Числа 10:9 и Книгу Иеремии 5:19.

14), и с количеством израильтян (около двух миллионов, включая женщин и детей) в дни Исхода после двухсот лет пребывания в Египте.

Сосенк (Шошенк)

Согласно общепринятой исторической истине, Тутмос III и вся восемнадцатая династия управляла ханаанской Палестиной. Сусаким, фараон, который унес сосуды из Храма в Иерусалиме, связывался с периодом, который был отделен несколькими столетиями от эпохи Рамессидов. Рамессиды были последними великими фараонами императорской эпохи Египта.

Среди имен царей довольно темного периода, который историки, занимающиеся Египтом, определяют более чем в шестьсот лет (до завоевания Египта Камбизом в 525 году до н. э.), обнаружено иероглифическое имя, которое читается как «Сосенк». Этот царь из ливийской династии выбил названия подвластных ему городов на наружной стороне южной стены храма в Карнаке. Эти города представлены в виде фигур, как и города-фигуры на барельефе Тутмоса, и очевидно, что Сосенк подражал этому барельефу. Но если перечень Тутмоса содержит хорошо известные названия, знакомые по Библии, то перечень Сосенка включает большей частью неизвестные названия. Сопровождающая надпись состоит из «стереотипных фраз... слишком расплывчатых, общих и неспособных стать надежным основанием для изучения военной кампании Сосенка. Если бы мы не располагали кратким указанием Ветхого завета на совершенный им захват Иерусалима, мы не смогли бы определить, что этот барельеф был мемориалом особой кампании»¹.

И таким образом Сосенк представлен во всех учебниках и пособиях как библейский Сусаким. Однако допускается, что «дата вторжения Сусакима зависит от израиль-

¹ Breasted, *Records*, Vol. IV, Sec. 709, Wilson, «Egyptian Historical Text» in *Ancient Near Eastern Text*, ed. Pritchard: «Отчет о кампании фараона в форме повествования отсутствует. Упоминания в его надписях о дани из сирийской земли или о его победах... туманны и абстрактны».-

ской хронологии»¹.

На барельефе сто пятьдесят пять названий городов².

«Только семнадцать из них могут быть определены точно и еще два с некоторой долей вероятности. Четырнадцать из них принадлежат Израилю: большей частью это самые незначительные города, а оставшиеся пять, за исключением одного, малоизвестные деревни в Иудее».³

Среди палестинских городов были определены по принципу фонетического сходства следующие: Бефсан, Хафараим, Гавеон, Мегиддо и «наиболее интересный из всех — это «р'-hw-k-gw'-b'-r'-m» или Хекель Абрам, который не может быть ничем иным, как «Поле Абрама»⁴.

В сущности есть множество р'hw-k-gw' и каждое из них означает *hekel*, «поле» (по-арамейски). Ни одного поселения под названием Хекель Абрам не известно ни в Иудее, ни в Израиле, как и любого другого названия с Хекель⁵. Такого поселения не могло быть в Иудее, а указание на какие-то «неизвестные деревни» было простой догадкой. Создается впечатление, что только Израиль был подчинен Сосенку (Шошенку), но не Иудея. Ни Иерусалим, ни Хеврон, ни Вифлеем, ни один другой знакомый город не числились в этом списке. Не было в нем Яффы, Гафа и Аскалона.⁶

Надпись содержит общее упоминание о дани, приносимой Сосенку, но где произведения искусства, утварь и сосуды Храма Соломона и его дворца? Был ли «Сусаким» столь скромным, что не упомянул о завоеванной им столице и о богатой добыче из Храма и в то же время столь тщеславным, что заполнил список названиями несуществующих городов?

¹ W. F. Albright, *Archaeology and the Religion of Israel* (Baltimore, 1942), p. 211.

² Jirku, *Die ägyptischen Listen, Klio Beihefte, XXXVIII* (1937).

³ Breasted, *Records*, Vol. IV, Sec. 711.

⁴ *Ibid.*, Sec. 715.

⁵ Jirku (*Die ägyptischen Listen, Klio Beihefte, XXXVIII* [1937]) expressed doubt whether an Aramaic word *hekel* would have been used in the tenth century in Palestine.

⁶ Должно быть отмечено, что часть барельефа разрушена.

С другой стороны, Тутмос III, как известно, должен был завоевать доизраильскую Палестину примерно за пять или шесть веков до времени, приписываемого Сусакиму, завоевать города и крепости, выстроенные намного позже, во времена израильских Судей, и вывезти из Ханаана огромное количество священных сосудов и утвари из золота, серебра и бронзы, которые позже были скопированы Соломоном, даже в тех же количествах, и описаны в Книге Царств.

Разве это не сомнительная конструкция? Разве не основана атрибуция произведений искусства, приписанных ханаанам, на ошибке? Но если это так, тогда кем же был ливийский Сосенк, который получил дань из северного царства (Израиль) через сотни лет после Иеровоама и Ровоама? На страницах, где рассматривается период ливийской династии, будет установлено, что это фараон Со (Сигор), которому Осия, последний царь Северного царства, посылал дань (4-я Книга Царств 17:4).

Выводы

Поколение, следующее за царицей Хатшепсут в Египте, в этой главе признается синхронным поколению, последовавшему за царем Соломоном в Палестине. В Египте это было время фараона, известного нам из современной исторической литературы как Тутмос III; в Палестине это было время Ровоама, сына Соломона, и Иеровоама из Северного царства. Две страны, Египет и Палестина, вступили в близкий контакт. Фараон захватил Иудею и, согласно египетским и библейским источникам, «захватил все города» и приблизился к столице, которая называлась Кадешем в хрониках фараона, а в Библии — Иерусалимом и Кадешем. Завоевание Палестины описано почти одинаково в Книге Царств, в книгах Паралипоменон и в египетских хрониках. Страна «впала в раздор»; после безуспешной попытки защитить свою землю крепости и другие города сдались; князья и их приближенные собрались в столице. По согласию царя и князей, ворота столицы были открыты, и они «смирились». Дворец и Храм столицы были разграблены, а сосуды и утварь увезены в Египет. Детальное описание этой утвари и убранства,

представленное в Книгах Царств и Паралипоменон, полностью согласуется с изображениями, высеченными на стенах храма в Карнаке. Предметы имеют идентичную форму и очертания, тот же стиль исполнения, то же количество: жертвенники, сосуды для омовений, столы, светильники, кадилашницы, вазы с ободками из «бутонов и цветов», чаши в форме лотоса, вазы из полудрагоценных камней, жреческие ефоды, золотые подносы и двери, сбитые медью.

Пленники на барельефе, воспроизводящем захваченные города, имеют те же расовые признаки и внешний облик, что и люди из Пунта и Божественной Земли, которую посетила царица Хатшепсут одним поколением раньше, и это еще раз доказывает, что Хатшепсут направила свою мирную экспедицию в Палестину. Среди городов, захваченных Тутмосом III, были города, построенные Соломоном и Ровоамом, которые не обнаружены в полном списке городов Ханаана в период завоеваний Иисуса Навина. Однако, согласно принятой хронологии, Тутмос III предшествовал Иисусу Навину.

Библейские упоминания о золотых колесницах времен Соломона, как доказано, соответствуют истине. Такие колесницы были привезены фараоном из Палестины. Кроме того, ремесленники из Палестины были отправлены в Египет.

Иудея стала зависимой, а ее народ превратился в вассала фараона. После своих повторных поездок с целью сбора дани фараон привозил с собой ладан — продукт этой земли. Это, между прочим, показывает, что ладан, привезенный Хатшепсут из Божественной земли, был палестинским продуктом; и фараон действительно упоминает о продуктах Пунта и Божественной земли в связи со своей поездкой в Палестину. Он также перевез в Египет зоологические и ботанические коллекции царя Соломона.

Иероваам, скрываясь в Египте от Соломона, женился на сестре царицы, по имени Ано. Канопиский кувшин с ее именем, датированный временем Тутмоса III, представлен в Музее искусств Метрополитен.

Генуват упоминается в Книге Царств как сын царя Идумеи Адера, находившегося в ссылке. Он родился во дворце фараонов и воспитывался там во времена Давида и Соломона. Он назван по имени в хрониках Тутмоса III как принц вассальной земли, платящей дань фараону.

Время Хатшепсут было временем Соломона, а время Тутмоса III — временем Ровоама, сына Соломона, и Иероваама, его соперников.

ГЛАВА V РАС-ШАМПА

Летоисчисление минойской и микенской культур

В один весенний день 1928 года крестьянин, возделывающий свое поле вблизи побережья Рас-Шамра в северной Сирии, приподнял камень могильного свода. В 1929 году и в последующие годы, за период двенадцати сезонных раскопок¹, возникли из земли городские строения и порт вместе с керамическими изделиями, разнообразной утварью, украшениями и табличками, представлявшими собой какую-то библиотеку. Это неизвестное место, даже не обозначенное на карте, лежит к северу от Латакии, древней *Laodicea ad mare*, в точке сирийского побережья, противоположной выпянутому рукаву земли, простершемуся от Кипра к материку на восток. В ясный день остров может быть виден с холмов, окружающих Рас-Шамру.

Это место определили как Угарит из писем эль-Амарны², и письменные документы, обнаруженные здесь, подтверждали такое предположение. В седой древности город несколько раз превращался в руины. Уровни, на которых открылись слои обитания пронумерованы от I до V, начиная с поверхности. Первый, или верхний уровень изучен лучше всего, но за первые девять археологических сезонов только около одной восьмой части этого уровня было раскопано. Раскопки в глубоких слоях были ограничены очень маленькой площадью. Второй слой принес несколь-

¹ Возглавляемых Клодом Ф. А. Шеффером и освещавшихся в *Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie*, 1929. Копии этих первых семи отчетов были опубликованы вместе под названием *Les Fouilles de Minet-el-Beida et de Ras Shamra*.

² E. Forrer, *Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie*, XIII (1932), 26.

ко предметов египетского происхождения времен Среднего царства; в период Среднего царства северное побережье Сирии находилось в сфере египетского влияния. На глубине более десяти метров обнаружили еще более древние цивилизации; остатки неолита (позднего каменного века) открылись в нижнем слое.

Возраст ископаемых остатков, обнаруженных в верхнем слое, который находится всего на расстоянии от сорока сантиметров до двух метров от поверхности, был установлен еще до того, как расшифровали надписи. Материал, оформление, стиль изготовления гончарных изделий стали бесспорным календарем в руках археологов. Керамику из некрополя Минета и Бейды (порт Рас-Шамры) и из акрополя Рас-Шамры определили как изделия кипрского происхождения, а также микенского производства пятнадцатого, четырнадцатого и частично тринадцатого веков до нашей эры¹.

Поскольку в этом слое было обнаружено также несколько египетских изделий, заключение эксперта об их принадлежности эпохе восемнадцатой и девятнадцатой династий² стало решающим основанием для определения времени по характеру гончарных изделий. Период, в течение которого Угарит переживал расцвет, был отнесен к пятнадцатому веку, а четырнадцатый век был признан временем, когда начался внезапный упадок города.

Поскольку были применены два разных метода и оба привели к сходному выводу, дальнейших споров о возрасте поселений не возникало, и все публикации, касавшиеся Рас-Шамры — Угарита³ основывались на том исходном

¹ Schaeffer, *Les fouilles de Minet-el-Beida et de Ras Shamra, Campagne 1929* (Paris, 1929), p. 296 (extrait de *Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie*); *La Deuxième Campagne de fouilles à Ras Shamra, 1930* (Paris, 1931), p. 4; *La Troisième Campagne de fouilles à Ras Shamra, 1931* (Paris, 1933), pp. 11; 24.

² Schaeffer, *La Deuxième Campagne*, pp. 10—11.

³ Ранняя библиография по Рас-Шамре дана в Schaeffer's *Ugaritica I* (Paris, 1939). За десять лет, начиная с 1929 года, число публикаций достигло пятисот.

факте, что литературные и культурные остатки из раскопанного слоя принадлежали пятнадцатому и шестнадцатому векам.

Прежде чем идти дальше, мы должны оценить истинную ценность керамики и других произведений искусства из Микен и Крита в связи с исчислением времени. Я также скажу несколько слов о возрасте минойской и микенской культур.

В Кноссе, на северном берегу Крита, в Фесте, на его южном берегу, и в других местах острова были обнаружены остатки культуры, которую называли минойской, по имени полубогородного царя Миноса. Остатки принадлежат различным эпохам. Дворец в Кноссе и другие здания были внезапно разрушены, уступив место новому дворцу и зданиям, которые были вновь разрушены и вновь восстановлены. Многие соображения привели одного исследователя этих древностей к уверенности в том, что причиной разрушения была какая-то природная катастрофа, которая очертила конец одного периода и начало другого¹. Периоды разделились на раннюю, среднюю и позднюю минойскую культуру, а каждый из них в свою очередь на три части — I, II и III.

Другая культура, которую можно узнать по характеру гончарных изделий, имела свой центр в Микенах на греческом материке. Она тоже разделялась на раннюю, среднюю и позднюю, или эладскую, что примерно соответствует периодам минойской культуры Крита.

Минойская и эладская эпохи начинаются с концом каменного века и являются частью бронзового века. Не существует серьезных данных, которые могли бы помочь точно определить даты минойско-микенской культуры. Надписи Крита еще не расшифрованы, несмотря на обнадеживающие усилия, и контакты с Египтом рассматривались как единственное основание для определения времен-

¹ Sir Arthur J. Evans, *The Palace of Minos* (London, 1921—35), II, 43, 101, 214, 286—89, 347; III, 12, 14, 348, 401—3.

ной шкалы минойско-микенского прошлого¹. С некоторыми отклонениями Древнее, Среднее и Новое царства Египта признаны как соответствующие ранней, средней и поздней минойской и эладской культурам.

В Кноссе раннего минойского периода были обнаружены вазы, подобные гончарным изделиям, извлеченным при раскопках в Абидосе в Египте эпохи первой династии. Печати, по типу соответствующие шестой египетской династии, были найдены на Крите. В течение среднего минойского периода существовал активный обмен между Критом и Египтом. В Абидосе, в могиле, датированной эпохой двенадцатой династии, была обнаружена полихромная ваза среднего минойского периода II, а в Кноссе — статуэтка, датированная эпохой двенадцатой или тринадцатой династии. Определение хронологии среднего минойского периода, «разумеется, зависит от времени, отведенного двенадцатой династии»².

Крит был разрушен катастрофой, которая соответствует по времени катастрофе Исхода (конец Среднего царства и конец среднего минойского II периода). После среднего минойского III периода, который соответствует по времени правлению гиксосов в Египте (имя фараона гиксосов Кена было обнаружено на ободке кувшина в Кноссе), Крит освободился от влияния Египта. Он переживал свое возрождение в поздний минойский I период, который по времени соответствует египетскому возрождению после изгнания гиксосов.

В Микенах на греческом материке также найдены были при раскопках несколько египетских предметов, но-

¹ «Хронология доисторической Греции, естественно, далека от определенности, хотя некоторые общие даты могут быть представлены на основе связей с Египтом». А. J. В. Wace, «*Prehistoric Greece*» in *Cambridge Ancient History*, I (Cambridge, 1923), 173—80. «Трудность возникает, когда мы пытаемся совместить эти археологические даты с любой схемой мировой хронологии... Единственная соседняя страна, где существует стабильная хронологическая система, основанная на письменных документах и надписях, — это Египет». Там же, с. 174.

² Там же, с. 175.

сящих картуши Аменхотепа II, Аменхотепа III и его жены Тиа из восемнадцатой династии (Новое царство); вазы позднемикенского стиля были откопаны в большом количестве в Египте, в Фивах, особенно под разрушенными стенами дворца Эхнатона в эль-Амарне, «что таким образом дает точную дату (около 1380 до нашей эры) для подобного стиля росписи ваз».¹

Настоящий труд предпринят для того, чтобы бросить свет на ошибку более чем в полтысячелетия в принятой египетской хронологии Нового царства. Если Эхнатон правил в 840, а не в 1380 году до нашей эры, то керамика из Микен, обнаруженная во дворце Эхнатона, на пять или шесть веков моложе, чем предполагается, а поздний микенский период соответственно сдвинется вперед на полтысячелетия на шкале времени.

Суть моей концепции в том, что великая восемнадцатая династия, царство Давида и Соломона и позднеминойский и позднемикенский периоды начались одновременно, около 1000 года до нашей эры.

Возвращаясь к раскопкам в Рас-Шамре, мы обнаруживаем, что не существовало двух независимых и совпадающих временных критериев определения керамики и бронзы с Крита и из Микен и египетских произведений искусства, но действовал исключительно один: временная шкала Крита и Микен построена на египетской хронологии. Это будет показано более детально в главе, где исследуются проблемы стратиграфической археологии.

Захоронения

Вопрос, который возникает, состоит в следующем: не существует ли других находок, кроме керамики, которые поддерживают или опровергают общепринятую точку зрения о том, что верхний слой раскопок Рас-Шамры относится к периоду от пятнадцатого до четырнадцатого

¹ A. I. B. Wace, «Prehistoric Greece», с. 177.

века? Поддерживают ли архитектурные и письменные свидетельства общепринятую хронологию, или они укрепляют заявленную здесь позицию, согласно которой этот слой и прошлое, погребенное под ним, относятся к периоду с девятого по девятый или восьмой век?

Помещения некрополей, в отличие от сооружений акрополей, сохранились в неприкосновенности. В типичном захоронении аккуратные каменные ступени ведут в погребальную комнату с арочным потолком. Подобные сводчатые склепы были обнаружены на Кипре. Руководитель раскопок в Рас-Шамре писал о них: «Захоронения на Кипре относятся к гораздо более позднему периоду и восходят к восьмому и седьмому векам, согласно мнению шведских археологов¹. Следовательно, можно заключить, что эти кипрские захоронения должны быть поздними копиями могильных покоев в Рас-Шамре. Прекрасный пример — это могильный склеп Траконаса на восточном побережье полуострова Карпас, прямо напротив Рас-Шамры. Однако пока более ранние захоронения этого типа не обнаружены на Кипре, заявлять о непосредственном родстве нельзя. Примерно пятьсот лет отделяют могилу Траконаса от захоронений Рас-Шамры»².

Склепы на Кипре, через пролив, и на Рас-Шамре имеют идентичную конструкцию; они должны были быть построены в одну эпоху. Хронологическое искажение не позволяет заключить, что пролетело пятьсот лет, прежде чем киприоты начали копировать склепы Рас-Шамры, которые к тому времени покрылись землей и спрятались от человеческих глаз. Или следует заявить, что, несмотря на очевидное сходство характерных склепов по обе стороны залива, никакого родства нет из-за пятисотлетней разницы во времени.

Кроме формы склепа, захоронения в Рас-Шамре имеют еще одну характерную особенность — устройство, служащее для подачи напитков. Это отверстие с трубкой, через

¹ E. Gjerstad and others, *The Swedish Cyprus Expedition, 1927—1931* (Stockholm, 1934—37), I, 405.

² Shaeffer, *The Cuneiform, Texts of Ras Shamra-Ugarit* (London, 1939), p. 29.

которую жидкость поступает к умершему, чтобы поддержать его душу во время странствия в другой мир.

Очевидно, явной натяжкой было бы сказать, что население Кипра дождалось, пока промчится пятьсот лет, прежде чем начать подражать могильникам некрополя в Рас-Шамре (Минет и Бейда).

В самом деле, это объяснение полностью несостоятельно, и не только из-за обилия археологического материала, доказывающего, что влияние шло с Кипра на материк, а не каким-то другим путем, но главным образом из-за гончарных изделий, обнаруженных в могилах. После первого года раскопок в Рас-Шамре было опубликовано следующее заявление:

«Влияние, которое, как кажется, преобладает, если не в самой Рас-Шамре, то по крайней мере в прилегающем некрополе Минета и Бейды, — это влияние острова Кипр. Могилы Минета и Бейды имеют кипрские очертания и конструкцию, а вазы из раскрашенной глины, из которых большей частью состоит ритуальное убранство, почти все явно кипрского происхождения»¹.

Греческие элементы в надписях Рас-Шамры

Рас-Шамра был не просто морским городом, который торговал оружием из кипрской меди, вином, маслом и благовониями: бесчисленные кувшины и флаги обнаружены здесь сотнями. Это был также город учености: здесь находились школа для писцов и библиотека. В школе будущих писцов учили читать и писать по крайней мере на четырех языках.

Глиняные таблички были обнаружены в пыли под обрушившимися стенами здания, разрушенного человеческой рукой или разбушевавшимися природными силами. Все

¹ Charles Virolleaud, «Les Inscriptions cunéiformes de Ras Shamra», *Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie*, X (1929), 308.

они написаны клинописью, на четырех разных языках. Два из этих языков были прочтены легко: шумерский, «латинский», или «мертвый язык» школяров и аккадский, язык бизнеса и политики в вавилонском мире.

Деловые письма на аккадском языке, торговые квитанции и распоряжения были прочитаны. Были также найдены две таблички, очень похожие на таблички из эль-Амарны¹, и с их находкой связи Рас-Шамры с Египтом в конце восемнадцатой династии полностью подтвердились. Некоторые большие таблички представляют собой словари, двуязычные и даже трехязычные. На некоторых из этих табличек знак «soright»: это указание на то, что данные таблички изготовлены по приказу Никмеда, царя Угарита.

Никомед — это древнее греческое имя². Сходство между именами Никмеда (считалось исконно ионийским) и угаритского царя Никмеда столь очевидно, что после расшифровки имени царя два исследователя³, работавшие независимо друг от друга, связали его с греческим именем. Другие исследователи, однако, отрицали сходство имени царя Никмеда (который также писал свое имя как Никмес и Никмедес) с Никомедом греков, задавая вопрос, каким образом ионийское имя могло иметь распространение в четырнадцатом веке до нашей эры. Те, кто выявили идентичность, оказались неспособны защитить свою позицию от цифровых расчетов общепринятой хронологии⁴.

Угарит был приморским торговым городом; его насе-

¹ В развалинах библиотеки Рас-Шамры — Угарита.

² Полулегендарный Аристомен, который возглавлял народ Мессении в его борьбе против спартанцев в 684 и 683 г.г. до н. э., был сыном Никмеда, а по другим источникам, сыном Пирра. (F. Hrozný, «Les Ioniens à Ras-Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 177). Аристотель упоминает афинского архонта, носившего это имя, который блистал в 483 г. до н. э. Это имя также впоследствии было обнаружено у спартанцев. В третьем веке Никомед I, царь Битинии на восточном берегу Босфора, выстроил для себя новую столицу — Никомедию.

³ Hrozný and E. Dhorme. See: Hrozný, «Une Inscription de Ras-Shamra en Langue Churrite», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 129, 176.

⁴ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 33.

ление составляли различные этнические группы. В одном из найденных документов описывается изгнание царя Никмеда и всех чужеземцев из города. Среди них были люди из Алазии (Кипра), Кхара (истолковано как хурриты) и Jm'an. Это последнее название было определено дешифраторами как Jаmаnи, что хорошо известно из ассирийских документов и означает ионийцев¹. Эта интерпретация оспаривалась по той единственной причине, что в четырнадцатом веке до н.э. упоминание об ионийцах было бы невысказано. В той же самой надписи, где перечислялись имена изгнанников, появляется имя Дидим. Дешифраторы сочли, что это должно быть названием города Дидима в Ионии². Этот город был известен своим культом Аполлона Дидимейского. И имя божества Дидимея Ddmс было написано на другой табличке Рас-Шамры. Дешифраторы³, не отклоняясь ни вправо ни влево, перевели его как «Аполлон Дидимейский». Теперь из Дидима доставлены древности, относящиеся к восьмому веку до н. э.⁴

Но в пятнадцатом и четырнадцатом веках ни о каких ионийцах и о местах поклонения Аполлону Дидимейскому упоминаться не могло. Хронология не могла приурочиться к ионийскому имени Никомеда, или к названию ионийского города Дидим, или к греческому культу божества в этом городе, или к самому упоминанию об ионийцах в текстах Рас-Шамры, но все это было. И никакого объ-

¹ E. Dhorme, «Première traduction des textes phéniciens de Ras Shamra», *Revue biblique*, XL (1931), 38. Also Hrozný, «Les Ioniens à Ras-Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 176.

² Dhorme, *Revue biblique*, XL (1931); Hrozný, «Les Ioniens à Ras-Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932).

³ *Le ddmу est le gentilice d'un nom qui, sous la forme ddm, représente une divinité dans (text) 17, 6. Nous y cerrions colontiers le Didyméen. La ville serait celle de Didyma et le dieu celui de Didyme, Apollon*». Dhorme, *Revue biblique*, XL (1931); see also Hrozný, «Les Ioniens à Ras-Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 176.

⁴ Привезены из Дидима (Дидмайона) в Британский Музей К. Т. Ньютоном.

яснения не было предложено взамен отвергнутой теории об ионийской колонии из города Дидима вблизи Милета в Ионии, которая переместилась в Угарит и была изгнана оттуда вместе с царем ионийского происхождения Никмедом¹. Могли только констатировать, что нет и крупницы правдоподобия в таком прочтении текстов, относящихся к середине второго тысячелетия до н. э.

Среди табличек, обнаруженных в Рас-Шамре, имеется «каталог кораблей». Это перечисление с лексикографическими целями различных форм и назначений военных и торговых судов. Грузовые суда, пассажирские суда, гонимые лодки, рыбацкие шхуны, паромы, военные корабли и транспортные для перевозки войск — все это входит в перечень. Во второй книге «Илиады» есть подобный же знаменитый каталог кораблей. Эта часть «Илиады» рассматривалась как позднейшая интерполяция, но когда один исследователь² указал на сходство между каталогами Рас-Шамры и «Илиады», комментарий к этой части поэмы был пересмотрен и был обоснован противоположный ее смысл: «Это перечисление, как теперь признают некоторые ученые, не должно быть позднейшей интерполяцией, но имеет за собой долгую историю. Как показывают тексты Рас-Шамры, подобные каталоги в порту Угарита изготовлялись за много столетий до появления гомеровского»³.

Обычно считалось, что «Илиада» была записана в седьмом веке до н. э. Что касается времени ее возникновения, точки зрения исследователей античности широко расходятся, относя его к периоду от двенадцатого до седьмого века до н. э.

¹ «La colonie égéene d'Ugarit semble donc avoir été composée spécialement par les Ioniens originaires de Didyme près de Milet. Nkmd pourrait être considéré comme le roi des Ioniens qui s'emparèrent d'Ugarit au 13-ème siècle». Hrozný, «Les Ioniens à Ras Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932).

² T. H. Gaster, «A Phoenician naval gazette; new light on Homer's Catalogue of ships», *Quarterly Statement of the Palestine Exploration Fund*, April 1938.

³ «Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 40.

Но помещая царя Никмеда в конец пятнадцатого и начало четырнадцатого веков, можно прийти к единственному возможному выводу на основании сравнения двух «морских газет»: за сотни лет до самой ранней даты создания «Илиады» уже существовал каталог кораблей, который послужил образцом для эпического поэта.

Еврейские элементы.

Два города и две эпохи в сравнении

Третий язык клинописных табличек Рас-Шамры (первыми двумя были шумерский и аккадский) недолго оставался в тайне. Большие таблицы были, вероятно, написаны алфавитным письмом. Их клинопись не могла быть идеографическим или силлабическим письмом, так как силлабическое письмо, подобное аккадскому, использует сотни различных знаков, алфавитное письмо — только небольшое их количество. А в этом третьем письме обнаружилось только тридцать различных букв.

Пример упрощения клинописного письма был уже известен исследователям: персы в шестом веке использовали клинопись для обозначения алфавита из тридцати шести букв¹.

Блестящая идея пришла одновременно нескольким ученым² о том, что это может быть древнееврейский язык, записанный клинописью. Попытка заменить еврейскими буквами клинописные знаки оказалась успешной, и перед ученым миром появились таблицы на доступном прочтению языке. Некоторые из этих текстов были даже переизданы современными учеными на еврейском алфавите³.

Чтение было облегчено росчерками, которые делали

¹ Virolleaud, «Les Inscriptions cunéiformes», *Syria*, X (1929), 305.

² H. Bauer and E. Dhorme, independently, in 1930.

³ H. L. Ginsberg, *Kitvei Ugarit*, Jerusalem, 1936.

писцы из Рас-Шамры — Угарита после каждого слова. Кипрский шрифт шестого века также имел тот же самый характерный росчерк после каждого слова, и это сходство было подчеркнуто, но при этом утверждалось, что прежде чем повторилась эта особенность, прошло более шести веков¹. И снова шесть веков! Как и в ситуации с могильными склепами, понадобилось шесть веков выжидания, прежде чем киприоты стали подражать своим соседям, живущим всего на расстоянии шестидесяти миль.

С нетерпением, сравнимым только с жадным азартом искателей спрятанных сокровищ, ученые зажгли свои лампы и прочли тексты на древнееврейском языке. Они считали, что знают, даже еще не начав читать, что таблички эти примерно на шесть веков старше, чем самые древние из известных еврейских надписей. Открытие было ошеломляющим: за сотни лет до того как израильтяне пришли в Ханаан, ханаане не только пользовались еврейским языком², но и писали на нем алфавитным способом³. Алфавитное письмо в пятнадцатом веке до нашей эры было открытием для палеографов и историков человеческой культуры. «Поскольку эти документы датируются четырнад-

¹ «C'est un fait bien connu que les Chypriotes ont, à partir d'une époque assez basse il est vrai, le VIe siècle, écrit leur langue au moyen d'une sorte de syllabaire comprenant soixante signes, dans lesquels les mots sont séparés, comme à Ras Shamra, par un trait vertical, et dont on a précisément cherché jadis l'origine dans l'écriture accadienne. L'alphabet de Ras Shamra doit-il donc être considéré comme le prototype du syllabaire chypriote? Il peut sans doute paraître étrange qu'une écriture très simplifiée ait pu, à la longue, se compliquer à nouveau. Virolleaud, «Les Inscriptions cunéiformes», Syria, X (1929), 309.

² Это уже было очевидно из семитских слов, встречавшихся в текстах эль-Амарны.

³ Некоторые из клинописных текстов на древнееврейском, обнаруженных в Рас-Шамре, связаны с югом Палестины-Ханаана (Негебом), и по этой причине протофиникийцы и ханаане добровольно приобщались к этому языку.

цатым или пятнадцатым веком, алфавит Рас-Шамры оказывается среди первых составленных алфавитов, и в наше время он самый ранний из известных»¹. Еврейский клинописный алфавит Рас-Шамры — это не первая жалкая попытка, у него есть особенности, которые указывают на уже достаточно зрелую стадию. «Алфавит Рас-Шамры настолько усовершенствован, что он подразумевает существование еще более раннего алфавита, который еще предстоит обнаружить»².

То, что было записано аборигенами Ханаана, оказалось даже еще более неожиданным. В зеркале, соответствующем библейским упоминаниям о ханаанах, ожидали увидеть лик народа злобного и стоящего на низком уровне духовной культуры, но отразился в нем лик народа облагороженного. В Левите и в других библейских книгах ханаанам приписывались злобность и порочность: вся страна «была осквернена ими». Похоже на то, что «позиция израильских историков была пристрастной... Как бы то ни было, тексты Рас-Шамры открывают литературу высокого нравственного тона, сообразованную с порядком и справедливостью. С помощью этих документов мы теперь видим, что ранние израильтяне никак не отличались от ханаан»³.

Еврейские тексты Рас-Шамры — это большей частью поэмы, описывающие подвиги и битвы богов и приключения и войны героев. Пантеон Рас-Шамры⁴ состоял из множества богов. Одним из них был Ваал, но верховным божеством являлся Эль⁵. Земля ханаан часто называлась «полным владением Эля», и верховный характер этого

¹ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 35.

² Там же, с. 36.

³ Там же, с. 59.

⁴ Были предприняты попытки обнаружить параллели между богами из текстов Рас-Шамры и храмами и богами из теологического труда Санкониатона, раннего финикийского писателя, которого цитировал Евсевий.

⁵ R. Dussaud, *Les Découvertes de Ras Shamra (Ugarit) et l'Ancien Testament* (Paris, 1937), p. 59.

божества («никто не может изменить того, что установил Эль»), известного под тем же именем в Библии как Бог израильтян, рассматривался как «очевидное подтверждение монотеистической тенденции в ханаанской религии»¹. Однако, несмотря на то, что Эль был не единственным, но верховным божеством, он описывался в текстах Рас-Шамры в гомеровском духе, чуждом Ветхому завету: «Эль расхотался от всего сердца и щелкнул пальцами».

Кроме имени Эля, которое преобладает в поэмах, особенно в поэме о Керете, рассказывающей о подвигах в Негебе, в текстах Рас-Шамры часто встречается имя Яу(Яхве)².

Очень редкие словесные обороты и имена на табличках Рас-Шамры встречаются также в памятниках шестого века до нашей эры³.

Очень необычное выражение на одной из табличек Рас-Шамры — «Астарта, имя Ваала» появляется в эпитафии Эшмуназара, финикийского царя Сидона пятого века⁴.

Мифологические описания в поэмах Рас-Шамры часто используют те же словесные приемы, как, к примеру, так называемые мифологические образы Библии. Левиафан — это «перекрученный змей» (Книга Исаяи 27:1), у него несколько голов — Псалтырь 74:14). Лотан из поэм — тоже «быстрый скрученный змей», и у него семь голов. В

¹ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 60.

² Например, имя *yw-il*.

³ J. W. Jack, *The Ras Shamra Tablets* (Edinburgh, 1935): «Слово неопределенного значения, *mpht* (сообщество или семья), которое обнаружено на двух табличках Рас-Шамры, встречается на обелиске Иахмилка, царя Библоса (650 г. до н. э.). Как ни странно, имя Иахмилк также появляется на одной из табличек Рас-Шамры». Cf. M. Dunand, «Nouvelle inscription phénicienne archaïque». *Revue biblique*, XXXIX (1930), 321 ff. На том же обелиске есть такая фраза: «Ваал Шамим и Ваал Гевал» (Библос); слова «Ваал Шамим» часто используются в договоре между Эсаргаддоном и царем Тира (седьмой век). Там же, с. 331.

⁴ Jack, *The Ras Shamra Tablets*, p. 9.

одной из поэм встречается выражение, вложенное в уста Эля, в котором упоминается о великом подвиге, когда было разорвано пополам море Ям-Суф. Выражение «разрывать пополам», встречавшееся здесь и в Псалтыри (136:13), одно и то же (gzi). Вывод, сделанный на основе этого сходства, таков: задолго до Исхода и перехода через Красное море, ханаане из Палестины знали этот миф.¹

Язык поэм Рас-Шамры по этимологии и синтаксису «удивительно родственен»² языку, этимологии и синтаксису Библии, и характерные формы двойственного и множественного числа как женского, так и мужского рода упоминались в качестве примеров.

Метрика этих поэм, разделение на стопы из трех слов или трех слов и выравнивание темы (параллелизм) также встречаются в Библии³. «Эти правила в сущности являются нормами еврейской поэзии, и даже язык некоторых наших текстов из Рас-Шамры полностью библейский»⁴. Отсюда был сделан вывод, что и еврейский, и финикийский языки произошли от ханаанского, который можно было назвать древним еврейским диалектом⁵.

«Есть поразительное сходство в словарном составе, многие слова и даже обороты идентичны»⁶ в текстах Рас-Шамры и в Ветхом завете. Повсюду встречаются выра-

¹ Dussaud, *Les Découvertes*, p. 61: «Bien avant le récit du passage de la Mer Rouge par les Israélites, le folklore ou les mythes du sud de la Palestine connaissent une légende ou le dieu El était représenté comme ayant fait surgir, d'entre les flots, le grand isthme désertique, que sépare la Mer Rouge de la Méditerranée. Il paraît, dès lors, vraisemblable que cette légende est le prototype du récit concernant le passage de la Mer Rouge par les Israélites. ...»

² Jack, *The Ras Shamra Tablets*, p. 10.

³ Ibid.

⁴ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 58, quoting Dussaud, *Syria, revue d'art oriental et d'archéologie*, XVI (1935), 198.

⁵ Dussaud, *Les Découvertes*, p. 50; J. A. Montgomery and Z. S. Harris, *The Ras Shamra Mythological Text* (Philadelphia, 1935), p. 16.

⁶ Jack, *The Ras Shamra Tablets*, p. 10.

жения, которые знакомы нам из псалмов, как, к примеру: «Я оросил свою колесницу слезами».

«Стиль особенно напоминает поэтические книги Ветхого завета», в частности Книгу Исайи¹. «Мы видим, что финикийцы четырнадцатого века до нашей эры использовали ритм и поэтические формы, которые получили свое полное развитие в Песни Песней... Есть даже некоторые сложные определения, которые идентичны в обоих языках, такие, к примеру, как выражение Вефир, «дом единства», которое встречается на одной из табличек, а также в Притчах.² «Одним словом, «существуют бесчисленные параллели с Ветхим заветом в лексике и поэтическом стиле»³ и «глубинная связь между табличками Рас-Шамры и литературой Ветхого завета»⁴.

Религиозный культ, отраженный в поэмах и других текстах Рас-Шамры, имеет определенное сходство с культом израильтян. Существовал *Rav Cohanim*, верховный жрец; при раскопках был извлечен струг, на котором выгравировано посвящение *Rav Cohanim*. Жертвоприношения, называемые *matton tam*, известные по богослужениям в Храме Иерусалима, упоминались в текстах Рас-Шамры. В Рас-Шамре также практиковалось обрезание, если судить по каменному фаллосу, найденному в этом финикийском городе⁵.

Еврейский закон, запрещающий варить теленка в молоке его матери, был направлен против определенного обычая и кулинарного блюда. Это блюдо было любимо в Рас-Шамре, как явствует из надписей.

Из всего этого был сделан следующий вывод: «Предания, культура и религия израильтян неразрывно связаны с ранними ханаанами. Составители Ветхого завета полностью это сознавали, отсюда их настойчивое стремление порвать с подобным прошлым и скрыть

¹ Jack, *The Ras Sharma Tablets.*, p. 7.

² Dussaud, *Les Découvertes*, pp. 105—6.

³ Albright, *Archaeology and the Religion of Israel*, p. 38.

⁴ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 77.

⁵ Там же, с. 47.

свою зависимость от него».¹

Даже в мелких деталях жизнь в Рас-Шамре пятнадцатого века и жизнь в Иерусалиме шесть или семь веков спустя поразительно схожи.

Исайя, посетив тяжелобольного царя Езекию, приказал прикладывать к воспаленной ране *debelah*, лекарство, сделанное из фиг. *debelah* зарегистрировано в фармакопее медиков из Рас-Шамры, и обнаружено, что о нем упоминалось в связи с ветеринарной практикой. На этом основании был сделан такой вывод: «Пророк мог воспользоваться очень древним средством, издавна известным ветеринарным лекарям Угарита в пятнадцатом и четырнадцатом веках».²

Этот пример соответствия между медицинскими табличками Рас-Шамры и Библией не единственный: «В том же самом (ветеринарном) лечебнике мы обнаруживаем также некоторые специальные термины, точно соответствующие аналогичным выражениям в Библии, что еще более подчеркивает связь между текстами Рас-Шамры и Ветхим заветом»³. И в связи с медициной был сделан следующий вывод: «Они (в точности соответствующие специальные термины) устанавливают поразительное сходство в медицинских познаниях ханаан или протофиникийцев и евреев времен иудейских царей»⁴.

Меры веса и длины в Рас-Шамре также известны по Библии. В шумеро-вавилонской системе талант был разделен на 3600 шекелей, но в Библии (Исход 38:25—27) талант состоит только из 3000 шекелей. Было ли это ошибкой? В текстах Рас-Шамры талант разделяется на 3000 шекелей⁵.

Золотые украшения, предназначенные для девушек

¹ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, с. 59.

² Там же с. 41. М. Б. Гордон (*Annals of Medical History*, IV (1942), 406—8) подчеркивает тот факт, что в Угарите *debelah* применялся внутрь, а не наружно.

³ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, р. 41.

⁴ Там же.

⁵ «Именно в Рас-Шамре впервые встречается система весов, позже использованная израильтянами и описанная в некоторых фрагментах Исхода». Там же, с. 27.

Рас-Шамры, упоминались в текстах и были извлечены при раскопках.¹

«Ныне в текстах упомянуты три типа золотых подвесок под названиями «Астарты», «солнца» и «луны». Слово, которым обозначались подвески «солнца» — «*shapash*» «*Shapash*» отождествлено со словом «*shebis*», упомянутым в Книге Исайи 3:18.² Тот же пророк упоминал о полумесяцах или подвесках в форме луны. Таким образом, в Рас-Шамре мы обнаруживаем не только упоминания об этих подвесках в ханаанских текстах, но и об их разновидностях, которые Яхве, как сказано в цитированном фрагменте из Исайи, когда-нибудь отнимет «у высокомерных дочерей Сиона»³.

Украшения, перечисленные в проклятьях пророка, были извлечены при раскопках. «За то, что дочери Сиона надменны, и ходят подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью, и гремят цепочками на ногах, оголит Господь темя дочерей Сиона... В тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах *akhasim* и звездочки *shebisim*, и луночки *shaharonim*, серьги, и ожерелья... и запястья... и привески... перстни... верхнюю одежду и нижнюю... светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала... И будут вздыхать и плакать ворота столицы, и будет она сидеть на земле опустошенная» (Книга Исайи 3:16—25).

В час скорби и плача пепел посыпался на голову и в древнем Угарите, и в Иерусалиме, как свидетельствуют таблички и свитки Ветхого завета.

Все эти соответствия стиля и метрики, религиозных мифов и культов, древних обычаев, мер весов и длины, медицинских знаний, одеяний и украшений, отмеченные и вновь и вновь подчеркиваемые современными исследователями, могли бы с полной определенностью указывать на близкие контакты Угарита с Иерусалимом в восьмом или девятом веке, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что тексты Угарита и предметы его материальной культу-

¹ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, Plate XXXII, Fig. 1.

² Charles Virolleaud, «Un poème phénicien de Ras-Shamra», *La Deuxième Campagne de fouilles à Ras-Shamra*, pp. 209—10.

³ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 62.

ры рассматривались как современные египетскому и микенскому мирам пятнадцатого или четырнадцатого века до нашей эры.

Библеистика и документы Рас-Шамры

За последние семьдесят лет большинство кафедр современной экзегетики придерживалось определенных доктрин библеистики и проповедовало их со многих трибун. Сложились две фундаментальные концепции: (1) до эпохи царей (или до 1000 г. до н. э.) у израильтян не было письменных документов, (2) большинство фрагментов Библии имеет более позднее происхождение в сравнении с тем, какое приписывается им в самой Библии или в раввинских преданиях.

После 1930 года, когда таблички Рас-Шамры были расшифрованы, они: рассматривались как доказательство того: (1), что уже в пятнадцатом веке еврейский язык имел высокоразвитое алфавитное письмо, имеющее за собой долгий период развития, и (2) что многие библейские предания и легенды жили, а библейский стиль с его поэтическими формами и приемами экспрессии широко использовался примерно за шестьсот лет до того, как были составлены библейские книги, даже в соответствии с раввинской традицией.

Началась великая путаница¹. Ведь три поколения знаменитых ученых, на лекции которых студенты съезжались издалека, составители энциклопедий и создатели комментариев стремились уменьшить возраст Ветхого завета и даже заявлять о постевангельском появлении различных частей Ветхого завета. В основе их аргументов лежали лингвистические соображения и общая теория естественного развития религиозной мысли. Могло быть со знанием дела показано, что то или иное выражение из Псалтыри или

¹ «C'est une révolution complète de l'exégèse des temps prémosaïques». Dussaud.

Притчей не могло использоваться в эпоху Давида или Соломона в десятом веке, но явилось продуктом времени с шестого по третий век. Теперь в табличках Рас-Шамры пятнадцатого или четырнадцатого веков были обнаружены те же выражения. Вердикт о более позднем происхождении был вынесен многим фрагментам из книг пророков: полагалось, что они были составлены и интерполированы в эллинистический период, который последовал за завоеванием Палестины Александром Великим в 332 году до нашей эры, и многие фразы были сочтены аллюзиями на события войны Маккавеев против Селевкидов, происшедшей почти через шесть веков после Исаяи. Теперь те же самые идеи и те же самые выражения обнаружались в табличках Рас-Шамры, относящихся к периоду, на шесть-семь веков предшествующему самым ранним пророкам.

«С этими документами история еврейского языка и сирийской культуры отодвигается к середине второго тысячелетия до нашей эры»¹. Все доказательства позднего происхождения и все основанные на них умозаключения становятся бессмысленными и пустыми перед наглядностью глиняных табличек.²

Библистика приложила много стараний, чтобы отвергнуть многие достижения иудаизма в период, предшествовавший Исходу. Сдвинув вперед, в эпоху, следовавшую за Исходом, время формирования многих социальных, нравственных и религиозных заповедей Ветхого завета, библистика связала их происхождение с вавилонским пленением, отнеся некоторые из них к периоду Селевкидов и влиянию греческой мысли.

Новая точка зрения, ставшая господствующей после раскопок в Рас-Шамре, также рассматривает многие социальные, религиозные и культурные элементы Библии как подражания, но уже ханаанским оригиналам³; поскольку они уже существовали примерно за шестьсот лет до того, как

¹ Montgomery and Harris, *Mythological Texts*, p. 1.

² «Reuss, Graf et Wellhausen on ne peut manquer de reviser leurs conclusions, en ce qui touche la basse époque et le peu de valeur des anciennes traditions israélites». Dussaud, *Les Découvertes*, p. 115.

³ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 59.

к ним обратилась Библия, они не могли иметь еврейского происхождения. Ханаане проложили дорогу еврейским религиозным воззрениям; их поэзия отличается высоким нравственным пафосом; их язык, алфавит, стиль и ритмика были унаследованы евреями. Этика социальной справедливости и пророческий пафос были ханаанскими за сотни лет до того, как они стали израильскими¹. Эти и подобные выводы диктовались возрастом, который приписывался табличкам Рас-Шамры. Перед лицом поразительных параллелей между языком, стилем, поэтическими формами, специальными терминами, моральными идеями, религиозными воззрениями, культовыми обычаями, социальными институтами, богатством легенд и преданий, медицинскими знаниями, одеяниями и украшениями на табличках Рас-Шамры и в книгах Библии может быть сделан логический вывод о том, что таблички и библейские книги, содержащие эти параллели, имеют один и тот же возраст. Но такой вывод не приходил в голову из-за хронологических препятствий, уже нами обозначенных.

Пересмотр хронологии требует уравнивания времени Рас-Шамры (1 уровень от поверхности) с временем царей Израильских до Иосафата. Наличие параллелей в быте Палестины и современного сирийского города, где изучались языки соседних народов, должно быть признано абсолютно естественным.

Если такая реконструкция мировой истории путем коррекции пяти-шести веков ставит под сомнение привычные исторические даты, как же тогда научное сознание может преодолеть двойное уменьшение и совместить результаты плодотворной работы в области библеистики с археологическими находками в Рас-Шамре? Разрыв составляет двенадцать столетий.

¹ *On reconnaitra que si les Prophètes ont magnifiquement développé cette tendance pieuse, ils ne l'ont pas créé». Dussaud, Les Découvertes, p. 118.*

Троглодиты или карийцы?

Четвертый язык, записанный клинописью на табличках библиотеки в Рас-Шамре, называется карийским. Слова на шумерском языке сопровождались объяснениями на карийском. Похоже, что это был местный язык, язык администрации и большей части населения. Несмотря на помощь двуязычных силлабических словарей, которыми пользовались писцы Рас-Шамры, прочтение карийского языка еще не завершено. Если бы карийские слова переводились на шумерский, задача филологов упростилась бы. Но перевод и объяснение шумерских слов на карийском не давали всех необходимых ключей дешифраторам.

Еще до раскопок в Рас-Шамре частые упоминания о «Khr» уже встречались в различных археологических документах. Аккадские тексты говорят о «Khrigi», а в египетских документах часть Сирии часто называлась «Kharu».

В течение долгого времени считалось, что эти ассирийские и египетские названия относились к хоритам, или троглодитам, упоминавшимся в первых главах Библии¹.

С открытием архивов Тель-эль-Амарны в Египте было обнаружено, что одно из писем, входящих в этот архив, написано, не считая вступления, на незнакомом языке. Это письмо, написанное Тушраттой, царем Митанни, в шестидесяти строках излагает некоторые сведения, которые были раскрыты с помощью других писем, и язык был расшифрован. Сначала его называли митаннийским, а потом изменили на субареанский.

Затем в государственных архивах Богазкея в восточной Анатолии были обнаружены письма на том же самом языке, которому было дано название Khrī. Люди, которые говорили на этом языке, были названы Khr. Ученые чита-

¹ Olmstead, *History of Palestine and Syria*, p. 140: «Kharu, как название, без сомнения связано с хоритами, которых в библейские времена помнили только как народ, изгнанный идумеянами; возможна также его определенная связь с хурритами.»

ли это слово по-разному. — *Khag* и *Khur* — и в конце концов сошлись на приемлемом варианте *Khug*. Соответственно народ стал называться хуррианами или хурритами.

Несмотря на тот факт, что язык этого народа был обнаружен только как письменный, некоторые ученые предложили отождествить хурритов с библейскими хоритами или троглодитами¹.

Были найдены явные следы связей хурритов с Палестиной: на табличках Тель-Тааннека в долине Изрееля были обнаружены хурритские имена.

С каждым новым открытием становилось все более очевидно, что хурриты оказали большое влияние на цивилизацию Ближнего Востока. Было даже установлено, что с прибытием хурритов в этот район мира засияла заря новой цивилизации². В известном смысле они становятся главенствующей силой, и «история их беспредельного распространения от Армении до южной Палестины и от берегов Средиземного моря до берегов Персии составляет одну из самых поразительных глав в древней истории Ближнего Востока»³.

Язык этого народа изучался лингвистами с намерением разгадать его⁴, но историки ничего не знают об историческом прошлом этого народа. Поэтому казалось, что хурритский язык должен был быть языком без народа. Те, кто говорили на нем, не были семитами, но не были и индоиранцами⁵.

Потом алфавитное письмо *Khag* из Рас-Шамры было понято. Перевод с других языков на *Khag* доказывал, что по крайней мере часть населения пользовалась этим языком как обиходным. Кем же тогда были эти «*Khag*», которые дали свое название Сирии, свой язык — Малой Азии

¹ See E. A. Speiser, *Mesopotamian Origins* (Philadelphia, 1930), p. 133; also his *Introduction to Hurrian* (New Haven, 1941), p. 3.

² Speiser, *Mesopotamian Origins*, p. 152.

³ *Ibid.*, p. 120.

⁴ *Ibid.*, p. 131.

⁵ Сноска 5, с. 198.

и Митанни, оккупировали крепость в Палестине, были повсюду и нигде в частности, не были ни семитами, ни индоиранцами?

Становилось очевидным, что этот народ был не только искусен в письме: писцы, которые писали на Кхар, так же хорошо переводили на несколько других языков и усиленно занимались лексикографическими штудиями («несколько комнат» в библиотеке Никмеда «были заполнены только словарями и лексиконами»¹). Следовательно, представление о том, что Кхар были пещерными жителями или троглодитами (библейские хориты), по-видимому, полностью неприемлемо.

Вполне возможно, что харреане — это всего лишь творение современных лингвистов. Если мы сместим сцену на пять-шесть веков ближе к нашему времени, мы начнем угадывать, а не был ли народ Кхар из надписей карийцами, часто упоминаемыми в классической литературе. По-египетски Средиземное море называлось морем Кхар(у). Было ли это море троглодитов или море карийцев?

Карийцы жили на берегу восточного Средиземноморья и имели поселения во многих других частях света. Они оставили след в географических названиях, содержащих слоги «кар» или «карт» или «керет»². В очень древние времена — во времена полубогочестного царя Крита Миноса — они создали свой флот. Геродот говорит, что в это время они были жителями островов и служили матросами на кораблях Миноса. «Минос подчинил себе много территорий и вел победоносные войны», «и это сделало и карийцев в то время наиболее уважаемой из всех наций»³.

«Потом спустя много времени карийцы были изгнаны с островов дорийцами и ионийцами и таким образом

¹ Schaeffer, *Cuneiform Texts*, p. 37

² Юг Ханаана, называемый в Книге Иисуса Навина Negeb-Keretі был, согласно мнению различных ученых, населен в древние времена иммигрантами с Крита.

³ Herodotus (trans. A. D. Godley, 1921—24), I, 171.

пришли на материк»¹. Материк в данном случае означает крайний юго-запад Малой Азии, где находился Галикарнас, родной город Геродота.

Фукидид приписывал изгнание карийцев царю Миносу: «Минос — самый ранний из известных нам по преданию, кто приобрел флот... (Он) стал властителем Кикладских островов и первым колонизатором большинства из них, изгнав карийцев, и назначил их правителями собственных сыновей»².

Карийцы, согласно описаниям Фукидида, были рассеяны по разным островам и занимались вместе с финикийцами пиратством: «еще более увлекались пиратством островитяне. Это были карийцы и финикийцы, так как карийцы большей частью обитали на островах». Тесные контакты, существовавшие между карийцами и финикийцами, еще более подчеркиваются в названиях городов, таких как Финикс и Финикус в Карию.³

Сведения о местонахождении карийских колоний за пределами юго-востока Малой Азии по пути передвижения карийцев давно затерялись во времени. В первом веке Страбон⁴ писал: «Миграции карийцев не были тем, о чем знают все»⁵.

Кипр скорее всего был включен в общее понятие «островов», и карийцы жили там до поздних времен. Геродот

¹ Herodotus (trans. A. D. Godley, 1921—24), I, 171.

² Thucydides (trans. C. Foster Smith; London and New York, 1919), I, iv.

³ Georg Meyer, *Die Karier* (Göttingen, 1885), p. 3.

⁴ Strabo, *The Geography*, 1, 3, 21.

⁵ Были проведены тщательные исследования, в которых название Кар было прослежено во всей мировой истории с целью найти следы карийских и финикийских морских передвижений. См. *Baron d'Eckstein, Revue archéologique*, XIV (1857); XV (1858), and *Brasseur de Bourbourg, S'il existe des sources de l'histoire primitive du Mexique dans les monuments égyptiens* (Paris, 1864). Такие названия, как Каркар или Каркемиш (пишется также Каргемиш) и слово «Кар» в названиях городов, подобных Кар-Шалманезер, могут быть указаны в этой связи.

(V, III) упоминает о карийских шлемоносцах в начале персидского владычества.

Не нужно много изобретательности, чтобы прийти к выводу, что Khar из Рас-Шамры были карийцами.

Карийцы селились не только на Кипре, но также на противоположной стороне материка, и аналогичные захоронения на Кипре и в Рас-Шамре об этом свидетельствуют. Своеобразие карийских захоронений подчеркивалось ранним историком Фукидидом, который писал, что карийцы жили большей частью на островах, «как может следовать из того факта, что когда Делос был очищен афинянами в этой войне (426 г. до н. э.) и могилы всех, кто когда-либо умер на этом острове, были снесены, половина из тех, что были обнаружены, оказались карийскими, что явствует из характера оружия, погребенного вместе с умершими, и из самого устройства могилы, которое все еще распространено среди них»¹.

Современные археологи в свою очередь указывают на характерные особенности захоронений в Рас-Шамре и восточном Кипре.

Так как карийцы были обитателями северной Сирии в начале первого тысячелетия до нашей эры, есть все основания поискать упоминания о них в Библии. В восьмом веке Гофолия, дочь Ахава и невестка царя иерусалимского Иосафата, царица-мать, которая узурпировала трон, когда ее сын Охозия был убит Ииуем на дороге в Мегиддо, имела стражу, состоящую из Саги. Эта стража позже участвовала в восстании против Гофолии, когда Иодай, священник, заключил договор «с сотниками из телохранителей и скороходами» (4-я Книга Царств 11:4,19)² и вывел к ним Иоаса, мальчика, который был тайно спасен, когда Гофолия убила всю царскую семью.

Более чем вероятно, что Крети или «Kreti and Pleti» (Хелефеи и Фелефеи), стража Давида (2-я Книга царств 8:18), возглавляемая начальником Ванеем, состояла из тех же самых карийцев. В одном месте Библии (2-я Книга Царств 20:23) сказано, что Ваней был поставлен над

¹ Thucydides, I, viii.

² В переводе короля Иакова — «военачальники и стража».

Хелефеями и Фелефеями.. Филистимляне со времен древности считались Kleti-Pleti. Слово «Pleti» обычно рассматривалось как усеченная форма от «филистимляне», и без достаточного на то основания филистимляне считались тем же народом, что и Крети, откуда возникла теория, что филистимляне пришли с Крита¹. Pleti не могут быть отождествлены с Kreti и Kari, поскольку, где бы ни упоминались эти два названия, они всегда соединены союзом «и».²

Связанное с Критом происхождение Kreti — это заметно даже в названии — утверждается в тексте Септуагинты, где Kreti переводится как «кретяне». Карийцы пришли с Крита и были отождествлены с карийцами. Очевидно, что карийцы, Kari и Kreti — это одно и то же.

Карийцы, составляющие царскую стражу в Иерусалиме во времена Гофолии, использовались в том же качестве и в Египте седьмого века, после того как они прибыли туда вместе с ионийцами, принесенные штормом³. Карийцы сохраняли такое положение до завоевания Егип-

¹ Филистимляне пришли с острова Кафтор (Второзаконие 2:23; Книга Амоса 9:7; Книга Иеремии 47:4). Иеремия говорит о «филистимлянах, остатке острова Кафтора». Раз филистимляне были отождествлены с Kreti и Pleti, то Кафтор сочли Критом. Будет больше соответствия историческим фактам, если мы будем считать Кафтор Кипром. Если бы Кафтор не был Кипром, тогда бы мы не нашли в Библии ни названия, ни каких-либо упоминаний об этом острове, а это было бы странно, поскольку Кипр находился очень близко к Сирии. Острова Хитимские (Книга Иеремии 2:10; Книга Иезекииля 27:6), обычно отождествляемые с Кипром, обозначали все острова и побережья запада, Македонию и даже Италию. См. статью «Кипр» в «Еврейской энциклопедии».

² Слову «Pleti» было дано еще одно объяснение. По-арамейски Kreti — переводится как «лучники», а Pleti как «пращники» от слова *Palet* — «бросать» или «метать». Тот же самый глагол мог быть истолкован в значении «те, кто был выброшен» морем или «остатки народа, бежавшего из какого-то поселения на морé»: *iam polat* означает «море выбросило».

³ Herodotus, II, 152.

та Камбизом¹. Они также составляли стражу царей Лидии в шестом веке.

В этой связи интересно сопоставить утверждения Геродота (1,17) о том, что карийцы изобрели и производили оружие и по их следам пошли греки, с тем фактом, что «ни в одном другом месте Сирии или Палестины не было обнаружено столько оружия, как в Рас-Шамре»², и с арамейским переводом слова Kreti как «лучники».

В конце седьмого и в начале шестого века Софония (2:6) и Иезекииль (25:16) пророчили о наступлении конца приморского народа Критского.

Когда вскоре после этого Навуходоносор покорил Тир, финикийцы и карийцы бежали в Карфаген, и вслед за этим колония превратилась в метрополию.

Карийский язык

Когда таблички из Рас-Шамры предстали перед лингвистами, показалось, что ученый мир наконец ближе подошел к решению вопроса о том, что же собой представлял язык карийцев, чем Страбон, писавший об этом девятнадцать веков назад.

Гомер, перечисляя сторонников Трои, включил в их число «варварски говорящих карийцев». Аполлодор понял эти слова как намек на то, что карийцы говорили не на греческом, а на каком-то незнакомом языке.⁴ Страбон вывел из указания Гомера заключение о том, что карийцы говорили по-гречески, но произношение у них было варварским. Страбон, вероятно, имел в виду карийцев из Малой Азии, о которых Геродот писал, что с поселением здесь карийцев язык кауниан, предшествующих обитателей, «раз-

¹ Там же, II, 154.

² Dussaud, *Les Découvertes*, p. 20

³ Strabo, *The Geography*, XIV, ii, 27 ff.

⁴ Там же, со ссылками на Apollodorus, Athenian grammarian.

вился, подобно карийскому, или карийский уподобился ему»¹.

То, что обиходный язык карийцев был непонятен грекам, очевидно из истории Геродота². Он рассказывает, как один из карийцев пришел в храм послушать оракула; фиванцы застыли от изумления, услышав, что оракул говорит на языке, отличном от греческого. Незнакомец сказал, что речи оракула были карийскими, и записал их.

Карийцы пользовались и греческим языком. Геродот рассказывает нам, что египтяне учились греческому от карийцев и ионийцев, которые пришли в Египет в эпоху Псамметика в седьмом веке.

Следы карийских слов обнаруживаются у классических авторов, сохранились также некоторые карийские имена³. В Египте на различных монументах вместе с греческими автографами обнаружены и автографы не на греческом языке; они написаны греческими буквами с добавлением множества различных значков с целью приспособления к фонетике данного языка. Был сделан вывод, что это имена карийских наемников, подписи которых стоят рядом с подписями их ионийских товарищей по оружию⁴. Это было в седьмом веке. Было также обнаружено множество эпиграфий, иногда двуязычных, на карийском и египетском языках — но поскольку тексты, по-видимому, не имели точного перевода с одного языка на другой, попытки расшифровать карийский язык оставались очень робкими. Гипотеза о том, что этот язык был индогерманским, была

¹ Herodotus, I, 172.

² Там же, VIII, 135.

³ См. А. Н. Sayce. «The Karian Language and Inscriptions», *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, IX (1886), 123—54. W. Brandenstein, «Karische Sprache», Pauly-Wissowa, *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Supplement VI (1935), 140—46; F. Bork, «Die Sprache der Karer», *Archiv für Orientforschung*, VII (1931—32).

⁴ Лепсий обратил внимание на эти подписи и пришел к данному заключению.

оспорена и отвергнута¹. Не был он и семитским.

То же самое заключение — не индогерманский и не семитский — было сделано и в отношении хурритского *Khag* языка Месопотамии. В обоих случаях письмо с надписям на хурритском и карийском языках было чужеродным: в одном случае воспользовались клинописью, в другом — греческим алфавитом. Интересно, что в карийском языке были обнаружены некоторые элементы языка Митанни². Карийский язык еще не прочитан. Летом 1935 года многочисленные карийские надписи были открыты близ Милазы в Карию (Бенвинистом), но они еще не опубликованы. По причинам, объясненным ранее, мне кажется, что было бы полезным исследовать язык *Khag Ras-Shamry*, основываясь на том, что это карийский язык, но записанный другими буквами, и расшифровать карийские надписи с помощью надписей *Ras-Shamry*.

Теория, согласно которой таблички *Ras-Shamry* имеют отношение к ионийцам, еще не отвергнута. Ионийцы могли в них упоминаться, ибо это было не в четырнадцатом, а в девятом веке. Мне также кажется возможным заключить, что название, читаемое как *Угарит*³, — это карийско-ионийское имя *Евагор*. Цари с таким именем правили на Кипре, и о царствовании одного из *Евагоров* в пятом веке до нашей эры, а другого в начале четвертого века известно из греческих и латинских авторов. О войне второго *Евагора* с персами упомянуто в последней главе данной работы. Влияние Кипра на *Ras-Shamru* подчеркивалось учеными, которые вели раскопки; возникло мнение, что в ранний период это поселение на сирийском берегу

¹ Гипотеза об иранском происхождении карийского языка была выдвинута П. де Лагардом. См. P. Kretschmer, *Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache* (Göttingen, 1896), pp. 376 ff.

² «Neben dem elamoiden Kerne ist im Karischen ein starker Einschlag aus dem Mitanni deutlich zu erkennen». F. Bork, «Die Sprache der Karer», *Archiv für Orientforschung*, VII (1931), 23.

³ «Egrt.» See: Hrozný, «Les Ioniens à Ras-Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 175. Compare Virolleaud, *Syria*, *Revue d'art oriental et d'archéologie*, XII, 351 and 557.

могло быть колонией кипрских правителей. Это наблюдение подтверждает предположение о том, что один из ранних царей Кипра, потомок карийцев, которые были изгнаны на восток ионийцами, построил город на сирийском берегу напротив острова Кипр на развалинах предшествующего города и назвал его своим собственным именем — Евагор.

Имя царя Никмеда (пишется также Никмес) — это ионийско-карийское имя Никомед. Похожее имя, Никодамос, могло иметь форму, более благозвучную для семитского уха.¹

Город Дидим, откуда ионийцы пришли в Угарит, находился в Ионии, но название его карийское². Такое название могло быть на табличках девятого, но не пятнадцатого века до нашей эры.

В самом деле любопытно, что исследователь, который настаивал на том, что ионийцы упоминались в текстах Рас-Шамры, тем не менее постоянно утверждал, что Кнаг из Рас-Шамры, упоминаемые вместе с ионийцами, были хорритами (троглодитами) из Библии³. Карийцы и ионийцы не только в текстах Рас-Шамры, но и во многих текстах греческих авторов упоминались вместе. Несмотря на тот факт, что в ранний период карийцы были изгнаны с Крита и Кикладских островов греками (ионийцами), два народа смешались, и история их первого появления на еги-

¹ Никодамос из Саламиса на Кипре чеканил монету с 460 до 450 г. до н. э. (Sir George F. Hill, *Catalogue of the Greek Coins of Cyprus* (London, 1904), p. 52).

² See the article «Didyma» by Bürchner in Pauly-Wissowa, *Real-Encyclopädie*.

³ «Les inscriptions churrites de Ras Shamra démontrent une fois de plus la grande influence du peuple churrite ou horite sur la Syrie et la Palestine. Ce fait ne saurait nous surprendre, dès que nous connaissons le rôle joué par les Churrites en Syrie et en Palestine à la fin du troisième et dans la première moitié du second millénaire». Hrozný, *Archiv Orientalni*, IV (1932), 127. See also Speiser, *Mesopotamian Origins*, p. 133.

петском побережье показывает, что они стали партнерами в дальнейшей деятельности. В классической литературе карийцы обычно появляются или с ионийцами, или с финикийцами.

Если когда-нибудь в пыли Рас-Шамры будет обнаружен орфический гимн, это будет счастливый день для археологов, но вовсе не чудо.

Согласно Гомеру, карийцы участвовали в обороне Трои. У них могли быть собственные воспоминания и собственные поэмы, в которых они воспевали битвы Илиона. Известно, что на Кипре поэмы сочинялись на те же самые сюжеты, что и Илиада¹, но, за исключением двадцати пяти коротких фрагментов, от них ничего не осталось. Были ли эти поэмы первоначально написаны на карийском?

Ранние отношения между карийцами и Критом, а также между Критом и Кипром, должны быть теперь восстановлены в памяти, чтобы можно было прочесть язык Рас-Шамры. Тогда будет предпринята еще одна попытка перевести еще не прочитанные слова кипрских надписей, линейное письмо Крита и пиктографическое письмо этого же острова и таким образом приподнять завесу, скрывающую прошлое Крита и всей минойской культуры, морские странствия карийцев во втором тысячелетии и, может быть, даже историю Атлантиды.

Аменхотеп II

Сирия-Палестина в ту эпоху, о которой идет речь, была регионом, завоеванным фараонами и жаждущим независимости.

Когда долгое и успешное царствование Тутмоса III пришло к концу, Аменхотеп III (его царское имя читалось обычно как Аа-хепру-ра) принял его скипетр. Для азиатских провинций смерть Тутмоса III была сигналом для мятежа и избавления от египетского ига. Аменхотеп II

¹ Herodotus, II, 117.

отправился во главе огромной армии колесниц, всадников и пеших воинов для подавления мятежа в Сирии и Палестине. Его величество «пошел против Рутену (Палестины) в свой первый успешный поход, чтобы расширить свои границы... Его величество пришел в Шамаш-Идумею и опустошил ее... Его величество пришел в Угарит и уничтожил всех своих противников»...»¹.

На пути в Сирию Аменхотеп продемонстрировал свое умение владеть луком перед местными принцами, чтобы поразить и утратить их.

Он вернулся в Мемфис с несколькими сотнями знатных пленников и добычей, составлявшей несколько сот лошадей и колесниц или военных повозок. По возвращении в Египет он повесил некоторых узников на мачте своего корабля на Ниле головами вниз.

На девятый год царствования он повторил поход в Палестину, его целью был Афек в нижней Галилее. Он разграбил две деревни «к западу от Сохо» и, опустошив несколько других мелких поселений, вернулся в Мемфис с новыми узниками. Эти повторяющиеся налеты сделали его общим врагом царств Палестины и Сирии. Когда он вновь вернулся в Палестину, главное и, по-видимому, единственное сражение разыгралось в месте, которое называлось у-г'-s-t. Были сделаны различные попытки расшифровать это название². Однако есть одна важная деталь: по данным летописей Аменхотепа, он достиг этого места через день после того, как его армия пересекла египетскую

¹ А. М. Badawi, «Die neue historische Stele Amenophis' II, *Annales du service des antiquites de l'Égypte*, XLII (Caïro, 1943), 1—23.

² Бругш прочел это название как «Аринат» и отождествил его с Оронтом. Бристед и другие согласились с этой точкой зрения; Ф. В. фон Биссинг высказывал возражения (*Die Statistische Tafel von Karnak* (Leipzig, 1897), p. 34); Петри прочел слово как «Арсет» и считал, что это должен быть Арошет на Кишионе (*History of Egypt*, II, 115). Дж. А. Уилсон, однако, проверил чтение слова «у-г'-s-t» на фрагментах надписей Карнака.

границу¹. Таким образом, место этого сражения могло находиться только в южной Палестине.

Аменхотеп называл себя победоносным, и считалось, что этот поход тоже увенчался победой. Но так ли это было? Какой была добыча после сражения в у-г'-s-t?

«Перечень того, что его величество захватил в этот день: коней 2, колесниц 1, кольчугу, 2 лука, колчан, полный стрел, латы и...»² еще некий предмет, название которого прочесть не представляется возможным.

Но каков бы ни был этот предмет, вся добыча представляется по меньшей мере жалкой, если все, что царь Египта мог перечислить после победоносного сражения, исчислялось одной колесницей, двумя лошадьми, двумя луками и одним колчаном, «полным стрел». Это было поражение³.

После победы армия обычно продвигается в глубь вражеской территории. Но в строчках, непосредственно следующих за перечислением добычи, сказано, что, «двигаясь на юг к Египту, его величество ехал на коне»⁴. Сразу после сражения царь повернул в сторону Египта.

Когда царь возвращался из победоносного похода, имевшего целью восстановить порядок в провинциях, города, расположенные на его победном пути домой, не пользовались этим моментом для мятежа. Вассальные города восстают, видя, что их угнетатель бежит, и именно это произошло, так как военные хроники повествуют, что азиаты из одного города на пути в Египет «составили заговор, чтобы отбросить пехоту его величества»⁵.

¹ Аменхотеп II начал свой поход, согласно обелиску в Мемфисе, в «первый месяц третьего сезона в день 25». Он достиг у-г'-s-t в «первый месяц третьего сезона в день 26» (вариант Карнака) или всего на один день позже. См.: «Egyptian Historical Texts» by J. A. Wilson in *Ancient Near Eastern Texts*, p. 245 and note 8 on the same page.

² Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 785

³ В недавней публикации Сидни Смит самостоятельно пришел к тому же самому выводу, что экспедиция Аменхотепа II стала сокрушительным поражением. *Occasional Publications of the British School of Archaeology in Ankara* (London, 1949), Vol. I.

⁴ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 786.

⁵ Там же, с. 787.

В оставшийся период своего царствования, в течение нескольких десятилетий, Аменхотеп II не возвращался в Палестину, и не было упоминаний о какой-либо ежегодно поступающей оттуда дани.¹

Чтобы уточнить, закончился ли его поход поражением, его субъективная оценка этой кампании должна быть сопоставлена с библейскими сведениями.

Сын Ровоама, Авия, царь Иудеи, сумел выиграть решающее сражение против Иеровоама, царя Израиля (2-я Книга Паралипоменон 13). Это должно означать, что египетское владычество уже шло к концу.

После недолгого царствования Авии на престол вступил его сын Аса. «Во дни его покоилась земля десять лет». Он построил в Иудее укрепленные города, возвел стены и башни, ворота и запоры. «Мы взыскали Господа Бога нашего, и Он дал нам покой со всех сторон» (2-я Книга Паралипоменон 14:7). Так они стали строить и процветали.

Уничтожение изображений языческих богов само по себе было мятежом (2-я Книга Паралипоменон 14:5), ибо первое место среди них наверняка принадлежало египетским богам, так как после Сусакима (Тутмос III) страна была подчинена египетской короне. Укрепив города Иудеи и собрав воинов, Аса открыто сверг египетское правление.

2-я Книга Паралипоменон 14:8: «И было у Асы военной силы: вооруженных щитом и копьем из колена Иудина триста тысяч, и из колена Венеаминова вооруженных щитом и стрелявших из лука двести восемьдесят тысяч, людей храбрых.

Города были укреплены, и армия пребывала в полной готовности».

2-я Книга Паралипоменон 14:9—10: «И вышел на них Зарай Ефиоплянин с войском в тысячу тысяч и с тремястами колесниц, и дошел до Мареши. И выступил Аса против него; и построились к сражению на долине Цефата, у Мареши.

Аса молил Бога о помощи».

¹ То, что он потерял Сирию-Палестину, может также следовать из того факта, что его преемник, Тутмос IV, называл себя «победителем Сирии».

2-я Книга Паралипоменон 14:12—13: «И порази́л Господь Ефиоплян пред лицом Асы и пред лицом Иуды; и побежали Ефиопляне. И преследовал их Аса и народ, бывший с ним, до Герара, и пали Ефиопляне, так что у них никого не осталось в живых; потому что они поражены были пред Господом и пред воинством Его. И набрали добычи великое множество».

Зарай Ефиоплянин, который вел армию Ефиоплян и Ливиян (2-я Книга Паралипоменон 16:8) с южных и западных границ Египта (подобно армии фараона Сусакима) не мог быть никем иным, как фараоном. Путь из Эфиопии в Палестину лежит вдоль долины Нила, и эфиопская армия, чтобы достичь Палестины, должна была бы сначала покорить Египет. Более того, присутствие в армии ливийских солдат практически не оставляет сомнений в том, что этот царь был египетским фараоном.

По мнению экзегетов (Граф, Эрбт), история, изложенная в библейских хрониках, должна иметь историческую основу в египетском или арабском нашествии.

Описание битвы при Мареши или Морешеш¹ объясняет причину того, что фараон быстро повернулся спиной к Палестине и лицом к Египту и что с поля боя его армия унесла «один лук и двух лошадей», и тот факт, что население городов, скорее всего в Идумее, в южной части Палестины, восстало против его гарнизонов.

Это знак поражения, когда египетский царь подчеркивал свою личную доблесть и заслуги на поле боя, сражаясь против вражеских солдат. Это означает, что, когда все бежали, его величество сражался один. Напыщенными фразами, не рассчитанными на каких-то особых слушателей, надпись восхваляет правителя, который сражался один: «Смотрите, он был как гневноглазый лев».

Его преследовали только до Герара. Поэтому он еще

¹ В Книге Михея 1:14 это место названо Морешеш-Геф. Первый слог слова Мареши или Морешеш означает «воды». Египтяне, воспроизводя слово Морешеш, могли писать «*tu-areset*» или воды «*areset*». Аменхотеп II пересек «рукав реки» *arseth* (Petrie, *History of Egypt*, II, 15).

имел удовольствие прихватить на обратном пути в Египет нескольких правителей поселений, которых он заживо сжег в Египте; на его обелиске в Мемфисе сохранилась запись об этой расправе.

Аменхотеп II не был великим человеком, но он был могучим. Он гордился своей физической силой и хвастался, что никто не может поднять его лук. Большой лук, на котором написано его имя, был обнаружен через несколько десятков веков в его склепе.

«Не было никого среди его армии, кто мог бы нести его лук, как не было таких среди шейхов горных стран или князей Рутену (Палестины), потому что его сила настолько превосходила силу любого из существовавших царей», — гласит обелиск в Элефантине.¹

«Это его история дала Геродоту материал для легенды о том, что Камбиз был неспособен поднять лук царя Эфиопии»².

Один современный ученый увидел общую основу в этой истории, которая приобрела легендарную форму у Геродота (Книга III, 21) и форму исторического восхваления на обелиске Аменхотепа II в Элефантине, хотя Аменхотеп жил на несколько столетий раньше. В истории Геродота эфиопский царь хвастался, что согнет лук Аменхотепа II. Занимал Аменхотеп II египетский или эфиопский престол?

В жилах фиванской династии текла эфиопская кровь³. Была ли жена царя Тутмоса III чистокровной эфиопкой и родила ли она ему чернокожего сына? Или Аменхотеп II вообще не был сыном Тутмоса III? Он называл себя сыном Тутмоса, но эта информация не была безусловно точ-

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 792.

² Breasted, *A. History of Egypt* (New York, 1912), p. 326.

³ Cf. Foucart in the *Bulletin de l'Institut Egyptien*, 5 série, II (1917), 268—69. Аменхотеп I, ранний царь из восемнадцатой династии, изображался с черным лицом. сноска лат. I. Rosellini, *I Monumenti dell' Egitto e della Nubia* (Pisa, 1832—44).

ной. Он называл своей матерью Хатшепсут¹. Есть ли вероятность, что до того, как он унаследовал трон Египта, он был вице-королем в Эфиопии?² Общепринятая хронология, отождествляющая Зарая с Осорконом из ливанской династии, вступает в противоречие с библейским указанием на то, что Зарай был эфиопом.

Достоинно славы было покинуть поле битвы с такой решительной победой, когда врагом оказался не мелкий арабский князь, как считали некоторые экзегеты³, или фараон бесславной двадцать второй династии, как утверждали другие экзегеты, а Аменхотеп II, великий фараон, преемник Тутмоса III, величайшего из всех фараонов. Это была такая же сокрушительная победа, как разгром гиксосов-амаликитян Саулом, но, как мы увидим, ее воздействие на последующий период было не столь значительным. Политические результаты этой победы были использованы не в достаточной мере, но этот факт не уменьшает ее военного значения. Египет, находившийся в зените своего имперского могущества, был сокрушен Асой, царем Иудеи, и это не была победа над отдельным египетским гарнизоном или отрядом, отделившимся для сбора дани, а победа над огромной египетско-эфиопской и ливийской армией, во главе которой стоял сам император-фараон.

После разгрома египетской армии на юге Палестины

¹ Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 803. See: Gauthier, *Le Livre des rois d'Egypte*, II, 287.

² Любопытно, что в абиссинских религиозных преданиях (лат. *Nagast*) Менелик, царь Эфиопии и сын царицы Юга, гостьи Соломона, вернулся в Палестину, чтобы ограбить ее Храм; похитив с помощью хитрости священный Ковчег, он бежал в Эфиопию, преследуемый Соломоном, своим отцом, до границ Египта. Два исторических элемента смешались в этом предании. Ограбление Храма было делом Сусакима-Тутмоса III, наследника царицы Савской-Хатшепсут. Тот, кто бежал из Палестины, преследуемый царем Иерусалима, был Зарасм-Аменхотепом II, наследником Сусакима-Тутмоса III.

³ Предполагавшие, что, кроме Каш (Эфиопии) в Африке, существовал Каш и в Аравии.

вся территория Сирии-Палестины была естественно освобождена от египетского ига. Фараон до этого опустошил Угарит и угрожал всем царствам в этом районе. Вполне понятно, что царь Иудеи имел поддержку с севера, и сочувствие сирийских морских народов должно было наверняка быть на стороне Асы. Надписи Аменхотепа II свидетельствуют о его стремлении владеть, вдобавок к землям Нила, землями Иордана, Оронта и Евфрата, которые восстали после смерти Тутмоса III. Великая победа при Мареши стала сигналом свободы для всех этих народов; отзвуки этой битвы должны были быть слышны во многих странах в течение многих поколений. Но всего еще один раз в книге хроник будет отдана дань этой победе в словах пророка Анания: «Не были ли Ефиопляне и Ливияне с силой большею и с колесницами и всадниками весьма многочисленными?» (2-я Книга Паралипоменон 16:8). Было также сказано, что северные племена перешли на сторону Иудеи, потому что к этой стране относились с высоким почтением после того, как она успешно разбила фараона и его армию (2-я Книга Паралипоменон 15:9). Не сохранилось ли еще каких-нибудь сведений о победе Асы над Аменхотепом II? Такой великий триумф должен был отозваться громким эхом.

И это эхо прозвучало. Победа над войском Аменхотепа II была воспета в одной финикийской поэме.

Поэма Керета

Среди эпических памятников, открытых при раскопках в Рас-Шамре, один содержит некоторые исторические факты. Поэма Керета — археологи назвали ее так по имени ее героя — имеет историческую основу. Она была впервые переведена и прокомментирована Шарлем Виролло¹. Позже этому тексту придавались разные смысловые значения. Виролло прочел в этом тексте об опасности, угрожающей стране Керета, царя Сидона. Втор-

¹ Charles Virolleaud, *La Légende de Keret, roi des Sidoniens* (Paris, 1936).

жение армии Фарры в Негеб (юг Палестины) усилило страхи Керета; он проливал слезы, запершись в своей комнате. Из этой великой печали его вывел голос, услышанный им во сне, и он отправился навстречу опасности и присоединился к армии, занявшей оборону.

Имена Асира и Завулونا, как названия двух племен, появляются, по мнению Виролло, в этой поэме. Из поэмы неясно, было ли племя Завулونا враждебным или дружественным.

Асир постоянно упоминался в рефрене, и поэма живо передает переживания вооруженных представителей племени, спешащих присоединиться к главной армии, противостоящей Фарре.

«Асир, два и два ушли, Асир, три и три ушли, дома закрыли, вместе зашагали».

Добровольцы присоединялись к тысячам азиатов.

«Люди Азии шли тысячами, и мириадами, как поток».

Они шли навстречу армии Фарры. А Фарра пришел в Негеб с огромным войском: «великая сила в триста раз по десять тысяч», что должно означать, если только правилен перевод, три миллиона человек. После этого в поэме рассказывается, что огромная армия завоевателей, будучи разгромлена, полностью отступила.

Кто такой был Фарра? — вопрошал Виролло. В Книге Бытия отца Авраама звали Фарра. Была выдвинута соответствующая теория¹ о том, что миграции и войны библейских патриархов были описаны в финикийской поэме о Керете, и эта теория нашла последователей во Франции. Сочли, что она является блестящим дополнением к легендам о жизни и странствиях патриархов в Негебе — южной Палестине — заключенным в Книге Бытия.

Патриарх Авраам пришел в Негеб; туда же пришел и Фарра из поэмы. В Библии сказано, что Фарра, отец Авраама, перешел из Ура Халдейского по нижнему течению Евфрата в Харран на северо-запад и закончил там свои дни (Бытие 11:32). С помощью поэмы было внесено уточ-

¹ *Comme nous l'avons indiqué déjà (Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie, XIV, 149), ce nom de Trh est évidemment la même que celui du père d'Abraham». Ibid., p. 25.*

нение, и все согласились с тем, что Фарра не умер в Харране, но подготовил завоевание Ханаана с юга и таким образом частично осуществил его и что Авраам капитулировал, когда столкнулся с трудностями и оставил Ханаан, чтобы искать убежища в Египте¹. Авраам и два его брата, сыновья библейского Фарры, в поэме не упомянуты, и было заявлено, что это связано с ведущей ролью, которую играл Фарра и назначительной ролью Авраама, ставшего безымянным среди обилия потомков Фарры. И если данный сюжет существенно отличается от библейской легенды, то комбинация — Негеб как место действия и Фарра как завоеватель — составляет, по-видимому, убедительную параллель другой комбинации — Негеб как место действия и Авраам, сын Фарры, как завоеватель. В соответствии с этим Виролло сделал вывод, что потомки Фарры завоевали юг Ханаана, встретив сопротивление части населения, хотя в Библии ничего не сказано о войне Авраама с ханаанами, а подчеркивается, наоборот, его мирная жизнь в Ханаане.

Необъясненным противоречием является огромное количество солдат в войске Фарры: триста раз по десять тысяч — это очень отличается от количества домочадцев Авраама, включая слуг. Появление имен Асир и Завулونا также составляет проблему. Асир и Завулон были сынами израильскими из Библии; эти племена были потомками Авраама, сына Фарры. Как мог биться Фарра с детьми Асира и Завулона, своих дальних потомков?

Чтобы объяснить такую ситуацию, было сказано, что первоначально названия Асир и Завулон были даны провинциям, населенным ханаанами. Позже эти районы были завоеваны израильскими племенами, которые не дали им названий, но приобрели свои названия от этих провинций².

Был представлен еще один перевод и комментарий

¹ «*Pour les Hébreux, Terah n'avait fait que préparer la conquête ou l'occupation de Canaan, et son fils Abram n'avait fait lui-même qu'ébaucher l'entreprise, puisque, devant les difficultés, il avait dû abandonner la partie et s'était réfugié en Egypte*». Ibid., p. 32.

² «*Il ne s'agit pas ici de deux des douze tribes (Asher et Zebulun), mais de deux de ces cantons canaanéens, dont les douze tribes prendront, un jour, le nom*». Ibid., p. 18.

поэмы о Керете. В нем Фарра, Асир и Завулон отвергаются как собственные имена и для них находятя значения: жених (фарра), после, за (асир), больной (завулон)¹. Также отвергается центральный военный сюжет поэмы, который рассматривается как любовная история. Таким образом исключаются названия племен, которые невозможны во времена Угарита. Были предложены и многие другие изменения и уточнения.

Нам, однако, кажется, что перевод Виролло был недалек от истины. Фарра из поэмы действительно не был отцом патриарха, но названия племен и военный сюжет, скорее всего, согласуются с историей.

В сущности, нет сомнений в том, что Аменхотеп II угрожал Угариту и всему финикийскому побережью в тот период, который нас интересует.

Будучи свободны от ограничений, которые накладывает неверная оценка возраста табличек Рас-Шамры, мы ставим вопрос так: известно ли нам из Библии о каком-то неудавшемся вторжении в южную Палестину огромного войска?

Такое вторжение произошло во времена Асы, царя Иудеи, и его возглавил Зарай Ефиоплянин. Во второй книге Паралипоменон армия, вторгшаяся под предводительством Зарая, называлась огромной, в «тысячу тысяч», или миллион.

2-я Книга Паралипоменон 14:9: «И вышел на них Зарай Ефиоплянин с войском в тысячу тысяч...».

Мы уже установили, что Зарай Ефиоплянин — это Аменхотеп II, и сравнили библейские и египетские источники.

Мы сравним немногие факты из финикийской поэмы, из надписей Аменхотепа II и из Библии. Если мы вновь обнаружим параллели, то, очевидно, подтвердим, что Зарай — это Аменхотеп II.

В финикийской поэме армия Фарры описана следующими словами:

¹ Н. L. Ginsberg, in *Ancient Near Eastern Texts*, ed. Pritchard, pp. 142 ff. Вместо «Асир два и два ушли» он перевел: «После двоих идут двое».

«Огромное войско в триста раз по 10000 с медными саблями и бронзовыми кинжалами».

Было отмечено, что в поэме медные ятаганы называются египетским словом *heres*¹, а бронзовые кинжалы — египетским словом *спл*.

В захоронении Аменкена² царь Аменхотеп II изображен в момент, когда он осматривает дары, предназначенные для его военачальников; это мечи, описанные словами: «360 бронзовых, *hps*» (*heres*), и рядом с этими мечами изображены сто сорок кинжалов. Поскольку оружию в финикийской поэме даны египетские названия, вывод о его египетском происхождении очевиден. Виды оружия обозначены в финикийской поэме словами, которые употреблены на египетском монументе, изображающем фараона Аменхотепа II с оружием для его армии. Соответственно войско Фарры было вооружено оружием, идентичным тому, которым вооружал своих солдат Аменхотеп. Образцы сабель были обнаружены в Газере, в южной Палестине³

Сохранившиеся фрагменты поэмы описывают армии, рвущиеся в битву. Мы видим, как Керет шествует по полям, где находит оружие, брошенное убегающими солдатами вражеской армии. Он приходит к ручью, окрашенному кровью⁴. Он идет к городу — Идумею с намерением принять участие в дележе добычи.

Согласно Библии, после битвы у Мареши еврейские победители разграбили города юга: «И преследовал их Аса и народ, бывший с ним, до Герара... И разрушили все города вокруг Герара... и разграбили все города, и вынесли из них весьма много добычи» (2-я Книга Паралипоменон 14:13—14).

¹ Jack, *The Ras Shamra Tablets*, p. 38. «Три миллиона с медными саблями или ятаганами (для чего используется египетское слово «*heres*») и бронзовыми кинжалами». Джеку также принадлежит перевод этих двух строчек из поэмы.

² Breasted, *Records*, Vol. II, Sec. 802.

³ См.: A. Lods, *Israel* (London, 1932), p. 64.

⁴ *Mqr mmlat dm*. Гинзберг относит *dm* к следующему предложению и придает им значение «Смотри!».

В поэме этот поход на юг для разграбления городов после победы описан следующими словами, обращенными поэтом к Керету:

Иди день и два дня,
И третий, и четвертый,
И пятый, и шестой,
И на седьмой день ты встретишь сапазитов,
И ты придешь в Едом Раббим
И в Едом Серирот.

Поэма выдержана в ритме поступи шагающего героя и его войска.

И тогда он встретил сапазитов,
И пошел в Едом Раббот,
И в Едом Серирот.
Царь Едома молит Керета:
Не сражайся с Едомом Раббот
И с Едомом Серирот,
Уходи, царь Сидонский,
О Керет, от ворот моего храма!¹

Тогда Керет вместо дани попросил у него его дочь: она была «прекрасна, как Астарта».

Нам интересно знать, привез ли Керет дочь царя из города в Едоме в Сидон в качестве своей супруги, и обнаруженный позже фрагмент поэмы сообщает нам, что он это сделал. Но нам еще более не терпится узнать, кем были «сапазиты» перед стенами Едома и что означает название Серирот и находимся ли мы на правильном пути.

Что означает «люди из Сапаса»? Неполный ответ под рукой: «Сапас — это солнце, и сапазиты получили свое название от него; Сапас в Ханаане был аналогичен Шапаш (солнце) у ассирийцев и вавилонцев»². Люди, которые постоянно назывались противниками Керета у стен городов Едома, были людьми Сапаса, или Шапаш.

Города Идумеи(Едома) были обречены на разграбление, согласно этой поэме и 2-й Книге Паралипоменон, в которой также утверждалось, что эта участь предназначалась им за то, что они поддержали Зарая и его эфиопское и ливийское войско. Поэтому нам интересно знать, от-

¹ Переведено из Virolleaud, *La Légende de Keret*.

² Там же, с. 14.

куда Аменхотеп II начал свою кампанию против Палестины.

Летопись Аменхотепа II о военном походе в Палестину-Сирию начинается так:

«Его величество был в городе Шапаш в Едоме. Его величество дал здесь пример доблести».

Город Шапаш-Едом порой упоминался в сохранившихся египетских документах, в особенности в регистрах Тутмоса III и в монументальной надписи Аменхотепа II. Является ли совпадением то, что в финикийской поэме о нашествии Фарры и его полчищ названием города является Едом, а люди называются Сапас или Шапаш? Мы установили, что Фарра из поэмы — это Зарай из Библии. Мы установили, что Зарай из Библии — это Аменхотеп II. Теперь мы находим тот же самый город с тем же самым народом как военную базу Фарры из поэмы и Аменхотепа II из иероглифических хроник.

По поводу слова «Сарира» или «Серирот» (во множ. числе) в поэме о Керете мы находим объяснение в Септуагинте — греческом переводе Библии. Дополнение к третьей книге Царств 12:24 содержит некоторые детали, касающиеся Иеровоама. Его мать, названная Церуа в 3-й Книге Царств 11:26, названа здесь Сарирой. Когда он был назначен Соломоном править северной частью царства, он выстроил город на горе Ефремовой и назвал его Сарирой. Когда после смерти Соломона Иеровоам вернулся из своей ссылки в Египте, «он пришел в землю Сариры». Здесь собралось племя Ефремово и, согласно Септуагинте, Иеровоам укрепил Сариру.

Сарирой называлась крепость, выстроенная первоначально в 920 году до н. э., и, возможно, каждая крепость, выстроенная по плану этой крепости Иеровоама, которую он назвал именем своей матери. Во времена Керета, спустя одно поколение, употреблялось название Едом-Серирот (множ. число от Сарира). За тысячу лет до Иеровоама название Серирот — явный анахронизм.

Какова была роль Керета в союзной армии? Во 2-й Книге Царств 8:18 записано, что Крети и Плети (Хелефеи и Фелефеи) составляли стражу Давида. Это были наемники на службе иерусалимского царя. Примерно шестьдесят лет спустя в тяжелую годину Аса призвал на помощь сидонян. Им самим грозило нашествие с юга, как это живо

описано в первой сцене поэмы Керета.

Поражение армии, вторгшейся под предводительством Фарры, оружие, разбросанное по полям, колодцы, окрашенные кровью, и города Едома, трепещущие перед победоносными воинами, — живые картины, из которых, составлена библейская история победы над Зараем, над идумейскими городами, поддерживающими его.

Анализ исторической основы поэмы Керета показывает, что перевод Виролло был отвергнут без достаточных на то оснований. Это описание войны и разгрома. Упоминание о племенах Асира и Завулона в этой связи вполне естественно и не нуждается в филологических теориях, отыскивающих другие значения этих имен. Эти два племени из колен израилевых были ближайшими соседями Сидона. Вместе с сидонейнами они оставили свои дома и поспешили в Мареши, чтобы принять участие в битве или воспользоваться плодами победы Асы. Намек на этот союз северных племен содержится во Второй Книге Паралипоменон (15:9) вслед за описанием победы Асы: «ибо многие от Израиля перешли к нему (к Асе), когда увидели, что Господь, Бог его, с ним».

Сравнивая сведения из 2-й Книги Паралипоменон и летописи Аменхотепа II, который следовал за Тутмосом III, мы обнаружили, что, согласно обоим источникам, какая-то огромная армия пришла с границ Египта и вторглась в Палестину; что она достигла пункта Морешет-Гат или, по-египетски, Му-Арсет, который находился на расстоянии одного-двух дней пути от границы (*nakhal mizraim*); и что она была отброшена назад защитниками этой земли. На этом владычество Египта над Палестиной завершилось и было восстановлено только при преемнике Аменхотепа II.

Сравнивая летописи Аменхотепа II с поэмой о Керете, мы обнаруживаем в обоих источниках, что финикийское побережье было в опасности (Аменхотеп II особо упоминает об Угарите); что захватчики были вооружены *heres*, или медными саблями; и что Шапаш-Едом играл важную роль в этой кампании, будучи захвачен сначала Аменхотепом II, затем Керетом и его союзниками, которые нанесли поражение захватчикам.

Сравнивая теперь Книгу Паралипоменон и поэму о

Керете, мы обнаруживаем, что, согласно библейскому тексту, армия, вторгшаяся в Негеб, состояла из трехсот колесниц и «тысячи тысяч» воинов и что обороняющаяся армия насчитывала триста тысяч иудеев. Как явствует из поэмы, армия захватчиков насчитывала триста раз по десять тысяч человек. Во главе этой армии стоял Зарай или (в переводе Виролло) Фарра. Города Негеба были разграблены: упоминался Едом-Сериот, и его название получает объяснение в Септуагинте. Северные племена Израиля соединились с армией на юге, чтобы грабить города Негеба.

Мы не стали бы извлекать аргументы для предпринятой здесь реконструкции истории и строить наши выводы на интерпретации поэмы о Керете, предложенной Виролло, поскольку этот перевод остается предметом споров. Но, с другой стороны, мы можем предложить частичное оправдание Виролло за счет исторических фактов, открывшихся в процессе нашей реконструкции.

Примерно через двадцать лет после поражения при Мареши Тутмос IV, преемник Аменхотепа II, восстановил египетское владычество над Сирией и Палестиной. Сведений об этой военной кампании не сохранилось, но он носил титул «покорителя Сирии»¹. Тутмос IV встретил очень слабое сопротивление, если оно вообще было. Наступление ассирийцев с севера сделало для сирийцев более предпочтительным покориться Египту.²

¹ Тутмос II дважды назван «покорителем Сирии» на обелиске Лувра с.202. P. Pierret, *Recueil d'inscriptions inédites du Musée Egyptien du Louvre*, II partie (Paris, 1878), p.35. Cf. *Journal of Egyptian Archaeology*, XXVII (1941), 18.

² Как было показано в предшествующей главе, Сусахим — это библейское имя Тутмоса. Поскольку таблички Рас-Шамры принадлежат периоду Аменхотепов и Тутмосов, мы могли ожидать найти в них, помимо библейского имени Зарая, и имя Сусахима. Оно действительно оказалось в числе первых дешифрованных слов, и это вызвало определенное удивление. «*Le mot Swsk semble, un nom propre, à rapprocher peut-être de l'égyptien Sosenq, hebreu Sosaq, et Sisaq*». Dhorme, *Revue biblique*, XL (1931), 55.

Конец Угарита

При раскопках в Рас-Шамре было обнаружено, что город был разрушен насильственно и не восстанавливался. Здания были снесены, библиотека сожжена, а стены ее рухнули на таблички и разбили многие из них. Последний царь, который упоминается в документах, уцелевших после пожара, — это Никмед. Обнаружено также воззвание, в котором объявляется, что город захвачен, а Никмед и все чужеземцы изгнаны.

На уровне сооружений, разрушенных пожаром, была найдена печать Аменхотепа III, а также два письма того же типа, что и коллекция эль-Амарны. Судя по этим находкам, Угарит пережил свой конец на закате царствования Аменхотепа III или в начале царствования Эхнатона, во время, известное как период эль-Амарны.

Переводчик не осмелился сделать верный вывод, ибо что в сущности делал этот фараон девятого или десятого века в середине второго тысячелетия до нашей эры?

В письме, написанном Абимилки, царем Тира, и обнаруженном в государственных архивах Акет-Атона (эль-Амарны), этот вассальный царь информировал фараона о том, что произошло с Угаритом:

«И огонь поглотил Угарит, город этого царя; одна половина его уничтожена, а другой нет. И людей из армии Хети там нет»¹.

Половина Угарита была сожжена, а другую половину стерли с лица земли, и захватчики, солдаты Хети, ушли после того, как завершили разрушение.

Упоминание о разрушении Угарита и современное свидетельство о его насильственном уничтожении убедили исследователей Рас-Шамры в том, что город прекратил свое существование в то самое время, к которому относилось письмо Абимилки.

В письмах эль-Амарны город Угарит назывался, о его разрушении сообщалось, но имя царя Угарита не указано. Оно могло быть установлено только косвенным путем. Известно, что Никмед жил в период эль-Амарны². Его

¹ El-Amarna Tablets, Letter 151.

² Virolleaud, «Suppiluliuma et Niqmad d'Ugarit. *Revue hittite et asiatique*, V (1940), 173f.; see: Albright, *Archaeology and the Religion of Israel*, p. 38.

имя на самых поздних табличках из библиотеки Рас-Шамры и две таблички того же типа, что и в эль-Амарне, доказывают, что пожар и разрушение, описанные царем Тира и обнаруженные при раскопках, произошли в период царствования Никмеда, в период эль-Амарны¹.

Воззвание, обнаруженное в Рас-Шамре, прямо относится к потрясению, пережитому городом. Несколько царей-захватчиков постановили, что «иаманы (ионийцы), люди Дидима, карийцы, киприоты, все чужеземцы вместе с царем Никмедом» должны быть изгнаны из Угарита, «все те, кто грабил вас, все те, кто угнетал вас, все те, кто уничтожал вас»². Получается, что это воззвание было адресовано финикийской части городского населения; оно было написано на древнееврейском клинописью.

Начало этого воззвания отсутствует, и об этом можно сожалеть³, потому что оно могло открыть нам имя царя, который изгнал Никмеда. Кем был царь, победивший Угарит, сжегший его, изгнавший его население и вынудивший царя Никмеда бежать? Мы назовем его в главе VIII.

Был ли Никмед, город которого сожгли, а флот рассеяли, в числе первых беженцев в Африку, где к середине девятого века финикийские изгнанники основали Карфаген или новый Керет⁴, современный Тунис? Или он направил свои паруса в Эладу, с которой Угарит торговал микенскими товарами? Угарит был также рынком для ионийцев, которые имели здесь собственную колонию. Они бежали вместе с Никмедом.

Я думаю, что Никмед не затерялся в истории этого столетия, столь богатого событиями. Я намерен разыскать место, в котором он укрылся, позже.

¹ См.: Schaeffer, *Les Fouilles de Minet-el-Beida et de Ras Shamra, La Neuvieme Campagne (Syria, XIX [1938], 196)*, где освещается эпоха, когда был разрушен Угарит.

² Hrozný, «*Les Ioniens à Ras-Shamra*», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 171; Dhorme, *Revue biblique*, XL (1931), 37—39.

³ «Il est regrettable que le commencement de l'inscription n'ait pas été conservé; on peut supposer que les premières lignes de l'inscription contenaient des détails sur l'acteur principal des événements dépeints». Hrozný. «*Les Ioniens à Ras-Shamra*», *Archiv Orientalni*, IV (1932), 176.

⁴ Керет, город, и Керет, имя собственное, имели разное произношение.

Запоздалое эхо

Три главных вывода этой главы состоят в следующем: (1) временная шкала Крита (миноийский период) и ранней Греции (микенский период) расположена в том временном промежутке, которому не соответствуют египетские даты с учетом уточненной хронологии; (2) библеистика, приписывающая происхождение многих библейских текстов поздним столетиям и иностранному влиянию, так же ошибается на этот счет, как и ее оппоненты, устанавливающие заимствование многих библейских текстов и положений от ханаан четырнадцатого века до н. э.; (3) хурритский язык — это язык карийский, не существовало хурритской нации.

Мы узнали также, что Аменхотеп II — это библейский Зарай и что он потерял власть над Палестиной и Сирией в битве при Марешши, что поэма о Керете относится к разгрому Угарита Аменхотепом II и что Угарит лежал в развалинах в девятом веке до н.э.

Исследователи, проводившие раскопки, оказались вынужденными извлекать множество упоминаний о все более ранних достижениях культуры. Погребальные комнаты Угарита повлияли на архитектуру погребальных комнат Кипра, но произошло это не ранее чем через пятьсот лет. Каталог кораблей Угарита вновь ожил в эпических творениях Гомера, но с промежутком в несколько столетий. Украшения, идентичные украшениям Угарита, носились девушками Иерусалима шесть или семь веков спустя после разрушения Угарита. Поэтический стиль и размер, юридические акты и религиозные обряды, даже система мер и весов вновь возрождались через приблизительно равные периоды времени. Разделяющие черточки между написанными словами были введены в письменность Кипра примерно через семь веков после того, как письменность Рас-Шамры с теми же характерными особенностями была предана забвению. На востоке Малой Азии, где жил Гомер, в Иеру-

салиме эпохи Пророков, на Кипре эхо культуры, языка, искусства Угарита отозвалось только после продолжительного периода молчания.

Это запоздалое эхо так и не было услышано в Египте. И разве могло быть иначе? Ведь хронология Угарита — Рас-Шамры была составлена синхронно хронологии Египта.

ГЛАВА VI

ПИСЬМА ЭЛЬ-АМАРНЫ

Письма Эль-Амарны и когда они были написаны

Несколько маленьких поселений были раскопаны в долине Нила, где некогда стоял Акет-Атон — «место, где поднимается Атон». Это место носит название, сочиненное современными археологами, — Тель-эль-Амарна. Развалины храмов, дворцов, захоронений, частных строений и мастерских ремесленников были очищены от песка пустыни, под которым они были похоронены в течение тысяч лет.

В 1887 году были раскопаны государственные архивы Тель-эль-Амарны. Крестьянка, копавшая в своем огороде, вывернула из земли несколько глиняных табличек с клинописными знаками; разнесся слух, что она продала свою находку за два шиллинга. Образцы, посланные в музей Лувра, были объявлены подделкой, но вскоре научный мир открыл их истинную ценность.

В течение последующих лет многие археологи начали охоту за глиняными табличками для общественных и личных коллекций. Тем временем таблички откапывались не сведущими людьми и торговцами антиквариатом. Многие из них были повреждены, некоторые разбиты на куски из-за непрофессиональных действий, в процессе транспортировки. Их даже, как говорили, делили между собой подпольные «археологи».

К настоящему времени найдено свыше трехсот шестидесяти табличек. За исключением нескольких, обнаруженных в Палестине и в Сирии и, очевидно, принадлежащих к той же самой коллекции, все они, как считается, обнаружены в одном месте или вблизи него, и это место признано государственным архивом Акет-Атона. Только несколько табличек содержат фрагменты эпических поэм; все остальные представляют собой письма, которыми об-

менивались два следующих друг за другом египетских фараона и их корреспонденты — свободные цари на различных территориях Среднего Востока и Кипра и вассальные цари, принцы или наместники Сирии и Палестины.

Цари на севере не были подчинены царям Египта, и они писали «моему брату», а подписывались «твой брат». Но цари Ханаана и Сирии находились под скипетром нильской династии и писали «моему царю, моему господину», а подписывались «твой слуга». Есть также письма, адресованные некоторым сановникам египетского двора. Письма, написанные фараонами или от их имени, очевидно, копировались и складывались в архив, чтобы сохранить информацию. Язык этих табличек, за немногими исключениями, ассиро-вавилонский (аккадский) с включением многих слов на сирийском диалекте, похожем на еврейский язык¹.

Город Ахетатон был построен фараоном-раскольников Аменхотепом IV, который упразднил культ Амона из Фив и ввел культ Атона, понимаемого как солнечный диск, и изменил свое имя на Эхнатон. Но вскоре после окончания его царствования столица Ахетатон была покинута, его религия заклеяна как ересь, а его изображения разбиты. Его зять, молодой фараон Тутанхамон недолго правил в старой столице — Фивах. Потом династия угасла. Ахетатон имел короткую историю (всего около двадцати пяти лет), прежде чем был покинут его обитателями.

Время написания писем может быть установлено с определенной точностью. Они были адресованы Ниммурии Ni-ib-tu'-wa-gi-ia, Ni-im-tu-gi-ia, Im-tu-gi-ia, кото-

¹ Переводы на немецкий сделаны Гуго Винклером и И. А. Кнудцоном. Работа последнего, скандинавского ученого, является классической для изучения табличек эль-Амарны. Перевод на английский язык сделан С. А. Б. Мерсером (1939). Двенадцать писем, обнаруженных после Кнудсона, включены в английское издание Мерсера. Письма в изданиях Кнудсона и Мерсера пронумерованы одинаково. В этой главе цитаты из писем взяты из английского перевода Мерсера (*The Tell el-Amarna Tablets* (Toronto, 1939)). Однако перевод был сверен с версией Кнудсона.

рый был Аменхотепом III, и Нафурии Na-ar-hu-gu-gi-ia, Nat-hug-ia, который был Аменхотепом IV (Эхнатон). Письма, посланные Аменхотепу III, были, скорее всего, привезены в Ахетатон из архивов Фив.

Длинные ряды полок заполнены книгами и исследованиями, посвященными этим письмам, которые до недавнего времени оставались самыми древними из сохранившихся образцов государственной переписки. Считалось, что историческая наука располагает свидетельствами о периоде, предшествующем приходу израильтян в Ханаан. Одним из главных объектов исследования была идентификация географических названий и народов, упомянутых в письмах. В табличках, написанных вассальным царем Иерусалима (Урусалима) фараону, постоянно обращалось внимание на «habigu», которые угрожали земле с восточной стороны Иордана. В письмах, посланных из других мест, упоминаний о «habigu» нет, но постоянно говорится о вторжении *sa-gaz-mesh* (*sa-gaz* также читается идеографически как *habatu* и переводится «головорезы», «грабители»). С помощью различных писем было установлено, что *habigu* и *sa-gaz* — это одно и то же. В письмах из Сирии о приближении царя Хети к склонам гор Ливана упоминалось с ужасом.

Создается впечатление, что эти вторжения — кабиру с востока и царя Хети с севера — угрожали египетскому владычеству в Сирии, владычеству, которое, как известно, в действительности закончилось вскоре после царствования Эхнатона. В своих письмах вассалы непрерывно просят о помощи против захватчиков, а часто и против друг друга. Фараон Эхнатон, «первый монотеист в мировой истории»¹, не заботился о своей империи; он был поглощен своей мечтой о «религии любви». Помощь не посылалась или была очень незначительной. Гоподство фараонов над Сирией и Ханааном было сокрушено, и контроль Египта над азиатскими провинциями-данниками прекратился.

Имя «царь Хети» обычно понимается как «царь хет-

¹ Breasted, Weigall, Freud.

тов». В более поздний период — в период Сети I и Рамзеса II из девятнадцатой династии — шли большие войны между царями Хети и фараонами. В главе, где рассматривается тот период, история «забытой империи хеттов» будет освещена специально. «Царь Хети» периода эль-Амарны должен был быть одним из царей этой «забытой империи».

Слово «хабиру», упоминаемое в письмах царя Иерусалима, стало важным ориентиром и привело к следующему выводу: эти захватчики могли быть евреями времен Иисуса Навина, приблизившимися к границам Ханаана. Хабиру тоже пришли из пустыни и приблизились к этой земле с другой стороны Иордана. Входя в обетованную землю во времена Аменхотепа III и Эхнатона, они, видимо, должны были покинуть Египет где-то во времена Тутмоса III или Аменхотепа II.

Все это не кажется достаточно обоснованным, поскольку эти монархи были завоевателями и деспотами слишком сильными, чтобы позволить израильтянам сбросить иго рабства. Другие ученые отказались от мнения, что хабиру — это евреи, поскольку считалось, что евреи должны были все еще оставаться в Египте во времена Эхнатона и единственная возможность покинуть его могла у них возникнуть в период анархии, когда некогда могущественная династия угасала, или в период междуцарствия, последовавшего за упадком этой династии: это могли быть единственные подходящие моменты для восстания рабов и их ухода. В соответствии с этой точкой зрения, хабиру пришли с волной кочевников из пустыни, горя желанием обосноваться в Ханаане; за этой должны были последовать другие волны, и в одну из них влились израильтяне при Иисусе Навине. Во вступительной главе к этой книге я остановился на различных теориях относительно времени Исхода. Там пояснялось, что значительная группа ученых не может согласиться даже на том, что Исход произошел в конце восемнадцатой династии, но избрала Рамзеса II из девятнадцатой династии как фараона периода Исхода, считая Исход малозначительным событием в истории Египта;

порой Рамзес считается фараоном-угнетателем, а его сын Минепта — фараоном Исхода.

Поскольку таблички эль-Амарны, по мнению этих ученых, предшествуют Исходу, хабиру, вероятно, не могли оказаться израильтянами. Искалась другая линия, которая могла бы связать библейское повествование с фактами, содержащимися в этих письмах. В одном египетском придворном с семитским именем и, очевидно, семитским происхождением, Дуду¹, была обнаружена параллель с Иосифом. Память его увековечена не только несколькими письмами из эль-Амарны, к нему адресованными, но и богатым захоронением в Ахетатоне. Фараон Эхнатон, желая сделать специальный дар своим фаворитам, подарил каждому гробницу, построенную при жизни одаряемого и украшенную сценами из жизни фараона и его семьи. Владелец могилы — но обычно не его семья — изображался в виде маленькой фигурки, получающей почести от фараона. В могиле Дуду есть также фигурки семитов, радующихся наградам Дуду. Письмо, написанное этому Дуду, будет цитироваться позже.

Еще одно сходство с Иосифом было обнаружено в личности Ианкама², который, по упоминаниям в письмах эль-Амарны, был египетским смотрителем государственных зернохранилищ, куда свозили зерно ханаанские принцы. В тех землях наступил голод, и звучала несмолкаемая мольба о хлебе, которую мы слышим в письмах царей Гублы и Сумура(Сумуры),

Может быть сделано еще одно предположение. Визит Исаака и Ревеки или Авраама и Сары в Египет³ был

¹ Mercer, *The Tell el-Amarna Tablets*, pp. 510ff.; Barton, *Archaeology and the Bible*, p. 368; H. Ranke, in *Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, LVI (1920), 69—71. Albright, «Cuneiform Material for Egyptian Prosopography», *Journal of Near Eastern Studies*, V (1946), 22, п. 62.

² Cf. Marquart, *Chronologische Untersuchungen*, pp. 35ff., and Jeremias, *Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients* (2nd ed.; Leipzig, 1906), pp. 390ff.

³ O. Weber in J. A. Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln* (Leipzig, 1915), p. 1172.

связан с упоминанием какой-то жрице богини города Губла и ее муже, которые находились в Египте. Царь Гублы и Сумура поддержал эту супружескую пару в их желании вернуться в Ханаан, если только он в действительности не просил об их высылке.

Но теория, отождествляющая хабиру с евреями, не была отброшена; казалось, что в ином случае истории этих двух древних народов, египтян и евреев, которые жили в соседних странах, не обнаружат связующих нитей в течение многих сотен лет их исторического развития. Другая возможная связь — обелиск Минепты, о котором я скажу позже — трактовалась также или в защиту, или в противовес теории о хабиру-евреях.

Идентичность хабиру и евреев все еще признается многими учеными: в то время, когда были написаны письма эль-Амарны, израильские кочевые племена из пустыни стучали в ворота страны, которую им предстояло завоевать. Противоречит ли это мнение сложившейся схеме, в соответствии с которой израильтяне находились еще в рабстве при Рамзесе II? Если да, то вся концепция должна быть пересмотрена, и следует тогда признать, что миграция евреев должна была происходить в несколько последовательных этапов.

Были выдвинуты соответствующие теории, разделявшие Исход на несколько следующих друг за другом исходов. Клан Рахили и клан Лии покинули Египет в разное время. Когда первые достигли Ханаана, последние еще находились под гнетом в Египте и ушли позже. Другая теория состояла в том, что потомки Иосифа пришли из Египта, а потомки Иакова прямо из Месопотамии. Существует еще одна вариация, согласно которой потомки Иакова пришли из Египта, а потомки Авраама — с севера.

Еще одна трудность, связанная с отождествлением хабиру и евреев, возникает с учетом того факта, что ни одно лицо в Книге Иисуса Навина не может обнаружить соответствия письмам эль-Амарны. Когда израильтяне вошли в Ханаан, царем Иерусалима был Адониседек, царем Хеврона — Гогам, царем Иармуфским — Фирам, царем Лахисским — Яфий и царем Еглонским — Девир (Книга Иисуса Навина 10:3). Среди писем имеется целый ряд

написанных царями некоторых из этих земель, но не именно этими царями. Гораздо более важен тот факт, что имеется весьма мало сходства в событиях, описанных в обоих источниках. Эпизод осады Иерихона, самое значительное событие первого периода завоевания, отсутствует в письмах, а Иерихон не упомянут вообще. Это умолчание весьма странно, если хабиру были евреями времен Иисуса Навина. Ни одно современное событие не может быть прослежено по этим письмам.

Фараоны девятнадцатой династии Сети и Рамзес II оставили в Египте и Палестине мемориалы в честь своего прихода в Палестину в качестве завоевателей страны, потерянной фараонами эпохи эль-Амарны или их преемниками. В Книге Иисуса Навина и в Книге Судей, охватывающей свыше четырехсот лет, ничто не свидетельствует о владычестве Египта или его вмешательстве в дела Ханаана.

В силу всех этих доводов казалось весьма смелым относить историю еврейского завоевания к столь далекому времени. Дискуссия все еще продолжается. Некоторые не могли принять теорию, в соответствии с которой евреи уже вошли в Ханаан во времена Аменхотепа III, и Эхнатон под хабиру имел в виду абиру, рабочих египетских каменоломен на Синайском полуострове, которые совершали сезонные путешествия оттуда к себе домой в Ливан; другие исследователи считали их мигрантами из вавилонского района Афира.

Как могли евреи очутиться в Ханаане до того, как они покинули Египет? Или как могли они избавиться от своего рабства в Египте, пока он не ослабел?

Согласно моей хронологической схеме, письма эль-Амарны, посланные и полученные Аменхотепом III и Эхнатоном, были написаны не с 1410 по 1370 г. до н. э., а с 870 по 840, во времена царя Иосафата в Иерусалиме¹. Если эта теория верна, среди табличек эль-Амарны мы рассчи-

¹ Читателям этой главы мы рекомендуем сначала познакомиться с 3-й Книгой Царств 16—22, с 4-й Книгой Царств 1—10 и с 2-й Книгой Паралипоменон 16—22.

тываем найти письма, написанные царскими писцами, выбитые клинописью, на имя израильских царей Иерусалима и Самарии. Наиболее плодовитым из сочинителей писем среди принцев и военачальников был царь Сумура (Самарии). Сохранилось около шестидесяти его писем, и пятьдесят четыре из них адресованы фараону Египта. Даже фараон писал ему: «Ты пишешь мне больше, чем все заместники».

Триста шестьдесят писем, связывающих политическое прошлое великих и малых народов Ближнего Востока в один из важнейших периодов далекой древности, были предметом долгого изучения для познания египетской, вавилонской, хеттской, сирийской и ханаанской истории. Вывод, сделанный выше относительно времени написания писем, не может быть принят просто потому, что он привязан к схеме, составленной на основании других данных предшествующего и последующих периодов. Необходимо отнестись с должным уважением к самим письмам. Кроме Библии и табличек эль-Амарны, ко времени царя Иосафата относятся еще два источника: обелиск царя Месы Моавитского и надписи ассирийского царя Салманассара III. Не только Библия, но и эти реликвии должны соответствовать содержанию писем эль-Амарны, если верно, что египетская история должна быть пересмотрена и сдвинута больше чем на полтысячелетия.

Иерусалим, Самария и Изреель

Письма из эль-Амарны доносят до нас имена принцев и заместников в Сирии и Палестине и названия городов и крепостей. Вплоть до настоящего времени ни одно из личных имен не было идентифицировано, и удалось проследить только несколько географических названий. Я смогу идентифицировать некоторые важные географические пункты, а также целый ряд личных имен.

Иерусалим из писем эль-Амарны не может вызвать разных толкований: можно без труда догадаться, что это Иерусалим. Трудность возникает только в связи с неко-

торыми фрагментами Библии¹, в соответствии с которыми доизраильский город назывался Салем или Иевус, а не Иерусалим. Возникло мнение, что письма эль-Амарны обнаружили ошибочность таких утверждений. Если, однако, письма эль-Амарны были написаны в израильский период, то вышеуказанного конфликта попросту не было бы.

Сумур (а также Сумура) и Губла — это наиболее часто встречающиеся названия городов в письмах эль-Амарны, каждое из них упоминалось свыше ста раз. Другие города упоминались не более десяти-пятнадцати раз. «С этим городом Сумуром, как и Губла, чаще всего упоминавшимся, не связывалось имя какого-либо царя или принца; несмотря на несчастья, которые на него обрушились, не было обнаружено ни одного письма во всей обширной корреспонденции эль-Амарны, отправленного из него».²

Из содержания писем очевидно, что Сумур был «самым важным местом» в Сирии-Палестине и, вероятно, резиденцией наместника, управлявшего этой территорией. Он был крепостью³. Там находился царский дворец, и частые упоминания об этом дворце в письмах к фараону создают впечатление, что речь идет о хорошо известном сооружении.

Сумур или Сумура был Самарией (Šemer Šomron на еврейском). Не могло возникнуть предположения, что Сумур — это Самария, потому что только в период царствования Амврия, отца Ахава, был построен этот город, а в период, предшествующий завоеваниям Иисуса Навина, он, разумеется, не существовал.

3-я Книга Царств 16:24: «И купил Амврий гору Семерон у Семира за два таланта серебра, и застроил гору, и назвал построенный им город Самариею, по имени Семира, владельца горы».

Поскольку гласные были позднейшей интерполяцией в еврейской Библии, введенной мазоретами («носителями

¹ См.: Книга Бытия 14:18; Книга Иисуса Навина 15:8, 18:28; 2-я Книга Паралипоменон 11:4—5.

² Weber in Knudtson, *Die El-Amarna-Tafeln*. p. 1135.

³ Letter 81.

предания») через тысячу лет после того, как Ветхий завет был составлен, имя Семер могло также читаться как Сумур.

Самария была окружена высокой стеной, и остатки ее были обнаружены при раскопках. В городе был великолепный царский дворец, и руины его видны еще сегодня.

Тождественность Сумура (Сумуры) и Самарии будет подробно показана на следующих страницах, где описывается история данного периода.

Вместе с Сумуром постоянно повторялось название Губла. В письмах были обнаружены свидетельства того, что Губла считалась преемницей Сумура после того, как этот город на время был оккупирован сирийцами. Царь Гублы писал фараону в Египет (письмо 85): «То, что прежде давалось Сумуру, должно теперь даваться Губле».

Вряд ли найдется хоть одно письмо царя Гублы, где не выражалась бы тревога за Сумур. Название Сумур или Сумура упоминалось в его письмах около восьмидесяти пяти раз, не считая многочисленных фрагментов, когда этот город назывался «царским городом» или «моим городом».

Было установлено, что Губла — это Библос, по-египетски Крпу, но Gwal на финикийском и еврейском¹ — финикийский город к северу от Бейрута. Однако мог существовать и не один Gwal («граница») в районе Сирии-Палестины; например, в Библии есть упоминание о Gwal на юге Палестины². Задавался также вопрос, почему город Gwal (Библос) был изменен на Гублу в письмах эль-Амарны.

Царь Гублы несколько раз упоминал в своих письмах о городе Батруна, и выяснилось, что это древний Ботрис³. Однако Менандр, греческий автор, которого цитировал Иосиф⁴, говорит об Итобале (Этваале), царе Тирском девятого века, что «именно он основал город

¹ Книга Иисуса Навина 13:5; Книга Иезекииля 27:9.

² Псалтирь 83:7; 3-я Книга Царств 5:18 (евр. текст). См.: R. Dussaud, *Syria, revue d'art oriental et d'archéologie*, IV (1923), 300f.

³ Dhorme, *Revue biblique* (1908), 509f.; Weber in Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, p. 1165.

⁴ Against Apion, I, 116; *Jewish Antiquities*, VIII, 1.

Ботрис в Финикии». Выстроенный отчимом царя Ахава, город Ботрис мог быть упомянут в табличках эль-Амарны только в том случае, если его основание предшествовало эпохе эль-Амарны, что согласуется с предложенной нами реконструкцией.

Если Сумур — это Самария, то Губла, скорее всего, первоначальное название Изрееля, другой столицы Израиля. Амврий выстроил Самарию и дворец в ней. Ахав, его сын, выстроил свой дворец в Изрееле, по соседству с виноградником Навуфея. Там царица Иезавель, жена Ахава, позже нашла свою ужасную смерть. Иезавель (Изевель), оставшаяся в памяти народа как самая ненавистная личность эпохи Царств, была дочерью сидонского царя Ефваала (3-я Книга Царств 16:31). Она принесла зло и нечестие в свою страну, убивала пророков Яхве, преследовала Илию Фесвитянина. Сотни пророков Ваала «ели за столом Иезавели (3-я Книга Царств 18:19). Царь под ее влиянием «стал служить Ваалу и поклоняться ему» (3-я Книга Царств 16:31). Иосиф Флавий говорит, что Иезавель воздвигла храм божеству, «которого они называли Белос»¹.

Царь Гублы писал почти во всех своих письмах: «Могут Белиту (Ваалу) из Гублы дать власть...». Белит в этих письмах, по-видимому, является божеством Ваалом или Белосом, культ которого был перенесен из Финикии².

Таким образом, Губла должна была быть первоначальным названием города, где находилась царская резиденция и который нам известен по Библии как Изреель. У царя Ахава должно было быть много жен, так как он оставил в Самарии семьдесят сыновей (4-я Книга Царств 10:1). Но дочь сидонского царя была главной женой Ахава. Она влияла на него своими чарами, и он выстроил для нее новый дворец при ее активном участии, как повествуется в истории Навуфея. Нельзя было ожидать, что Ахав, отступник, назовет новую резиденцию в честь преследуемого божества, Бога Израиля («Бог посеет»). Возможно, что название новой резиденции возникло из названия фи-

¹ Josephus, *Jewish Antiquities*, VIII, xiii, 1.

² Philo of Byblos, *Fragments*, 2, 25.

нийского города, любимого финикийской принцессой, ставшей царицей Израиля. Можно также предположить, что эта резиденция была названа в честь этой жены, Иевель, или Губла в клинописной транскрипции, Изевель (Иезавель) в библейской транскрипции¹.

В Библии есть прямое указание на то, что Изреель раньше назывался по имени царицы Иезавель. Когда ее жизнь бесславно завершилась, собаки разорвали ее тело, «и будет труп Иезавели на участке Изреельском, как навоз на поле, так что никто не скажет: это Иезавель» (4-я Книга Царств 9:37)². Значение этого предложения состоит в том, что название этого места должно быть вычеркнуто со смертью царицы, в честь которой оно было названо. Значит, городу было дано название долины — Изреель³.

Мы будем продолжать утверждать, что Сумур и Губла были Самарией и Изреелем в Израиле: оба города были двумя столицами одного и того же государства. Царь Гублы беспокоился о другой своей столице, которую время от времени терял и отвоевывал в бесконечных войнах с сирийцами. Когда Сумур терпел поражение, Губла становилась его наследницей. Таким образом, мы теперь имеем ответ на вопрос: почему ни один царь Сумура не упоминался в письмах эль-Амарны, хотя сам город назывался так часто. Его царь имел резиденцию в Губле. Возможно, некоторые письма, заключающие привычное благословение

¹ Возможно, что имя Иезавель (Изавель) — это более поздняя форма от Завель. Добавление «И» придает этому имени негативный оттенок отрицания или проклятия.

² Версия короля Иакова: «итак они не скажут: это Иезавель».

³ Местоположение этого столичного города Изреель не установлено. Его традиционное расположение на востоке долины не является древним. Вполне вероятно, что Изреель следует искать на западе долины. Ахав, беря в жены дочь сидонского царя, мог также стремиться завладеть частью морской торговли финикийцев. Илия, не останавливаясь, бежал от Кармила до Изрееля (3-я Книга Царств 18:46).

— «Да дарует Белит из Гублы силу» — были написаны из Сумура (Самарии).

Поднимая занавес над сценой главного исторического действия эпохи эль-Амарны, мы должны определить действующих лиц на этой сцене.

Пять царей

Цари Древнего Востока обычно имели по несколько имен. Письма из эль-Амарны были адресованы фараону Ниммурии и фараону Нафурии. Ниммурия был Аменхотепом III, а Нафурия — Аменхотепом IV (Эхнатон). Египетские фараоны обычно имели по пять имен¹. Не из писем эль-Амарны, но из других египетских документов известно, что Ниммурия было тронным именем Аменхотепа III, а Нафурия — тронным именем Эхнатона. В письмах не встречаются упоминания об именах — Аменхотеп или Эхнатон.

Цари иерусалимские, так же как цари Самарии и Дамаска, тоже имели не по одному имени. Сохранилось пять различных имен Соломона². Царь иерусалимский Езекия имел девять имен³. Зная о данном обычае, мы имеем очень ограниченную возможность обнаружить в письмах эль-Амарны имена царей Палестины, известные нам из Библии.

Но если цари имели много имен, это не означает, что мы свободны в выборе вариантов. Все лазейки для неверной идентификации закрыты. Жизнь и войны сирийских и палестинских царей данного периода описаны во многих деталях в Библии и в указанных письмах. Все эти детали должны быть размещены в соответствии с источниками.

На данном этапе дискуссии я буду доволен, если мое

¹ Тронное имя, личное имя и эпитеты; некоторые из них могли меняться на протяжении жизни монарха.

² Источники были собраны Гинзбергом. *Legends VI, 277.*

³ Tractate Sanhedrin 94, a; Jerome on Isaiah 20:1 and 36:1; Ginzberg, *Legends, VI, 370.*

отождествление Абди-Хибы с Иосафатом, Риб-Адди с Ахавом и Венадада с Абди-Аширтой покажется произвольным: в исторических коридорах, заполненных толпами людей из разных столетий, я решительно указываю на лиц, носящих имена, полностью отличные от тех, кого мы ищем; часто даже говорят, что они принадлежат эпохе, отделенной шестью столетиями от той, когда жили те люди, которых мы ищем. Даже до того, как я начал изучать этих людей, избранных без каких-либо явных оснований, я буду настаивать на данной идентификации.

Палочка искателя у меня в руке — это палочка временного исчисления: я сокращаю на шесть веков эпоху Фив и эль-Амарны, и я нахожу в Иерусалиме царя Иосафата, в Самарии Ахава, в Дамаске Венадада. Если моя палочка не уведет меня с верного пути, то это цари, которые правили в Иерусалиме, Самарии и Дамаске в эпоху эль-Амарны.

Письма Эль-Амарны были написаны в эпоху Аменхотепа III и его сына Эхнатона и примерно через семьдесят лет после того, как Тутмос III покорил Палестину и ограбил храм в Кадеше. Установив, что Соломон и Хатшепсут (царица Савская), Ровоам и Тутмос III (Сусахим), Аса и Аменхотеп (Зарай) — современники, мы обязаны сделать вывод, что иерусалимским корреспондентом Аменхотепа III и Эхнатона был царь Иосафат. Теперь мы не свободны в выборе: или мы ошиблись в этом пункте, или содержание писем эль-Амарны будет соответствовать библейской информации о времени Иосафата. Мы должны быть уверены в этом даже до того, как в первый раз откроем «Письма эль-Амарны».

Пять царей — два сменивших друг друга царя Дамаска, один израильский, один иудейский и один моавитский — были главными действующими лицами на сцене политической жизни египетских провинций Сирии и Палестины в то время, которое мы изучаем. У двух из них в Библии сохранились сходные имена: Азаил, царь Дамаска, назывался Азиру, Азирой или Азару в письмах эль-Амарны. Царь моавитский Меса назывался, как мы увидим, в письмах Месом.

Имя царя иерусалимского из писем эль-Амарны чи-

тается как Абди-Хива. Однако если те же самые буквы прочесть как идеографию, то возможно и другое чтение; сначала предполагалось, что это читается как Эбед-Тов («Добрый слуга» по-еврейски)¹, а потом Пути-Хива²; другие читали его как Арадхева или Артахева³. Из этого примера мы видим, что имена, написанные клинописью, могут читаться по-разному, и чтение Абди-Хива лишь один вариант среди многих других⁴. Может показаться, что первоначальное чтение Эбед-Тов наиболее предпочтительно.

Имя царя иерусалимского Иосафата могло быть даже не одним из его нескольких первоначальных имен, а тем именем, которое дал ему народ, чтобы увековечить его деяния. Оно означает «Яхве — судья» или «тот, кто судит от имени Яхве». Этот царь посылал левитов по городам Иудеи с «книгой законов Яхве», чтобы просвещать народ (2-я Книга Паралипоменон 17:9), и в Иерусалиме был устроен верховный суд для «суда Яхве» (2-я Книга Паралипоменон 19:8—10). 2-я Книга Паралипоменон 19:5—6.: «И поставил судей на земле по всем укрепленным городам Иудеи, в каждом городе, и сказал судьям: смотрите, что вы делаете; вы творите не суд человеческий, но суд Господа; и Он с вами в деле суда».

Он также выстроил новый дворец правосудия в Иерусалиме (2-я Книга Паралипоменон 20:5). Царь, усилия которого были посвящены такой работе, мог получить в памяти народной прозвище Иосафат. Талмудическое предание утверждает, например, что Соломон («Мир») было посмертным именем царя, сына Давида.

Имя Риб-Адди, записанное идеограммами, означает

¹ By H. Winckler. See: A. H. Sayce, *Records of the Past* (New Series, 6 Vols.; London, 1889—93).

² By A. Gustavs, *Die Personennamen in den Tontafeln von Tell Taanek* (Leipzig, 1828), p. 10.

³ By Dhorme. Хива, возможно, хурритская форма от названия хурритского божества Хева. Cf. B. Maisler, *Untersuchungen zur alten Geschichte und Ethnographie Syriens und Palästinas*, I (Giessen, 1930), 37.

⁴ Имя, включающее часть «хива», известно среди военачальников царя Давида: Елияхба (Елихива) во 2-й Книге Царств 23:32

«старшего (брата среди сыновей) у отца»: первая часть имени означает «старший» брат или «старший» сын, а вторая часть — «отец». Оно составлено, как еврейское имя Ахав, первая часть которого означает «брат» (ah), а вторая часть «отец» (ab). В переписке с Египтом царь Аморецкий был назван Абди-Аширта (произносилось также Абду-Астарти, Адра-Астарти).

Из писем царя Сумура¹ можно выяснить, что резиденция царей аморейских, Абди-Аширты и Азару, находилась в Думаске (Дамаске). Это земля Аморецкая из писем является Арамом (Сирией) в библейском тексте. То, что Аморецкая земля означает Сирию, известно нам также по надписи Салманассара III².

Согласно Николаю Дамасскому, историку первого века до нашей эры, Венадад было родовым именем для царей Дамаска³. Многие библеисты также придерживались мнения, что имя Венадад — это общее обозначение царей Дамаска⁴, а историки считают, что царь Дамаска, который был противником Ахава, в действительности назывался Биридри, он возглавлял коалицию против Салманассара III, как нам известно из надписи этого ассирийского царя». «Каким образом это имя могло быть переведено в Библии как Венадад, остается неясным».⁵

Мы обнаружим реального Биридри из писем эль-Амарны в личности коменданта Мегиддо.

Существовал обычай называть царей в соответствии с религиозным культом, который практиковался в их владениях. О почитании Астарти и Иштар во времена Венадада упоминалось в Библии⁶.

¹ Letter 107.

² D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria* (Chicago, 1926—27), I, Sec. 601. Амореи были племенем из Сирии или Ханаана.

³ Josephus, *Jewish Antiquities*, VI, 5.

⁴ See: Jack, *Samaria in Ahab's Time*, p. 119, note 3. Сравн.: Книга Иеремии 49:27; Книга Амоса 1:4.

⁵ Jack, *Samaria in Ahab's Time*. See Meyer, *Geschichte des Altertums*, II. Pt. 2 (2nd ed.; 1931), p. 274, note 2; p. 332, note 1.

⁶ Астарот обычно переводилась как «дубравы», как, например, в 3-й Книге Царств 18:19 («пророки дубравные»). Об Иштар и Астарте см.: M. Ohnefalsch-Richter, *Kypros: The Bible and Homer* (London, 1883), pp. 141ff.

Имя Абд'Астарт было употребительным в девятом веке: Иосиф Флавий, который ссылался на уже не существующую работу Менандра Эфесского, представляет перечень финикийских царей. Хирам, современник Соломона, имел внука, по имени Абд'Астарт, который в возрасте тридцати девяти лет был убит четырьмя сыновьями своей кормилицы¹. Эта история может быть отзвуком убийства Бен-Адада (Венадада) (4-я Книга Царств 8).

Библейская версия имени Азаил, при том, что *l* и *g* не изменяются, отличается от имени на табличках (Азиру или Азару) придыхательным звуком *h*². Ученые, которые выводят иври (евреев) из хабиру, без всяких затруднений сделали бы Азаила производным от Азару. Иосиф Флавий называл Азаила именем Азаел.

Цари Иерусалима и Самарии были наследными принцами. В письмах эль-Амарны они называют себя *rabitī sarī*, принцами или наместниками; из контекста писем ясно, что каждый из них сидел на троне своего отца. Царь-регент Самарии напоминал фараону о том времени, когда отец фараона приходил на помощь его отцу. И царь иерусалимский писал (письмо 286): «И вот, не мой отец и не моя мать посадили меня на это место. Но могущественной рукой царя был введен я в дом отца моего».

Это означает, что фараон Египта был волен выбрать среди царских наследников того, кто сменит на троне своего отца, вассального царя.

¹ *Against Apion*, I, 122.

² У нас есть и другие примеры как из Библии, так и из писем, где «*h*» или «*kh*» часто произвольно добавляются или убираются. Хадонирам из Второй книги Паралипоменон (10:18) зовется Адонирамом в 3-й Книге Царств (12:18). Другой пример — Адер и Хадер, две транскрипции одного и того же имени (3-я Книга Царств 11:14). Аммунира, царь Бейрута, появляется в одних письмах, а в других он Хамунири. «Звук *h* в библейском имени Азаил встречается в аккадском языке как Хаза-илу, но произношение Аза-илу, если бы оно встретилось, нисколько не противоречило бы фактам, отмечавшимся в подобных случаях» (Professor I. J. Gelb, written communication of May 15, 1951).

Наместники были приближены к «регентам», вассальным царям, как представители египетской короны. Один из них правил северной Сирией, и его резиденция, вероятно, находилась в Дамаске. Другой наместник имел резиденцию в Самарии (Сумуре). Мы встретим их обоих не только в письмах, но и в Библии, и узнаем их там.

В Иерусалиме постоянного представителя не было. В одном из своих писем царь Иерусалима просит, чтобы «представитель царя», резиденция которого находилась в Газе, был послан посетить Иерусалим¹. Время от времени уполномоченный чиновник посещал Иерусалим². Эти представительские визиты по приглашению и отсутствие постоянного представителя египетской короны предполагают, что иерусалимский царь как вассал обладал большей независимостью, чем другие цари и военачальники.

Хотя цари Иерусалима и Самарии сами были вассалами, они имели своих собственных данников. Царь Иерусалима получал подношения и дань серебром и крупным рогатым скотом от аравийских царей и из Филистии (2-я Книга Паралипоменон 17:11). Царь моавитский Меса был данником Самарии (4-я Книга Царств 3:4). В письмах эль-Амарны мы часто встретим «мятежника Меса», мятежного царя Моава, а «*amelut-gaz-Mesh*» были «народом мятежника Меса», или моавитянами.

В отличие от царей, другие действующие на исторической сцене лица обычно имели только одно имя. Имена египетских военных наместников и военачальников Иудей, а также некоторые другие имена, сходны в письмах эль-Амарны и в Библии. Сходство или идентичность имен подтверждаются идентичностью функций их носителей, как она представлена в Библии и в письмах.

В книгах Царств и Паралипоменон и в письмах эль-Амарны можно обнаружить не только исторических деятелей из Иудей, Моава и Сирии, но можно сравнить имена правителей мелких царств Сирии в письмах эль-Амарны и в надписях Салманассара, ассирийского царя, который жил

¹ Письмо 287.

² Письмо 289.

во времена Иосафата и Ахава. Оба эти источника — письма эль-Амарны и надписи ассирийского царя — написаны одинаково, клинописью. Позже, в ходе изучения писем эль-Амарны, будут установлены участники освободительной войны против захватчиков с севера.

Письма военачальников Иосафата

У царя Иосафата во главе армии стояло пять военачальников.

2-я Книга Паралипоменон 17:14—19: «И вот список их по поколениям их: у Иуды начальники тысяч: Адна начальник, и у него отличных воинов триста тысяч;

За ними Иоханан начальник, и у него двести восемьдесят тысяч;

За ним Амасия, сын Зихри, посвятивший себя Господу, и у него двести тысяч воинов отличных;

У Вениамина: отличный воин Елиада, и у него вооруженных луком и щитом двести тысяч;

За ними Иегозавад, и у него сто восемьдесят тысяч вооруженных воинов.

Вот служившие царю, сверх тех, которых расставил царь в укрепленных городах по всей Иудее».

Фраза «список их по поколениям» имеет решающее значение. Она указывает на существование феодальной системы в эту эпоху, когда чин в армии был наследственным, переходящим от отца к сыну. Мы найдем в следующем поколении имена военачальников Исмаила, сына Иегохананова и Елишафата, сына Зихри¹. Количество людей, подчиненных каждому из пяти военачальников, могло означать, что в их феодальных владениях находилось сто, двести или триста тысяч человек, готовых для набора; однако возможно другое объяснение, и оно представлено в последующих главах.

Письма эль-Амарны предлагают богатый материал о феодальной системе в Иудее в ту эпоху.

Мы выделяем письма, написанные тремя из пяти вое-

¹ 2-я Книга Паралипоменон 23:1

начальников Иосафата. Их военная должность одна и та же в письмах и в книгах Паралипоменон, их имена легко распознать. Небольшая вариация одного из имен содержит коннотацию, которая выведет нас на размышления по поводу развития религии в Иудее и реформы, которая произошла вскоре после смерти Иосафата.

Аддудани (произносилось также Аддадани) из писем эль-Амарны назывался в Библии Адной¹. Но надпись Шамши-Раммана, который стал ассирийским царем после Салманассара в 825 году до н. э., содержит упоминание о подарке, который он получил от Ада-дану, принца Газы (Азати)². «Сын Зукру» из писем эль-Амарны называется «сыном Зихри» в Библии³. Иазибада из писем эль-Амарны — это Иегозавад из Библии.

Эти военачальники были действительно важными чинами в армии, поскольку фараон переписывался непосредственно с ними; однако в их письмах почтительные обороты демонстрируют их более подчиненное положение и отличаются от стиля писем царя иерусалимского.

В соответствии со своей позицией главнокомандующего Аддудани поддерживал активную переписку с фараоном, и сохранилось четыре его письма, весьма подробных. Из них мы узнаем о сложной системе, которая связывала военачальника непосредственно с фараоном, с местным представителем фараона и с царем (регентом) в Иерусалиме. Фараон писал Аддудани:

Письмо 294: «Выслушай твоего наместника и защити города царя, твоего властелина, которые тебе доверены».

Аддудани отвечает заверениями в собственной лояльности:

¹ В форме «Адна» божественное имя «Адду» (Адду из колена Дана) подверглось искажению; это искажение, вероятно, исходило от благочестивого писца, который не мог допустить, чтобы человек, близкий к набожному Иосафату, носил имя Адду-Дани.

² Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 722. Mercer (*Tell el-Amarna Tablets*, p. 375, note) relates Azzati to Gaza (Aza in Hebrew).

³ 2-я Книга Паралипоменон 17:16.

Письмо 292: «Итак говорит Аддудани, твой слуга... Я услышал слова, которые царь, властелин мой, написал своему слуге: «Защити своего наместника и защити города царя, твоего властелина». И вот я защищаю, и вот я день и ночь внимаю словам царя, моего господина. И дозволю царю, моему господину, уделить внимание его слуге».

После этого вступления он сообщил о местных делах, о приготовлениях к встрече лучников царя, о караванах, о конфликтах между ним и наместником, о гарнизоне, который он разместил в Яффе, и прочем.

Те же самые слова были обращены к сыну «Зихри»: «Защищай города царя, которые тебе доверены». Этот приказ повторялся в ответе сына Зихру. Обычай повторения в письмах целых фраз из письма, на которое отвечали, позволил сохранить ценные факты из потерянных табличек эль-Амарны.

Первое имя автора этого письма не сохранилось, есть только его второе имя «сын Зихру»¹. В библейском перечне пяти военачальников Иосафата только один назван по имени своего отца — Амасия, сын Зихри. Интересно отметить, что и в письмах эль-Амарны только в одном случае — сын Зихру — сообщалось имя отца. В библейском тексте такое выделение объясняется: Зихри посвятил себя Господу; его потомки удостоились чести именоваться «сыновьями Зихри» (2-я Книга Паралипоменон 17:16; 23:1).

Зихри из Библии — это Зихру из писем эль-Амарны; Амазия, сын Зихри, — это «сын Зихру», военачальник, который писал фараону о делах, связанных с безопасностью его края².

Иегозавад из 2-й Книги Паралипоменон назывался Иазивадой в письмах, которые он писал фараону. Эти несколько коротких писем являются уведомлениями о получении приказов фараона. Место, из которого они посланы, не указано, но они написаны из южной Палестины. Во 2-й Книге Паралипоменон сказано, что он был военачальником в земле Вениамина (17:17—18).

Иегозавад упоминался как последний из пяти военачальников.

¹ Письмо 334.

² Письмо 335.

чальников царства Иосафата. Он не входит в дискуссии с фараоном и не дает советов, подобно первому по рангу среди командиров, но, как хороший солдат, принимает и подтверждает приказы фараона. Вот одно из таких типичных писем:

Письмо 275: «Царю, моему господину, моим богам, моему солнцу, говорю: Ты сказал Иазиваде, твоему слуге, праху от твоих ног:

К ногам царя моего, моего господина, моего божества, моего солнца, семь раз и еще семь раз припадаю. Слово, с которым царь, мой господин, мое божество, мое солнце, обратился ко мне, истинно исполню для царя, моего господина».

Административные районы Иудеи и земли Вениамина, разделенные между военачальниками и *sagi* городов, могут быть приблизительно установлены на основе сопоставления информации из писем эль-Амарны и из Библии. В издании Кнудсона (а также Мерсера) письма эль-Амарны расположены в соответствии с географическим положением их авторов, поэтому корреспонденты с севера предшествуют южным. К чести огромной работы, проделанной Кнудсоном, письма Аддадани, сына Зихру, размещены рядом с письмами царя Иерусалима; таким образом, он правильно поместил этих корреспондентов в южную часть Палестины.

Адайя, наместник

В 23-й главе 2-й Книги Паралипоменон мы полагаем перечнем начальников в год шестнадцатый после Иосафата. Вместо Амасии, сына Зихри, здесь служит Елишафат, сын Зихри; Исмаил, сын Иоханана, заменил своего отца как один из военачальников. Как было установлено, пост военачальника переходил от отца к сыну и от брата к брату, что ясно указывает на феодальные институты. В этот шестнадцатый год после Иосафата был военачальник по имени Маасея, сын Адаи. Адайя должен был жить во времена Иосафата и находиться на службе у царя. Вероятно, он был царским наместником в Идумее,

соседствующей с землями Вениамина, и в течение некоторого времени надзирал над воротами в Газу, через которые осуществлялось дорожное сообщение с Египтом.

В Библии сказано, что во времена Иосафата «в Идумее тогда не было царя; был наместник царский» (3-я Книга Царств 22:47). Эта земля находилась под контролем царя иерусалимского и была зависима от Иудеи (2-я Книга Паралипоменон 21:8).

Четыре раза имя Адаи упоминается в трех отрывках из писем царя иерусалимского:

Письмо 285: «Адайя, наместник царя (фараона)...

Письмо 287: «...Адайя отправился вместе с гарнизоном воинов, который дал ему царь. Пусть царь знает, что Адайя сказал мне: Истинно, позволь мне уйти»¹.

Письмо 289: «Гарнизон, который ты послал... Адайя принял и разместил в своем доме в Хазати».

Эти письма информируют нас, что Адайя был наместником фараона и что он подчинялся царю-регенту в Иерусалиме². Наместник в Идумее, зависимой от Иудеи земле, был в действительности подчинен царю иерусалимскому.

Князья городов

Перечень пяти военачальников Иосафата, данный во 2-й Книге Паралипоменон, заканчивался следующим фрагментом: «Вот служившие царю, сверх тех, которых расставил царь в укрепленных городах по всей Иудее». Иосафат послал левитов в эти города-государства, чтобы направлять их дух:

2-я Книга Паралипоменон 17:7: «И в третий год царствования своего, он послал князей своих: Бенхаила, и Зевадию, и Захарию, и Нафанаила, и Михея, чтоб учили по городам Иудиным народ».

¹ В своем переводе Кнудсон дает вариации написания имени.

² В письме 254 сказано, что Думуйа доверился Адае. Означает ли это имя человека или за ним стоит Дума в Сеире или Идумее? (Книга Исаяи 21:11).

Управитель города, имя которого было Видия, писал фараону из Аскелона в южной Палестине. Семь табличек в собрании писем эль-Амарны подписаны его именем. Его владение было ограничено одним городом. Соответственно этому Видия писал:

Письмо 320: «Я защищаю владение царя, которое мне доверено».

Письмо 326: «Я защищаю город моего царя, моего господина».

Видия получил должность наместника от фараона и готовил ему дань.

В Египте монарх обожествлялся как воплощение Бога, сын солнца и само солнце. В соответствии с египетскими религиозными представлениями наместники в подвластных землях обращались к фараону таким образом: «Моему царю, моему властелину, моему Богу, моему солнцу, солнцу в небесах». Так писал и Видия из Аскелона.

Идолопоклонство и языческое влияние вынуждали города вокруг Иерусалима «держаться двух мнений», если воспользоваться выражением Илии. Следовательно, необходимо было решить задачу просвещения народа: «... и опять стал он (Иосафат) обходить народ свой от Вирсавии до горы Ефремовой, и обращал их к Господу, Богу отцов их (2-я Книга Паралипоменон 19:4). Эти усилия не привели к особому успеху, как известно из Библии: «... и народ еще не обратил твердо сердца своего к Богу отцов своих» (2-я Книга Паралипоменон 20:33).

Амон, управитель Самарии

В сирийских и палестинских царствах правитель Египта сохранял своих наместников рядом с царями-регентами. Наместником Сумура в период первой половины царствования Риб-Адди был, согласно письмам эль-Амарны, Аман-аппа. В письме от царя Сумура к Аман-аппе сказано:

Письмо 73: «Ты знаешь мою позицию: пока ты в Сумуре,

я твой преданный слуга».

Мы встречаемся с этим наместником во 2-й Книге Паралипоменон.

2-я Книга Паралипоменон 18:25: «И сказал царь израильский: возьмите Михея, и отведите его к Амону градоначальнику и к Иоасу, сыну царя».

Благодаря его положению, имя Амона, наместника, стояло перед именем принца царской крови. То, что он был египтянином, видно из его имени, которое является священным именем египетского божества¹.

После своего возвращения в Египет Амон рассматривался царем Сумура (Самарии) как друг и защитник его интересов перед фараоном и считался экспертом по военным и политическим делам Сумура. Царь Сумура писал фараону:

Письмо 74: «Истинно, Аман-аппа с тобой. Спроси его. Он знает, что видел печаль, меня угнетающую».

Он просил Аман-аппу снова приехать в Сумур и привезти с собой лучников:

Письмо 77: «Не сказал ли ты своему властелину, чтобы он послал тебя во главе лучников?».

Царь Сумура был очень близок с наместником фараона. В другом письме он писал:

Письмо 93: «Я вернусь к тебе», написал ты мне. Слушай меня. Скажи царю, чтобы дал тебе триста человек».

Во всех подобных делах вассальный царь и наместник обменивались советами и выражали свою общую заботу о Сумуре (Самарии).

Аман-аппа, как показывают письма, был противником политики, поддерживающей царя Дамаска. И в Библии Амон, наместник Самарии, заключив в тюрьму пророка,

¹ Амон был также именем сына Манассии, царя иерусалимского седьмого столетия (2-я Книга Паралипоменон 33:20—25). О Манассии сказано, что он «довел Иудею и жителей Иерусалима до того, что они поступали хуже...» (2-я Книга Паралипоменон 33:9).

который предостерегал от войны с царем Дамаска¹, демонстрировал свое одобрение политики захвата вышедших из подчинения городов с помощью оружия.

Во времена переписки эль-Амарны Аман-аппа был немолодым человеком; он не дожил до конца этого периода². Царь Сумура (Самарии), который в течение некоторого времени не получал никаких известий об Аман-аппе из Египта, писал ему с искренней любовью: «Если ты умрешь, я тоже умру»³.

«Аман-аппе, моему отцу, так сказал Риб-Адди, твой сын», — писал царь Сумура (Самарии). Это выражение почтительности присутствует в диалогах той же эпохи, которые представлены в Библии. Царь Самарии также обращался к Елисею: «Отец мой» (4-я Книга Царств 6:21).

Титул, которым часто называют наместника Амона — *sar* — известный и по Библии, часто применялся по отношению к высоким сановникам в письмах эль-Амарны.

В Библии имя наместника Самарии звучит как Амон. В письмах эль-Амарны управитель Сумура был Аман-апой. Это одно и то же лицо⁴.

¹ 3-я Книга Царств 22:26—27

² Письмо 106: «Это вражда против Сумура. И истинно его наместник теперь умер».

³ Письмо 87.

⁴ В начале этого века в Тель-Таанеке, библейском Таанахе, на холмах в районе долины Ездрилона, были обнаружены несколько табличек, написанных клинописью. Они очень похожи на образцы из эль-Амарны. На одной из них наместник по имени Аманхазир уточнял размер дани, полученной от местного начальника. (E. Sellin, «Tell Ta'annek», *Denkschriften der Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*, Vol. 50 [Vienna, 1904]). Олбрайт изменил чтение Аман-хазира на Аман-хатпе: «Аман-хатпе, правитель Палестины». *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. LXII (1927), 63f. Его вариант прочтения был принят А. Густавсом. *Die Personennamen in den Tontafeln von Tell Taanek*, p. 26. Олбрайт выдвинул предположение, что этот наместник был будущим фараоном Аменхотепом II.

Первая осада Самарии царем Дамаска

Цари Иудеи и Израиля были верны египетской короне, но царь Сирийского царства использовал баланс силы на севере и юге для укрепления своих владений.

Письма Абди-Аширты (Венадада) из Дамаска звучали униженно вопреки или благодаря своим воинственным намерениям. Обычная форма почтительного отношения к властителю была такова: «Я падал семь и семь раз к ногам моего властелина». И к этому царь Дамаска добавлял, когда писал фараону: «Твой слуга и грязь с твоих ног, твой пес».

Согласно Библии, Венадад, царь Дамаска, был потомком Разона, который «убежал от государя своего» и, «собрал около себя людей, сделался начальником шайки... и пошли они в Дамаск,... и владычествовали в Дамаске»¹.

Царь Сумура (Самарии) и другие вассальные цари называли царя Дамаска «рабом».

Письмо 71: «Кто такой Абди-Аширта, раб, пес, чтобы он присвоил себе владения царские? Каков его род?».

Со времен Разона, вследствие политики Дамаска, которая раздувала дух соперничества между Израилем и Иудеей, эти две страны продолжали враждовать друг с другом. Ваас, царь Израиля, выстроил Раму, чтобы угрожать Иудее. Аса, царь Иудеи, послал дары Венададу, и Венадад выступил против Вааса и «поразил Аин и Дан Авел-Беф-Мааху и весь Киннероф по всей земле Неффалима» (3-я Книга царств 15:20). Иудея захватила гору Ефрем (2-я Книга Паралипоменон 17:2). Это случилось через два поколения после Соломона и за несколько десятилетий до периода эль-Амарны.

Новая династия Амврия сначала усилила царство Израиль. Это было время, когда египетское владычество над Палестиной было восстановлено Тутмосом IV, отцом

¹ 3-я Книга Царств 11:23—24.

Аменхотепа III.

Во времена Ахава, сына Амврия, Венадад¹ возобновил свою вражду и создал коалицию племен, зависевших от него:

3-я Книга Царств 20:1: «Венадад, царь Сирийский, собрал все свое войско, и с ним были тридцать два царя, и кони, и колесницы».

В письме царя Сумура (Самарии) мы находим жалобу: Письмо 90: «Все предводители (племен) заодно с Абди-Аширтой».

Царь Дамаска устроил осаду Самарии

3-я Книга Царств 20:1: «... и пошел (Венадад), осадил Самарию и воевал против нее».

Эта кампания положила начало долгой череде осад, битв, коротких набегов и возобновила преследования, которые заполнили период времени, описанный в последних шести главах 3-й Книги Царств и в первых девяти главах 4-й Книги Царств.

«Вражда против Сумура стала очень сильной», — повторялось в нескольких письмах от царя Сумура (Самарии).

Время было благоприятным. На землю Израиля обрушилась засуха, национальные чувства в Десяти Коленах угасали. Почитание языческих богов создало в северном царстве почву для духовного влияния окружающих народов. Религиозные связи между Самарией, Сидоном и Дамаском размывали границы. Даже пророки — Илия из Галаада и Елисей, его преемник, — вмешивались в государственные дела Дамаска, сами странствовали повсюду и принимали оттуда посетителей.

В таком состоянии духовного и материального упадка земля Самарии была добычей известного жестокого воина и политика Дамаска. Все земли к северу от течения Оронта были «землями царя, властелина», египетского фараона, но это обстоятельство не удержало царя Дамаска от стремления расширить свою территорию. Он сознавал, что продвижение царя Ассирии вдоль долины Оронта дает ему

¹ Противник Ахава обычно считался сыном Венадада I, врагом Вааса и потому назывался Венадад II.

возможность вести двойную игру. Он знал, что египетский фараон не захочет видеть его открыто примкнувшим к воинственным ассирийцам, завоевателям, которые обрушились на крепости северной Сирии, не объявляя войну Египту. Авантюристической политике царя Дамаска требовалась жертва. Самарии было назначено стать первой, и началась ее осада.

Царь Ахав спросил пророка, откуда придет помощь. «Слуги областных начальников» обратят сирийцев в бегство — таков был ответ (3-я Книга Царств 20:14). Что это означало? Почему сирийское войско должно было опасаться стражи наместников, если оно не боялось царской армии? В битве у стен Самарии «двести тридцать два молодых воина от областных начальников», возглавившие небольшой гарнизон Самарии, обратили сирийцев в бегство. Ответ может быть найден в письмах.

Царь Сумура и Гублы (Изрееля) в своих письмах к фараону, а также к наместникам постоянно просил, чтобы к нему были направлены небольшие отряды лучников. Одно такое письмо цитировалось в предшествующем разделе: наместника просили прислать триста человек, чтобы помочь городу.

Носители эмблемы египетского государства (воины наместников провинций) были своего рода жандармерией, приставленной к наместникам фараона. Эти маленькие отряды насчитывали десятки, изредка сотни воинов. Во время исполнения ими своих обязанностей за ними стояли регулярные войска Египта, и их появление в месте конфликта между вассалами египетской короны возвещало об определенном решении фараона поддержать одну из враждующих сторон силой оружия. Нетерпение, с каким ожидали в Самарии появления одного из таких отрядов, выразилось в следующем отрывке из письма царя Сумура Хайе(?), одному из сановников Египта:

Письмо 71: «Почему ты медлил и не сказал царю, что ему следует послать лучников, чтобы они захватили Сумуру? Кто такой Абди-Аширта, раб, пес, чтобы он присвоил себе землю царя? ... пришли мне пятьдесят пар лошадей и двести пехотинцев... пока не придут лучники. Венадад хвастался своим войском, говоря, что праха Самарийского не до-

станется по горсти для всех людей, идущих за ним (3-я Книга царств 20:10)».

Победа над этой армией совершилась, когда представители монарха появились во главе защитников Самарии.

3-я Книга Царств 20:19: «И вышли из города слуги областных начальников, и войско за ними».

21: «И вышел царь Израильский, и взял коней и колесницы, и произвел большое поражение у Сириян».

«Слуги областных начальников» были солдатами фараона.

Письмо 129а: «Кто может выстоять против солдат царя (фараона)?».

Позже, когда снова наступала армия Дамаска, царь Сумура (Самарии) вспомнил об этом или о подобном событии:

Письмо 121: «Я написал во дворец: «Пришлите лучников. Разве они прежде не отвоевали земли для царя?»».

И подобным же образом он писал в другом, более позднем письме:

Письмо 132: «Прежде Абди-Аширта выступил против меня, и я писал твоему отцу: «Пошли царских лучников. И вся земля будет захвачена за несколько дней».

И еще раз он вспоминал об этом памятном событии, и слова его согласуются с историей, изложенной в Библии.

Письмо 138: «Когда Абди-Ашрати завоевал Сумури, я защищал город своими собственными силами. У меня не было гарнизона. Но я написал царю, моему властелину, и солдаты пришли, и они захватили Сумури».

Пленение и освобождение царя Дамаска царем Самарии

Спустя год после того, как «молодые воины от областных начальников» освободили Самарию от осады, Венадад еще раз выступил против царя израиль-

ского и был встречен защитниками на равнине Афек. «И расположились сыны Израилевы станом перед ними, как бы два небольших стада коз, а Сирияне наполнили землю» (3-я Книга Царств 20:27).

Страх, который внушала эта армия, усиливался от ее численности; мы читаем в письмах эль-Амарны, что она состояла из необученных и неорганизованных отрядов. Во время боя сирийцы еще раз потерпели поражение, а Венадад бежал в Афек и скрылся. Его слуги сказали ему: «Цари из дома Израиля милосердны... выходи к царю Израиля». Тогда они «пришли к царю Израильскому и сказали: раб твой Венадад говорит: «пощади жизнь мою». Тот сказал: разве он жив? он брат мой. Люди сии приняли это за хороший знак, и поспешно подхватили слово из уст его, и сказали: брат твой Венадад... И сказал он: пойдите, приведите его. И вышел к нему Венадад, и он посадил его с собою на колесницу. И сказал ему Венадад: города, которые взял мой отец у твоего отца, я возвращу, и площади ты можешь иметь для себя в Дамаске, как отец мой имел в Самарии. Ахав сказал: после договора я отпущу тебя. И, заключив с ним договор, отпустил его» (3-я Книга Царств 20:31—34).

Из этой истории мы узнаем, что Венадад потерпел поражение и был взят в плен, но освобожден; с ним был заключен договор; сирийцы построили часть Самарии; был спор между сирийцами и израильтянами о количестве городов.

Выясняется, что в письмах царя Сумура мы располагаем ссылками на все эти события, причем некоторые из них происходили всего за несколько лет до времени написания письма.

Во времена упадка и угнетения, которые наступили позже, царь Сумура, вспоминая об этих лучших днях, писал фараону:

Письмо 127: «Когда прежде Абди-Ашрату пошел против нас, я был могущественен; но вот теперь мой народ сломлен...».

Ища помощи фараона против Азару (Азаила), сына Абди-Аширты (Венадада¹), он вспоминал о пленении царя

¹ Этот Азаил был сыном Венадада.

Дамаска:

Письмо 117: «Если бы мои слова были уважены, то Азару наверняка был бы захвачен, как и его отец».

Венадад был захвачен и освобожден:

Письмо 117: «Абди-Аширта со всем, что ему принадлежало, не был (тогда) захвачен, как я уже сказал».

Договор с Венададом был заключен в тот момент, когда сирийцы потерпели поражение. Пророк, огорченный легковерием царя Самарии, переоделся раненым воином, остановил царя на дороге и сказал ему: «Душа твоя будет вместо его (Венадада) души, народ твой вместо его народа» (3-я Книга Царств 20:42).

Это библейское пророчество было исполнено. Мы читаем жалобы царя Сумура на то, что его угнетает царь Дамаска, которого он когда-то освободил. Он даже обдумывает новый договор с царем Дамаска, будучи на этот раз в положении униженного партнера.

Письмо 83: «Почему ты медлишь, раз твоя земля захвачена?... Я писал о гарнизоне и о лошадях, но они не даны мне. Пошли мне ответ. Иначе я заключу договор с Абди-Аширтой... Тогда я буду спасен».

Он находился в положении некогда жалкого царя Дамаска, который, будучи побежден, просил мирного договора.

Договор, заключенный после битвы при Афеке и составленный в интересах Израиля, продолжался три года: «Прожили три года, и не было войны между Сирией и Израилем» (3-я Книга Царств 22:1). Затем вражда между Самарией и Дамаском возобновилась. Война, которая началась с осады Самарии, была продолжена у Афека, а через трехлетний промежуток снова вспыхнула в Рамофе Галаадском. И поэтому царь Сумура (Самарии) писал: «Три раза за эти годы он (Абди-Аширта) выступил против меня»¹.

¹ Письмо 85.

Корабли, вожди или легионы?

В письмах эль-Амарны часто встречается слово, которое в некоторых случаях согласуется с текстом, а в других — нет: это слово *elippe*, которое переводится «корабль».

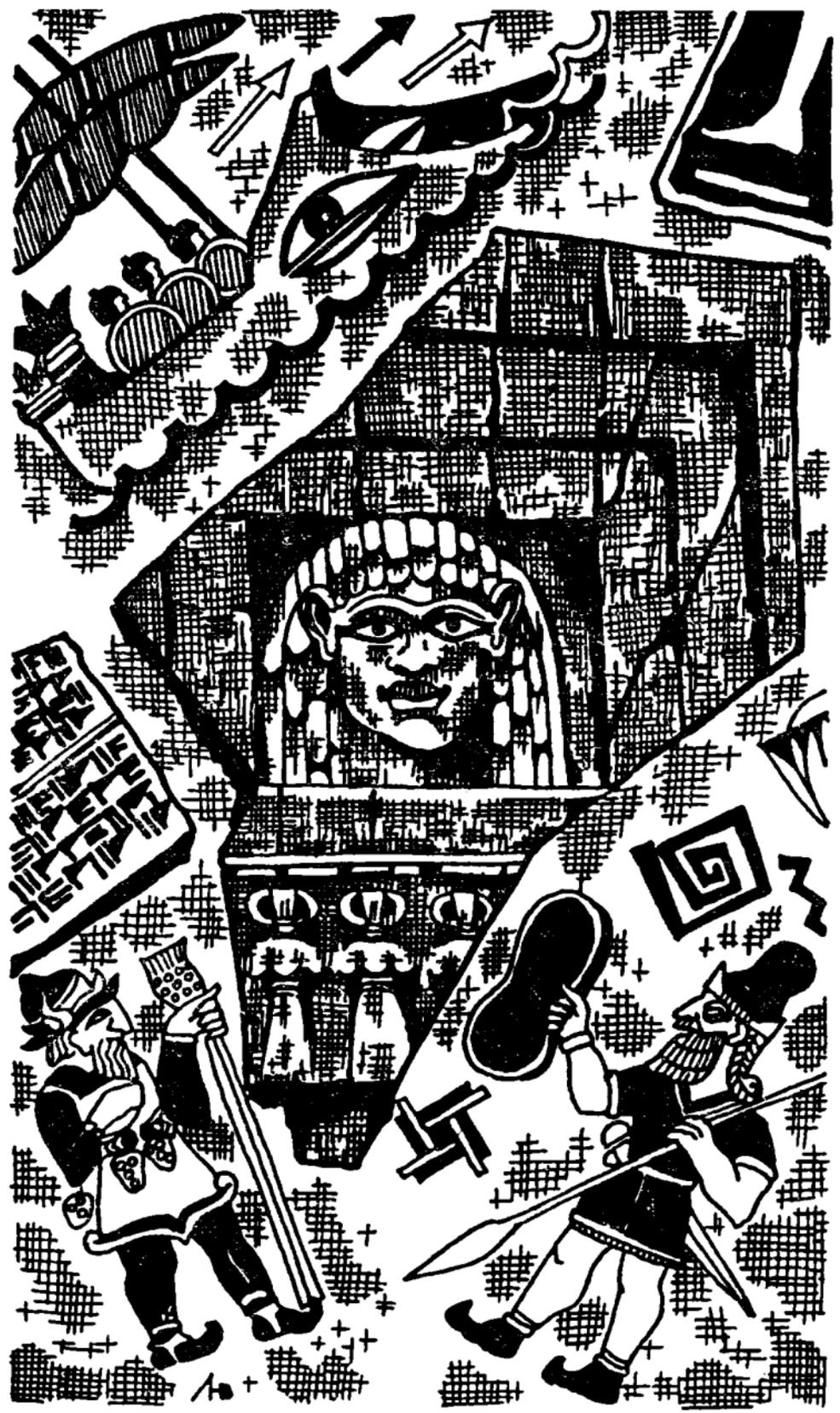
Этот перевод вполне уместен в письме царя тирского, который писал, что царь Бейрута отбыл на корабле, и в письме царя Сумура (Самарии), который просил, чтобы припасы были посланы ему на кораблях.

В девятом веке Палестина пыталась поддержать традиции мореплавания предшествующего столетия. Иосафат попробовал повторить свершения Соломона и построить корабли в Ецион-Гавере в заливе Красного моря Акаба, чтобы направить их в Фарсис (2-я Книга Паралипоменон 20:36). Но это предприятие завершилось плачевно, едва начавшись, когда шторм, налетающий в этом заливе внезапно, разбил его флот. Финикийские города Тир, Сидон и Бейрут вступили в мореходное сообщение гораздо позже. Перевод слова *elippe* как «корабль» в вышеприведенных примерах, бесспорно, верен. Прочтение этого слова как «корабли» может быть верным даже в связи с внутренними районами Палестины, если в это время существовала навигация на Иордане (как это позже описывал Страбон (XVI, 2) или на Галилейском море. Но в ряде случаев обнаруживаются корабли, передвигающиеся по суше и совершающие другие действия, которые средству надводного перемещения не подобают. Например, сказано, что *elippe* проник в землю амореев и вступил в заговор с убийцами Абди-Аширты.

В еврейском языке есть слово «*ilpha*» (*aleph, lamed, phe*), происходящее от сирийского и означающее «корабль»¹. Старое еврейское слово *aliph* там же (а также *aleph, lamed, phe*) означает «князь, предводитель клана, глава семьи»². Мне кажется, что *elippe* в письмах эль-Амарны должно иногда означать вождя или предводителя малень-

¹ См.: Levy, *Wörterbuch über die Talmudim und Midrashim*.

² Там же.

кого племени. Тот или другой город, упоминаемый в письмах эль-Амарны и предположительно являющийся крепостью, не обязательно должен стоять на море или на озере только потому, что в него прибыл «корабль» и совершил некое действие. В этих случаях слово понимается неправильно современными исследователями, но им может быть легче от того, что такая же ошибка была совершена писцом, который, переписывая летописи этого периода, использовал древние хроники.

Когда Венадад со своими военачальниками бежал с поля битвы в город, часть городской стены треснула и «упала на двадцать семь тысяч» человек (3-я Книга Царств 20:30). Это кажется явным преувеличением. Афек не был столь большим городом, и десятки тысяч людей вряд ли могли быть убиты падающей стеной. Ныне *eleph* (и еще *aleph, lamed, phe*) означает «тысяча»¹, а *aluph* означает, как я уже указывал, «вождя племени».

Мы еще напомним, что при описании феодальных владений пяти военачальников Иосафата было сказано, что один имел в подчинении триста тысяч доблестных воинов, второй — двести восемьдесят тысяч и т. д. Хотя во времена Давида в Иудее количество людей, готовых для призыва, насчитывало пятьсот тысяч, а в Израиле восемьсот тысяч², а одним столетием позже Аса командовал войском в триста тысяч из Иудеи и в двести сорок тысяч из земли Вениамина, тем не менее кажется, что фрагмент о военачальниках Иосафата лучше бы отразил военную мощь палестинских князей этой эпохи, если прочесть его следующим образом: «Адна, предводитель, и с ним триста доблестных вождей. А рядом с ним был Иоханан предводитель и с ним двести сорок вождей» и т. д.

Ныне очевидно, что феодальные владения отсчитывались по количеству вождей племен или глав общин. Меса написал на своем обелиске: «И вождей Диабона было пятьдесят, ибо весь Диабон был подвластен (мне). И я царствовал над сотней (предводителей) в городах, которые я

¹ Sar-ha-eleph — это предводитель тысячи. От этого могло произойти слово *aluph* — «предводитель племени».

² 2-я Книга Царств 24:9

присоединил к своей земле».

«Тысячи» в библейской истории разгрома при Афеке и, вероятно, также в отрывке о военачальниках Иосафата, и «корабли» во многих письмах эль-Амарны должны быть заменены «вождями» или «предводителями общин», что приведет отрывки из писем и Библии в соответствие со здравым смыслом.

Царь Самарии ищет союзника против царя Дамаска

Поскольку один из этих городов восстал, мир был нарушен.

3-я Книга Царств 22:3: «И сказал царь Израильский слугам своим: знаете ли, что Рамоф Галаадский наш? А мы так долго молчим, и не берем его из руки царя Сирийского».

О споре по поводу городов израильских, захваченных царем Дамаска, в письмах эль-Амарны упоминалось десятки раз.

Согласно Библии, сначала этими городами были «Аин и Дан и Авел-Беф-Мааху, и весь Киннероф, по всей земле Неффалима» (3-я Книга Царств 15:20), «города израильские», которые царь Дамаска разрушил в давние дни. Позже к ним были добавлены другие территории, завоеванные царем Дамаска.

«Абди-Аширта, пес, он стремится захватить все города», — писал царь Сумура (Самарии).

Письмо 81: «Пусть царь, властелин мой, знает, что могут существовать вражда Абди-Аширты и что он захватил себе все мои города».

Царь Сумура (Самарии) искал союзника, чтобы вернуть эти потерянные города. Он рассчитывал, что если один из царей-наместников станет рядом с ним, он сможет наносить удар за ударом и выгонит банды сирийцев.

Письмо 85: «Если один наместник объединится со мной, тогда я изгоню Абди-Аширту из Амореи».

3-я Книга Царств 22:4: «И сказал он Иосафату: пойдешь ли ты со мною на войну против Рамофа Галаадского?».

В это время правитель Аман-аппа находился в Самарии.

Пророк предостерегал царей Иерусалима и Самарии, чтобы они не шли на войну с царем Дамаска. Пророк был отведен к градоначальнику (3-я Книга Царств 22:26).

Царь Иосафат в начале своего царствования укрепил свою мощь против Израиля: «И поставил он войско во все укрепленные города Иудеи... и по городам Ефремовым, которыми овладел Аса, отец его» (2-я Книга Паралипоменон 17:2). Позже он заключил мир с Израилем и согласился присоединиться к Ахаву в его походе против царя Дамаска в Рамоф Галаадский. Он почувствовал, что сириец становится слишком силен и что может настать день, когда он станет грозить и Иерусалиму. Возможно также, что он желал искупить грех своего отца Асы, который позвал на помощь царя Дамаска, когда защищал свою землю от Вааса израильского.

Эти два царя объединились и встретили своего врага у Рамофа Галаадского. В ходе этой битвы случайная стрела сразила царя Ахава.

Ахав или Иорам: две версии Библии

С историей этой первой битвы у Рамофа Галаадского мы выходим на период, в продолжение которого были написаны письма эль-Амарны. Царь, который написал более шестидесяти сохранившихся писем, называл себя — если прочтено правильно — Риб-Адди. Был ли их автор библейским Ахавом или Иорамом, сыном Ахава? Они были написаны в конце царствования Иосафата в Иерусалиме, и их содержание соответствует событиям этого времени. Согласно наиболее распространенной в Библии версии этой истории, Ахав умер от раны, которую получил в битве при Рамофе Галаадском; Охозия, его сын, наследовал ему на троне Израиля, процарствовав два года.

После смерти Охозии царствовал Иорам, его брат. Менее подробная, но, вероятно, более древняя версия в Библии предполагает, что Ахав был только ранен при Рамофе Галаадском и процарствовал еще девять лет.

Начало царствования Иорама в Израиле освещено в двух довольно противоречивых утверждениях:

4-я Книга Царств 1:17: «И воцарился Иорам вместо него (Охозии), во второй год Иорама, сына Иосафата, царя Иудейского».

4-я Книга Царств 3:1: «Иорам, сын Ахава, воцарился над Израилем в Самарии в восемнадцатый год Иосафата, царя Иудейского»¹.

Иосафат правил двадцать пять лет². Разница в этих двух утверждениях составляет девять лет: последние семь лет Иосафата и первые два года царствования его сына³. Противоречивые сведения, разумеется, представляли сложность для историков и экзегетов. Обсуждаемый вопрос, с которым были связаны только хронологические затруднения, стал важной проблемой для изучения палестинской истории в период писем эль-Амарны, потому что именно в период этих девяти лет была написана большая часть писем. Как должно быть ясно, проблема возникает не из сравнения Библии с письмами эль-Амарны, но из-за несогласованности библейских текстов. Письма эль-Амарны помогут прояснить весь этот вопрос.

Если в продолжение последних семи лет царствования Иосафата Иорам правил в Израиле, то именно он должен бы написать те самые шестьдесят пять писем, представленных в архивах эль-Амарны. Но если верна другая версия из 4-й Книги Царств и в продолжение последних семи лет правления царя Иосафата царь Ахав еще царствовал в Израиле, тогда он должен быть автором этих писем и события этих семи или девяти лет должны были происходить в его время. Ахав, скончавшийся через один

¹ См. также: 4-я книга Царств 8:16.

² 2-я Книга Паралипоменон 20:31.

³ То же самое расхождение в девять лет существует в сообщениях о царствовании Вааса и Асы.

или два года после Иосафата, столкнулся бы с событиями, которые относят к его сыну Иораму. Он бы не умер от руки одного из лучников Венадада, а всего лишь получил ранение и пережил бы Венадада. Подобным же образом мятеж Месы, царя Моава, произошел бы не после смерти Ахава, а после его поражения при Рамофе Галаадском.

Описание битвы при Рамофе Галаадском создает впечатление, что рука какого-то более позднего писца пыталась смешать различные источники. Будучи ранен лучником, Ахав «сказал своему вознице: поворачоти назад, и вывези меня из войска; ибо я ранен». Это говорит о том, что раненый Ахав покинул поле битвы. Но следующий отрывок противоречит этому: «Но сражение в тот день усилилось, и царь стоял на колеснице против Сириян, и вечером умер, и кровь из раны лилась в колесницу» (3-я Книга Царств 22:34—35).

Эта история составляет итог драмы, известной как преступление Ахава, жена которого Иезавель отдала ему виноградник Навуфея, расположенный по соседству с дворцом в Изрееле, чтобы устроить в нем сад. Когда Ахав вознамерился пойти в этот виноградник, чтобы завладеть им, к нему пришел Илия Фесвитянин. И Ахав сказал Илию: «Нашел ты меня, враг мой?». И услышал в ответ. «Нашел... Ты убил, и еще вступаешь в наследство?... На том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь... Псы съедят Иезавель за стеной Изрееля» (3-я Книга Царств 21).

В соответствии с этим проклятьем после битвы при Рамофе Галаадском «обмыли колесницу в пруде Самарийском, и псы лизали кровь его (Ахава), и омывали блудницы, по слову Господа, которое он изрек» (3-я Книга Царств 22:38).

Но история встречи пророка с царем имела продолжение. Когда Ахав услышал слова пророка, он разодрал на себе одежды, одел на тело вретисце, и постился, и ходил печально. А Илия Фесвитянин услышал слово Господа: «Видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни, во дни сына его наведу беды на дом его».

А как же прощение? Ахав смирился, и беды, предназначенные для его жизни, были отложены до следующего поколения. Но, несмотря на это, зло все-таки настигло его?

Стремление писца соединить разнородные элементы оказалось безуспешным, так как в тексте есть несообразности. Этот редактор Книги Царств оказался беспомощным перед лицом двух различных версий и, отдавая предпочтение преданию, согласно которому Иорам был царем Израиля в течение семи лет правления Иосафата, он не отказался и от другой версии, поэтому, описывая историю этого периода, избегал точности, вводя во многие главы безличное и неопределенное «царь Израильский»¹.

Уже в истории битвы при Рамофе Галаадском каждый раз, когда упоминается царь Иерусалима, он называется по имени, Иосафатом, но царь Самарии пятнадцать раз упоминается как «царь Израиля»: «И царь Израиля и Иосафат», «И царь Израильский сказал Иосафату; в основной части истории имя Ахава не называется.

И в описании войны с Моавом царь Иерусалима постоянно назывался по имени, а «царь Израиля» — ни разу: «И тогда царь Израиля и Иосафат...». Только вводные ремарки информируют нас, что здесь подразумевается Иорам. В истории лечения Неемана называется лишь «царь Израильский», а имени нет. Не содержит имени и история покушений на жизнь «царя Израильского». В обширном повествовании о второй осаде Самарии, когда царь встретил мать, убившую своего ребенка, и в истории освобождения от этой осады имя царя ни разу не следует за словами «царь Израильский». Это необычно для Книг Царств и Паралипоменон.

¹ Летописи (книги Царств и Паралипоменон) составлялись во время и после вавилонского плена, так как о нем рассказано в книгах Паралипоменон, а о возвращении из плена — в Книгах Царств. Составитель Книг Царств указывал, что его работа была компиляцией, основанной на «книгах хроник царей Израильских», которые, скорее всего, были более обширны, чем канонические книги Паралипоменон. Также книги пророков Натана, Идды и других (не существовавших в то время, когда составлялась и канонизировалась Библия) связаны с этими хрониками.

Современным источником, который может пролить свет на эту проблему, является обелиск царя Месы из Моава. На этом обелиске высечено, что царь Израиля в течение долгого времени угнетал Моав, и «его сын продолжил дело отца, и он сказал: «Я причиню беды Моаву». В мои дни сказал он это». А дальше следует:

«Амврий завладел землей Медебы и (Израиля), пребывал там в продолжение дней его и половины дней его сына, сорок лет; Но Хемош освободил его в мои дни»¹.

Здесь важное событие связано с царствованием Ахава, сына Амврия, согласно одному из источников (обелиск Месы), и с царствованием Иорама, сына Ахава, согласно другому источнику — одной из двух библейских версий.

4-я Книга Царств открывается следующими словами: «И отложился Моав от Израиля по смерти Ахава». Это противоречит обелиску Месы, который гласит, что Меса восстал, когда сын Амврия процарствовал только половину своего срока.

Если Ахав не был убит, а только ранен при Рамофе Галаадском и поражение стало сигналом для восстания в Моаве, тогда выражение «половина дней его (Амврия) сына» согласуется с версией, согласно которой Ахав царствовал в течение времени, которое в другом случае было бы отведено Иораму.

Кроме факта восстания Месы, которое произошло не после смерти Ахава, а в середине его царствования, не согласуется с библейским отсчетом времени и цифра сорок лет, обозначающая период царствования Амврия и половину царствования его сына. Сорок лет угнетения Моава могут быть истолкованы как цифра условная, поскольку сорок лет — это мера одного поколения или периода времени, подобного нашим нынешним векам. Но отсчет должен примерно соответствовать прошедшему времени: скорее всего предполагается более долгое царствование Амврия и Ахава или одного из них².

¹ Перевод С. Р. Драйвера.

² Сравн.: 3-я Книга Царств 16:23 и 16:29.

Было записано, что Амврий царствовал двенадцать лет над Израилем и шесть из них в Фирце (3-я Книга Царств 16:23) и что Ахав царствовал двадцать два года в Самарии (3-я Книга Царств 16:29). Или царствование Ахава началось позже, чем сообщалось, или оно длилось дольше. Поскольку о его отце Амврии сказано, что он «шесть лет царствовал в Фирце», а двенадцать лет над Израилем, то ясно, что последние шесть лет он царствовал в своей новой столице Самарии (Шемер). Подобным же образом двадцать два года царствования Ахава в Самарии могут относиться к его царствованию только в этой столице, а о годах его правления в новой столице Изрееле не упоминается.

В одном из своих последних писем царь Сумура (Самарии) писал о себе фараону Эхнатону:

Письмо 137: «И вот я не могу прийти в земли Египта. Я стар, и мое тело страдает от жестокой болезни».

Это Ахав мог сказать, что он стар, а не его сын в первую половину своего царствования.

Надпись ассиро-вавилонского царя Салманассара III, как и обелиск Месы, противоречит той же версии Библии. Салманассар писал, что в шестой год своего правления он сражался в союзе с сирийскими и палестинскими князьями в Каркаре. Среди этих князей упомянут Ахав. Он предоставил объединенному войску десять тысяч воинов и две тысячи колесниц⁷. В восемнадцатый год своего царствования Салманассар писал, что он «получил дань от народов Тира, Сидона и Ииуя из дома Амврия»².

В продолжение двенадцати лет, между шестым и восемнадцатым годами правления Салманассара, царствование Ахава должно было закончиться, Охозия царствовал два года, Иорам — двенадцать лет, а Ииуй должен был

¹ Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 610.

² Там же, сек. 672. Ииуй был сыном Иосафата, сына Нимши. Был ли он сыном дочери Амврия?

править в течение неопределенного времени. Но даже если Ахав умер сразу после битвы при Каркаре¹ и дань Ииуя, о которой упомянуто в надписи, была выплачена сразу после того, как он захватил трон, все равно должно было остаться еще двенадцать лет для царствования Иорама.

Таким образом, обелиск Месы требует продления царствования Ахава, а надпись Салманассара требует сокращения царствования Иорама, так чтобы приблизить Ахава к Ииую.

На основании представленных фактов может быть выдвинута гипотеза, в соответствии с которой само существование Иорама, царя израильского, может быть поставлено под сомнение.²

Что мог перепутать летописец, называя сына Ахава именем Иорам? Иорам был сыном Иосафата и зятем Ахава (2-я Книга Паралипоменон 21:6). Очевидно, в политику Иосафата входило укрепление добрых отношений с Израилем через этот союз; вероятно, он надеялся объединить оба царства под властью своего сына Иорама и Аталии, дочери Ахава и Иезавели. Иосафат посетил Самарию и сам заключил с Ахавом военный союз.

Было сказано, что Ахав убит при Рамофе Галаадском. Сказано также, что Иорам, его сын, тоже был ранен при Рамофе Галаадском при подобных же обстоятельствах, когда его союзником в битве вновь был царь Иудей

¹ В продолжение этих тринадцати лет, 854—842, должна была наступить смерть Ахава, царствования Охозии и Иорама и восшествие на трон Ииуя. Похоже, что после 854 года у Ахава не оставалось времени. Смерть Ахава, однако, не могла быть связана со столь ранней датой, как 854 год. К. Marti in *Encyclopaedia Biblica*, I (New York 1899), «Chronology».

² Кажется проблематичным, чтобы Ахав, который преследовал культ Яхве, назвал своего сына Иорамом (Яхве высок). Это могло бы быть сильным аргументом, если бы не тот факт, что библейские имена других детей Ахава — Охозии, Иоаса и Аталии — вызывают тот же вопрос.

(4-я Книга Царств 8:28). Многие другие детали, связанные с царствованием этих двух царей израильских, несут печать странного сходства.

Возможно, Иорам, сын Иосафата, действовал как регент, наследовавший своему тестю Ахаву и Охозии, сыну Ахава, который умер после короткого царствования от продолжительной болезни. Об Иораме сказано: «И ходил он путем царей Израильских, как поступал дом Ахавов, — потому что дочь Ахава была женою его»¹. Затем трон Израиля был захвачен Ииуем и Иорам был убит вместе с Охозией из дома Иудина. Дочь Ахава Аталиа, жена Иорам, захватила трон Иерусалима, когда ее муж и сын были убиты. Вслед за описанием убийства Иорама и Охозии Ииуем 4-я Книга Царств сообщает: «У Ахава было семьдесят сыновей в Самарии». Ииуй послал письма в Самарию начальникам с призывом: «Выберите лучшего и достойнейшего из сыновей государя своего, и посадите на престол отца его». Царь, который назван «государем», — это Ахав, а не Иорам, сын Ахава, и один из его (Ахава) сыновей должен был наследовать ему, если бы все они не погибли в общей бойне. Это также могло бы объяснить, почему царствование Ахава длилось почти до восстания Ииуя.

На последующих страницах будет показано, что слухи о смерти Ахава распространялись, когда он еще был жив. Последующие летописцы могли ошибаться, если ошибались даже современники.

Независимо от того, верна или ошибочна гипотеза об Иораме, документы Месы, Салманассара и эль-Амарны единодушно подтверждают ту версию Библии, согласно которой Ахав был жив еще в течение семи лет правления Иосафата.

В споре между двумя версиями Книги Царств все три источника, не связанных с Библией, свидетельствуют в

¹ 2-я Книга Паралипоменон 21:6; 4-я Книга Царств 16:18.

пользу частной версии и против основного текста; толкование в 4-й Книге Царств 1:17 должно быть признано верным. Это будет означать, что Ахав умер не до, а после Иосафата, что, в свою очередь, означало бы, что автором более шестидесяти сохранившихся глиняных табличек был Ахав и никто иной.

ГЛАВА VII
ПИСЬМА ЭЛЬ-АМАРНЫ
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Голод

Племена пустыни, гонимые голодом, пришли к Иордану и переправились через реку только для того, чтобы увидеть землю Израиля в еще большем запустении и нищете, чем та, от которой они только что бежали. На полях Израиля ничего не росло. Луга были выжжены солнцем, и только колючки торчали из бесплодной земли.

Первое предсказание о засухе пришло от Илии Фесвитянина, который сказал царю:

3-я Книга Царств 17:1: «...а сии годы не будет ни росы, ни дождя».

Небеса дышали зноем, деревья в полях сохли. Ручей Хораф, где пророк нашел немного воды, тоже пересох, как и другие ручьи. *3-я Книга Царств 17:7*: «По прошествии некоторого времени этот поток высох; ибо не было дождя на землю».

Взоры с надеждой устремлялись к небу, выискивая, не появится ли тучка. Пророк сказал, что благословение, данное им бедной вдове, продлится «до того дня, когда Господь даст дождь на землю» (*3-я Книга Царств 17:14*).

В отличие от Египта, который зависел от реки¹, урожай Палестины зависел только от дождя; засуха принесла голод.

3-я Книга Царств 18:2: «Голод же сильный был в Самарии».

Это было время голода и истощения, не имеющее аналогий в истории периода царей израильских. Бедствие продолжалось семь лет.

4-я Книга Царств 8:1: «...ибо призвал Господь голод, и он придет на сию землю на семь лет».

Этот голод заслонил все события того времени; пе-

¹ Голубой Нил питается тропическими ливнями, выпадающими в Эфиопии, и тающими снегами с ее гор.

чать голода лежит на всем этом периоде. Целые главы в Библии описывают этот голод. В эти годы были написаны письма эль-Амарны, и было бы невероятно, если бы они не отразили эти события. Дело в том, что письма эль-Амарны, написанные царем Сумура (Самарии), не менее красноречивы, чем Книги Царств.

Голод был так велик, что детей продавали за хлеб.

Письмо 74: «Нашим сынам и нашим дочерям пришел конец вместе с нами, потому что их отдают в Иаримуту, чтобы спасти наши жизни. Мое поле — это жена, у которой нет мужа, оно нуждается в возделывании».

После того как сыновья и дочери были проданы в рабство, чтобы спасти их и остатки населения от голодной смерти, на еду стали менять домашнюю утварь.

Письмо 75: «Сынам, дочерям пришел конец и деревянной утвари из домов, потому что все отдано в Иаримуту для спасения наших жизней».

Царь повторил свое сравнение незасеянной земли с женщиной, покинутой мужем; он вынужден был повторять это во многих письмах. Более чем в тридцати фрагментах своих писем царь Сумура (Самарии) пишет о бедствиях голода или молит о пропитании для населения и армии.

Письмо 79: «Дай мне что-нибудь, чтобы накормить их (лучников), у меня ничего нет».

Письмо 83: «... Дай зерна для моего провианта».

Письмо 85: «Совсем нет зерна, чтобы поддержать нас. Что я скажу моим крестьянам? Их сыновьям, их дочерям пришел конец... Пошли зерна на кораблях и сохрани жизнь слуги своего и его город.... Может быть, царю, господину моему, покажется благом, чтобы дано было зерно из земли Иаримута».

Письма 86: «Нечего предложить для спасения... И пусть из земли Иаримута дано будет зерно для нашего пропитания».

Зерно, полученное из Иаримуты в обмен на свободу части людей, было подсчитано и разделено на скудные доли среди крестьян. (Что касается местонахождения Иариму-

ты, читатель узнает об этом в следующем разделе).

Мы видим движение лет:

Письмо 85: «Уже два года я отмеряю свое зерно».

Письмо 86: «Я отмеряю свое зерно уже три года».

Письмо 90: «Мое поле жаждет вспашки, и я отмеряю свое зерно».

Письмо 91: «Я отмеряю свое зерно».

Указание в Библии на то, что голод продолжался семь лет (4-я Книга Царств 8:1), соответствует впечатлению, которое производят эти письма. После третьего года засухи голод еще постоянно напоминал о себе, хотя только на основе писем мы не можем точно подсчитать время. Цифра «семь лет» помогает установить хронологию некоторых писем эль-Амарны.

Ручьи и колодцы пересохли; один князь с севера, союзник египетского фараона, намеревался прийти на помощь Сумуру (Самарии)

Письмо 85: «... но, там не нашлось воды, чтобы он напился, и он вернулся домой».

Нехватка воды описана в истории потока, который пересох после отсутствия дождей (3-я Книга Царств 17:7); этот отрывок цитировался выше. Царь Израиля, который предпринял военную экспедицию против Месы, оказался в тяжелом положении, потому что «не было воды для войска и для скота, который шел за ними» (4-я Книга Царств 3:9). «И был голод в земле той» (4-я Книга Царств 4:38). В письме царя вавилонского мы читаем: «Дорога (в Египет) очень долгая, запасы воды закончились, а погода очень жаркая»¹.

И эта засуха и беспокойство царя Израиля отражены в той части истории, где он говорит Авдию, начальствующему над его дворцом:

3-я Книга Царств 18:5—6: «... пойдя по земле ко всем источникам водным и ко всем потокам на земле, не

¹ Письмо 7.

найденны ли где травы, чтобы нам прокормить коней и лошаков и не лишиться скота. И разделили они между собой землю, чтобы обойти ее...».

Отрывок из письма, написанного фараону каким-то человеком из Гублы, но не самим царем, может привести нас к догадке относительно автора этого письма. Осветив политические дела, автор письма сообщает о беспокойстве за своих ослов:

Письмо 94: «Прежде, что касается ослов, царь приказывал, чтобы их отдавали его верным слугам. Но воистину теперь у него ничего нет...».

Имя автора в начале письма не сохранилось. Это мог быть Авдий, человек, который имел преимущественное право писать фараону и кому была поручена забота о животных. Человек, который вместе с Ахавом, царем Самарии, был озабочен тем, чтобы «мы не потеряли всех наших животных», сообщал египетскому монарху о том, что ни один осел не вынес голода и жажды.

О море среди животных в Самарии сообщалось в письме, написанном из Египта одним управляющим; он слышал, что народу Сумуры не позволялось входить в Гублу, потому что в Сумуре наступил мор.

Письмо 96: «Что за мор напал на ослов?».

Как за пределами столицы, так и в самой Самарии люди голодали. Царь свез сокровища своего государства вместе с детьми, проданными в рабство «ради спасения жизни» в место, называемое Иаримута, чтобы получить там зерно; перечень этих сокровищ частично сохранился. Но царь не получил зерна, потому что наместник края, из которого оно должно было быть послано, по-видимому, вступил в союз с Дамаском.

Ужасающий семилетний голод оставил глубокий след. Спустя тысячу лет раввинская Хагада повествовала: «В первый год все запасы в домах были съедены. Во второй год люди поддерживали себя тем, что могли наскрести в полях. Плоть чистых животных обеспечила третий год; на четвертый год страдальцы использовали нечистых животных, на пятый — рептилий и насекомых; а на шестой год

случилась чудовищная вещь, когда женщины, обезумевшие от голода, пустили в пищу своих собственных детей... На седьмой год люди пытались отрывать плоть со своих собственных костей».¹

Письма царя Сумура (Самарии), отражающие эту эпоху, передают агонию тех лет. Он писал о тщетных попытках получить зерно для пропитания из Иаримуты, «чтобы я не умер»². И вновь писал: «Все съедено»³, вновь: «Все кончилось»⁴, и царю нечего было дать своему народу: ни зерна, ни хлеба, ни семян, чтобы обеспечить урожай будущего года.

Царь писал, что у него нет провизии для крестьян⁵; что он их боится⁶, что они могут взбунтоваться⁷, что они собираются уйти: «Мои крестьяне намереваются уйти»⁸, что его земля опустошена и крестьяне уходят в места, где можно раздобыть зерно:

Письмо 125: «И нет здесь зерна для моего пропитания, и крестьяне ушли в города, где есть зерно для их пропитания».

Эта эмиграция отражена в 4-й Книге Царств 8:1:

«Встань и пойдти, ты и дом твой, и поживи там, где можешь пожить; ибо призвал Господь голод, и он придет на сию землю на семь лет».

Знаменательно, что и в Библии, и в письмах многолетний голод сосредоточен в земле Самарии (Сумура).

Самое короткое сообщение — короткое потому, что на испорченной табличке сохранилось всего несколько слов

¹ Ginzberg, *Legends*, IV, 190—91.

² Письмо 105.

³ Письмо 112.

⁴ Письмо 117.

⁵ Письмо 118.

⁶ Письмо 117.

⁷ Письмо 130.

⁸ Письмо 114.

— оказалось самым красноречивым:
«прах... урожай... на земле».

Восстание Месы

Меса, царь Моава, платил дань царю израильскому: «Меса, царь Моавитский, был богат скотом и присылал царю Израильскому по сто тысяч овец и по сто тысяч неостриженных баранов» (4-я Книга Царств 3:4).

После поражения при Рамофе Галаадском Моав восстал против царя израильского (4-я Книга Царств 1:1 и 3:5). Объединенная армия Израиля, Иудеи и Идумеи очень страдала от недостатка воды, когда шла вдоль Мертвого моря, чтобы призвать царя Моава к повиновению. Они вошли в Моав с юга и предали эту землю разрушению. Царь Моава пытался прорвать осаду, но не смог. «И взял он сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознес его во всеожжение на стене. Это произвело большое негодование в Израильтянах, и они отступили от него, и возвратились в свою землю» (4-я Книга Царств 3:27).

Очевидно, что Израиль потерпел поражение и что его союзники ничем не смогли помочь. Нам не сообщается никаких подробностей этого «большого негодования».

В шестидесятые годы прошлого столетия арабы из Дибана в Транс-Иордане, древнем Дивоне, показали одному путешественнику черный базальтовый обелиск, на котором были высечены древнееврейские письмена. После того как камень был продан в музей, арабы пожалели об этой сделке. Они стали думать, что внутри камня спрятан клад и что странная надпись говорила именно об этом, поэтому они решили вскрыть камень. Более того, они сочли, что, разбив его, получат больше предметов для продажи. И если этот камень заколдован, то прежде всего следовало снять чары. Они нагрели его в огне, полили холодной водой и разбили на множество кусков.

Однако один молодой ученый сумел тайком унести кусок камня, отколотый арабом. Позже разбитый базальт в очень плачевном состоянии был доставлен в музей Лув-

ра. Потребовались недостающие части, но все вместе составило только верхнюю часть обелиска. Камень, который в момент находки был оценен как древнейшая надпись еврейскими письменами, попавшая в руки археологов, подтвердил тот факт, что моавитяне пользовались еврейским языком.

Текст содержит отчет о победе Месы над Израилем. Он открывается следующими словами:

«Я Меса, сын Хемоша, царя Моава, дайвонитянин (дивонитянин)¹. Мой отец правил Моавом тридцать лет, и я царствовал вслед за своим отцом. И я воздвиг это высокое место для Хемоша в KRКНН, высокое место спасения, потому что он спас меня от всех противников и потому что он позволил мне восторжествовать над всеми теми, кто ненавидел меня.

Амврий, царь Израиля, угнетал Моав много дней, потому что Хемош враждовал с его землей. И его сын продолжал его дело, и он тоже сказал: «Я буду нести беды Моаву». В мои дни сказал он это. Но я увидел мое торжество над ним и над его домом, и Израиль погиб после окончательного поражения»².

Меса сообщал, что он восстановил Медебу, построил Баал-Меон и Кириатен, боролся против Атарота, издавна бывшего местопребыванием колена Гадова, укрепленным царем израильским, и выгнал всех жителей из этого города. Оракул Хемоша сказал ему: «Иди, возьми Нево против Израиля», и он взял его, и изгнал всех, кто в нем был — семь тысяч мужчин, и мальчиков, и женщин, девочек, и слуг. «И царь Израильский построил Иахас и жил в нем, когда боролся против меня. Но Хемош изгнал его оттуда до меня, и я взял... его, чтобы присоединить к Девону». Потом Меса построил и отремонтировал стены и дворец в Каркахе с помощью рабского труда пленных из Израиля, и об этом сообщалось со множеством подробностей; он также построил и другие дворцы. Он продолжал войну и

¹ О Дивоне см.: Числа 21:30; Книга Исуса Навина 13:9.

² Перевод С. Р. Драйвера. Современный перевод У. Ф. Олбрайта отличается в некоторых деталях («Palestine Inscriptions» in *Ancient Near Eastern Text*, ed. Pritchard).

пошел против израильского города Орона, и здесь изложение прерывается; строчки стерты, но можно предположить, что рассказывалось и о других военных победах над Израилем. Несколько раз можно прочесть «И я». Нижняя часть обелиска отсутствует. Города, упомянутые на обелиске, находятся в Транс-Иордане, но Карках неизвестен.

Каждое слово и каждая запись и каждый стертый фрагмент стали объектами тщательного исследования: обелиск Месы рассматривается как величайшее и уникальное открытие в области библейской археологии, особенно потому, что составляет параллель библейскому повествованию.

Книга Царств повествует, что «был великий гнев против Израиля» при попытке поработить Моав, который восстал; какую форму принял этот гнев — повествование умалчивает. Книга Паралипоменон сообщает, что моавитяне вместе с аммонитянами вторглись в Палестину с помощью сирийцев. Из надписи на обелиске Месы мы знаем, что Меса, царь Моава, взял реванш «полным разрушением» Израиля и что Мехедева, Атарот, Нево и Иаха были вновь захвачены. «Окончательное разрушение» не состояло только в повторном захвате четырех или пяти не очень значительных населенных пунктов в Транс-Иордании.

Клинописные письма эль-Амарны, обнаруженные через двадцать лет после открытия обелиска Месы, рассматриваются как исторические документы, предшествующие обелиску Месы примерно на пятьсот пятьдесят лет и относящиеся к ханаанскому периоду. Настоящее исследование показывает, что это документы одного времени, написанные в середине девятого века.

В письмах из Палестины, и особенно в тех, которые были написаны царем Самарии, мы ожидали бы найти прямые упоминания о мятеже Месы. Мы также ожидали бы найти упоминания о событиях, сообщения о которых были высечены на нижней, отсутствующей части обелиска Месы. И действительно, письма эль-Амарны содержат обширные свидетельства об истории этой войны, а также дают нам материал, с помощью которого можно примерно восстановить отсутствующую часть надписи.

Уже в самом раннем из имеющихся писем царя Су-мура (Самарии) он писал фараону (Аменхотепу III):

Письмо 68: «Пусть узнает царь, мой властелин... что враждебность ко мне войск *sa.gaz.Mesh* очень велика. Пусть царь, властелин мой, не отвернется от Сумура, чтобы он не был полностью захвачен войском *sa.gaz.Mesh*».

В переводах писем эль-Амарны мы обнаруживаем, что *sa-gaz-Mesh* переводится как «народ *sa-gaz*». В английском варианте *sa-gaz*, что идеографически может также читаться как *habatu*, переводится как «грабители», или «головорезы», или «мятежные бандиты». «*Mes*h» понималось как суффикс множественного числа. Он встречается в письмах множество раз, всегда в связи с грабителями-мятежниками. Иногда вторгшиеся грабители назывались *amelut sa-gaz-Mesh*, *amelut*, будучи людьми или народом; иногда текст говорит о *gaz-Mesh* как об одном человеке, и переводчики вновь пренебрегают словом *Mes*h и переводят «грабитель». «Он берет твои города *amel-gaz-Mesh*, пес, и эти слова переводятся как *gaz*, а *Mes*h опускается. Но текст говорит в таких случаях о единственном лице, и следовательно *Mes*h не может быть здесь суффиксом множественного числа.

Я вообще не буду переводить *Mes*h, потому что это личное имя царя Месы, но я не исключу его из текста перевода. Тогда мы прочтем следующее: «Враждебность мятежников Месы ко мне очень велика»; и в другом случае — «Он берет города, мятежник Меса, пес».¹

Согласно надписи на обелиске Месы, мятеж произошел в середине царствования Ахава. Поскольку самые ранние письма царя Сумура упоминают об этом мятеже, мы уже находимся во второй половине царствования Ахава.

В другом письме из ранней переписки эль-Амарны царь Сумура (Самарии) снова писал:

Письмо 69: «Теперь они вновь поднимаются днем и ночью на мятеж против меня».

Амби, географическое название, упоминаемое в связи с восстанием Месы², по-видимому, должно быть названием земли Моава, или его столицы, или его народа. Возможно, Амми, постоянно повторяющееся рядом с Амби,

¹ Письмо 91.

² Письма 72, 102.

— это Аммон¹. В Книге Бытия (19:38) аммонитяне называются Амми. Появляется также город по названию Рубут. Это, должно быть, Равва-Аммон, столица².

Царь Сумура (Самарии) писал одному египетскому сановнику:

Письмо 73: «Когда он (Абди-Аширта) написал народу Амми: «Убейте вашего властелина» и они присоединились к *amelut-gaz* (грабителям), тогда сказали заместники: «Так он с нами поступит». И так все земли присоединятся к *amelut-gaz* (грабителям)».

Аммонитяне, убив своего царя, присоединились к пастухам на полях моавитских. «Идет множество великое» «Моавитян и Аммонитян, а с ними некоторые из земли Маонитской» — было доложено царю Иосафату (2-я Книга Паралипоменон 20:1—2).

Царь Сумура писал:

Письмо 79: «Знай, что с приходом ко мне Аман-аппы все *amelut-gaz-Mesh* (люди бандита Месы) направили лица свои против меня по требованию Абди-Аширты. Пусть мой властелин услышит слова раба своего и пусть пошлет мне гарнизон, чтобы защитить город царя до прихода лучников. И если не будет лучников, тогда все земли объединятся с *amelut-gaz-Mesh* (людьми бандита Месы)».

То, что обычно подразумевается в сообщениях Книг Царств и Паралипоменон — тайная рука царя Дамаска в восстании Моава³ и в мятеже племен пустыни — стано-

¹ Амби и Аммия, расположенные недалеко от Сумура, были отнесены историками к прибрежной территории и отождествлялись с Энфом близ Триполи. Оба Названия, Амби и Аммия, как предполагалось, относились к одному и тому же месту. См.: Mercer, *Tell el-Amarna Tablets*, p. 269.

² «... в Равве, у сынов Аммоновых» (Второзаконие 3:11).

³ Cf. R. Dussaud, *Les Monuments palestiniens et judaiques* (Musée du Louvre, Paris, 1912), p. 13: *Mésa ne nous dit pas, mais cela résulte nettement des renseignements, bibliques, que le secret de sa fortune tint à l'habileté avec laquelle il sut profiter des revers qu'éprouva Israël après la mort d'Achab et dont l'agent le plus actif fut le roi de Damas. Il n'est pas douteux que la région, au nord de Dibon, fut occupée de nouveau par Mésa en accord avec Hazaël, roi de Damas, et peut-être sous la suzeraineté de ce dernier*».

вится очевидным из этих писем. Царь Сумура (Самарии) просит, чтобы кони и пехота были посланы ему, «чтобы он (Абди-Аширта) не смог собрать всех бандитов Месы».¹

В редком письме царь Сумура (Самарии) не упоминает о мятеже Месы и о роли, которую правитель Дамаска играл в нем открыто или тайно. Роль Дамаска в войне между Самарией и Моавом может быть выяснена и из 2-й Книги Паралипоменон (20:1—2).

«Великий гнев»: реконструкция неясных и отсутствующих фрагментов. обелиска Месы

«Городу царя» Сумуру (Самарии) угрожали «бандиты» или «головорезы» Месы. Уже в ранних сохранившихся письмах царя Сумура фараон был предупрежден о том, что мятежники угрожают столице. Тогда он предупреждал, что «земля царя и Сумура, город с твоим гарнизоном», объединится с людьми мятежного Месы (*amelu-gaz-Mesh*), а «ты медлишь»². Царь Сумура просил лучников, поясняя, что он неспособен защищать свою землю от войск мятежника Месы³. Помощь не пришла. Тогда он снова написал:

Письмо 83: «Слушай меня. Почему ты медлишь, чтобы твоя земля была захвачена? Пусть не говорят: «в Дни князей *amelut-gaz-Mesh* (народ мятежного Месы) захватил все земли». Пусть не скажут такое в будущем: «И ты не был способен спасти их»... Если Сумура и Бит-Арка теперь будут потеряны...».

В дни, когда это письмо было написано, Сумур (Самария) находилась только в опасности. Еще одно настойчивое предупреждение поступило в письме от царя Сумура. Если фараон не прислушается к тому, что он ему пишет, то

¹ Письмо 71.

² Письмо 76.

³ Письмо 79.

Письмо 88: «... все земли царя, вплоть до Египта, будут соединены с *amelut-gaz-Mesh* (народом мятежного Месы)».

Наконец становится ясно, что с помощью царя Дамаска войска Месы вошли в Самарию (Сумур).

Письмо 91: «Почему ты сидишь и ждешь, чтобы он захватил твои города *amel-gaz-Mesh* (мятежник Меса), пес? Когда он взял Сумуру...».

Царь Сумура, потеряв свою столицу, тщетно ждал помощи от Египта и просил фараона в том же письме:

Письмо 91: «Не можешь ли ты дать тысячу мин серебра и сто мин золота? Тогда он (мятежник Меса) уйдет от меня. А он взял все мои города...».

Мы знаем из Библии, что царь Самарии (Сумура) вел переговоры, чтобы освободить свою столицу от осады Самарии, заплатив серебром и золотом: это было во время первой осады Самарии, описанной в 3-й Книге Царств 20. Ему тогда сказали: «Серебро твое и золото твое — мои...».

Располагая ныне всей той информацией, которую дают нам письма эль-Амарны, правильно прочитанные, мы столкнулись с поразительным фактом, что мятежнику Месе из Моава удалось войти в Самарию.

Первая же возникающая мысль такова: мы располагаем только верхней частью обелиска Месы; на отсутствующей нижней части, вероятно, были описаны «полное разрушение» или «великий гнев» (4-я Книга Царств 3:27). Возможно также, что обелиск Месы мог заключать лишь одну часть двойной надписи на двух монолитах, каждый из которых заключал половину истории.

То, что мы располагаем только верхней частью обелиска, очевидно; существование двух обелисков не исключается. В любом случае мы должны заново исследовать обелиск Месы и, сделав это, возможно, заметим такие вещи, на которые прежде обращали недостаточное внимание.

После захвата города Иаха царь моавитский, видя войну с Израилем, начал большое строительство в неизвестном месте:

«Я построил КРКНН (Карках), стену Иеарима (или Лесов) и стену Офеля. И я построил их ворота и воздвиг

башни. И я построил царский дворец, и я сделал два резервуара для воды в середине города. И не было цистерны в центре города, в Каркахе. И я сказал всем людям: «Пусть каждый человек имеет цистерну в своем доме». И я выбил резьбу для Каркаха с (помощью) пленных из Израиля».

Нет города, известного под названием Карках. Некоторые ученые считали, что это была часть города Дивона. Согласно другому предположению, он представляет собой город Ки-ха-Каросет. По каким-то причинам информация об этом строительстве в Каркахе является центральной темойobeliska, и это, вместе с упоминанием о Каркахе во вступлении, подчеркивает важность этой деятельности во время войны против Израиля.

С помощью писем эль-Амарны можно сделать вывод, что KRKHN был столицей всех египетских владений в Палестине, или Сумуром (Самарией), в который Меса, мятежник, вошел, успешно преодолев сопротивление городов-крепостей на востоке. Самария — по прямой линии — находится примерно в двадцати милях от Иордана, границы Аммона.

Каркх или Каркха по-еврейски — «очень большой город, окруженный стеной, у которой ежегодно собираются чужеземцы для торговли»¹, т. е. столица².

Судя по надписи Месы, в Каркахе находился «Orhel», стену которого он соорудил или восстановил. В Библии часть города, называемая «Orhel», упоминалась только в связи с Иерусалимом и Самарией. Гиезий, слуга Елисея, «пророка, что из Самарии», возвратившись в дом своего хозяина с подарком от Неемана, отпустил людей своего господина, когда они пришли к (холму) в городе

¹ Levy, *Wörterbuch über die Talmudim und Midrashim*.

² Это хорошо известное слово написано с двумя буквами *khaf*; в надписи Месы используются буквы *khuf* и *heth*, другие обозначения для букв *k* и *kh*. Но на той же самой надписи Месы слово «город» — это *kar*, которое пишется так же как *khuf*, и вероятно, первоначальное написание Керака и Каркаха с *khuf* правильное, так как название происходит от слова *kar* (город). Слово *kar* как обозначение города имеет карийское происхождение. И сегодня мы тоже пишем двояко: «Carians» и «Karians» (сноска 4, с. 275).

Самарии (4-я Книга Царств 5:24). Упоминание об Орфел в Каркахе на обелиске Месы имеет бесспорную ценность.

Царский дворец (*beth-melech*), столь часто упоминаемый в письмах эль-Амарны как находящийся в Сумуре и обнаруженный при раскопках в Самарии эпохи Амврия и Ахава, находился, как не раз говорилось, и в Каркахе, или столице, что явствует из надписи на обелиске Месы.

Отношение Месы к завоеванной им столице, «городу царя (фараона)», весьма характерно. Он восстановил этот город, его дворцы и стены. По его мнению, он не принадлежал царю Израиля. Он принадлежал фараону. Любой, кто строил его, демонстрировал тем самым миролюбивую позицию по отношению к Египту, а также приобретал право считаться старшим среди вассальных князей Сирии-Палестины.

В других письмах, написанных из северной Сирии, сказано, что нижеперечисленные пункты, в особенности за пределами владений Израиля, были разграблены мятежниками Месы: Мазипти, Гилуни, Магдали и Усте, а также Тази и Уби¹.

Подобно вихревому ветру, арабы обрушились на эту землю со всех сторон. Крестьяне на прибрежных равнинах, голодные и страждущие от жажды, присоединялись к отрядам мятежников, пересекающих территорию.

Вероятно, Месе был выплачен выкуп за освобождение Сумура (Самарии), и если это так, то скорее всего он был выплачен из египетской казны, так как египетский фараон видел в Самарии собственный дворцовый город.

Был изготовлен обелиск, который должны были установить в Каркахе-Самарии, но оставили в Дивоне. Вассал восторжествовал над своим властителем и хозяином своего властителя и, вероятно, получил выкуп. Вот что имелось в виду под «великим гневом» библейского текста и словами об «окончательном разрушении» на обелиске Месы.

А может быть, помощь, оказанная правителем Аман-аппой, прибыла вовремя и захватчики Самарии ушли без дани, как об этом писалось в 3-й Книге Царств 20?

¹ Письма 185 и 189.

Арза, придворный

Царь Дамаска шел по следам войск мятежного Месы и один раз вновь подошел к городу Самарии (Сумуру), превращенному войной и осадой в развалины и покинутому большинством жителей из-за голода, и вошел в него. Он писал фараону:

Письмо 60: «И вот я раб царя и пес его дома, и всю землю Амури я сохраняю для царя, моего владыки... И вот все цари царя ищут отборные войска, чтобы вырвать эти земли из моих рук... Если мой представитель принесет жизнь от царя, солнца, тогда я пожну урожай Сумура и сохраняю все земли для царя, моего солнца, моего властелина».

Он имел предлог для захвата Самарии, как человек, который стремится защитить город, не желающий его покровительства: он «освободил его от войск Селала». «Не было в Сумуре людей, чтобы защитить его». Если бы не он, «войска Селала предали бы теперь огню Сумур и его дворец». О том, что эти войска подстрекал он сам, он умолчал.

Он писал одному из начальников в Египет:

Письмо 62: «Но когда я поспешил сюда... и пришел в Сумур, людей, которые жили в его дворце, не оказалось; И вот люди, которые жили во дворце — это Саби-илу, Бизитану, Майя и Арзайя. И вот только четыре человека жили в этом дворце, и они сказали мне: «Освободи нас от руки войска Селала», и я освободил их от руки войска Селала... Какую же ложь рассказывают тебе наместники? А ты веришь им».

Одного из четырех людей, которые оставались во дворце в Самарии, когда туда вошел царь Дамаска, звали Арзайя. Возможно, это тот самый старый придворный, обитатель дворцов, который знаком нам по 3-й Книге Царств. Там его звал Арсой.

Несколько десятилетий назад Ила, сын Ваасы, после двухлетнего царствования был убит Замврией, военачальником, когда молодой царь «напился допьяна в доме Арсы, начальствующего над дворцом» (3-я Книга Царств 16: 9). С тех пор прошло двенадцать лет царствования Амврия и

много лет царствования Ахава. Арса, как и прежде, пребывал в стихии дворцовой жизни.

Из Библии нам известно только о двух осадах Самарии и ничего не известно о ее падении. Но мы читали, что когда царь Самарии позволил побежденному Венададу заключить перемирие с договором о братстве, пророк сказал царю: «... за то, что ты выпустил из рук твоих человека, заклятого Мною, душа твоя будет вместо его души, народ твой будет вместо его народа» (3-я Книга Царств 20:42). Эти слова поясняют историю, о которой мы читаем в письмах царя Сумура.

Письмо 74: «И вот царь (фараон) допустил, чтобы верный ему город вышел из его рук... Велика вражда *gaz-people* (бандитов) против меня».

Между прочим, можно отметить, что оборот «выпустить из рук», который был употреблен в библейском тексте, повторяется и в этом письме.

Иерусалим в опасности

С холмов, окружающих Иерусалим, горы Моав можно ясно различить в чистом воздухе над Иорданом и Мертвым морем. Но никакого передвижения войск нельзя увидеть с этого расстояния, если только плотностью своей они не меняют цвет склонов и ущелий.

2-я Книга Паралипоменон 20:1—3: «...Моавитяне и Аммонитяне, а с ними некоторые из страны Маонитской, пошли войною на Иосафата.

И пришли, и донесли Иосафату, говоря: идет на тебя множество великое из-за моря, от Сирии...¹

И убоился Иосафат...».

Его молитва в собрании жителей Иудей и Иерусалима воспроизведена в Книге Паралипоменон. Она начинается следующими словами:

2-я Книга Паралипоменон 20:6: «Господи, Боже отцов наших! Не ты ли Бог в небе? И Ты владычествуешь

¹ *Me' ever haiam te' agat* не подтверждают перевод короля Иакова «из-за моря по эту сторону Сирии».

над всеми царствами народов, и в Твоей руке сила и крепость, и никто не устоит против Тебя!».

Потом он напоминает Богу, что эта земля была отдана народу Израиля навечно:

2-я Книга Паралипоменон 20:7: «Не ты ли, Боже наш,... отдал ее семени Авраама, друга твоего, навек?».

Он выразил свою уверенность в том, что Бог не покинет места, где во имя его возведено святилище, и придет на помощь.

2-я Книга Паралипоменон 20:8—9: «И они поселились на ней, и построили Тебе на ней святилище во имя Твое, говоря:

Если придет на нас бедствие... и воззовем к Тебе в тесноте нашей, и Ты услышишь и спасешь».

Потом Иосафат говорит о бедствиях своего народа.

2-я Книга Паралипоменон 20:10—11: «И ныне, вот, Аммонитяне и Моавитяне и обитатели горы Сеира...

...пришли выгнать нас из наследственного владения Твоего, которое Ты отдал нам».

Письма эль-Амарны (продолжение)

Он завершил мольбой, заявив о беспомощности его самого и его народа перед бесчисленными ордами завоевателей.

2-я Книга Паралипоменон 20:12: «Ибо нет в нас силы против множества сего великого, пришедшего на нас, и мы не знаем, что делать; но к Тебе очи наши!»

Чувства царя иерусалимского при виде бесчисленных орд, приближающихся к его царству, выражались и в его молитвах, и в его письмах. На земле его дом находился в вассальной зависимости от Египта, и фараон был обязан защищать его.

Царь иерусалимский писал фараону:

Письмо 288: «Пусть царь позаботится о своей земле. Земля царя будет потеряна. Всю ее заберут у меня; здесь враждебность ко мне простирается до земель Сеери и даже до

Гинтикирмиля¹. Ко всем наместникам с миром, а ко мне с враждой».

Тот же самый район — гора Сеир (Сеери) — четко определен в обоих источниках как дальняя земля, из которой пришла часть захватчиков.

Царь выражал уверенность, что его властелин не оставит город, на котором запечатлел свое имя навеки.

Письмо 287: «Истинно, царь запечатлел свое имя на земле Урусалима навеки. Значит, он не может оставить без помощи земли Урусалима (Иерусалима)».

В то же время он открыто выражал свое опасение, что если помощь не придет, завоеватели вышвырнут их всех из владений его хозяина.

Письмо 287: «Если не будет лучников (в этом году), то у царя не останется ни земель, ни наместников».

Существует сходство между его мольбой к властителю небесному и к властителю земному, но видя, что от последнего помощь не приходит, он писал с раздражением; с каким никогда не обратился бы к первому:

Письмо 288: «Хотя любой человек видит очевидное, два глаза царя, моего властелина, не видят... Хабиру захватывают города царя».

Царь Иерусалима, в отличие от других вассальных царей, отказывается от почтительных обращений к богам Египта; он не называет фараона «мое солнце, мой Бог», как другие корреспонденты-вассалы; в отличие от других авторов писем, он не упоминает о своем Боге. Можно угадать, что он раб Бога, имя которого не хочет осквернять в письмах к своему опекуну-язычнику.

В письмах сообщаются подробности этого вторжения и угрозы, которой подвергся Иерусалим. Пастухи Моава и Сеира захватили Раббат аммонитян в Транс-Иордане с

¹ В переводе Кнудсона, а также Мерсера, этот период представлен иначе: «Повсюду враждебность ко мне. В землях Сеери и даже в Гинтикирмиле с миром относятся ко всем наместникам, а ко мне враждебность». Сравнив этот текст с библейским, мы видим, что новому периоду предшествуют слова: «И наступил мир».

помощью племенных вождей, которые примкнули к агрессорам, и население Аммона тоже присоединилось к этим племенам.

Письмо 289: «После того как они захватили Рубуду, они стремятся теперь взять Урусалим».

В Рубуде, которая пишется также как «Рубуте»¹, мы узнаем «Раббат детей Аммона», город существующий и ныне. Отдельные отряды пересекли границы царства Иудеи одновременно во многих местах. Вот что значит выражение «из-за моря (Мертвого моря), из Сирии».

О том, что Сирия предложила им проход, мы узнаем из писем царя Сумура (Самарии). В одном письме из Палестины сообщается, что отряды появились даже в долине Аналона². Это объясняет причины ухода населения в крепость иерусалимскую.

2-я Книга Паралипоменон 20:4: «И собрались Иудеи просить помощи у Господа; из всех городов Иудиных пришли они умолять Господа».

И царь иерусалимский писал фараону:

Письмо 289: «Вся земля царя опустела».

Неожиданный поворот событий спас Иерусалим от унижения. Приближение «множества» «детей Аммона, Моава и горы Сеир» к Иерусалиму было прервано разногласиями, вспыхнувшими среди союзников.

2-я Книга Паралипоменон 20:23: «Ибо восстали Аммонитяне и Моавитяне на обитателей горы Сеира, побивая и истребляя их; а когда покозчили с жителями Сеира, тогда стали истреблять друг друга».

Письмо 76: «Вот он (Абди-Аширта) собрал теперь всех *amelut-gaz* (бандитов) против Сигаты и Амби».

Эти города находились на территории Аммона и Моава соответственно. Сигата — это скорее всего Суккот на реке Иордан.

Царь Иерусалима имел в виду кочующие племена, проникавшие из пустынь Транс-Иордана, и называл их хабиру. Слово «хабиру» происходит от еврейского корня

¹ Письмо 290.

² Письмо 273.

haber член банды, и *habiru* означает «бандиты», а также использовалось в значении «пособники воров» у Осии 6:9 и «пособники разрушителей» в «Притчах» 28:24.

Это значение слова «*habiru*» может подтвердить тот факт, что *sa-gaz*, которое переводится как «бандиты», «головорезы», время от времени заменяется на слово «*habiru*»¹. Различные теории относительно хабиру (кабиру) из писем эль-Амарны (то, что это слово означает «*ivri*» — еврей, или *arigi* — рудокопы, или «*Afiru*» — от вавилонского района Афиру), таким образом, лишены всякого основания.

Восстание содомитов

В течение нелегкого периода, который пережил Иерусалим, царь Иудей, кажется, пришел к убеждению, что одна небольшая древняя колония по дороге от Иордана к Иерусалиму склонилась к тому, чтобы принять сторону врагов. Сувардата, князь Келти, изменял свою политику в соответствии с тем, куда дул ветер. Один раз он написал, что поддержит царя Иерусалима против *sa-gaz* (бандитов)². В другой раз он выступил против царя Иерусалима и обвинил его в том, что он взял Келти. В свою очередь он был обвинен царем Иерусалима в предательстве египетских интересов.

Келти³ можно определить как Вади-Келти на пути из Иерусалима в Иерихон.

¹ *Habiru* часто записывается идеограммой означающей «головорезы». G.J. Cadd, *The Fall of Nineveh* (London, 1923).

² Это письмо Сувардаты подтверждает то, что было установлено на базе других данных: *sa-gaz* (бандиты, грабители) и хабиру были одним и тем же. Если и существовала разница между этими двумя названиями, то сами захватчики не дифференцировались.

³ Обычно идентифицируют его с Килой, в восьми милях к северо-западу от Хеврона, но в письме 289, по-видимому, обнаруживается большая близость с Бефшаном и Сехемом (Mercer, *Tell el-Amarna Tablets*, p. 694).

О военной компании Иосафата кратко рассказано в 3-й Книге Царств.

3-я Книга царств 22:46: «И остатки блудников, которые остались в дни отца его Асы, он истребил с земли».

Веди-Келт, откуда ныне бьет из-под земли мощная водяная струя, текущая к Мертвому морю, и где несколько отшельников прячутся среди скал, был, очевидно, последним прибежищем оставшихся жителей долины, которая превратилась в мертвое озеро. Они доказали свое предательство во время вторжения племен из пустыни. Царь Иерусалима писал им тогда: «Следуйте за мной», но они не пошли. Дополнительные подробности могут быть обнаружены в письмах царя Иерусалима и Сувардаты.

Имя этого князя содомитов может заставить филологов поразмышлять об их расовом происхождении¹.

Вторая осада Самарии

Царь Дамаска вновь подверг осаде Самарию. 4-я Книга Царств 6:24: «... собрал Венадад, царь Сирийский, все войско свое, и выступил, и осадил Самарию.

Царь Сумура (Самарии) писал:

¹ После смерти Иосафата «восстала Ливна» (2-я Книга Паралипоменон 21:10) под предводительством его преемника. Кажется, что подстрекательская деятельность некоего Лабайи еще при жизни этого иерусалимского царя была предварительным этапом этого восстания. Предполагается, что Лабайя — это не только имя предводителя, но также название определенной племенной группы (Weber in Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, p. 1558). Ливна, которая также называлась Лавиной (Иосиф), была расположена между Македом и Лахисом (Книга Иисуса Навина 10:28). Однажды Лабайя приблизился к Македу (Письмо 244), а в другой раз напал на Гезер к северу от Лихиза (Письмо 254). Когда Лабайя захватил Гезер на юге, он писал фараону, что это было «его единственным преступлением» и что неправда, будто он не повиновался наместнику или отказывался платить дань.

Письмо 92: «Он (Абди-Аширта) теперь снова выступил против меня».

«Враждебность против Сумура стала очень велика» — повторялось во многих письмах царя этого города. В письмах он часто жаловался на бедствие этого города, измученного осадой и голодом. Этот голод в осажденном городе описан в Книге Царств.

4-я Книга Царств 6:25: «И был большой голод в Самарии, когда они осадили ее, так что ослиная голова продавалась по восьмидесяти сиклей серебра, и четвертая часть каба голубинового помета — по пяти сиклей серебра».

Население города и его гарнизон ослабели от голода, но царь Самарии продолжал защищать город и надзирал за бастионами.

4-я Книга Царств 6:26: «... царь Израильский проходил по стене...».

Это была стена крепости. В одном из писем эль-Амарны царь писал об этом городе:

Письмо 81: «Прежде Самария и ее народ были крепостью и гарнизоном для нас».

Когда во время одной из таких инспекций царь узнал, что в городе отмечен случай каннибализма и что голод победил материнский инстинкт, он разодрал свои одежды, и народ увидел на нем вретище (4-я Книга Царств 6:30).

Царь Сумура (Самарии) отправил фараону следующее послание:

Письмо 74: «Может ли царь услышать слова раба своего и дать жизнь (провизию) рабу своему, чтобы его раб мог жить. Тогда я стану защищать верный ему город... Относишься ли ты ко мне с добротой? Что мне делать в моем одиночестве? Смотри, так молю день и ночь».

Так писал царь, который в часы отчаяния надевал на себя вретище.

Его единственная надежда была связана с быстрым прибытием помощи извне, но время шло, и казалось, что никакая помощь к нему не придет.

Письмо 74: «Если нет человека, чтобы освободить меня из рук врага (Абди-Аширты), и мы, заместники, изгнаны из

наших земель, то тогда все земли объединятся под властью *amelut-gaz* (грабителей)... И если царь двинется вперед, все земли будут враждебны ему и что он тогда для нас сделает? И так, они вступили в заговор один с другим, и поэтому я боюсь, что не найдется человека, чтобы спасти меня из их рук».

Торопясь получить помощь вовремя, он взывал к Аман-аппе¹. Аман-аппа был тем сановником, которому царь Сумура (Самарии) писал: «Ты знаешь о моем отношении, пока ты был в Самарии, что я был твоим верным слугой». Этому полномочному представителю и бывшему начальнику, Амону из Самарии (3-я Книга Царств 22:26), царь задал следующий вопрос:

Письмо 73: «Почему ты медлил и не поговорил с царем, твоим властелином, чтобы ты мог выступить вперед с лучниками и чтобы ты мог обрушиться на земли Амурии? Если бы они узнали, что лучники отправились, они бы покинули даже свои города и ушли».

Этот фрагмент исключительно интересен, если сравнить его с историей окончания второй осады Самарии, согласно Книге Царств.

4-я Книга Царств 7:6—7: «Господь сделал то, что стану Сирийскому послышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого. И сказали они друг другу: верно, нанял против нас царь Израильский царей Хаттейских и Египетских, чтобы пойти на нас.

И встали, и побежали в сумерки, и оставили шатры свои, и коней своих, и ослов своих, весь стан, как он был, и побежали, спасая тебя».

Мы теперь знаем, что страх сирийцев у стен Самарии не был беспочвенным. Царь Израиля действительно вел переговоры о прибытии лучников из Египта. Он заранее знал, что даже просто услышав о том, что «лучники отправились вперед», сирийцы покинут свой стан и будут бежать.

¹ Он писал также другому сановнику в Египте (Хайя), объясняя свое бедственное положение и прося прислать коней и пехоту (Письмо 71).

Письма эль-Амарны и Книга Царств представляют два сообщения, дополняющих друг друга.

Город был осажден, но не побежден. О том, как это произошло, рассказано в 4-й Книге Царств в главах 6—7. Согласуется с этим повествованием и следующее заявление царя Сумура (Самарии):

Письмо 106: «Они смогли взять его (Сумур) в осаду, но они не смогли победить его».

Собирая свое войско для похода, который закончился бегством, царь Дамаска писал своим воинам: «Соберитесь в доме Нагиба»¹. Это может означать: «Вступите в союз с царем Ассирии»². За мятежом моавитянина Месы стояла интрига царя Дамаска, а его в свою очередь подстрекал царь Ассирии.

Но когда царь Дамаска бежал от стен Самарии и вернулся домой после своего бесславного похода, он написал фараону:

Письмо 64: «Царю, моему властелину, говорю. Так говорит Абди-Аштари, слуга царя: К ногам царя, моего властелина, я припадал семь раз... и еще семь раз, как грудью, так и спиной. Пусть царь, мой властелин, узнает, что враждебность ко мне очень велика. Может быть, благом покажется царю, моему властелину, послать могущественного человека, чтобы защитить меня».

Нееман, военачальник сирийский

Командующий армией царя Дамаска носил имя Неемана. «Нееман, военачальник царя Сирийского, был великий человек у господина своего и уважаемый, потому что чрез него дал Господь победу Сириянам. И человек сей был отличный воин...» (4-я Книга Царств 5:1).

Пятая глава 4-й Книги Царств повествует об исто-

¹ Письмо 74.

² Бет-Ниниб был палестинским городом (письмо 290); письмо 74 может относиться к этому городу. Однако см.: Weber, in Knudtzon, p. 1160.

рии лечения этого военачальника пророком Елисеем. При этом в ней говорится, что сирийцы ходили отрядами (как часто упоминалось в письмах эль-Амарны) и брали пленников из земли израильской, и среди этих пленников оказалась израильская девочка, которая стала служанкой в доме военачальника. Члены семьи посоветовали ему испробовать лечение пророка в Самарии. И царь сирийский сказал Нееману: «Пойди, сходи, а я пошлю письмо к царю Израильскому».

Когда царь Израиля получил это письмо, он разодрал свои одежды. «Разве я Бог — вопрошал он, — что он посылает ко мне, чтобы я снял с человека проказу его? вот, теперь знайте и смотрите, что он ищет предлога враждовать против меня».

Елисей, пророк, вмешался, когда услышал, что царь разодрал свои одежды. История о том, как Елисей излечил военачальника Неемана, хорошо известна¹.

В изложенной части этой истории несколько странными представляются два факта. Во-первых, ввиду того, что во главе тридцати двух военачальников своей армии стоял сам Венадад², с какой стати в этой истории чудесного исцеления победа Сирии приписана военачальнику Нееману? Во-вторых, царь Израиля был вечным соперником царя Дамаска. Почему тогда эта просьба об излечении больного военачальника внушила царю Израиля такой страх, что он разодрал свои одежды?

Чтобы объяснить реальную роль военачальника Неемана, нам следует взглянуть на современные письма. Человек, от которого Сирия получила освобождение, должен быть узнаваем в этих письмах. Мы узнаем его в личности Ианхамы, которого также называли Ианхаму.

Ианхама, наместник фараона в Сирии, был послан к царю Дамаска с полномочиями, подобными тем, какие имел

¹ Он приказал семь раз омыться в Иордане. Иордан богат серой, калием и магнием, которые попадают в реку из ручьев в районе Галилейского моря и образуют отложения Мертвого моря, где вода испаряется, а соли остаются.

² Или «с тридцатью двумя царями, которые помогали ему» (3-я Книга Царств 20:16).

Аман-аппа, когда пребывал при царе в Самарии. Титул Неемана в Библии — *sar* — тоже встречается в письмах. Он был полномочным представителем египетского фараона по делам армии и городов-крепостей в земле Амуру (Сирии), а позже надсмотрщиком над складами зерна. Он имел большое влияние на всю деятельность сирийской администрации. Судя по его имени, он был по происхождению сирийцем, как многие другие сановники при дворе в Фивах¹. Ианхама — это семитское имя. «Ианхаму был влиятельным египетским представителем в Сирии, где его уважали как доброго и мудрого человека и где он проявил себя как один из самых преданных слуг фараона»².

Слуга Елисея сказал: «Вот, господин мой отказался взять из рук Неемана, этого Сириянина (Арами) то, что он приносил». После излечения Нееман попросил Елисея дать ему двух мулов, груженных землей, «потому что не будет впредь раб твой приносить всежожения и жертвы другим богам, кроме Господа. Только вот в чем да простит Господь раба твоего: когда пойдет господин мой в дом Риммона для поклонения там, и опрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона... да простит Господь раба твоего в случае сем». Бог Риммон здесь, вероятно, бог Ра-Амон, главный Бог египтян. Хозяином Ианхамы был Аменхотеп III, а позже Эхнатон. Ианхама, как видно из контекста писем, защищал царя Дамаска и помогал ему достичь власти. В разные моменты упоминалось о его присутствии в Сирии и Египте, где он поддерживал политику сбалансированных отношений с Сирией ввиду необходимости упрочить положение Дамаска в сирийском блоке против «царя Хатти».

В соответствии с этим в 4-й Книге Царств говорится, что благодаря Нееману, «великому человеку господина своего и уважаемому», «дал Господь победу Сириянам».

В ранних письмах царя Сумура (Самарии) открыто выражен его страх перед могущественным представителем

¹ Как, к примеру, Дуду, о котором упоминается ниже в этой главе.

² Mercer, *Tell el-Amarna Tablets*, p. 297. See also: Weber, in Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, p. 1068.

фараона. В одном из писем он писал фараону: «Ты должен спасти меня от рук Ианхаму».¹ Он просил фараона сообщить своему представителю, что если что-нибудь случится с особой Царя Самарии, ответственным будет он, Ианхама. «Скажи Ианхаму: «Риб-Адди в твоих руках, и все, что будет сделано с ним, останется на тебе»».²

Позже, когда Аман-аппа покинул Самарию и умер в Египте³, царь Самарии написал фараону, прося его назначить Ианхаму наместником в Самарию. Он просил фараона: «Не покажется ли справедливым моему властелину послать Ианхаму как своего представителя. Я слышал из уст людей, что он мудрый человек, и все любят его»⁴. Мы вспоминаем о том, что в Библии Нееман был назван «уважаемым» человеком.

Как получилось, что царь Самарии, который некогда боялся Неемана и просил защитить от рук его, сам теперь рекомендует этого человека на пост наместника в Самарии? В другом письме он еще раз просит фараона прислать Ианхаму, а еще в одном письме возносит ему хвалу в следующих выражениях: «Нет слуги, подобного Ианхаме, верного слуги царя»⁵.

Ианхаму писал из Египта царю Самарии: «Иди и займи Сумур, пока я не пришел... иди, не бойся»⁶. А царь Сумура (Самарии) писал ему в надежде, что фараон назначит Ианхаму: «Поспеши побыстрее с твоим приездом» и объяснял враждебностью народа Амби то, что он не может войти в Самарию.

Письма не объясняют, почему страх царя Самарии сменился доверием и уважением к сирийскому наместнику. Библия предлагает это объяснение в истории излечения Неемана пророком из Самарии. Нееман был очень благодарен пророку, а также царю Самарии, к которому

¹ Письмо 83.

² Письмо 83.

³ Письмо 106

⁴ Письмо 106.

⁵ Письмо 118.

⁶ Письмо 102.

он приехал с письмом от царя Дамаска. «Вот, я узнал, что на всей земле нет Бога, как только у Израиля» (4-я Книга Царств 5:15). Елисей даже объявил, что он вылечил Неемана, чтобы оказать царю Израиля политическую помощь.

Итак, он стал другом. Когда царь Дамаска был убит, о чем будет рассказано на последующих страницах, Ианхама (Нееман), вероятно, находился в Египте. Он не поддерживал следующего сирийского царя; он переписывался с царем Самарии и покровительствовал ему.

Некоторые другие черты деятельности и характера Ианхамы, отраженные в письмах, освещаются также и в Библии. Он был великодушным человеком. Это обнаруживается в истории лечения: он дал слуге пророка два таланта серебром и две смены одежды, больше, чем слуга просил, когда пророк отказался взять десять талантов серебра, шесть тысяч золотых монет и десять смен одеяний.

Любопытно, что, согласно письмам, Ианхама был хранителем казны фараона в Сирии, надзирая за «монетами и одеждой»¹.

Плата деньгами и одеждой — это обычай того времени. В одном из писем царь Сумура писал, что он заплатит «тринадцать серебрянников и одну пару одежды» некоему человеку, который отправлялся в деловую поездку².

Согласно Библии, сирийский наместник содержал в своем доме израильскую девочку, пленницу, захваченную сирийским отрядом, которая прислуживала его жене³. В одном раннем письме царя Сумура (Самарии) к фараону содержится жалоба на то, что два человека из его владений содержались под арестом в доме Ианхамы⁴.

Письма эль-Амарны также говорят о нем как о благородном опекуне одного палестинского юноши, который учился в Египте за его счет⁵.

¹ Письмо 85.

² Письмо 112.

³ 4-я Книга Царств 5:2.

⁴ Письмо 83.

⁵ Письмо 296.

Человек, через которого «дал Господь победу Сири-янам» и которого боялся царь Самарии, — это Ианхама¹. О том, как этот военачальник изменил свою позицию и стал поддерживать царя Самарии, сообщалось в письмах, и факт этот получил объяснение в Библии.

Письма «богатой женщины из Сонама»

Письма с информацией посылались фараону одной женщиной, которую звали Баалат-Незе. Два из этих писем сохранились. Кто была женщина, которая в это время находилась в Палестине и занимала достаточно высокое положение, чтобы писать монарху в Египет? Это единственная женщина-корреспондентка в Палестине в коллекции писем эль-Амарны.

В своем первом письме² она информирует фараона о том, что грабители (люди *sa-gaz*) послали свои отряды в Аялуну (Аялон). Она писала о «двух сыновьях Милкили» в связи с набегом, который, по-видимому, угрожал ее родному городу. Угроза не была предотвращена, потому что она написала вновь:

Письмо 274: «Так сказала Баалат-Незе, твоя раба, прах твоих ног... Пусть царь, мой властелин, освободит свою землю от банд *amelut-sa-gar* (людей бандита Месы), чтобы она не была разрушена...».

И она предупредила фараона, что захватчики приближаются и что пал еще один город. «Истинно говорю, это для сведения царя, моего властелина».

В Письме 250, написанном другим корреспондентом, мы читаем, что Милкили «поднялся против Сонемы и Буркуны». Если мы сопоставим это со словами дамы, которая жаловалась фараону, что банды Милкили угрожают ее дому, становится совершенно ясным, что ее дом находился в Сонеме или Буркуне.

Если это простое умозаключение не ошибочно, тогда

¹ Библейское имя Неeman могло быть прозвищем: оно означает «верный».

² Письмо 273.

дама из Сономы или Буркуны должна быть не только одной из корреспонденток эль-Амарны, но иметь свою страницу в Ветхом завете. И она действительно ее имеет. Она начинается следующим стихом:

4-я Книга Царств 4:8: «В один день пришел Елисей в Сонам. Там одна богатая женщина упросила его к себе...»

Сонома — это, вне сомнения, Сонам. Было бы явной натяжкой предположить, что была еще одна «богатая (выдающаяся) женщина» в то же самое время в том же самом городе или соседнем городе Буркуне.

Имя этой Baalat-Nese, Баалат-Незе, может быть истолковано как «женщина, с которой происходят чудеса» (Баалат-Нес)¹.

История Елисея, вдохнувшего жизнь в сына этой дамы из Сонама, непременно стала бы предметом разговоров во дворцах того времени; это был повод для аудиенции царя Израиля слуге Елисея (4-я книга Царств 8:4). Эта женщина могла также быть известна и в египетском дворце как «женщина, с которой происходят чудеса». Ее высокое положение было еще более упрочено широко распространившимися слухами о воскрешении ее ребенка.

Само существование некой «выдающейся женщины» по имени Баалат-Незе в городе или в районе города Сонам (Сонома) во время голода и восстания Месы может бросить свет на появление и деятельность целителя и святого, увековеченного в народных преданиях, — Елисея.

Царь Дамаска составляет заговор против царя Самарии

Голод, нестабильная политика по отношению к сирийским вассалам и частое и продолжительное отсутствие египетских наместников привели всю террито-

¹ Этот перевод может быть заменен на «хозяйку львов» (Mercer, *Tell el-Amarna Tablets*, note to Letter 273); идеограмма слова «лев» — *nese*, но эта идеограмма может быть использована для воспроизведения фонетически сходного слова в еврейском языке, которое означает «знак» или «чудо».

рию в состояние анархии. Царь Сумура (Самарии) предупредил фараона:

Письмо 75: «Адуна, царь Иркаты, наемники убили (его), и не было никого, кто бы сказал что-нибудь Абди-Аширте, хотя ты знаешь об этом... Люди Амми убили своего властелина. Потому я боюсь».

Он боялся, и не без оснований, потому что сам был предназначен стать жертвой и быть убитым из засады.

4-я Книга Царств 6:8: «Царь Сирийский пошел войною на израильтян, и советовался со слугами своими, говоря: в таком-то и в таком-то месте я расположу свой стан».

10: «И посылал царь Израильский на то место, о котором говорил ему человек Божий и предостерегал его; и сберег себя там не раз и не два».

Следующий отрывок из писем эль-Амарны обнаружен в письмах царя Сумура фараону, а также к его предшественнику наместнику Аман-аппе:

Письмо 81: «Незнакомец с протянутым кинжалом стал против меня, но я убил его... По приказу Абди-Аширты было совершено это преступление против меня. Вот почему я остаюсь взаперти в середине моего города. Я не могу выйти из ворот... Я был ранен девять раз, и потому я боюсь за свою жизнь».

Письма выражают ужас, который внушил царю Самарии (Сумура) царь Дамаска, когда в его резиденции в Изрееле (Губле) устраивал засады в тех местах, где во время охоты должен был проезжать его соперник. Царь Сумура писал:

Письмо 88: «Он (Абди-Аширта, царь Дамаска) крадется повсюду, у каждого ворот Гублы... Мы не можем выйти из ворот».

Иосиф Флавий, который пересказывал историю, следуя Библии, писал о «тайных покушениях на жизнь израильского царя»¹: «Были некие сирийцы, лежавшие в засаде, чтобы убить его»². И царь не осмеливался выйти из

¹ *Jewish Antiquities*, IX, 60 (trans. R. Marcus).

² *Ibid.*, IX, 51.

города. Но «Ададос (Венадад) не преуспел в своем замысле» и «решился бороться открыто».

Роща Иезевеля (Гублы) предоставляла отрядам царя Дамаска места для укрытия. Об этой роще упоминалось в Библии: «И сделал Ахав дубраву» (3-я Книга Царств 16:33). Сад в винограднике Навуфея был частью этой рощи. Вероятно, из-за недостатка воды в течение многих лет роща засохла. Царь решил вырубить ее по соображениям безопасности, боясь за свою жизнь. Он писал фараону:

Письмо 91: «Он (Абди-Аширта) стремился захватить Гублу, а я сокрушил мою дубраву».

Может быть, в этом таится объяснение того, почему виноградник Навуфея, засаженный Ахавом и Иезавелью как сад, назывался только «полем» в роковом эпилоге драмы Навуфея (4-я Книга Царств 9:37).

Царь Дамаска убит во время болезни

После долгих лет осад и битв наступил день, когда враг царя Самарии был сражен серьезной болезнью.

4-я Книга Царств 8:7—9: «И пришел Елисей в Дамаск, когда Венадад, царь Сирийский, был болен. И донесли ему, говоря: пришел человек Божий сюда.

И сказал царь Азаилу... пойдя... спроси Господа чрез него, говоря: выздоровею ли я от сей болезни?»

И пошел Азаил на встречу ему... и стал пред лице его, и сказал: сын твой Венадад, царь Сирийский, послал меня к тебе спросить: «выздоровею ли я от сей болезни?».

Вопрос, выздоровеет ли царь Дамаска от своей болезни или умрет, повторился в письме царя Сумура (Самарии) к «начальнику» в Египет:

Письмо 95: «Абди-Аширта очень болен, кто знает, не умрет ли он?».

Он умер на своей постели, но не от болезни; он был

убит¹. Один человек из Гублы сообщил фараону:

Письмо 101: «Они действительно убили Абди-Аширту, которого царь (фараон) поставил над ними».

Более детальное сообщение содержится в еврейских источниках, где Азаил назван как убийца.

4-я Книга Царств 8:15: «А на другое утро он взял одеяло, намочил его водою, и положил на лице его, и он умер. И воцарился Азаил вместо него».

Оба сообщения совпадают в том, что Венадад (Абди-Аширта) был тяжело болен, но не умер от своей болезни: он принял насильственную смерть.

Письма эль-Амарны дают нам дополнительную информацию. Азаил (Азиру, Азару) был сыном Венадада: «Азиру, сын Абди-Аширты, находится со своими братьями в Думаске»². Эта информация не является совершенно новой. Николай Дамасский, писатель первого века до нашей эры, писал: «После смерти Адада (Хадада) его наследники царствовали в течение десяти поколений, каждый из них наследовал от своего отца имя и корону»³. Считалось, что Николай Дамасский ошибся⁴. Теперь мы располагаем подлинными документами, подтверждающими, что он был прав, объявив Азаила сыном Венадада. В Библии сказано, что Азаил «вернулся к своему властелину» в Дамаск после того, как встретился с Елисеем. Называть

¹ «*Abda-Ashirta ist aber nicht eines natürlichen Todes infolge dieser Erkrankung gestorben, sondern ermordet worden, und zwar offenbar von Amurru-Leuten selbst... Die wahren Umstände... sind leider infolge der Lückenhaftigkeit des Textes nicht deutlich zu erkennen*». Weber, in Knudtzon. *Die El-Amarna-Tafeln*, p. 1132. «*Aus 105,25f. ist wohl zu entnehmen, dass die Söhne des Abdi-Ashirta bei seinem gewaltsamen Ende kaum ganz unbeteiligt sein können*». Ibid., p. 1198.

² Письмо 107.

³ Иосиф (Jewish Antiquities), который цитировал Николая Дамасского.

⁴ «*En tout cas, il paraît difficile d'admettre que la dynastie des Hadad ait duré dix générations, car, en 845, Hazaël assasina Ben-Hadad II et fonda une dynastie nouvelle*». Th.Reinach, *Textes*, p. 80.

своего отца, царя, «властелином» было принято в соответствии с обычаями и языком¹.

Азаил не был законным наследником трона. Подобно Ахаву, который имел одну царицу, но множество жен и семьдесят сыновей от них в Самарии, Венадад, вероятно, имел много сыновей. Из надписи Салманассара можно заключить, что Азаил был рожден от наложницы: «Азаил, ничей сын, захватил трон»². В письмах эль-Амарны он постоянно назывался рабом.

Но если история Менандра об Абд'Астарте, внуке Хирама, — это история Абди-Аширты, также называемого Абди-Астарты³, библейский Венадад, тогдашний царь Дамаска, был убит сыновьями своей кормилицы. Сыновья царской кормилицы содержались в почете и иногда могли даже претендовать на трон⁴.

Азиру, также называемый Азару⁵ (Азаил или Азаилос у Иосифа), стремился заручиться согласием фараона на захват трона убитого Абди-Аширты (Венадада). Убийство не было совершено публично, поэтому Азаил мог сделать попытку оправдаться, заявляя, что его несправедливо обвинили в преступлении.

Он писал: «Я не совершил греха. По крайней мере я ничего не сделал против царя, моего властелина. Царь, мой властелин, знает людей, которые совершили преступление»⁶.

Эти слова свидетельствуют о том, что обвинения дошли и до египетской столицы.

¹ Это был и египетский обычай. См.: сноска 5.

² Ernman A. and Blackman A. M., *The Literature of the Ancient Egyptians* (London, 1927), p. 42. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria*, I, Sec. 681.

³ Письмо 64. См. выше раздел «Пять царей».

⁴ Cf. H. W. Helck, «Der Einfluss der Militärführer in der 18. ägyptischen Dynastie», *Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens*, 14 (1939), 66-70. В Египте подобная роль молочных братьев отмечается только в период восемнадцатой династии.

⁵ Письмо 117.

⁶ Письмо 157.

Азаил, «пес», сжигает крепости Израиля

Царствование Азаила (Азару, Азиру) должно было оказаться еще более разрушительным для израильского царства, чем правление убитого царя Дамаска. Голод все еще мучил народ Самарии во времена царя Азаила, как и во времена его отца. Самария пребывала в положении почти постоянной осады и за период более пяти лет неоднократно переходила из рук в руки¹. Царь Сумура (Самарии) писал:

Письмо 125: «Азиру снова угнетает меня... Мои города принадлежат Азиру, и он преследует меня... Что это за псы, сыновья Абди-Аширты, что они действуют, повинувшись злобе, и заставляют города царя исчезнуть в дыму?».

Это почти в точности соответствует словам Елисея, когда перед воротами Дамаска он объявил Азаилу, что он будет царем над Сирией.

4-я Книга Царств 8:11—13: «... и заплакал человек Божий. И сказал Азаил: отчего господин мой плачет? И сказал он: оттого, что я знаю, какое наделаешь ты сынам Израилевым зло; крепости их предашь огню...

И сказал Азаил: что такое раб твой, пес, чтоб мог сделать такое большое дело?».

Его выражение «раб твой, пес...», на которое порой не обращают внимания, было типичной речевой фигурой во времена писем эль-Амарны. Многие предводители племен и наместники заканчивали свои письма таким предложением: «Разве твой раб пес, чтобы он не услышал слова царя, властелина?».

При упоминаниях об Азиру (Азаиле) во многих письмах царя Сумура (Самарии) и в других депешах также используется слово «пес». Иногда имя Азиру не называется вообще — только слово «пес». Например, в письме

¹ Письмо 106.

108 сказано «из-за этого пса», и фараон знал, кто имелся в виду.

Еще одна речевая фигура, вложенная в уста Азаила в Библии, повторилась в его письмах. Когда Азаил явился на встречу с пророком Елисеем, он сказал:

4-я Книга Царств 8:9: «... сын твой Венадад, царь Сирийский, послал меня к тебе...».

В письмах к Дуду в Египет Азиру писал:

Письмо 158: «Дуду, моему властелину, моему отцу. Так говорит Азири, твой сын, твой раб».

Он использовал выражения «твой сын», «твой раб» в письмах и в беседе, чтобы показать уважение. В единственном диалоге, представленном в Библии с участием Азаила, присутствуют три речевых оборота, которые появляются также в его письмах. Контекст диалога — вопрос о том, выздоровеет ли царь Дамаска и заявление о том, что он, Азаил, новый царь, предаст города (израильские) огню, — также присутствует в письмах эль-Амарны. Следовательно, это весьма ценный пример достоверности библейских речений и диалогов.

В этом месте уместно процитировать одно из писем Азиру (Азаила) к тому могущественному египетскому сановнику, которого звали Дуду. Оно даст нам представление о том, кто был тайной силой в колониальной службе Египта и поддерживал Абди-Аширту и его сына в их авантюрных набегах на Сирию и Палестину.

Письмо 158: «Дуду, моему властелину, моему отцу, так говорит Азиру, твой сын, твой раб: к ногам отца своего паду. Да будет отец мой в здравии... Вот, ты здесь, мой отец, и каково бы ни было желание Дуду, моего отца, напиши, и я исполню его. Ведь ты мой отец и мой властелин, а я твой сын. Земли Амуру твои земли, и мой дом твой дом, и все твои желания сообщи. И смотри: я выполню твое желание. И вот ты сидишь перед моим царем, моим властелином — враги изрекли слова клеветы на моего отца перед царем, моим властелином. Но ты не допустишь этого. И смотри, можешь ты сесть перед царем, моим властелином, когда я поднимусь, и не допустить слов клеветы обо мне...

Но если царь, мой властелин, не любит меня, а ненавидит, что я тогда скажу?».

Кто знает, достигли ли все письма царя Сумура (Самарии) взоров Эхнатона? Царь Самарии жаловался, что многие из его писем остались без ответа и не удостоились должного внимания.

Этот Дуду, чей великолепный склеп сохранился среди могил придворных Эхнатона в Ахет-Атоне (Тель-эль-Амарна), по-видимому, имел семитское происхождение. Полученная им из рук фараона награда праздновалась некоторыми азиатами, как свидетельствуют настенные рисунки в могилах¹. Эти азиаты были сирийцами. Имя Дуду — это семитское имя эпохи Царей в Палестине. Оно встречается в Библии как Додо (2-я Книга Царств 23:9,24).

Возможно, что этот Дуду был потомком Адера Идумеянина, который был врагом Соломона и женился на представительнице царского дома в Египте (3-я Книга Царств 11:19).

Дуду, управляющий дворцом и «главный наместник всех чужеземных территорий», как он сам о себе писал в надписи своего погребального зала, помогал Азиру (Азаилу), и некоторые из табличек царя Сумура (Самарии) ждали двадцать семь столетий, прежде чем удостоились внимания. Их автор, испытывая отчаяние при мысли, что его послания могут быть не переданы фараону, и боясь, что он ведет монолог, завершил одно из писем горькой мольбой:

Письмо 122: «Я в одиночестве защищаю свои права... Что мне делать? Слушай! Я прошу: не откажи. Есть люди у царя или нет их? Послушай меня! Вот я написал во дворец, но ты не услышал».

Слова Елисея, объявившего Азаилу о грядущем восхождении на трон и его войнах против Израиля, сбылись. Азаил (Азиру) угнетал Израиль даже больше, чем Венадад (Абди-Аширта). Фараону из Гублы (Изрееля) была послана табличка:

¹ N. de Garis Davies, *The Rock Tombs of El-Amarna*, Vol. VI, *The Tomb of Tutu*. J. D. S. Pendlebury, Tell el-Amarna, p. 51.

Письмо 127: «Когда прежде Абди-Ашрату (Абди-Аширта) шел против меня, я был могущественен; но вот теперь мой народ раздавлен».

После многочисленных набегов Азаила земля обезлюдела.

Письмо 109: «Но истинно сыны Абди-Аширты, раба, пса, захватили города царя и города его наместников ради своего удовольствия... От таких событий горит мое сердце... И они усердствуют в преступлениях, насилии...».

Преступления Азаила описаны в Библии: он не только убивал людей, но уничтожал их детей и вспарывал животы беременных женщин (4-я Книга Царств 8:12).

Еще одна табличка была послана фараону из Гублы:

Письмо 124: «Азиру захватил все мои города, одна Губла осталась мне... И вот солдаты пошли против Гублы... И если он возьмет ее, что со мной будет?».

Эта агрессия Азиру (Азаила) длилась много лет; о ней говорится и в последних письмах эль-Амарны, она длилась, пока он жил и царствовал.

Соответствующее указание есть и в следующем отрывке из Библии:

4-я Книга Царств 10:32: «В те дни начал Господь отрезать части от Израильтян, и поражал их Азаил во всем пределе Израилевом».

«Все мои города» на языке царя Сумура (Самарии) в письмах эль-Амарны означают «во всем пределе Израилевом» на языке 4-й Книги Царств.

Последние письма Ахава

«Народ Гублы, и мои домочадцы, и моя жена сказали мне: «Смирись с сыном Абди-Аширты» и сделай мир между нами». Но я отказался»¹.

Так писал царь, «которого подушала жена его Иезавель» (3-я Книга Царств 21:25). На протесты населения он ответил репрессиями. И, как он сам сообщал, они ска-

¹ Письмо 136.

зали: «Доколе будешь ты убивать нас? Где ты возьмешь людей, чтобы жить в этом городе?». «Когда я утратил мужество, я вырвал из своего сердца решение»¹, и он отправился в Бейрут, чтобы подружиться с царем этого города и приготовить убежище в случае, если Азиру (Азаил) выгонит его из его города. Царь Самарии был зятем царя Сидона (3-я Книга Царств 16:31), и царь Бейрута, вероятно, был родственником этой семьи. Когда он выехал из своего города, ворота закрылись за ним. Из своего убежища он жаловался фараону. Он сообщал, что убил своих противников, что делал не в первый раз: об одном таком случае сообщалось в Библии, когда к смерти были приговорены все сторонники оппозиционной партии яхвистов (3-я Книга Царств 18:3 и далее). Он боялся восстания своего народа и об этом постоянно говорил в своих ранних и поздних письмах: «Я боюсь, что крестьяне убьют меня», «Я боюсь своих крестьян», «Мои крестьяне взбунтуются»².

Он писал, как будто боялся проклятия Илии, произнесенного на поле Навуфея: «...на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь».

Письмо 138: «И вот народ Гублы теперь написал мне... Вот их враждебные слова: «Возьми это, его истекающую кровь».

О том, что он укрывался в Бейруте, а потом в Сидоне³, скорее всего в доме родственников Иезавели, более года, в Библии не сообщалось, но именно его отсутствие породило слухи о том, что он умер. «Они говорят: «Неужели умер наш властелин?». Они сказали: «Риб-Адди, и мы вышли из-под его власти»⁴. Это эпизод и вера в то, что царь умер, могли способствовать ошибкам последующих летописей и стать причиной многочисленных хронологических и династических противоречий между различными библейскими версиями.

На этом письма Риб-Адди, библейского Ахава, за-

¹ Письмо 136.

² Письма 77, 117, 130.

³ Письмо 162 от фараона. Иезавель была из Сидона.

⁴ Письмо 138.

канчиваются. Он, «старик», просил, имея крайне малую надежду привлечь внимание египетского сюзерена, не может ли фараон назначить ему в качестве резиденции «Бурузилим»¹. Имел ли он в виду Иерусалим, или написанное попросту демонстрировало его невежество, как и во многих других письмах эль-Амарны, где названия городов и имена людей воспроизводятся произвольно? Или дело в том, что еврейский предлог «в» (по-еврейски) присоединился к названию города, написанному клинописью?

Иосафат умер незадолго до этого. Возможно, фараон отдал царство Израиль Иораму, сыну Иосафата и зятю Ахава; кажется, что Иорам взялся восстановить порядок в северном царстве, оставив своего юного сына Охозию в Иерусалиме².

Последнее письмо Риб-Адди заканчивается увещеванием: «Когда я умру, мои сыновья, рабы царя, будут еще живы, и они напишут царю: «О, верни нас назад в наш город».

Мятеж, которого боялись, был возглавлен долго угнетавшейся партией яхвистов. Заговор против Азаила, возникший в армии, был успешным, и мятеж затронул Изреель. Ииуй стремительно двинулся к Изреелю и убил Иорама, до этого раненного во время битвы с сирийцами, и Охозию, приехавшего из Иерусалима с визитом. Йезавель была выброшена из окна, и кони Ииуя топтали ее, и ее тело было разорвано псами в поле Навуфея, так что для погребения остались только череп, ноги и ладони рук.

Семьдесят сыновей Ахава, которые жили в Самарии, тоже были преданы смерти, и их головы были отправлены в корзинах в Изреель (4-я Книга Царств 10:7).

Царь Бейрута сообщил фараону, что дети царя Гублы и Сумура (письмо 142) были отданы их братом в руки преступников. Из Библии мы знаем, что Ииуй убил потомство Ахава в Самарии и Изрееле. «И умертвил Ииуй всех оставшихся из дома Ахава в Изрееле» (4-я Книга Царств 10:11).

¹ Письмо 137.

² См. выше раздел «Ахав или Иорам».

Шестьдесят пять писем Риб-Адди, царя Сумура и Гублы (Самарии и Иезевели-Изрееля), написанные фараону Аменхотепу III, фараону Эхнатону и правителю Аман-аппе, раскрывают человеческую натуру их автора: это был человек с тяжелым сердцем, печальный и подверженный беспокойству. В его письмах нет ни одной радостной строчки. Конечно, события его времени оправдывали подобное состояние души. Но ни один из всех корреспондентов эпохи эль-Амарны не писал таких унылых писем. «Что мне делать в одиночестве моем? Вот об этом молю день и ночь». Он поражал и свой народ такой меланхолией.

«И пришел Ахав домой встревоженный и огорченный.. И лег на постель свою, и отворил лице свое, и хлеба не ел», — так было, когда Навуфей отказался отдать ему свой виноградник (3-я Книга Царств 21:4). «Ахав разодрал одежды свои, и возложил на тело свое вретиче, и постился, и спал во вретиче, и ходил печально», — так было, когда Илия проклял его и Иезавель за то, что они сделали с Навуфеем, которого побили камнями насмерть по ложному обвинению (3-я Книга Царств 21:27). «И отправился царь Израильский домой встревоженный и огорченный, и прибыл в Самарию», — это когда он узнал, что напрасно позволил Венададу уйти после договора (3-я Книга Царств 20:43).

Библия осудила этого идолопоклонника, охваченного религиозным пылом: «И делал Ахав, сын Амвриа, неугодное пред очами Господа более всех, бывших прежде него» (3-я Книга Царств 16:30).

В раввинских преданиях Ахав осуждался за его идолопоклонство и за преследование пророков Яхве, но при этом не закрывались глаза на его патриотизм и глубокие эмоции его беспокойной души. «Во время небесного судилища, когда шел суд над Ахавом, обвинители его и защитники точно уравнивали друг друга по количеству и свидетельствам, пока не появился дух Навуфея и не склонил чашу весов против Ахава»¹

Кропотливое исследование данного периода может создать ложное впечатление, что Венадад и Азаил были

¹ Ginzberg, *Legends*, IV, 187.

главными противниками в течение долгой истории евреев, а не просто двумя мерзавцами, которых можно встретить в любом поколении.

Однако они стали национальными героями сирийской истории. Это факт, что в Сирии во времена Иосифа Флавия, через девять веков после той эпохи, которую я описываю, эти два царя почитались как величайшие создатели, величайшие победители и выдающиеся личности, и народ Дамаска чтит память этих национальных героев и святых. Иосиф, описав совершенное убийство, писал: «Ададос и Азаелос, который правил после него, до сего дня почитались как боги за свои добрые деяния и за строительство храмов, которыми они украсили город Дамаск. И они (сирийцы и народ Дамаска) каждый день устраивают процессии в честь этих царей и их древней славы...»¹. Арабы Дамаска устраивали празднества в память Венадада и его убийцы-сына. Их противник, Ахав, остался в памяти своего народа как величайший грешник Израиля.

Внимание, уделенное историческим событиям и даже самым незначительным происшествиям периода, которому посвящена эта глава, главным образом объясняется тем фактом, что бесценные письма эль-Амарны были написаны в это время, и они предлагают обширный материал для сопоставлений. С точки зрения библейского повествования, значение, которое придается этому периоду, преувеличено, так как письма связаны с туманной эпохой Илии и Елисея, пророков.

¹ Josephus, *Jewish Antiquities*, IX, 92—94.

ГЛАВА VIII
ПИСЬМА ЭЛЬ-АМАРНЫ
(ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Иаримута

Прочтя письма царя Сумура (Самарии), мы удивлены частым упоминанием места, которое называется Иаримута, а также Римута¹, и той ролью, которое оно играет в стремлениях царя. Это место упоминалось только в его письмах — восемнадцать раз в тринадцати письмах. Оттуда его народ получал зерно в годы голода в обмен на суровую плату — торговлю домашней утварью и даже детьми, отданными в рабство. А в прежние времена зерно из Иаримуты принадлежало Сумуру (Самарии) по праву. Царь писал фараону, прося его распоряжений: «Пусть сочтет благом царь, мой властелин, чтобы зерно было отдано, продукт земли Иаримута»². В подобной же манере он писал правителю Аман-аппе: «Скажи твоему властелину, что следует отдать его рабу продукт земли Иаримута, как это прежде отдавалось Сумуру»³.

Царь Сумура (Самарии) претендовал на эту территорию, и он заявил о своих правах трем египетским наместникам, двумя из которых были Аман-аппа и Ианхама, «и они признали мое право». Об Иаримуте шел спор с царем Дамаска:

Письмо 105: «Из-за того, что принадлежит мне... он стал ко мне враждебен... Он напал... и он захватил... он стал враждебен ко мне из-за этого — взять зерно для пропитания из Иаримуты, чтобы я не умер».

В течение некоторого времени Иаримута удерживалась царем Сумура и Гублы, и его армия стояла там, потому что он писал фараону: «Скажу Ианхаму, чтобы (он) взял деньги и одежду для людей Гублы в Иаримуте».

¹ Письмо 85.

² Там же.

³ Письмо 86.

Конфликт вокруг Иаримуты пережил Абди-Аширту (Венадада) и оставался достаточно острым при Азиру (Азиале).

Царь Сумура (Самарии) просил у фараона военной помощи, чтобы заставить местного вождя, который объединился с царем Дамаска, дать провизию крестьянам и солдатам.

Письмо 114: «Прежде мои крестьяне получали провизию из земли Иаримута. Но вот Иапа-Адди не позволяет им идти за провизией в гарнизон. Пусть же царь пришлет лучников... Позаботься обо мне. Кто будет другом, если я умру? Ведь не Иапа-Адди с Азиру?».

В течение всего своего царствования он настаивал, что зерно Иаримуты, как и в прежние времена, должно принадлежать ему и его народу.

Письмо 125: «Прежде царский гарнизон был со мной, и царь давал зерно из Иаримуты для его пропитания. Но вот теперь Азиру снова напал на меня».

Существовали различные предположения по поводу этого места: что оно находилось в Гошене в Египте¹, в соответствии с теорией, будто библейский Иосиф — это Ианхама; что и Иаримута было древним названием Филитии и Шарона²; что она находилась на равнине Антиохии³. «Местонахождение Иаримуты точно неизвестно»⁴.

Если это место интересовало царя Сумура (Самарии) настолько, что он вовлек себя в продолжительный конфликт

¹ Compare C. Niebuhr in *Mitteilungen der Vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft*, I (1896), 208ff.; W. M. Müller, *ibid.*, II (1897), 274f.; H. Ranke, *Keilinschriftliches Material zur Altaegyptischen Vokalisation* (Berlin, 1910), p. 22 and note 1.

² Albright, *Journal of the Palestine Oriental Society*, II (Jerusalem, 1922), 112, note 2; *ibid.*, IV (1924), 140.

³ Maisler, *Untersuchungen zur alten Geschichte und Ethnographie Syriens und Palästinas*, pp. 7ff.

⁴ Mercer, *Tell el-Amarna Tablets*, note to Letter 68.

из-за него, требуя его продукции, то мы можем надеяться, что Библия даст ответ на вопрос: что это за место?

3-я Книга Царств 22:3: «И сказал царь Израильский слугам своим: знаете ли, что Рамоф Галаадский наш? А мы так долго молчим, и не берем его из руки царя Сирийского?»).

Рамоф Галаадский играл важнейшую роль в войнах царя Израиля. Он советовался со своими пророками: «Пойдем ли мы войной против Рамофа Галаадского или следует нам воздержаться?». Его правитель, Амон, поддерживал его в этом деле (3-я Книга Царств 22:26). Иосафар сопровождал его во время битвы в Рамофе, как уже говорилось: здесь, согласно одной из версий, был убит Ахав, согласно другой — он был только ранен.

Позже царь израильский «находился со всеми израильтянами в Рамофе Галаадском на страже против Азаила, царя Сирийского» (4-я Книга Царств 9:14)¹; на этом фронте Ииуй был помазан посланником Елисея (4-я Книга Царств 9:4).

Иосиф Флавий назвал место, за которое Ахав бился с сирийцами, Араматой в Галадене².

Рамоф из Библии и Арамата у Иосифа — это Иаримута или Римута в письмах эль-Амарны.

Битвы и войны за это место велись в те годы, когда Самария страдала от голода, как это прекрасно объяснено в письмах: высокогорье Галаада было хлебной корзиной для всего региона, и голод не коснулся его.

Рамоф Галаадский постоянно упоминался в Библии на протяжении эпохи Ахава-Иорама и Иосафата — и только этой эпохи³.

¹ См. также: 3-я Книга Царств 8:28.

² *Jewish Antiquities*, VIII, 398.

³ Babilonian Talmud, Tractate Makkot 9b: «Сихем в горах на-против Рамофа Галаадского. См.: A. Neubauer, *La Geographie du Talmud* (Paris, 1868), p. 10.

Самария (Сумур) при олигархах

В течение периода писем эль-Амарны Сумур (Самария), хотя и был египетским административным центром, почти постоянно подвергался осаде сирийских царей. О двух осадах Самарии и о ее освобождении от первой с помощью «молодых управителей провинций», а от долгой второй осады в результате слухов о приближении египетской армии, на основе сопоставлений между Библией и письмами эль-Амарны, рассказывалось на предшествующих страницах.

Кроме царя и наместника власть в городе осуществляли старейшины. Их решению царь предоставил судьбу города, когда он получил ультиматум от царя Дамаска в период первой осады (3-я Книга Царств 20:7).

Большую часть периода писем эль-Амарны царь Сумура прожил в своей второй резиденции, и оттуда писал большую часть своих писем, умоляя помочь его столице. В начале этого периода правитель Аман-аппа (библейский правитель Амон) оставил свой постоянный пост в Сумуре и большую часть времени находился в Египте. Место Ианхамы было в Дамаске.

Из-за анархии, господствовавшей в результате многочисленных превратностей и осад, старшины Сумура стали более влиятельными и на какое-то время оставались единственной властью в городе. Азиру (Азаил), когда его попытка войти в Сумур потерпела неудачу, писал в одном из писем:

Письмо 157: «Но старшины Сумура не пустили меня».

Этим правителям или «градонамачальникам и старейшинам» Самарии писал Ииуй, призывая их избрать одного из сыновей Ахава царем или подчиниться ему (4-я Книга Царств 10).

На этот раз олигархи испугались и позволили Ииую войти в город.

«Царский город» Сумур

Город Самария был «царским городом», резиденцией, выстроенной как египетский административный центр азиатских провинций. Фараон обычно посылал серебро в Самарию в период царствования Амврия, который построил ее.

Письмо 126: «Прежде однако посылалось моему отцу из большого дворца серебро...».

Египет получал в обмен ничтожную дань, если вообще ее получал. Фараон также обеспечивал Самарию колесницами.

В городе находился дворец, и «царский дом» Сумура часто упоминался в письмах эль-Амарны; формально это была резиденция фараона, но фактически — резиденция его наместника, вассального царя, а возможно, также египетского представителя, приставленного к этому вассалу. О «царском доме» упоминалось также на обелиске Месы, который отремонтировал его. О дворце, выстроенном Ахавом в Самарии, упоминалось в Библии, он был выложен слоновой костью. Слова Месы «я разбил его резьбу» могут относиться к украшениям из слоновой кости на дворце. Слоновая кость из самарийского дворца Амврия и Ахав была в большом количестве обнаружена во время раскопок¹. Об этом больше будет сказано в следующих разделах этой главы.

Город Самария был окружен стеной. Об этой стене упоминалось и в Библии, и в письмах эль-Амарны. О ней также говорилось на обелиске Месы.

Место перед воротами было сценой переговоров двух царей с пророками; троны были размещены «у входа в ворота Самарии» (4-я Книга Царств 18:9). У ворот стоял также сановник, назначенный «охранять ворота» (4-я Книга Царств 7:17). Он должен был собирать серебро в оплату за ячмень и муку, оставленные сирийцами, которые бежали от стен Самарии. Сановника затоптали насмерть. Об

¹ J. W. Crowfoot and C. M. Crowfoot, *Early Ivories from Samaria* (London, 1938).

обычае брать плату у ворот упоминалось также в письме Сумура: «У всех моих ворот брали медную монету»¹. Ворота Самарии, которые были важным местом — своего рода народным форумом, — упоминались на обелиске Месы, а также в Библии и письмах эль-Амарны.

В городе был холм или акрополь, который назывался Офель. О нем упоминалось в Библии (4-я Книга Царств 5:24) и на обелиске Месы.

При раскопках в Самарии открылись две части древней стены, место ворот (город имел только одни ворота) и здания дворцового типа².

Когда Меса занял Самарию в союзе с царем Дамаска, на своем обелиске он приписал себе активное строительство в городе — работу, которая делалась израильскими пленниками.

Царь Дамаска в подобном же роде писал одному сановнику в Египет после всех разрушений, которые претерпел этот город во время войн и осад: «Я построил Сумур...»³, имея в виду, что он, используя труд израильских пленников, отремонтировал стены дворца и других зданий. Привилегия строить в Самарии высоко ценилась, и об этом упоминалось в договоре между Венададом и Ахавом. После поражения сирийцев у Афека Венадад сказал царю Самарии:

3-я Книга Царств 20:34: «И площади ты можешь иметь для себя в Дамаске, как отец мой имел в Самарии».

Когда со временем город попал в его руки, он возобновил — вместе с мятежником (царем Месой) — строительные работы в нем.

Следующий царь Дамаска, Азиру, библейский Азил, пока он удерживал Сумур (Самарию), сообщал: «Теперь я восстановлю Сумур... Мой властелин, я теперь быстро построю Сумур»⁴. И еще: «Я не строил Сумур. Но через год я построю Зумур (Сумур)...»⁵.

¹ Письмо 69.

² С. А. Reisner, C. S. Fisher, and D. G. Lyon, *Harvard Excavations at Samaria, 1908—1910* (Cambridge, Mass., 1924).

³ Письмо 62.

⁴ Письмо 159.

⁵ Письмо 160.

Салманассар III изгоняет царя Никмеда

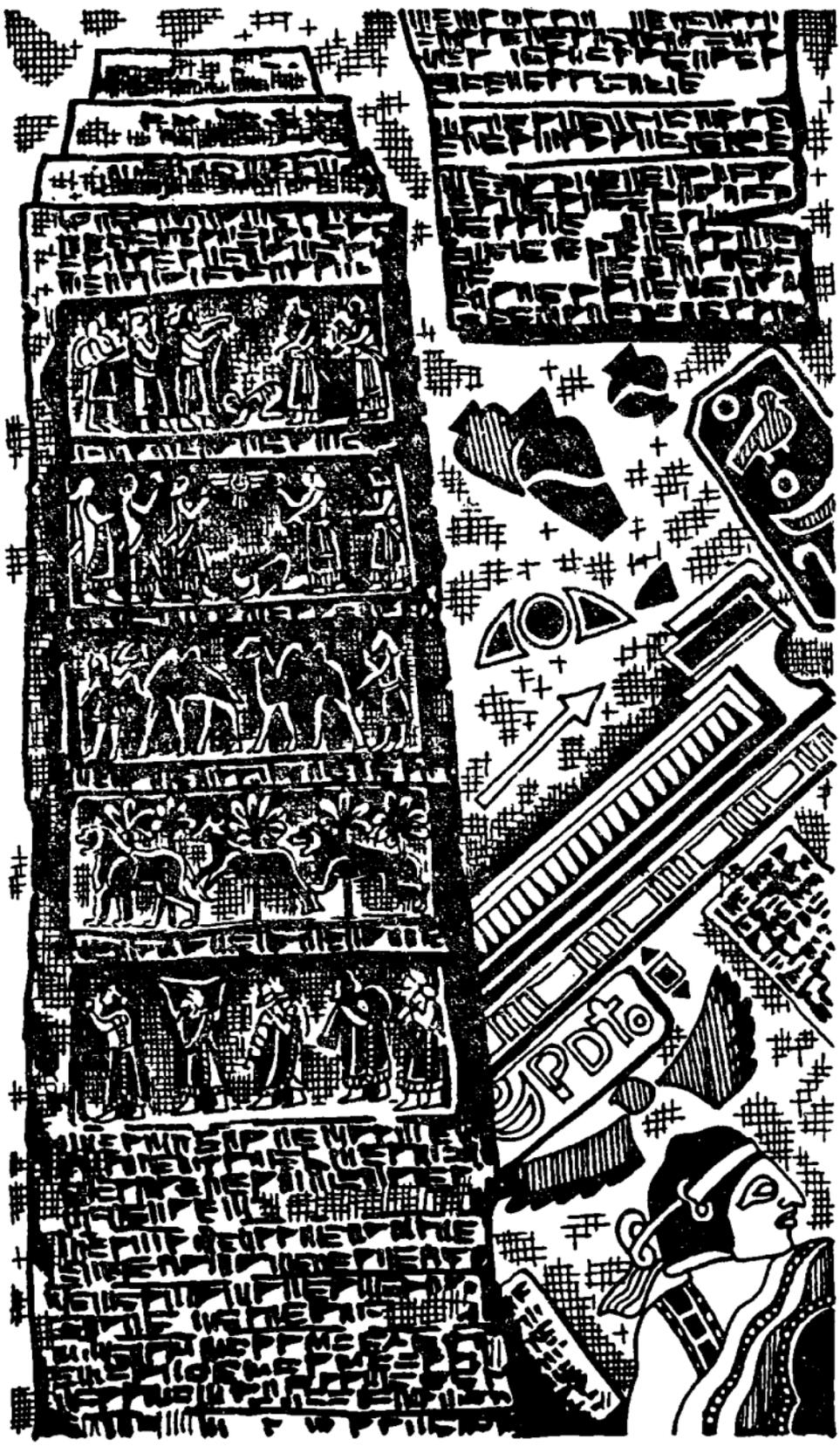
В соответствии с представленной здесь реконструкцией истории, письма эль-Амарны были написаны не в начале четырнадцатого века, но в течение трех десятилетий, с 870 по 840 год до н.э. Около 858 года Салманассар III стал царем Ассирии. Позже он стал и царем Вавилона и исполнил жертвоприношения в Вавилоне, Бурсиппе и Куте¹. Он предпринял множество сокрушительных набегов на финикийское побережье и в северную Сирию. Относя письма эль-Амарны к эпохе Иосафата, царя иерусалимского, Ахава, царя Самарии, и Салманассара, их современника, я обязан продемонстрировать соответствия не только между письмами и Книгами Царей и Паралипоменон, но также между письмами и ассирийскими надписями. В своих летописях Салманассар представил отчет о своих войнах, большая часть которых проходила в Сирии.

В письме, написанном Абимилки, царем Тира, и обнаруженном в эль-Амарне, сообщается: «И огонь поглотил Угарит, город царя; половина его сгорела, а другая половина нет, и людей из армии Хатти нет там (больше)». В разделе «Конец Угарита», в главе 5, мы задавали вопрос: «Кто был этим захватчиком?». Мы цитировали также воззвание, обнаруженное в Рас-Шамре — Угарите, где царь-завоеватель объявлял, что «иаманы (ионийцы), люди Дидима, кары (карийцы), киприоты, все чужеземцы вместе с царем Никмедом» должны быть изгнаны из Угарита. Начальная часть этого воззвания, которое может открыть имя царя, изгнавшего Никмеда, отсутствует. Обнаружен некий намек, что Никмед был изгнан вавилонцами², которые здесь названы хатти. Это предположение недалеко от истины, поскольку Вавилон был включен Салманассаром в свою империю.

Нам интересно знать, оставил ли Салманассар какие-

¹ Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 566.

² Hrozný, «Les Ioniens à Ras-Shamra», *Archiv Orientalni*, IV (1932), p. 178.

либо письменные свидетельства о своем завоевании Угарита. И мы действительно находим следующее вступление, дважды повторенное в его анналах:

«Год четвертый. К городам Никдима (и) Никдира я приблизился. Они испугались моего могущества, моего устрашающего оружия и моей опасной войны (и) бросились в море в плетеных (?) лодках... Я преследовал их в лодках... имел великую битву на море, разгромил их и их кровью окрасил море, как шерсть».¹

Город Никдима, по-видимому, должен быть городом Никмеда. Города назывались в честь их царей, и в этом случае выражено ясно — «город Никдима». Переводчик этого текста также объяснил «город Никдима» примечанием: «личное имя». Инверсия двух согласных, особенно в личных именах иностранного происхождения, очень распространена среди восточных народов; Так, далеко от Рас-Шамры находится Искандерум, город названный в честь Александра. Город Никдима, как и город Никмеда, был расположен рядом с морем. Вполне возможно, что уподобление Салманассаром моря крашеной шерсти было вызвано промыслом Угарита — Рас-Шамры. В Угарите были устроены мастерские по окраске шерсти, и там были обнаружены полки с раздавленной шелухой, приготовленной для извлечения экстракта краски.

Обнаружен также письменный приказ покрасить три партии шерсти.

Незадолго до своего изгнания Никмед вместе с Суппилиумой, современным царем города, принес жертвоприношения богине города Арне. Мы встретим эти названия и имена и в хрониках Салманассара.

¹ Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 609.

Салманассару III противостоит сирийская коалиция во главе с Биридри (Биридиа), наместником Мегиддо

Салманассар повествует, что в шестой год его правления, через два года после того, как он преследовал Никмеда в море, один князь по имени Биридри, которого поддержала коалиция из двенадцати князей, выступил против него в Каркаре¹. Среди союзников Биридри были Ахав, князь израильский («с двумя тысячами колесниц и десятью тысячами воинов»), город Ирката (его князь не назван), князь Арвада Матину-Бали, князь Узы (не назван) и князь Сианы Адуну-Бали.

Надпись Салманассара не сообщает, что вступившие в союз князья, и среди них Ахав, лично участвовали в битве при Каркаре, она просто констатирует: «Этих двенадцать князей он (Биридри) привел себе на помощь». Мы встречаем некоторых из этих князей в письмах эль-Амарны. Они писали фараону, что держат свои гарнизоны в полной боевой готовности, чтобы выступить против царя-захватчика Хатти, а некоторые из них — из северной Сирии, которая подвергалась более прямой угрозе, чем Палестина, — могли лично участвовать в битве. Город Ирката писал фараону:

Письмо 100: «Так говорит Ирката и урожденный ее народ... Пусть сердце царя, властелина, знает, что мы защищаем Иркату для него... Пусть дыхание царя не покидает нас. Мы закрыли ворота, пока дыхание царя не дойдет до нас. Велика враждебность против нас, очень велика».

В письме от Риб-Адди² сообщается: «Адуну — из Иркаты, наемники убили». В том же самом письме он писал о войнах царя Хатти на северо-востоке.

Князь Адуну из Сианы в надписи Салманассара был,

¹ В Северной Сирии.

² Письмо 75.

вероятно, Адуной «из... и из Иркаты». Но если Адуня из военных хроник Салманассара не был князем Иркаты, тогда ошибка Салманассара, назвавшего по имени князя Иркаты, находит объяснение в письмах эль-Амарны: князь Иркаты убит, и город защищал себя, не избирая нового князя.

Имеются два письма Мут-Балу. Он писал фараону: Письмо 255: «Пусть мой царь, мой властелин, пошлет караваны в Карадуниаш. Я доведу их так, что они будут в полной безопасности».

Поскольку Карадуниаш — это Вавилон¹, а город Мут-Балу находится на пути в Вавилон, мы можем предположить, что Мут-Балу из писем эль-Амарны был Матину-Багли, царь Арвада, упоминаемого на ассирийской надписи Салманассара. Мут-Балу не сообщил, откуда он писал свое письмо. Ассирийская надпись, называя Матину-Бали царем Арвада, связывает Мут-Балу из писем с этим городом. От Иосифа, который цитировал Менандра², мы имеем информацию о том, что Меттен-Баал был внуком Итовала и племянником Иезавели.

Узу (Уза) находился рядом с Тиром. Тир располагался на острове неподалеку от берега. На нем не было достаточного количества питьевой воды, чтобы выдержать осаду. В эти засушливые годы царь Тира просил фараона передать город Узу во владения Тира.

Письмо 150: «Пусть царь обратит внимание на раба своего и отдать ему Узу, чтобы он мог жить и чтобы он мог пить воду».

В обоих источниках, и в надписи Салманассара, и в письмах, мы встретили Иркату, Арваду и Узу как маленькие княжества, противостоящие захватчику с севера.

Мегиддо был мощной военной базой за этими аванпостами. Он был укреплен Тутмосом III, военная кампания которого в Мегиддо и победа особо отмечены в его анналах. Город был барьером на пути армий, идущих с севера. Его гарнизон также охранял равнину Издралона

¹ Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, pp. 1013f.

² Against Apion, I, 123—25.

(Изрееля).

В эпоху писем эль-Амарны один военачальник, по имени Биридиа, управлял Мегиддо. Очевидно, что в это нелегкое время на него была возложена какая-то особая ответственность. Обнаружено восемь его писем. Судя по ним, он был отважным и верным солдатом.

Письмо 243: «И вот я защищаю Макиду, город царя, моего властелина, день и ночь. Целые дни я держу охрану на полях. С колесницами и воинами я защищаю стены царя, моего властелина».

Именно в Мегиддо пытался бежать Охозия, внук Иосафата, когда мятеж Ииуя внезапно застиг его в Изрееле. Мегиддо, как показывают письма, был крепостью, в которую Ииуй не осмелился бы войти, преследуя Охозию. Но Охозии не удалось бежать: он был схвачен и убит на пути в Мегиддо (4-я Книга Царств 9:27).

Стены Мегиддо, некогда потрясающее сооружение, оказались похожими, как показали раскопки, по конструкции и оформлению на стены дворца Ахав в Самарии, относящиеся к девятому веку¹.

Биридиа, как командующий самой важной крепостью, был тем человеком, который должен был возглавить коалицию вассальных князей против «царя Хатти»². Ранг и положение Биридиа из писем эль-Амарны соответствует рангу и положению Биридри в надписи Салманассара. Небольшое отличие в написании имен связано с тем фактом, что не только имена, но даже географические названия имели разные буквенные обозначения: тот же самый Би-

¹ See: C. S. Fisher, *The Excavation of Armageddon* (Chicago, 1929), p. 16.

² Поскольку не было признано, что письма эль-Амарны относятся к эпохе Салманассара, считалось, что глава коалиции Биридри должен быть Венададом, самым могущественным из царей Сирии (см.: Meyer, *Geschichte des Altertums*, II, Pt. 2, p. 274). отождествление Венадада и Биридри сразу вызывает вопрос: почему Ахав пришел на помощь Венададу, своему врагу, в Каркар? Было высказано предположение, что Венадад начал войну с Ахавом, чтобы заставить его участвовать в войне против Салманассара.

ридиа (в одном месте он написал свое имя Бириди) заявлял фараону, что он защищает Макиду; в другой раз он писал, что защищает Магиидду. В письмах много подобных примеров.

Биридиа, пребывая на посту у крепости Мегиддо, встретил царя Ассирии, врага фараона, и те колесницы, которыми он командовал, взяли Салманассара в плен.

В армии под командованием Биридри находилась тысяча солдат Мусри, которые вступил в бой с армией Салманассара в Каркаре, согласно летописям Салманассара. Мусри — это ассирийское название Египта (по-еврейски Мизраим). Поскольку кажется маловероятным, чтобы египетский фараон послал войско, составляющее всего одну десятую часть войска Ахава, предположили, что под названием Мусри скрывается какое-то другое государство, а не Египет. По одной теории¹, оно располагалось на Синайском полуострове, по другой² — в северной Сирии или в восточной Анатолии.

Письма эль-Амарны, при условии их правильной датировки, обнаруживают ложность этих теорий. Присутствие небольшого контингента египетских воинов в коалиционной армии под командованием Биридиа соответствует содержанию писем эль-Амарны. Биридиа к тому же посылал регулярные рапорты фараону о своих приготовлениях к встрече с царем Хатти на поле битвы.

Во многих письмах царь Сумура сообщал фараону об опасности, исходящей от царя Хатти. В одном из ранних писем он писал: «Пусть мой царь, мой властелин, знает, что царь Хатти захватил все земли, которые принадлежали царю Митты или царю Намы — земли великих царей. Абди-Аширта, раб, пес, ушел с ним»³. Победы царя Хатти в Митанни (Митте) оказались кратковременными, по-

¹ By C. Beke. See his *Mount Sinai a Volcano*, p. 8.

² By H. Winckler. Библейская энциклопедия ed. Cheyne and Black, доверившись этой теории и всему, что из нее следует (по отношению ко всем контактам израильтян с Египтом), утратила всякую ценность в ряде важнейших разделов.

³ Письмо 75.

тому что царь Митанни Тушратта, тесть фараона, смог послать в числе других разнообразных и богатых даров часть «добычи из земли Хатти» и таким образом дал своему зятю понять, что не был побежден. Летописи Салманассара не сообщают ни об одной значительной победе или продолжительной оккупации земель на востоке, не считая победы Вавилона во время династической войны между вавилонскими князьями.

На протяжении первых двух десятилетий своего царствования Салманассар почти каждый год возобновлял свои южные походы в Сирию. В письмах эль-Амарны вассалы Египта в северной Сирии сообщали фараону о набегах царя Хатти.

Эти набеги сопровождалась пожарами. В одном из своих поздних писем Риб-Адди писал: «Я слышал от (о) людей Хатти, что они предали эти земли огню. Я не раз писал... Все земли царя, моего властелина, побеждены... Они привели воинов из земель Хатти, чтобы покорить Гублу»¹. Риб-Адди в письме выражал опасение, что атака будет направлена против него. Его информация о том, что царь Хатти сжигал дотла города, была правдивой. Салманассар сам писал: «Я разрушал, я опустошал, я предавал огню». И это заявление он повторял часто. После своего шестнадцатого похода в Сирию он увековечил собственные подвиги следующими словами: «Бесчисленные города я разрушил, я опустошил, я предал огню».

То же самое повторялось во многих письмах сирийских городских царей фараону.

Риб-Адди в еще более позднем письме² писал о деяниях царя Хатти, но эти строчки разрушены и среди стертых букв мы можем прочесть только слова «царь земель Хатти».

Салманассар, ассирийский царь девятого века, был, согласно восстановленной исторической шкале, царем Хатти эпохи эль-Амарны. После того как он укрепил границы владений, унаследованных им от его отца Ассурназирпала, и расширил их за счет завоевания Вавилона и других

¹ Письмо 126.

² Письмо 129.

территорий, он писал: «Землю Хатти до самых ее дальних границ я взял под свою власть. От истока Тигра к истоку Евфрата моими руками побеждена»¹.

Здесь Хатти, по-видимому, достаточно широкое географическое обозначение, а не этнографическое название.

Когда сирийцы под стенами Самарии решили, что слышат приближение армии, пришедшей освободить город, они вообразили, что это или египетская армия или армия Хатти (4-я Книга Царств 7:6). Последнее означает, по-видимому, армию Салманассара. Он держал все остальные страны в состоянии обороны, и фараон считался его единственным реальным соперником. Их соперничество в делах Сирии прекрасно отражено в письмах эль-Амарны.

Салманассар III вторгается в землю Амуру и встречает противодействие царя Дамаска

На десятый год своего царствования Салманассар сразился с другой коалицией, вновь возглавленной Биридри (Биридиа). Когда Биридри умер, Азаил, используя отсутствие египетского наместника, убил своего собственного отца.

В Египте подозревали, что Азиру (Азаил) был на стороне «царя Хатти», как в свое время его отец², так как он принимал послов от царя Хатти. В то же самое время он просил фараона утвердить его статус царя Дамаска, трон которого он узурпировал. Он был вызван в Египет, но постоянно откладывал свой отъезд, ссылаясь на то, что должен наблюдать за действиями царя Хатти: «Если царь Хатти придет ко мне с враждой, тогда, о царь, властелин мой, дай мне воинов и колесницы на помощь». Но ему задали вопрос: «Почему ты внимателен к послам царя Хатти? И почему ты невнимателен к моим послам?». Сохранилось длинное и интересное письмо фараона к нему.

¹ Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 641.

² Письмо 75.

Царский топор отсечет его голову и головы его братьев¹, если он возьмет сторону врагов фараона. Но он будет в милости, если сохранит верность (письмо 162).

Азиру (Азаил) был «необычайно рад» «ласковым и добрым» словам фараона, но не мог принять приглашения в Египет.

Его двоедушие разгневало и царя Хатти. Азиру (Азаил) писал своему покровителю Дуду: «Но, о мой властелин, царь Хатти пришел в Нухасс! Поэтому я не могу приехать. Пусть царь Хатти уйдет». В письме к фараону он признавал, что «прежде ходил к царю из Хатти»², но теперь он смотрит только в лицо солнца, своего властелина (Эхнатона). «И царь Хатти пришел в Амурри, землю царя, моего властелина... ибо теперь он пребывает в Нухассе, в двух днях пути от Тунипа³, и я боюсь, что он нападет на Тунип. Пусть он уйдет!»⁴. «Я боюсь его; я видел, как он пришел в Амурри... Потому я боюсь его»⁵.

Мы должны теперь заглянуть в анналы Салманассара, чтобы узнать, действительно ли он являлся в Амурри и угрожал ли он Азаилу (Азиру).

В письмах царей сирийских городов мы читаем о страхе, который внушал Салманассар в этой стране; об этом он упоминал и в собственных летописях: «Цари земли Амуру, все они, приходят в ужас при приближении моего могучего устрашающего оружия»⁶. Он называет Сирию тем названием, какое употреблялось по отношению к ней в письмах эль-Амарны — Амуру (Амурри). Хроники Салманассара также подтверждают то, что сказано в письмах эль-Амарны в отношении Азаила (Азиру): «На во-

¹ Подобное наказание было применено к братьям наследника Ахава по приказу Ииуя.

² Письмо 165.

³ Хэлеви и Уинклер определили его как Ваалебек. Cf. Weber, in Knudtzon, pp. 1123ff.

⁴ Письмо 165.

⁵ Письмо 166.

⁶ Luckenbill, *Records of Assiria*, I, Sec. 601.

семнадцатый год моего царствования я пересек Евфрат в шестнадцатый раз. Азаил из Арама (Амуру) пришел, чтобы биться».

Он писал, что Азаил устроил стан у горы Сеир (Анти-Ливан). «Гора Сеир, горный пик, который находится перед горой Леванон». Такая стратегическая позиция Азаила защищала Тунип (Ваалбек). В этой битве Салманассар захватил 1121 колесницу. «До самого Дамаска, его царской резиденции, я продвинулся. Я вырубил его сады».

Четыре года спустя Салманассар, согласно его летописям, пошел «против городов Азаила из Арама (Амуру) и захватил четыре города».

Финикийцы уходят на новое место жительства

Из летописей Салманассара мы знаем, что он захватил побережье Сирии вплоть до Тира. Ассирийский террор и тяжелая дань вынудили финикийцев отправиться на поиски нового места жительства, и многие из них покинули Тир и другие города, дошли до Северной Африки по побережью Средиземного моря и основали там колонию Карфаген¹.

Поскольку мы ищем упоминания о военных действиях Салманассара в письмах эль-Амарны, вполне логично направить наше внимание на письма, написанные из Тира. Абимилки, царь Тира, написал несколько табличек фараону, убеждая его:

Письмо 147: «Вот я защищаю Тир, великий город, для царя, моего властелина».

И вновь:

Письмо 149: «Царь мой, мой властелин, назначил меня защищать Тир, владение царя».

Фараон поручил Абимилки давать ему информацию о городах Сирии. Абимилки писал, что Азиру (Азаил)

¹ Во второй половине девятого века.

завоевал Сумуру (Самарию), что город Дануна в Сирии пребывал в мире (Салманассар прошел через этот город на второй год своего правления — он назвал его Дину-ну). Абимилки также писал, что половина города Угарита разрушена огнем, а другая половина разграблена, и что солдаты из армии Хатти остались в нем.

Салманассар захватил Угарит, город Никмеда, на четвертый год своего царствования. После захвата Дануны и Угарита Салманассаром положение Тира чрезвычайно осложнилось, особенно из-за вражды между этим городом и Сидоном, отраженной в письмах эль-Амарны, а также из-за кочевников-грабителей, которые приближались к Тиру из-за Иордана. Тир, расположенный на скале, зависел от побережья не только из-за запасов воды, но из-за того, что провизию приходилось доставлять на кораблях.

Выполняя свои обязательства, Абимилки писал, что он «в рабстве у слез», и молил о помощи. И когда наконец он получил обещание, что флот фараона прибудет в Тир, он отправил своих моряков встречать египетскую флотилию. Он несколько взбодрился и снова написал, что будет защищать город. Но помощь оказалась слишком незначительной и несвоевременной, если вообще поступила.

В восемнадцатый год своего царствования Салманассар писал, что он получил «дань от людей Тира, Сидона и от Ииуя из дома Амври».

В своем последнем письме фараону Абимилки изменил манеру, которой придерживался в своих предшествующих письмах. Он обычно говорил фараону, что он, фараон, «божественный властелин, гремящий в небе, как Адад». Здесь стоит заметить, что это были те же самые эпитеты, которые Салманассар в своих надписях применял к себе: «Я гремел, как Адад, бог бури». Салманассар также писал: «Салманассар, могущественный царь, солнце всех народов». И Эхнатон, и Салманассар заявляли о праве быть солнцем, и Абимилки уже давно знал, что существуют два солнца — яростное в земле Междуречья и бездействующее в Египте.

Абимилки все еще отдает дань уважения фараону и называет его «вечным солнцем», но в своем длинном по-

следнем письме он больше не пишет к фараону как к единственному правителю, и это ясно показывает фараону, что Абимилки также склонился перед другим властителем.

Письмо 155: «Царь — это солнце навеки. Царь приказал, чтобы его рабу и рабу Шалмаиати дали вздохнуть и дали напиться воды. Но они не сделали того, что велел царь, мой властелин. Они не дали этого. Итак, пусть же царь позаботится о рабе Шалмаиати, чтобы дана была вода для спасения его жизни. И еще: пусть мой властелин, царь, поскольку здесь нет ни дров, ни воды, ни соломы, ни земли, ни места для мертвых, пусть царь, мой властелин, позаботится о рабе Шалмаиати, чтобы дать ему жизнь».

Были выдвинуты странные предположения, чтобы объяснить значение этого непонятного имени Шалмаиати. Не беря в расчет современные сведения о Салманассаре, который на восьмой год своего царствования получил дань от Тира и Сидона, легко ошибиться в отношении переменности власти в Тире. Шалмаиати никак не могло быть другим именем фараона, поскольку Абимилки называл себя рабом фараона и рабом Шалмаиати. Предполагалось также¹, что это слово следует читать «Майя-ати» и иметь при этом в виду Мерит-Атен, дочь Эхнатона. Признавалось, что основания для этого и подобных объяснений весьма шатки². Затем было сказано, что Шалмаиати был богом, и была выдвинута гипотеза, согласно которой и в древнем Иерусалиме, и в Тире почитали божество Салем, и именно это божество Абимилки называл Шалмаиати. Было однако отмечено, что знак, который обычно сопровождал имя божества, отсутствовал во всех случаях, когда в письмах упоминалось имя Шалмаиати. Кем же тогда он был? И при этом, без учета обоих фактов — того, что Шалмаиати и фараон не могли быть одним и тем же лицом, и того, что Шалмаиати не мог быть божеством — было высказано мнение, что Шалмаиати — это имя божества, идентич-

¹ By W. F. Albright, *Journal of Egyptian Archaeology*, 23 (1937), 191f.; *Journal of Biblical Literature*, 61 (1942), 314.

² Mercer, *Tell el-Amarna Tablets*, pp. 504—5.: «неясна этимология этого слова».

ного солнцу или Атону у Эхнатона, но что здесь этот Бог упоминается как *alter ego* Эхнатона, а потому знак божественности оказывается ненужным, раз это обозначение второй ипостаси¹.

Но последнее письмо Абимилки еще не окончено. Что нам хотелось бы в нем прочесть? Разумеется, об уходе народа Тира и других финикийских городов на своих кораблях от мучительного гнета Салманассара и от бесконечной засухи на поиски нового приюта на берегах Средиземного моря. Мы знаем, что именно во времена Салманассара и из страха перед ним изгнанники из Тира и других финикийских городов бежали и основали Карфаген.

Это последнее письмо Абимилки завершается следующими словами:

Письмо 155: «Пусть царь повернет свое лицо к своему рабу и Тиру, городу Шалманати... Вот человек из Беруты (Бейрут) ушел на корабле, и человек из Сидона ушел на двух кораблях, и я уйду со всеми твоими кораблями и всем моим городом».

Драматический смысл этого письма становится очевидным. Абимилки писал, что он покинет свой скалистый остров и эвакуирует население Тира. Он просил фараона позаботиться о том, что останется в брошенном городе, который был вынужден платить дань царю-завоевателю.

Кем был устрашающий «царь Хатти» из писем Эль-Амарны?

Царь Хатти, всегда внушавший страх и часто упоминавшийся в письмах сирийских князей, вполне мог оказаться в числе корреспондентов в коллекции эль-Амарны. Хотя он находился в продолжительном конфликте с Египтом, он никогда не вел открытой войны против фараона. По крайней мере фараон ни разу не посылал сильной армии на помощь сирийским вассалам. Следовательно, вполне вероятно, что они обменивались письмами. В

¹ Weber, in Knudtzon, *Die El-Amarna-Tafeln*, pp. 1254f.

общем признано, что внушающим страх царем Хатти был Суппилулиума, от которого сохранилось одно весьма любезное письмо. Несколько поколений спустя еще один Суппилулиума был «царем Хатти», и поэтому кажется вполне обоснованным, что Суппилулиума из писем эль-Амарны также был великим царем Хатти.

Действительно, во времена Салманассара III (в девятом веке) жил князь, которого звали Суппилулиума (Сапалулме) и о котором Салманассар упоминал в своих летописях¹. Он мог быть автором письма в коллекции эль-Амарны, подписанного его именем².

В коротком и фрагментарном тексте из Угарита, относящемся к жертвоприношениям, поднесенным богине города Арне, упомянуты и князь Угарита — Рас-Шамры Никмед и Суппилулиума³. Вероятно, и Никмед и Суппилулиума тоже приносили жертвы богине Арне. Арне находился неподалеку от Угарита и был захвачен Салманассаром III во время одного из походов. «Против городов Арама (личное имя) я выступил. Арне, его царский город, я захватил»⁴.

Есть основание не только для отождествления Салманассара III с царем Хатти, наступавшим с севера во времена эль-Амарны, но и для выявления царя Хатти как одного из корреспондентов эль-Амарны. Мы уже показали, что он упоминается в письмах царя Тира под именем Шалмаиати; но ни одно письмо не подписано этим именем.

Так как Салманассар III был царем Ассирии и стал царем Вавилона в результате интриг и завоеваний, а имя царя, который писал из Вавилона и упоминал в своих письмах ассирийцев как своих подданных⁵, было Буррабуриаш

¹ Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 599.

² Письмо 41.

³ С. Virolleaud, «Suppiluliuma et Nigmad d'Ugarit». *Revue hittite et asiatique*, V (1940), 173—74; С. Н. Gordon, *Ugaritic Handbook* (Rome, 1948).

⁴ Luckenbill, *Records of Assyria*, I, Sec. 563.

⁵ Письмо 9: «Ассирийцы, мои подданные».

(Бурнабуриаш), то всего вероятнее, что в Ниневии и Вавилоне царь пользовался различными именами¹.

Салманассар писал о себе: «Салманассар, могущественный царь, царь вселенной, царь, не имеющий соперников, самодержец... который сотрясает мощь князей всего мира, который разбивает всех врагов, как горшки, могучий герой, беспощадный».

Кажется также, что в свое время один Салманассар мог писать в манере Буррабуриаша. Буррабуриаш был очень высокомерен и писал письма часто на грани оскорблений. Под предлогом плохого настроения он отказался принять посланника фараона («его посланник никогда не вкушал пищи и не пил вина в моем присутствии»). Затем, хотя фараон был обиженной стороной, Буррабуриаш заявил, что он очень сердит — «Я излил мой гнев на моего брата» — потому что не получил выражения заботы, на которую бывший не в духе монарх претендовал. Но когда ему сообщили, после того как он допросил своего собственного посланника, что дорога была слишком длинна и что за столь короткий срок фараон не смог бы отреагировать на известие об его плохом настроении, он добавил в том же самом письме: «Я больше не изливал на тебя свой гнев». Потом он обнаружил недостачу в подарках фараона: «Сорок мин золота, которые они везли — когда я достал их, они не имели полного веса». Он потребовал от него «компенсировать потерю» каравана, разграбленного в Сирии. «Кхинши — твоя земля, и ее цари — твои слуги», поэтому «задержи их, а деньги, которые они украли, верни». Он также писал: «Не задерживай моего пленника, отпусти его побыстрее». Он приказывал, чтобы ему изготовили и доставили различные произведения искусства: «Пусть мастера, которые у тебя есть, сделают животных, или наземных, или речных, чтобы они были как живые; кожа должна быть сделана как настоящая». Он тоже посылал подарки, но замечал: «Для хозяйки твоего дома я послал только двадцать колец с печатками из лазурита, потому что она ничего для меня не сделала...».

Подобный стиль писем к фараону уникален в коллек-

¹ См. статью «Вавилония» в Библейской энциклопедии ed. Cheyne and Black.

ции писем эль-Амарны. Все указывает на то, что Буррабуриаш тождественен Салманассару из ассирийских надписей и Шалмаиати из письма царя Тира, а также «царю Хатти».

Существует очень длинный перечень даров, посланных Эхнатом Буррабуриашу¹. После подробного перечисления предметов из золота, серебра, драгоценных камней и слоновой кости в перечне называются животные, но эта часть повреждена, и только различается «каменный козел» (*durah*). Этот перечень производит скорее впечатление дани, чем подарков, и письма Буррабуриаша свидетельствуют о том, что эти дары, предоставляемые в больших количествах, вручались не на вполне добровольной основе. Сокровища, обнаруженные в могиле Тутанхамона, зятя Эхнатона, превосходят любые другие археологические находки в Египте или где бы то ни было, но это совершенные пустяки в сравнении с подарками, которые посылал Эхнатон Буррабуриашу. Перечень открывается следующими словами:

Письмо 14: «Вот предметы, которые Нафурурия, великий царь, царь Египта (властелин Миисрии) послал своему брату Бурнабуриашу, великому царю, царю Карадуниаша (Вавилона)».

Салманассар изобразил на обелиске вручение дани из различных стран. Одной из этих стран был Мусри (Египет): «Дань из земли Мусри». Вдобавок к золоту, здесь были редкие животные, которые ценились больше, чем этот металл: верблюды с двумя горбами, речной бизон и другие наземные и водные твари, некоторые из которых были нарисованы. Очевидно, что это были изображения животных «наземных и речных» в соответствии с требованиями, высказанными в цитированном письме.

Кратко обобщив эти параллели между летописями Салманассара и письмами эль-Амарны, касающимися царя Хатти, мы обнаруживаем следующее.

Сообщение о военной кампании Салманассара в четвертый год царствования против Никдема (Никмеда) имеет свое соответствие в письме царя Тира и в воззвании, об-

¹ Письмо 14.

наруженном в Угарите — Рас-Шамре. Последующие походы Салманассара в Сирию — он сам упоминал о шестнадцати на протяжении первых восемнадцати лет его царствования — описаны во многих письмах эль-Амарны, особенно в тех, которые посылались из городов северной Сирии.

Салманассар писал, что «землю Хатти до самых дальних ее границ я взял под свою власть». Он также писал: «Я получал дары от всех царей Хатти»¹. В письмах эль-Амарны царь-захватчик называется «царем Хатти». О том, что он сжигал многочисленные города, упоминалось в его надписи, а также в письмах эль-Амарны; следы большого пожара видны на развалинах Угарита. «Леденящий страх» перед его армией, который, согласно летописям, наполнял сердца царей земли Амуру, нашел выражение и во многих письмах.

Города и князья, которые писали фараону о приближении захватчика, тоже часто упоминались в летописях Салманассара, как и те, кто с помощью Египта (Мусри) сражался против него на шестой год его правления. Они вновь сражались и в одиннадцатый год его царствования, а также в четырнадцатый год. От командующего этой коалицией Биридри, согласно ассирийским летописям, или Биридиа из писем (писалось также и Биридри), поступали военные рапорты фараону о его приготовлениях к защите от агрессора.

Положение данников, в которое Салманассар на восемнадцатый год своего царствования поставил города Тир и Сидон, и отъезд их населения на кораблях в поисках нового приюта также описаны в письме царя Тира. Поход Салманассара против Азаила в том же году описан в летописях первого и в письмах Азаила (Азиру). О лагере Азаила и Анти-Ливане (Сенир) также сообщалось и в летописях, и в письмах эль-Амарны. Письма также упоминают о войнах царя Хатти (Салманассара) в районе Месопотамии.

Письма эль-Амарны описывают, а обелиск Салманассара воспроизводит дары из золота и редких животных, присланных из Египта.

¹ Luckenbill, *Records of Assiria*, I, Sec. 563.

Идиомы в письмах Эль-Амарны

Письма эль-Амарны написаны клинописью на вавилонском (аккадском) языке с многочисленными «сирийскими идиомами». Поскольку они написаны во времена Иосафата, царя Иерусалима, можно ожидать, что присущая им манера выражения, характерная для каждой страны и каждой эпохи, должна напоминать стиль ранних книг пророков, потому что сто лет отделяют Иосафата от пророка Амоса.

Сходство выражений в письмах эль-Амарны, написанных из Палестины, и у пророков и составителей псалмов не осталось незамеченным, и идентичные речевые обороты были выявлены и отмечены. Вот несколько примеров¹.

Верность выражается метафорой «положить выю под ярмо и носить его» в письмах Иактири (Иахтири) и Ваал-Миира² и подобным же образом в Книге Иеремии 27:11.

Унижение врага описано словами «лизать прах» в письме народа Иркаты и в Книге Исаяи 49:23.

«Лицо» царя отвернуто от человека или царь «отбрасывает» чужое лицо, или отталкивает человека рукой — таковы выражения в письмах Риб-Адди (Ахава) и в Книге Бытия 19:21, и в 1-й Книге Царств 25:29. Лицо Риб-Адди «дружески обратилось к царю»; «он обратил свое лицо к величию царя и увидит на лице его милость». «Сразу вспоминаются библейские представления о «лице» и «присутствии».

«Подобно тому, как гимн Икнатона (Эхнатона) напоминает нам псалом 103, так псалом 138:7 переключается со словами Таги (письмо 264): «И о нас подумай! Оба мои глаза устремлены на тебя. Если мы поднимемся в небеса (*shameta*) или спустимся на землю, все равно наша голова (*rushunu*) в твоих руках».

«Подножие ног твоих» — это выражение, обнаружен-

¹ Следующие примеры и цитаты взяты из книги: S. A. Cook, «Style and Ideas», in *Cambridge Ancient History*, Vol. II.

² Письма 296, 257.

ное в письме и в псалме 109. Аки-Иави пишет: «Брат мой ты, и любовь и в твоей утробе и в твоём сердце», и это сходно с Книгой Иеремии 4:19. «Город рыдает, и его слезы бегут, и нет никого, кто держал бы нашу руку» — эти слова, написанные людьми Дунипа (Тунипа), напоминают нам Плач Иеремии 1:2 и Книгу Исаяи 42:6.

Когда Риб-Адди взывает к доброму имени фараона, он употребляет речевые обороты, встречающиеся также во Второзаконии 9:27 и в Книге Иисуса Навина 7:9. Когда он хочет сказать, что исповедался в своих грехах, он применяет выражение «открыл свои грехи»¹, которые мы находим также в Притчах 28:13. Когда пишет, что умрет, если «не будет иного сердца» у царя, то используют выражение, также обнаруженное в 1-й Книге Царств 10:9 и в Книге Иезекииля 11:19.

Царь Иерусалима писал фараону, что «поскольку он дал Иерусалиму свое имя навеки, этим городом пренебрегать нельзя». Это слова, напоминающие нам отрывок из Книги Иеремии 14:9. И еще он писал: «Смотри! царь, мой властелин простер имя свое от восхода до захода солнца». Это может быть сопоставлено с Книгой Малахии 1:11.

Эти и подобные параллели заставили ученого, который обобщил их, написать: «Повторяющиеся лирические выражения Риб-Адди и Абди-Кибы — это ранние примеры иступленных жалоб поздних израильтян, которые взывали не к божественному правителю Египта, их властелину, а к Яхве»². Установив этот факт, автор открыл лишь половину истины. Он подчеркивал сходство выражений и был прав. Но связанный общепринятой хронологией, он рассматривал этот факт как доказательство того, что ханаане за семь или восемь веков до израильских пророков и писцов пользовались теми же самыми специфическими выражениями, и был неправ.

Предполагаемое наследие ханаанской культуры в области литературы и искусства в действительности израильское творение. Доказательства непрерывности культурного развития в Палестине (до и после завоевания израильтян)

¹ Письмо 137.

² S. A. Cook, in *Cambridge Ancient History*, II, 338.

близки к нулю.

К этому перечню сопоставлений, заимствованных из исследования другого автора, могут быть добавлены все те выражения, идентичность которых мы выявили в письмах и в диалогах и монологах из Книг Царств и Паралипоменон в главах, рассматривающих период Ахава и Иосафата, и сравнение которых мы проводили выше. Мы сравнили даже речевые формулы Иосафата с подобными конструкциями в письмах иерусалимского царя, выражения библейского Ахава с оборотами в письмах царя Сумура. И мы обнаружили, что каждое предложение из библейского диалога Азаила присутствует в письмах Азиру и в письмах о нем.

Легко расширить эти примеры, потому что нет такого монолога или диалога в соответствующих главах Книг Царств и Паралипоменон, в которых не было бы речевых оборотов, присутствующих также в письмах эль-Амарны. Условные формы почтительного обращения, такие как «царь, господин», «мой отец», «твой сын», «твой брат», особые выражения вроде: «Разве твой раб пес, что он должен это делать?»¹ или «твой глаза на мне»² и распространенные идиомы, такие как «выпустить из рук твоих»³, встречаются в письмах эль-Амарны и в главах Книг Царств и Паралипоменон, касающихся эпохи Ахава и Иосафата.

Искусство письма на табличках развивалось, и обмен письмами был обычным делом в эпоху Иосафата и Ахава. Иезавель послала письма старейшинам Изрееля, предлагая им выступить со лжесвидетельством против Навуфея. Венадад послал письмо царю израильскому с просьбой излечить Неемана. Ииуй после успешного заговора в Из-

¹ «Пес» подразумевает также мужскую проституцию. См.: Второзаконие 23:28

Выражение «Разве твой раб пес, чтобы...» часто встречается в письмах из Лахиша, современного Тель-эд-Дувейра в южной Палестине. Эти письма были написаны вскоре после разрушения первого Храма.

² 2-я Книга Паралипомеон 20:2 (слова Иосафата).

³ 3-я Книга Царств 20:24.

рееле дважды посылал письма старейшинам в Самарию.

Письма эль-Амарны дают нам весомое свидетельство того, что использование писцов и писание писем были довольно обычным делом в Палестине того времени. Они доказывают также, что в Палестине времен Ахава и Иосафата писцы читали и писали клинопись, вдобавок к еврейскому языку. Это подтверждает теорию, выдвинутую в начале XX века¹, о том, что клинописью в Палестине писали в то время, когда составлялись летописи, позже использованные редактором библейского текста.

При раскопках в Самарии были извлечены на свет две клинописные таблички. Одна из них содержит следующие слова: «... говорит Абиах правителю городов доставить шесть быков, двенадцать овец»; другая табличка почти разрушена. На них еврейская печать². Их должен был написать еврейский писец. Точная датировка этих табличек из дворца в Самарии неизвестна. Дворец был построен не ранее девятого века и разрушен не позже восьмого века.

Эпоха слоновой кости

Период писем эль-Амарны можно с полным основанием назвать «эпохой слоновой кости». Наравне с золотом, предметом вожделений всех столетий, изделия из слоновой кости ценились более всего и вместе с лазуритом чаще всего назывались в числе царских даров. Лазурит был послан азиатскими царями Аменхотепу III и Эхнатону. Эти цари просили у фараонов предметы и особенно утварь из слоновой кости или инкрустированную ею.

Аменхотеп III писал царю Арзавы в Малую Азию: «Десять эбеновых стульев, инкрустированных слоновой

¹ Н. Winckler, «Der Gebrauch der Keilschrift bei den Juden», *Alt-orientalische Forschungen*, III (1902), Part I, 165f.; E. Naville, *Archaeology of the Old Testament* (London, 1913); Benzinger, *Hebräische Archäologie* (2nd ed., 1907), p. 176. Jeremias, *Das Alte Testament im Lichte des alten Orients*, p. 263.

² Reisner, Fisher, and Lyon, *Harvard Excavations at Samaria*, 1, 247.

костью и лазуритом... я отправил»¹. Тушратта, царь Митанни, писал Аменхотепу III: «И пусть мой брат даст три статуи из слоновой кости».

Буррабуриаш в своем письме из Вавилона просил изделия из слоновой кости:

Письмо 11: «Пусть сделают деревья из слоновой кости и покрасят их! Пусть сделают из слоновой кости полевые растения и покрасят... и пусть мне их пришлют!».

В перечне подарков, посланных Аменхотепом IV (Эхнатом) Буррабуриашу, перед глазами читателя разворачивается «эпоха слоновой кости». Вот несколько отрывков из этого перечня:

Письмо 14: «Восемь *итпипи* из эбонита, отделанных слоновой костью.

Два *итпипи* из эбонита, отделанных слоновой костью.

— из эбонита, отделанных слоновой костью

Шесть звериных лап из слоновой кости —

десять растений из слоновой кости,

десять... которые... из слоновой кости

...сорок четыре сосуда для масла из слоновой кости...

19 *гаси* из слоновой кости...

19 нагрудных украшений из слоновой кости

13 *итпипи* из слоновой кости

3 для головы из слоновой кости...

3 шара из слоновой кости —

3 сосуда для масла в форме быка из слоновой кости

3 масло — *dushahu* из слоновой кости

из слоновой кости...из слоновой кости... из слоновой кости...».

В настоящем исследовании установлен факт, что царь Ахав был современником Аменхотепа III и Эхнатона и что Самария была построена с помощью египетского фараона. В Самарии был выстроен дом из слоновой кости:

3-я Книга Царств 22:39: «Прочие дела Ахава, все, что он делал, и дом из слоновой кости, который он построил, и все города, которые он строил, описаны в летописи царей Израильских».

¹ Письмо 31.

Через несколько поколений после Ахава пророк Амос прорицал об Израиле и о Самарии, столице, и о строительстве в ней:

Книга Амоса 3:15: «И поражу дом зимний вместе с домом летним, и исчезнут дома с украшениями из слоновой кости...».

И он вновь возвращался к предсказанию горя «беспечным на Сионе и надеющимся на гору Самарийскую».

Книга Амоса 6:4—5: «Вы, которые лежите на ложах из слоновой кости...Поете под звуки гуслей...».

Как считали ранние археологи, дом из слоновой кости и ложа из слоновой кости должны быть поэтической выдумкой авторов Библии¹. Но поздние раскопки, проведенные на месте древней Самарии, позволили извлечь «сотни обломков слоновой кости»². Установлено, что это ювелирные изделия, обломки утвари и орнаментов³. Может быть с точностью определено, что время их возникновения — это время Ахава. Обломки слоновой кости, испещренные еврейскими письменами, подтверждают этот вывод: сравнение этих знаков со знаками на обелиске Месы показало, что они принадлежат одному и тому же времени⁴.

Археологи с полным основанием писали: «Никакие другие находки не сказали нам так много об искусстве израильской монархии»⁵.

На некоторых из этих изделий имеется египетский орнамент, и египетская двойная корона, четко высеченная, обнаружена на нескольких блюдах⁶. Исследователь Биб-

¹ Cf. Reisner, Fisher, and Lyon, *Harvard Excavations at Samaria*, p. 61.

² Crowfoot and Crowfoot, *Early Ivories*, p. 2.

³ *Ibid.*, p. 55.

⁴ E. L. Sukenik, там же: «Результат этого исследования приводит нас к выводу о том, что слоновая кость из Самарии, подобно слоновой кости из Арслан-Таша, принадлежит девятому веку и является более ранней, чем черепки с надписью из Самарии».

⁵ Crowfoot and Crowfoot, *Early Ivories*, p. 49.

⁶ Там же, p. 23.

лии скорее ожидал бы найти ассирийские мотивы из-за ассирийского господства на севере Сирии в девятом веке до нашей эры, но не преобладание египетского влияния на искусства в ту пору, когда, согласно хронологической таблице, искусства в Египте не почитались невежественными преемниками Шашанка (Сосенка) из двадцать второй династии, спустя долгое время после блестящей восемнадцатой династии. После раскопок в Самарии археологи были удивлены: «Примечательно, что в нашей коллекции слоновой кости нет никаких признаков ассирийского влияния. Но « с другой стороны, повсеместно заметно египетское влияние»¹. Есть пластины с изображением египетских богов; предметы утвари сплошь египетские»².

Устанавливая синхронность времени Эхнатона с временем Ахава, мы осознаем, что та роль, которую Египет играл в Самарии в эпоху писем эль-Амарны, делает присутствие египетских мотивов и орнаментального стиля в изделиях из слоновой кости, обнаруженных в Самарии, вполне объяснимым. Мы даже готовы сравнить изделия из Самарии с теми, какие были в Египте во времена Эхнатона. «Крылатые фигуры с очертаниями человека» были найдены в Самарии. «Очертание крылатых фигур на слоновой кости... связаны с египетскими образцами. Богини-защитницы этого типа стоят на четырех углах надгробия Тутанхамона»³. Три крылатых сфинкса с человеческими головами были также обнаружены в Самарии, и установлено, что они тоже похожи на львов с человеческими головами из могилы Тутанхамона⁴.

Тутанхамон был зятем Эхнатона. Появление подобных фигур на его саркофаге и в Самарии времен Ахава, с нашей точки зрения, не представляет ничего неожиданного.

Археологи, раскопавшие остатки слоновой кости в Самарии, изучая стиль орнаментов, признают влияние еги-

¹ Crowfoot and Crowfoot, *Early Ivories.*, p. 49.

² Ibid. p. 9.

³ Ibid, p. 18.

⁴ H. Carter, *The Tomb of Tut.ankh.Amen* (London, 1923—33), Vol. II, Plate XIX.

петского искусства, но считают что во времени Ахава имела место реставрация древних форм искусства, и «египетское вчера» оживало в Самарии после шестисот прошедших лет.

На тех же орнаментах слоновой кости из Самарии можно узнать мотивы, описанные в Библии, например пальмовые деревья «между двумя херувимами» (Книга Иезекииля 41:18). «Некоторые из этих фигурок (из слоновой кости в Самарии)... были похожи на те, что высечены на Храме Господнем в Иерусалиме»¹. Был сделан вывод о том, что стиль орнамента в Иерусалимском храме воплощал промежуточную стадию последовательных влияний. «Этот стиль восходит к египетскому искусству восемнадцатой династии»².

О месте происхождения этого стиля — Египет или Палестина — можно поспорить. Возможно, их обоюдное влияние внушило определенные мотивы на орнаментах. Однако один факт переворачивает все выводы в области сравнительного изучения искусства Египта — Палестины: восемнадцатая династия правила со времени Саула до Ииуя, а великие храмы в Луксоре и Карнаке, создания Тутмоса III и Аменхотепа III были выстроены не до, а после Храма Иерусалимского.

Во времена Соломона слоновая кость ввозилась из дальних стран вместе с серебром, обезьянами и павлинами. Из Палестины она экспортировалась в Египет, и Хатшепсут привезла с собой слоновую кость, как показывают барельефы экспедиции в Пунт и тексты, их сопровождающие. Фараон Тутмос III, разграбив Мегиддо во время одного из своих завоевательных походов, захватил, согласно его летописям, «шесть больших столов из слоновой кости и шесть стульев из слоновой кости», не считая прочей добычи.

Фараон привез из Иерусалима «большой трон из слоновой кости, отделанный чистым золотом» — это соответствует еврейским источникам (2-я Книга Паралипоменон 9:17; 12:9). Во время восьмого похода Тутмос III взял дань, включающую «посуду, отделанную слоновой костью».

¹ Crowfoot and Crowfoot, *Early Ivories*, p. 53.

² Ibid., p. 34.

В сообщениях о дани, которую он получил в Пунте, Божественной земле или Резену (Палестине), часто упоминаются бивни слонов (например, восемнадцать бивней от вождей Резену в восемнадцатой коллекции дани) и мебель из слоновой кости (столы из слоновой кости в тринадцатой коллекции дани). Увеличив свой флот за счет флота финикийцев, он послал свои корабли собирать дань, и подобно Хатшепсут до него, использовал морские пути для перевозки слоновой кости из Палестины в Египет.

В это время в Египет было перенесено и искусство работ по слоновой кости. В захоронении Рекмира, визиря Тутмоса III, мастера из Палестины изображены «за изготовлением сундуков из слоновой кости» — это были привезенные ремесленники.

Самария, выстроенная несколько десятилетий спустя, стала центром ремесленных работ со слоновой костью, обеспечивая главным образом Египет. Во время раскопок мастерских в Самарии обнаружено много незаконченных изделий с египетскими узорами.

Цветовые эффекты достигались окраской слоновой кости пигментами¹. Окрашенная слоновая кость также обнаружена в могиле Тутанхамона.

В письме Буррабуриаша мы читаем об окрашенной слоновой кости.

Таблички эль-Амарны упоминают о мебели и различных изделиях из слоновой кости, которые доставляли в Малую Азию, на Кипр, в Ассирию и в другие страны западной Азии. Предметы, подобные тем, что найдены в Самарии, были обнаружены в этих землях.

В прошлом веке инкрустированные таблички с египетскими сюжетами были обнаружены в Месопотамии. Когда мастерские резчиков по слоновой кости в Самарии были открыты при раскопках, оказалось, что они тесно связаны с теми, которые раньше были обнаружены во дворце Нимруда и в других местах: мастерские, которые «могут быть частью одной и той же мануфактуры, подобно мастерским в Самарии, были найдены Лайярдом в северо-западном дворце в

¹ Гомер в «Илиаде» (IV, 141—42) говорит о карийской женщине, которая красила слоновую кость в красный цвет.

Нимруде; отдельные примеры отмечены и в других местах»¹.

Мастерские резчиков по слоновой кости, подобные тем, что были в Самарии, обнаружены во многих других местах, иногда вместе с египетскими предметами эпохи восемнадцатой династии. Одно из этих мест — Мегиддо. Хотя мастерские Самарии и Мегиддо демонстрируют одни и те же образцы и одну и ту же манеру исполнения, их относили к двум различным периодам². Подобным же образом прочие открытия мастерских связывались археологами или с эпохой восемнадцатой династии (пятнадцатый и четырнадцатый века)³, или с периодом царей Самарии (девятый и восьмой века)³. Считалось, что второй период должен был быть периодом подражания древним египетским стилям и возрождения древнего ремесла.

Но все они относились к одному и тому же периоду, и мастерские времен Ахава в Самарии и времен Тутанхамона в Фивах есть порождение одного и того же «золотого века» слоновой кости.

Выводы

Если человек вынужден придерживаться традиционного построения истории и настаивает, что письма эль-Амарны писались древними ханаанскими князьями и адресовались им, то он также вынужден утверждать, что в Ханаане происходили события, которые повторились спустя половину тысячелетия в эпоху Иосафата и Ахава. Это создает необходимость настаивать, что уже существовал город Сумур, от которого не осталось никаких следов; что этот город, с царским дворцом и укрепленными стенами, постоянно подвергался осаде царем Дамаска, который имел затянувшийся конфликт и постоянные войны с царем Сумура по поводу многих городов, и конфликт этот длился несколько десятилетий; что был случай, когда царь Сумура взял в плен царя Дамаска, но отпустил его; что как-то

¹ Crowfoot and Crowfoot, *Early Ivories*, p. 9.

² See: C. Loud, *The Megiddo Ivories* (Chicago, 1939).

³ Ibid.

при осаде Сумура царем Дамаска стража примкнула к наместникам, которым удалось отвести сирийское войско от стен Сумура; что при другой осаде Сумура сирийское войско, услышав молву о приближении египетских лучников, бросило свой лагерь и бежало — каждая деталь является точным образом событий, вновь происходивших спустя полтысячелетия у стен Самарии.

Традиционное построение истории подразумевает также, что царь Дамаска, который стоял во главе коалиции многих арабских племенных вождей, сумел разжечь мятеж транс-иорданского царя, по имени Мес, против царя Сумура, чьим вассалом он был, и этот мятежный вассальный царь захватывал города царя Сумура и унижал его народ, как это было в дни восстания Месы против царя Самарии. Та самая Римута была объектом раздора между царем Дамаска и царем Сумура, как в следующую эпоху Рамоф. Царь Сумура имел вторую резиденцию, где почиталось божество по имени Баалит — то же самое божество, культ которого ввела Иезавель. И царь Сумура насадил дубраву в своей второй резиденции, как Ахав в полях Навуфея. И царь Дамаска организовывал множество засад против царя Сумура, и царю Сумура каждый раз удавалось избежать смерти, как царю Самарии второго периода. И царь Дамаска серьезно заболел, но не умер от болезни, а был предан насильственной смерти на своем ложе, как царь Дамаска второго периода.

Этот предполагаемый исследователь вынужден был бы признать, что все эти совпадения происходили в то время, когда на землю Сумура пришла засуха, и все ручьи пересохли, и за этим последовал голод. Эта засуха длилась несколько лет и вызвала истощение людей и эпидемии среди домашних животных. Жители покидали царство с двумя столицами — все точно так же, как происходило и во втором периоде.

Он вынужден был бы признать, что оба периода ни в чем не отличаются и что каждое событие одного периода имеет двойника в другом периоде. Земля Идумеи управлялись наместником царя иерусалимского — в обоих случаях. Племена с горы Сеир вторглись в Транс-Иордан — в обоих случаях.

И в первом, и во втором периоде захватчики угрожали Иерусалиму и вынуждали население покидать свои дома. Царь Иерусалима, как Иосафат спустя столетия, боялся, что будет изгнан вместе со своим народом, и выражал свой страх теми же самыми словами, но все обернулось к лучшему, когда племена горы Сеир и Транс-Иордана восстали друг на друга, как они сделали и пять или шесть столетий спустя.

Этот исследователь также вынужден будет признать, что военачальники ханаанского царя Иерусалима подписывали свои письма теми же именами, что и военачальники Иосафата, царя Иерусалима, и что имена эти столь же своеобразны и необычны, например, Иазибада (Иезавад), «сын Зухру» («сын Зихри»), Адайя (Адайя) или Ададану (Ададани, Адна), который вновь оказался первым среди вождей. Правитель Сумура имел то же самое имя, что и правитель Самарии позднего периода (Амон), а надсмотрщика над дворцом в Сумуре звали Арзайя, как главного управляющего царя Израиля Арсу.

В городе Сонаме (Шунама) жила «богатая женщина», и уже в первый период с ней случилось какое-то чудо, поэтому она звалась Баалат-Незе.

И царь Дамаска имел военачальника (Неемана, Ианхаму), от чьей руки «Сирии пришло избавление» и который сначала внушил страх царю Сумура, а потом стал его другом, как и его двойник шесть столетий спустя.

И наследник убитого царя Дамаска, по имени Азиру или Азару, действовал, как Азаил из второго периода: он угнетал землю Сумура, он завоевал почти все земли этого государства, он предал огню крепости и поселения царя Сумура, он даже выражался примерно так же, как Азаил в последующие времена.

Этот исследователь столкнется также с тем фактом, что во второй период город Ирката вновь лишился своего царя и что царь Матину-Бали и царь Адуну-Бали под руководством Биридри бросили вызов могущественному захватчику с севера, как это произошло и в первый период, когда Биридиа (Бириди) возглавил лишившийся царя город Иркату, а также царей Мут-Балу и Адуну против захватчика с севера. В обоих случаях этим захватчиком был ассирийский царь и властелин Хатти. В обоих случаях он

одержал победу над коалицией сирийских и палестинских князей, поддержанных египетскими батальонами. В обоих случаях он получил задабривающие подарки от Мусри (Египта) в виде редких животных или фигурок таких животных. И царь Дамаска Азаил сражался с ним между Ливаном и Хермоном, как и Азиру из первого периода. И цари Тира и Сидона, теснимые этим агрессором, покидали свои города и уезжали на кораблях, как и шесть столетий назад.

В течение обоих периодов процветало искусство резьбы по слоновой кости и производились идентичные изделия: дизайн и исполнение, характерные для раннего периода, повторились во втором периоде, причем обнаружилось такое сходство, что они были приняты за копии произведений искусства первого периода.

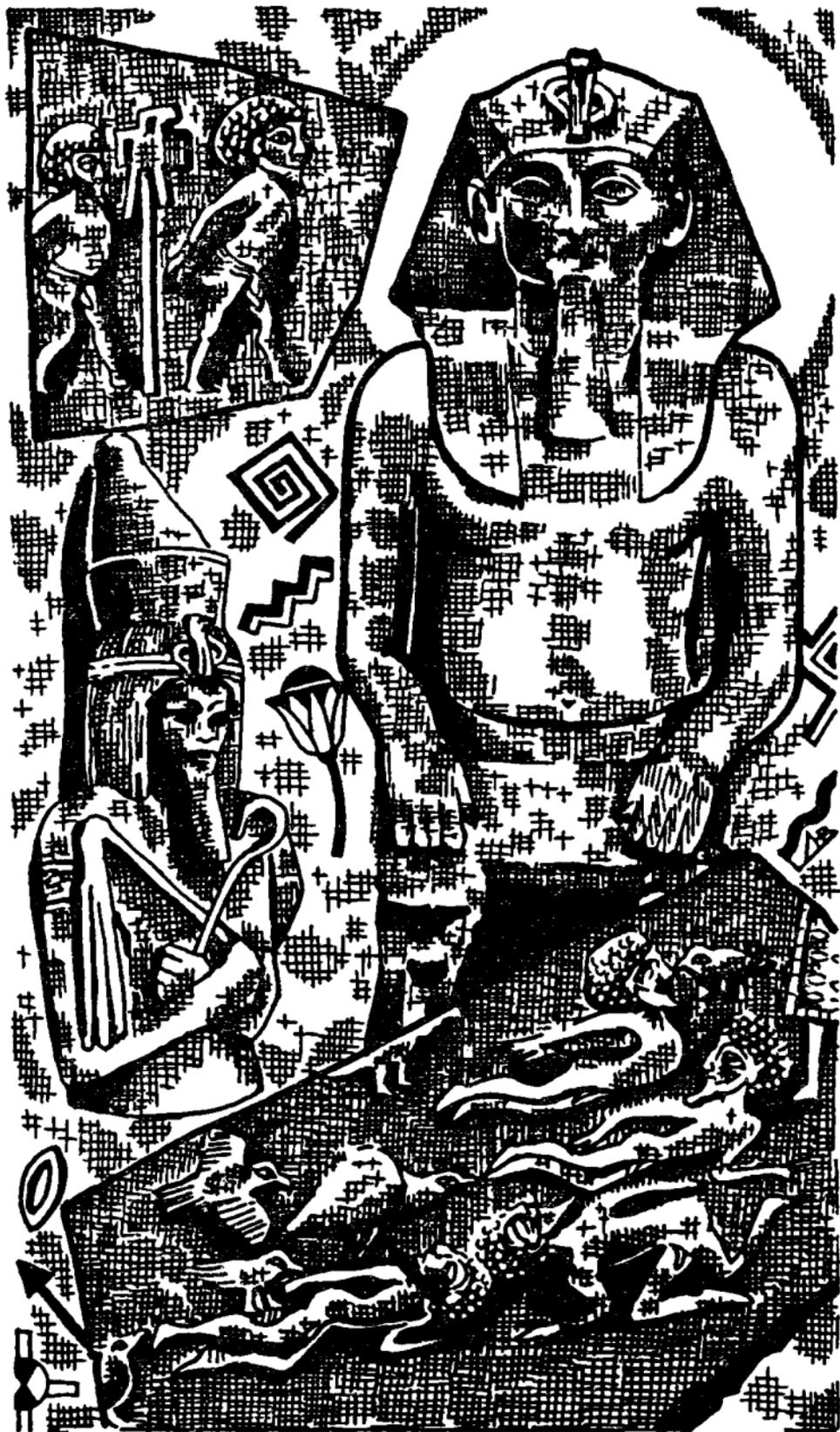
В течение обоих периодов развивалась одна и та же архитектура и работы по камню (Мегиддо, Самария).

В обоих периодах пользовались одними и теми же еврейскими выражениями.

Можно ли принять такую серию совпадений? И если даже ее принять, не возникнут ли сразу прежние трудности? Если кабиру были израильтянами, почему тогда в Книге Иисуса Навина, которая повествует о завоевании Ханаана, и в письмах эль-Амарны нет общих имен и общих событий?

На полпути

В начале этой работы я поставил перед читателем нерешенную проблему корреляции израильской и египетской истории. Открыто заявляется, что два этих древних народа должны были иметь тесные связи друг с другом; действительно библейская история движется в свете и тени великого царства на реке Нил. С другой стороны, египетская история, во всех ее бесчисленных надписях на камне и папирусе, отрицает всякий реальный контакт с соседним царством на Иордане. Даже блистательная эпоха царя Соломона, столь возвеличенная в Ветхом завете, кажется, прошла полностью незамеченной египетскими фараонами и их писцами. И более того, великие события израильского прошлого — долгое рабство в Египте и исход

из этой земли при необычных обстоятельствах — кажется, остались совершенно неизвестными в общепринятой истории Египта. По этой причине время Исхода вызывало споры и относилось почти к каждому более или менее подходящему моменту египетского прошлого, от начала Нового царства в 1580 году до нашей эры. Эта неопределенность времени пребывания в Египте и исхода из него есть непосредственный результат отсутствия всяких упоминаний о сынах Израиля в Египте, об их уходе из страны, а также отсутствия информации, касающейся соседских отношений этих двух народов в период, который охватывается Библией.

Мы предприняли попытку решить проблему синхронизации историй этих двух народов древности, оба из которых занимают ведущую роль в истории древнего мира. Мы предприняли такую попытку после того, как выяснили, что библейская история Исхода содержит многочисленные повторяющиеся упоминания о какой-то природной катастрофе. Простая логика требовала, чтобы мы взглянули на сохранившиеся египетские документы в поисках сведений о каких-то природных катаклизмах.

Поиск не оказался бесплодным. Лейденский папирус Ипувера — это сообщение о какой-то природной катастрофе, за которой последовал социальный взрыв. В описании этой катастрофы мы узнаем много деталей, которые сопровождали описание Исхода в Библии. Надпись на могильной плите из эль-Ариша содержит еще одну версию этой катастрофы, сопровождающейся ураганом и девятидневной тьмой. Здесь мы также обнаружили описание похода фараона и его армии к восточным границам его государства, где он был поглощен водоворотом. Имя фараона записано царским картушем, что доказывает, что этот текст не оценивался переписчиком как мифологический.

Если в этих документах представлена та же самая история, что и в Книге Исхода, то точка совпадения между историями этих двух древних народов установлена. Но здесь, когда мы рассчитывали найти решение проблемы датировки Исхода в египетской истории, мы столкнулись с проблемой, в свете которой вопрос о времени Исхода становится несущественным. Какие бы теории относительно

времени Исхода ни были предложены, сразу возникает мнение, что израильтяне покинули Египет накануне вторжения гиксосов. Следовательно, мы оказываемся перед лицом проблемы очень широкого диапазона. Или египетская история слишком продолжительна, или библейская история слишком коротка. Должна ли египетская история сократиться за счет нескольких «призрачных» столетий, или библейской истории необходимо удлиниться на равное количество «потерянных» столетий?

Мы не могли знать ответ на тот вопрос, пока не прошли долгий путь через столетия древней истории. Мы отметили тропу, с которой начали свое путешествие. Если израильтяне покинули Египет накануне вторжения гиксосов, которые пришли из Азии, мы можем случайно обнаружить в Библии упоминание о встрече за пределами границ Египта сынов Израиля и захватчиков. Действительно, еще до того, как они достигли горы Синай, израильтяне повстречали орды амаликитян. Мы обратились к древним арабским авторам и обнаружили, что легенда об амаликитянах как правящем среди арабов племени, которое вторглось в Египет и правило там на протяжении четырех или пяти столетий, жива в арабском литературном наследии с самого давнего прошлого.

Когда мы сравнивали пункт за пунктом египетские иероглифы, еврейские библейские и послебиблейские источники и предания коренного арабского населения, обнаруженные в средневековых текстах, мы вынуждены были прийти к выводу о том, что эпоха правления гиксосов в Египте была эпохой Судей в библейской истории. Отождествление гиксосов и амаликитян дало дополнительные основания для признания одновременности падения Среднего царства и Исхода. После этого нам необходимо было исследовать исторический момент кризиса правления гиксосов в Египте и конец власти амаликитян на Ближнем Востоке. Во время осады Авариса, крепости гиксосов, Аамесом некие чужеземные войска сыграли решающую роль. Из сопоставлений с Книгой Царств можно было установить, что это царь Саул, первый еврейский царь, одержал победу над амаликитянами в эль-Арише; и на основе множества доказательств мы смогли установить, что

эль-Ариш занимает положение древнего Авариса.

Давид был современником Аамеса, основателя восемнадцатой династии, и Аменхотепа I. Соломон был современником Тутмоса I и Хатшепсут. И мы обнаружили, что знаменитое путешествие в Божественную землю и Пунт было путешествием в Палестину и Финикию, описанным в Библии как визит царицы Савской.

Мы сравнивали множество деталей и всегда обнаруживали, что они совпадают. Но это привело нас к следующей остановке на пути. Через пять лет после смерти Соломона Храм и дворец в Иерусалиме были разграблены фараоном. Тутмос III должен был завладеть сокровищами из Храма и дворца в Иерусалиме. Это он и сделал, и изображения его добычи близко соответствуют по составу и количеству описанию того, что захватил фараон в пятый год после смерти Соломона.

При следующем фараоне Палестина вновь была захвачена, согласно библейским и египетским источникам. На этот раз, однако, военная экспедиция явно не стала победоносной.

Три поколения библеистов, ко всеобщему удовольствию, доказывали, что многие части Библии были продуктом более поздних эпох, чем на это указывает Библия. Потом, в 1930-е гг., после открытий текстов Рас-Шамры, оценки сместились в диаметрально противоположном направлении: те же самые библейские тексты теперь рассматривались как наследие ханаанской культуры, которая была на шесть столетий старше этих текстов. Однако совокупность материала из еврейских литературных источников, из Рас-Шамры и Египта убедила нас в том, что не только прежняя редукция периода библейской прозы, но и нынешнее его расширение равно ошибочны. Говоря это, мы опережаем то, что можем с полным основанием установить: мы до сих пор не знаем, какая из двух историй, египетская или израильская, должна быть заново проверена. В то же время мы наблюдали, как истории других древних народов и стран согласуются или с израильской, или с египетской хронологией и как истории Кипра, Микен и Крита, соотношенные с той или другой, создают путаницу в археологии и хронологии.

В трех главах мы детально сравнивали исторические свидетельства трех последовательных поколений в Египте (Хатшепсут, Тутмос III, Аменхотеп II) и в Палестине (Соломон, Ровоам, Аса) и обнаружили бесспорные соответствия. Возможно, что по странной случайности один век в Египте имеет близкое сходство с другим, и таким образом создается почва для обманчивого сближения. Но совершенно невозможно, что три следующих друг за другом поколения в Египте и в соседней Палестине, находясь в разных веках, могли достичь столь полного соответствия в столь многочисленных деталях. Что еще более поразительно, эти три поколения в Египте и Палестине не были избраны наугад, но определены из размышлений и сопоставлений следующих глав, где мы исследовали время Исхода и последующие столетия вплоть до Саула, а в египетской истории — последние дни Среднего царства и следующие столетия правления гиксосов вплоть до начала Нового царства.

Было бы, право, чудом, если бы все эти совпадения оказались чисто случайными. Любой, кто знаком с теорией вероятности, знает, что с каждым дополнительным совпадением шансы другого уменьшаются, и не в арифметической и геометрической прогрессии, а в прогрессии высшего порядка. Следовательно, существует шанс триллион или квадриллион против одного, что все параллели, представленные на предшествующих страницах, являются простыми совпадениями.

После трех последовательных поколений в Египте и Палестине существовали Аменхотеп III и Эхнатон в Египте, Иосафат в Иудее и Ахав в Израиле. Не могло оказаться простой случайностью то, что четвертое поколение снова представляет картину, в которой все детали соответствуют друг другу, как части мозаики. Истории двух стран и превратности судеб их правителей и народов не могут находиться в полном соответствии, если отсутствует временная синхронность. А получилось так, что в этом четвертом поколении правители и выдающиеся деятели одной страны пишут письма правителям и выдающимся деятелям другой страны и получают от них письменные ответы. До какой степени соответствуют друг другу детали и события этих лет голода, осад, вторжений из Транс-Иордана и

военного давления с севера — это можно продолжать бесконечно. И эта цепь устойчивых соотношений и соответствий дает нам чувство уверенности, что мы не на ложном пути.

Однако мы еще не пришли к концу этого путешествия. Несмотря на все, что было сказано до настоящего момента о бесчисленных параллелях, соотношениях, совпадениях и соответствиях, так же как и о теории вероятности, мы не можем считать проблему древней истории решенной, пока мы не пройдем до конца путь к этой точке, где истории народов Древнего Востока уже не связываются с проблемой синхронизации.

Перед нами восьмой и последующие века, в соответствии с израильской историей. Где же мы найдем уголок для так называемой девятнадцатой династии, династии Рамзеса II и других знаменитых фараонов? А как быть с царем хеттов, с которым Рамзес II подписал договор? И где местечко для двадцатой и двадцать первой династий, ливийского и эфиопского владычества в Египте, и для всех других, включая тринадцатую династию, ту самую, которая утасла незадолго до того, как Александр достиг Египта?

Параллели, которые мы установили, не будут представлять никакой ценности, если мы не способны благополучно подойти к этой исторической точке — концу последней местной династии в Египте. Мы должны суметь распутать археологические, исторические и хронологические проблемы, с которыми мы столкнемся в последующих столетиях, и с нитью Ариадны, которую мы приняли из рук Ипувера, пройти путь до того пункта, где истории разных народов древности начинают гармонизировать друг с другом. Если мы на это неспособны, то представленные совпадения будут неизбежно рассматриваться как свидетельства чуда, ибо они слишком многочисленны и поразительны, чтобы их можно было приписать случаю. Безопаснее, следовательно, заявить, что в результате тщательных исследований мы придем к нашей цели — полному пересмотру древней истории.

**ЭДИН
И
ЭХНАТОН**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два десятилетия назад на берегу Восточного Средиземноморья, где-то между Египтом и Грецией, я прочел последнюю книгу Фрейда «Моисей и монотеизм» и вдруг решил побольше почитать об Эхнатоне, подлинном герое этой книги. Вскоре я был поражен некоторыми весьма близкими параллелями между этим египетским царем и легендарным Эдипом. Несколько месяцев спустя я очутился в библиотеках Нового Света среди множества объемистых томов, содержащих отчеты о раскопках в Фивах и эль-Амарне. Это исследование привело меня к обширным пространствам египетской истории и к идее «Веков в хаосе» — реконструкции двенадцати столетий древней истории, двенадцати годам тяжкого труда. Моя работа об Эдипе и Эхнатоне все это время и даже дольше оставалась на уровне многочисленных заметок и общего плана. Совет Гораса воздержаться от публикации этой рукописи в течение девяти лет был исполнен, но с удвоенным сроком. Более восемнадцати лет прошло с момента замысла этой работы и ее первых набросков до ее завершения и подготовки к печати.

Задержка оказалась для этой работы очень благоприятной. За прошедшие годы было опубликовано несколько важных документов о фараоне Эхнатоне и его династии; эти обнаруженные археологические данные, которыми я смог воспользоваться, еще более укрепили мою теорию.

История пролила свет на древнюю легенду, но древняя легенда в свою очередь пролила свет на историю. «Царствование Эхнатона, бывшего в течение семнадцати лет египетским фараоном, выделяется как наиболее интересная эпоха на протяжении долгой египетской истории», — писал Артур Вейгелл, добавив при этом, что, «вероятно, нет

другого периода в древней истории, который в такой мере требует разъяснений»¹. Это хорошо известно. Религиозная реформа Эхнатона была отменена, его род угас, его дворцы и город были покинуты. Но история, однако, заявляет, что ей неведомы ни причины всего этого, ни личная судьба Эхнатона, ни то, что произошло во время анархии, последовавшей за концом этой величественной династии или, возможно, ему предшествующей. Но конец Эхнатона, судьба его двух молодых преемников, Саанехта и Тутанхамона, упадок царства и судьба Фив — все постигается с помощью цикла легенд, сохранявшихся в Восточном Средиземноморье и на греческой земле. Таинственные родственные связи, непонятные находки в могилах, загадочная последовательность событий, внезапно высвеченных этой легендой, — все это теперь лишено неясности и тайны. Если убрать свет легенды, исторические факты и находки мерцают своим собственным свечением, и скрытые связи постигаются неоспоримостью этих фактов и сами собой обнаруживаются.

«Эдипа и Эхнатона» можно прочитать совершенно независимо от любой другой моей работы. Однако эта книга следует за «Веками в хаосе», I томом, который охватывает время от грандиозной катастрофы, положившей конец Среднему царству в Египте, до царствования фараона Эхнатона. Данная небольшая книга рассказывает о его истории и о трагических событиях, происшедших в конце восемнадцатой династии. Ее началом будет завершаться другой том «Веков в хаосе», излишне запоздавший, который доводит мою реконструкцию истории до появления Александра.

Скрытая ироничность этой книги состоит в том, что и Эдип, и Эхнатон были героями Фрейда. Он не признавал их близкого сходства, даже идентичности; он видел в одном символическую фигуру грешника, терзаемого греховными, но в то же время человеческими побуждениями, которым он повинует, а в другом — святого, «первого монотеиста», предшественника Моисея, законодателя. Эта история неизбежно затрагивает важнейший момент в истории религии. Путь к монотеизму был тернистым и мучительным. Эхнатон, однако,

¹ *The Life and Times of Akhnaton* (1922), Preface.

не был «первым монотеистом». То, что последующие фараоны называли его «преступником», было не столько результатом его попыток провести религиозную реформу, сколько чем-то совсем иным, что и составит содержание этой книги.

Иммануил Великовский
Январь, 1960

Благодарности

В период завершающей работы над рукописью (сентябрь 1958 — ноябрь 1959) доктор Уолтер Федерн, египтолог и библиограф, оказал мне исключительную помощь как источник информации и консультант в необозримой литературе по египтологии. Сочинение, которое я рассматривал как близкое к завершению, было обогащено некоторыми важными данными из сферы египетской археологии, также нескончаемыми дискуссиями, периодически возникающими по поводу нерешенных проблем в этой области исследований. Помощь доктора Федерна была отмечена благородным духом конструктивной критики, независимо от того, принимал ли он ту или иную мою позицию. Основная идея и план этой книги, ее конкретные детали и ее выводы принадлежат мне, и я один несу за них ответственность.

Миссис Кэтрин Теббел и мисс Мэрион Кун чрезвычайно тщательно прочли рукопись и смягчили многие излишне резкие места в моем изложении. Эллиот Шрайвер, главный редактор, и остальные сотрудники издательства «Даблдей» оказали мне помощь, о которой может мечтать любой автор.

ЧАСТЬ I

Легенда

Возраст греческой легенды об отцеубийце, который женился на собственной матери и произвел в этом инцесте детей, насчитывает уже более двадцати семи веков. В течение нескольких столетий она распространялась устно и была пересказана в поэме, от которой уцелело лишь несколько строк. Потом, записанная в форме драматической Эсхилом, Софоклом и Еврипидом, за которыми последовали многие менее значительные авторы, она заняла особое место в литературе классического периода, средних веков, а также нашего времени. Эта история захватила человеческое воображение, и эта мертвая хватка не ослабела даже спустя три тысячелетия.

Зигмунд Фрейд объяснил легенду об Эдипе как возникшее подсознательное желание сына овладеть своей матерью и избавиться от отца посредством убийства. Из фольклора примитивных народов сэр Джеймс Фрезер собрал множество примеров, которые Фрейд использовал для обоснования своей теории: в период каменного века взрослые сыновья пещерного человека, непрерываемого деспота в этой своей пещере, обычно убивали его, чтобы завладеть его женами — своими матерями. В структуре неврозов современного человека эдипов комплекс, согласно психоаналитической теории, играет исключительную роль. По мнению психоаналитиков, поведение невротиков и содержание их фантазий, насколько оно отражено в бесчисленных историях болезни, подтверждают теорию Фрейда.

Подсознательная потребность овладеть собственной матерью, запрятанная или раскрываемая в снах, не была неведома древним. Софокл в своем «Эдипе-царе» заставил Иокасту, еще не знающую, что Эдип ее сын, сказать ему:

И с матерью супружества не бойся:
 Во сне нередко видят люди, будто
 Спят с матерью; но эти сны — пустое,
 Потом опять живется беззаботно¹.

(Пер. С. Шервинского)

Ранние раввины, авторы Талмуда, знали, как с помощью искусных толкований извлечь на свет «эдипов комплекс». В главе о толковании снов в трактате Бракхот в вавилонском Талмуде сказано от имени рабби Измаила, что если человеку снится, будто он проливает масло на оливковое дерево, он охвачен желанием кровосмесительной связи с собственной матерью².

Является ли в этом случае легенда об Эдипе мифом, поэтическим вымыслом, который выскользнул из подсознания, не будучи основан на каком-либо реальном и необычном историческом случае? Значит, не было исторического царя Эдипа и Иокасты, его матери, на которой он женился, и не было Лая, его отца, которого он убил? Или легенда об Эдипе основывалась на каком-то историческом

¹ Этот вопрос обсуждался у Платона («Государство», кн. IX). Юлий Цезарь в ночь, перед тем как он перешел Рубикон, имел инцестуальный сон о своей матери, который был истолкован как пророчество победы и завоевания. Светоний. Юлий Цезарь, 7; Плутарх. Сравнительные жизнеописания, Цезарь, 32.

² См. мою статью «*Psychoanalytische Ahnungen in der Traumdeutungskunst der alten Hebräer nach dem Traktat Brachot*», *Psychoanalytische Bewegung*, V (1933), published by Internationaler Psychoanalytischer Verlag, Vienna.

эпизоде? Если последнее верно, его воздействие на воображение литераторов на протяжении веков могло быть объяснено как отражение реального опыта в темных глубинах многих человеческих душ.

Этот вопрос об историческом характере истории Эдипа долго занимал умы исследователей античного мира, но верный путь так и не был нащупан. Хотя большинство поэтов¹ и явно не единицы историков Греции и Рима упоминали об Эдипе и его трагической судьбе², они, очевидно, имели в виду сюжет, разработанный великими поэтами — Эсхилом, Софоклом и Еврипидом.

В постклассическую эпоху, во втором веке нашей эры, путешествующему историку Авсанию указали различные места близ Фив и Колона как места захоронений героев мифического цикла об Эдипе. Однако «три могилы и жертвенники, приписываемые Эдипу, оказались более позднего происхождения»³, только могила Этеона в Беотии может претендовать на древность, но нет никаких признаков того, что она имеет какое-то отношение к Эдипу. «О том, где он похоронен, в последующие времена никто не знал»⁴.

Ничего не было обнаружено при раскопках в Греции и на эладских островах, что свидетельствовало бы о реальности царя Эдипа и царского дома Лая в целом.

«Я убежден, что происхождение Эдипа должно быть обнаружено не в истории, а в фольклорных легендах», — писал один авторитетный исследователь. Корни уходят

¹ Среди ранних поэтов на фиванскую трагедию ссылались Гомер, Гесиод и Пиндар. Антимак Теосский написал «Фиванду», так же поступили Антагор Родосский, Менелай Эгейский и Никандр из Колофона.

² Среди них Ферекид, Гелланик, Диодор, Николай Дамаскин, Аполлодор, Гигин, Палайфат, Малал, Ион Хиосский.

³ M. P. Nilsson, *The Mycenaean Origin of Greek Mythology* (California University Press, 1932), p. 103.

⁴ H. J. Rose, *Modern Methods in Classical Mythology* (1930), p. 27.

далеко в микенскую эпоху, но это была всего лишь народная легенда¹. Однако не все ученые признают мифологический характер этой истории. Х. Дж. Роуз говорит в книге «Современные методы в классической мифологии»: «Если бы когда-нибудь при раскопках извлекли поддающиеся точной идентификации следы Эдипа, подобно тому, как город Приама (Троя) подтвердил правоту Шлимана, я был бы рад, но во всяком случае не удивлен»².

Самая ранняя ссылка на легенду об Эдипе обнаружена в «Одиссее» Гомера. Эпос был скорее всего записан в начале седьмого века до нашей эры; в нем описываются странствия Одиссея после падения Трои, в осаде которой Одиссей принимал участие. Странник посетил и Аид, приют усопших. Здесь он увидел несчастную мать-жену Эдипа. Гомер назвал ее Эпикастой:

Вслед за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дело в незнание она совершила,
С сыном родным, умертвившим отца, сочетавшись
браком.

Скоро союз святотатный открыли бессмертные людям...
Петлю она роковую к бревну потолка прикрепивши,
Ею плачевную жизнь прервала...³

(Пер. В. Жуковского)

Обычно считалось, что цикл легенд об Эдипе намного древнее, чем так называемый гомеровский цикл об осаде Трои греками или ахейцами, под предводительством Агамемнона, а также старше эпохи тиранов, Фiestа и его брата Атрея, отца Агамемнона. Включение краткой ссылки на трагедию Эдипа в «Одиссею» позволяет нам сде-

¹ Nilsson, *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*, p. 103.

² Rose, *Modern Methods in Classical Mythology*, p. 28.

³ Homer, *The Odyssey*, trans. A. T. Murray (Loeb Classical Library), XI, 271ff.

лать вывод только о том, что эта легенда старше седьмого века, того времени, когда гомеровский эпос был записан. Однако устанавливая время возникновения легенды, нельзя решить вопрос о том, связана ли она с какими-то историческими событиями. Чтобы рассмотреть этот вопрос более детально, давайте перескажем эту легенду, насколько она известна из греческих трагедий и от других авторов.

Фиванский царь Лай и его жена Иокаста долго оставались бездетными. Наконец она зачала, но оракул предсказал, что сын, который должен родиться, убьет своего отца и женится на матери. Когда ребенок родился, его отдали одному из царских слуг, чтобы тот отнес его в пустыню и оставил там умирать, проколов ему предварительно ноги. Но ребенок был или отдан пастуху, или найден им, и о нем позаботились пастух и его жена. Позже они отвезли ребенка в Коринф, в царский дворец Полибия и Меровпы, которые усыновили его и назвали Эдипом из-за его распухших ног. Он вырос, считая себя настоящим сыном царской четы. Случайное замечание одного из гостей во время пира во дворце заставило юношу задуматься о своем происхождении, и он отправился к оракулу в Дельфы, где услышал, что обречен на отцеубийство. Придя в ужас, он отказался вернуться во дворец Полибия, чтобы избежать предначертанной судьбы.

Странствуя по пустынным местам, он встретил на пересечении дорог своего настоящего отца, царя Лая, едущего в колеснице. Водитель колесницы ударил юношу, который не успел уступить дорогу, и юноша убил и возницу, и его хозяина. Беззаботно продолжая свой путь, он пришел в Фивы. Вход в город охранялся Сфинксом — крылатым чудовищем в женском облике. Каждого, кто пытался войти в город, Сфинкс останавливал и загадывал новоприбывшему загадку; если испытание не выдерживалось, как обычно и бывало, прищелец встречал смерть от рук женочудовища.

Этот Сфинкс задал Эдипу следующий вопрос: кто

ходит утром на четвереньках, днем — на двух, а вечером — на трех ногах? Эдип разгадал эту загадку: человек. В детстве он ползает на четвереньках, взрослым ходит на двух ногах, а в старости движется, опираясь на палку.

Услышав правильный ответ, Сфинкс в отчаянии предал себя смерти, бросившись со скалы. Эдип вошел в Фивы, и жители, благодарные ему за то, что он избавил город от чудовища, предложили пришельцу взять в жены свою царицу, недавно овдовевшую, а вместе с ней и царство.

Эдип счастливо жил с Иокастой, не зная, что она его мать; она родила ему детей, двух сыновей, Полиника и Этеокла, и двух дочерей, Антигону и Исмену. Его почитали и любили его подданные и считали его справедливым и мудрым человеком.

Затем явилось небесное знамение — мор, или голод, или еще какое-нибудь бедствие. Когда оракула спросили, с чем связан гнев богов, последовал ответ, что совершено преступление: есть сын, который убил своего отца и продолжает жить среди людей безнаказанным. Чтобы умиловать богов, преступник должен быть убит или отправлен в изгнание. При все возрастающем напряжении, из допроса различных свидетелей — слуги, который отнес ребенка в пустыню, и пастуха, который его спас, — истина постепенно открывалась царю Эдипу. Иокаста в отчаянии повесилась; Эдип в скорби ослепил себя и вскоре после этого покинул трон и город, уйдя в изгнание.

Во всех этих событиях важная роль выпала Креонту, брату Иокасты. Он преисполнился вражды к Эдипу и настаивал на его наказании.

Одна из дочерей Эдипа, Антигона, сопровождала своего ослепшего и бездомного отца и его скитаниях. Его старший сын, Полиник, занял его трон в Фивах с условием, что освободит его через год для младшего брата Этеокла и займет вновь еще через год, чтобы таким образом братья царствовали по очереди. Такой порядок был установлен Креонтом. Но когда для Этеокла наступило время

вернуть трон Полинику, он отказался это сделать и был в этом поддержан Креонтом, истинным правителем страны.

С объединенной армией наемников, собранной для него его тестем Адрастом, царем Аргоса, Полиник осадил Фивы. У семи ворот Фив семь вождей с каждой стороны вступили в рукопашный бой. Полиник и Этеокл выступили друг против друга, и оба были убиты, таким образом исполнив проклятье своего отца Эдипа, удрученного тем, что он был изгнан из города собственными сыновьями.

Креонт запретил похороны Полиника, так как тот воевал против своего города и народа, и объявил, что каждый, кто не повинуется его приказу, будет убит. Тело Полиника должно быть оставлено там, где он был сражен, на растерзание собакам и птицам. Но для Этеокла он устроил национальный траур, и множество церемоний, и великолепную могилу, заполненную погребальными дарами, а сам, став теперь правителем царства, возглавлял всю похоронную процессию.

Антигона не могла перенести того, что ее брат остался непогребенным, и не повиновалась приказу Креонта. Когда ее схватили, она была приговорена Креонтом к медленной смерти: ее замуровали в пещере.

Когда выросло новое поколение, сыновья семи павших героев снова явились для осады Фив, и эти отпрыски, известные как Эпигоны, преуспели там, где потерпели поражение их отцы, и взяли город.

Род Лая постиг рок, и все усилия предотвратить предназначенную судьбу оказались тщетными. Легенда также гласит, что этот рок обрушился на Лая и его семью потому, что он первый принес на греческую почву противоестественную любовь: он совратил юношу Крисиппа.

История, рассказанная здесь, продолжается в трилогии Софокла: «Эдип-царь», «Эдип в Колоне» и «Антигона». Версии Софокла, Еврипида и Эсхила существенно отличаются. Эсхил тоже написал трилогию, из которой сохранилась только драма «Семеро против Фив». «Лай»

и «Эдип» до нас не дошли. Еврипид в свою очередь написал несколько пьес этого цикла, из которых сохранилась только «Финикиянки»¹. В отличие от Софокла Эсхил и Еврипид сделали Этеокла старшим братом, и если Еврипид брал сторону Полиника, то Эсхил был на стороне Этеокла.

Однако в самой легенде, как это явствует из других источников, было еще больше вариаций. Согласно одной из версий, Эдип убил Лая не при случайной встрече, но защищая Крисиппа или мстя за него. Распространенная в период античности версия состояла в том, что дети Эдипа родились не от его жены-матери Иокасты, а от другой его жены, Евриганей. В другой версии одни дети были от Иокасты, а другие — от Евриганей; согласно еще одной версии, он вступил в третий брак с девственницей Асти-медузой².

Кроме того, по некоторым версиям Эдип не уходил в изгнание, но продолжал жить во дворце в Фивах в качестве узника или был выслан своим сыном Полиником, который правил первым, хотя и не сразу после того, как оставил трон. Эта последняя деталь присутствует также в версии Софокла, в его драме «Эдип в Колоне» («Злодей, владевший скипетром и тронном, который ныне занимает в Фивах твой брат, ты отправил меня, твоего собственного отца, в изгнание и сделал меня бездомным...»). Еврипид заставил Иокасту дожить до братоубийственного поединка Полиника и Этеокла, и она тщетно пыталась остановить их. У поэтов и трагиков есть немало и других вариаций.

Согласно присущей этой легенде хронологии, война семерых против Фив произошла за двадцать лет до начала войны против Трои и за тридцать лет до захвата этой

¹ Кроме того, в «Просительницах» Еврипид изображает событие, тесно связанное с фиванской драмой.

² E. Bethe, *Thebanische Heldenlieder* (1891), p. 23, 26.

крепости. Война Эпигонов против Фив происходила через десять или четырнадцать лет после войны семерых против Фив и, таким образом, всего за несколько лет до начала похода под предводительством Агамемнона. Некоторые ученые¹ трактуют этот миф как «историческую реминисценцию войны против Фив, которую вели объединенные силы аргосских князей»². Но сама историчность Троянской войны была под вопросом, и герои древних легенд гомеровского и фиванского циклов чаще всего характеризовались как мифологические персонажи.

Скептически в отношении историчности легендарных фигур в целом, и в особенности преданий племен, еще не достигших письменности, лорд Рэглен. В своей книге «Герой»³ он цитирует другого автора: «У народа нет чувства истории; для него нет ничего невероятного в том, что святой Георг встречается с Наполеоном в одной и той же балладе». Места и события не только искажены и смещены в «родовой памяти» или народном предании, но в большинстве случаев являются прямым вымыслом. «Скорость, с которой забываются исторические события, доказывает, что воспоминания в форме преданий вряд ли являются историей». Чаще всего вовсе не в преданиях рассказываются истории королей, королев и королевских домов. «Распространяющиеся ныне истории о придворной жизни всегда неточны, а часто совершенно ложны, и у нас нет оснований считать, что положение вещей было иным тысячу или пять тысяч лет назад».

Согласно лорду Рэглену, нечто приближающее к исторической истине может быть обозначено только в тех случаях, когда мы располагаем современными письменными подтверждениями участников или свидетелей; древние саги, передававшиеся в большинстве случаев народами, не

¹ Wilamowitz, E. Meyer, C. Robert.

² Nilsson, *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*, p. 107.

³ Oxford University Press, 1937.

имеющими письменности, не могут расцениваться как источники материала для истории. «Такие термины, как «родовая память» или «народная память», предполагают, что в каждом дописьменном сообществе людей существует нечто аналогичное нашей современной регистрационной службе, и игнорируют тот факт, что каждое устное предание должно было передаваться сознательным индивидуальным усилием хотя бы раз на протяжении поколения»¹.

Герои легенд, по мнению Рэглена, являются фантазиями, соответствующими схеме сюжета. Этот сюжет объединяет следующие признаки:

«Мать героя — царица, его отец — царь и часто близкий родственник его матери, но обстоятельства его зачатия необычны, и его часто считают сыном божества. При его рождении его отец или его дед по материнской линии (или правитель государства) делают попытку его убить, но приемный отец его спасает и воспитывает в какой-то дальней стране. Нам ничего не сообщается о его детстве, но, достигнув зрелости, он возвращается или отправляется в свое будущее царство. После победы над царем (или великаном, драконом, диким зверем) он женится на принцессе, часто дочери своего предшественника, и становится царем. Некоторое время он правит спокойно и издает законы, но потом утрачивает милость богов или своих подданных, лишается престола и изгоняется из города, после чего его настигает таинственная смерть, часто на вершине горы. Его дети, если они есть, не наследуют его трона. Тело его не передается земле, но тем не менее у него есть одно или несколько священных погребений»².

Лорд Рэглен прилагал свою схему ко многим героям, начиная с Эдипа и продолжая до Тезея, Ромула, Геракла, Персея, Ясона, Асклепия, Диониса, Аполлона, Зевса, Иосифа, Моисея, Сигурда, Артура, Робин Гуда и многих других, позволяя посредством этого увидеть, как каждая

¹ Oxford University Press, p. 13—17.

² Ibid., p. 179—180.

легенда во множестве пунктов совпадает со схемой. Эдип стоит в начале этого списка, демонстрируя максимальное соответствие схеме лорда Рэглена. Значит, Эдип даже в большей мере, чем Дионис или Аполлон, является мифологической фигурой, рожденной воображением сказителей.

Не содержится ли в отцеубийстве Эдипа возможный отклик на свержение Кроноса Зевсом? — спрашивал один выдающийся историк, Эдуард Мейер. Он увидел в Эдипе разновидность Геркулеса, божества, жизнь которого была всего лишь воплощением ранних природных циклов; Эдип женится на собственной матери, матери-земле. Некоторые исследователи классической мифологии увидели в Иокасте воплощение Геры, богини Земли¹, другие видели в ней богиню Луны². Другие исследователи оценивали такие предположения как ошибки сравнительной мифологии.

Можем ли мы, к примеру, согласиться, что столь сложный сюжет, как фиванская история, есть попросту отражение в зеркале фольклора движения солнца по небу от рассвета до темноты? В девятнадцатом веке, предшествующем психоаналитической трактовке фольклора, было модно объяснять самый разнообразный материал мифологического или легендарного характера как неизменную символизацию дневного и годового движения солнца на фоне других сезонных изменений. В действительности можно обнаружить эту преобладающую солярную трактовку мифов еще у латинского автора четвертого века нашей эры Макробия. Фридрих Август Вольф (1759—1824), близкий друг Гете, выдвинул теорию, согласно которой легенды и мифы классической Греции и Рима имеют свое происхождение не в реальных событиях, а в природных явлениях. Эта теория нашла серьезных последователей и была далее развернута Максом Мюллером, ученым автором многочисленных работ об индийском фольклоре. Солярное объяснение долго оставалось преобладающим. Этот

¹ O. Gruppe, *Griechische Mythologie* (1906), p. 504.

² K. Kunst. *Die Frauengestalten im attischen Drama* (1922).

метод был применен и к легенде об Эдипе.

«Эдип убивает своего отца, женится на своей матери и умирает слепым стариком. Солярный герой убивает отца, который породил его, — темноту, он делит ложе со своей матерью — заревом заката, из лона которого он поднялся на утренней заре; он умирает ослепленным: солнце садится»¹.

Это верно, что многие мифы и легенды отражают явления природы — не те, которые происходят ежедневно, но те, которые нарушают само течение дней и лет. Чтобы доказать это, я представил обширный фольклорный материал в книге «Миры в столкновении». Легенда об Эдипе, однако, не принадлежит к этой категории: человеческий характер этой драмы слишком очевиден; духовная агония в конфликте между «должен» и «не должен» слишком ясно выражена, чтобы допустить связь этой трагедии с действием разбушевавшихся стихий и еще в меньшей степени с привычными циклами неба и земли. Не природные силы, а судьба человека — вот тема и сюжет этой трагедии, и они человечны, слишком человечны, чтобы намекать на некую космическую драму, как, к примеру, история Фаятона, или Тифона, или Афины Паллады.

Содержание фиванского цикла легенд обнаруживает неоднородность: политические события государства в состоянии мира и войны похоже имеют другую основу, нежели человеческая трагедия судьбы и рока, хотя могут служить сценической площадкой для нее. И эти элементы, политические и личные, в свою очередь по природе своей отличаются от некоторых явно мифологических мотивов. Таким образом, кажется, что мы оказались бы на ложном пути, если бы попытались трактовать эту драму, исходя из какого-то одного ее элемента. Однако должно быть некоторое основание для включения в один сюжет разрозненных элементов — политических, личных и мифологических.

¹ Ignaz Goldziher, *Der Mythos bei den Hebräern* (1876), p. 215.

Если, допустив, что эта легенда содержит некоторые исторические события, провести исследование различных ее мотивов с целью определить, являются ли они по своей природе историческими или должны быть отнесены к мифологическим, то во вторую категорию следует включить эпизод со Сфинксом, который охранял дорогу в Фивы, который задавал загадки всем путешественникам, желающим войти в город, и убил себя, когда Эдип дал правильный ответ. Все это кажется явным мифом.

Сфинкс

Чудовище обитает в городе или замке, или охраняет похищенную девушку или спрятанный клад, и пожирает тех, кто пытается проникнуть в этот замок, найти клад или освободить девушку. Пришелец, часто младший из ее братьев, или тот, который считается дураком, убивает чудовище, обычно с помощью хитрой уловки, и завоевывает замок, царство, девушку, как правило, принцессу, и к тому же клад. Это широко распространенный мотив далекой древности.

Всем претендентам предлагается для разрешения загадка; всякий делает попытку и терпит неудачу, платя своей жизнью или свободой. Но молодой герой разгадывает загадку, проявив острый ум или найдя ответ не совсем честным путем, и получает вознаграждение. Это тоже древний фольклорный мотив, постоянно встречающийся в сказаниях многих народов.

В истории Сфинкса, который охранял город Фивы в Беотии, оба мотива соединились. Чудовище, Сфинкс, убивает себя, когда герой правильно разгадывает загадку, и герой, нищий путешественник, но принц по рождению, входит в город и получает руку овдовевшей царицы.

В стереотипной версии этого сюжета принц, теперь царь, впоследствии счастливо правит вместе со своей царицей — и это конец всей истории¹. Легенда об Эдипе,

¹ Однако см. мнение Рэглена, изложенное выше.

однако, не имеет счастливого финала; трагедия начинается тогда, когда должно наступить блаженство.

Исследователи легенды об Эдипе высказали наблюдение, что история чудовища не составляет первоначальную ее часть, а является добавлением, позднейшей интерполяцией¹. Некоторые из них, однако, пожелали увидеть в гибели чудовища оригинальную часть данного мифа, а все остальное рассматривали как добавление или результат более поздней переработки¹. Кто бы ни был прав, представляется бесспорным, что эпизод со Сфинксом явно мифологический.

Психоаналитик был бы склонен интерпретировать историю Сфинкса, победу над женочудовищем, как освобождение сына от тирании всемогущей матери. О. Рэнк объяснял Сфинкса как воплощение отталкивающих черт матери; Теодор Рейк указал также на сходство конца Иокасты и Сфинкса — самоубийство³. Победа над Сфинксом или покорение матери — это действие, дополняющее убийство отца сыном, реальное или символическое. Такое расщепление материнского образа на отталкивающие и притягивающие компоненты также послужило психологическим объяснением противоречивости дополненного сюжета: принц, который убивает царя, берет себе его жену; для чего обременять его загадками женочудовища, после того как он исполнил героический подвиг, сместив царя?

Но давайте не будем, подобно беспечному страннику, проходить мимо чудовища, сидящего на скале. Существо, которое сторожило Фивы в Беотии, не было одной из знакомых греческих фигур: великан Паллас, Минотавр, кентавр, Медуза Горгона, фурия, киклопы. А это был Сфинкс, и так он назывался у греческих трагиков. Его родиной был Египет⁴. Хотя его изображения были найде-

¹ W. Christ, *Geschichte der griechischen Litteratur* (6th ed.; 1912), p. 73; L. Laistner, *Das Rätsel der Sphinx* (1889).

² M. Bréal, in L. Constans, *La Légende d'Oedipe* (1881), p. 4.

³ Theodor Reik, «Oedipus und die Sphinx,» *Imago*, VI (1920), 95—131.

⁴ A. Dessenne, *Le Sphinx, étude iconographique* (1957).

ны во многих странах, включая Крит и Микены в Греции, они были или привезены из Египта или, как считается, представляли собой подражания или заимствования образа, рожденного в Египте. Ни Греция, ни Малая Азия, ни острова, ни Ассирия-Вавилония, ни Палестина не претендовали на Сфинкса как на свою собственность. Согласно Пизандру, Сфинкс пришел в Фивы, в Беотию из Эфиопии¹.

Гигантский Сфинкс в Гизе близ Каира, самый большой и знаменитый со времен древности, во все века привлекал внимание и возбуждал любопытство путешественников, как и почти всякого человека на земле. Всегда считалось, что в нем заключена некая тайна, какой-то секрет или загадка, и его лицо, глядящее широко открытыми глазами прямо на Восток, тронуто улыбкой, подтверждающей некую вечно загадочную думу. Этот Сфинкс, вырубленный прямо из скалы, прожил дольше всех и является древнейшим, будучи отнесен к эпохе Древнего царства. Как все сфинксы, он имеет человеческое лицо и тело животного; в этом отношении сфинкс отличается от других изображений египетских богов, которые имеют человеческие тела и головы животных. Лицо Сфинкса в Гизе — это лицо фараона Хефрена, преемника Хеопса; пирамида Хефрена, несколько меньшая, чем пирамида Хеопса, находится неподалеку.

Животное тело — это тело льва или львицы. Фараон был таким образом представлен в виде могущественного бога. В более поздние времена изображения сфинксов высекались в виде скульптур и барельефов, но гораздо меньшего размера, вплоть до миниатюрных изображений на камнях. Лицо сфинкса часто было лицом царствующего монарха. Большею частью сфинкс изображался в полужающем положении, но иногда он стоял на задних лапах. В период Нового царства, при восемнадцатой династии, Сфинкс из Гизе был назван Хармахисом, или Гор-эм-ахетом, «Гором горизонта», а также «Гором некрополя»².

¹ Bethe, *Thebanische Heldenlieder*, p. 21.

² S. Hassan, *The Sphinx* (1949), p. 132; idem, *The Great Sphinx and Its Secrets* (1953), p. 240; Dessenne, *Le Sphinx, étude iconographique*, p. 176.

Человеком, который подошел к нему ближе всех, чтобы разгадать «тайну» сфинкса, был известный египтолог профессор Эдуард Нэвилл; в течение почти пяти десятилетий (1875—1924) он опубликовал несколько очерков, касающихся этой проблемы. «Уничтожение людей богами», основанное на мифологическом повествовании в могиле фараона Сети в Фивах, было самой ранней публикацией Нэвилла, имеющей отношение к данной проблеме¹. Боги посылают богиню Хатор в облике Тефнута или Сехмета безжалостно наказывать взбунтовавшихся людей, которые не подчинились воле богов. Текст гласит: «Эта богиня (Хатор) явилась и убила людей на земле... И вот Сехмет много ночей бредет ногами по их крови к городу Гераклеополису». Нэвилл задавал вопрос: должны ли мы полагать, что «уничтожение людей» подразумевает «все человечество»? И он пришел к выводу: «Это кажется очевидным, потому что надписи говорят не об отдельных людях, а о людях в целом».

В 1902—1906 гг. Нэвилл, который все это время продолжал обширные раскопки в Египте, представил весомые аргументы, основанные на древних текстах, согласно которым Сфинкс — это изображение богини Тефнут, или Хатор, в ее смертоносном облике и что тело животного представляет собой львицу². Хатор была женским воплощением Гора, и ее имя означает «Дом Гора». Нэвилл вновь обратился к этой теме в 1924 году³.

Другие ученые, однако, считают, что Сфинкс-женщина внезапно появился в царствование Аменхотепа III, известного как Великолепный, и его царицы Ти из восемнадца-

¹ Edouard Naville, «La Destruction des hommes par les dieux. D'après une inscription mythologique du tombeau de Séti I, à Thèbes,» *Transactions of the Society of Biblical Archaeology*, IV (1876), Part I, p. 1—19.

² *Sphinx*, V (1902), 193—99; *ibid.*, X (1906), 138—40; cf. Gardiner, in *Journal of Egyptian Archaeology*, XXXIX (1953), 14, N. 2.

³ *Sphinx*, XXI (1924), 12—23.

той династии¹. Гизе был царским некрополем Мемфиса, а Мемфис был древней столицей Нижнего Египта. Столицей Верхнего Египта были Фивы, ныне Луксор и Карнак, на расстоянии более трехсот миль к югу. В течение одного из самых блистательных периодов египетской истории, во время восемнадцатой династии, Фивы были столицей всей страны — Верхнего и Нижнего Египта.

На скалах, возвышающихся над Фивами и охраняющих подступы с запада, находилось святилище Хатор, богини, некогда уничтожившей человечество. «Хатор возвышается над западными скалами Фив»². Погубительница человеческого рода, которая должна была быть умиловательна и почитаема, чтобы она не повторила кровопролития, властвовала с окрестных скал; за ними находился некрополь Фив — Долина Царей.

Существовал также храм или часовня, посвященный Хатор. Хатор из Дер эль-Медины была «Хатор, находящаяся посреди Фив, Владычица Запада»³. Она была также «богиней пустынь, и в Фивах есть ее изображение в форме змея Меритсегер, охраняющего могилы в пустыне»⁴. Из изображений, сохранившихся на барельефах, мы знаем, что существовал фиванский Сфинкс, которому в период восемнадцатой династии приносились человеческие жертвоприношения.

Мифологическая часть истории Эдипа может указывать на ту землю, где, вероятно, легендарный мотив этого сюжета первоначально возник из какого-то исторического события. В сущности не та загадка, которую Сфинкс загадывал путешественникам, а загадка, которую предстоит

¹ Dessenne, *Le Sphinx, étude iconographique*, p. 107.

² F. L. Griffith, «Thebes», *Encyclopaedia Britannica*, 14th ed.

³ W. C. Hayes, in *Journal of Egyptian Archaeology*, XXXIV (1948), 114, n. 3; P. M. Fraser, *ibid.*, XLII (1956), 97.

⁴ H. R. Hall (British Museum), «Egypt: Religion», *Encyclopaedia Britannica*, 14th ed. Храм Ментухотепа V, посвященный Гору, был расположен «на вершине холма немного к северу от входа в Долину Царей». C. F. Nims, «Places about Thebes», *Journal of Near Eastern Studies*, XIV (1955), 111ff.

разгадать исследователям, может привести нас к воротам города, где тяжелые испытания обрушились на царя, жившего на своей матери.

Семивратные Фивы и стовратные Фивы

Фивы, древняя столица Беотии в Греции, расположенные на холмистой местности, были одним из самых знаменитых эллинских городов. Согласно преданию, они были основаны Кадмом, который, придя с финикийского побережья, принес элинам искусство письма. Почти ни с одним городом Греции не связано столько легенд, как с Фивами. В течение многих столетий он оставался городом, преисполненным гордости за свое прошлое, к которому были причастны все элины. Даже рождение Геракла порой связывалось с Фивами. Геракл пас свои стада на горе, на том самом пустынном гористом пастбище между Беотией и Коринфом, где, как гласила легенда, был оставлен новорожденный Эдип с проколотыми ногами.

В более поздние исторические времена Фивы воевали с Афинами и Спартой. Народ Фив поддерживал персов и сражался на их стороне при Фермопилах (480 г. до н. э.). Когда один из беотийских городов, Платеи, объявил о своей независимости и Афины поддержали отколовшихся, Фивы стали непримиримыми врагами Афин. И когда во время Пелопоннесской войны Афины сдались Спарте (404 г. до н. э.), Фивы требовали их разрушения.

После Пелопоннесской войны Фивы и Спарта вступили в долгий период соперничества за господство над Грецией. Фивы заключили союз с Аргосом и Афинами, чтобы нанести поражение Спарте в Коринфской войне (387 г. до н. э.). Завоевав временное преимущество, Фивы покорили Спарту. Их власть установилась также в Македонии на севере, и Филипп, младший сын македонского царя, был взят заложником и воспитан в Фивах. Позже фиванцы пригласили Филиппа участвовать во внутренних

войнах греческих государств, но когда он готов был победить Афины, Фивы, боясь экспансии македонского государства в соседние Афины, вступили в союз с этим городом и потерпели поражение при Херонее. Беотийский союз распался, и македонский гарнизон оккупировал крепость фиванцев. Когда Филипп умер, Фивы восстали, и восемнадцатилетний Александр Македонский стяжал себе первые лавры, напав на этот город и захватив его. Коринфский союз решил разрушить Фивы, причину множества внутренних войн, и только единственный дом, в котором двумя столетиями ранее родился великий поэт Пиндар, был сохрaнен по приказу Александра.

Этот беотийский город называли «семивратными» Фивами из-за его внешней стены с семью воротами и для того, чтобы отличить его от «стовратных» Фив в Египте.

Египетский город — по-египетски он назывался «Не» или «Но» («Резиденция»), или Но-Амон («Резиденция Амона», как в еврейском тексте книги Пророка Наума 3:8)¹ — не имел внешней стены со ста воротами в ней, но во время войны и осады широкая ограда его храма могла превращаться во множество бастионов с решетками². Луксор и Карнак — части этой древней столицы на реке Нил, как и Деир-эль-Бахри с храмом царицы Хатшепсут, Рамессеум Рамзеса II и Мединет-абу с храмом Рамзеса III. Эти надгробные храмы были выстроены на равнине на западном берегу Нила, ниже остроконечных утесов, которые закрывали Долину Царей, где останки царей были спрятаны в необозначенных пещерных комнатах, чтобы защитить их от осквернения, а сокровища захоронены вместе с ними, чтобы не быть разграбленными. Но погребальные храмы, выстроенные для увековечивания имен великих фараонов, не избежали разрушений войнами и временем. От надгробного храма Аменхотепа III, одного из самых богатых египетских правителей, не осталось ничего, кроме двух огромных статуй сидящего царя — таких огромных, что

¹ Он также назывался «Южной Резиденцией» и Везетом.

² Cf. Diodorus, I. 45.7.

каждый палец в три фута длиной. Об одной из них греческие и римские путешественники рассказывали, будто она издает некий музыкальный звук при восходе солнца. Реставрационные работы, которые проводились по приказу императора Септимия Севера, считались причиной прекращения жалобных вздохов. Эти две статуи были названы греками колоссами Мемнона. Греки считали, что они были портретами Мемнона, темнокожего воина, который пришел из южной страны помочь троянцам, осажденным ахейцами. Мемнон был убит Ахиллом, и греки думали, что эти вздохи, слышные в момент, когда утренние лучи солнца освещали лицо статуи, были приветствием Мемнона своей матери — Утренней Заре. Но это статуи Аменхотепа III, а он не был сыном Утренней Зари.

Рамзес II из девятнадцатой династии, который пытался соперничать с Аменхотепом III размерами и великолепием своих построек, изготовил столь же огромное собственное изображение перед своим погребальным храмом — около тридцати тонн весом и примерно шестьдесят футов высотой. Но со времен древности он лежит, уткнувшись лицом в песок, слушая гидов, которые ежедневно повторяют цепь ни на чем не основанных баек.

Сам город располагался на восточном берегу Нила. Его происхождение — вокруг жертвенника Амона — теряется в древности. В период Древнего царства это был провинциальный храмовый город. В эпоху Среднего царства один фараон воздвиг свой погребальный храм на западном берегу. Но в дни Нового царства, с приходом династии, которая сменила царей-пастухов, Фивы стали столицей, которая величием своих построек превосходила все столицы того времени. Ранние правители из восемнадцатой династии, в особенности великий завоеватель Тутмос III, выстроили храм Карнак в честь Амона. Три поколения спустя Аменхотеп III построил три новых храма — Монту, Мут и Амону.

В седьмом веке до нашей эры Ассурбанипал, царь Ассирии, захватил Фивы, превратил их в руины и сбросил все статуи; но только несколько десятилетий спустя асси-

рийская столица, Ниневия, была атакована и сожжена вавилонцами и мидийцами, и пророк Наум восклицал: «Разорена Ниневия! Кто пожалеет о ней?.. Разве ты лучше Но-Аммона, находящегося между реками?..»

Ниневия не поднялась из пепла, а Фивы возродились. Персы вытеснили вавилонцев, захватили Вавилон и в следующем поколении, при Камбизе, достигли Египта. Фивы были еще раз безжалостно уничтожены¹, персы не испытывали страха или почтения к египетским богам.

После тяжелой и долгой борьбы греки под предводительством Александра Македонского одержали победу над персами. Александр дошел до Египта. Он не разрушал его, он начал в нем строить. Он не дошел до Фив, так как был занят планом новой столицы, которая носила бы его имя. После его смерти Птолемей, один из военачальников Александра и наместник в Египте, становится царем Египта; его династия угасла триста лет спустя, после завоевания Греции Римом, когда последняя из Птолемеев, Клеопатра, поглощенная интригами и войнами за власть после насильственной смерти Цезаря, лишила себя жизни в 30 году до н. э. На протяжении двух тысяч лет после падения египетского царства обширные сооружения Фив «использовались как карьеры для добывания камня и обжига извести», однако Фивы и до сих пор представляют величественное зрелище монументальных руин, оставшихся с древнейших времен.

Легенда об Эдипе связана с Фивами в Беотии. Египетские Фивы, известные грекам под этим названием по крайней мере со времен Гомера, были более крупным из этих двух городов. К тому же они были древнее.

Новое царство создавалось усилиями Камеса и Аамеса, братьев, которые сражались против слабеющей власти царей-пастухов, Тутмоса I, который проник в Азию, и его дочери Хатшепсут, которая укрепила и обогатила империю мирными контактами с соседними народами, Тутмоса III,

¹ Strabo, XVII. 1. 46. Cf., however, Posener, *La Première Domination perse en Egypte* (1936), p. 171.

который предпринял целую серию военных набегов в глубь Ближнего Востока и сделал Египет сильнее, чем он был когда-либо до или после этого. За Тутмосом III последовал Аменхотеп II, человек огромной физической силы, жестокий и тщеславный, но гораздо менее способный как военачальник в сравнении со своим предшественником. Когда он вернулся из своего бесславного похода в Сирию — Палестину, куда он отправился со слишком мощной для нужных маневров и обеспечения силой, он повесил плененных шейхов головой вниз на мачтах царского судна, которое совершило триумфальный путь по Нилу.

Судя по его надписям, Аменхотеп II приносил человеческие жертвы Амону в Фивах, забивая узников дубинками перед божеством. Легко предположить, что это действие совершалось перед статуей Сфинкса, так как Аменхотеп сам изобразил себя перед Сфинксом, который, согласно надписи, воплощал Амона. Аменхотеп II лично исполнял роль палача.

Мумия этого фараона была обнаружена вместе с его луком в могиле, которую он построил для себя в Долине Царей; из надписи явствует, что предметом его величайшей гордости было то, что ни один князь или военачальник не был в силах согнуть этот лук.

В 1920-е гг. рядом с Большим Сфинксом из Гизе под песком был обнаружен обелиск, на котором Аменхотеп II поведал, как он был избран оракулом Сфинкса для царствования и как в благодарность он выстроил для этого оракула храм. Из этой таблички очевидно, что жрецы святилища Сфинкса выступали как оракулы в делах престолонаследия. Будущий монарх должен был совершить некоторые спортивные подвиги вроде охоты и управления колесницей, после чего он возлегал в святилище. «Неким таинственным знаком или таинственным голосом, источник которого, вероятно, не был неведом Верховному Жрецу Гелиополиса, отец богов диктовал новому монарху правила его поведения»¹. Б. Брюйер высказал предположение,

¹ B. Bruyère, «Le Sphinx de Gizeh et les épreuves sportives du sacre», *Chronique d'Égypte*, XIX (1944), 194—206.

что жрецы Карнака, желая соперничать со жрецами Гелиополиса, возвели храм в Фивах, где у подножия Сфинкса произносились прорицания оракулов: Сфинкс воплощал собою Амона, отца богов.

Аменхотепа II сменил на египетском троне Тутмос IV, не старший сын правителя, а один из тех, кого избрал оракул. Не принадлежа к прямым наследникам, будучи просто одним из принцев королевского дома, он, когда ему еще не было двадцати лет, увидел пророческий сон. Когда он охотился в пустыне неподалеку от Сфинкса в Гизе, он остановился отдохнуть под тенью Сфинкса, уснул и услышал, как Сфинкс объявил ему, что он станет царем и вознаградит оракула, расчистив лицо Сфинкса от песка наступающей пустыни. Он поклялся все исполнить. Когда он стал царем, он установил между лапами Сфинкса обелиск, на котором описал все, что с ним случилось. Там он был обнаружен в наше время, когда Сфинкса в очередной раз очищали от песка, который пустыня несет круглый год, столетие за столетием. Способ, каким оракул общался с Тутмосом, не был необычным для знаменитых оракулов древних времен. Так, к примеру, Асклепий в Эпидавре в Греции сообщал о средствах исцеления пребывающим во сне.

Тутмос стал фараоном, но оракул не сообщил ему, что он умрет еще молодым. После этого трон был занят его сыном, Аменхотепом III. Культ Сфинкса был очень популярен во времена Аменхотепа II и Тутмоса IV, которые получили свой трон по воле Сфинкса, открывшего им во сне их судьбу, и этот культ сохранялся в эпоху их наследника. Он был не только моден, но приобрел истинный размах. Наступило возрождение поклонения Сфинксу, неизвестное со времен Древнего царства.

А. Дессенн в своей монографии «Сфинкс: иконографическое исследование» описывает метаморфозы образа Сфинкса в эпоху Аменхотепа и его жены Ти. В прежние времена правящий монарх иногда изображал себя в образе сфинкса; однако не Аменхотеп, а Ти обычно представляла в образе Сфинкса. Следуя долгой традиции изображения

Сфинкса с мужским лицом, царица Хатшепсут воплощалась в скульптурных портретах как Сфинкс с бородой, свисающей с подбородка. Но у Ти был свой сфинкс с женским лицом. Более того, впервые к львиному телу Сфинкса была добавлена женская грудь: не возникало сомнений в том, что он стал женщиной. У него также были крылья, в то время как Сфинкс из Гизе и другие более ранние были, как правило, бескрылыми. В прошлом сфинкс изображался в положении лежа или стоя, будто неподвижным, но во времена Аменхотепа III и Ти такой порядок изменился.

Дессенн выразил свое удивление: после феминизации Сфинкса вряд ли следовало ожидать, что он приобретет свирепость, однако именно это и произошло¹. Ти в образе крылатого Сфинкса с женской грудью изображалась разрывающей на куски или душащей свои жертвы. В искусстве это была идея новая, и она «возникла внезапно, без всякого перехода».

Свирепый крылатый Сфинкс в женском образе из Фив, что в Беотии, не был всего лишь гостем из земли Нила, как описывал это Пизандр в своем послании к Еврипиду, но скорее всего это был образ, впервые появившийся в египетских Фивах во времена царицы Ти.

Аменхотеп III и Ти

Царица Ти была женщиной замечательной. Молодой Аменхотеп женился на ней в начале своего царствования. Не принадлежа к царской крови и не будучи чужеземной принцессой, она была дочерью государственного служащего и провинциального жреца Иуао. Она была не похожа на прежних цариц, полностью заслоненных своими царственными супругами. В прошлом была на египетском троне одна женщина — Хатшепсут, правившая около ста лет назад, — но никто из царских вдов не приобрел такой известности, как Ти.

¹ Dessenne, *Le Sphinx, étude iconographique*, p. 109, 186.

Женитьба царя на этой царице стала событием исторического масштаба. Большие «свадебные печати» или необычно крупные скарабей с выгравированными на них именами Аменхотепа и Ти в больших количествах распространялись по всему Египту и за его пределами; на них были также имена родителей Ти. Она была так уверена в своем положении и власти, что и не пыталась приписать себе божественное или царственное происхождение. Другие большие печати с именами Аменхотепа и Ти были обнаружены в фундаментах общественных зданий: например, в фундаменте храма в Бет-Шемехе в Палестине. В Микенах, где Шлиман вел раскопки в поисках могилы Агамемнона, был найден маленький скарабей Ти.

Царские декреты Аменхотепа обнародовались от его имени и от имени царицы: такая процедура не имела прецедентов в египетском прошлом. Портреты Ти многочисленны — в скульптуре и на барельефах. Они демонстрируют своеобразное лицо, не лишенное очарования. Вступив в жизнь как дочь рядовых граждан, Ти сделала необычную карьеру.

Она вознесла и своих родителей, и когда они умерли, то были достойно мумифицированы и похоронены в Долине Царей со всей роскошью. До открытия могилы Тутанхамона богатая могила Иуао и Туа, его жены, были единственной находкой в некрополях Египта; ее никогда не тревожили¹, лица умерших на редкость хорошо сохранились и передают четкие черты, чуть ли не их характеры.

Среди всех строителей Фив Аменхотеп III отличился тем, что возвел знаменитые сооружения в Карнаке и Луксоре — два огромных храмовых ансамбля. В храме Амона в Карнаке, посвященном главному божеству Египта, он выстроил третий пилон Карнака, «который распространял блеск и великолепие царственных Фив». Аменхотеп описывал отделку, украшавшую это сооружение. Две колон-

¹ Драгоценности, однако, были украдены, вероятно, жрецами, которые пеленали мумии.

ны из лазурита, темно-синего камня, были воздвигнуты с каждой стороны ворот с башенками. Дверь была обита золотом и отделана лазуритом и драгоценными камнями, пол был серебряным. Флюгера, закрепленные на башнях, были покрыты золотом, Так что «они сверкали ярче небес». Перед пилоном была воздвигнута колоссальная статуя царя в двадцать локтей высотой. Аллея сфинксов вела от реки к воротам; еще одна аллея сфинксов вела от храма Карнака к храму Луксора, расположенному на расстоянии полутора миль. Эта аллея частично сохранилась до наших дней.

Храм Луксора был начат и окончательно выстроен Аменхотепом III. Египтянам он известен как южный Харим Амона. Он тоже был посвящен главному божееству. Он величествен и красив и отличается изысканными пропорциями. Этот храм почти полностью является делом рук Аменхотепа III, «Людовика XIV Древнего Египта»¹. Перед этим зданием царь воздвиг колоннообразный зал и двор, украшенный колоннадой, «самый изысканный в Египте»: «Даже полуразрушенные, эти колоннады все еще поражают своей красотой, и они представляют одно из прекраснейших зрелищ, когда-либо созданных воображением архитектора и овеществленных им в вечном камне»². Свет, падающий сверху, играл бликами теней на каменных столбах, украшенных скульптурными изображениями, в полумраке святилища; для Амона и его свиты курились благовония и звучали песнопения и приглушенные звуки флейты, виолы и арфы. Главное святилище было окружено святилищами более мелких божеств, комнатами для специальных церемоний и хранения сосудов и одеяний.

Главная церемония происходила в месяце Паофи. Изображение Амона перевозилось из Карнака в Луксор на священной ладье в сопровождении не менее двадцати жрецов и ликующей толпы, и сам фараон участвовал в этой

¹ A. M. Blackman, *Luxor and Its Temples* (1923), p. 64.

² Ibid.

процессии. На него смотрели как на потомка бога, самого сына Амона, и одной из его обязанностей по прибытии в Луксор было зачатие следующего сына Амона, для чего он брал на себя роль своего отца Амона и посещал царицу. Росписи на стенах храма в Луксоре изображают зачатие фараона его отцом Амоном и его рождение в качестве сына Амона.

Ти зачинала несколько раз. Она родила сына, но о нем ничего не известно — не было ни упоминаний о нем, ни его изображений — пока он не явился после смерти отца требовать его трон. Три дочери Аменхотепа и Ти жили со своими родителями и появляются на семейных портретах.

Аменхотеп был страстным охотником. Он любил охотиться на львов, и он гордился своим рекордом: на протяжении десяти лет он убил сто двух львов. Эти свирепые животные не водились в долине Нила. Чтобы охотиться на царских зверей, Аменхотеп периодически покидал свою столицу ради долгих походов в пустыню и окраинные земли своего царства, далекие от всякого человеческого жилья.

Охотились с колесницы, оружием служили луки, стрелы и длинные копья. Это был опасный спорт. Дикое животное, даже еще более свирепое, когда оно ранено, могло напасть на лошадей и охотника, и испуганные кони могли встать на дыбы и в панике понестись в сторону с дороги через скалы и ущелье, переворачивая колесницу и убивая охотника и возницу.

Этот охотник на львов был укрощен своей женой Ти. Когда царица выразила неудовольствие, потому что жрецы Амона не попросили ее изображать богиню Мут в праздничной процессии на священном озере храма, царь выставил сто тысяч человек, чтобы они работали день и ночь¹, и всего за две недели было вырыто искусственное озеро в

¹ Оценка Р. Энгельбаха. Однако У. С. Хейес (*The Scepter of Egypt*, II, 232) считает, что такая задача требовала 250 тысяч рабочих. См. также новый документ у Kémi, XV (1959), 23—33.

двадцать футов шириной и более мили в длину, наполненное водой, засаженное лилиями, заполненное рыбой и окруженное цветущими насаждениями. И тогда Ти превзошла жрецов Мут необычностью и царским очарованием.

Это был апогей имперского Египта. «Богатство всего известного мира стекалось в Египет. Гавани Дельты были заполнены кораблями всех народов, нагруженными товарами и данью, дарами людей и дружественных государств. Возможно, что эти корабли плыли прямо вверх по Нилу к фиванским докам и здесь разгружались. Мебель, обитая золотом или сделанная из драгоценного дерева, с отделкой слоновой костью, колесницы, инкрустированные золотом и серебром, кони ценнейших пород, бронзовое оружие и доспехи, отделанные золотом, золотые и серебряные сосуды изысканной работы, многоцветные и искусно разрисованные ткани, лучшие дары полей, садов, виноградников, фруктовых садов и пастбищ Палестины и Сирии, благовония, ароматизированные сорта дерева, духи, серебро и золото из Азии и Судана — все это свозилось в Египет морскими судами и наземными караванами»¹. В этом описании упоминается не обо всем. Огромные, высокие стволы кедров с гор Ливана, гончарные изделия из Микен и дикие животные с побережья и из глубин Африки, и еще многое могло быть добавлено к этому списку. С таким бесчисленным богатством Аменхотеп III строил храмы и дворцы и возводил множество статуй.

По мере того как этот деспот старел, его характер становился все более неровным. Потакая своим слабостям и похоти, он «женился» на одной из своих дочерей или — что то же самое — поместил ее в свой личный гарем². Вряд ли это совершилось с благословения Ти, матери ребенка; она была ревнивой и мстительной женщиной. А он демон-

¹ Blackman, *Luxor and Its Temples*, p. 79—80.

² Engelbach, in *Annales du service*, XL (1940), 153—57; Varille, *ibid.* (1941), 651—57.

стрировал и другие странности.

Аменхотеп Великолепный, преданный разврату и прихотям, был единственным фараоном, который изображал себя в женской одежде. Фараоны никогда не изображались в обычной одежде, и тем более — в женской. Сирил Олдред в недавней статье, опубликованной в Бюлетене музея искусств Метрополитен (февраль 1957 года), воспроизвел такую скульптуру Аменхотепа III и описал ее следующим образом: «Аменофис (Аменхотеп) III в старости, одетый в подобие халата, который обычно носили женщины». Аменхотеп III был женат — или, точнее, взят в мужья — волевой женщиной, которая вскарабкалась на трон из семьи, имевшей ранг государственных служащих, и захватила больше царских прерогатив, чем любая другая царица на египетском троне до или после нее. Ее муж-охотник, однако, обратил свой интерес к тому, что позже называлось «греческой любовью». Вывод следует из того факта, что он позволял художнику изображать себя в женской одежде.

Не один раз императорский трон занимался извращенцем. Адриан, римский император, известен всем своей привязанностью к Антиною, юноше из Битинии. Этот император поднимался по Нилу, чтобы поразмышлять у подножия колосса Мемнона, не подозревая о собственном родстве с прототипом статуи. Во время этого путешествия Адриан потерял своего юношу; однажды Антиной покинул царскую яхту и направил одного гребца к тому месту на Ниле, где он оставил лодку. И уплыл, чтобы утонуть. Скорее всего он лишился себя жизни, как и Крисипп, когда был осквернен Лаем. Адриан, так и не успокоившись, построил храмы в честь умершего юноши, повелел ему быть богом, почитаться на праздниках в его честь и быть увековеченным в элегиях.

История злодеяния Лая звучит странно на греческой почве. Другие народы древности не были свободны от чувственной склонности, которая ему приписывалась, но

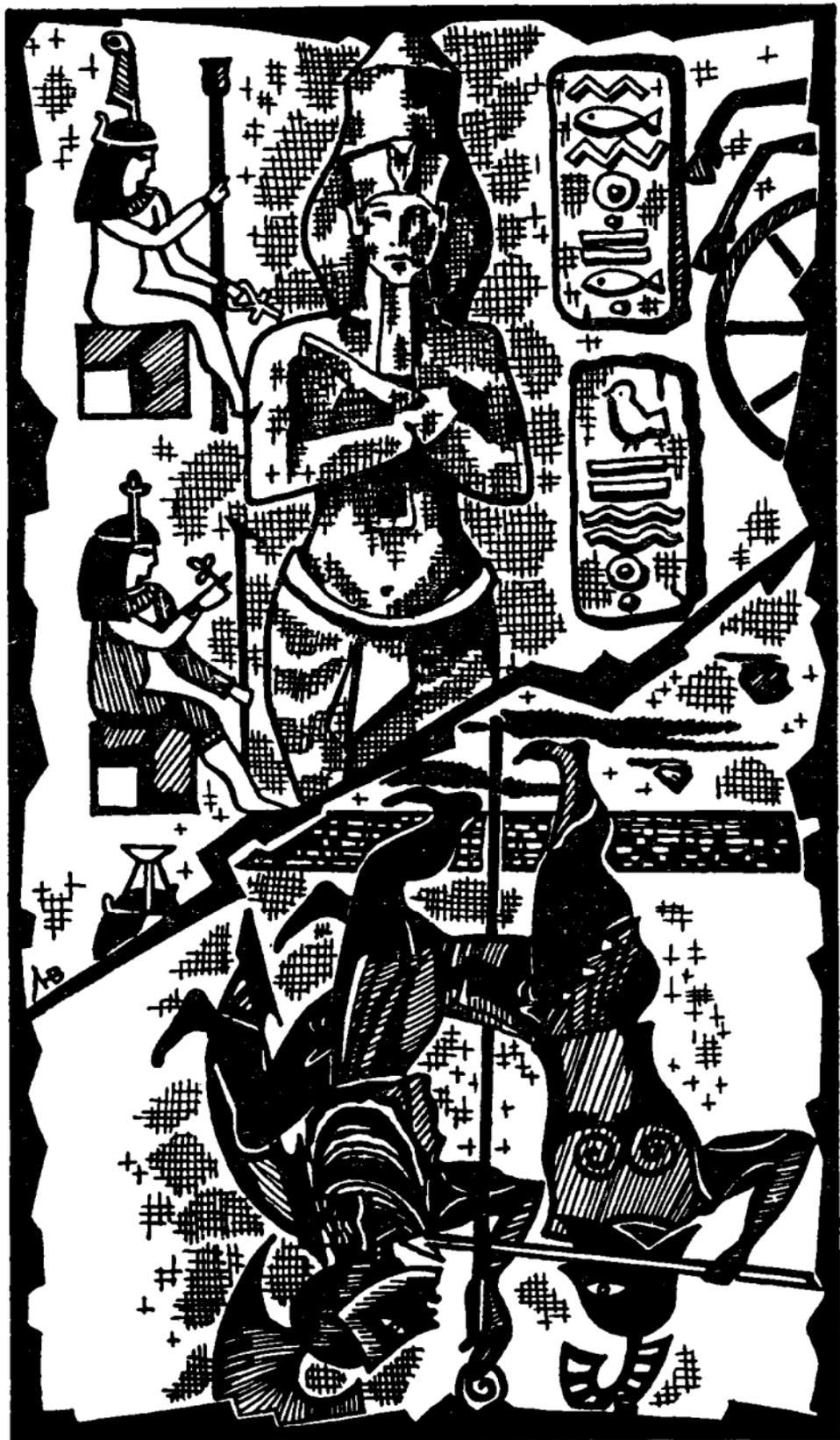
в Персии, Вавилонии, Иудее и Египте к гомосексуализму относились с презрением. История народа Содома, который, нарушая законы гостеприимства, пожелал совершить насилие над ночными гостями Лота, и ужасное наказание, обрушившееся на этот город и другие города равнины, свидетельствуют как о древнем существовании подобной потребности и ее оправдании, так и о нравственной позиции еврейских писцов и их читателей, которая может отражать, с допустимыми преувеличениями, отношение к этому извращению на Древнем Востоке.

Но в Греции в эпоху Перикла и во времена Эсхила, Софокла и Еврипида, в пятом веке до нашей эры, любовь к мальчикам была широко распространена и не отвергалась. «(Греческая) литература пятого века пропитана любовью к мальчикам, которая к тому же почиталась в этой литературе»¹. До этого в Афинах в конце седьмого и в начале шестого века сексуальные отношения между мужчиной и юношей были настолько всеобщими и столь мало скандализировали народ Афин, что Солон, один из семи мудрецов Древней Греции, относился к педерастии как к привилегии свободного человека².

Прежде чем приписать своим богам эту противоестественную потребность, греки должны были прийти к тому, чтобы счесть ее достойной уважения. Правда, Гомер не связывал с воинами-ахейцами тех отношений, которые позже были названы «греческой любовью», но он рассказывает, как боги похитили юного Ганимеда, в которого, согласно многочисленным источникам, влюбился Зевс. Что же в таком случае греки нашли столь греховного в Лае, который привел в свой дворец юношу Крисиппа, чтобы наложить проклятье на царя, его жену и весь его род? Если даже допустить, что эта легенда возникла раньше того времени, когда греческая любовь превратилась в местный

¹ Bethe, *Thebanische Heldenlieder*, p. 144.

² Plutarch, *Lives*, Solon, 1.

обычай, странно, что авторы последующих столетий приписывали древнему герою вину, навлекающую такой гнев со стороны богов

Таким образом, обнаруживается некоторое несоответствие у греческих трагиков, которые представляли поступок Лая греховным, а введение им в Фивах любви между мужчинами заслуживающим ужасного наказания. Это еще один аргумент в пользу того мнения, что легенда эта возникла не в Греции и что люди, в среде которых она возникла, не были эллинами.

Подобно Эдипу, который вырос на чужбине в доме Полиба и считал себя сыном этого царя, хотя таковым не являлся, легенда об Эдипе обрела литературную форму в Греции и ее герой считался героем греческим, но кажется, ни сама легенда, ни ее герой не были изначально греческими.

Чужак на троне

О последней охотничьей удаче Аменхотепа III ничего не известно, так как летописи обрываются в одиннадцатый год его царствования и ни о каких новых рекордах не сообщают. После жизни, заполненной грандиозным строительством, многочисленными дипломатическими контактами и торговыми отношениями со странами Западной Азии и островами Средиземноморья, закат царя-охотника погружен в молчание. Истории неведомо, умер ли он естественной смертью, стал ли жертвой дворцовой интриги или ему не удалось вернуться живым после одной из охотничьих экспедиций. Его конец был внезапным, как будто занавес упал над Фивами, а когда он вскоре поднялся вновь, единовластно правила царица Ти, полностью осуществляя управление царством. Флиндерс Петри уже обратил внимание на следующую деталь: «Создается впечатление, что она (Ти) была единственной правительницей после смерти Аменхотепа III и перед непосредствен-

ным царствованием Аменхотепа IV (Эхнатона)»¹.

Эхнатон был неизвестен в Фивах и Египте, когда он завладел здесь царской властью. Он провел свое детство и юность на чужбине, то ли в Сирии, то ли в странствиях из страны в страну, от двора к двору на территории Среднего Востока. Его имя никогда не упоминалось в многочисленных надписях Аменхотепа III, хотя упоминаний о принце-наследнике трона следовало бы ожидать. Он и его отец никогда не изображались вместе на барельефах². Аменхотеп живописал себя с женой и дочерьми в виде безмерно огромных фигур, но ни на одном из семейных портретов никогда не появлялся сын. В могиле Иуау и Туа, родителей царицы Ти, находились погребальные дары от царя и царицы и их дочерей, но ни одного от Эхнатона³. Даже о самом существовании Эхнатона никогда не упоминалось в период царствования его отца, Аменхотепа III. Потом, после того как царь-охотник умер, а его вдова царица Ти занимала пост главы государства в течение нескольких месяцев или недель, ее сын появился на сцене и захватил власть. Считалось даже, что он узурпировал трон.

Среди писем на глиняных табличках, обнаруженных в государственном архиве Тель-эль-Амарны в долине Нила, есть письма от вассального принца или князя Риб-Адди из Сирии — Палестины⁴. Вероятно, он знал Эхнатона после какой-то прежней встречи и писал: «И вот боги и солнце и Балат из Гублы повелели, чтобы ты сел на трон твоего отца в твоей земле»⁶.

Примерно в это же время Душрагта, царь Митанни, писал Эхнатону: «И когда мой брат Ниммурия (Аменхо-

¹ W. M. Flinders Petrie, *Tell el-Amarna* (1894), p. 38.

² A. Weigall, *The Life and Times of Akhnaton*, p. XX.

³ T. Davis, *The Tomb Iouiya and Touiyou* (1907).

⁴ Petrie, *Tell el-Amarna*, p. 38.

⁵ S. A. B. Mercer *The Tell el-Amarna Tablets* (1939), I. The identity of Rib-Addi is clarified in *Ages in Chaos*, Vol. I.

⁶ *Ibid.* Letter 116.

теп III) умер, они объявили об этом, и когда они объявили, я тоже узнал. Он ушел... и я плакал в тот день и сидел посреди ночи... и вино не веселило меня в тот день, и я был в печали... Но когда Нафурия (Эхнатон), великий сын Ниммурии от его великой жены Ти, написал мне: «Я вступаю на царствование», я сказал: «Ниммурия не умер». Теперь Нафурия, его великий сын от Ти, его великой жены, встал на его место, и он не изменит с этого места ничего из того, что было прежде... Ти, его мать, когда была великой женой Ниммурии, любимой женой, жива, и она передаст Нафурии, сыну Ниммурии, своего мужа, что мы были в прекрасных дружеских отношениях»¹.

Это письмо показывает, что об уходе Аменхотепа III его сын-наследник узнал только от людей, которые названы «они», или от старейшин царства. Оно также показывает, что Эхнатон занял трон или по приглашению государства, или в результате успешного дворцового заговора. И, наконец, оно показывает, что Эхнатон не знал об отношениях, которые связывали его покойного отца с чужеземными правителями и, в частности, не ведал о «прекрасных дружеских отношениях», которые существовали между Аменхотепом III и царем Митанни, отношениях, хорошо известных царице Ти.

Душратта, царь Митанни, вновь писал Эхнатону: «И все слова, которые я говорил твоему отцу, твоей матери Ти, известны им. Никто больше о них не знает. Но ты можешь спросить о них твою мать Ти. Пусть она расскажет тебе, как дружески он относился ко мне»².

¹ Mercer, *The Tell el-Amarna Tablets*, Letter 29.

² Там же. Письмо 28. Чтобы разобраться в ряде сложных ситуаций, с которыми нам предстоит иметь дело позже, некоторые ученые предположили, что существовал период совместного царствования Эхнатона и его отца Аменхотепа III, который продолжался десять лет или больше. В статье 1957 года, опубликованной в *«Journal of Egyptian Archaeology»*, сэр Алэн Х. Гардинер писал о совместном царствовании как о «дискуссионном предположении, которое, я признаюсь, вызывает у меня сильные сомнения». Он находил «странным»

Такая неосведомленность со стороны наследника трона ясно показывает, что Эхнатон не находился в Фивах в годы, предшествующие смерти его отца; непостижимо, чтобы наследный принц ничего не знал о дружеских отношениях между его отцом и царем Митанни, одним из величайших монархов того времени.

Если эти обстоятельства сравнить с обстоятельствами, указанными в легенде об Эдипе, мы увидим, что Эхнатон, подобно Эдипу, провел свое детство и юность на чужбине, что после смерти его отца вдова последнего, Ти,

то, что сторонники этой точки зрения «только мимоходом ссылаются на письма эль-Амарны, которые являются, по моему мнению, гораздо более верным историческим свидетельством, чем помпезные изображения на стенах могил. Письмо от царя хитти Суппилулиумы и письма царя Митанни Тушратты показывают, что Эхнатон наследовал только после смерти своего отца, когда он был юношей... Письмо к царице Ти (26, от Тушратты), не упоминая прямо о смерти Аменхотепа III, не может быть правильно понято, если не иметь в виду, что она была вдовой, так как здесь ее настоятельно просят напомнить ее сыну Нафурии, т. е. впоследствии Эхнатону, о добрых отношениях, которые существовали между его отцом и Тушраттой. То, что кажется первым письмом от царя Митанни Нафурии (Эхнатону) (27), имеет иератическую эмблему, датированную вторым годом царствования последнего и удостоверяющую, что он тогда правил в Южном Городе (т. е. Фивах), и в нем дважды упоминается о «церемонии погребения», что могло реально относиться только к похоронам Аменхотепа III».

Это те же самые аргументы, которые я использовал в данном исследовании, чтобы опровергнуть гипотезу о совместном царствовании. Если Эхнатон был соправителем при своем отце в течение какого-то времени, тогда соотнесение его с историей Эдипа полностью разрушается.

Ясно свидетельствует против совместного царствования и тот факт, что в начале своего царствования, еще до переезда в эль-Амарну, Эхнатон уничтожил имя своего отца на всех надписях — поступок непостижимый во время совместного царствования.

правила одна, как Иокаста после смерти своего мужа Лая, что через некоторое время Эхнатон занял трон, не зная о состоянии государственных дел при его отце, но зная, что Ти была его матерью, а покойный царь — его отцом.

Однако, если мы склонны обнаруживать близкое сходство между легендарным Эдипом и историческим Эхнатоном, мы должны признать, что доказательства не кажутся убедительными и, к сожалению, они неадекватны. Герой, который младенцем был оставлен в пустыне с проколотыми ногами, который, став взрослым, убил своего отца при встрече на дороге¹, женился на собственной матери и имел от нее детей, очень отличается от привычного образа Эхнатона как образцового мужа и сына и религиозного реформатора. Если все, что мы можем показать, сводится к тому, что он провел юность вдали от Фив и что он захватил власть в царстве после того, как недолго правила одна его мать, значит, мы пытаемся выстроить здание на нескольких соломинках или купить царство за несколько серебряных монет. Разве не привела нас девица, явно мифологический Сфинкс, к другим Фивам? Должны ли мы цепляться за Фивы в Беотии и не обращать внимания на этот эпизод, очевидную интерполяцию, связанный со Сфинксом на скале, охраняющем подходы к семивратному городу? Женился ли Эхнатон на собственной матери? Родила ли она ему детей? И как быть с физическим недостатком, который дал Эдипу его имя — распухшими ногами? А слепота и изгнание?

В греческой легенде царь, который живет в кровосмесительном союзе со своей матерью, был назван «пухлогим» — Эдипом. Изображения на стенах захоронений Ахет-Атона (Тель-эль-Амарны) и на пограничной стеле города представляют царя Эхнатона и членов его семьи.

¹ Constans. *La Légende d'Oedipe*, p. 5, and Nilsson, *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*, 54 предполагает, что убийство отца было позднейшей интерполяцией в этой легенде. Нилссон писал: «Убийство отца не так существенно для этого мифа и могло быть добавлено позже» (с. 106).

Эти изображения очень отличаются от стиля живописи Египта предшествующих и последующих веков. Особенно необычно и даже беспрецедентно строение тела Эхнатона. У него длинная голова, тонкая шея, обвисший живот, но самая заметная деформация в очертаниях его бедер: они распухшие.

Джеймс Бристед писал: «Странное изображение художниками нижних конечностей Эхнатона является все еще не решенной проблемой и не может быть полностью отнесено на счет предполагаемой деформации конечностей царя»¹. Но нельзя считать, что гротескно расширенные конечности царя связаны лишь с маньеризмом в искусстве. Одна из особенностей фигуры Эхнатона — чрезмерно вытянутый череп — характерна также и для голов его детей, как это видно на барельефах и скульптурах, но распухшие нижние конечности присущи одному Эхнатону и повторяются на всех его многочисленных портретах в полный рост в Фивах и в эль-Амарне. Эта аномалия так необычна, что, по мнению Бристеда, она не могла быть «естественной» деформацией.

В *Revue Neurologique* за 1920 год два французских врача, доктор М. Амлин и П. Керси, опубликовали работу «Фараон Аменхотеп IV, его ментальность. Страдал ли он прогрессирующей липодистрофией?» Г. Эллиот Смит, профессор анатомии Лондонского университета и автор книг о мумиях египетских фараонов, большинство из которых он открыл и исследовал, таким образом отозвался об этом «очень любопытном сообщении»: «Они описывают состояние прогрессирующей липодистрофии как болезнь, характеризующуюся, с одной стороны, прогрессирующим и полным исчезновением подкожного жира с верхней части тела и, с другой стороны, выраженным увеличением жировых тканей ниже пояса. Первый пример этой странной болезни был описан Барракером в 1907 году, но она крайне редко встречается у взрослых людей»².

¹ J. H. Breasted, *A History of Egypt* (1912), p. 378.

² G. Elliot Smith, *Tutankhamen and the Discovery of His Tomb* (1923), p. 85—88.

Диспропорция строения тела с утолщенной нижней частью и истощенной верхней в наше время встречается очень редко, и она должна была быть редкой и в прошлом. Человек, страдающий от подобной болезни, вряд ли показывался бы на публике или позировал в обнаженном виде. Но Эхнатон был не таким. Правитель величайшего из государств того времени, он желал внушить своим подданным и их потомкам, что его уродство — это знак того, что он избран судьбой и является существом божественного происхождения. Каков бы ни был медицинский диагноз его телесной деформации и психического состояния, Эхнатон, появляясь публично полуодетым и воплощенный в многочисленных обнаженных статуях, должно быть, сделал свой физический недостаток общеизвестным. Эта новая эстетика изображения человеческой фигуры, требующая от царских скульпторов не утаивания, а подчеркивания линий, была непонятна египтянам, приученным своим искусством к красоте тела безупречно пропорционального, которое предстало в многочисленных сценах охоты, музыкальных занятий и танцев на протяжении долгих столетий египетской истории.

Уродство или деформация ног Эхнатона кажется гротескной современному наблюдателю; в древности это должно было точно так же поражать тех, кто созерцал его барельефы и статуи.

Согласно легенде, ступни Эдипа были распухшими; на изображениях Эхнатона распухшими предстают бедра. В фольклоре ступня и бедро не различаются. Во многих языках нет специальных слов для ступней и бедер. По-гречески слово *πους* обозначает и то и другое; подобно этому, и в египетском языке слово *г-d* (нога) употребляется также для названия бедра¹. В загадке о существе, которое ходит на четырех, двух и трех (третьей был посох) ногах, разгаданной Эдипом, использовалось греческое слово *πους*,

¹ По-еврейски «*regel*» также означает нижнюю конечность в целом и ступню. В русском языке слово «нога» тоже используется в обоих значениях.

и таким образом имя Эдипа могло означать «распухшие бедра» и скорее всего имело именно такое значение.

Тело Эхнатона так и не было найдено, но сохранились, как мы увидим, скелеты двух его сыновей. Деформации черепа, изображенные на портретах этих принцев, подтвердились и на скелетах. Это служит доказательством того, что скульптурные и живописные изображения тела Эхнатона правдивы в отношении его распухших бедер.

Царь Эхнатон и все царское семейство с постоянным самолюбованием показывались на людях почти в обнаженном виде; по крайней мере так они изображались на барельефах, окруженные толпой своих подданных. Созерцая такое уродство, какой-нибудь гость из греческих Микен вполне мог дать царю прозвище Эдип¹.

Позже, когда грек мог знать о царе и его уродливом теле только по сохранившимся скульптурам, он получал точно такое впечатление, созерцая внешность царя.

Что касается легенды об Эдипе, некоторые исследователи античности недоумевали по поводу дополнительной жестокости, проявленной к брошенному ребенку, которому прокололи ноги. Было предложено объяснение, согласно которому эта мера была предпринята для того, чтобы помешать духу ребенка блуждать после его смерти. Несколько компетентных исследователей, однако, выразили уверенность, что прокалывание ног является позднейшей интерполяцией и что первоначально этого момента в легенде не было².

Профессор Гардинер из Оксфорда задавал вопрос: какое значение имеет *epitheton constans*, тот постоянный

¹ Вторая часть имени Амен-хотеп (IV) также могла восходить к имени Эдип. Египетская буква «t» в личных именах порой передавалась клинописью как буква «d» (письма эль-Амарны). К примеру, Туту, царский министр иностранных дел при Эхнатоне, имя которого так написано на его могиле в эль-Амарне, именовался Дуду в письмах эль-Амарны.

² Kretschmer, *Griechische Vaseninschriften*, p. 191, n. 3 p. (1894); idem, *Glotta*, XII (1923), 59f.

эпитет, который Эхнатон применял к самому себе даже на самых ранних своих памятниках — «Кто жил долго» (или лучше «Кто уцелел, чтобы жить долго»)? Для чего было юноше самовыражаться подобным образом? Каким могло быть первоначальное значение такого определения? Гардинер искал ответ. «Может быть, в юности Эхнатон не рассчитывал жить долго?»¹

Легенда об Эдипе предлагает нам возможный ответ: Эдип в младенчестве был обречен на смерть, но выжил. Чудо спасения было решающим в жизни легендарного героя. Чудесное спасение ребенка, погубленного отцом, фараоном или Иродом, но предназначенного вырасти, чтобы стать героем, рассматривается критиками, вроде лорда Рэглена, как стереотипный сюжет, связанный практически со всеми жизнеописаниями легендарных героев. Однако постоянно звучащее у Эхнатона «Кто выжил, чтобы жить долго» может означать, если мы сможем подтвердить свой главный тезис, то, что этот момент в истории вновь рожденного Эдипа является эхом какого-то реального события.

В этой связи может оказаться важным то, что в период восемнадцатой династии в Египте, той династии, к которой принадлежали Аменхотеп III и Эхнатон, было принято, как уже было сказано выше, вопрошать оракула о царском преемнике. При более ранних династиях этого не происходило, не заметна роль оракула в делах престолонаследия и в более поздние времена. Но в эпоху восемнадцатой династии, точнее во второй половине ее правления, фараоны постоянно советовались с оракулом, чтобы выяснить династическую преемственность и вообще услышать, что предназначено царю и его потомкам. Это, разумеется, дало жрецам оракула особую власть. Во времена Аменхотепа III оракул в Гелиополисе в верховьях дельты в храме Ра и оракул в Гизе утратили свое бывшее значение, а оракул из Фив приобрел особое влияние. Поскольку во время восемнадцатой династии Фивы были столи-

¹ A. H. Gardiner, «The So-Called Tomb of Queen Tiye», *Journal of Egyptian Archaeology*, XLIII (1957), 21, n. 3.

цей Верхнего и Нижнего Египта, жрецы Амона из огромного храма в Карнаке в сущности управляли монархией. Точно установлено, что Аменхотеп III вопрошал оракула Амона в Фивах о преемнике и, возможно, даже до рождения своего сына. То обстоятельство, что Эхнатон был воспитан вдали от Фив и за пределами Египта, должно быть, имело какое-то отношение к словам оракула, иначе с какой стати царский сын, которому предназначено было унаследовать корону, воспитывался на чужбине? Выражение «Кто выжил, чтобы жить долго» указывает на то, что Эхнатону в раннем детстве грозила смерть. Отсюда мы можем заключить, что предсказание оказалось настолько жестоким, что мальчик должен был быть увезен, а может быть, и уничтожен. Его высылка, вероятно, к родственникам Аменхотепа III в Митанни, должна была совершиться взамен убийства этого ребенка, и все это могло произойти, как кажется, если в дело вмешался святой человек, подобный прорицателю Тиресию из легенды об Эдипе, и дал такой совет. На последующих страницах мы сможем установить личность этого слепого прорицателя.

На основе такой реконструкции событий, сопутствующих раннему детству Эхнатона, мы можем лучше понять его враждебное отношение к жрецам Амона и самому Амону, а также первоначальные истоки его будущей реформы. Он был враждебен ко всей иерархии, господствующей в Фивах и его царстве. Он действительно уничтожил фиванского оракула: в его время о нем никто не слышал.

Поскольку оракул Гелиополиса (по-египетски «Она») был столь же древним, как оракул в Фивах, или даже древнее, можно было бы ожидать, что Эхнатон заручится расположением оракула Гелиополиса и его жрецов. И действительно, после нескольких лет царствования, перебравшись из Фив в эль-Амарну, он окружил себя жрецами из Гелиополиса, как свидетельствуют надписи эль-Амарны.

Но на этом почитание Сфинкса в Фивах кончилось. Его изображение было разрушено. Вероятно, его опрокинули с западного холма. У подножия этого холма, недале-

ко от храма Хатшепсут, были обнаружены многочисленные фрагменты сфинксов¹. Возможно даже, что жрецы храма в Хаторе сами сбросили его, чтобы спасти собственные жизни, так как оракул Фив ассоциировался с фиванским Сфинксом, подобно тому, как оракул Она — со сфинксом из Гизе, и этот оракул из Фив мог навлечь на Эхнатона роковую смерть — судьбу, которой он чудом избег.

Статуи сфинксов и предыдущего царя были изуродованы и побиты. Пример тому — обелиск, описанный Селимом Хассаном, ныне служащим каирского музея. «Эти сфинксы систематически уничтожались, только их внешние очертания позволяют представить, какими они были первоначально. Перед каждым сфинксом располагалась статуя царя в рост, которая также пострадала от разрушений... это явно те разрушения, которые совершались икоборцами Эхнатона»².

Сфинкс, свирепая крылатая женщина на скале возле Фив, охраняющая город, вновь появилась в легенде об Эдипе; только здесь ее присутствие никак не мотивировано. С какой стати на холмах Фив в Беотии обитает сфинкс, который убивает путников? И для чего ему бросаться со скалы из-за того, что на его вопрос последовал ответ? Кроважадные чудовища не убивают себя в отчаянии из-за разгаданной загадки и не бросаются по доброй воле со скал.

¹ *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*, section II, February 1928, p. 46, figs. 48, 51.

² S. Hassan, *Annales du Service*, XXXVIII, 57.

«Царь, живущий в истине»

Спустя некоторое время после вступления на трон Аменхотеп IV сменил свое имя на Эхнатон. Этот поступок был следствием его религиозной реформы, заменившей высшего бога Амона Атоном. Обычно считается, что Амон-Ра был богом солнца и что Атон также был солнечным божеством, но в ином смысле — солнечный диск, или материальная субстанция солнца. Теологические ухищрения современных исследователей, которые приписывают такие же теологические тонкости древним египтянам и видят в этой смене великую религиозную реформу, не убедительны. Амон вовсе не был солярным божеством, и кроме того, в реформе Эхнатона была своя идея, философия жизни и этическая концепция.

Амон был тем же Юпитером, почитаемым всеми народами древности. В Греции его называли Зевсом, в Вавилоне — Мардуком, и, как мы собираемся показать в другой работе, он был Мазда в Персии и Шива в Индии. Мы реально располагаем свидетельствами классических авторов о том, что Амон был Юпитером и что знаменитое святилище в оазисе Сива в Ливийской пустыне, в которое совершил паломничество Александр Македонский в 332 году до нашей эры, по мнению греческих авторов, было посвящено Зевсу-Аммону, а по мнению латинских — Юпитеру-Аммону¹.

На многих барельефах Эхнатон изображен под лучами, исходящими от диска и заканчивающимися в форме рук, держащих знак жизни. В гимне Атону от имени Эхнатона или его придворного поэта, который был обнаружен на стене мавзолея, выстроенного для человека по имени Аи (о нем речь пойдет дальше), выражено прекрасными фразами, в стиле еврейских псалмов, томление по союзу с божеством².

¹ Plutarch, *Lives*, Alexander, 27.

² Большое сходство некоторых фрагментов этой поэмы с псалмом 102 было подмечено, и над этим много размышляли. Параллельные тексты можно найти у Бристеда *A History of Egypt*, p. 311—76.

Твои лучи, они окружают землю...
Ты скрепляешь (людей) твоей любовью,
Хотя ты далеко, лучи твои на земле...
Когда ты посылаешь лучи твои на землю...
Все деревья и растения расцветают,
Птицы порхают,
Возносят свои крылья, поклоняясь тебе...
Ты тот, кто создает мужчину-дитя в женщине,
Кто создает семя мужчины,
О ты, солнечный бог, чья власть другим недоступна...

Ты только своей силой создаешь красоту формы,
Ты пребываешь в моем сердце,
Нет никого, кто знает тебя,
Кроме твоего сына Эхнатона.
Ты дал ему мудрость своей волей
И своей мощью...
Ведь ты долговечность...
Тобой живет человек,
И глаза людей взирают на твою красоту...
С тех пор как ты создал землю,
Ты возвысил их (они живут) для твоего сына,
Который явился прямо из твоего лимба, —
Царя, живущего в истине...

«Живущий в истине» — это выражение, которое Эхнатон принял как собственное прозвище, и где бы ни встречалось это «живущий в истине», даже если имя царя на надписи не сохранилось, было ясно, что имеется в виду Эхнатон.

Нет сомнения в том, что в этих личных отношениях между человеком и его божеством было что-то новое, нечто такое, что не выражалось в такой степени прежде в египетской религии, или по крайней мере не было зафиксировано ни в одном из более ранних или поздних гимнов, молитв или песнопений¹. Нельзя не заметить, что Эхна-

¹ Однако было замечено, что в гимне Амону времен Аменхотепа III уже встречались выражения подобного характера.

тон рассматривал себя как венец творения, ему одному был введом Создатель, все люди живут для «твоего сына».

Религиозная реформа Эхнатона стала предметом многочисленных книг и исследований. Джеймс Бристед, египтолог, назвал Эхнатона «первым в мире идеалистом и первым в мире индивидуалистом», «первым пророком истории» и «самым замечательным из фараонов и первой личностью в человеческой истории»¹. Артур Вейгелл, тоже египтолог, вторил ему следующими словами: «Эхнатон может быть оценен с позиций времени... а возможно, и с позиций гениальности как первый в мире идеалист»². Не было недостатка и в сравнениях с Христом. Но некоторые исследователи, и их явное меньшинство, с этим несогласны. Так, профессор Т. Э. Пит писал: «В чем собственно состояла природа почитания Диска в представлении Эхнатона? Это проблема, по поводу которой было сказано и написано множество чепухи, главным образом потому, что в этих изысканиях слишком большая роль отводилась романтическому воображению и фантазиям... В форме этого божества нет на самом деле ничего, что подкрепляло бы столь часто повторяющееся убеждение, согласно которому Атен — это не физический солнечный диск, а «сила, стоящая за ним». Наоборот, можно сказать, что ни один египетский бог никогда не был представлен с такой физической конкретностью, как этот, даже природным богам давалось человеческое тело. Само слово «Атен» говорит за себя, потому что это всего-навсего египетское название солнечного диска в сугубо материальном смысле. И если произошло какое-то изменение в новой концепции солнечного бога у Эхнатона, то, как следует из его формы и имени, оно совершилось в сторону большей его материализации»³.

Мы были бы несправедливы к Эхнатону, если бы отрицали, что он испытывал необычно сильное чувство по

¹ Breasted, *A History of Egypt*, p. 356.

² Weigall, *The Life and Times of Akhnaton*, p. 2.

³ Т. Е. Peet, «Akhenaten, Ty, Nefertete, and Mutnezemt», in W. Brunton, *Kings and Queens of Ancient Egypt* (1925), p. 95.

отношению к природе и всем ее созданиям. Он писал в своем гимне солнцу:

Цыпленку в яйце, который зарождается
под скорлупой,
Ты даришь внутри нее дыхание,
чтобы взрастить его;
Ты назначил для него время
пробить себе путь из яйца,
И он выходит из яйца,
чтобы явиться в свой черед,
И так он идет на своих лапках...¹

Он не описывал себя жестоким и мстительным, как обычно делали другие фараоны.

Он чувствовал себя избранником, единственным сыном божества, ради которого был создан весь мир. Во времена Аменхотепа II, Тутмоса IV и Аменхотепа III совершались человеческие жертвоприношения и применялась смертная казнь. Эхнатон прекратил человеческие жертвоприношения, и даже на животных не охотились ради забавы. В то время как Аменхотеп III хвастался тем, что убил множество львов, и росписи фиванского некрополя изображали сцены охоты на птиц, раненных или убитых брошенной палкой, и загарпуненных рыб, росписи некрополя в эль-Амарне, построенного при Эхнатоне, изображали только сцены мирной жизни животных. Нет ни одного известного изображения Эхнатона как охотника и ни одного — как палача; нет ни одной охотничьей сцены в могильных сооружениях знатных особ его времени. Однако он вовсе не был вегетарианцем, как свидетельствовали его пиры. Он не изображал себя в момент военных действий, стреляющим по шеренгам своих врагов, как поступали его предшественники и те, кто после него восседали на египетском троне.

Эхнатон освободил Фивы от человеческих жертвоприношений, сбросил Сфинкса и установил религию люб-

¹ Пер. Н. В. Забауровой.

ви, но также и самообожания.

Он стирал имя бога Амона всюду, где бы его ни находил, включая его изображения в образе его отца, Аменхотепа. Похоже, что он испытывал злое и мстительное чувство к этому божеству, оракул которого стал причиной его изгнания из царского дома, а также и против собственного отца, который, следуя оракулу, выставил его из дворца. Его позицию можно выяснить из того факта, что он не исключил имени бога из своего собственного имени Аменхотеп, которым он пользовался в течение четырех или пяти лет своего правления; не исключил он имени Амона и из теофорического имени царя Аменхотепа I. «Этот царь сохранял имя Аменфиса (Аменхотепа) до середины пятого года своего царствования, и забавно видеть, что «Амен», как часть этого имени, осталась нетронутой в этой и всех других могилах «атенистов», хотя они уничтожили ее в имени отца царя»¹.

Таким образом, привычное объяснение, согласно которому уничтожение имени Амона было не чем иным, как выражением религиозного рвения почитателя Атона, не является верным. Хотя он не убрал имени Амона из своего собственного имени на ранних надписях, он изменил свое имя и в дальнейшем называл себя Эхнатом вместо Аменхотепа.

Одним из ранних последователей Фрейда, признанным им наиболее талантливым среди прочих, был Карл Абрахам. Он умер рано, и поэтому его имя не так хорошо известно, как имена других учеников Фрейда. Первому тому книги Фрейда «*Imago*», опубликованному Фрейдом в 1912 году, Абрахам предпослал эссе «Аменхотеп IV (Эхнатон)». Он обнаружил в фараоне-еретике враждебность по отношению к отцу и столь же сильное влечение к матери.

Абрахам следовал ошибочной хронологической схеме, согласно которой Эхнатон вступил на трон в возрасте десяти лет. Ошибка возникла из-за того, что мумия какого-

¹ N. de Garis Davies, «Akhenaten at Thebes», *Journal of Egyptian Archaeology*, IX (1923), p. 139, n. 2.

то принца, имевшего в момент смерти двадцать четыре года, но явно не больше двадцати семи, была неправомерно признана мумией Эхнатона; а поскольку Эхнатон царствовал около семнадцати лет, был сделан вывод, что он стал царем в возрасте десяти лет. Следуя той же самой схеме, следовало бы заключить, что Эхнатон порвал с культом Амона в возрасте четырнадцати лет и после этого написал гимн, который мы цитировали и который также был расценен как необычно зрелый для его возраста.

Абрахам утверждал, что десятилетний мальчик, вступив на престол, должен был полностью находиться под влиянием матери. «Его либидо с необычайной интенсивностью сконцентрировалось на матери, и его отношение к (умершему) отцу стало в равной степени резко негативным».

В религиозной реформе Эхнатона доктор Абрахам видел бунт против отца или, точнее, против памяти об отце. Эхнатон разбил имя отца на всех надписях, которые могли попасться ему под руку; он также уничтожил имя бога Амона и обратился к почитанию Атона. Обычно считали и до сих пор считают, что это разрушение имени божества было следствием религиозного пыла и ничем больше. Но Абрахам утверждал, что имя Амона было ненавистно молодому царю, потому что оно содержалось в имени его отца — Аменхотепа. «Он стер имя Амона и имя своего отца Аменхотепа со всех надписей и монументов». В этом «очищающем» действе, так же как в изменении собственного имени Аменхотеп на Эхнатон, высвечивалась скрытая ненависть сына к своему отцу. «Его острейшая ненависть была направлена против отца, до которого он не мог добраться, потому что его уже не было в живых». Стерев имя отца, царь пытался стереть память о его правлении. Если уничтожалось личное имя человека, его *ка*, или душа в загробном существовании, также была обречена на разрушение.

Когда Ти умерла, Эхнатон не похоронил ее рядом с ее мужем. «Соперничество с отцом за обладание матерью продлилось и после смерти...»

По мнению Абрахама, монотеизм Эхнатона был всего лишь сублимацией его ненависти. Вместо отца он по-

клонялся солнцу — единственному светилу дневного неба. «Он сделал Атона единственным божеством по очевидной ассоциации со своим отцом...». Корни его религиозной реформы — в отрицании его родственной связи, вместо нее он создал возвышенный идеал силы. Он называл себя «сыном Атена», отвергая таким образом свое истинное происхождение.

Каким бы ни был истинный и скрытый источник религиозных новаций Эхнатона, Абрахам тоже считал его великим реформатором и пророком. При Эхнатоне боги не изображались в образах животных, но не почитались и в человеческом облике. «Таким образом, он был предшественником монотеизма Моисея» и еще в большей степени — предшественником Христа: «Идея бога у Эхнатона ближе к христианскому пониманию, чем к Моисею»¹. В этой оценке Абрахам предвосхищал Фрейда.

(Хронологическая истина состоит в том, как я это продемонстрировал с помощью обширного материала в книге «Века в хаосе», что Эхнатон не был ни учителем, ни современником Моисея, а принадлежал к гораздо более позднему поколению).

Абрахам ясно увидел эдипов комплекс в Эхнатоне, однако он считал, что Эхнатон жил в моногамном браке со своей царицей Нефертити и что этот комплекс был только комплексом. Он не заметил, что Эхнатон не только страдал от эдипова комплекса, но был прототипом самого Эдипа. Эхнатон не только испытывал влечение к собственной матери, как это бывает у многих невротиков, но к тому же и обладал ею. Это мы собираемся доказать на последующих страницах. Если мы правы, то история Эхнатона — это и есть история Эдипа.

В четвертый год своего царствования Эхнатон решительно порвал с жрецами Амона. Это был внезапный раз-

¹ *Imago*, I (1912), 346—47. Последняя цитата содержит точку зрения Вейгелла в формулировке Абрахама.

Перевод заметок Абрахама был опубликован в *Psychoanalytical Quarterly*, IV (1935), 537—69.

рыв. Возможно, оракул сделал какие-то предсказания, неблагоприятные для царя, как утверждают некоторые ученые¹. Надпись, которую он составил на обелиске в месте, отведенном для его новой столицы, ныне поврежденная, гласит:

«Ибо существует Отец Гор-Атон... более злы они, чем те, кого я слышал в год четвертый, более злы они, чем те, которых я слышал в этот год, более злы они, чем все те, которых царь... слышал...»

Монархия и теократия столкнулись. Эхнатон решил завершить разрыв и вернуть Фивы к тому состоянию, в каком они находились до начала Нового царства и культа Амона как верховного бога.

Удушающая атмосфера заведомо священного города, где были закрыты восемь огромных храмов Амона, откуда было выселено духовенство и смещены с постов знатные лица прежнего царствования, сделала жизнь в Фивах поистине безрадостной. Для Эхнатона в Фивах не было ничего святого: самую священную для египетского царя вещь, мемориальную табличку своего отца, он безжалостно разрушил. Это было равносильно убийству, поскольку, по мнению египтян, человеческая душа может жить после смерти, но не обязательство и не при всех обстоятельствах обладает бессмертным существованием. После того как человек умирал, его рот должен был быть открыт особым образом, чтобы освободить душу и возродить ее для новой жизни. Но уничтожая имя и надгробие, человек мог похитить мертвого у вечности: «В Древнем Египте уничтожение личного имени означало уничтожение самого человека» (Гардинер). Следовательно, то, что сделал Эхнатон со своим отцом, в глазах египтян было равно убийству или даже хуже: убитого человека могли воззвать к жизни в Полях Блаженства, но если он был убит там земным способом, то он не имел дальнейшего существования.

Святотатство по отношению к своему небесному отцу и его земному родственнику могло повлечь за собой слова

¹ N. de Garis Davies, *The Rock Tombs of el-Amarna* (1903—8), V, 30—31.

оракула, в которых царь был проклят за отцеубийство. Скорее всего он имел в виду именно это проклятие, когда говорил о злых речах, которые он услышал от злых жрецов в четвертый год своего царствования, что подвигло его покинуть свою столицу Фивы, полностью порвать с культом Амона и поискать места для новой столицы, из которой должны были быть изгнаны жрецы Амона. Он оставил после себя новый храм Атона в Фивах, огромные дворцы столицы были закрыты, и молодой царь повернул лицо на север, в окрестности Гелиополиса, в древний Он, где жрецы и пророки считали себя обойденными и полагали, что их могущество было сокрушено культом Амона, который стал господствующим только несколько поколений назад.

Эхнатон даже не знал, что он был сыном Аменхотепа III. Если бы Ти не упоминалась как его мать и если бы в нескольких письмах эль-Амарны о нем не говорили как о сыне Ниммурии (искаженная форма от Небмара или Небмаатра), о его родстве с Аменхотепом III можно было бы только догадываться. Он никогда не называл себя «сыном Аменхотепа» или «сыном Небмара». Первое имя он уничтожал, где бы его ни встретил, а второе применял к себе, хотя писал его иначе. Это имя он любил, потому что оно содержало слово «истина», которое он сделал геральдическим девизом своей жизни. Рядом со своим именем он обычно писал «живущий в истине» — *ankh-em-Maat*.

В древней истории были известны и другие примеры, когда сын добавлял имя умершего отца к своему собственному. Но в случае Эхнатона не было никакой сыновней почтительности: наоборот, Эхнатон отверг свое истинное происхождение, заявив, что его отцом было солнце. Он был сыном солнца.

«Царь Юга и Севера, который живет в Истине, Властелин Двух Земель, Сын Солнца, который живет в Истине, Властелин Корон, Эхнатон, великий во времени». Атон, солнце, «обнимает своего Сына, своего любимца,

Сына Вечности»¹.

В этой связи любопытно, что Эдип, отцом которого обычно считали Лая, также назывался в некоторых древних источниках сыном Гелиоса (солнца)². Происхождение Эдипа от Лая — это важнейший элемент легенды; такое немотивированное изменение родословной легендарного героя кажется странным, но оно вполне понятно, если прототипом этого легендарного героя был Эхнатон.

Царский сын и потомок бога Ра, подобно другим фараонам до него, он в своем стремлении к обожествлению скоро стал претендовать на равенство со своим небесным отцом — Атоном, солнцем.

«Ты принадлежишь вечности, как Атен, прекрасен, как Атен, который дал жизнь ему, Нефер-кхеперура (Эхнатону), который создал человечество и дал жизнь поколениям. Он пребывает на небесах, где пребывает Атен»³. Так писал его министр иностранных дел в панегирике царю.

Далее Эхнатон настаивал, что он создал себя сам, как Ра. О Ра-Амоне говорилось, что он был «мужем своей матери». «Излюбленный конкретный образ для выражения самосотворения и независимого существования (был) — «муж своей матери»⁴. Он претендовал быть Ра-Атоном и с этим намерением завладел именем своего отца Небмара (Небматра), как будто сам был собственным отцом.

¹ N. de Garis Davies, *The Rock Tombs of el-Amarna*, p. 16.

² «Auch ein Helios wurde als Vater des Oedipus genannt». L. W. Daly, in Pauly-Wissowa, *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, article «Oedipus», Vol. XVII, Col. 2108. Cf. also W. H. Roscher, *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, article «Oedipus» by O. Höfer, Vol. III, Cols. 703, 708.

³ The Tomb of Tutu (Davies, *The Rock Tombs of el-Amarna*, VI, 13).

⁴ W. M. Flinders Petrie, *Egyptian Tales* (XVIII — XIX Dynasties) (1895), p. 125—26. More properly translated «bull of his mother».

Город Солнца

На пятый год своего царствования Эхнатон переместил свою резиденцию из Фив, местонахождения верховного жреца Амона в храме Карнака, в новую столицу Ахет-Атон. Название новой столицы означает «место, где восходит Атон» и произносилось почти точно так же, как новое имя, принятое царем. Он избрал место для этого города на середине пути между Фивами и Мемфисом на восточном берегу Нижнего Нила. Скалы высокогорья восточной пустыни отступали от реки, образуя низменность около восьми миль в длину и трех миль в ширину. То тут, то там ущелья пересохших рек прорезали горы и несколько раз в год приносили воду ливней из пустыни, тянувшейся к Красному морю.

Эхнатон выбил на скалах барельефы — на юге, севере и востоке — как своего рода пограничные отметки: «Поскольку жив мой отец Атен, я построю Ахетатен для Атена, моего отца, в этом месте. Я не возведу для него Ахетатен ни к югу, ни к северу, ни к западу, ни к востоку от этого места... И площадь внутри этих четырех барельефов — это и есть место Ахетатена; он принадлежит Атену, моему отцу; горы, пустыни, луга, острова, верхние и нижние земли, суша, вода, деревни, люди, звери и все, чему отец мой Атен даст вечное существование. Я не нарушу этой клятвы, которую я принес отцу моему Атену навеки»¹.

Еще больше обелисков было установлено на западном берегу Нила, охватывающем обширную территорию плодородных земель для пашен и пастбищ. В течение нескольких лет на восточном берегу поднялся город; строительство продолжалось лихорадочными темпами. Поскольку известняк ближайших скал оказался низкого качества, пористым и крошащимся, город был выстроен главным об-

¹ Цитаты даны в отрывках из текстов на барельефах Пэндлбери *Tell el-Amarna* (1935), p. V. Полные тексты на барельефах приводятся у Дэвиса, *The Rock Tombs of el-Amarna*, V.

разом из саманных кирпичей, но самые значительные здания облицовывались камнем.

Большой столичный город, растянувшийся на пять миль, был спланирован и выстроен. Эхнатон возвел дворцы и дома для своих фаворитов и выстроил для себя и для них погребальные покои, потому что загробная жизнь была предметом особой заботы почитателей Атона, как и почитателей Амона. С севера на юг были проложены широкие улицы, идущие параллельно Нилу. В южной части города Дорога Царя проходила мимо прекрасного дворца фараона — Мару-Атона. В его павильонах стены и полы были окрашены в веселые цвета, и рядом было озеро, судя по изображениям, богатое рыбой, зарослями тростника, лотосами и водяной птицей. Продолжаясь далеко к северу, Дорога Царя проходила между Царским Домом и Дворцом государства. Этот дворец по площади был самым грандиозным светским зданием древнего мира. Фронтон его достигал 700 метров (2200 футов) и выходил на Дорогу Царя. Между Царским Домом и Дворцом государства дорогу пересекал виадук в форме арки, и здесь, вероятно, находилось Окно Появления, в котором фараон обычно являлся перед своими подданными и из которого он раздавал подарки своим фаворитам.

К востоку от Дороги Царя и параллельно ей протянулась Дорога Верховного Жреца с домами знати, а еще дальше к востоку проходила Восточная Дорога; все эти главные артерии соединялись многочисленными улицами, расположенными по отношению к ним под прямым углом.

К северу от Дворца государства находился Великий Храм Солнечного Диска, а к востоку от дворца — Малый Храм (Хат-Атон). Здесь, как было установлено, должен был находиться центр нового религиозного культа. Неподалеку, в правительственных кварталах, располагались Палата Чужеземной Дани, Царские Склады, Налоговая Контора, Царская Канцелярия, Служба Иностранных дел и архив, или «Место Переписки Царя», согласно печати на его кирпичях. Рядом располагалась Академия — «Дом Жизни» — где писцы обучались своему будущему ремес-

лу, а чиновники — искусству управления. Дома жрецов находились рядом с храмом, а чиновники жили вблизи своих контор. Далее к востоку располагались склады, полицейские учреждения, оружейные хранилища, площадь для парадов, вымощенная булыжником, и пост «летучего отряда» — колесницы, в любой момент готовые к действию. Дороги всегда были открыты для колесниц летучего отряда. На южной стороне располагались службы и дома визиря, верховного жреца, коменданта, конюшего, кварталы скульпторов, а неподалеку от них — мастерские стекольщиков.

В Северном городе находились большие здания и Северный Дворец с красивыми стенными росписями, изображавшими жизнь болотных птиц, на его территории были рыбные пруды, птичники и конюшни. Еще дальше к северу располагалась большая двойная стена с воротами, а над воротами в стене располагалась комната. У нас будет повод еще раз упомянуть о ней.

На протяжении десятилетий после первой научной экспедиции, а скорее просто экскурсии, проведенной в девятнадцатом веке, сюда приходили с лопатами археологи из многих стран, велась работа, но еще большие пространства города Эхнатона предстоит исследовать будущим поколениям археологов. Поскольку город оставался обитаемым всего в течение пятнадцати лет, археологи избегли кропотливой и часто тяжелой работы, с которой они сталкивались в других местах, — отделения различных уровней заселения. В Ахет-Атоне было найдено множество ценных керамических изделий; они прибыли из Микен в материковой Греции, или по крайней мере были продукцией тех самых мануфактур, которые были обнаружены в Микенах. Археологи назвали одну из улиц Ахет-Атона «Греческой» из-за обилия подобных изделий¹. На основе этого эпоха царя Эхнатона была признана синхронной микенскому периоду в Греции, а микенский период был установлен в соответствии с хронологической шкалой Египта.

В этой своей новой столице, вдалеке от удушающей атмосферы Фив с их закрытыми храмами и безработным

¹ Н. Frankfort and J. D. S. Pendlebury, *The City of Akhenaten*, Part II (1933), p. 44.

духовенством, Эхнатон вел безмятежную жизнь властителя, обожаемого подданными, в кругу своей семьи, в живом общении с дипломатами и послами, участвуя в храмовых богослужениях, путешествуя со своей царицей Нефертити в золотой царской колеснице и осыпая своих фаворитов царскими дарами.

Одной из самых известных находок в Ахет-Атоне была знаменитая раскрашенная голова Нефертити, красивая, увенчанная короной голова на высокой шее, ныне, вероятно, известная более, чем всякая другая воплощенная в скульптуре голова древности или нашего времени. Она была найдена немецкой археологической экспедицией, и долгое время после своей смерти Нефертити не только вызывала восхищение, но была причиной споров и раздоров и напряженных международных отношений. Согласно условиям лицензии на проведение раскопок, первое право на обладание обнаруженными объектами принадлежало египетскому Департаменту Древностей, чтобы Национальный музей в Каире мог пополняться. Только копии, слепки и другие менее ценные находки могли оставаться у археологов и вывозиться в их страны; считалось, что они должны извлекать прежде всего научные выгоды — открытия, описания объектов и публикации. Этой прерогативой немецкая экспедиция пренебрегла, и хотя прошло более четырех десятилетий, кроме предварительных сообщений, полный научный отчет не был представлен ни научной общественности, ни публике в целом. «Вследствие того факта, что немцы обнародовали свои результаты лишь в самой предварительной и несоответствующей требованиям форме, найденные ими объекты могут считаться всего лишь добычей, награбленной в результате случайных раскопок, и научные сведения, приобретенные в ходе этих работ, следует признать утраченными»¹.

Но добыча оказалась стоящей. Все находки были разложены на длинных столах, и голова Нефертити оказалась посреди многих слепков и фрагментов, не представлявших особой ценности. Директор египетского Департамента

¹ Pendlebury, *Tell el-Amarna*, p. 168.

Древностей сам не просматривал эти материалы, так как ни о какой важной находке не было заявлено; вместо себя он послал молодого ассистента, который дал разрешение на вывоз этой головы из Египта вместе с остальной массой глиняных черепков. Привезенная в Берлин, она была выставлена как шедевр искусства, сфотографирована и воспроизведена во многих периодических изданиях. Египетское правительство воспыало гневом. Король Фуад сам обратился с запросом, а потом потребовал возвращения скульптуры, но немцы не имели намерения это исполнить, и поэтому в течение многих лет дипломатические отношения между двумя странами оставались напряженными.

Голова Нефертити, пережившая столько превратностей, вынуждена была также стать свидетельницей и пережить *Götterdämmerung*. В конце второй мировой войны все люди искусства вздохнули с облегчением, когда радио возвестило, что Нефертити прошла через все это невредимой.

Скульптура была особенно любима царем Ахет-Атона. Ни в одном другом месте не было найдено столько изображений из глины и камня. Но большей частью это были изображения его самого и членов его семьи.

В могилах, предназначенных для знатных семей Ахет-Атона, стены обычно украшались фигурами фараона и членов его семьи. Обитатель могилы тоже был представлен в виде очень маленькой в сравнении с царем фигурки, получающей знаки благоволения из рук последнего. Это помпезное зрелище дополнялось сценами придворной жизни и сельских будней.

На этих барельефах царь обычно появляется вместе со своей царицей Нефертити, часто в сопровождении дочерей. Эхнатон постоянно изображался в позах, демонстрирующих особую привязанность к жене, и тела августейшей пары представляли покрытыми всего лишь тонкими туниками, так что грудь и живот царицы были открыты взору каждого. Это очевидная демонстрация эксгибиционизма, а в том особом удовольствии, которое получал царь, стремясь быть изображенным на портретах тысячи раз, обна-

руживается нарциссизм, или самообожание. (В этом отношении любопытно, что мы имеем больше изображений Эхнатона и его семьи в скульптуре, барельефах и живописи, чем всех английских королей и королев вместе взятых, начиная с Вильгельма Завоевателя до нынешней королевы; еще большее их число было безвозвратно утрачено в результате бессмысленных разрушений). Специфические особенности внешности Эхнатона: сильно вытянутая голова с глубоко посаженными глазами на очень тонкой и длинной шее, плоская грудная клетка, обвислый живот, бедра, такие же раздутые, как живот, — нисколько не сглаживались художниками. Наоборот, они подчеркивались и стали своего рода знаком царского отличия. Царские прислужники на барельефах не имеют таких черепов, шей, животов и бедер.

Рядом с царем и царицей часто изображались их дочери. На некоторых барельефах в могилах Ахет-Атона изображены две дочери Эхнатона, на других — четыре, а в ряде случаев — шесть. У молодых принцесс, еще девочек, те же резко вытянутые головы на тонких шеях, и эти головы, для чего-то выбритые, еще с большей четкостью демонстрируют эту необычную форму. В сценах частной жизни или на официальных приемах царь, царица и их дочери составляют группу, которая поражает внутренней теплотой семейных отношений. Царь обнимает царицу за плечи и касается ее сосков кончиками пальцев. Эта публичная демонстрация любви есть нечто совершенно неведомое в жизни фараонов, насколько мы можем представить ее через египетское искусство. За исключением Эхнатона, они не оставили собственных портретов в обнаженном виде.

Царь любил свою красивую жену, был привязан к своим маленьким дочерям, обожал скульптуру и живопись, был одарен поэтическим талантом, испытывал чувство внутренней связи со своим божеством, любил природу, а также музыку, судя по изображениям музыкантов, играющих на своих инструментах. Из-под лопат археологов появилась столица, выстроенная для радостей жизни.

В 1887 году женой одного феллаха был случайно открыт государственный архив, который раскопали рядом с

ее хижиной и обнаружили глиняные таблички, испещренные бесконечными значками. Это были письма, написанные клинописью на аккадском языке — языке Ассирии-Вавилонии и международной дипломатии. Я уже ранее цитировал некоторые из этих писем¹. Когда некоторые из этих трехсот шестидесяти с лишним табличек были впервые выставлены для продажи, специалисты из Каирского музея и Лувра одновременно объявили их фальшивками, не имеющими никакой ценности. А ныне они бесценны.

Брат царицы

Эхнатон не вел войн и был довольно безразличен к набегам, которые совершали разные воинственные племена на его азиатские владения. Письма из Сирии и Палестины постоянно обращали его внимание на опасность, которой подвергались все его азиатские провинции, становившиеся добычей захватчиков — воинственного царя с севера и разбойничьих банд с востока. Но Эхнатон был сосредоточен на собственных удовольствиях: строительстве столицы, сочинении стихов и семейной жизни.

Не прошло и полутора десятков лет, как Ахет-Атон был оставлен, чтобы его погребли пески пустыни. Только в 1891—1892 гг. из-под хибар случайного поселения кочующего племени бедуинов экспедиция Петри постепенно докопалась до города Ахет-Атон. От дворцов и домов над песками пустыни не осталось ничего. Один за другим появлялись на свет помещения святилищ, дворцы, мастерские художников и места увеселений. Но похоронные покои никогда не были скрыты от глаз человека; эти пустынные каменные комнаты были известны задолго до самой столицы. Они были выстроены до того, как было закончено

¹ Письма были опубликованы в классическом издании с немецким переводом скандинавским ученым И. А. Кнудсоном (1915); английский перевод был сделан С. А. Б. Мерсером, «Таблички эль-Амарны» (1939). Они были предметом детального исследования в книге «Века в хаосе», I.

строительство самого города. Для египтянина важнее было иметь вечный дом, а не жилище; вся его философия жизни была ориентирована на загробное существование.

Могильные помещения для знати были выбиты в окружающих скалистых горах. Их две группы: одна на юге, а другая на севере. Эти захоронения были в основном устроены по образцу могил в Фивах периода восемнадцатой династии. Входная дверь открывалась в обширный зал, крыша которого часто поддерживалась колоннами, оставленными в твердой горной породе в то время, когда высеклась могила. Кроме этого зала, имелась комната со статуей хозяина могилы. Эта комната сообщалась с залом или непосредственно, или через переднюю. Сама могила располагалась обычно, хотя не всегда, в первом зале. Стены похоронных покоев украшались картинами, на которых все телодвижения были переданы с реализмом, непривычным для эпохи Нового царства. Из-за этих картин данные захоронения представляют особый интерес для египтологов и всех, кто интересуется историей и искусством.

Южная группа захоронений состоит из могильных покоев Туту, «Глашатая чужеземных стран»¹, Мау, начальника жандармерии, Апи, царского писца и камердинера; Нефер-Кеперу, правителя Ахет-Атона; Ман, царского канцлера и носителя опахала царской правой руки; Сутау, надсмотрщика казны; Сути, знаменосца; Ани, писца алтаря Атона (очень старого человека, судя по его изображению); Паатенемхеба, главнокомандующего, и нескольких столь же важных сановников.

Все они были весьма видными представителями аристократии, наделенными важными функциями при дворе, в административной сфере, в армии или при храме.

Среди этих подарочных могил для знати одна была приготовлена для человека по имени Пареннефер, который имел низкое происхождение и, вероятно, скудное образование или вообще не имел такового; она была высе-

¹ О его роли в сирийской и палестинской политике см. в книге «Века в хаосе».

чена в скале рядом с могилой верховного жреца Атона. Согласно настенным росписям, он получил и другие знаки царского благоволения. Жена Пареннефера изображена в тот момент, как она встречает своего счастливого мужа после получения царских даров и почестей.

Г. Ранке, выдающийся немецкий египтолог, недоумевал по поводу такого возвеличивания Пареннефера: «Создается впечатление, что такие милости оказаны ему в связи с какими-то прежними отношениями с царем, которому он служил, когда царь был еще ребенком. Скорее всего он был простым слугой, слугой с «чистыми руками»; его уравняли с самыми знатными гражданами эль-Амарны¹.

Это единственное сохранившееся свидетельство об Эхнатоне-ребенке. Оно не столь важно, за исключением того факта, что Эхнатон, о котором ничего неизвестно, даже по косвенным данным, до того времени, как он занял трон, испытывал такую глубокую благодарность к какому-то слуге, который очень давно, во времена раннего детства царя, оказал ему некую услугу. Наши мысли невольно обращаются к тому слуге, который играл решающую роль в спасении жизни младенца Эдипа.

Миф об Эдипе рассказывает о слуге, который отнес новорожденного принца в пустыню с приказом бросить его там; но слуга отдал ребенка пастуху, а позже доставил его в Коринф.

Не был ли «простой слуга» с «чистыми руками», который получил высшие почести от царя за услугу, оказанную, когда царь был еще ребенком, тем самым человеком, память о котором сохранила легенда?

Самая южная могила в скале была выстроена для Аи. Хотя она осталась незавершенной, вполне очевидно, что она должна была стать «красивейшей среди всего некрополя»². Три ряда по четыре колонны в каждом были спланированы с каждой стороны центрального нефа первого зала, но работа над западной стороной только началась.

¹ A. Erman—H. Ranke, *Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum* (1923), p. 133—34.

² Pendlebury, *Tell el-Amarna*, p. 54.

Стены были подготовлены к тому, чтобы на них высекали изображения, но только одна стена оказалась заполненной картинами: на ней были представлены Аи и его жена, Ти, принимающие дары от Эхнатона и Нефертити. «Об их близости царской семье свидетельствовало не только присутствие Ти — единственный пример женщины, удостоенной таких почестей, — но также и то, что царь и царица, так же, как и принцессы, по-видимому, были полностью обнаженными». В следующих сценах дары, полученные Аи, показывались изумленным зрителям. Пендлбери так описывал эти картины: «Привратники дома Аи слышат звон колокольчика и посылают мальчишек узнать, что происходит. «Кому ты так радуешься, мой мальчик?». — «Большая радость принесена Божественному Отцу Аи и Ти. Их осыпали золотом!». Часовой сказал мальчугану: «Спеши взглянуть на безмерную радость, узнай, кто это и тут же возвращайся!». Ребенок помчался крича: «Я готов это сделать! Слушайте меня!» Другой часовой услышал эту новость и сказал своему другу: «...Ступай, и ты увидишь, какое благо сотворил Фараон (Жизнь! Процветание! Здоровье!) для Аи, Божественного Отца, и Ти. Фараон (Жизнь! Процветание! Богатство!) дал им миллионы слитков золота и всякое богатство!»¹

На встречу с царской четой Аи отправился вместе с триумфальной процессией, в сопровождении свиты слуг, военной стражи из чужеземных войск и десяти писцов, чтобы они могли записать все события этого дня.

Нет сомнения в том, что Аи был самым влиятельным государственным деятелем во времена Эхнатона. Его власть даже усилилась в эпоху Тутанхамона, а после безвременной смерти последнего он стал фараоном Египта, хотя не был принцем по рождению.

Титулами, которые получил Аи, когда служил Эхнатону в Ахет-Атоне (эль-Амарне), были Отец Бога, или Божественный Отец, Хозяин Лошади (или начальник колесниц), «тот, кому доверял добрый бог (фараон) на целой земле», «первый из соратников царя» и еще несколько. Его жена Ти именовалась «главной кормилицей цари-

¹ Там же, с. 55—56.

цы», в том смысле, что она ее вырастила. Множество предположений было высказано относительно причин удивительного возвышения Аи, значения титула «Отец бога (царя)» и значения титула его жены. Совершил ли Аи восхождение из-за положения своей жены во дворце? Но это положение не было столь значительным, чтобы помочь ее супругу стать сначала визирем, потом регентом и наконец царем. До Аи титул «Отец царя» был закреплен за Иуиа, отцом царицы Ти и свекром Аменхотепа III.

Если мы находимся на верном пути в наших поисках истоков легенды об Эдипе в последние годы правления восемнадцатой династии, тогда Аи явно был прототипом Креонта, имевшего влияние в Фивах после смерти Лая и в момент появления Эдипа. Это Креонт отдал свою сестру, царицу, Эдипу; это он занимал самое блестящее положение в государстве сразу после самого царя; это он принуждал Эдипа занять освободившийся трон и правил страной в годы юности Этеокла; наконец, именно он после безвременной кончины царя сам стал царем.

Но это также должно означать, что Аи был братом царицы Ти. Я не мог этого утверждать и потому упоминаю об этом единственно для того, чтобы установить необходимую параллель. Поэтому мне чрезвычайно приятно было узнать, что такой вывод сделан, и совсем недавно, Сирилом Олдредом, который в 1957 опубликовал статью в «Журнале египетской археологии» о родственных связях Аи с царским домом¹. С помощью очень хорошо подобранного материала он показал, что Аи был сыном Иуао и Туа и братом царицы Ти. Таким образом, Аи носил те же титулы, знаки отличия и должности, что и Иуао, с той разницей, что он выполнял обязанности жреца в храме города Екмим — поручение, которое «объяснимо, поскольку Аи служил Эхнатону и его богу». Но когда Аи стал царем, он обнаружил особый интерес к Екмиму, построил здесь, в горах, часовню в честь Мина, «возможно, потому, что здесь было место его рождения, или семейный очаг,

¹ C. Aldred «The End of the el-Amarna Period», *Journal of Egyptian Archaeology*, XLIII (1957), 30—41.

и он желал почтить свое местное божество».

Аи, подобно Иуао — и сходство этих ласкательных имен, принятых в их семье, также заслуживает внимания, — имел приготовленную для себя могилу еще во времена Аменхотепа III в Долине Царей близ Фив, могилу, в которую позже был положен Тутанхамон, как выяснил Энгельбах, и которая была расположена всего в ста пятидесяти ярдах от могилы Иуао. Правда, не существует надписи, в которой Аи сообщает, что он сын Иуао или еще чей-нибудь, и в связи с этим Сирил Олдред писал: «Печально, что на уровне наших нынешних знаний теория, согласно которой Аи был сыном, а возможно и вторым сыном Иуао, должна покоиться лишь на косвенных данных; но если эта родственная связь будет подтверждена, а отсюда следует, что Аи был братом царицы Ти, то это объяснит многое из того, что в ином случае остается неясным в истории последних лет восемнадцатой династии...»¹

Олдред решил эту проблему правильно, и с его стороны было скромностью считать свое мнение лишь предположением. Вся обстановка, насколько она известна нам из греческого цикла мифов о фиванском царском доме, также указывает на Аи как на родного брата царицы.

Но Олдред решил еще одну проблему, а именно: Аи был отцом царицы Нефертити. Это также подтверждалось ранними авторами, к примеру, Вейгеллом² и Борхардтом. Аи имел тот же самый титул, «отец бога», или «Божественный отец», как до него Иуао, а этот титул, как выяснил Олдред, означает «тесть царя».

¹ C. Aldred, «The End...», p. 35.

² Weigall, *The Life and Times of Akhnaton*, p. 48.

Мать и жена царя

Самая северная могила в северной группе захоронений, подаренных царским фаворитам при их жизни, была вырыта в горах для Хуа. Судя по настенным росписям и надписям в месте, приготовленном для его вечного покоя, он должен был быть очень важным чиновником¹. Росписи также говорят о том, что не все в жизни Эхнатона было гладко и спокойно.

На двенадцатый год его царствования обострился конфликт, который долго вызревал. Семейная жизнь царя, казавшаяся столь идиллической, превратилась в трагедию. Именно картины и надписи в могиле Хуа позволяют нам в этом убедиться.

Барельефы в его могиле отличаются от барельефов в других могилах Ахет-Атона в том отношении, что, кроме царя Эхнатона, его жены и детей, на них постоянно присутствовала мать царя Ти. Похоже, что она действительно играла главную роль. Ни одна другая могила в Ахет-Атоне не содержит столько информации о жизни царской семьи, как могила Хуа. Он был «Управляющим Двора, Казны и Гарема Великой Царской Жены Ти». Эти его три должности много раз повторялись в надписях его захоронения. Чаще всего в перечислении обязанностей Хуа упоминалось: «...и Гарема Царской Матери и Великой Царской Жены Ти». Он находился на службе у Ти.

Название «Мать Царя и Великая Царская Жена» применительно к вдовствующей царице обычно толковалось в том смысле, что она была царицей-матерью царствующего монарха и царской женой умершего фараона, но подобное объяснение не до конца проясняет некоторые особенности титула Ти.

Могила Хуа была построена в двенадцатый год царствования Эхнатона; текст на некоторых барельефах начинается со слов «Год 12» (например, «Год 12, второй месяц зимы, восьмой день»). Аменхотеп III, отец Эхнатона,

¹ Davies, *The Rock Tombs of el-Amarna*, III (1905).

умер почти двенадцать лет назад. Итак, спустя столь много лет после его смерти его вдова сохраняла гарем для покойного монарха. Это понять трудно.

Хуа, согласно изображениям и надписям, был назначен на свои должности при Эхнатоне. Для чего было царю назначать Хуа на должность «управляющего гаремом» Ти, матери царя, вдовствующей царицы?

Гарем матери царя и царской жены Ти находился в Ахет-Атоне, столице, основанной через четыре года после смерти Аменхотепа.

Согласно восточному обычаю, главная жена царя, его царица, содержала гарем для своего мужа. Отсутствие ревности со стороны царицы, которая снабжала царя наложницами, было на Востоке делом обычным. Мы сталкиваемся с этим обычаем в доме юного патриарха Иакова, жены которого Лия и Рахиль соперничали друг с другом и обычно посылали своего общего мужа к служанкам. Их взаимная ревность, будучи выражена в количестве потомства, которое могли произвести какая-нибудь из жен и ее служанка, была направлена на усиление плодovitости царской жены и ее служанки. В царском гареме Египта безразличие к тому, что современная европейская женщина считала бы своим священным правом, было достаточно распространенным, хотя и не с целью увеличить потомство. Самое загадочное состоит не в том, что Ти содержала гарем для своего мужа, а в том, что она содержала его в течение двенадцати лет после того как овдовела, что он был выстроен в новой столице, до лицезрения которой ее муж не дожил нескольких лет, и что царь Эхнатон, ее сын, который выстроил ее гарем, еще и назначил управляющего этим новым заведением.

Красота вдовствующей царицы была восславлена в надписях могилы Хуа: «Хвала твоей Ка (душе), О Владычица Двух Земель, которая освещает Две Земли своей красотой, Мать Царя и Великая Царица Ти». Ее благословляют «с удовольствием и восторгом каждый день».

Среди барельефов в могиле Хуа есть два, изображающие праздничный обед в царском семействе: на обоих

Эхнатон сидит напротив Ти; позади него сидит Нефертити. Это могло быть какое-то представление, а может быть, какие-то переговоры, сопровождавшиеся угощениями. На одной из этих росписей «Эхнатон хватает кость с жареным мясом длинной со свою руку, а Нефертити устремляется прямо к аппетитной птице». У Эхнатона и Нефертити простые прически, в то время как Ти увенчана двойным плюмажем и рогатым диском. Перед Ти стоит еда, но она не ест. Две маленькие принцессы сидят рядом с Нефертити, а одна сидит рядом с Ти. Последняя маленькая принцесса, Бекетатен, долгое время считалась самой младшей из детей Эхнатона и Нефертити.

Старшей дочерью царской четы была Меритатен, которая позже царствовала как жена Саанехта; на барельефе, изображающем пир, она еще девочка лет шести-семи. Второй дочерью была Мекетатен, которая умерла молодой. Когда она умерла, царственные родители горевали, и придворный художник изобразил их на стенах ее могилы скорбящими об утрате. Третьей дочерью была Анхесенпаатен, которая позже царствовала как жена Тутанхамона. Четвертая, а иногда пятая и шестая дочери были изображены на барельефах в различных захоронениях Ахет-Атона и на семейном портрете, который был обнаружен среди развалин дворца в этой столице. Маленькая Бекетатен изображена только на росписи в могиле Хуа в сцене пира и в некоторых других. Из этих сцен можно заключить, что младшая дочь Эхнатона была его любимым ребенком.

Флиндерс Петри, египтолог, писал: «Принцесса Бекетатен обычно считалась седьмой и самой младшей дочерью Эхнатона. Она изображается, однако, в захоронении, относящемся к двенадцатому году его царствования, и всего через шесть лет после рождения его второй дочери; и она появляется среди дочерей, которых четыре или шесть, отсюда трудности в определении ее положения...». Петри решил эту проблему, доказывая, что Бекетатен была не младшей дочерью Эхнатона, а дочерью Ти. Она «всегда была рядом с Ти, она сидит рядом с Ти, в то время как другие дочери Эхнатона сидят со своей матерью; только

она сопровождает Ти во время одной из процессий, где не присутствуют другие дети. Более того, она нигде не называется иначе, чем Дочь Царя, в то время как другие принцессы на всех надписях именуется как Дочери Нефертити. Таким образом, судя по ее неясному положению в этой семье, по ее постоянной близости к Ти, по отличию ее титула от титула других дочерей кажется очевидным, что она была младшим и любимым ребенком Ти»¹.

Бекетатен считалась младшей дочерью Эхнатона и Нефертити, потому что ее изображение и имя впервые появились на барельефах и в надписях Ахет-Атона только на двенадцатый год царствования Эхнатона; по росту она меньше Анхенсенпаатен, третьей дочери царской четы, как видно на одной из картин пира этого года. Она также меньше четырех маленьких принцесс в сцене над входом, история которой будет рассказана чуть позже. Божественная часть ее имени (Атен) содержится в именах дочерей Эхнатона, так же как и в его собственном имени.

Н. Гэрис Дэвис в своем описании некрополя Ахет-Атона согласился с Петри, и все остальные ученые к этому присоединились: Бекетатен не была дочерью Нефертити; она была дочерью Ти, и отсюда был сделан вывод, что ее отцом был последний Аменхотеп III, а не его сын Эхнатон.

На второй стеной росписи, изображающей сцену пира, Эхнатон и Нефертити вновь принимают Ти; у всех в руках чаши, из которых они пьют вино или какой-нибудь другой напиток. Бекетатен стоит рядом со своей сидящей матерью, Ти; две маленькие принцессы, Мекетатен и Анхесенпаатен, стоят рядом со своей матерью, Нефертити. Царица Ти вновь увенчана двойным плюмажем как эмблемой государственности; Эхнатон и Нефертити, как и на других росписях, изображены лишь с царской эмблемой кобры на лбах. О теме беседы, происходящей между Эхнатоном, Нефертити и Ти, не сообщается. В свете последних предположений создается впечатление, что открито-

¹ W. M. Flinders Petrie, *A History of Egypt* (7th ed.; 1924), II, 204.

венно обсуждается какое-то семейное дело.

В третий раз маленькая принцесса Бекетатен изображена или, скорее, предстает в процессе работы Аута, «надсмотрщика скульпторов» (буквально «оживляющих») великой царской жены Ти. Аута сидит на низком стуле перед статуей Бекетатен и прикасается к ее лицу последними мазками кисти, работая с особой почтительностью, даже теплотой. Судя по пропорциям тела, Бекетатен должна была быть маленьким ребенком.

В двенадцатый год царствования Эхнатона Бекетатен была маленьким ребенком четырех-пяти, самое большее — шести лет. Аменхотеп III умер примерно двенадцать лет назад; неудивительно, что маленькая девочка считалась дочерью Эхнатона и Нефертити. Однако когда было установлено, что она была дочерью не Нефертити, а Ти, был сделан вывод, что она была ребенком Аменхотепа III, мужа Ти.

Н. Г. Дэви считал, что нашел обоснование подобной точки зрения. На дверном пролете, ведущем во внутренние комнаты могилы Хуа, находится барельеф с двумя сценами: одна с правой стороны, другая — с левой. Дэви писал: «Я был очень склонен, подобно моим предшественникам, не уделять им больше внимания». Сцена с левой стороны изображает Эхнатона, сидящего с Нефертити. Он положил свою правую руку на ее плечо; его левая рука у нее на колене, и она повернулась к нему лицом. Четыре дочери, стоящие перед ними, обмахивают родителей опахалами. Сцена с правой стороны изображает царя, сидящего, повернувшись лицом к царице Ти. Перед Ти, положив одну руку на колено царицы, а другую протянув царю, стоит Бекетатен. Добавлены три служанки, чтобы уравновесить противоположную картину, на которой изображены четыре маленьких принцессы. Все фигуры царственных особ обнаженные.

Ти описывается таким образом: «Наследная принцесса, великая милостью, жена благодатная, очаровывающая благотворной красотой, наполняющая дворец красотой своей, Владычица Юга и Севера, великая жена царя, которую он

любит, владычица Двух Земель, Ти».

Рядом с Бекетатен написано: «Дочь царя от его плоти, любимая им, Бекетатен».

На основании этих указаний, сопутствующих барельефам, Дэви в своей опубликованной работе об этом захоронении выразил мнение, что правая сторона барельефа изображает не Эхнатона, а его отца Аменхотепа III¹. Другими словами, с левой стороны дверного проема изображены Эхнатон, его жена и дети, а с правой — его отец Аменхотеп III, его мать Ти и его маленькая сестра Бекетатен.

Дэвис признавал, что с его интерпретацией связана

¹ Надпись с левой стороны под дверным проемом перечисляет имена Царя Юга и Севера, который живет в истине, Владыки Двух Земель Неферкепуруре Уаенре, который дает жизнь, Владыки Двух Земель Небмаатра и Великой Царской Жены и Матери Царя Ти, которая живет во веки веков.

Неферкепуруре Уаенре — это имена Эхнатона, известные из различных источников; в письмах эль-Амарны Эхнатон также обычно именовался Нафурией, что является уменьшительным именем от Неферкепуруре. Дэви предположил, что Небмаатр обозначает вообще какого-то другого человека, а именно царя Аменхотепа III. Однако он добавил: «Необходимо при этом заметить, что поскольку царь (Эхнатон) становился все более и более нетерпимым к любому упоминанию о низложенных богах, имена богинь Маат и Мут не полагалось даже произносить, и потому имя Аменхотепа дается в необычной форме; в это время его имя вообще не могло быть произнесено».

Разрушив имя своего отца на всех надписях, Эхнатон обычно заменял имя Аменхотепа уменьшительным Небмаатр, и тогда полное имя читалось как Небмаатр-Небмаатр. В обоих случаях слово Маат (истина) не произносилось, но изображалось в виде фигурки богини. В данном случае оно написано буквами. На надписях к изображению с правой стороны проема «Живущий в истине» *ankh-et-Maat* непосредственно предшествует имени Небмаатра, а это прозвище Эхнатон применял только к самому себе. Точно так же «Живущий в истине» предшествует имени Небмаатра на балдахине Ти, который будет описан в этой книге позже.

«трудность согласования данной ситуации с другими свидетельствами». Царь умер больше десяти лет назад, однако на этих изображениях дочь, которую Дэвис, чтобы справиться с хронологическими трудностями, считал родившейся уже после его смерти, имеет тот же рост и возраст, как на барельефах в том же самом захоронении, датированном двенадцатым годом царствования Эхнатона. Это была только одна из трудностей. Дэвис пытался преодолеть их посредством следующего объяснения: две семейных сцены на дверном проеме показывали, «как велика была взаимная привязанность между приспособленцем-царем и его взбунтовавшимся сыном», привязанность, которая «должна была быть основана на глубоком единстве мыслей и политики». Это весьма спорное предположение. О царе, который никогда не называл себя «сыном Аменхотепа» или «сыном Небмаатра», который, более того, уничтожил имя своего отца Аменхотепа всюду, где бы его ни встречал, вряд ли можно было сказать, что он был «привязан» к своему отцу или имел с ним «единство мыслей».

Были ли эти две сцены отражением предшествующего совместного правления? Такого соправления вообще не было между отцом и сыном, вступившим на трон в полном неведении о состоянии дел в государстве в предшествующие годы и получившим совет от чужеземного царя выяснить у матери, каковы были отношения их государств во времена его отца. Сам тот факт, что сын уничтожил имя Аменхотепа III на всех памятниках и надписях перед переездом в эль-Амарну, делает гипотезу об их совместном правлении совершенно несостоятельной.

Остается только одна гипотеза метафизического характера: «Аменхотеп был мертв; но пока здравствовала его дееспособная царица, едва ли можно было считать его правление законченным, и мы можем только в формальном смысле отрицать совместное царствование (отца и сына) в этот период»¹.

Совместное царствование живого и мертвого после

¹ Davies, *The Rock Tombs of el-Amarna*, III, 16.

смерти царя?

Главный аргумент, позволяющий отождествить царя на изображении по правую руку от двери с Аменхотепом III — это присутствие Бекетатен, поскольку она дочь Ти и названа «дочерью царя от его плоти». Но присутствие на этой картине Бекетатен как раз служит аргументом против отождествления царя с Аменхотепом III. Здесь она представлена такой, какой была в двенадцатый год царствования Эхнатона, маленькой девочкой, меньше остальных четырех дочерей Нефертити, не достигшей к тому времени и семи лет. Даже если Эхнатон и мог, в символическом смысле, править вместе со своим отцом после его смерти, что весьма сомнительно, его отец не мог занять ребенка через пять лет после собственной смерти, факт которой не вызывает сомнений.

Царь на картине справа не представлен как мертвый, почитаемый живыми: луч Атона поддерживает знак жизни у его рта, а другой луч от солнечного диска поддерживает такой же знак рядом со ртом Ти.

Пендлбери также это подметил, хотя не сумел извлечь из этого никаких выводов: «Нет никакого различия между двумя группами, а это значит, что речь не идет о живом по одну сторону и о мертвом по другую»¹.

Сам тот факт, что царь изображен под диском Атона, является весьма точным указанием на то, что это Эхнатон. Более того, строение тела царя, изображенного обнаженным, с обвисшим животом, характерно для Эхнатона, а не для Аменхотепа III. Прическа, по форме округленная, отличается от прически царя на изображении с левой стороны, однако она идентична с прической Эхнатона на двух изображениях пира в этом же захоронении. Царь живой, и его поза с одной наполовину поднятой рукой и второй, лежащей на колене, почти та же самая, что и на картине, воспроизводящей пир. Позы царицы Ти на обеих картинах также весьма сходны. И в сцене пира, и на картине над входом Эхнатон и Ти

¹ *Journal of Egyptian Archaeology*, XXII (1936), 198.

сидят друг напротив друга¹.

Наконец, сама надпись рядом с царицей Ти по правую сторону от входа, указывающая, что она сидит напротив своего мужа, вряд ли относится к покойному супругу. Я повторяю этот фрагмент, на этот раз в переводе Масперо:

«Наследная принцесса, самая восславленная, милостивая жена, сладчайшая в любви своей, которая заполняет дворец своим очарованием, регентша, Владычица Юга и Севера, великая жена царя, которая любит его, Владычица обеих земель, Теи. (Ти)».

Масперо выразил свое удивление по поводу такого описания царицы Ти: «Получается так, что ее муж еще жив»².

Необычно и достаточно неделикатно говорить о вдовствующей царице, что она «сладчайшая в любви своей» и «заполняет дворец своим очарованием». Ни само имя царя, ни тот факт, что он изображен над входом со знаком жизни, который он носит, ни внешность этого царя не дают ни малейшего повода предполагать, что здесь изображен Аменхотеп III. Тот факт, что на картине изображен Атон, что имя маленькой дочери тоже содержит эту божественную часть — Атон и что о вдовствующей царице говорится как о возлюбленной царя — все свидетельствует против такой гипотезы. Известная враждебность Эхнатона к памяти своего отца — это еще один аргумент против такого предположения. Наконец, возраст Бекетатен, которая родилась через шесть — восемь лет после смерти Аменхотепа, не дает никакой почвы для утверждений, что фигура по правую сторону от входа — это Аменхотеп III. Царь, отец Бекетатен («дочери

¹ Это снимает предположение Сирила Олдред о том, что поскольку на одной стороне входа царь сидит рядом с царицей, а на другой — напротив нее, такое нарушение симметрии в расположении членов двух семей должно указывать на то, что Аменхотеп уже умер; он даже не усомнился в определении личности царя, сидящего напротив Ти.

² G. Maspero in Theodore M. Davis, *The Tomb of Queen Tiye* (1910), p. XX.

царя от его плоти») — это Эхнатон.

Если читатель все еще сохраняет некоторые сомнения в правильности такой интерпретации, другая картина из того же самого захоронения может рассеять этот скептицизм. На барельефе на восточной стене могильной комнаты царь Эхнатон ведет царицу Ти в храм; за ними следует принцесса Бекетатен. «Эхнатон нежно держит Ти (Тии) за руку, а его маленькая сестра Бекетатен следует за ними с общими алтарными дарами»¹. Две няньки сопровождают ребенка, и присутствует обычная свита приближенных и официальных лиц.

Это тот же самый состав участников, как и на правой картине над входом: Эхнатон, Ти и Бекетатен. Перед царем написано: «Ведет великую Царицу и Царицу-Мать Ти, чтобы она взглянула на свою солнечную тень»². Солнечной тенью было отделенное пространство храма. В святилище Атона в Ахет-Атоне была тень для Эхнатона, для царицы Ти и еще одна для маленькой Бекетатен.

На Эхнатоне прозрачная туника, которая позволяет разглядеть его тело: его тощую шею, обвислый живот и распухшие бедра. Ти представлена почти обнаженной; она увенчана короной из перьев и рогатым диском; очертания ее груди, живота и бедер ясно просматриваются. Эхнатон держит Ти за руку. Они движутся по направлению к внутреннему portalу храма, как влюбленные, а не как мать и сын.

«Моя жена, которая мать мне», — говорит Эдип об Иокасте. «Моя дочь, которая сестра мне», — говорит он об Антигоне.

¹ Davies, *The Rock Tombs of el-Amarna*, III, 8.

² Ibid, p. 7.

Инцест

Инцест между братом и сестрой был обычным, даже постоянным явлением при египетском дворе. При восемнадцатой династии престол теоретически, или аллегорически, наследовался не сыном, а дочерью, а сын, через брак с этой наследницей, своей родной или сводной сестрой, приобретал право на трон. Даже если эта процедура не во всех случаях имела место, она считалась желательным условием при переходе власти от отца к сыну. Такая система наследования утверждала вечность царского дома. Проявления инцеста не считались аморальными: нравственные правила, особенно в сексуальной жизни племен, кланов и классов, в большой степени зависят от местных обычаев, верований, предрассудков и традиций. В египетском языке слово «сестра» часто заменялось словом «жена»: в стихах и песнях влюбленные называют друг друга «братом» и «сестрой». Однако инцест между матерью и сыном был в глазах египтян чем-то отвратительным. Древний мир, примитивные цивилизации, современный мир — все с равным гневом осуждали и осуждают «сон порочной матери бок о бок с собственным сыном»¹. В шкале родственных связей мать стоит на первом месте, а сестра — на втором. Потомство от собственной матери в высшей степени незаконно. Нарушен естественный порядок продолжения жизни в природе, и заложенный изначально протест против имеющей глубокие корни потребности запечатлен в законах и обычаях как цивилизованных, так и нецивилизованных народов.

Мотив брата и сестры, разлученных в детстве, встретившихся и влюбившихся друг в друга, вступивших в брак и с ужасом обнаруживших, что этот брак кровосмесителен, — один из тех, что был распространен и подвергался

¹ Софокл, Антигона,

осуждению в народных сказках, легендах и современных романах. Впрочем, время от времени драма с таким сюжетом попадает на страницы газет.

Кровосмесительное влечение между матерью и сыном может быть очень сильным, но оно обычно бессознательно и часто принимает обратную форму отторжения сына от матери. В очень редких случаях имеет место инцест между матерью и сыном. Вероятно, самый известный пример — это Нерон и Агриппина, на что намекал сам император и что подтвердил Светоний, но все это могло совершаться только в фантазии Нерона, как считали другие историки (Тацит). Как актер, Нерон любил играть роль Эдипа. Но история, в которой сын берет в жены мать, не зная об их кровном родстве, не должна приниматься на веру. К примеру, в случае с Эхнатоном драма была не в том, что сын женился на матери, не зная об их кровном родстве, но в том, что он сознательно сделал свою мать супругой не только на троне, но и в постели, а также стал отцом ее ребенка.

Если сначала и существовала тайна отношений между матерью и сыном, то позже это в такой степени не скрывалось. Должно было стать частью предания, которое переросло в легенду о трагической судьбе Эхнатона и его дома то, что отношения между царем и его матерью оставались тайной лишь очень недолгое время. Гомер говорит, что союз сына и матери «очень быстро стал известен».

Царь Буррабуриас, единственный монарх этой эпохи, который осмеливался разговаривать с фараоном как высший с низшим и личность которого была установлена в книге «Века в хаосе», писал в письме Эхнатону: «Хозяйке твоего дома я послал только двадцать колец из прекрасного лазурита, потому что она не сделала для меня того, что я просил, и не помогла мне поднять голову, когда я был в глубоком горе». В то же самое время царь с севера требовал даров, которые он перечислил в длинном списке.

Хозяйкой, упомянутой в этом письме, была Ти. «Хозяйкой, о которой здесь говорилось, должна была быть Ти,

царица-мать, которая в этом случае, вопреки принятому в Египте общему привалу, играла очень большую роль»¹. Слова «хозяйка твоего дома», адресованные Эхнатону и относящиеся к его матери, Ти, означают, что эти новые отношения уже были известны во дворцах иностранных государств.

Существовали родственные узы между домом Аменхотепа III и домом царей Митанни, о чем свидетельствуют таблички эль-Амарны. Мать Аменхотепа, жена Тутмоса IV, была принцессой из Митанни — Мутемвиа. В десятый год царствования Аменхотепа III одна принцесса из Митанни, по имени Гилукипа, была отправлена в Фивы с данью и богатым приданым, чтобы стать одной из многочисленных жен фараона. К тому же часто говорилось, что один из родителей Ти был родом из Митанни. Перед окончанием царствования Аменхотепа царь Митанни послал фараону еще одну принцессу, по имени Тадукипа, но когда она приехала, царя уже не было в живых. Она оказалась в распоряжении Аменхотепа IV, который стал Эхнатомом после того, как поднялся на трон.

Близкие семейные отношения этих двух домов создают большую вероятность того, что Эхнатон, будучи выслан в детстве, следуя предсказанию оракула или, точнее, чтобы помешать сказанному пророчеству, был отправлен в Митанни к родственникам Аменхотепа и Ти.

Приблизительное местонахождение Митанни точно неизвестно. Ввиду тесных контактов между царскими домами Митанни и Египта современные историки обычно размещают Митанни в Северной Сирии, по соседству с Каршмишем на Евфрате, хотя этот регион, как хорошо известно, находился во владениях Ассирии, где части густо населенной территории занимали арамейцы, хурриты и хетты. Есть основание считать, что эта географическая позиция неверна и что Митанни находились в Северном Иране, где Геродот в пятом веке до нашей эры описывал

¹ Mercer, *The Tell el-Amarna Tablets*, note to Letter II; see also: J. A. Knudtzon, *Die El-Amarna Tafeln* (1915), p. 1031.

нарсд Матиена: этот персидский сатрап обитал около горы Арарат¹.

Хотя географическое положение Митанни может вызывать споры, религиозная принадлежность их народа известна наверняка. Цари этой страны молились и поклонялись Митре, Варуне, Индре и другим индо-иранским божествам. И эта деталь весьма важна для ситуации, которую я хотел бы прояснить. Иранцы (персы) совершенно иначе подходили к проблеме инцеста, чем другие народы древности. Они обладали религиозной этической концепцией и практикой *xvaetvadatha* или *xvetokdas*, что означает, согласно древним авторам и современным исследователям, браки между родителями и детьми и единоутробными братьями и сестрами. Древние иранские тексты рекомендуют и даже предписывают *xvaetvadatha*; в определенных религиозных церемониях может участвовать только молодой человек, это исполнивший. «Несшие покойника могут быть очищены не только мочой скота (священной коровы²), но также смесью мочи мужчины и женщины, совершивших *xvaetvadatha*³. Очевидно, инцест практиковался не только в царской семье, но и у персов различных социальных рангов⁴. О брачных отношениях персов с матерью, дочерью, сестрой с отвращением свидетельствовали Диоген Лаэртский, Страбон, Плутарх, а среди отцов церкви — Климент Александрийский и Иероним (св. Иероним). Филон Александрийский писал, что дети, рожденные от матери и сына, считались у иранцев детьми особенно хорошего происхождения, а Катулл утверждал, что волхв (жрец Мазды) — плод кровосмесительных от-

¹ Herodotus, V. 49: По этому поводу я буду говорить более подробно в продолжении книги «Века в хаосе».

² См.: «Миры в столкновении», раздел «Почитание коровы».

³ Article, «Marriage» (Iranian), in Vol. VIII of the *Encyclopedia of Religion and Ethics*, ed. J. Hastings.

⁴ Квинт Курций Руф говорит о бактрийском сатрапе Сизимитресе, который женился на своей матери.

ношений между матерью и сыном¹. Страбон объявил такие браки древним обычаем среди персов². «Эти моги, по древнему обычаю, сожительствоуют даже с собственными матерями. Таковы обычаи персов».

Греческие и римские авторы причисляли сюда всех живущих в последнем веке до нашей эры и в первые века нашей эры. Они писали о сексуальных отношениях между сыном и матерью как о надвигающемся кошмаре; такие обычаи должны были казаться не менее противоестественными и грекам более ранних столетий.

Классические авторы не ошибались, повествуя о кровосмесительных браках между индо-иранцами, или персами. В пехлевийских религиозных и юридических текстах упоминания о *xvaetvadatha*, которые здесь называются *xvetokdas*, весьма многочисленны. «Соблюдение этого обычая — один из самых верных признаков набожности в надвигающемся дне зла... он искупает смертный грех и создает один из непреодолимых барьеров перед наступлениями Ажи, воплощений Бешенства (*Sayast la-Sayast*, VIII. 18; XVIII, 3f.); он особенно неприятен демонам, чью власть ослабляет (*Dinkart*, III. 82); это второе из семи благотворных для религии деяний, отвержение четвертого из тридцати тяжчайших грехов и это девятый из тридцати трех способов достичь небес. Сказано даже, что это предписано Заратустрой как восьмая из его десяти заповедей человечеству (*Dinkart*, III. 195)»³. В этой религиозной книге Динкарта говорится также о споре на эту тему между зороастрийским теологом и его еврейским оппонентом, при этом первый заявляет: «Этот союз (между) отцом и дочерью, сыном и той, что его родила, и братом и сестрой самый совершенный из всех, какие мне известны»³.

Цари Митанни, будучи почитателями индо-иранских богов, должны были рассматривать инцест между матерью и сыном не только как простительный, но как священный

¹ Catullus, XC. 3.

² Strabo, XV. 3. 20.

³ Trans. E. W. West, p. 399ff.

союз. Эти цари были в самых тесных отношениях с Аменхотепом III, Ти и Эхнатон из-за родственных связей. Я предположил, что Эхнатон, который провел детство и юность вдали от отцовского дома, возможно, вырос во дворце своих родственников в Митанни (отправка девушки из Митанни в фиванский дворец документально подтверждена письмами эль-Амарны), и именно влияние обычаев Митанни привело Эхнатона и Ти к тому, что они вступили в брачные отношения.

Э. А. Уоллс Бадж, известный египтолог начала нашего века, сравнил язык гимнов Эхнатона с Ведами и связал происхождение образа солнца с лучами, заканчивающимися руками, с длинными золотыми руками ведического бога солнца Сурья¹. Г. Р. Холл добавил к этому: «Мы помним, что Митанни имели в составе своего населения индо-иранский элемент, и эта часть населения почитала индийских богов Митру, Варуну, Индру». В «рукоподобных лучах» мы находим еще одно доказательство того, что митаннийские или индо-иранские идеи прокладывали путь во дворец в Фивы. Святость кровосмесительных отношений была одной из таких идей.

После своего полного разрыва со жрецами Амона Эхнатон, как кажется, не желал тайно поддерживать отношения с матерью. Он хвастал тем, что он «живущий в истине», и эта фраза слилась с его именем. После периода нерешительности и скрытности он решил придать этим отношениям открытый характер и заставить египтян смотреть на этот союз как на священный и достойный восхищения. Таким образом, он открыто привел свою мать-жену и общую дочь под навесы храма в Ахет-Атоне, заставил запечатлеть эту процессию на стенном барельефе и записать, что Бекетатен, их общий ребенок, была «дочерью царя от его плоти».

Однако такое новшество в сфере религии и морали — инцест между сыном и матерью — было чуждо египтянам, чьи боги, религиозные обычаи и этические нормы даже

¹ E. A. Wallis Budge, *Tutankhamen, Amenism, Atenism and Egyptian Monotheism* (1923).

в те времена тяготели к седой древности; и когда при Эхнатоне оно приняло открытую форму, гнев не замедлил разразиться.

Нефертити

На той же самой стене, где изображен Эхнатон, с нежностью ведущий свою жену-мать в святилище, хозяин могилы Хуа представлен в нижнем ряду во главе чиновников и слуг. Надпись гласит: «Назначение смотрителя царского гарема (гарема царицы Ти) Хуа». О царице Ти упоминается в следующих словах: «Она, которая восходит в красоте».

Обычно считалось, что Ти оставалась в Фивах в течение нескольких лет после того, как Эхнатон перебрался в Ахет-Атон¹. «Похоже, что Ти должна была обосноваться в Ахет-Атоне. Для нее был приготовлен дом, воздвигнут алтарь для ее молений и назначены слуги».

«Дом Ти» также упоминался в надписи из Ахет-Атона, описанной Петри². Независимо от того, приехала ли она в Ахет-Атон раньше или позже, на двенадцатый год царствования Эхнатона разразилась его семейная драма. У него было две семьи, и обе они изображены на барельефах. Мать-жена царя претендовала на официальный статус и привилегированное положение для себя и для своего ребенка. Ти не была слабой, и из двух женщин вскоре одна должна была уйти — или Ти, или Нефертити.

Ибо за последние пять лет царствования Эхнатона никаких упоминаний о царице Нефертити мы не имеем. «История не сообщает нам, чем в конце концов завершилась жизнь Нефертити... Ее конец, как кажется, должен был быть очень горестным», — писал Артур Вейгелл в книге «Жизнь и эпоха Эхнатона»³.

¹ Борхардт считал Медине эль-Кураб близ Фаума резиденцией вдовствующей царицы.

² Petrie, *Tell el-Amarna*, p. 33.

³ Ibid, p. 233.

Дискуссии, происходившие между Эхнатомом и Нефертити, с одной стороны, и Ти — с другой, создают впечатление, что царь сначала был лоялен по отношению к своей царице, которая сидела сзади него, как бы охраняемая им. Ти, однако, отстаивала для себя статус главной (великой) царицы и во время переговоров носила на себе двойной плюмаж и рогатый диск на голове. Могла быть только одна великая царица, и если бы претензии Ти были поддержаны, Нефертити была бы отодвинута на роль одной из многих царских жен, по существу наложницы, а ее дети соответственно на положение гаремных детей. Как кажется, Эхнатон под натиском Ти пытался сохранить две семьи, о чем свидетельствуют барельефы над входом. Но в триумфальной сцене шествия Ти с Эхнатомом и Бекетатен в храм Ахет-Атона, где были приготовлены три жертвенника, один для царя, один для Ти и один для их дочери, но ни одного для Нефертити и ее детей, Ти, похоже, одержала полную победу. Ее сын признал ее своей официальной женой, а ее ребенка — царской дочерью. Нефертити, «пришедшая красавица», которая делила со своим мужем все блаженство прожитых лет, не могла принять своего нового положения наложницы, в то время как ее муж сделал свою мать-жену главной супругой.

«Вскоре после этого двенадцатого года произошел ужаснейший удар. Его жена, Нефертити, если только мы правильно интерпретируем очевидные факты, покинула его», — писал профессор Т. Е. Пит в своей книге «Эхнатон, Ти, Нефертити и Мутнезем»¹. Но он не знал причины этого ухода: «Начала ли она испытывать скуку от созерцательной жизни? Или приверженцы Амона в Фивах увидели в ней популярную в народе соперницу своему мужу на троне? Мы не знаем и никогда не сможем узнать».

Еще один историк, С. Р. К. Глэнвил («Аменхотеп III и его преемники в истории восемнадцатой династии»²) писал: «В связи с исчезновением Нефертити обычно считается», что это был результат «опалы, которая ее постигла

¹ In Brunton, *Kings and Queens of Ancient Egypt*, p. 113.

² In Brunton, *Great Ones of Ancient Egypt* (1930), p. 131.

после 12 лет». Ее имя было стерто с некоторых памятников, а имя Эхнатона на них осталось нетронутым.

Профессор Г. Франкфорт «имел весомые основания думать, что большие перемены произошли на двенадцатый год после прибытия Ти... Франкфорт предполагал, что прибытие Ти и великие почести, ей оказанные, в какой-то мере связаны с исчезновением Нефертити»¹. Франкфорт открыл сам факт столкновения двух цариц, но он считал, что соперничество шло исключительно в связи с политической властью. Истинное же значение этого соперничества было династическим и супружеским.

Дж. Д. С. Пендлбери, однако, считал, что Нефертити уехала от Эхнатона в резиденцию к северу от города, на его окраине, где скалы примыкали к Нилу. За двойной стеной находилось сооружение, «от которого осталось совсем немного, но при этом найдено достаточное количество предметов, подтверждающих, что они принадлежали Нефертити. И поскольку росписи на стене у входа могут быть отнесены к тому времени, когда царица утратила власть, разумно предположить, что именно в этот дворец она удалилась на покой»². Из-за беспокойства по поводу решающего переворота в своей судьбе или от печали, от предчувствия грядущего перелома ее прекрасное лицо приобрело мученическое выражение: «каждый знает знаменитую головку Нефертити в Берлине; но немногие видели еще более очаровательную ее статуэтку того времени, когда она стала стареть, испытала грусть и разочарование»³.

Часто говорили о двух партиях, которые продолжали борьбу за власть, то есть о партии Эхнатона и Ти и изгнанной Нефертити. Аи был на стороне Нефертити: он был ее отцом и возглавил ее лагерь против своей сестры и зятя.

В одном из вариантов греческой легенды Эдип отсылает свою молодую жену Евригению, мать четверых его детей, в изгнание⁴. Весьма вероятно, что история опалы

¹ In Brunton, *Great Ones of Ancient Egypt* (1930), p. 131—32.

² *Tell el-Amarna*, p. 45.

³ *Ibid.*, p. 135.

⁴ Bethe, *Thebanische Heldenlieder*, p. 26, 141.

Нефертити послужила поводом для этого предания, известного в античности, хотя и не обработанного трагиками пятого столетия.

Драма в Ахет-Атоне не закончилась с исчезновением или опалой Нефертити, и вряд ли можно было на это рассчитывать. Галерея росписей в могилах, в мастерских художников прекращает повествовать о событиях, происходивших в Ахет-Атоне. В течение четырех или пяти лет после ухода или изгнания Нефертити Эхнатон продолжал занимать свой трон. Обычно предполагалось, что в жизни царя произошла какая-то личная трагедия. Также существовало мнение, что Аи стал даже еще более могущественным и управлял богатствами дворца и государства. И наконец, существует мнение, что через некоторое время Ти исчезла из поля зрения. Ее конец окутан тайной, потому что она не была похоронена как великая царица великой империи; на последующих страницах мы проследим за ее похоронным кортежем к тому укромному месту, где катафалк был брошен, так что разбился по бокам.

Конечная судьба Нефертити неизвестна. Она продолжала под руководством своего отца Аи противостоять Эхнатону.

Пендлбери в своей популярной книжке «Тель-эль-Амарна» рассказывает историю, которую он не решился бы повторить в своем научном отчете о раскопках — книге «Город Эхнатона». Вот что он говорит: «В царской могиле не было найдено ни одного предмета, который должен был бы принадлежать ее захоронению. Единственный ключ, которым мы располагаем, — это то, что в восьмидесятые годы прошлого столетия в пустыне видели человека, который шел с золотым гробом. А вскоре после этого появились золотые предметы, носящие ее имя. Трудно сказать, были ли они подлинными или поддельными. Это хорошо известная история, и ее рассказывали почти о каждой египетской достопримечательности»¹.

¹ Pendlebury, *Tell el-Amarna*, pp. 169—70. Cf. *Journal of Egyptian Archaeology*, IV (1917), 45.

Возможно, к лучшему, что сохранились только скульптуры, а не мумия Нефертити, хотя в данном случае я говорю не как ученый. Ее скульптурная головка считается воплощением ослепительной красоты, неподвластной течению времени, не поврежденной столетиями, которые были свидетелями упадка империй. Нефертити восстала из руин древней столицы на Ниле как символ неуничтожимой красоты. Печально видеть на ее последнем портрете, какой она стала утомленной и страдающей. Но если бы ухмыляющийся лик мумифицированной царицы глянул на нас с оборота страницы, после портрета той, которая при жизни носила титул «Прекраснейшей вовеки», это послужило бы для нас досадным напоминанием о том, как брэнна наша плоть.

Свергнутый царь

Перед окончанием своего царствования Эхнатон приблизил к себе принца Саанехта — юношу, не достигшего двадцати лет, — и сделал его своим соправителем. Это запечатлено на скульптурном изображении, где Эхнатон целует Саанехта, мальчика, сидящего у него на коленях. Сразу после того, как эта скульптура была найдена, считалось, что она изображает Эхнатона, ласкающего Нефертити. Но потом было обнаружено, что фигурка на коленях царя — это Саанехт. Существует также барельеф, на котором Эхнатон сидит рядом с Саанехтом, уже юношей, за обеденным столом: одна рука его лежит на плече Саанехта, а другой он касается его подбородка. Эротическая атмосфера этого барельефа привела некоторых исследователей к мнению, что Эхнатона волновали противоречивые желания.

«Соправление Эхнатона и Саанехта всегда подтверждалось, но здесь налицо признаки более интимных отношений. Обелиск в Берлине (в музее), который до недавнего времени считался изображением Эхнатона и Нефертити, теперь предстал как пример выражения царской привязанности

по отношению к юноше-соправителю»¹.

Как мы увидим на последующих страницах, по мнению анатома, который обследовал мумии Саанехта и Тутанхамона, оба они были сыновьями Эхнатона, и эта точка зрения ныне принята как одна из наиболее вероятных. Если это так, то демонстрация Эхнатоном привязанности к собственному старшему сыну может быть понята как выражение родительской любви. Однако, когда мы имеем дело с этим царем, «живущим в истине», трудно сказать, является ли его открытая демонстрация запретным влечением² или простой условностью. Кажется, он не стал бы избегать огласки и позволил бы художнику увековечить желание, которое всякое робкое племя сохраняет в глубинах сознания и держит в тайне.

Саанехт был красивым юношей, и еще в раннем возрасте он женился на Меритатен, старшей дочери Нефертити. Женившись на наследнице, Саанехт был предназначен судьбой унаследовать трон. Вторая дочь Мекетатен умерла молодой и была похоронена в царском мавзолее в Ахет-Атоне. Третья дочь Анхесенпаатен вышла за своего брата Тутанхамона, но лишь после того, как ее в спальне новобрачной посетил отец Эхнатон; плодом этого союза была девочка, которая умерла вскоре после рождения³. Разоблачение этого факта в отношении Эхнатона уменьшило хор похвал, которые слышались в научных, светских и религиозных кругах всегда, когда произносилось имя этого великого реформатора и монотеиста.

Одним поколением раньше Аменхотеп III также женился на одной из своих дочерей. Эхнатон последовал его

¹ Glanville, in Brunton, *Great Ones of Ancient Egypt*, p. 129. Профессор Ньюбери выразился по этому поводу с большей определенностью.

² В одной из древних версий легенды об Эдипе Эдип любил Крисиппа и убил своего отца Лая как соперника. Scholium to Euripides *The Phoenissae*, 60.

³ H. Brunner, *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, LXXIV (1938), 104—8. Ch. Desroches-Noblecourt in Claude F. A. Schaeffer, *Ugaritica III* (1956), p. 204—205, 220.

примеру. Влияние кодекса брачных отношений Митанни могло определить эти вольности, неизвестные царскому дому Египта прежних поколений, предшествующих брачным союзам с царским домом Митанни.

Союз Эхнатона с собственной дочерью мог быть основой древнего греческого предания, согласно которому, кроме своей матери-жены Иокасты и молодой жены Евриганией, которая родила ему нескольких детей, а потом была предана опале, Эдип женился еще и на «девственнице Астимедузе»¹. Исследователи древнего фольклора недоумевали по поводу столь усложненной схемы событий²; греческие же трагики отбросили эти традиционные мотивы, чтобы придать этой истории величие в его трагической простоте: Эдип жил со своей матерью как с супругой и царицей. Так поступил и Эхнатон.

По мере того, как шли годы, великая империя — она никогда не достигала такого величия и такого изобилия роскоши, как во времена Аменхотепа III — начала распадаться. Продолжали приходиться письма из Сирии и Палестины с жалобами и встречными жалобами от принцев и царей зависимых государств, которые просили военной помощи против воинственного царя с севера, совершавшего набеги в глубь территорий, против банд из пустыни, которые переправлялись через Иордан и захватывали поселения, и против друг друга. Один из этих вассалов Сирии-Палестины писал фараону:

«Слушай меня. Почему ты отступил, так что твою землю захватили?.. Пусть не говорят такого в будущие времена: «И ты неспособен был спасти ее...»³

В другой раз он писал: «Если не найдется человека, чтобы освободить меня из рук врага, и мы — наместники — будем изгнаны с земель, тогда все земли объединятся с разбойниками... И если царь прикажет им тогда высту-

¹ Bethe, *Thebanische Heldenlieder*, p. 23, 26.

² С. Robert, *Oidipus* (1915), I, 109ff.

³ Mercer, *The Tell el-Amarna Tablets*, Letter 83.

пить, все земли будут ему враждебны, и что тогда он сделает для нас?»¹

Письма эль-Амарны предлагают живую картину распада государства. Даже несколько десятков лучников невозможно было прислать из Египта. Верный вассал писал в эль-Амарну: «Я в одиночестве защищаю свои права... Что мне делать? Слушай! Я прошу: не откажи. Есть люди у царя или нет их?»

Послушай меня! Вот я написал во дворец; но ты не услышал»².

Кроме этого отторжения азиатских провинций, завоеванных в ходе военных кампаний предшественниками Эхнатона, другие признаки распада государства, или немилости богов, вероятно, обнаружили и в самом Египте: это мог быть, как и в Палестине, голод, о периодических наступлениях которого горько сетуют многочисленные письма; эпидемии, как на Кипре, в результате чего страна обезлюдела, а ее напуганный царь писал отчаянные письма.

Знать, жрецы и армия не могли взирать спокойно на этот распад империи, который к тому же означал, что все источники дохода, которые заполняли Египет золотом и другими сокровищами из зависимых государств, истощились. Народ Египта должен был рассматривать эту катастрофу как наказание за некое беззаконие. И наверняка жрецы Амона, лишённые власти, некогда безмерно богатые, а теперь почти нищие, должны были укрепить народ и знать в убеждении, что свершился некий грех, который необходимо искупить. Такая интерпретация причин природной или государственной катастрофы полностью соответствует духу древнего мира. Когда в дни царя Давида случился мор, он произошел оттого, что царь совершил ошибку в переписи людей. Царство Соломона распалось на две половины вскоре после того, как он умер, из-за совершенного им греха поклонения чужим богам. Саул не поступил так, как ему было велено пророком, и пророк объявил, что

¹ Mercer, The Tell el-Amarna Tablets, Letter 74.

² Ibid., Letter 122.

корона не останется в его доме.

Легенда об Эдипе рассказывает о каком-то море, голоде или другом неизвестном бедствии¹, которое постигло царство и по поводу которого было решено спросить у оракула о причине этого небесного гнева, чтобы отвести или умиротворить его. Подобным же образом в конце царствования Эхнатона страну терзали какие-то беды, и Тутанхамон так описал их на своем обелиске: «Страна была больна, и боги повернулись спинами к этой стране».

Бедственное положение, в котором оказался Египет к концу царствования Эхнатона, жрецы или оракул Фив должны были объяснить беззаконием их царя. Тьма пришла туда, где был свет, лишения — туда, где было богатство, распущенность — туда, где царило целомудрие, проклятие — туда, где было благословение. Трон сына Ра — таков обычный титул фараонов — был занят царем-грешником.

Без сильного лидера в столице и при дворе жрецы после двух десятилетий преследований остались бы довольно маломощными. Этот сильный лидер обозначится теперь в личности Аи, царского деверя. Тот же сюжетный мотив преобладал в беотийских Фивах в событиях, вызвавших смещение с трона царя Эдипа с распухшими ногами. Креонт, брат царицы, возглавил движение против царя, движение, которое он спровоцировал и привел к успешному для себя финалу, губительному для царя. «Креонт» по-гречески означает «правитель». Аи, человек столь же сильной воли, как его сестра Ти, и, подобно ей, честолюбивый и жаждущий власти, вступил в союз с недовольным и лишенным сана жреческим сословием в Фивах и стремился к реставрации старой истины и культа Амона. Его собственные погребальные покои в Ахет-Атоне остались недостроенными; величественный гимн Атону украшает стену од-

¹ Мари Делькур (*Sterilities mystérieuses et naissances maléfiqnes dans l'antiquité classique* (1938)) указывает, что Софокл не уточнил характер бедствия, которое постигло Фивы; она приводит аргументы, доказывающие, что под бедствием в этой легенде подразумевалась стерильность, или бесплодие женщин, сопровождающееся бесплодием крупного рогатого скота и полей.

ной из комнат, уже заброшенной, так как ее владелец переметнулся к Амону.

Слепой пророк

Ч тобы лишить трона царя в Египте, где в глазах народа он был богоподобен, должны были объединиться все силы неба и земли. В беотийских Фивах слепой и безжалостный пророк Тиресий внес решающий вклад в свержение царя.

Слепой пророк играл важную роль во всем фиванском цикле мифов; он был мудрецом и божественным пророком, которому открыты прошлое и будущее. Среди греков и их легендарных героев никогда не было никого, кто мог бы сравниться с Тиресием как пророком. Он был стариком во времена Эдипа и его сыновей и умер при следующем поколении, то есть во времена Троянской войны. Одиссеей спускался в Аид, чтобы посоветоваться с ним.

Когда на Фивы обрушилось бедствие, Эдип обратился к слепому пророку, чтобы выяснить у него причину божественного гнева. Пророк знал истину: бедствие послано как наказание городу за то, что среди населения находится отцеубийца, живущий в грехе. Сначала жрец отказался открыть то, что знает. Но когда он был обвинен царем в заговоре против него по сговору с Креонтом, он сообщил часть правды. И в дни борьбы между наследниками Эдипа Тиресий, великий проповедник и пророк, осененный внутренним светом, даром богов, угрожал Креонту за то, что тот отказался предать земле погибшего принца.

Тиресий был пророком, но не оракулом. Дельфийский оракул также был вызван, чтобы выяснить истину, и через них двоих, дельфийскую пифию и слепого пророка, боги позволили смертным узнать их судьбу — точнее, их рок.

В дни Аменхотепа III и Эхнатона в Египте жил человек, которого считали священным и мудрейшим египтянином — Аменхотеп, сын Хапу, пророк, но не жрец. После его смерти его обожествили. Всего лишь один человек,

Имхотеп, не имевший царского статуса и живший намного раньше, в эпоху Древнего царства, был обожествлен за все время в Египте. Автобиография Аменхотепа, сына Хапу, полна таких загадочных заявлений, что никто еще не пытался перевести ее с египетского языка, за исключением нескольких страниц, освещающих его гражданские деяния в ранний период жизни. «Из-за его мудрости и свойственной ему способности предвидеть наступающие события он был причислен к божественному началу»¹. Таким был и Тиресий из известного мифа.

Тиресий был знаком с обстоятельствами рождения и изгнания Эдипа. Поэтому весьма любопытно, что один фрагмент среди эзотерических сентенций автобиографии египетского пророка указывает на его «знакомство с тайнами царской детской».

Портрет Аменхотепа, сына Хапу, дошел до нас как изображение молодого человека с длинными волосами, причесанными примерно так, как причесывались женщины из простонародья в его эпоху. Если этот пророк был прототипом Тиресия, этот замечательный портрет, который не переставал удивлять археологов, может объяснить любопытную деталь в греческом мифе о Тиресии. Миф гласит, что Тиресий как-то убил самку змеи и в наказание за это на некоторое время превратился в женщину. Когда он снова стал мужчиной, Зевс и Гера, поспорившие о том, мужчина или женщина получает больше наслаждения от любовных ласк, обратились к Тиресию с вопросом, имел ли он опыт обоих полов. За то, что он сказал, будто женщина испытывает больше наслаждения при соитии («Если части любовного наслаждения будут сочтены до десяти, то на долю женщин приходится трижды три и только одна — на долю мужчин»²), Гера ослепила его, но Зевс, чтобы вознаградить его, дал ему долгую жизнь до седьмого по-

¹ George Steindorff and Keith C. Seele, *When Egypt Ruled the East* (1957), p. 77.

² Robert Graves, *The Greek Myths* (1955), II, 11. Apollodorus III, 71—72.

коления и дар прорицания.

По некоей причине, которая была недоступна пониманию исследователей-египтологов, обожествленный пророк Аменхотеп считался покровителем слепых, и это сохранялось в течение многих столетий, вплоть до эпохи Птолемеев¹. Предполагалось, что, когда Аменхотеп был жив, он лечил слепых от их болезни. Кажется более вероятным, что он стал покровителем слепых, потому что сам был слеп.

Если бы мы должны были отыскать исторического Тиресия, слепого прорицателя, очень старого мудреца в эпоху, которой мы занимаемся, мы бы выбрали Аменхотепа, сына Хапу. В самом деле нет больше ни одного человека, который выполнял бы роль почитаемого прорицателя во времена Аменхотепа III и его сына Эхнатона. Мы не знаем, как долго он прожил; единственный факт, которым мы располагаем, — это то, что он достиг своего восьмидесятилетия в тридцать четвертый год царствования Аменхотепа III, за один или два года до смерти последнего². Чтобы жить в конце царствования Эхнатона, прорицатель должен был достигнуть почтенного возраста в 98 лет. Этот редко достигаемый возраст запечатлелся еще в одном даре, ниспосланном слепому пророку — долголетию.

Надгробный храм был воздвигнут для пророка Аменхотепа среди гробниц великих царей, и он сам сочинил текст, который должен был быть выбит на стенах. Поскольку его надгробный храм был расположен у подножия гор, которые закрывают Долину Царей, могила была скорее всего расположена тоже в этой Долине. Его саркофаг был обнаружен. Иметь могилу и надгробный храм среди царей было редким отличием. В эль-Амарне для него не была приготовлена ни одна могила; похоже, что он не уезжал из Фив в эль-Амарну, и кажется, что он был сторонни-

¹ H. Wild, «Ex-voto d'une princesse saïte à l'adresse d'Amenhotep fils de Hapu», in *Mitteilungen des Deutschen Instituts für ägyptische Altertumskunde in Kairo*, XVI (1958), 406—13.

² W. C. Hayes, *Journal of Near Eastern Studies*, X (1951), 100.

ком Фив и Аи, или Креонта, как представил его Софокл в своем «Эдипе-царе».

Перед лицом национального бедствия, в обстоятельствах, в которых оказался тогда Египет, нельзя было не стремиться получить совет мудрого Аменхотепа, сына Хапу; и поскольку он остался в Фивах, в то время как царь и его двор переехали в эль-Амарну, мы можем предполагать, какой была его позиция. Безжалостный пророк Тиресий был основным орудием в деле свержения царя, действуя в союзе с Креонтом.

То, что несчастье, обрушившееся на Египет, трактовалось как наказание небес, посланное на народ за беззаконие его царя, не просто догадка. «Когда Тутанхамон описывает Египет, возмущенный религиозной революцией Аменхотепа IV (Эхнатона), он замечает, что недовольство богов выразилось в военных поражениях». Когда людей посылали на финикийский берег для расширения границ Египта, они никаким образом не могли в том преуспеть. «Неудачи этих военных походов были знаком гнева богов»¹.

Из писем эль-Амарны мы знаем, что вопрос о расширении границ вообще не стоял; проблема состояла в том, смогут ли последние зависимые азиатские колонии остаться под египетским скипетром.

Тутанхамон также писал: «Боги повернулись спиной к этой земле... если человек хотел о чем-нибудь попросить бога, бог вообще не появлялся»². Тиресий подобным же образом говорил об отказе богов, из-за совершенного преступления, принимать жертвоприношения и давать ответы оракулу. «Боги больше не принимают молитв и жертвоприношений из наших рук» («Антигона»).

Разгневанных богов необходимо было умиловить. Эхнатон был отвергнут богами и великим пророком. Саанехт перешел на сторону Аи. Ему дали понять, что, будучи на стороне Эхнатона, он в действительности поддерживал права Бекетатен, которые она могла предъявить как на-

¹ Jean Capart, *Thebes* (1926), p. 111.

² Steindorff and Seele, *When Egypt Ruled the East*, p. 224.

следница трона в ущерб правам уже правящей Меритатен, своей супруги. Еще раньше Саанехт приказал уничтожить имя Нефертити и заменить его на монументах именем Меритатен, ее дочери. Затем он изменил политику и выступил против Эхнатона. Известно, что он посетил Фивы, чтобы помириться с тамошними жрецами. Вскоре после этого Саанехт оказался на троне один, а Эхнатон был отстранен.

Принято считать, что Эхнатон был отстранен, и постоянно высказывалось предположение, что он отправился в изгнание¹. Но предполагалось также, что в течение некоторого времени он продолжал жить в одной из резиденций Ахет-Атона фактическим узником. В то же самое время отмечалось, что перемена произошла без какой-либо революции или восстания.

Идентичная ситуация обнаруживается в беотийских Фивах, согласно мифологическому сюжету. В течение некоторого времени Эдип продолжал жить в своей столице, хотя уже не был свободным правителем².

Бедуины, которые вели полукочевую жизнь в земляных хижинах на месте древнего Ахет-Атона, в течение десятков лет занимались для раскопок многочисленными экспедициями. Когда к северу от города была раскопана двойная стена с комнатой над воротами, за которыми располагалась резиденция-тюрьма, бедуины рассказали археологам, что здесь был заключен обреченный судьбою принц, потому что его отец захотел спасти его от рока, предсказанного при его рождении.

Эти бедуины были неграмотны и наверняка не умели читать иероглифы. Любопытно, что из древней египетской литературы сохранилась сказка об «обреченном принце»³

¹ «Die äusseren Umstände legen die Vermutung nahe, dass Echnaton gewaltsam beseitigt worden ist». K. Lange, *König Echnaton und die Amarna-Zeit* (1951), p. 108.

² «Эдип... был осужден своими сыновьями на вечное изгнание, и молодые люди захватили трон, договорились, что будут править, чередуя годы» (Диодор).

³ *Journal of Egyptian Archaeology*, XI (1925), 227—29.

Оракул открыл, что он должен умереть от предначертанной ему смерти. Пророчество было передано царю, его отцу, еще до рождения сына — зачин, не столь уж отличный от истории пророчества, сообщенного царю Лаю. «Местное предание связало одну из версий этой истории обреченного принца, примерно совпадающую по времени с возникновением города, с этой стеной... Данная стена, как повествует современный сказитель, была построена царем, его отцом, чтобы защитить его и предотвратить постигший его рок. Когда же мы ее раскопали, добавились и имена. Принц стал Тутанхамоном (открытие могилы в Фивах сделало это имя всем известным), а его отец — царем Тилем — возможно, это герой-эпоним современной деревни Эт-Тиль. Так создаются народные предания»¹.

Пендлбери не подозревал, что слово «создаются» не походит к данному случаю: похоже, что в этой тюрьме-дворце жил другой «обреченный принц». В этом месте был заключен Эхнатон, а за несколько лет до этого его занимала Нефертити.

Слепой царь

Согласно версии этой легенды у Еврипида, Эдип, после того как его свергли с трона, жил слепым узником во дворце-тюрьме в Фивах. Но согласно Софоклу, Эдип, ослепивший себя после разоблачения ужасной истины, жил некоторое время у себя во дворце, как свергнутый царь, а потом, слепым и сломленным, был изгнан из Фив своими сыновьями, фактически во время царствования старшего сына. Все версии сходятся в том, что он был слеп.

Существуют ли какие-либо свидетельства того, что Эх-

¹ Pendlebury, *Tell el-Amarna*, p. 44—45. Название Тель эль-Амарна является составным и изобретено археологами, совершавшими здесь ранние раскопки; оно было составлено из названий двух племен бедуинов, чьи поселения покрывали руины Ахет-Атона, Амарны и Тиля, или Теля.

натон ослеп? Давайте сначала поставим вопрос таким образом: существует ли предание о том, что какой-либо из фараонов был слепым? И чтобы аналогия с Эдипом не стала простым совпадением, существует ли предание о том, что некий слепой фараон был отправлен в изгнание? Это соответствовало бы версии Софокла (подтвержденной многими другими авторами, которые говорят о ссылке Эдипа), которая ближе всего к первоначальному преданию.

Геродот в своей истории Египта, которая составляла часть его общей истории, говорит, что среди фараонов «царствовал слепой человек, названный Анизисом по названию города, носившего это имя». О нем Геродот сообщает, что он бежал в пограничные земли и был смещен захватчиками-эфиопами. Через пятьдесят лет слепой царь вновь был призван на трон из своей ссылки в приграничном краю.

Тутанхамон на росписи в своей могиле изображен сражающимся с эфиопами. Таким образом, война с эфиопами во времена преемников Эхнатона — это исторический факт. Другая важная деталь, представленная у Геродота, — это то, что имя слепого фараона, который отправился в ссылку, и название его города совпадали. Царь Эхнатон дал своей столице название, настолько похожее на собственное имя, что даже один современный ассиролог писал: «Была воздвигнута новая столица, носившая имя царя»¹. Ахет и Эхи происходили от одного и того же корня, а Атон (Атен) — общая часть как имени царя, так и названия его города. Геродот воспроизвел имя Эхнатон и название Ахет-Атон как Анизис — это одна из лучших транслитераций египетских имен у греческих авторов. Точное прочтение имени царя пока еще предмет дискуссий, и Масперо, например, читал его как Хуаниатону.

В древней греческой версии легенды местом ссылки Эдипа был остров с дюнами²; это не слишком отличается от пограничной земли — места ссылки слепого фараона.

Геродот посетил Египет между 450 и 440 гг. до нашей эры. Он собирал сведения у жрецов, которые сочета-

¹ R. W. Rogers, *Cuneiform Parallels to the Old Testament*, p. 257.

² Bethe, *Thebanische Heldenlieder*, p. 157.

ли свою службу в храмах с обязанностями писцов и экскурсоводов. Геродота часто упрекали в том, что он составил в высшей степени недостоверный отчет, но раздавались голоса и в его защиту¹. Попытка, предпринятая в книге «Века в хаосе», восстановить правильный порядок веков и династий, во многих отношениях «реабилитирует» «отца истории». Царь Анзисис у Геродота занимал египетский трон в конце династии, которая известна как восемнадцатая; он был слепым, он отправился в изгнание, а это также главные обстоятельства жизни Эдипа, царя Фив.

Существуют ли какие-нибудь современные свидетельства, подтверждающие, что Эхнатон ослеп?

«Хотя человек видит очевидное, но два глаза царя, моего властелина, не видят...» — эти слова, написанные Эхнатону в письме одним вассальным царем из Палестины², не могут намеренно намекать на какой-то физический недостаток, но в данной ситуации они были пророческими.

В гимне, который Эхнатон сочинил в честь Атона и ежедневного чуда рассвета, преображающего мир и все, что его заполняет, в момент ухода ночи, было выражено радостное переживание способности видеть и глубокая благодарность за дар зрения: «Глаза видят красоту, пока ты пребываешь...»

Когда Эхнатон был смещен и вскоре после этого царство обратилось к вере в Амона, народ призывали молиться и возносить хвалу божеству, вернувшемуся к своему прежнему владычеству, и отвергать и высмеивать Эхнатона, в прошлом любимого героя, а ныне ненавистного супостата. Был сочинен гимн, который ученики переписывали на недорогих глиняных табличках. Этот гимн был написан, когда царствовали Тутанхамон и Аи.

Его солнце, которое знало тебя, не заходит, о Амон.
Но оно, знающее тебя, светит.

Вход того, кто восстал против тебя, погружен во мрак;

¹ W. Spiegelberg, *The Credibility of Herodotus' Account of Egypt in the Light of the Egyptian Monuments* (1927).

² Табличка эль-Амарны 288.

В то время как вся земля в свете солнца.
Для того, кто впускает тебя в свое сердце, о Амон,
Поднимается солнце¹.

А. Эрман, немецкий египтолог, который переводил этот гимн, искал значение слова «*Weba*», которое было записано иероглифами со значком глаза, и, не будучи подготовлен к тому, чтобы считать Эхнатона ослепшим, перевел его как «вход», дав такое объяснение: «Сооружения еретиков, в особенности эль-Амарна».

Весь мир залит солнечным светом, а для одного человека он погружен в темноту: таково значение этого предложения, и «зрение» здесь выражается с помощью иероглифа с человеческим глазом.

Доктор Вальтер Федерн, образованный египтолог, который дал мне этот ответ на мой вопрос, есть ли в современной Эхнатону литературе указание на то, что он ослеп, добавил при этом: «Более того, *Webataa*, которые Грэпоу в своей работе о медицине в Древнем Египте² переводит как «открыть (*weba*) способность видеть (*таа*)», — это специфический термин египетских врачей для обозначения лечения глазных болезней. И Лефебр в своей работе «Очерк египетской медицины эпохи фараонов» (1956) также писал: «Указывались все способы лечения, чтобы «открыть зрение» (*weba таа*) или попросту «улучшить зрение» (с. 87). Эббель в своем переводе Папируса Эберса (1939) выразился довольно бесцветно: «Воздействовать на зрение».

Эхнатон стал слепым. Он не был слеп, когда находился на троне, иначе он не сочинил бы свой гимн о красоте творения и не изготовил бы так много изображавших его статуй. Но в период своих бедствий и дурной славы он был слепым. В то время как весь сотворенный мир наполнялся радостью, грешник из Ахет-Атона брел во мраке. Высота, с которой он упал, сделала его бедствия еще

¹ А. Erman, *The Literature of the Ancient Egyptians* (1927), p. 309—10.

² Grapow, *Grundriss der Medizin der alten Aegypter*, III (1956), 23.

более горестными и трагическими. Царь, который писал о себе и своем божестве: «Устроив земной порядок, ты взрастил их (живущих людей) для твоего сына, который явился прямо от плоти твоей, царь, живущий в истине», — теперь описывался как погруженный во тьму, «в то время как вся земля в свете солнца».

«Бич двойного проклятья твоей матери и твоего отца когда-нибудь погонит тебя с этой земли в смертельной спешке, погрузив во мрак глаза твои, которые сейчас могут видеть», — сказал слепой пророк царю: подобно ему самому, царь «будет ощупывать землю перед собой с помощью посоха»¹.

Не будет ли следствием вольного полета фантазии утверждение, что Эхнатон ослепил себя собственноручно? Возможно, что слепота развивалась как элемент общего синдрома или комбинации симптомов, свойственной ему органической деформации и могла рассматриваться как наказание за беззаконие, и даже как наложенное на самого себя наказание. Но с его в высшей степени невротическим характером он был способен в момент глубокой скорби себя искалечить.

Когда Эхнатон выстроил Ахет-Атон, он дал обет оставаться здесь до конца своих дней. Он также запечатлел свою волю на пограничном обелиске и попросил жителей города уважить эту волю и похоронить его тело, а также тела Нефертити и его старшей дочери Меритатен, после их смерти, в царской усыпальнице его столицы. Она была выбита в скале, в стороне от могил, приготовленных для знати, в месте, удаленном на расстояние четырех миль в глубь пустыни. Ее открытие европейскими археологами, находившимися на службе у египетского правительства в прошлом веке, не стало блестящей страницей в истории археологических трудов. Было опубликовано только краткое сообщение — «обобщенное описание столь же общих данных»².

¹ Софокл. Эдип-царь.

² Bouriant et al., *Monuments du culte d'Atonou*, I (1903). Следующие тома так и не были опубликованы.

В одной из комнат этой могилы есть изображения царской семьи, скорбящей о Мекетатен, второй дочери, которая умерла молодой. В действительности она единственная персона, которая признана похороненной в Ахет-Атоне; за исключением ее, ни царская могила, ни могилы знати не содержат никаких признаков того, что в них содержались какие-либо человеческие останки.

«Были найдены части великолепного алебастрового саркофага Эхнатона с изображением охраняющих стервятников по его углам и остатки крышки, увенчанной головой царя. Этот саркофаг явно свидетельствует о том, что его никогда не использовали, так как в нем полностью отсутствуют пятна смолистого вещества, заметные в саркофагах Аменофиса II и Тутанхамона»¹.

Величайшее желание Эхнатона лежать в священной земле, которую он для себя выбрал, так и не было исполнено. В одно утро, когда солнечный диск поднялся над горизонтом, он осветил человека, вчера еще царя, а ныне странника, отправляющегося в изгнание.

Стоит заметить, что исполненный самовосхваления гимн Эхнатона был обнаружен выгравированным на стене могилы, приготовленной в Ахет-Атоне для Аи, и некоторые историки приписывали Аи его авторство, так как он был тогда преданным последователем Эхнатона, которому позже противостоял. Креонт также был сначала орудием возвышения Эдипа, а затем его свержения, когда Эдип остался слепым и лишенным короны.

Из перечня фараонов, составленного их преемниками, последними фараонами, Эхнатон и его наследники были исключены, как будто его правление, личность и потомство были столь зловредны, что даже упоминания о них в письменных текстах следовало избегать. Когда необходимо было все-таки упомянуть об Эхнатоне, заменителем его имени были слова «этот преступник из Ахет-Атона». На египет-

¹ J. D. S. Pendlebury, «Report on the Clearance of the Royal Tomb at El-Amarna», *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*, XXXI (1931), 124.

ском языке это слово несет значение моральной развращенности и греховности¹.

Эдип тоже сначала был обожаем своим народом, а потом заклеямен как грешник, хотя в греческой версии трагедии грех был совершен царем по неведению.

Конец Ахет-Атона был внезапным. Саанехт перебрался в Фивы. Дома были брошены, а их обитатели отправились по воде и по суше в Фивы и в другие места, которые они для себя выбрали. Те здания, которые были еще недостроены, такими и остались. В одном из домов, почти законченном, так что оставалось только поместить над входом каменную плиту, эта плита оказалась брошенной поблизости, а строители ушли. Это был поспешный исход. Дома, лишённые утвари, пребывали в упадке.

Как мы уже сказали, ни в одной из могил для знати не было обнаружено никаких захоронений. Если некоторые из них и использовались для захоронения, то тела мертвых были перенесены в другие места, когда население бежало. Даже кладбища для простого люда не удалось обнаружить. «Величайшая из тайн: где кладбище?»² Все обитатели могил, немногочисленных, поскольку городу была предназначена такая короткая жизнь, были унесены властями из нечестивой земли Ахет-Атона.

Через некоторое время явились мародеры и выполнили приказ разрушить храм, выстроенный Эхнатом; они разбили его на мельчайшие куски. Некоторые общественные здания были тоже уничтожены подобным же образом. Ни у одного из них при раскопках не было обнаружено стен, высота которых превышала бы два-три фута над уровнем

¹ «В пространных царских списках, запечатлевших на монументах имена всех египетских царей прошлого, имя Икнатона (Эхнатона) никогда не появляется; и когда при поздних фараонах необходимо было упомянуть о нем в каком-нибудь государственном документе, его называли «преступником из Акетатена» J. H. Breasted, *The Dawn of Conscience* (1933), p. 307.

² Pendlebury, *Tell el-Amarna*, p. 166.

фундамента.

После своей короткой истории, охватывающей менее пятнадцати лет, столица, выстроенная навечно, чтобы существовать, пока над землей светит солнце, превратилась в призрачный город руин, покинутый даже мертвыми. И тогда песок покрыл эти развалины.

ЧАСТЬ II

«Вид целомудренной стыдливости»

В 1907 году в Долине Царей близ Фив на Ниле Теодор М. Дэвис, «исчерпав возможности всех окружающих поселений», оказался перед территорией, «где не было признаков вероятности захоронения». Дэвис был американцем из Роуд-Айленда, а также бизнесменом, который, случайно посетив Египет, увлекся поиском неоткрытых могил в долине и получил от правительства необходимое разрешение на проведение раскопок. В 1907 году он уже расчистил несколько царских могил, которые он обычно находил опустошенными более ранними копателями, не имевшими лицензий, и грабителями могил прежних веков. Но именно он открыл могилу Иуао и Туа, родителей царицы Ти, непотревоженную и нетронутую.

Территория, перед которой он на этот раз оказался, была вся засыпана обломками известняка, возможно, от окружающих могил Сети и Рамзесов I, II, III и IX. «Казалось, что раскопки будут бесплодными и завершатся в конце концов только тратой времени и денег. Тем не менее она должна быть обследована, независимо от результата». Расчистив ступеньки, которые вели вниз, Дэвис обнаружил дверной проем. «Он был завален большими и маленькими камнями... Дверь скоро расчистили, чтобы мы могли войти, и тогда мы обнаружили, что в нескольких футах от этой двери располагается вход в могилу, заваленный камнями на высоту четыре фута от крыши». На этой груде камней лежали там, где их бросили, две деревянные двери с медными крючками. «Наружные стороны дверей были покрыты золотой фольгой с нанесенным на нее именем и титулами царицы Тии (Ти). Невозможно описать изумление и радость от находки этой могилы великой царицы и ее домашних божеств, которая не вскрывалась в течение 3000 лет»¹.

¹ Davis, *The Tomb of Queen Tiye*.

Дэвис вскарабкался по груде камней через узкое пространство под потолком прохода и на расстоянии семидесяти футов от входа в могилу очутился в комнате, грубо вырубленной в скале. Предметы, обнаруженные в этой пещере, были разбросаны в полнейшем беспорядке. Первое, что привлекло внимание Дэвиса (возможно потому, что свет, принесенный им, упал сначала именно сюда), были канопские кувшины в количестве четырех. Канопские кувшины использовались в Египте для сохранения яичников и других внутренних органов умерших, тела которых были мумифицированы. Кувшины в этой могиле оказались алебастровыми, очень изысканной работы, а на их крышках имелись выполненные в сходной манере портреты: прекрасно исполненные головы, с открытыми глазами, с радужной оболочкой и зрачками, инкрустированными темным камнем. На кувшинах были выгравированы имена их владельцев; однако каждая надпись оказалась тщательно сбитой, и имя прочесть было невозможно. Внутри кувшинов оказались ткани, которые некогда были пропитаны битумом, но никаких остатков внутренностей не сохранилось.

На полу лежало еще несколько обитых золотом «дверей» с надписями имени царицы Ти. Было выяснено, хотя и не сразу, что эти «двери» составляли части катафалка, в который помещался гроб. На одной из панелей, наполовину засыпанной мусором, на покрытии была выгравирована фигура царицы. Она была изображена в тонкой прозрачной тунике, открывавшей все контуры ее тела; перед ней в такой же позе изображался Эхнатон, но его фигура оказалась грубо сбитой с золотого покрытия.

Там находился и гроб. «Вблизи на полу лежал гроб, сделанный из дерева, но полностью покрытый золотой фольгой и инкрустированный полудрагоценными камнями... Очевидно, этот гроб роняли или он падал с какой-то высоты, так как края его раскололись, открыв голову и шею мумии. На голове была ясно видна золотая корона, которую, без сомнения, носила при жизни царица. И вот мы достали мумию из гроба и обнаружили, что она оказалась очень миниатюрным созданием, с изящной головкой и ру-

ками. Рот был немного приоткрыт, обнажая превосходную форму верхних и нижних зубов. Тело было обернуто в покрывало из тонкой ткани, но все ткани, покрывавшие тело, оказались очень темного цвета. Естественно, им положено было иметь более яркий цвет. Догадываясь об ущербе, который мог быть нанесен явным избытком влажности, я осторожно дотронулся до одного из передних зубов и, увы, он рассыпался в пыль, демонстрируя таким образом, что мумия не может быть сохранена. Когда мы расчистили всю мумию, мы обнаружили, что от сложенных вместе рук до ног тело было покрыто пластинками из чистого золота, называемого золотой фольгой, но при этом настолько плотного, что если взять их в руки, они долго держатся на весу, не клонясь вниз. Эти листы покрывали тело со всех сторон».

Наличие драгоценных камней и золота на катафалке, гробе и мумии было явным свидетельством того, что грабители никогда не навещали эту могилу. Но могила была в крайнем беспорядке, в таком состоянии, в каком не могли оставить ее могильщики. Была тайна и в самом выборе места захоронения для великой царицы. Слуги царицы Ти получили в качестве царских даров могилы несравненно лучшей конструкции, чем та, которая была сделана для нее. Их захоронения были выполнены в соответствии с архитектурным планом; их стены были покрыты прекрасными барельефами. А могила царицы Ти оказалась грубо вырубленной пещерой в скале, не украшенной картинами; это было сырое место, и главной его приметой было уныние. Кажущаяся поспешность, с которой было похоронено царское тело, недостаток предосторожностей, что привело к тому, что гроб упал и разбился, если только не был брошен намеренно, беспорядок в могиле — все требовало объяснений. Ни один вор никогда не входил в это место, должно быть, это было тайное погребение, совершенное неумелыми руками, и все же остается вопрос: почему катафалк был брошен, а некоторые его части оказались на груде камней во входном коридоре. И уничтожение имени покойной на канопских вазах нисколько не помогает ре-

шению проблемы.

«Потом мы сняли золотую корону и попытались снять повязки, которыми было обернуто тело мумии, но в тот момент, когда я попытался приподнять кусочек ткани, она оторвалась с куском черной массы, обнажив ребра. Тогда мы обнаружили великолепное ожерелье, которое находится теперь в Каирском музее. Оно было надето на шею и спускалось на грудь под покровами мумии».

Повязки были полностью сняты с этой мумии, обнажив кости. «После этого я решил их исследовать и позвал двух хирургов, которые по случайности находились в Долине Царей. Они с готовностью совершили осмотр и сообщили, что тазовые кости, несомненно, принадлежат женщине. Таким образом, все заинтересованные лица выяснили пол мумии и предположили, что это наверняка тело царицы Ти»¹.

Но вскоре после этого кости были отправлены доктору Дж. Эллиоту Смиту, профессору анатомии, который исследовал мумии и их царские кости из большинства могил Долины Царей близ Фив: «Увы! — писал Дэвис. — Доктор Смит объявил, что пол должен быть мужской. Следует честно признать, что хирурги были введены в заблуждение ненормальной формой таза и особыми условиями обследования».

Профессор Гастон Масперо, известный египтолог, который по своему положению директора Департамента Древностей при правительстве в Каире, был в курсе всех египетских древностей, сотрудничал с Дэвисом при исследовании этого случая. Он изучил золотые пластинки катафалка и гроба и надписи, стертые с золотого покрытия. Катафалк, несомненно, принадлежал царице. Ее имя было выгравировано на золотой фольге на разбитых боковых стенках и крышке катафалка. Так же, как и на стеновых надписях в могиле Иуао в Ахет-Атоне, она именовалась «Матерью Царя и Великой Женой Царя». Но гроб, по видимому, принадлежал Эхнатону. Золотая фольга, покрывавшая тело, сохранила разноцветные инкрустирован-

¹ Davis, *The Tomb...* p. 3.

ные иероглифы. Имя царя было сбито, но царские титулы остались нетронутыми, особенно слова «живущий в истине», которые Эхнатон постоянно помещал перед своим царским картушем. Внутренность гроба также была покрыта золотыми пластинками. От середины гроба и на крышке тянулась колонка иероглифов, выгравированных на дереве; золото прижали к ним прессом, чтобы получить отпечаток. «Картуши царя повсюду уничтожены, но эпитет «Живущий в истине» характерен исключительно для Куниатону (Эхнатона)», — писал Масперо. И колонка иероглифов на золотой фольге, покрывающей мумию, также передает этот эпитет, принятый Эхнатонем.

Перед египтологом встала задача детектива, располагающего чрезвычайно запутанной цепью улик. Масперо сформулировал ее таким образом:

«Прежде всего необходимо четко уяснить, что склеп, открытый Дэвисом, — это не настоящая могила; это грубая пещера в скале, которая использовалась как место тайного захоронения для члена семьи так называемых еретических царей, когда восторжествовал культ Амона. Перевоз этой мумии из ее первоначальной могилы в Фивах или эль-Амарне был задуман и совершен, чтобы спасти ее от гнева победивших сектантов». Масперо считал, что это тайное погребение спланировали и осуществили или Тутанхамон, или Аи — только эти два фараона «могли быть, по-видимому, движимы добрыми чувствами по отношению к Эхнатону...». Кто бы ни был тот человек, который испытывал сочувствие к покойному и предал земле эту мумию, «ему удалось вынести ее тайно, как явствует из того факта, что могилы царей были рассекречены и полностью разграблены, а это место, с его обильным золотым запасом, осталось утаенным и нетронутым», пока его не открыл Дэвис¹.

С видом сыщика из Скотланд-Ярда Масперо представил это дело о трупе, оказавшемся не в собственной могиле.

«Все убранство (могилы) сохранено, готовое засвидетельствовать как имя, так и ранг ее хозяина. Когда все

¹ Davis, *The Tomb...*, p. XIII.

доказательства были исследованы, они оказались туманными и противоречащими друг другу. Многие мелкие предметы носят имя Аменхотепа III и его жены Ти, доказывая, что всякие мелкие горшочки, коробочки, инструменты, фиктивные жертвоприношения в виде украшенных эмалью камней и глазурированных гончарных изделий были собственностью царицы. Большой катафалк, в котором тело было отнесено к месту погребения в день похорон, принадлежал все той же даме, и надписи на нем констатируют, что царь Куниатону (Эхнатон) «сделал его для царской матери, великой жены Царя Ти». Чем дальше, тем больше, и кажется, не может быть ни малейших оснований для сомнений в том, что это была могила Ти. Но когда мы приходим к исследованию мозаичного гроба и золотых пластин, которыми была покрыта мумия, мы обнаруживаем, что, в соответствии с надписями, эта мумия может быть только самим Куниатону (Эхнатоном).

«Поскольку факты таковы, — продолжал Масперо, — как мы должны их связать и удовлетворительно объяснить присутствие тела Эхнатона среди вещей, принадлежащих Ти? Эта парадоксальная комбинация или была создана умышленно, или стала результатом какой-то ошибки со стороны людей, осуществлявших доставку тела».

В первом случае можно предположить, что «конспираторы желали заставить людей поверить, что тело, которое они хоронили, было телом Ти, чтобы предотвратить ущерб, который мог быть нанесен телу царя каким-нибудь фанатичным служителем Амона». Вот почему использовался катафалк Ти и ее миниатюрная утварь. «Я должен признаться, что это объяснение представляется мне слишком натянутым, чтобы быть верным», — заметил Масперо. «Второе предположение кажется мне более близким к истине: мумии умерших членов семьи Куниатону должны были быть извлечены из своих могил и переправлены в Фивы все вместе... после этого их должны были незаметно разместить на несколько дней в каком-нибудь отдаленном святилище некрополя... Когда наступило время перенести каждого из них в укромное место, приготовленное для них

в Бибане эль-Молук (Долине Царей), люди, которым были поручены эти тайные похороны, перепутали гробы и положили сына туда, где положено было быть матери». Таким образом, Масперо сделал вывод, что мумия Эхнатона была похоронена по ошибке в склепе, приготовленном для его матери Ти.

Предлагая такое решение, Масперо, однако, пренебрег одним важным фактом, который был ему известен, так как он писал: «Доктор Эллиот Смит, который тщательно обследовал череп, заявил, что он должен принадлежать человеку лет 25—26. Прав он или не прав в отношении возраста — это решать только анатомам. Очевидно, однако, что тело, обнаруженное в склепе Дэвисом, — это тело мужчины и что этим мужчиной был Куниатону, если мы принимаем свидетельство надписей»¹.

Эхнатон в момент своей смерти не мог быть таким молодым. Он царствовал по меньшей мере шестнадцать лет, и он был взрослым, когда вступил на трон. Работа «К оценке возраста, достигнутого лицом, скелет которого был обнаружен в могиле», подготовленная профессором Эллиотом Смитом, членом Королевского Общества, была напечатана вместе с отчетом Дэвиса. Смит писал:

«Когда эти кости были присланы мне для исследования два года назад, я сообщил, что они представляют собой большую часть скелета молодого человека, который, судя по обычному европейскому стандарту окостенения, должен был достичь в момент своей смерти возраста 25—26 лет». Археологи пытались выяснить, мог ли возраст покойного быть более почтенным. Могло ли мертвому быть тридцать лет? «В высшей степени маловероятно, чтобы он достиг тридцати лет, если был нормален».

Однако нормальным этот скелет не был. Череп демонстрировал «безошибочный тип диспропорции, характерной для гидроцефалов». Многочисленные изображения и скульптуры Эхнатона и членов его семьи с преувеличенно длинными головами, вероятно, основывались на реальной деформации, характерной для него и членов его семьи, как

¹ Davis, *The Tomb...* p. XIV.

это очевидно из черепа мумии, обнаруженной Дэвисом. Позже другие анатомы подчеркнули тот факт, что у гидроцефалов выступает лобовая часть черепа, но никогда не затылочная, как на черепе, считающемся черепом Эхнатона, и такого рода вытянутость не связана с замедленным развитием костей.

Дэвис и Масперо опубликовали сообщение о находке — могилы и ее содержимого — под названием «Могила царицы Ти» и тело в гробу определили как тело Эхнатона. Но не было ответа на вопрос, почему Ти получила такой убогий склеп, в то время как ее собственные родители, люди незнатные, были погребены в том же самом фиванском некрополе в богато оборудованной могиле. Нет ответа и на вопрос, почему в гробу находился Эхнатон, а тело Ти исчезло. Нет ответа и на вопрос, как могло случиться, что Эхнатон умер таким молодым.

Артур Вейгелл, который через некоторое время занял пост Масперо как директор Департамента Древностей, разделял веру Масперо в то, что это было тело Эхнатона. Здесь не указывалось на тот факт, что под мусором в могиле был обнаружен «фундамент», на кирпичах которого было имя Эхнатона, а также оттиски царской печати Тутанхамона. Несколько кирпичей с оттисками печати Тутанхамона были обнаружены на полу среди предметов, принадлежавших Ти. Если Эхнатон царствовал лет шестнадцать-семнадцать, а умер в возрасте 26 лет, то он должен был начать свое царствование еще ребенком десяти лет и ввести религиозную реформу, сочинить свой гимн Атону, из-за которого он известен как «первый монотеист», еще не достигнув двадцати лет. Некоторые ученые принимали эту схему, но приписывали инициативу и активное проведение религиозной реформы Ти, а авторство упомянутого гимна — Аи. Но очевидно, что такие предположения весьма натянуты.

Прежде чем мы покинем унылую пещеру, сделанную для царицы Ти и занятую телом неизвестного молодого человека, необходимо представить еще одно свидетельство. Это молитва или любовная песнь, выгравированная иглой на

золотой фольге под ногами мумии. Она не была включена в отчет Дэвиса — Масперо, а переведена и опубликована позже. Эта песня, или молитва, или прощальное слово, выпарапанное на золотой фольге, гласит:

Я вдыхаю легкий ветерок, который выходит из
твоего рта,
Красоту твою созерцаю каждый день.
Желаю слышать твой любимый голос,
Как дуновенье северного ветра.
Любовь возродит все мое тело.
Дай мне руки твои, в которых заключена твоя душа,
Они охватят и оживят меня.
Зови меня по имени вновь и вновь, вечно,
и никогда оно не прозвучит без ответа.

Этими прекрасными словами кто-то выразил томление, не побежденное смертью. Это была прощальная песнь любви умершему от живого. Это не было написано на гробе или на золотой пластинке, покрывавшей тело, или на груди; эти слова были скрыты под ногами умершего. Имя автора оказалось стертым.

Эти слова, когда в них вчитываешься, только углубляют тайну могилы и желание узнать, кем был мертвый в царском гробу и почему он там оказался.

Луч света блеснул из другой могилы, которая сохранила не только свою тайну.

5

«Увенчанный почестями»

Н и одна археологическая находка не вызвала такого всеобщего интереса, как могила Тутанхамона. Ни открытие Ниневии и библиотеки Ассурбанипала, ни открытие Трои, захоронений в Микенах или государственных архивов писем зль-Амарны, если упомянуть лишь о немногих вершинных точках в истории археологии, не производили такого впечатления на мировую общественность.

Ни одна из могил, открытых до этого в Египте, не содержала и подобия тех богатств, которые имела могила Тутанхамона. Сообщения на первых полосах газет во всем мире подогревали общественный интерес и оттесняли все прочие новости. Пивной путч в Мюнхене, даже землетрясение и приливная волна, опустошившие Токио и другие города Японии и унесшие сотни тысяч жизней, оторвали лишь на сравнительно короткий период от неизменного интереса к открытиям Говарда Картера в Долине Царей близ Фив.

В течение нескольких сезонов Картер и его рабочие вели раскопки в долине без каких-либо заметных успехов. Раскопки финансировались лордом Карнарвоном, богатым человеком, в котором интерес к древностям и авантюрный дух путешественника и спортсмена соединились, чтобы сделать археологию его главным увлечением, когда состояние его здоровья вынудило его держаться подальше от туманов его родной Англии. Со времени открытия Теодора Дэвиса в 1907 году почти никаких важных находок в этой долине сделано не было, и продолжение раскопок было возложено на Карнарвона в 1914 году. Сын четвертого графа Карнарвона, который перевел «Агамемнона» и «Одиссею» на английский язык, Джордж страстно стремился достичь лавров Шлимана, об открытии которым Трои и могилы Агамемнона он, должно быть, немало слышал в детстве от своего отца. Несколько сезонов раскопок ничего не принесли Картеру и Карнарвону, кроме глыб перевернутых камней, по слухам достигавшим двухсот тысяч тонн, и они решили провести лишь один последний сезон на участке, имевшем форму треугольника, где они закончили все работы, прежде чем отправиться на другую территорию, возможно, за пределы долины.

В ноябре 1922 года Картер обнаружил под слоем хижин ремесленников, относящимся к эпохе двадцатой династии, ступеньки, ведущие вниз, а затем опечатанную дверь. Одной из печатей была печать Тутанхамона, другие принадлежали жрецам некрополя. Картер решил, что грабители посетили эту могилу примерно перед началом

двадцатой династии и дверь была опечатана властями для защиты некрополя. Проход был освобожден от камней, которыми он оказался завален, чтобы уберечь могилу от взломщиков. Слой разноцветных камней указывал, каким путем посетители проникали внутрь. Была открыта дверь, вновь запечатанная печатью Тутанхамона и печатями жрецов. То, что открылось взору при свете фонарика через отверстие, проделанное Картером в двери, превосходило все фантазии автора «Тысячи и одной ночи», описавшего пещеру с сокровищами, и все богатства, когда-либо найденные археологами. «Наверняка никогда за всю историю раскопок не возникало такого поразительного зрелища, как то, что открылось нам в свете фонарика»¹. Золотой трон, золотое ложе, золотая колесница, жертвенники, вазы, статуи — невообразимая коллекция сокровищ заполняла это место. «Убранство, непревзойденное до сих пор совершенством исполнения и изысканностью отделки; ткани такой тонкости и красоты, каких до сих пор не было; изогнутые алебастровые вазы, каких еще не видел мир... Что означало все это изобилие искусства и красоты? Почему такое богатство стеклось в укромный уголок этого заброшенного ущелья и самые изысканные произведения мирового искусства и ремесел были скрыты от глаз в этом странном некрополе?»²

Из этой комнаты сокровищ опечатанная дверь привела Картера и Карнарвона в другую комнату, тоже заполненную сокровищами; вторая опечатанная дверь открывалась в погребальную комнату. В ней находилась усыпальница длиной в 16 футов 6 дюймов, шириной в 10 футов 9 дюймов и высотой в 9 футов, которая заполняла помещение настолько, что человек мог, лишь сжавшись, протиснуться, обходя ее вокруг. Она была инкрустирована роскошными украшениями из сверкающего голубого фаянса с магическими формулами для защиты умершего царя. Когда двери этой усыпальницы были открыты, внутри оказалась еще одна золотая усыпальница, также велико-

¹ Carter and Mace, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, I (1923), 98.

² G. Elliot Smith, *Tutankhamen and the Discovery of His Tomb* (1923), p. 45.

лепной работы. И внутри второй усыпальницы находилась третья, тоже из золота, снаружи вся покрытая выгравированными иероглифами и рисунками изысканного исполнения¹.

Работа по вывозу из погребальных помещений сокровищ в виде золота, ювелирных украшений, драгоценных камней, кушеток, тронов, золотых колесниц, золотых сундуков и роскошных ремесленных изделий потребовала недель и месяцев. За это время лорд Карнарвон умер от заражения крови, вызванного укусом москита. Он не дожидаясь открытия третьей усыпальницы. Внутри нее, как ожидал Картер, должен был, наконец, находиться гроб, но вместо него он обнаружил четвертую усыпальницу, «еще более великолепную по исполнению, чем последняя». «С невероятным волнением я выгасил болты этой последней усыпальницы, распечатал двери, и там, заполняя собой все пространство... стоял огромный желтый саркофаг из кварца, нетронутый с тех пор, как его поставили благочестивые руки». Фигурки богинь защищали саркофаг своими крыльями и распростертыми руками. Крышка из розового гранита, весом более тысячи двухсот фунтов, покрывала саркофаг, который был высечен из цельной глыбы желтого кварца 8,8 футов длиной, 4,8 футов шириной и 4,8 высотой. Когда крышка была поднята, предстало позолоченное изображение царя, и оно сверкало, как будто было сделано лишь вчера. В скрещенных руках находились эмблемы царской власти. Тоненький венок из цветов, все еще сохранявших блеклый цвет, лежал на золотом лбу. Под этим золотым «человекоподобным» гробом находился еще один золотой гроб. На его крышке мертвый фараон был представлен в образе Осириса. Внутри был третий гроб, 6 футов в длину, сделанный из толстого золота и очень тяжелый. Когда его открыли, там, наконец, находилась мумия. Голова ее была покрыта «золотой портретной маской Тутан-

¹ Фотографии различных усыпальниц, сделанные со всех четырех сторон, а также их описание находятся в работах: *The Shrines of Tut-Ankh-Amin*, by A. Piankoff, ed. N. Rambova, Bollingen Series, XL, No. 2 (Pantheon Books, 1955).

хамона. Мумия была богато украшена драгоценностями, и всем безделушкам, которые радовали царя-мальчика при жизни, позволено было сопровождать его в могилу после его смерти». На ногах его были золотые сандалии, а каждый палец и его кончик имели свою особую подставку из золота. Пальцы были украшены золотыми кольцами, многие из которых имели в качестве украшения скарабеев с выгравированным на них именем царя. Широкие браслеты обхватывали его руки, в то время как шея и грудь несли тяжесть искусно сделанных и разложенных цепей, ожерелий, нагрудных украшений, амулетов, птиц из золота, полудрагоценных камней и фаянса. Каждый из этих предметов «был выдающимся шедевром художественного мастерства и делал честь его создателю»¹.

«Лицо оказалось утонченным и благородным, черты его были правильными, особенно четко очерченные губы»². Но тело, за исключением ног, оказалось поврежденным, почти сгоревшим из-за избытка составов, примененных при бальзамировании. Более ста сорока ювелирных украшений было найдено среди повязок, покрывавших мумию.

Прошли годы, прежде чем Картер, осторожно извлекая все сокровища (тем временем он обнаружил, что имелась и четвертая комната, вход в которую шел из погребального помещения, заполненная сундуками, фигурками и другими ценностями) и разбирая четыре усыпальницы, открыл саркофаг и три золотых гроба, в последнем из которых он обнаружил мумию. После того как все повязки были разрезаны, мумия была исследована доктором Д. Э. Дерри. Анатом определил, что в момент смерти возраст Тутанхамона составлял 17—18 лет, ближе ко второй цифре. Он был поражен сходством между черепом Тутанхамона и царственного покойника в могиле, обнаруженной Дэвисом. У Тутанхамона наблюдалось то же самое необычное утолщение черепных костей — особенность, очень четко выраженная на многочисленных портретах Эхнатона. Профессор Дерри пришел к ошеломляющему заклю-

¹ Steindorff and Seele, *When Egypt Ruled the East*, p. 228—32.

² Carter, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, II, 113.

чению, что Тутанхамон был сыном Эхнатона. До сих пор он был известен как зять Эхнатона и муж его третьей дочери от Нефертити — Анхесенпаатен. Если он был сыном Эхнатона, значит, он женился на своей родной или сводной сестре.

Череп и кости человека из могилы царицы Ти были повторно исследованы доктором Дерри, который занял кафедру анатомии в Каирском университете, прежде возглавляемую Эллиотом Смитом. Он сделал вывод, что человеку, который находился в гробу Эхнатона в могиле Ти, было не больше двадцати четырех лет в момент смерти, а вероятнее всего — двадцать три. Профессор Смит также уменьшил названную им цифру, написав в 1930 году: «Археологические данные, кажется, не оставляют сомнений в том, что эти кости действительно принадлежат царю-еретику, но трудность возникает в связи с тем, что анатомические данные, вероятно указывают на возраст около 23 лет...»¹ Его оговорка насчет того, что при гидроцефалии может возникать замедление роста эпифизиса в костях и что в этом случае умерший мог быть несколько старше, была отвергнута доктором Дерри, который четко доказал, что изменения в черепных костях мумии не были вызваны гидроцефалией. Доктор Дерри поставил проблему перед египтологом, доктором Энгельбахом, чтобы он заново проверил все данные и установил, где тело находилось в царском гробу в укромной пещере. Доктор Энгельбах успешно справился с этим поручением. Он доказал, что таинственной мумией был Саанехт. Ти, Эхнатон и Тутанхамон исключались. Прозвище «Живущий в истине», уцелевшее перед сбитыми картушами на гробе, в котором было найдено тело, характерно для Эхнатона; выражение, часто повторяющееся на золотой фольге, покрывающей мумию — «Любимый Эхнатом», — не может указывать на тело царя-еретика, а указывает на того, кого любил Эхнатон. Это выражение встречалось и в других случаях, но всегда

¹ G. Elliot Smith, Introduction to *The Papyrus Ebers*, trans. from German version by C. P. Bryan, (1930), p. XXX.

только по отношению к Саанехту¹. Такое решение в общем было принято научным миром. Алебастровый кувшин с крышкой, украшенной изогнутой головкой, один из ценнейших экспонатов Музея искусств «Метрополитен» в Нью-Йорке, полученный в качестве подарка от Дэвиса, который обнаружил четыре таких кувшина в могиле Ти (остальные три находятся в Каире), был, соответственно, представлен как кувшин Саанехта. Портрет, который сначала по прочитанной подписи определили как «царица Ти», потом как «царь Эхнатон», получил новую подпись: «Саанехт из восемнадцатой династии».

Сравнивая скелеты Тутанхамона и Саанехта, профессор Дерри установил, что они были братьями и сыновьями Эхнатона. Картер в своем отчете о могиле Тутанхамона рассказал о том, что Дерри установил отношение Эхнатона к Саанехту как отца к сыну². Теперь установление того факта, что Саанехт и Тутанхамон были братьями, бросило новый свет на проблему наследования трона Эхнатона.

После того как Эхнатон прекратил царствовать, Саанехт занимал трон недолго. Последняя дата, упомянутая в связи с ним, — «на третий год». Но установлено, что сюда должен быть включен период его совместного царствования с отцом, так что его собственное правление могло продолжаться примерно год, но вряд ли больше³. После недолгого царствования он лишился трона в пользу брата при обстоятельствах, которые подразумевают соперничество. Картер писал в своем отчете: «Вполне возможно, что он (Саанехт) принял свою смерть от рук соперничающей группировки»⁴. Он продолжал: «Сам Тутанхамон был почти мальчиком. Совершенно очевидно, что в первые годы этого

¹ В действительности «Beloved of Neferkheperura», что было тронным именем Эхнатона. *Annales du Service*, XXXI (1931), 105.

² Carter, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, III, 18.

³ G. Roeder, «Thronfolger und König Smench-ka-re», *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, LXXXIII (1958), Heft I, 45.

⁴ Carter and Mace, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, I, 43.

детского правления (его и его жены Анхесенпаатен) должна была присутствовать некая сила за тронем, и мы можем быть уверены, кто был этой силой... это был Аи, Верховный Жрец, Дворцовый Смотритель... самый могущественный придворный. Теперь, заглянув немного вперед, мы обнаруживаем, что тот же самый Аи захватил трон для себя после смерти Тутанхамона. Мы также знаем, поскольку его картуш присутствует в погребальной комнате вновь обнаруженной могилы, что он взял на себя погребальную церемонию Тутанхамона... Еще не было случая в Долине Царей, чтобы имя царя-наследника было обнаружено на стенах погребальных покоев его предшественника. Самый этот факт, кажется, должен указывать на какие-то особые отношения между ними, и мы вполне можем предположить, что именно Аи устроил все, чтобы посадить мальчика-царя на трон. Вполне возможно, что он уже сам имел на него планы, но, не считая момент достаточно удачным, предпочел выждать и использовать возможности, которые он, без сомнения, имел как министр при юном и неопытном монархе, чтобы упрочить свое положение»¹.

Но как он мог рассчитывать на трон, занятый человеком, который был моложе его на два поколения, если он не планировал смерть своего подопечного?

На стенах погребальных покоев Тутанхамона изображен сам Аи, руководящий похоронной церемонией юного царя. Таким образом он подчеркивал, что он сам осуществил похоронный обряд для покойного монарха. Неизвестно ни одного случая, чтобы царь сам себя изобразил в качестве официального лица на погребении своего предшественника².

Вопрос о том, почему этот монарх, который правил

¹ Carter and Mace, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, I, p. 43—44.

² «Эта сцена беспрецедентна: занявший трон фараон никогда ни до, ни после этого не изображался в могиле предшествующего правителя». Penelope Fox *Tutankhamun's Treasure* (Oxford University Press, 1951) p. 20.

очень недолго и умер молодым, удостоился таких почестей после смерти, поднимался, но не получил ответа. Один автор писал: «... весьма странно, поскольку при всем великолепии своего погребения¹ Тутанхамон был малозначительным правителем». Картер, первооткрыватель его захоронения, писал о нем: «При нынешнем уровне наших знаний мы можем откровенно признать, что самой выдающейся приметой его жизни было то, что он умер и был похоронен. О самом этом человеке — если только он успел достичь человеческого достоинства — и о его личном характере мы не знаем ничего»². Это цитата из первого тома его отчета, написанного до того, как были вскрыты усыпальницы и гробы, и до того, как доктор Дерри сделал анатомическое обследование мумии. Картины в могиле изображают Тутанхамона стреляющим по рядам врагов и карающим пленных. Эта деталь, если только она не плод фантазии, что скорее всего исключается, указывает на военные действия в период царствования Тутанхамона. Не исключено, что он погиб юным в бою и что за это проявление патриотизма удостоился чести иметь исключительно богатое погребение и привилегию, в соответствии с которой следующий царь уплатил ему дань посмертно.

Нельзя не заметить огромной разницы во внешнем виде, убранстве, роскоши и порядке — или беспорядке — могил двух братьев, которые правили один за другим. Для младшего брата — позолоченная усыпальница, покрытая драгоценными камнями, содержащая внутри себя еще три усыпальницы, покрытые золотом, одна в одной, красивый саркофаг и три гроба, последний из которых из цельного золота. Для старшего — разбитая усыпальница (названная Дэвисом катафалком), которая не была сделана для покойного, и гроб, покрытый золотой фольгой, который упал и разбился, открыв разлагающуюся мумию, голова которой торчала из трещины. Но это убогое место, тайник, а не склеп, ясно указывало на то, что кто-то руководил по-

¹ «Захоронение, которое является чудом». (Там же, с. 37).

² Carter and Mace, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, I, 45.

хорошами, хотя и бедными: около тела Саанехта были найдены обгоревшие травы и благовония. Кто-то также оставил несколько цветков, превратившихся в пыль, и написал любовную песнь, изысканную по красоте, и спрятал ее у ног умершего. Беспорядок в помещении, должно быть, был устроен людьми, которые приходили ограбить могилу и осквернить ее и которые, вероятно, сбили имена с гроба и разбитой усыпальницы и перевернули гроб, но не унесли находившиеся в нем немногочисленные золотые предметы.

Когда Эдип оставил трон, принужденный к этому могущественным Креонтом, своим дядей, а также деверем, который действовал, ссылаясь на волю богов, враждебную царю, два сына Эдипа, Полиник и Этеокл, согласились править по очереди:

Они оба были очень молоды. Полиник, старший, правил первым. Через год он уступил трон Этеоклу и покинул царство, вернувшись требовать корону, когда наступила его очередь царствовать вновь. Однако Креонт, будучи регентом, подстрекал царя-мальчика отвергнуть законное требование брата и сохранить трон для себя. Действие трагедии «Семеро против Фив» происходит в то время, когда Этеокл был царем Фив, а его брат Полиник явился в союзе с чужеземными врагами и атаковал город.

И странен этот Бог Раздора, делящий
Надвое права рожденья...
Как горестен раздел между детьми
Законного наследства!
Вместо равнинного простора,
Страны отцов, они получают
Лишь мертвеца наследство —
Жалкий кусок земли для собственной могилы!¹

Египетскими прототипами этой драмы были Саанехт и Тутанхамон. Они были братьями, и Саанехт правил пер-

¹ Эсхил. Семеро против Фив.

вым; он был изображен с царскими регалиями, когда Эхнатон был еще жив и на троне, так как они были изображены на одном и том же барельефе. Эхнатон уступил свою царскую власть при жизни, но Саанехт, который вернулся из Ахет-Атона в Фивы, правил очень недолго, около года, и в это время он еще не достиг двадцати лет.

Вскоре трон в Фивах был занят Тутанхамоном. Аи, брат Ти, действовал как регент. Вполне понятно, что Саанехт лишился своего трона из-за своего соперника, младшего брата, который не мог действовать подобным образом по собственной воле: его поддерживал и направлял регент.

Таким образом, мы снова сталкиваемся с ситуацией, которая очень напоминает ситуацию в греческих Фивах. Царь, который жил в кровосмесительной связи со своей матерью, отказался от престола и через некоторое время был отправлен в изгнание. Юный принц, во время царствования которого он был изгнан, правил очень недолго и был смещен своим соперником, братом, тоже не достигшим двадцатилетия. В обоих случаях — и в мифе, и в истории — реальная власть была сконцентрирована в руках царского родственника, дяди по матери, который отдал предпочтение младшему принцу — Этеоклу в мифе, Тутанхамону в истории.

Неизвестная война, в которой, согласно картинам в своей могиле, участвовал Тутанхамон, была, вероятно, войной против его брата и чужеземных войск, которые тот привел с собой против Фив¹. Оба умерли молодыми, погибнув на этой войне.

«Могила в скале»

Креонт, правитель Фив, приказал, чтобы один из погибших принцев был похоронен со всеми почестями и роскошью, а второй остался непогребенным. И это было объявлено народу Фив:

¹ На этих панно Тутанхамон воюет против сирийцев и эфиопов.

«Я Этеокла, что в бою за город
 Пал, все копьем своим преодолев,
 Велел предать земле и совершить
 Над ним обряд, достойный благородных.
 О брате же Этеокла, Полинике,
 Который край свой и богов отчизны,
 Вернувшись из изгнания, сжечь хотел
 Дотла и братскую упиться кровью
 И граждан всех рабами увести, —
 О нем мы возвещаем всем: его
 Не хоронить, и не рыдать над ним,
 И хищным птицам там, без погребенья,
 И псам его оставить в знак позора.»¹

Царские похороны были устроены для погибшего принца, любимца всемогущего Креонта, и он был отнесен в свою могилу в великолепном облачении и со всей пышностью. Чтобы подчеркнуть неравенство, похоронный обряд проводили с роскошью и склеп был богато украшен. Смертный приговор был объявлен тому, кто похоронит другого принца, Полиника.

«Злосчастного же тела Полиника
 Он всем через глашатая велит
 Не погребать и не рыдать над ним...»²

Богатые погребальные покон для Тутанхамона и убогий тайник для Саанехта, которые оба носили египетскую корону — это вновь, как в мифе, так и в истории, жребий младшего и старшего братьев. Именно регент, сам ставший царем, устроил пышные похороны погибшему царю-мальчику. И как в мифе, так и в истории, что подтверждается рисунками и надписями на стенах могилы Тутанхамона, регент, следующий царь, Аи, не имея подобного прецедента в Египте, сам изобразил себя в этой роли, демонстрируя великую заботу о том, чтобы богатые дары были возданы умершему монарху.

¹ Софокл. Антигона. (Перевод С. В. Шервинского и Н. С. Познякава).

² Там же.

Аи был обеспокоен и тем, чтобы Саанехту не достались погребальные почести, достойные царя. Даже смещенный с престола, он был принцем царской крови и когда-то носил корону Египта. Похоже, что кто-то спрятал его в грубо вырубленной пещере, сжег несколько сучков у могилы умершего, сделал торопливую попытку забальзамировать тело и выразил глубокую любовь к умершему принцу.

Кто-то не повиновался приказу старого регента-царя, Креонта, и «попытался спрятать наготу». Это была Антигона, сестра погибших принцев, которая пренебрегла запретом регента, противоречившим, по ее мнению, «неписаным и нерушимым законам небес». Она тайком засыпала своего брата-изменника песком, зная, что за этот акт любви и преданности она лишится собственной жизни.

«Я вдыхаю твое сладкое дыханье, которое выходит из твоего рта... Желая слышать твой любимый голос, как северный ветер... Дай мне твои руки... Зови меня по имени целую вечность, и я никогда не исчезну...».

Эти слова, как мы знаем, не из грустной погребальной песни «Антигоны» Софокла; они из последнего любовного послания, оставленного исторической Антигоной у ног своего мертвого брата.

Антигона была схвачена и приведена к регенту. Она призналась, что не могла стерпеть, чтобы ее брат «лежал мертвым и непохороненным прахом». Креонт был безжалостен к принцессе, которая нарушила его первый царский декрет.

«Воистину особо ненавистно, когда захваченный на месте преступления свое злодейство в славу обращает», и он решил, что она «не избежит ужаснейшей судьбы». Он не убьет ее, но и не позволит ей жить. Она будет замурована заживо в пещере, и для нее оставят пищу, чтобы продлить ее агонию:

Ушлю туда, где людям не пройти,
Живую спрячу в каменной пещере,
Оставив малость пищи, сколько надо,

Чтоб оскверненью не подвергнуть град¹.

Еврипид указывал, что пещера-могила Антигоны находилась рядом с могилой ее брата.

Антигона: Похороню его, хотя запрет наложен государством. Креонт: Поступишь так — свою могилу обречь в соседстве с братом.

Этот «склеп могильный, брачный терем, вечная тюрьма в пещере горной» находилась близ места ее преступления.

В конце своего отчета о могиле царицы Ти, могилы, которая, как мы теперь знаем, скрывала тело Саанехта, Дэвис упомянул о следующей находке, которая не заслуживала отдельной публикации, но тем не менее не должна была остаться незамеченной:

«Недавно я обнаружил маленькое захоронение в пещере на расстоянии трехсот футов от могилы Ти. Оно было покрыто скальными породами и песком примерно на глубине трех футов, занимало площадь около семи футов и располагалось на глубине шести футов. Оно было заполнено белыми кувшинами с опечатанными крышками». Эти кувшины содержали «маленькие красные чаши» и другие предметы, «не представляющие ценности». Дэвис предположил, что все эти предметы были перенесены из могилы какого-то бедняка, «чтобы найти могилу для царицы Ти», и что «она была единственной, которую удалось обнаружить по соседству» как хранилище для принесенных сосудов. Но для того, чтобы хранить погребальные сосуды какого-то бедняка, не требовалось помещения площадью в семь футов и в шесть футов глубиной. И с какой стати в могиле неведомого бедняка очутились многочисленные белые кувшины с крышками и множество красных чаш?

Поскольку эта находка не удостоилась отдельной публикации, Дэвис не сообщил, удалось ли обнаружить в этой могиле кости скелета; вероятно, кости здесь были, иначе Дэвис назвал бы пещеру не могилой, а тайником. А если

¹ Софокл. Антигона. (Перевод С. В. Шервинского и Н. С. Познякова).

это не была могила, то почему кувшины бедняка хранились в Долине Царей? Каждая из чаш первоначально должна была содержать какую-то еду.

То, что это место могло быть могильным склепом исторической Антигоны, не более чем дерзкое предположение. Мы склоняемся к нему по двум или трем причинам: близость этого места к тайному захоронению погибшего царя-соперника; форма пещеры, необычная для Долины Царей, и наличие кувшинов и чаш, содержащих, очевидно, пищу на много дней или даже месяцев.

Поскольку ее жизнь была вне закона и она должна была умереть, было логично, поскольку она родилась принцессой, приготовить для нее могильный склеп в Долине Царей. И поскольку она совершила преступление, похоронив своего брата, логичней было бы, если бы она умерла вблизи от него. Повторяю, только эти многочисленные белые кувшины и красные чаши позволяют сделать такое предположение. И только в таком варианте эта идея находит свое место в нашей работе. Сталкиваясь с бесконечными фантазиями авторов трагедий, разве не можем мы разыграть одну из собственных, и пусть она будет отброшена, если пристрастный читатель не сможет ее принять.

Я оставляю это предположение в его первоначальной форме, хотя дополнительные опубликованные материалы позволяют увидеть в нем не просто плод фантазии. Теодор Дэвис описал свою находку на одной страничке, добавленной к тексту «Могилы царицы Ти», и именно по поводу этой публикации спустя почти столетия сетовал Алэн Х. Гардинер:

«История раскопок в Египте представляет, наряду с блестящими работами, почти непрекращающуюся серию неудач. Самая непоправимая потеря случается тогда, когда результаты остаются полностью неопубликованными. Но неудача неизбежна и тогда, когда публикация является неполной или недостаточно точной. Именно это, к несчастью, произошло с книгой М. Дэвиса...»¹

Но Теодор М. Дэвис (не путать с Норманом де Га-

¹ Gardiner, *Journal of Egyptian Archaeology*, XLIII (1957), 10.

рисом Дэвисом, который описывал захоронения эль-Амарны) не был образованным археологом, если только вообще имел какое-то образование. Он нанимал археологов, которые вели для него раскопки, платя им из доходов Нью-порта, Роуд-Айленда и казино, где ему принадлежал контрольный пакет акций. Он сделал себе имя как попечитель египтологии. Он умер в 1915 году в имении Уильяма Дженнингса Брайна во Флориде.

В 1941 году Г. Э. Уинлок опубликовал статью¹ в серии «Записок» Музея искусств «Метрополитен» в Нью-Йорке, к которой доктор Вальтер Федерн, мой образованный друг и библиограф-египтолог, только недавно привлек мое внимание, заметив, что там я смогу найти кое-что о тайнике с сосудами и чашами в пещере Долины Царей. В том самом январе 1908 года, когда был обнаружен тайник, Уинлок находился в Фивах. Когда он опубликовал статью об этой находке, он оставался единственным живым свидетелем среди тех, кто присутствовал в момент открытия. Все остальные умерли в последующие девять лет. Он с сарказмом упомянул об одном британском дипломате, имя которого названо в статье, написавшем г-ну Дэвису любопытную записку, где сообщалось, будто он слышал, что «сотрудники г-на Дэвиса каждую зиму обнаруживают какую-то царскую могилу». Поскольку он намеревался посетить Долину Царей через несколько дней, он просил, чтобы все открытия были отложены до его приезда. Мистер Дэвис обещал сделать все от него зависящее.

Пещера, вырубленная в скале, находилась всего в ста двадцати ярдах от того места, где позже была обнаружена могила Тутанхамона, на южной стороне восточного рукава Долины Царей, и почти на равном расстоянии — сто ярдов — от места, где в разоренной могиле покоился Саанехт. Описание Уинлока показывает, что горшки и маленькие сосуды содержали также остатки пищи и одежды.

¹ *Materials Used at the Embalming of King Tut-ankh-Amun*, Metropolitan Museum of Art Papers, No. 10 (1941).

Отвергая объяснение Дэвиса («Никто в экспедиции Теодора Дэвиса точно не знал, что собой представляет эта масса вещества»), Уинлок предложил свое собственное объяснение: пища представляла собой остатки трапезы, в которой участвовала группа людей; ткань была материалом, употреблявшимся для бальзамирования; некоторые находки в этой пещере свидетельствуют о том, что все ее содержимое было размещено примерно в то время, когда был похоронен Тутанхамон, или вскоре после этого. Уинлок сделал вывод, что те, кто принимал участие в трапезе, поминали царя.

«Точность такой датировки очевидна». В могиле были обнаружены шесть глиняных оттисков печатей. Три из них явно имеют картуши Тутанхамона. Четвертая — это печать жрецов некрополя Долины Царей — шакал над девятью связанными пленниками. Это та же самая печать, с помощью которой были опечатаны двери в могилах Тутанхамона и Саанехта («могила Ти»). Холщовые ткани в пещере сохраняли следы черно-синей краски, а на двух из них была дата — последний год царствования Тутанхамона. Один кусок привлек особое внимание Уинлока. Это фрагмент ткани длиной 2,44 метра (более 8 футов) и шириной 61 сантиметр (более 2 футов), от которого по ширине были отрезаны куски с каждой стороны. «Это кусок из очень тонкой, плотно сотканной, но не массивной ткани, с 36 нитями основы и 28 нитями ткани на один сантиметр». Он был «ветхим и грязным от старости».

«Метки на нем оказались самыми любопытными из всех, какие я когда-либо видел». Одна метка была нарисована на ткани и относилась к последним годам царствования Тутанхамона. Другая метка была выткана вручную в фактуре ткани и гласила: «Да здравствует добрый царь Нофер». Нофер — это имя, которое принял Саанехт после того, как Нефертити оставила Эхнатона¹. «Знаки вытканы белым, ниткой того же цвета, что и основная ткань, но, сотканые чуть плотнее, они поддаются прочтению».

¹ Нофер-нофру-атен — таково было имя, принятое Саанехтом. Полное имя Нефертити было Нофер-нофру-Атен Нефертити.

Среди кучи мусора «три предмета представляют особый интерес: это шарфы». Такие шарфы носились женщинами, и Уинлок, чтобы иллюстрировать это, без умысла воспользовался фотографией скульптурной головки одной из принцесс, дочерей Эхнатона, покрытой шарфом, обнаруженным Дэвисом. «Все три шарфа на вид очень поношены и стирались так часто, что края начали распускаться». «Два белых имеют пятна на поверхности». Третий шарф, голубой, использовался «как своего рода тряпка, так что в середине оказался протертым». Но первоначально все они не были лохмотьями: «Все эти шарфы сделаны из очень легкой и тонкой ткани».

Там оказалось также много горшков и маленьких сосудов и чаш, слишком маленьких, чтобы содержать больше одной порции для одного человека. Семь сосудов из красно-коричневой глины имели «надписи, торопливо начертанные на них иератическими значками справа налево черными чернилами»: зерно, *dsrt* (напиток), ломоть хлеба, виноград. Обнаружено также шестьдесят пять идентичных чаш, не имеющих надписей, кувшин с вином, бутылки, посуда для хранения воды: «Похоже, что вода в них испарилась, оставив на дне слой осадка». Среди предметов находились также четыре обломка раскрашенного кубка и примерно шестьдесят тарелок различной формы, размера и цвета. Многие из тарелок были разбиты и брошены в более крупные кувшины.

«То, что перед нами следы какого-то пиршества, совершенно очевидно, судя по костям, которые составляли содержимое некоторых кувшинов». «Самыми большими из костей были лопатка коровы, разрубленная каким-то тяжелым орудием, и четыре ребра овцы или козла». Большинство костей, однако, составляли части скелетов девяти уток, относящихся по крайней мере к трем, а всего вероятнее, к четырем разновидностям этого животного, и кости четырех гусей трех различных пород. Все это мясо прошло кулинарную обработку. Ни ножа, ни вилки, ни другого острого предмета не было обнаружено, но «в эпоху восемнадцатой династии не пользовались ни ножами, ни вил-

ками, но просто брали пищу в руки, чтобы жевать ее».

В пещере находилось семь или шесть цветочных ожерелий. «Некоторые из них мистер Дэвис разорвал, чтобы показать, насколько они до сих пор крепки». Они были сделаны из оливковых листьев, васильков и из ягод паслена. Надевали ли их участники пиршества, последовавшего за похоронами Тутанхамона? «Ни одно из них, однако, не было так тщательно сделано, как ожерелье, найденное Картером в самом нижнем гробу могилы Тутанхамона, и поэтому мы убеждены, что никто на этом пиру не имел царского ранга».

Две метлы, «принесенные, чтобы смести песок или пыль и убрать последние следы гостей, были обнаружены в кувшинах. Это были просто вязанки хвороста, стянутые чем-то вроде веревки посередине». «Обе метлы на вид казались сильно обтрепавшимися, возможно, ими выметали за гостями, которые присутствовали на похоронной церемонии царя Тутанхамона».

Среди прочих находок оказались несколько крышек из грубой глины с красной лучиной. «Три из этих крышек использовались как лампы, так как внутри одной из самых маленьких был густой слой сажи, а две другие содержали нечто похожее на высохшие остатки лампадного масла, в одном случае с вкраплениями сажи. Поскольку это не настоящие лампы, они не могли использоваться для освещения дворцового зала».

И наконец, здесь находилась маска молодой женщины, изготовленная из гипса и раскрашенная. Такие маски при жизни делались обычно для особ высокого положения или происхождения и помещались в его или ее погребальные покои. По поводу этой маски, которую он воспроизвел, Уинлок сказал лишь несколько слов походя¹.

По наличию восьми одинаковых чаш Уинлок сделал вывод, что в погребальном пиршестве участвовало много людей. Он писал: «Было бы чрезвычайно интересно

¹ «Она похожа на миниатюрную маску мумии, которую скорее можно увидеть на канописких сосудах... Уинлок.

узнать имена и должности людей, которые принимали участие в этой трапезе, но даже в Египте потребовалось бы много усилий, чтобы выяснить такие детали». Разумеется, если это была трапеза в честь Тутанхамона, на ней должен был присутствовать царь Аи — он официально руководил похоронами, — но не в компании нескольких человек и ели не из глиняных тарелок. «Можно заключить, что угощение состояло из мяса и птицы и, возможно, хлеба и лепешек... В конце, когда восемь человек, принимавших участие в трапезе, вышли из комнаты, все за ними было выметено и дверь закрыта». Но Уинлок признает, что до сих пор не удалось узнать о подобных тайных похоронных пиршествах и; возможно, они вообще не проводились: «Я не знаю ни одного случая, когда были бы обнаружены остатки подобного пиршества».

Известно, что похоронные трапезы проводились в Древнем Египте, как свидетельствуют рисунки, но не из глиняных тарелок и, разумеется, не из подобной посуды, если речь шла о похоронном пире для Тутанхамона, когда должна была использоваться только золотая посуда; и не при свете жалкой закопченной лампы из перевернутой крышки, в то время как в могиле Тутанхамона было множество прекрасных алебастровых светильников; и чтобы вымести мусор за восьмью участниками трапезы, нельзя было истрепать две метлы. Как объяснить такое странное количество различных сосудов, в числе которых, кроме восьми чаш, еще шестьдесят пять других чаш и кувшины с водой, в которых она хранилась долго, и непонятные порции, вроде «половины ломтя» хлеба? А женские шарфы? Это не были следы царского бальзамирования, и Уинлок высказался против подобного предположения: «...мы не обнаружили, что весьма странно, ничего похожего на ложе или подставку, на которую могло быть положено царское тело». И тонкая ткань была не из тех, что применялись при бальзамировании царей, и шарфы эти явно ношенные.

Это место — пещера площадью 7 x 7 x 6 футов на

горном уступе Долины Царей¹ — была местом обитания какого-то узника, замурованного в ней и снабженного пищей и другими предметами первой необходимости. Узник этот был женщиной, о чем свидетельствуют шарфы, и при этом высокого происхождения, судя по ткани, еще более прекрасной, чем та, что обнаружена на теле Тутанхамона. Она провела здесь довольно много времени, возможно, несколько месяцев. Шарфы вытерлись в том месте, где соприкасались со лбом, и их часто стирали. Один из них использовался как тряпка для мытья, также там была найдена сода. Вода для питья и умывания и пища спускались в горшках и тарелках, вероятно, через отверстие в потолке. Когда они опустошались, их не уносили, а заменяли другими. Пустые глиняные сосуды узница складывала в кувшины, где хранилась вода; метлами она пользовалась часто, и они все истрепались. Земляные плоски использовались, чтобы немного осветить мрак пещеры по ночам, учитывая, что днем в нее, наверное, проникал слабый свет из отверстия в потолке.

Маленькая женская маска — находка, которая поразила археологов, — могла быть частью погребального убранства молодой и знатной особы, приговоренной к медленной смерти «в брачном тереме, в могильном склепе смерти» («Антигона»). Могло быть так, что некто заключил ее в эту пещеру, и не желая больше гневить богов, передал ей в тюремную могилу некоторые из предметов, которые обычно держались наготове для убранства мертвых.

Ожерелья из цветов были доставлены вместе с узницей, когда она вошла в пещеру, или были спущены к ней кем-то снаружи, тем кто все еще заботился о ней или даже любил ее. Еще более вероятно, что узница сама сплела эти венки из полевых цветов и оливковых листьев, брошенных к ней. В греческой легенде сказано, что Гемон, сын Кронта, всей душой любил Антигону, но не мог ее спасти.

Кто же была эта узница, замурованная в том месте,

¹ Измерения Уинлока $6\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{4} \times 7$ отличаются от данных Дэвиса, приведенных выше.

откуда всего минута ходьбы до могилы Тутанхамона и еще меньше до могилы Саанехта? Кто жил в этой пещере после смерти Тутанхамона и Саанехта? Кто выткал на ее тунике слова: «Живи, прекрасный Царь (Нофер)»? Нофер был погибшим претендентом на престол.

Она носила ожерелья из полевых цветов, она подметала свою камеру метлами, пока они не износились, и она поддерживала огонек тлеющего масла.

О источник Диркейский, о роша
 Знаменитых ристаньями Фив!
 Призываю вас ныне в свидетели:
 По какому закону,
 Не оплакана близкими,
 Я к холму погребальному,
 К небывалой могиле иду?
 Горе мне, увы, несчастной!
 Ни с живыми, ни с умершими
 Не делить мне ныне век!¹

«Одна сестра над гробом брата»

Одна сестра над гробом брата,
 Чтоб возопить над ним и изойти слезами.

Эсхил

Одна минута пути — и мы снова у могилы, скрывшей тело Саанехта. Спустя пятьдесят лет после того, как оно было обнаружено в 1907 году, тайна «могилы Ти» занимала умы археологов и историков. В декабре 1957 года сэр Ален Х. Гардинер, уважаемый египтолог, посвятил большую статью этой могиле, сделав конечный вывод о том, что данные противоречивы и что для конечного решения нужно дождаться какого-нибудь нового от-

¹ Софокл. Антигона. (Перевод С. В. Шервинского и Н. С. Познякова).

крытия¹. Но он установил важный факт, а именно: любовная песнь, положенная в ноги умершего, была написана сестрой или женой покойного, относившейся к нему как к брату. Сначала считалось, что эти слова представляют собой молитву умершего, обращенную к богу; теперь, много лет спустя, было обнаружено, что они адресованы умершему какой-то женщиной. Гардинер выразился таким образом: «Первая вещь, на которую необходимо указать, состоит в том, что женщина, имя которой было тщательно стерто в 1-й строчке от конца, предстает не как обительница этого гроба, а просто как та, кто говорит». Затем, исследовав текст и его повреждения, Гардинер в конце концов установил, что говорящая относится к умершему как к «брату»: слово это было стерто, но его еще можно было разобрать. «Братом» в любовной песне мог быть назван муж или возлюбленный. Новое прочтение Гардинером финальных строчек таково: «Ты можешь звать меня по имени вечно, и оно не замрет на твоих устах, мой любимый брат — ты, который будет со мной вечно...»

Было ли это обращение Нефертити к любимому Эхнатону? Сначала Гардинер так и считал, но, еще не закончив своей статьи, изменил мнение и написал: «По-видимому, приходится поверить, что их близость (Эхнатона и Саанехта) ущемляла Нефертити». И далее: «Имя Саанехта содержит эпитет Нефернефруатен, который раньше был принадлежностью Нефертити». Нефертити вряд ли написала бы любовную песню Эхнатону в его могиле. И, наконец, «важно отметить, что возможный намек на Саанехта на реставрированном изножье гроба ничего не проясняет в отношении обитателя этого гроба». Саанехту адресовала свою любовную молитву какая-то женщина, и он назван здесь «братом». Гроб, однако, принадлежал Эхнатону, а катафалк — Ти.

В своей обширной статье на немецком языке Гюнтер Рёдер собрал все известные факты и легенды о царе Са-

¹ Gardiner, «The So-called Tomb of Queen Tiye», *Journal of Egyptian Archaeology*, XLIII (1957).

анехте. Он выразил свое недоумение в связи с бедным оснащением этой могилы, «недостойной фараона», и полный скептицизм в отношении того, что эта загадка когда-нибудь будет решена. Рёдер предположил, что, возможно, нашлась одна верная душа, которая знала об истинной религии покойного царя, и положила священный талисман с именем Атона не его тело: Саанехт официально перешел к религии Амона¹.

Другая важная статья, касающаяся находок в этой могиле, появилась недавно в «Бюллетене» Музея искусств «Метрополитен»². Сирил Олдред изучил стили причесок в Древнем Египте и применил свои познания для решения проблемы идентификации портрета на канопических кувшинах, обнаруженных в могиле Саанехта. Голова на крышке канопических кувшинов, один из которых находится в этом музее, — это голова женщины, одной из дочерей Эхнатона. Сначала в музее перед этим кувшином ставили табличку, указывающую, что это портрет царицы Ти. Когда было выяснено, что это мумия мужчины, «табличка изменилась, поскольку были приняты в расчет эти новые теории», и на ней было написано имя Эхнатона. Двадцать лет спустя «название опять изменили, и крышка этого канопического кувшина отныне приписывалась царю Саанехту», так как было установлено, что это его мумия. Теперь появилась четвертая табличка: прическа по стилю является женской, поэтому головка представляет собой портрет одной из дочерей Эхнатона. Олдред сделал вывод, что этой принцессой была старшая дочь Эхнатона и жена Саанехта — Меритатен.

Имена на кувшинах уничтожила чья-то осторожная рука, не с намерением их полностью стереть, но только стусевать, а все четыре головки остались нетронутыми. Таким образом, получается, что женщина, адресовавшая мертвому свою прощальную любовную песнь, отдала ему

¹ G. Roeder, «Thronfolger und König Smench-ka-Re», *Zeitschrift für Ägyptische Sprache*, LXXXIII (1958), 43—74.

² C. Aldred, «Hair Styles and History», *Metropolitan Museum of Art Bulletin*, XV (February 1957), 141—47.

свои собственные алебастровые кувшины, тщательно стерт с них свое имя, так как они должны были содержать его внутренности. Кажется также, что эта принцесса воспользовалась любыми предметами, которые она могла найти, чтобы совершить тайные похороны. Меритатен, сестра Саанехта, и была исторической Антигоной, автором скорбных слов, положенных в ноги умершему, которого она обмыла, одела и ублажила возлиянием жертвенного вина.

Кем же были те, кто вторгся, чтобы надругаться над этим местом, совершить ужасные разрушения, разбить катафалк, опрокинуть гроб и оставить после себя золото, даже если они унесли некоторые из наиболее ценных вещей? «Многие из предметов погребального ритуала, включая миниатюрные канопические чаши, одну из огромных золотых усыпальниц и некоторые украшения, покрывавшие саму мумию, были изначально сделаны для Саанехта, но незаконно взяты для похорон Тутанхамона»¹. Взломщики были эмиссарами нового царя, Аи, и они пользовались той же самой печатью — шакал над девятью узниками, — которая была обнаружена на двери могилы Тутанхамона и в пещере в скалах, заполненной глиняной посудой.

Еще раз перелистаем страницы «Антигоны» Софокла. Мы обнаруживаем, что Креонт послал эмиссаров к могиле Полиника. Когда Антигону нашли над его телом,

... девушка подходит
И стонет громко злополучной птицей,
Нашедшею пустым свое гнездо.
Лишь увидала тело обнаженным,
Завыла вдруг и громко стала клясть
Виновников... подняв высоко
Свой медный, крепко скованный сосуд,
Чтит мертвого трикратным возлияньем².

¹ Steindorff and Seele, *When Egypt Ruled the East*, p. 226. But cf. Roeder in the article referred to in Footnote 2.

² Софокл. Антигона.

Она увидела тело обнаженным после того, как она уже о нем позаботилась: эмиссары разрушили то, что она успела сделать раньше¹. Уличенная и приговоренная царем «жить как в могиле», она с надеждой говорила о скорой встрече со своими умершими отцом, матерью и братом:

«Умерших, вас я собственной рукой
Омыла, убрала и возлиянья
Надгробные свершила. Полинник!
Прикрыв твой прах, вот что-терплю я ныне!»

То есть, словами Антигоны: «... склеп могильный, брачный терем мой и вечный страж — подземное жилище!»

Слова о сладком дыхании и дорогом имени умершего, написанные и спрятанные в ногах ее дорогого брата — Саанехт был одновременно и ее мужем и ее братом, — невольно приходят на память, когда мы перечитываем Еврипида. Его Антигона была наделена не только сестринским чувством долга по отношению к погибшему брату Полинику, но она нежно любила покойного: «О мой любимый! Хоть еще один поцелуй оставлю я на твоих губах». И еще: «О мой брат, Полинник, самое дорогое для меня имя!» В старых комментариях к античным текстам Антигону обвиняли в том, что она находилась в интимных отношениях со своим братом².

Креонт, приговорив Антигону к медленной смерти, был также непреклонен в своем решении надругаться над телом погибшего претендента на престол и оставить его непогребенным. Это была неслыханная жестокость по отношению к умершему, и за ней последовало вмешательство старого прорицателя Тиресия:

«... ты безжалостно загнал
Живую душу в темную гробницу;

¹ Cf. Carl Robert, *Oidipus*, I, 369. «Мы тело, наполовину сгнившее, открыли» (Страж в «Антигоне»).

² Marie Delcourt, *Oedipe* (1944), p. 219.

А сам берешь, отнявши у Подземных,
Прах обещанный, не погребенный».

Он предупредил, что это «насилие над волей богов», которое вновь принесет бедствия государству: «... боги уже не принимают молитв и жертв из наших рук».

Креонт ответил: «Старик, вы все стреляете в меня, как в цель стрелки». Он открыто заявил о своем подозрении, будто Тиресий был подкуплен, чтобы произнести свое пророчество:

«Торгуйте, наживайтесь, коль хотите,
Электриком сардским иль индийским златом, —
Его в могилу вам не положить».

В диалоге, который последовал за этим, Креонт снова оскорбил старого прорицателя: «Пророки все всегда любили деньги». Не менее откровенный пророк предсказал царю ужасное будущее: «... ждут тебя богини мщенья... чтоб и тебя постигли те же беды». Его труп однажды тоже будет выброшен из могилы. «Подкупленный ли говорю с тобою, смотри уж сам».

Креонт переживает внутреннее смятение. Предводитель Хора советует ему:

«Ступай, веди невесту из пещеры;
И оскверненный прах похорони».

В итоге он подчинился и послал за оскверненным телом, которое оставалось под присмотром стражи, совершившей жалкое подобие похоронного обряда («омыли мы священным омовеньем останки»).

Креонт спешит к Антигоне в ее могилу-пещеру. Но она была уже мертва, покончив с собой, как ее мать Иокаста. Он нашел «повесившейся деву на туго перекрученном тонком холсте» (Софокл). Недоумевали по поводу длинных полос тонкого холста, оторванных от куска ткани и пропавших из пещеры-могилы в Долине Царей, о которых

упоминалось в работе Уинлока¹.

Как ее мать Иокаста? Как же тогда закончила свою жизнь царица Ти?

Конец Ти

О солнце-бог... будь проклят свет,
Которым осенил ты Фивы.

*Иокаста в трагедии
Еврипида «Финикиянки»*

Ти находилась на высоте власти и влияния в двенадцатый год царствования Эхнатона. Потом фигура матери-жены стала неразличимой, будто опустился темный занавес. Ее конец можно было бы понять лучше, если бы ее мумия была обнаружена в царской могиле, соответствующей ее положению при жизни. Но ее мумия обнаружена не была; ее катафалк оказался разбитым; гроб ее сына был найден там, где положено было находиться ей самой; и в этом гробу находилось тело Саанехта.

Курт Ланге в своей книге об Эхнатоне² на первое место среди «целого ряда проблем, еще не до конца решенных и, возможно, вообще неразрешимых», ставит следующий вопрос: была ли грубо вырубленная пещера в скале приготовлена с самого начала для царицы Ти как последнее место успокоения? За это говорит катафалк и другое погребальное убранство, приготовленное для нее, и расположение этой пещеры неподалеку от могилы ее родителей. Против этого говорит убогий вид этой могилы и скудное погребальное убранство. Могла ли великая царская жена самого щедрого из фараонов восемнадцатой династии, Аменхотепа Великого, которая продолжала носить царскую диадему при жизни их сына Эхнатона, быть отправлена в

¹ Winlock, *Materials Used at the Embalming of King Tut-ankh-Amon*, p. 8.

² K. Lange, *König Echnaton und die Amarna-Zeit* (1951).

свое великое путешествие в потусторонний мир с меньшей помпой, чем ее родители и даже ее слуги? Как получилось, что эта самая великая из всех известных цариц Египта оказалась связана с такой нищенской могилой? Почему этой царице предоставили столь убогое захоронение после смерти? Такие вопросы задают историки.

И что случилось с телом? Была ли мумия перенесена в могилу ее мужа, Аменхотепа III? Предполагаемое нахождение тела Эхнатона в той же самой могиле могло стать нежелательным, потому что он был еретиком, и мумию Ти должны были унести от него. Так считали некоторые ученые. Но потом обнаружилось, что это вообще не тело Эхнатона, и рассуждения становились все более замысловатыми и путаными. Мумия Ти не была обнаружена и рядом с мумией ее мужа, Аменхотепа III, в Долине Царей¹; все, что осталось от нее, — это локон волос, обнаруженный в могиле Тутанхамона с древней надписью, указывающей, что он принадлежал именно ей.

Какой был конец этой царицы? При каких неблагоприятных обстоятельствах закончила она свои дни? Почему с ней обошлись, как с парией, когда закрылись ее глаза? Почему мумию унесли даже из этой жалкой могилы, как будто и это место было для нее слишком почетным?

Возможно, греческое предание может дать нам объяснение такой странной ситуации. Иокаста лишила себя жизни: Гомер знал об этом, и соответствующий фрагмент цитировался на предыдущих страницах. Давайте посмотрим, не объясняет ли такой конец Ти многих до сих пор неясных обстоятельств, связанных с ее смертью.

Повсюду в мире, у самых разных народов, самоубийца, если только он не клал свою жизнь на алтарь отечества, лишался почестей, которые положено было воздавать

¹ Мумия Аменхотепа III была найдена в могиле Аменхотепа II, в которую благочестивые жрецы двадцать первой династии перенесли несколько царских мумий, чтобы спасти их от осквернения грабителями могил. По мнению профессора Дерри, однако, мумия, которую определили как мумию Аменхотепа III, ему не принадлежала, а была мумией неизвестного человека более позднего времени.

мертвому. В некоторых общинах самоубийца сжигался за воротами кладбища. В других местах для самоубийцы не проводили похоронного ритуала и на его могиле не ставился крест или какое-либо другое обозначение. Его блуждающего духа боялись. И во всех древних обществах самоубийство рассматривалось как святотатство, если только оно не было религиозным жертвоприношением.

Египтяне, для которых идея жизни после смерти имела исключительное значение, должны были с особым отвращением относиться к вознесению почестей самоубийце. Именно по этой причине могло случиться так, что Ти, если она закончила свои дни, как легендарная Иокаста, не получила почестей, подобающих царице. Мать-жена, которая повесилась, хоть и была царицей и носительницей царской диадемы, лишила себя блаженства загробной жизни. Для нее не могли построить богатого склепа, не могли совершить возлияний на ее могиле ради поддержания ее духа в загробной жизни. Вновь миф способен объяснить то, что для истории осталось загадкой.

Такой могла оказаться тайна конца Ти. Она не удостоилась царского склепа, даже такого склепа, который хоть в чем-то приближался к могилам, вырытым для знатных людей Фив и эль-Амарны; ее просто спрятали. Если она лишила себя жизни, то она совершила тягчайший грех в глазах ее народа, египтян.

Но даже из этого убогого места тело забрали, катафалк, в котором находился ее гроб, был разбит, а надписи сбиты. Для такого кощунства тоже имелась причина. Царица-мать жила в кровосмесительной связи со своим сыном. Имя и изображения ее сына-мужа были соскоблены с золотых пластинок катафалка, а вместо этого чернилами было написано имя ее первого мужа. И это тоже понятно: тело вдовы, которая жила в инцесте с собственным сыном, не могло лежать рядом с телом Аменхотепа III. В эпоху реставрации культа Амона гроб Ти был извлечен из катафалка и унесен в места тайного погребения; о его конечной судьбе ничего не известно.

Таким образом, предание, повествовавшее об истории

Иокасты, может объяснить странные обстоятельства захоронения Ти. История, однако, поправляет легенду: Ти не покончила бы с собой от того, что обнаружила в Эхнатоне своего сына. Она все время об этом знала. Еврипид, в отличие от Софокла, позволил своей Иокасте жить до тех пор, пока не началась трагическая война между двумя ее сыновьями. И она покончила с собой, когда увидела их мертвые тела.

Если Ти действительно покончила с собой, то это должно было произойти в припадке отчаяния. Мучительное сознание греховности собственного поведения может играть определенную роль, хотя истоки ее кровосмесительных отношений с сыном и право на это были, как мы уже показали, заимствованы из этики Митанни. Решающим фактором могло стать смещение Эхнатона с трона или события, которые к этому привели, и роль, которую Аи играл против собственной сестры в союзе с ее дочерью. Депрессия у пожилых людей часто вызывается чувством унижения и даже просто неуважения, в то время как в более молодом возрасте нервное потрясение скорее может случиться, если человек оказывается перед лицом ситуации или задачи, которую он не может разрешить.

Хотя египтяне придавали большое значение загробной жизни и самоубийство было тяжким грехом, скрытая потребность саморазрушения, которая, согласно Фрейдю, всегда присутствует вместе с волей к жизни, как тень освещенного предмета, не была неведома древним почитателям Осириса. В египетской литературе «Спор разочарованного со своей душой» — одно из самых прекрасных и трогательных поэтических произведений. Душа пытается отговорить своего носителя от его намерения и напоминает ему, что им откажут в похоронном ритуале. Но человек отвечает:

Видишь, имя мое ненавистно
И зловонно, как птичий помет
В летний полдень, когда пылает небо...
Кому открыться сегодня?

Алчны сердца,
 На чужое зарится каждый...
 Кому мне открыться сегодня?
 Зло наводнило землю,
 Нет ему ни конца, ни края...
 Мне смерть представляется ныне
 Благовонной миррой,
 Сиденьем в тени паруса, полного ветром.
 Мне смерть представляется ныне
 Лотоса благоуханьем
 Безмятежностью на берегу опьянения...
 Мне смерть представляется ныне
 Домом родным
 После долгих лет заточенья¹.

Хотя даже в восточном мире и кое-где в западном тело самоубийцы хоронилось за пределами освященной земли общего кладбища и считалось, что его дух бродит по ночам, тем не менее повсюду в мире верили, что предмет, оставленный самоубийцей, приносит счастье. Широко распространено поверье, что кусок веревки, на которой повесился человек, притягивает удачу. В могиле Тутанхамона была найдена маленькая коробочка, а в ней локон темных волос. В надписи указано, что этот локон принадлежал царице Ти.

Еврипид заставил Иокасту отрезать свои волосы: «... Я отрезаю свои серебряные кудри, и пусть они падут от горя в море слез...»

«Это был Эдип...»

Теперь, когда выяснено, что мифы фиванского цикла могли возникнуть из исторических событий, происходивших во дворцах Египта, может возникнуть вопрос о некоторых схемах мифологического характера, включенных в историю Эдипа. Он был брошен на произвол судьбы

¹ Лирика Древнего Египта. М., 1965. (Пер. В. Потаповой).

ребенком, или обречен был умереть, или ему угрожал царский указ, как это было у Саргона I, царя Ассирии, Моисея, Иисуса и даже Иуды Искариота¹ и множества других исторических, полуисторических и чисто легендарных персонажей. Вполне могло оказаться, что деталь, связанная с тем, что Эдип ребенком был оставлен в пустынном месте, была лишь мифологическим преобразованием и развитием реального происшествия, случившегося с его историческим прототипом, и результатом зловещего предсказания оракула стала не смерть ребенка, а отправка его в отдаленные земли к родственникам. Однако все это не может быть подтверждено с достаточной точностью. Мотив изгнания ребенка мог быть подлинной историей: он подтверждается постоянными упоминаниями о царе, который выжил, чтобы жить долго. Когда Эдипу предстояло еще раз расстаться с жизнью вследствие разоблачений оракула, вновь вместо смерти последовало изгнание; странник на заре жизни, он оказался вновь странником и на ее закате. «Сыновья и дочери Фив, смотрите: это Эдип, величайший из людей... Смотрите, какой поток несчастий обрушился на его голову»².

Другой легендарный мотив связан с отъездом знаменитого царственного героя на закате своей жизни из дома в изгнание и скитания в сопровождении доброй и сочувствующей дочери. Антигона, которая отправилась со своим отцом в ссылку, отказавшись от надежды иметь дом и семейный очаг, мужа и детей, знаменовала собой прото-

¹ Согласно одной средневековой легенде, изложенной в рукописи тринадцатого века, Иуда Искариот имел судьбу, сходную с судьбой Эдипа. Он родился на острове Кариот (Крит), был оставлен в лодке на морском берегу, спасен, затем он убил своего отца и женился на матери (Constans, *La légende d'Oedipe*, p. 95—103). Если остальные элементы этой легенды носят мифологический характер, то Крит как место рождения Иуды подтверждается его именем: Иш (человек) из Кариота (Крита) — конструкция, обычная для библейского еврейского языка.

² Эдип-царь.

тип дочери другого человека, исключительно знаменитого при жизни, который, приближаясь к окончанию своих дней, отправился в ссылку.

Наш век видел Льва Толстого, который в одну из зимних ночей покинул дом и семью, все, что ему было дорого, и незаметно ушел из своего большого поместья Ясная Поляна в снежную бурю. Преданные ученики русского писателя и моралиста, который учил простоте, но жил с комфортом деревенского помещика, требовали от него, чтобы он подтвердил свою верность идеалу жизни бездомного скитальца, о котором, согласно Евангелию, заботится Бог, как о полевых птицах. Из всех детей в его план была посвящена только Александра, и она последовала за отцом через день после его побега. Затем весь мир узнал об исчезновении Толстого; появились сообщения, что он обнаружен на каком-то полустанке заболевшим пневмонией. Там он и умер, проведя несколько дней в борьбе со смертью, 8 (21) ноября 1910 года и был похоронен в Ясной Поляне без христианского обряда. Когда Толстой находился на смертном одре, Священный Синод России издал указ, чтобы ни одна молитва не прозвучала за здоровье восьмидесятилетнего больного. А когда он умер, православной церкви в России не было позволено проводить ни одной заупокойной службы¹.

Точно так же в нашем столетии Анна была одной из всех детей Зигмунда Фрейда, которая оставалась ему всех ближе в течение всей жизни. Она сопровождала своих отца и мать в ссылку, когда Вена была захвачена нацистами. В течение многих лет Фрейд был болен, перенеся шестнадцать операций по поводу рака челюсти; он героически продолжал работать, встречаться с пациентами и писать книги и статьи, но он был привязан к дому. В 1932 году он написал вполне уверенной рукой: «Я бы хотел путешествовать, и только в Палестину. Но мое положение инвалида позволяет мне вести жизнь только не выходя из дома». Однако в 1938 году он отправился на железнодорожный

¹ London Times, November 18 and 21—23, 1910.

вокзал Вены вместе со своей дочерью Анной и поехал в Англию, где умер несколько месяцев спустя.

Таким образом, легендарный сюжет о знаменитом человеке, которого, как Эдипа, сопровождала в ссылку дочь, стал исторической истиной и неоднократно повторился в нашем веке.

Эти дочери, которые соединяли свою духовную жизнь с жизнью своих отцов, могли быть признаны страдающими от «эдипова комплекса», или привязанности, превосходящей родственную, — такое понятие в психоанализе применяется как по отношению к дочери, так и по отношению к сыну.

Кто бы ни прочел душераздирающие письма, которыми обменивались Галилей и его дочь, монахиня, умирающая от туберкулеза в своей келье, когда ему было запрещено до конца дней покидать Флоренцию и когда он ослеп, он, увидевший впервые горы на Луне, фазы Венеры и спутники Юпитера, или описание отношений между дочерьми Джона Мильтона и поэтом, который в молодости навестил слепого Галилея во Флоренции, а потом сам ослеп и целиком зависел от своих дочерей, посвятив им свой «Потерянный рай» — тот поймет, что Антигона, отправившаяся в ссылку со своим слепым отцом, могла быть не только мифологической героиней.

Учитывая общую обстановку в эль-Амарне, можно считать наиболее вероятным, что ссылку, скитания и унижения отца разделила Бекетатен. Ее презирали как плод его союза с собственной матерью. А если одна из дочерей сопровождала Эхнатона в ссылку, то это не могла быть та же самая дочь, которая похоронила своего погибшего брата и была замурована в горной пещере за то, что это сделала; две роли легендарной Антигоны должны были исполнить две разные дочери Эхнатона.

В пьесе Софокла отнесение этих двух добродетельных деяний (проводы слепого отца и захоронение погибшего брата) к одной и той же героине обусловило излишнее усложнение сюжета. В «Эдипе-царе» действие заканчивается, когда Креонт, не внимая мольбам Эдипа,

лишает его общества дочерей, которых уводит. Но в трагедии «Эдип в Колоне» Антигона находится со своим отцом в период его ссылки и не покидает его до самой смерти. В «Антигоне», действие которой происходит спустя несколько дней после этих событий, нет никаких упоминаний о том, что она в течение многих лет скиталась вместе со своим отцом.

Подобным же образом Антигона Еврипида выступает в двух несовместимых ролях. В заключительной сцене «Финикиянок», когда после гибели двух своих сыновей Эдип готовится отправиться в ссылку, Антигона настаивает, что разделит участь отца в изгнании до самого конца, и в то же время она настаивает, что похоронит своего брата и примет за это смерть. Очевидно, что эти две роли не могут быть исполнены одним и тем же человеком.

Останки умершего Эхнатона так и не были найдены. По всей вероятности, тело изгнанника не было мумифицировано и потому не сохранилось. Если для него была сделана какая-то могила — не исключая безымянной могилы для бродяги — то место его последнего успокоения никому не известно. Мавзолеем, который он соорудил для себя в пустыне близ Ахет-Атона, находясь еще на вершинах власти, никто не воспользовался. Его саркофаг был разбит на куски с мстительной яростью. Странник в земле чужой, или странник в своей стране — он вряд ли мог мечтать о том, чтобы тело его было засыпано песком его родного города.

«Покроют ли они меня фиванским песком?» — терзался Эдип в ту пору, когда еще был на троне. В трагедии Софокла Эдип решил доверить почитание своих останков народу Колона, ибо где бы ни лежало его тело, люди этой земли получают благословение и милость богов. Сознавая ценность собственного тела, Эдип, проклятый при жизни, великодушно решает покоиться в Колоне, благословляя таким образом всю землю Аттики. В этой деревне близ Афин он умер после того, как получил обещание Тезея, который жалел его, не открывать никому местона-

хождение его могилы. Таков финал «Эдипа в Колоне». Эта пьеса, вторая по счету в трилогии, но написанная последней, была сочинена через двадцать два года после того, как Софокл написал «Эдипа-царя», первую по времени, и через тридцать семь лет после написания «Антигоны» — последней части трилогии. Когда Софокл писал «Эдипа в Колоне», он был на пороге собственного девяностолетия и близкой смерти. Хотя он написал примерно сто двадцать пьес, из которых сохранились только семь, любимый герой занимал его воображение до самой смерти. Возможно, он даже чувствовал какое-то сродство между несчастной «игрушкой богов» и собой. Колон Софокл избрал по очевидной причине: эта деревня была местом его рождения. Я думаю также — и обнаружил, что та же самая мысль приходила уже в голову более ранним исследователям, — что обвинение, которое выставил перед судом его сын Иофон, считая отца недееспособным, по свидетельству Цицерона¹, могло послужить эмоциональным толчком для заключительного проклятья, которое Эдип перед смертью обратил на своего старшего сына. Боясь военного поражения, тот явился, чтобы попросить отца благословить его лагерь своим присутствием. То, что в этой последней пьесе Софокл отождествлял себя с Эдипом, можно увидеть и из того факта, что он описал Эдипа очень старым, тогда как в пьесе, служащей продолжением, но написанной гораздо раньше, Креонт, дядя Эдипа, предстает как полный сил человек средних лет, отец юного сына.

Софокл превратил этого изгнанника в источник благословения для той земли, где будут покоиться его останки. Это составляет контраст с древним преданием, в соответствии с которым Эдип не мог найти город, где жители предоставили бы ему место вечного покоя. И даже после смерти его тело переносили с места на место, потому что люди боялись, что проклятье падет на ту землю, которая примет тело несчастного, вознесшегося так высоко и пав-

¹ De Senectute, 22, P. С. Джебб отвергал эту историю как фальшивку.

шего так низко. В конце концов он был упрятан в святилище Деметры, оракул которого сжалился над непогребенным телом и запретил переносить его, возможно, из-за того, что Деметра была богиней-матерью. Эдип и после смерти продолжал свои скитания, подобно Эхнатону, судя по заключению тех, кто обследовал царские могилы эль-Амарны и Фив.

Софокл не оставил Эдипу надежды в этом мире, но дал ему «некую таинственную связь с невидимыми силами». Таким образом, он преобразил проклятье в благословение и сам благословил своего героя-мученика, прежде чем отправить его в Аид.

До сих пор мы обходили одну деталь, то есть продолжительность царствования Эхнатона в сравнении с числом лет, которые провел на троне Эдип. Эхнатон царствовал шестнадцать лет, семнадцатый год оказался последним, о чем свидетельствуют все надписи. «Год 17-й остается последней из засвидетельствованных дат царствования Эхнатона»¹. Однако некоторые исследователи придерживались мнения, что он правил двадцать лет и двадцать первый год был последним².

Что должна была сказать греческая легенда о продолжительности царствования Эхнатона? «Тиресий приходит к царю, чтобы поведать ему тайну, которую он хранил шестнадцать лет»³. Но говорили и о более продолжительном царствовании Эдипа: «Двадцать лет прошло с тех пор. И бедствие обрушивается на город»⁴.

И Эхнатону и Эдипу приписывался срок правления в шестнадцать и в двадцать лет. Возможно, что последняя цифра включает и те годы, когда Эхнатон еще находился

¹ H. W. Fairman in: Frankfort and Pendlebury, *The City of Akhetaten*, Part II (1933), p. 103.

² K. C. Seele, *Journal of Near Eastern Studies*, XIV (1955), 175.

³ Gilbert Murray, *A History of Ancient Greek Literature* (1907), p. 240.

⁴ E. Capps, *From Homer to Theocritus* (1901), p. 226.

в столице, хотя уже не был реальным правителем, а был на положении полуузника во дворце. Дерош-Ноблькур считает, что Эхнатон жил в ссылке в южной части столицы¹.

Что же касается продолжительности царствования его старшего сына, то Саанехт-Полиник правил только один год. И греческая легенда и история в этом пункте совпадают. Хотя последней датой правления Саанехта является год «третий», Рёдер в своей недавней статье о Саанехте утверждает: «Продолжительность его царствования составляла не три календарных года, а чуть больше одного года»². Младший брат не освободил трон, когда положенный ему год истек, и прошли годы, прежде чем старший брат смог вернуться с армией союзников и попытаться вернуть себе корону. Последний год царствования Тутанхамона был восьмым, но возможно, что его отсчет начался с семнадцатого года царствования Эхнатона и не учитывает последних лет Эхнатона и времени правления Саанехта.

Преобладала точка зрения, согласно которой Эхнатон поднялся на трон в возрасте двадцати четырех или двадцати пяти лет, или несколькими годами раньше, и оставил его, когда ему было за сорок³.

Часто также предполагалось, что братья Саанехт и Тутанхамон были сыновьями Ти и Аменхотепа III. При этом также указывалось, что они не могли быть сыновьями Аменхотепа III: Тутанхамон умер в возрасте семнадцати или восемнадцати лет после царствования, продолжавшегося семь лет (если приписать один год царствования Саанехта Тутанхамону) и шестнадцати или семнадцати лет правления Эхнатона. Подобным же образом Саанехт, который умер в возрасте двадцати трех лет одновременно с

¹ Ch. Desroches-Noblecourt in Schaeffer, *Ugaritica III*, p. 194.

² Roeder, «Thronfolger und König Smench-ka-Re», *Zeitschrift für Aegyptische Sprache*, LXXXIII (1958) Heft I, 45.

³ Seele, *Journal of Near Eastern Studies*, XIV (1955). Он считает, что Эхнатон закончил свое царствование в возрасте сорока семи лет, проведя двадцать один год на троне.

Тутанхамоном, должен был быть сыном Эхнатона. Картер писал об этих двух принцах как о сыновьях Эхнатона. Рёдер в своей работе о Саанехте не возражает против признания отцом Саанехта и Тутанхамона Эхнатона¹, соглашаясь с заключением профессора Дерри, анатома. Таким образом, не Аменхотеп III, а Эхнатон был отцом этих двух принцев. А их матерью вполне могла быть Ти.

Царь Аи и «ропот ненависти»

У же в преклонном возрасте Аи стал царем в Фивах. Чтобы занять трон, он должен был сместить юных царей, одного за другим. Сначала был смещен Саанехт путем заговора и временной передачи его прав в пользу брата. Затем Тутанхамона настроили на войну со своим братом-соперником. Ни один человек, которому был дорог семнадцати- или восемнадцатилетний царь, не послал бы его на линию фронта и даже на поединок, но это вполне соответствовало целям Аи.

Права наследования египетских монархов передавались по женской линии. Аменхотеп III порвал с этой традицией, женившись на Ти, которая не имела царских кровей. Однако Аменхотеп III сам был царской крови, в то время как Аи не происходил от бога Ра и не мог претендовать на такое происхождение. Он был озабочен этой проблемой и сумел ее решить. Тутанхамон умер бездетным, после того как его жена родила ему двух недоношенных детей, мумии которых обнаружены в его могиле. Аи, чтобы установить свое право на трон, женился на вдове Тутанхамона, шестнадцатилетней Анхесенпаатен, теперь переименованной в Анхесенамен — своей собственной внучке². Вскоре никто

¹ Roeder. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache* (1958), Heft I, 45, 72, *The Tomb of Tut-ankh-Amen*, III, 18.

² P. E. Newberry, «King Ay, the Successor of Tut-ankh-amun», *Journal of Egyptian Archaeology*, XVIII (1932), 50—52.

больше не слышал об Анхесенамен¹.

У Еврипида Креонт также заявляет свое право на трон не потому, что он был зятем царя, но через дочь Эдипа, которую он планировал выдать замуж за своего сына. Креонт сказал лишенному трона Эдипу: «Этеокл, твой сын, позволил мне править этой землей, утвердив это как часть приданого Гемону, вступающему в брак с твоей дочерью Антигоной». Такое наследование трона по женской линии было египетским обычаем и характерно для восемнадцатой династии.

В то время как Эхнатон, заняв трон, выдвинул лозунг «Живущий в истине», Аи, став царем, именовал себя прозвищем «Поступающий правильно». Такие титулы были довольно необычны для царей Египта. Однако можно понять Аи, избравшего подобный девиз. Подобно Креонту из эдипова цикла, Аи пытался убедить, что он исполняет свой долг перед короной и нацией, устраняя Эхнатона, сажая на трон его сыновей, а затем принимая сторону младшего в его конфликте со старшим.

Жестокость Аи по отношению к Меритатен также диктовалась его желанием помешать появлению некоего другого претендента, который, женившись на вдове Саанехта, старшей дочери Эхнатона, приобретал бы равные и даже большие права на корону, чем он сам. Кроме того, Аи не мог простить Меритатен того, что она выступила против Нефертити, своей матери и его дочери.

Нефертити была его дочерью от раннего брака. Его первая жена умерла, как доказал Олдред и более ранние исследователи, и Нефертити была выращена и воспитана его второй женой. Поэтому у Ти был титул «нянька царицы»², и в незаконченном склепе в Ахет-Атоне она изо-

¹ На основании клинописных документов, найденных в Богазкее в Малой Азии, постоянно высказывалось мнение о том, что овдовевшая Анхесенамен писала царю хеттов, прося его выдать ее замуж за одного из своих сыновей. В заключительном томе «Веков в хаосе» я установлю личность царицы-вдовы, которая именуется на табличках Дахамун и является Дах-хат-амун из последующей династии.

² Weigall, *The Life and Times of Akhnaton*; Aldred, *Journal of Egyptian Archaeology*, XLIII (1957).

бражена рядом со своим мужем перед царской четой и обозначена в надписи как «нянька Царицы».

Вторая жена Аи и позже царица, Ти, имела то же имя, что и царица Ти, сестра Аи. Только для различения их имена записывались по-разному английскими буквами.

У Еврипида сын Креонта говорит своему отцу: «Я пойду к твоей сестре Иокасте, грудью которой я был вскормлен ребенком, когда остался без матери одиноким сиротой...»¹. В истории, как и в легенде, первая жена Креонта — Аи умерла молодой, возможно, при родах².

История подтверждает, что Аи женился на тезке своей сестры, царицы, и что эта вторая жена вскормила и вырастила сироту. В легенде сама царица вынянчила сирот своего брата. Необычность легенды о царице, ставшей нянькой чужих детей, объясняется тем историческим фактом, что царица Ти и жена Аи Ти имели одинаковые имена.

После того как Аи похоронил Тутанхамона, он закончил строительство еще более обширного склепа для самого себя. Могила Тутанхамона первоначально была выстроена для Аи его деверем Аменхотепом III, недалеко от могилы его родителей Иуао и Туа в Долине Царей. Для Тутанхамона, когда он занял трон, могила была приготовлена ближе к могиле Аменхотепа III. Возможно, что она сначала предназначалась для Саанехта, когда он занял трон. Но ни один из братьев не был в ней похоронен. Аи завершил строительство царской могилы для себя. Он намеревался обрести последний приют в этом богатом мавзолее. Стены его царского склепа были украшены цветными изображениями, и Аи приготовил для себя саркофаг столь же роскошный, как тот, в котором он похоронил Тутанхамона. Заброшенный склеп в Ахет-Атоне, еретической столице, так и не был завершен; он стал обиталищем шака-

¹ Еврипид. Финикиянки.

² Олдред в своей статье, упомянутой выше, предполагает, что первая жена Аи умерла при родах, а вторая жена вырастила Нефертити.

лов и сов.

О царствовании Аи известно очень мало. Однако известно, что старый царь, правивший совсем недолго, не закрыл глаза свои в мире. «Возникла анархия. Фивы стали добычей разбойничьих банд, которые устремились к царским могилам»¹. Захватчики с особым удовольствием разрушили могилу Аи, избрав его усыпальницу для окончательного уничтожения. Богатые саркофаги были разбиты на мельчайшие кусочки. Картины и надписи, высеченные на стенах, были уничтожены. Это было не просто ограбление могилы: это был акт насилия и мести.

Пророчество слепого жреца исполнилось. В «Антигоне» он предсказывал, что Креонт тоже будет обесчещен после смерти и выброшен из своей могилы. Состояние склепа Аи показывает, что именно это и произошло в действительности. «Его саркофаг был разбит на куски и, похоже, тело было уничтожено»².

За то, что «отнято у богов подземных», за отказ от погребения обесчещенного и лишенного благословения тела «раздастся скоро, скоро вопль женщин и мужей в доме твоём. Гнев на тебя вздымают города...».

Мы можем представить, кем были эти мстители: это были Эпигоны. В греческом предании семеро против Фив и их армии были отброшены, но через десять лет их сыновья, Эпигоны, вернулись и разграбили Фивы. Откуда пришли эти чужеземные разбойники, сначала призванные на помощь Саанехтом, чтобы отвоевать трон, будет раскрыто в истории периода, последовавшего за падением восемнадцатой династии, в работе, посвященной реконструкции истории.

¹ Breasted, *A History of Egypt*, p. 394.

² G. Steindorff, «Die Grabkammer des Tutanchamun», *Annales du Services des Antiquités de l'Égypte*, XXXVIII (1938), 667.

Проклятье

Во всех местах и во все времена народы заботились о телах своих умерших, но ни в Иудее, ни в Ассирии, Халдее, Греции или Риме не было такого культа мертвых, как в Египте, и не придавалось такого значения заботе о мертвых, проявленной живыми. Вера в загробную жизнь, в которой принимает участие тело, заставляла египтян, даже с самыми скромными возможностями, мумифицировать своих покойников и снабжать их всем необходимым для жизни, включая жилище. Некоторые другие народы, прежде всего карийцы, тоже воздвигали роскошные погребальные помещения и совершали возлияния для покойных, но нигде культ мертвых и жизненная забота о местах их захоронения не представляли такого интереса для царей и простых смертных, как в Египте. Могилы Фив и эль-Амарны с их настенными росписями сохранили свидетельства об этом наиважнейшем в жизни египтян деле.

Со времен древности охотники за сокровищами, искавшие золото, драгоценные камни и утварь, грабили могилы богачей и оскверняли мумии. «Он (бог) предаст их пламенной ярости царя в день его гнева; его диадема-змея извергнет огонь на их головы, поглотит их тело, сожрет их плоть... Они будут утоплены в море, оно укроет их тела. Они не удостоятся похоронного обряда праведных... Их сыновья не займут их места, их жены подвергнутся насилию у них на глазах... Их предадут мечу в день разрушения... они будут голодать, не имея хлеба, и их тела достигнет смерть».

Так писал Аменхотеп, сын Хапу, на стене своего надгробного храма, выстроенного в западной части Фив среди надгробных храмов царей, и он направил свои слова против разрушителей своего храма, движимых или корыстью, или политическими целями. Эхо этих страстных

речей слышится в словах Софокла, вложенных им в уста Тиресия, когда он проклинает Креонта за отказ похоронить погибшего принца.

Египетское происхождение фиванского цикла можно предположить, исходя уже из того факта, что вопрос о похоронах так часто становится основой сюжета. Тема «Эдипа в Колоне» и в равной степени «Антигоны» и «Семерых против Фив» — это вопрос о погребении. Главная забота Эдипа, когда он был царем, состояла в том, чтобы быть похороненным после смерти в Фивах, но после ссылки он не мог вернуться в Фивы, чтобы его останки были преданы земле здесь. У Софокла он настаивал, чтобы его могила была спрятана, а ее местоположение осталось неизвестным для всех, кроме царя Аттики, и это не ново для Египта, цари которого скрывали свои могилы.

За нападение на Фивы с целью отвоевать себе трон Полинику, по указу регента царства, было отказано в погребении, в то время как Этеокл, его соперник, удостоился пышных похорон со всеми ритуалами.

Само по себе это было бы естественно в любой пьесе, греческой или иной¹, но длинный монолог Антигоны, в котором она оплакивает участь своего умершего брата — но не его смерть, — не имеет аналогий во всей греческой литературе.

Это особое внимание к погребению и исключительное значение, которое придается месту вечного покоя, — черта египетская, а не греческая.

«Пещера-могила в скале», принадлежащая Антигоне, вообще не имеет отношения к Греции. Греки иногда кремировали своих усопших или хоронили их в земле, но только в совершенно исключительных случаях они высекали могилу в скалах. Египтяне, однако, и в Фивах, и в эль-Амарне высекали могилы в горах. Такая могила в горной пещере абсолютно чужда грекам.

Разоренная могила Саанехта, лежащего не в собственном гробу; золотые усыпальницы и гробы Тутанхамона; разрушенный и оскверненный склеп Аи; спрятанное тело ма-

¹ См. финальную сцену «Аякса» Софокла.

тери и жены царя; комната смерти молодой и благородной узницы — все эти склепы, могилы и тайники в Долине Царей в Фивах оживают в сетованиях Эдипа в Колоне, в указе Креонта, в погребальных причитаниях Антигоны.

Именно потому, что могила и связанная с ней загробная жизнь имели такое значение для египтянина, мумия и могила, в которую она была заключена, были объектом осквернения и разрушения для врагов умершего. Он мог быть наказан более сильно после смерти, нежели при жизни. Он мог быть превращен в «безымянного изгоя, странствующего неузнанным, не ведающим сочувствия по бескрайнему подземному миру»¹. В этом кроется причина настоящей оргии разрушений в могилах эль-Амарны и Фив. Чтобы защитить могилу от осквернения политическими противниками или охотниками за сокровищами (древние прототипы нынешних взломщиков сейфов), египетские цари и представители знати могли сделать только две вещи: спрятать свои могилы и навлечь на взломщиков проклятье. Древние верили в могущество проклятья, и вера эта столь же долговечна, как вера в благословение.

В наше время эта вера в проклятье никогда не распространялась так широко, как в тот момент, когда лорд Карнарвон умер через пять месяцев после открытия могилы Тутанхамона, до того, как были извлечены внутренняя усыпальница, саркофаг и гробы. Он умер от заражения крови, предположительно последовавшего от укуса москита. Но разнесся слух, что он заразился, когда брал в руки какие-то отравленные предметы или сосуды. Смерть его связывали с защищающими проклятьями на усыпальницах. И дурное знамение о себе напомнило. Артур Вейгелл, который во время открытия этой могилы был главным инспектором по охране памятников старины в Египте, представил такой отчет:

«Во время недавних раскопок, которые привели к открытию могилы Тутанхамона, г-н Говард Картер (совершивший открытие) держал у себя в доме канарейку, которая радовала его по утрам своими песнями. Однако в тот

¹ A. Weigall, *The Life and Times of Akhnaton*, p. 242.

день, когда был расчищен вход в могилу, в его дом проникла кобра, напала на птицу и проглотила ее. Теперь кобры в Египте редки, и их вряд ли можно встретить зимой. Но в древности они считались символом царской власти, и каждый фараон носил этот символ у себя на лбу, словно обозначая свое право поражать и жалить своих врагов». Те, которые верили в знамения, истолковали этот инцидент в том смысле, что дух новоявленного фараона предупреждал вторгшихся. «В конце сезонных работ лорд Карнарвон получил таинственный укус в лицо и умер. Миллионы людей во всем мире задавали себе вопрос, не была ли смерть первооткрывателя этой могилы связана с дурным воздействием, исходившим из нее»¹.

Эти случаи были чистым совпадением, но они кажутся еще более странными теперь, когда мы знаем, что могила была занята последним царем из дома Лая, действительно отмеченного многими проклятьями. Может показаться, что последний акт фиванской трилогии был разыгран только в наше время.

Морские сообщения

Когда незадолго до Троянской войны в Микенах, что на Аргосской равнине, правили цари, между Грецией и Египтом существовали торговые отношения. В Фивах при Аменхотепе III и в эль-Амарне при Эхнатоне было обнаружено большое количество микенских товаров, а в Микенах и в окрестностях Тиринфа при раскопках извлечено множество предметов из Египта эпохи Аменхотепа III². Скарабей, или печать, носящая имя царицы Ти, был найден в Микенах, и было замечено, что именно с этого времени египетские предметы появляются в континентальной Греции. Даже точное воспроизведение украшений на потолках могильных помещений в египетских Фивах было

¹ A. Weigall, *Tutankhamen and Other Essays* (1923), p. 110.

² J. D. A. Pendlebury, *Aegyptiaca, a catalogue of Egyptian objects in the Aegean area* (1930).

обнаружено в могилах Микен и Орхомена¹.

Что касается Фив в Беотии, то «нет никаких исторических сведений о каких-либо сообщениях между (ними) и Египтом. В самом деле, нет другого такого места, где существовала бы меньшая вероятность подобных контактов»². Однако один предмет египетского происхождения в Беотии был обнаружен: это скарабей с выгравированным на нем крылатым сфинксом. «Этот предмет, очевидно, представляет собой «сувенир» какого-то странствующего искателя приключений», — писал И. Д. С. Пендлбери в своем каталоге египетских предметов, обнаруженных в Греции и на островах Эгейского моря. В Аттике несколько предметов были найдены в Афинах. «Только несколько египетских предметов, обнаруженных в Афинах, намного предшествуют по времени нашим представлениям о каких-либо связях». Пендлбери также предположил появление какого-нибудь странствующего авантюриста. Авантюристы-одиночки в Беотии и Аттике, но регулярное сообщение между Микенами и Египтом в это же время — а как далеко от Микен до Афин? Всего пятьдесят пять миль птичьего полета. Если печать царицы Ти достигла Микен, то и ее история достигла их, а также соседних городов.

Как мы уже сказали, город на Ниле был известен грекам под названием Фивы со времен Гомера. Его египетским названием был Но (столица) или Но-Амон. Тогда почему греки называли город в Египте так, как назывался город в Беотии? Или если, предположим, греки сначала называли египетский город этим именем, а позже присвоили его городу в Беотии, то по какой причине они это сделали?

Была ли история царского дома Но в Египте перенесена и связана с Фивами в Беотии из-за сходства названий этих городов? Или один из городов был назван именем другого как место, где разворачивалась реальная история этих событий?

Странствующий авантюрист или бард мог принести эту

¹ Breasted, *A History of Egypt*, p. 388.

² Pendlebury, *Aegyptiaca*, p. 87.

историю в Фивы или в Афины: вовсе необязательно, чтобы эта история сначала была фиванским сказанием, которое позже дошло до Афин¹. Прошло несколько столетий, и великие трагики Афин — Эсхил, Софокл и Еврипид — написали трилогию о царе-кровосмесителе и его доме. Место действия было перенесено в Фивы, в Беотию. Там, однако, не сохранилось ни одного памятника или могилы, которые могли бы свидетельствовать об этой истории. Могло оказаться, что Фивы были избраны местом действия с целью заклеить этот город, который часто конфликтовал с другими греческими городами. Или, возможно, Кадм, основатель этого беотийского города, который явился из Финикии, был современником событий, описанных в этой книге. В другом месте я уже упоминал, что он мог быть царем Никмедом из Угарита, который жил в эпоху переписки эль-Амарны, приспособил клинопись к еврейскому алфавиту, сделал из клинописи алфавитное письмо и вместе с ионийцами был изгнан из этого города ассирийскими завоевателями, после чего бежал морем². Кадм принес в Грецию еврейский алфавит и приспособил его к греческому языку. Царь Никмед имел в качестве жены египетскую принцессу³, и легенда гласит, что Кадм привез с собой жену, по имени Сфинкс⁴. Египетские Фивы были во времена Никмеда самым крупным в мире городом; трагедия в царствующем там семействе не могла остаться тайной или не произвести сильного впечатления в соседней Финикии. И греки, изгнанные из Угарита вместе с Никмедом, основатели Фив Кадма, могли оказаться пер-

¹ «Событием величайшего значения для европейской литературы явилось проникновение легенды об Эдипе и соответствующего культа в Аттику». L. R. Farnell, *Greek Hero Cults and Ideas of Immortality* (1921), p. 333.

² «Века в хаосе» (глава «Конец Угарита»).

³ Ch. Desroches-Noblecourt, in Schaeffer, *Ugaritica III*, 219, n. 2; Schaeffer, in *Syria*, XXXI (1954), 56, Plate 9.

⁴ Pauly-Wissowa, *Real-Encyclopädie*, Second Series, Vol. III, Col. 1724.

выми рассказчиками ужасной истории, которая потрясла Египет и зависимые от него страны. Сохранившаяся трагедия Еврипида о фиванском царском доме называлась «Финикиянки» из-за хора финикийских женщин, который изрекал разоблачения героям пьесы, а также зрителям. С какой стати хор финикиянок в греческой трагедии?

Возможно также, что эта история достигла берегов Греции не только по одному каналу.

В одной фразе Софокл выразился таким образом, будто ему было известно реальное место, где произошли эти события. Говоря о своих сыновьях Полинике и Этеокле, Эдип восклицает: «О, как они обычаям Египта и нравом уподобились и жизнью!» («Эдип в Колоне»). Но следующая фраза сводит на нет это впечатление¹. Однако Софокл дважды упомянул о Фивах как о городе «многочисленных колесниц». Антигона сетует: «О источник Диркейский, о роща знаменитых ристаньями Фив! Призываю вас ныне в свидетели...». Диркейский источник находился в беотийских Фивах. Но эпитет «Фивы многих колесниц» («Антигона») должен был в греческом уме ассоциироваться с египетскими Фивами: у Гомера Ахилл говорит о стовратных Фивах как о городе многочисленных колесниц — по двести у каждых ворот².

У Еврипида одни из ворот, где происходил бой семейных против Фив, названы воротами Огигеса³. Время Огигеса намного предшествовало времени Кадма и основанию города. И ученые считают, что эти ворота, хотя и названные главными из городских ворот, были выдуманы создателем фиванского цикла⁴. С другой стороны, Ахилл называет город в Египте «Фивами Огигеса»⁵. Эти примеры, и

¹ «Мужчины все там по домам сидят и ткани ткут, а женщины из дома уходят пропитанье добывать». Софокл заимствовал эту фразу у Геродота, своего современника.

² «Илиада», IX.

³ «Финикиянки», I.

⁴ Von Wilamowitz in *Hermes*, XXVI (1891), 216—17, 241.

⁵ Эсхил. Персы, 37.

некоторые другие, создают впечатление, что греческие трагики в пятом веке до нашей эры не были полностью несведущими о месте действия реальных событий. Мое впечатление может быть ошибочным, и Софокл и Еврипид могли знать не больше Эсхила о том, где в действительности происходили события. Однако если они об этом не знали, эпическая история, переданная от одного сказителя другому, тот самый источник, из которого черпали трагики, содержала несколько деталей, выдававших тайну страны, где случились эти исторические события.

У. Э. Глэдстоун остался в памяти как знаменитый премьер-министр королевы Виктории, который посвятил свою жизнь политике и дебатам в палате общин, постоянно удерживая руль государственного корабля. Не так хорошо известен, однако, тот факт, что он уделял определенную часть своего времени изучению Гомера, о котором написал несколько томов и читал лекции в Оксфорде даже после того, как перешагнул восьмидесятилетие, так велик был его интерес к Гомеру. В своей книге «Гомеровский синхронизм: исследование времени и места у Гомера» (1876), он развивал концепцию, согласно которой многие легендарные греческие мотивы имеют восточные, в особенности египетские, истоки. Глэдстоун писал: «Я был поражен преобладанием чужеземных персонажей и связей в гомеровской Преисподней из одиннадцатой песни «Одиссеи», заполненной финикийцами и другими людьми неэллинского происхождения, среди которых он также назвал пророка Тиресия у Кадма, в то время как «недавние усопшие эллины, жертвы (Троянской) войны, являются странниками в царстве теней без определенной судьбы или занятия, вряд ли ассимилировавшимися в своем новом пристанище»¹.

Гомер взирал на Египет как на страну учености, в том числе герметической, или тайной и мистической, учености. Он заставил Менелая совершить путешествие в Египет, чтобы узнать о будущем и о существовании Елисейских полей². «Упоминания в его поэмах о египетских Фивах

¹ Р. 213.

² Ibid., р. 233.

доказывают, что они относятся к тому периоду, когда Фивы главенствовали в Египте и были действительно первым городом известного мира». Ахилл, заявляя, что никакие богатства не склонят его исполнить желание Агамемнона, говорил о богатстве Фив в Египте — «города, обладавшего величайшими сокровищами мира». Гомер представил Фивы обладателями двадцати тысяч колесниц, запряженных лошадьми (это больше, чем количество всех такси в пяти округах Нью-Йорка).

Гомер никогда не был в Египте. «Поэт, должно быть, собирал все слухи, доходившие с Востока и Юга, то ли от моряков, то ли от переселенцев, то ли от официальных представителей великой империи и их натурализовавшихся потомков»¹.

Однако Глэдстоун не размышлял в этой связи о фиванском цикле мифов и драме Эдипа; он тщательно исследовал многих мифологических героев, но имена Эдипа, его жены и детей даже не упоминались в его книге. Похоже, что он считал их греками.

Трансформация, которой подверглись эти события, пересекая Средиземное море и приобретая облик мифа, сопровождалась введением нового, чисто эллинского мотива. Греки верили в рок; для них будущее было предначертанным, и если боги назначили судьбу человеку и его дому, ничто не могло изменить ее. Что бы ни делал этот человек, как бы ни старался избежать предсказанного будущего, его рок должен был его найти. Это будущее было известно богам, и оно могло открыться смертным с помощью оракула или медиума, служащего в святилище божества.

Эдип был обречен еще до своего рождения. Что бы ни делали его родители, что бы ни делал он сам, события только придвигали его ближе к жребию, ему предназначенному. Тщетны были мольбы, обращенные к богам, добродетельные поступки или облачение в рубище; обреченный даже не предпринимал этих попыток. «Но ужасна

¹ Ibid., p. 272.

таинственная власть рока; не избавиться от него ни богатством, ни войной, ни городскими стенами, ни темными, рассекающими море кораблями» («Антигона». Хор).

Такой фатализм является преимущественно греческой идеей. Он не вел к благим деяниям, к пересмотру образа жизни и исправлению его. Что мог сделать Эдип и чего мог не сделать, чтобы избежать ужаса, ожидавшего его с того времени, когда он еще не родился? Но все-таки этический мотив исключен не полностью: Лай был обречен быть убитым собственным сыном за то, что впервые принес на греческую землю противоестественную любовь.

Таким образом, присутствует преступление, за которое назначено возмездие, но ни один добрый поступок грешника не может искупить этого преступления. Сын виновного должен страдать за проступок своего отца, не только став отцеубийцей, но также совершив иное преступление, за которое он и его дети будут страдать до конца.

В агонии осужденный восклицает: «Я взываю в ужасе и кричу от отчаяния». Но у богов нет жалости, и у обреченного человека нет другого выбора, как принять то, что ему предназначено. «Для чего юлить, уклоняясь от рока?»¹

Эдип страдал за преступление своего отца, а не свое собственное, и дети Эдипа были также рождены для наказания.

Проклятым семенем он чрево матери своей
Засеял, и року предан его дом,
Кровавый корень.

В судьбе детей Эдипа еще раз подчеркнута моральная связь между преступлением и наказанием. В действительности существуют две связи: принцы убивают друг друга, потому что это часть рока для дома Эдипа, и они страдают из-за проклятья, которое определил для них отец за то, что они его, слепого царя, изгнали из дома и из

¹ Эсхил. «Семеро против Фив».

страны. Таким образом, рок предков был запечатлен на них еще до рождения, но и отцовское проклятье преследовало их за их собственные деяния. Однако первое явилось в какой-то мере причиной второго. Этеокл сказал: «Бог требует от нас исполнения рока».

Сын грешника обречен не только страдать, но совершить свой собственный грех. И если он добродетелен по природе, то совершит такое действие, не ведая, что творит. Греческий герой убил путника, что, кажется, по греческим представлениям, не было преступлением, особенно при том, что его спровоцировали действием и он не знал, кого убил. Он женился на своей матери и не знал, кто она. Представляя этот инцест как преступление, которого не сознают его участники, греческие поэты вновь усиливали драматизм. Для них сама идея рока, которого нельзя избежать, была самым трагическим моментом в развитии событий. Невинность жертв заставляла эллинов более сильно переживать нарастающий ужас неминуемой судьбы, и их сочувствие усиливалось, потому что невинный не замыслил своих преступлений и не создавал, что их совершает. В этом христианское чувство сострадания согласуется с греческим чувством трагического, и истории о невинных мучениках, распятых, замурованных или превращенных в мишени для стрел, занимают важное место в патристике. Современный человек, однако, извлекает гораздо больше удовольствия из истории невинного, который сначала страдает от подозрения в участии в преступлении, а затем оправдан, когда настоящий злодей выслежен и убит или наказан каким-то другим образом, и на этой формуле выросла вся литература о преступлении и его расследовании.

Пророк нашего времени

«Если «Эдип-царь» способен увлечь современного читателя или зрителя не менее сильно, чем он увлекал греков того времени, единственно возможное объяснение состоит в следующем: внутри нас должен быть скрыт зов, который готов воспринять притягивающую силу

рока в «Эдипе»... Его судьба волнует нас только потому, что она может стать нашей собственной, потому что оракул наложил на нас проклятье до нашего рождения. Может быть, всем нам предназначено направлять наши первые сексуальные импульсы на собственных матерей, а наши первые импульсы ненависти и насилия — на отцов. Наши сны убеждают нас, что мы таковы. Царь Эдип, который убил своего отца Лая и женился на своей матери Иокасте — ни больше ни меньше как осуществленное желание — исполнение желания нашего детства»¹.

Так писал Зигмунд Фрейд в одной из своих самых значительных и известных книг «Толкование сновидений». Цитируемый фрагмент, возможно, один из наиболее примечательных в этой книге, и сам Фрейд сделал к нему добавление в последующих изданиях: «Ни одно из открытий в области психоанализа не вызвало такого резкого противодействия, такого яростного неприятия и таких ухищренных критик, как это указание на инцестуальные импульсы детства, которые сохраняются в подсознании».

Если в нашем выводе о том, что легенда об Эдипе возникла из реального опыта фараона Эхнатона и его семьи, заключена истина, тогда Фрейд ошибался, полагая, что не исторический материал, а только общая для всех нас скрытая потребность является источником, из которого возник сюжет древнего мифа. Тем не менее, как указывалось в начале этой главы, воздействие легенды о царе Эдипе на наше воображение может быть объяснено отзвуком, который она пробуждает в темных глубинах сознания очень многих из нас, независимо от того факта, что сам Эдип был зеркальным отражением исторической личности.

Фрейд не сознавал, что два его героя — Эдип из первой книги и Эхнатон из последней² — были одним и тем же лицом. Определив эдипов механизм, или комплекс, в человеке, древнем и современном, Фрейд обнаружил

¹ *The Basic Writings of Sigmund Freud* (Modern Library, 1938), trans. Dr. A. A. Brill, p. 308.

² *Moses and Monotheism*.

способность, которая позволяет ему уничтожить чудовище, спрятанное в нашем подсознании, и таким образом управлять всеми отклонениями. Фрейду было предназначено сделать это открытие, касающееся структуры человеческого характера, в ту пору, когда он еще передвигался на четвереньках. Его мать была молодой, она вторая жена его отца, который в момент рождения Фрейда был уже дедушкой. У Зигмунда был племянник, друг его детских игр, старше, чем он. Его мать была очень сильно к нему привязана, и он сохранял к ней такую же привязанность даже тогда, когда ему было за семьдесят, а ей — за девяносто. Но, как он сам писал, взрослый человек постоянно сохранял любовь к образу матери той поры, когда он сам был ребенком, а она была молода. К своему отцу Зигмунд испытывал противоречивые чувства, ревность и ненависть перевешивали любовь и привязанность. Когда его отец умер, а Фрейду было за сорок, в нем высвободился поток творческой энергии, и он написал «Толкование сновидений». Можно наверняка утверждать, что Фрейд, который открыл решающую роль эдипова комплекса, сам пережил его: познание комплекса почти равноценно избавлению от него. Но что касается Фрейда, это был другой случай, и он сам дал тому доказательства в своей последней книге «Моисей и монотеизм», написанной им в возрасте около восьмидесяти лет и опубликованной вскоре после его смерти. Фрейд попытался доказать, что Моисей был всего лишь учеником Эхнатона, первого монотеиста, а Эхнатон явился «первым и, возможно, наиболее полным воплощением монотеистической религии в истории человечества».

Удивляешься, когда читаешь такую оценку Эхнатона автором «Будущего одной иллюзии», где Фрейд описывал религию — любую религию — как разновидность невроза страха и подавления. Он отказался воспользоваться скальпелем психоанализа в отношении Эхнатона. Он также не смог понять, что почитание солнца не может быть названо монотеизмом. И хотя его истинные мотивы непонятны, вызывает недоумение настойчивость, с которой Фрейд печатал и публиковал в качестве своей последней

книги — почти завещания — развенчание Моисея. Он унизил его, отрицая его оригинальность; одновременно он унизил еврейский народ, не дав им вождя из их собственного племени, поскольку он сделал Моисея египтянином. И, наконец, он унизил еврейского Бога, сделав из Яхве локальное божество, злого духа горы Синай. Накануне окончания своей долгой жизни он должен был нанести удар по еврейскому Богу, развенчать его пророка и восславить египетского отступника как основателя великой религии. Фрейд признавался, что ему пришлось преодолеть внутреннее сопротивление, решившись опубликовать свою книгу «Моисей и монотеизм» в то время, когда Гитлер уже обнаруживал свой план казни, попросту уничтожения народа, к которому принадлежал сам Фрейд. Но он чувствовал себя призванным сделать это, потому что, подобно Эхнатону, был предназначен быть «живущим в истине». Он не мог удержаться, чтобы не сообщить того, что он считал исторической истиной. Это было, по его собственным словам, «наваждение». Эта потребность сама по себе является признаком невроза во фрейдистском смысле, и Эрнест Джоунс в своей трехтомной биографии Фрейда, весьма лестной, не утаил при этом многих невротических черт своего учителя.

В течение многих лет Фрейд не мог преодолеть внутреннего противодействия перед поездкой в Рим, несмотря на сильное и мучительное желание увидеть Вечный город, и он продолжал терзаться этим, когда писал свою книгу о сновидениях. Но когда он, наконец, туда отправился и постоянно возвращался вновь и вновь, его зачаровывал и пугал один образ в этом городе: «Как часто я поднимался по крутой лестнице уродливой улочки Корсо Кавур к уединенному месту, где стоит заброшенная церковь и вновь и вновь пытался выдержать испытующе-гневный взгляд Моисея; иногда я крадучись выбирался из сумрака внутреннего помещения, как будто сам был толпой, не внимающей никакому убеждению, толпой, которая не может ждать и не возымеет доверия и которая радуется, когда ее лишают иллюзий в отношении ее идола»¹.

¹ Freud, *Michelangelo*.

Я не собираюсь превращать эту главу в аналитическое исследование Фрейда. Раньше я имел случай заново изучить сновидения самого Фрейда, рассыпанные среди сновидений его пациентов в книге «Толкование сновидений», и показал, что в то время, когда он писал свою книгу, он еще не преодолел враждебности к своему отцу и боролся с ним, чтобы решить, стоит ли продолжать придерживаться наследственной веры. Это борьба, из которой он вышел победителем только для того, чтобы еще раз подвести ее итог на закате своей жизни¹. Джоунс, его биограф, не согласился со мной, но только в отношении возможности самого аналитического подхода². Он знал Фрейда с 1908 года и был знаком с его подчеркнутой лояльностью по отношению к собственной расе и вере предков, хотя религиозный опыт, «океаническое чувство», как он его называл, был Фрейду неведом. Но Фрейд написал свою книгу десятью годами раньше. И поскольку внутренние колебания от сновидения к сновидению продолжались, он решил в 1898 году, сначала для самого себя, потом для своих детей, остаться в лагере тех, кто несет на себе древнее ярмо и несвободен в социальном и научном искании. Но с каких пор рассудочные заявления и подсознательные импульсы должны рассматриваться аналитиками как идентичные?

Фрейд впервые опубликовал свою работу об Эхнатоне и Моисее в «*Imago*», том же самом журнале, в кото-

¹ «The Dreams Freud Dreamed», *Psychoanalytic Review*, XXVIII (1941), 487—511.

² Ernest Jones, *The Life and Work of Sigmund Freud*, II (1955), 17.

Элен Уолкер Пьюнер в своей биографии Фрейда «*Freud, His Life and His Mind*» (1947), следовала моей интерпретации, видя в неразрешенном Фрейдом конфликте с отцом причину подсознательно амбивалентного отношения к собственному еврейству. Эрих Фромм в своей последней книге «*Sigmund Freud's Mission*» (1959) также построил свою интерпретацию Фрейда на признании нерешенного Фрейдом конфликта.

ром он двадцать пять лет назад напечатал работу Абрахама об Эхнатоне, которая здесь уже цитировалась. Но он не сослался на эту работу и лишь одной строкой упомянул о невротических чертах Эхнатона. Он писал об Эхнатоне так, как будто никогда не читал работы Абрахама или своих собственных работ о религии и монотеизме, словно эти темы лежали за пределами анализа. В психоаналитической теории, однако, Бог есть всего лишь проекция образа отца со свойственными ему атрибутами мудрости и силы.

На основе его предшествующих работ можно было бы ожидать, что Фрейд не только примет в расчет увиденный Абрахамом в Эхнатоне эдипов комплекс, но исследует определенные явления в психическом состоянии Эхнатона. В работе «Тотем и табу», первая часть которой была опубликована вместе с работой Абрахама в журнале «*Imago*», Фрейд исследовал обычай, распространенный у многих примитивных народов по всему миру, не называть умерших их подлинными именами, а давать им другие имена, а также называть живых другими именами из страха вызвать дух умершего. Эхнатон уничтожил имя своего отца и заменил его на монументах другим именем; он также изменил собственное имя. Фрейд смог также осмыслить психоаналитическое значение отмены бога и символический смысл солнца, воплощавшего образ отца в сновидениях¹, и он мог применить к определенным чертам Эхнатона свое глубокое проникновение в механизм паранойи. Это болезнь, при которой мания величия и страх преследования или заговоров являются самыми заметными проявлениями. Фрейд изучал описание случая паранойи, составленное и опубликованное одним выдающимся юристом в начале нашего века². Этот человек страдал манией, считая, что он предназначен принести спасение человеческому роду, что

¹ «...Вот я видел еще сон; вот, солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклоняются мне... и побранил его отец его... Неужели я, и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли?» (Бытие 37: 9—10).

² Freud, *Gesammelte Werke*, VIII (1943).

солнечная энергия поступает к нему из дарящих жизнь лучей, как ни к кому другому — идея, очень близкая той, которую мы видели у Эхнатона. Хорошо известно, что «излучение» и «лучи» играют важную роль во многих историях болезни шизофреников¹. Третьей маниакальной идеей человека, изучавшегося Фрейдом, было грозящее ему превращение и обретение женского тела. Этот человек обратил свою агрессию на самого себя и феминизировал все свое существо. Некоторые исследователи отмечали, что многие статуи Эхнатона имеют женскую форму тела. Считалось, что он побуждал своих скульпторов подчеркивать женские черты при создании его портретов².

Если бы было возможно, чтобы царь Эхнатон преодолел временной барьер и лег на кушетку психоаналитика, анализ на самой ранней стадии выявил бы черты аутизма или нарциссизма, гомосексуальные наклонности со скрытым садизмом, явно выраженные женские черты и сильный непреодоленный эдипов комплекс. Правильное лечение этого подлинного исторического Эдипа должно было начаться не с подавления эдипова комплекса, а в первую очередь с разрушения компонентов нарциссизма его психоневроза.

Когда Фрейд приблизился к Эхнатону, он оставил позади весь свой опыт и все свои психоаналитические приемы. В психоанализе это называется подавлением. То, что в личности Эхнатона и в его поступках было нечто такое, что вызывало глубокую эмоциональную реакцию Фрейда, описано у Джоунса, который случайно оказался в Мюнхене в сентябре 1913 года. Во время «обсуждения очерка Абрахама об Аменхотепе, в котором Абрахам прослеживал появление в египетском царе глубокой ненависти к

¹ «Эти лучи — прообраз всякого рода излучений, которые тревожили параноиков на протяжении столетий». James Strachey, «Preliminary notes upon the problem of Akhenaten», *International Journal of Psycho-Analysis*, XX (1939), 33—42.

² «Эхнатон, кажется, от рождения был наделен необычно выраженными чертами женской конституции». Там же.

собственному отцу, Юнг возразил, что придается слишком большое значение уничтожению Аменхотепом имени своего отца на надписях, где бы они ни встречались. Все подобные стремления к смерти не имели значения в сравнении с величайшим деянием — установлением монотеизма». Фрейд, который обсуждал вместе с Юнгом недавно опубликованную работу Абрахама, внезапно побледнел и рухнул на пол без сознания¹. Об этом эпизоде стоило бы вспомнить, чтобы понять, почему Фрейд подавил все свои психоаналитические познания, когда занялся двадцать пять лет спустя Эхнатоном.

Был ли Фрейд на пороге некоего глубокого озарения «блокирован», как это происходит с некоторыми пациентами психоаналитиков перед тем, как им открывается важная истина? Я не могу здесь углубляться в намерения и скрытые мотивы Фрейда, но я не мог закончить это исследование исторического Эдипа, обойдя молчанием человека, который возвысился в самом обширном из царств — человеческом подсознании.

Конец

Мифологический герой, или его исторический прототип, отмеченный уродством распухших нижних конечностей, живший в детстве в ссылке вдали от своего дома в Фивах; его возвращение после смерти отца в родной дом и царство, которое в течение недолгого времени управлялось царской вдовой; отсутствие в нем почтения к памяти отца, чье имя он уничтожил и чью мемориальную табличку изуродовал; его брак с собственной матерью, с которой он родил детей; его популярность среди подданных и их привязанность к царю, «живущему в истине» и считающемуся мудрым; какое-то бедствие, обрушившееся на царство, которое было сочтено наказанием за греховность царя; слепота царя; его насильственное свержение после шестнадцати лет царствования, тюремное за-

¹ Jones, *The Life and Works of Sigmund Freud*, II, 147.

ключение и ссылка; роль, сыгранная в этой дворцовой революции братом царицы; договор двух юных сыновей сосланного царя править по очереди; отказ более младшего, еще не достигшего двадцатилетия, вернуть трон старшему, когда наступила очередь последнего; поддержка и наущение царствующего принца в связи с этим делом тем же родственником, братом бывшей царицы; следовавшая братоубийственная война, в которой сосланному претенденту помогали чужеземные армии; гибель обоих юных принцев в битве у осажденных Фив; запрет регентом надлежащих похорон павшего претендента и роскошные похороны, устроенные для погибшего принца; тайное захоронение погибшего соперника благочестивой сестрой и следовавшее за этим осквернение могилы; заключение принцессы в могилу-пещеру за совершенный ею акт милосердия; захват короны и скипетра старым регентом; родственником, который на протяжении всего этого времени планировал такой финал; роль оракула, которому приносились человеческие жертвы, и столь же важная роль слепого прорицателя — все эти элементы обнаруживаются как в греческой драме о событиях, происшедших в семивратных Фивах в Беотии, так и в египетской истории, разыгравшейся в стовратных Фивах на Ниле.

Случайные параллели между двумя группами событий могут быть также обнаружены в ситуациях, запечатленных историческими документами и отстоящих далеко во времени. Так, Генрих VIII порвал с католической церковью, подобно тому, как Эхнатон порвал с культом Амона, чтобы заключить запрещенный брак, и установил свою собственную церковь. Борис Годунов, зять царя Федора, сына Ивана Грозного, планировал захват трона, которого он достиг через тело убитого отрока-наследника, что не так уж отличается от Креонта и Аи. Георг III, слепой и пребывающий в глубоком отчаянии, был узником в своем собственном дворце и подвергался жестокому обращению сына, который узурпировал власть. Но в том случае, который мы рассматриваем, нет случайных параллелей. Трагедия трех поколений от начала до конца разыгрывалась и в египетс-

ких Фивах и в фиванской трилогии греков. К предшествующему списку параллельных деталей мы могли бы присоединить еще много других. Мы можем еще раз упомянуть о Лае, извращенце, и об Аменхотепе III, носящем женскую одежду; или о Креонте, чьи дети от первой жены, умершей в родах, были воспитаны Иокастой, в то время как вторая жена Аи вынянчила ребенка его первой жены, умершей молодой, также при родах; или об Эдипе, которого называли «сын Гелиоса (солнца)», как и Эхнатона.

Нет данных о том, что Эхнатон убил своего отца. Однако «уничтожение с помощью молотка имени было настоящим убийством... только имена людей, осужденных на смерть или обесчещенных, сбивались таким образом»¹. А с другой стороны, один выдающийся ученый, Мартин П. Нилссон, предполагает, что отцеубийство могло быть более поздней вставкой в легенду об Эдипе.

Миф отклоняется от истории, давая царю, живущему в инцесте с собственной матерью, неведение их кровного родства. И в данном исследовании было объяснено, каким образом с введением мотива неведения события должны были обрести роковой характер, не будучи зависимы от воли их участников. Таким образом, драма была элинизирована и обрела возвышенность. В некоторых случаях мы можем также понять происхождение имен в греческом мифе: Лай означает бесстыдное женоподобие, Креонт — правителя, Эдип — распухшие ноги, Полиник — воющую сторону.

Теперь мы имеем объяснение отсутствия памятников или могил героев эдиповой легенды в Беотии и отсутствия на этой территории какого-либо культа, связанного с памятью о них в классические времена. Мы также понимаем, почему в греческой легенде имеется жестокое чудовище женского пола, названное Сфинксом, наблюдающее со скалы за входящими в Фивы. Мы знаем также, почему в первоначальной версии легенды у Эдипа была вторая жена,

¹ Lefébure, «La Vertu et la vie du nom en Egypte», quoted by A. Moret, «Revolution of Amenophis IV», p. 49. *Kings and Gods of Egypt* (1912).

кроме матери, и дети от них обеих.

С другой стороны, мы понимаем, почему Эхнатон, поднявшись на трон, не знал о состоянии дел в своем царстве, как о том свидетельствуют письма эль-Амарны; почему он уничтожил имя своего отца на памятниках, но не тронул имен Аменхотепа I и своего собственного, содержащих божественное имя Амон; и почему он был так враждебен к культуре этого бога. Мы также объяснили, по какой причине вдовствующая царица содержала гарем для царя; почему ее красота, очарование и миловидность так превозносились ее сыном Эхнатоном; почему иностранные властители писали Эхнату о «хозяйке твоего дома», подразумевая его мать Ти; каким образом Бекетатен, «дитя царской плоти», могла родиться у Ти более чем через шесть лет после смерти ее мужа; почему Нефертити покинула Эхнатона, а Ти заняла ее место; почему Эхнатон, сначала любимый своими подданными, был позже объявлен преступником и грешником и почему он был лишен трона, а затем отправлен в ссылку; как Ти закончила свою жизнь, почему для нее была приготовлена могила, совершенно не соответствующая ее положению, и почему ее тело было оттуда унесено; и почему Эхнатон не был похоронен в царской могиле, которую он для себя приготовил.

И, наконец, мы узнали, почему царь Саанехт, сын Эхнатона, процарствовав примерно год, был смещен на троне Тутанхамоном, своим младшим братом; на какой войне сражался Тутанхамон, как это изображено на панели в его могиле; почему оба брата умерли такими молодыми; почему Саанехт был похоронен тайно и почему некоторые царские регалии, но не корона и скипетр, были помещены в его могилу; почему Тутанхамон, монарх, не достигший двадцатилетия, удостоился похоронного обряда невиданного великолепия; почему его преемник, Аи, изобразил самого себя как распорядителя этих похорон в могиле молодого царя; что сделало Аи столь могущественным, что он смог достичь ранга фараона; кем был узник, замурованный в могиле-пещере в Долине Царей; почему и кем имена Аменхотепа III, Эхнатона и Саанехта были уничтожены или

изменены на памятниках и почему была уничтожена могила Аи.

Такова была их жизнь. Такова была судьба их тел в могилах. Такова была также их последующая жизнь в греческих трагедиях, которые пронесли через столетия историю их рока. Такова, наконец, их история, раскрытая одним современным автором. Он не будет проклят «крылатой женщиной» за неправильный ответ и не получит царства за правильное решение.

Женщина-сфинкс была оракулом, и ей было предназначено отвечать на вопросы, а не задавать их. Верно, однако, что ответы оракулов часто давались в форме загадки, что требовало толкования, обычно выполняемого жрецами, служившими оракулу. В легенде об Эдипе, однако, он шел прямо от дельфийского оракула, когда был остановлен Сфинксом, предложившим ему разгадать загадку о создании с меняющимся количеством ног. Было замечено, что ответ, который дал Эдип, был на уровне школьника и что чудовище должно было быть слабоумным, чтобы броситься со скалы, его услышав. И почему крылатый сфинкс должен был погибнуть в прыжке? Бесконечное число авторов пыталось решить проблему Сфинкса разными путями, начиная с того, для чего введен этот персонаж. Они шли разными путями от «сексуального любопытства ребенка» (Фрейд) до интересной догадки, высказанной У. Б. Кристенсеном о том, что египетская идея вечно возрождающегося солнца — это и есть ответ: утреннее солнце иероглифически изображалось как диск с фигуркой ребенка (правда, не на четвереньках), а вечернее солнце — как диск с фигурой человека, опирающегося на палку.

Мне не кажется, что каждый вопрос нуждается в ответе или может его иметь. Вместо этого я вопрошал Сфинкса на скале, в каком направлении идти. Но если бы мне, к несчастью, пришлось стоять перед Сфинксом с угрозой никогда не войти в Фивы, я бы ответил на его загадку: «Это Эдип».

Вопросы и ответы оракула относятся к человеку, ко-

торый стоит перед ним. Эдип был унесен, беспомощным младенцем с проколотыми ногами, чтобы ползать по пустыне; он вырос, чтобы стать мужчиной и героем; кончил он слепым изгнанником — «он направит путь свой на чужбину, нащупывая землю перед собой посохом»¹. И я бы добавил: «Он был царем в стовратных Фивах».

«Человек» — это, однако, правильный ответ не на загадку, заданную Сфинксом, а на загадку самого Сфинкса с его телом животного, человеческой головой и крыльями — существа животного, человеческого и небесного: человек — это все вместе, и исторический Эдип был наделен этими тремя природами в самой высшей степени.

Много есть чудес на свете,

Человек — их всех чудесней...

Землю, древнюю богиню...

Год за годом мучит он...

Мысли его — они ветра быстрее;

Речи своей научился он сам;

Но лишь почует он близость Аида,

Как понапрасну на помощь зовет².

¹ «Эдип-царь».

² «Антигона». Хор. (Пер. С. Шервинского и Н. Познякова).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕКА В ХАОСЕ

Предисловие.....	5
Посвящение.....	9
Благодарности.....	9
Вступление.....	11
Глава I. В поисках связи между египетской и израильской историей.....	15
<i>Две земли и их прошлое. Что собой представляет историческое время Исхода? Бедствия и знамения. Переворот. Египетский свидетель подтверждает «казни». Последняя ночь перед Исходом. «Первенец» или «избранный»? Мятеж и бегство. Гиксосы завоевывают Египет. Пи-Гахироф. Папирус Эрмитажа. Два вопроса.</i>	
Глава II. Гиксосы.....	77
<i>Кем были гиксосы? Израильтяне встречают гиксосов. Катастрофа в Аравии. Арабские предания о фараонах амаликитян. Гиксосы в Египте. Malakhei-Roim — Царь пастухов. Палестина во времена владычества гиксосов. Продолжительность эпохи гиксосов. Изгнание гиксосов в египетских и еврейских памятниках.</i>	

Гиксосы отступают в Идумею. Царица Тахпенеса. Местоположение Авариса. Сопоставление гиксосов и амаликитян. Путаница между гиксосами и израильтянами и начало антисемитизма. Мировая история с точки зрения равновесия.

Глава III. Царица Савская.....133

Два монарха. Откуда явилась царица Савская? Куда ездила царица Хатшепсут? Путь от Фив в Иерусалим. Парух встретил посла царицы. Хатшепсут направила экспедицию в Божественную землю. Великолепие Божественной земли. «Желание царицы Савской». Корабли прибывают в Фивы. Террасы красного дерева. Скопированный храм и его службы. Происхождение слов «Pontifex» и «Punt». Маке-да и Маке-ра. Посетила ли Хатшепсут землю царицы Савской?

Глава IV. Храм в Иерусалиме.....179

Тутмос III готовит разрушение империи Соломона. Тутмос III вторгается в Палестину. Кадеш в Иудее. Сосуды и убранство соломонова Храма. Зоологические и ботанические коллекции из Палестины. Генуват, царь Идумеи. Принцесса Ано. «Поразительная цивилизация». Земля Бога и Рутен. Сосенк (Шошенк). Выводы.

Глава V. Рас-Шамра.....219

Летоисчисление минойской и микенской культур. Захоронения. Греческие элементы в надписях Рас-Шамры. Еврейские

элементы. Два города и две эпохи в сравнении. Библиестика и документы Рас-Шамры. Троглодиты или карийцы? Карийский язык. Аменхотеп II. Поэма Керета. Конец Угарита. Запоздалое эхо.

Глава VI. Письма эль-Амарны.....273

Письма эль-Амарны и когда они были написаны. Иерусалим, Самария и Изреель. Пять царей. Письма военачальников Иосафата. Адайя, наместник. Князья городов. Амон, управитель Самарии. Первая осада Самарии царем Дамаска. Пленение и освобождение царя Дамаска царем Самарии. Корабли, вожди или легионы? Царь Самарии ищет союзника против царя Дамаска. Ахав или Иорам: две версии Библии.

Глава VII. Письма эль-Амарны (продолжение)...319

Голод. Восстание Месы. «Великий гнев»: реконструкция неясных и отсутствующих фрагментов обелиска Месы. Арза, придворный. Иерусалим в опасности. Письма эль-Амарны (продолжение). Восстание содомитов. Вторая осада Самарии. Нееман, военачальник сирийский. Письма «богатой женщины из Сонома». Царь Дамаска составляет заговор против царя Самарии. Царь Дамаска убит во время болезни. Азаил, «пес», сжигает крепости Израиля. Последние письма Ахава.

Глава VIII. Письма эль-Амарны (заключение)...363

Иаримута. Самария (Сумур) при олигар-

хах. «Царский город» Сумур. Салманассар III изгоняет царя Никмеда. Салманассару III противостоит сирийская коалиция во главе с Биридри (Биридиа), наместником Мегиддо. Салманассар III вторгается в землю Амуру и встречает противодействие царя Дамаска. Финикийцы уходят на новое место жительства. Кем был устрашающий «царь Хатти» из писем эль-Амарны? Идиомы в письмах эль-Амарны. Эпоха слоновой кости.

Выводы.....	397
На полпути.....	400

ЭДИП И ЭХНАТОН

Предисловие.....	409
Благодарности.....	412
Часть I.....	413
<i>Легенда.....</i>	<i>414</i>
<i>Сфинкс.....</i>	<i>426</i>
<i>Семивратные Фивы и стовратные Фивы....</i>	<i>432</i>
<i>Аменхотеп III и Ти.....</i>	<i>438</i>
<i>Чужак на троне.....</i>	<i>446</i>
<i>«Царь, живущий в истине».....</i>	<i>457</i>
<i>Город Солнца.....</i>	<i>467</i>
<i>Брат царицы.....</i>	<i>474</i>
<i>Мать и жена царя.....</i>	<i>480</i>
<i>Инцест.....</i>	<i>491</i>

<i>Нефертити</i>	497
<i>Свергнутый царь</i>	502
<i>Слепой пророк</i>	507
<i>Слепой царь</i>	512

Часть II	521
« <i>Вид целомудренной стыдливости</i> ».....	522
« <i>Увенчанный почестями</i> ».....	530
« <i>Могила в скале</i> ».....	542
« <i>Одна сестра над гробом брата</i> ».....	552
<i>Конец Ти</i>	559
« <i>Это был Эдип...</i> ».....	564
<i>Царь Аи и «ропот ненависти»</i>	572
<i>Проклятье</i>	577
<i>Морские сообщения</i>	580
<i>Пророк нашего времени</i>	587
Конец	595

И. Великовский

ЭДИП И ЭЖНАТОН

Обложка: С. Царев
Оформление: Н. Любанова
Оригинал-макет: В. Микизиль
Корректоры: О. Мелованова, В. Югобашьян
Лицензия ЛР № 062308 от 24 февраля 1993 г.

Сдано в набор 20.05.96 г. Подписано в печать 30.06.96 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура "Школьная"
Печать высокая. Усл. печ. л. 39,4. Тираж 10000 экз.
Заказ № 183.

Издательство "Феникс"
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АО "Книга"
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.